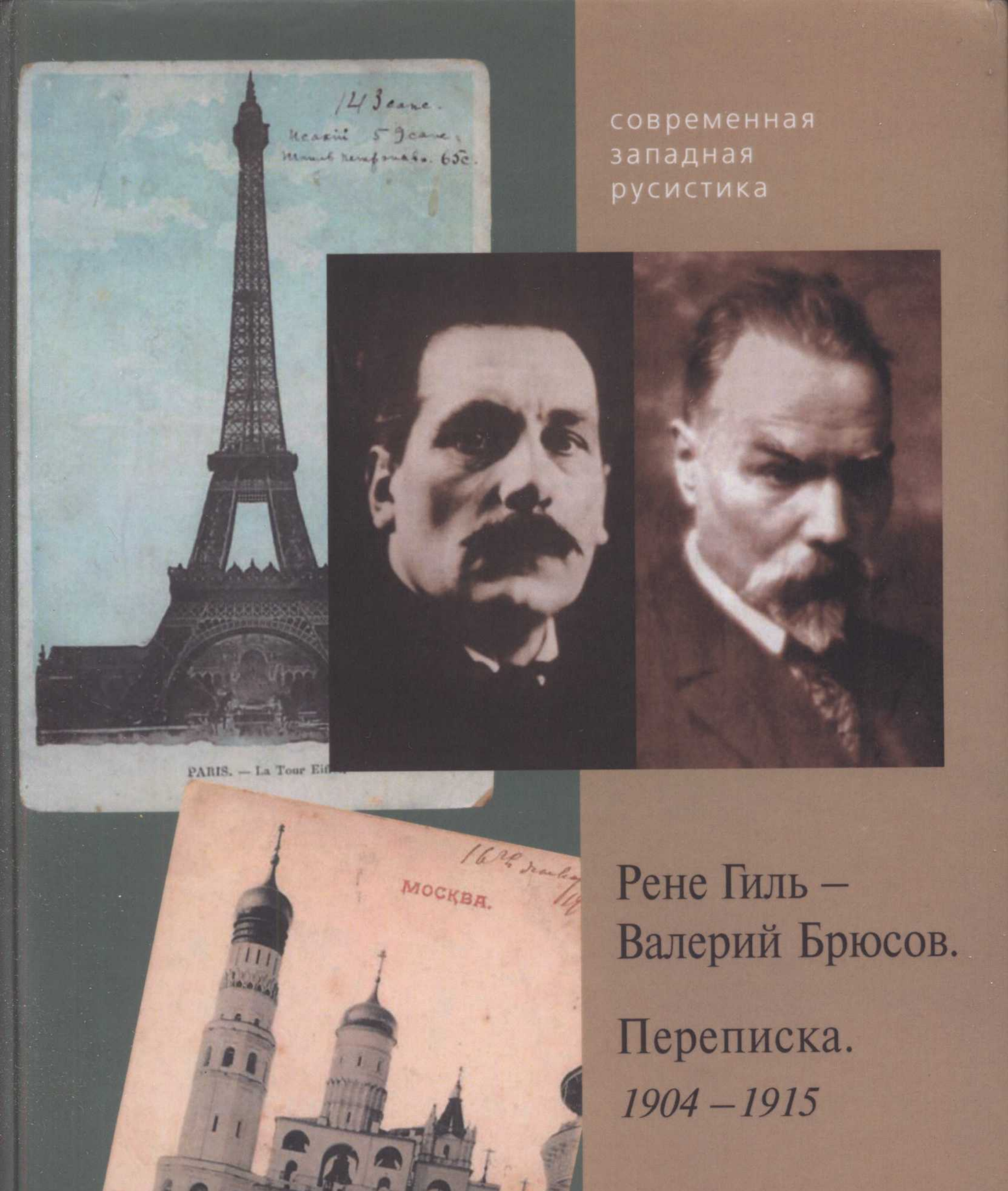

современная
западная
русистика

Рене Гиль – Валерий Брюсов.

Переписка.

1904 – 1915

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА

RENÉ GHIL — VALÈRE BRUSSOV

CORRESPONDANCE

1904—1915

ACADEMIC PROJECT
SANKT-PETERSBURG
2005

РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ПЕРЕПИСКА

1904—1915

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005

Публикация, вступительная статья и комментарии Р. Дубровкина
Подготовка французского текста — Паскаль-Изабель Мюллер
Перевод писем Рене Гиля — Ирис Григорьевой (письма №№ 1—20)
и Р. Дубровкина (№№ 21—104).
Перевод писем Брюсова — И. М. Брюсовой, кроме писем № 2 и 7 (перевод
Ирис Григорьевой)
и писем № 25 и 75 (перевод Р. Дубровкина).
Перевод писем других корреспондентов
(№№ 105—108) — Е. Смагиной-Варон

Научный редактор А. В. Лавров

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

ISBN 5-7331-0300-0

РЕНЕ ГИЛЬ И ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Хроника одной переписки

— Кто этот человек?
— Рене Гиль.
— Да? Любопытно. С виду не скажешь[1].

Глава I. «Я зачитался. Я читал давно...»[2]

Вступая в переписку с французским поэтом Рене Гилем (наст. фамилия — Гильбер, 1862—1925) или, точнее, отвечая в феврале 1904 года на его строго официальное письмо, Валерий Брюсов был, бесспорно, осведомлен о существовании этого диссидента символистской школы, хотя едва ли мог назвать себя адептом «научной поэзии»:

«Ce n'est pas sans une joie enfantine que j'ai reçu votre lettre. Je vous connais depuis 1891, où j'ai lu pour la première fois *Traité du Verbe*. J'avais alors 18 ans et j'étais tout sous l'enchantement de la poésie française. C'est vous, Verlaine, Mallarmé et Maeterlinck que je reconnais mes maîtres, c'est vous qui m'avez appris l'art, autant qu'un poète l'apprend à un autre»[3].

[«Не без детской радости получил я Ваше письмо. Я знаком с Вами с 1891 года, когда впервые прочитал "Трактат о Слове". Мне было тогда 18 лет и я целиком находился под очарованием французской поэзии. Вас, Верлена, Малларме и Метерлинка я признаю своими учителями. Вы научили меня искусству в той мере, в какой один поэт может научить другого»][4].

Ссылка на столь давнее знакомство с литературным манифестом Гиля принадлежала, как это следует из других более надежных источников, к фантастическому миру, миру брюсовской юности, когда ему, вчерашнему гимназисту, приходилось выстраивать ложные генеалогии и апеллировать к корифеям, в России мало кем почитаемым, — Бодлеру, Верлену, Малларме, Рембо[5]. Имени его нового корреспондента в этом списке не значилось, да и значиться не могло. Найти в Париже его трактат Брюсов просил М. Волошина сразу после первого гилевского письма, сетуя на то, что это издание было когда-то у него в библиотеке, «но по российскому обыкновению его "зачитали"»[6].

Известно, что живший в Париже Волошин искал по заданию Брюсова не столько французские книги, сколько французских сотрудников, чья помощь была необходима для реализации амбициозного проекта — создания журнала «Весы», первого в России литературно-критического органа нового типа, европейского по диапазону и модернистского по содержанию.

«Внешними образцами ["Весы"] избирают такие издания, как английский Athenaeum, французский Mercure de France, немецкое Literarische Echo, итальянский Marzocco»[7], — писал Брюсов в обращении к читателям, помещенном в первой книжке журнала, получившейся, увы, еще очень далекой от «хотения»[8]. Несмотря на то, что свои статьи в номер дали практически все ведущие сотрудники издательства «Скорпион» — А. Белый, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, — подавляющее число материалов — около двадцати! — было написано здесь самим Брюсовым, а иностранный отдел был представлен единственной публикацией — «Письмом из Берлина» Максимилиана Шика.

Нечто подобное, хотя и в иной плоскости, уже происходило с Брюсовым во время его скандальных литературных дебютов, когда в тонких ежегодных тетрадках «Русские символисты» (1894—1895) он имитировал авторский коллектив, печатаясь под различными псевдонимами. Теперь же в ежемесячном органе «в 80 страниц»[9] такая мистификация была не только невозможна физически, но и не входила в планы редакции, надеющейся на привлечение сотрудников «из Германии, из Англии, из Италии, из Норвегии, из Дании, из Чехии, из Голландии, из Калькутты...»[10]. Прародительницей мирового декадентства была, тем не менее, Франция, и Брюсов очень рассчитывал на установление контактов с писателями именно этой страны, наиболее близкой его литературоведческим и переводческим пристрастиям.

К началу XX века «отцы-основатели» французского символизма успели, однако, уйти из жизни, а их наследники (ровесники Брюсова), находясь на перепутье, начали увлеченные, но не слишком успешные поиски альтернативных решений, создавая все более эфемерные школы и изобретая все более колоритные «измы». Регулярно просматривая парижскую периодику, Брюсов отдавал себе отчет в происходящем и потому скромно рассчитывал подобрать команду иностранных сотрудников, чьи амбиции не простирались бы дальше намерения «оценивать художественные создания»[11] — информировать, просвещать, создавать читательскую аудиторию. И тут случай в лице Волошина и его литературной наставницы А. В. Гольштейн[12] вывел из небытия человека, о встрече с которым Брюсов как будто мечтал всю свою предшествующую жизнь.

Всё в этих новых отношениях казалось Брюсову почетным и перспективным. Ему пришлись по душе научно-поэтические декларации о выходе из символистского лабиринта, но особенно импонировал ему тезис о том, что в настоящий момент «новаторское движение перемещается [из Франции] в другие страны» [«le mouvement renovateur passe chez les autres peuples»], прежде всего в Россию, где рядом с редактором «Весов» творили «по-настоящему могучие, обновляющие таланты» [«des talents novateurs et vraiment forts»][13].

Более того, новонайденный сотрудник «Весов» соединял в себе все качества, обрести которые надеялся сам Брюсов. Во-первых, он был «учителем», теоретиком и — пусть единственным — практиком собственного течения в литературе. Учителем, правда, не столь мощным и обаятельным, как Эмиль Верхарн, «встреченный» некоторое время спустя также по переписке, но Верхарн, в свои пятьдесят лет (мы имеем в виду поколения, а не точный возраст), казался тридцатилетнему Брюсову патриархом, а сорокалетний Гиль был умудренным сверстником,

собеседником. Во-вторых, для организации «Весов» Брюсову нужны были в прямом значении этого слова сподвижники, преданные делу работники. Это необычное сочетание в одном человеке поэта-творца и толкового исполнителя, поставляющего без задержки нужное количество журнальных строк, Брюсов и отыскал в своем парижском корреспонденте. Через много лет близко знавший обоих К. Бальмонт так подведет итог этим взаимоотношениям:

«Русская литературная молодежь последнего десятилетия XIX века и первых годов XX образовала дружину, достаточно нападательную — и достаточно трудолюбивую, чтоб обеспечить жатву обильную. Указать имена необходимо. Это была триада: отличный языковед, Сергей Поляков, — крупный поэт, мой друг и мой брат-соперник, Валерий Брюсов, — и я. Мы создали книгоиздательство “Скорпион” и воинствующий журнал “Весы”. Обладая некоторыми умственными качествами общими с Ренэ Гилем, Валерий Брюсов сумел оценить его во всей полноте, он ввел в свое поэтическое творчество немало творческих элементов Великого Мастера и, осуществляя свой повелительный нрав, он заставил читателей “Весов” знать Ренэ Гиля хорошо»[14].

Глава II. «Самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества»[15]

Об увлечении Брюсова «научной поэзией», увлечении искреннем, охватывающем всю зрелую пору его напряженного труда, советские биографы предпочитали если не молчать, то по меньшей мере упоминать вскользь. Даже в капитальной монографии Д. Максимова «Поэзия Валерия Брюсова» (1940) этой дисциплине уделено предельно мало места и причем только в предисловии:

«Таким образом, новое понимание искусства, формируясь в творческом сознании Брюсова издавна и постепенно, выявилось с полной определенностью к началу 10-х годов. Ранее он считал личность и переживания художника едва ли не единственной реальностью, достойной внимания современного искусства, теперь назначением художественного творчества явилось для него познание действительности в широком смысле слова. Даже в начале нового столетия Брюсов отзывался о научном познании более чем скептически, теперь он реабилитирует науку, ставя ее в один ряд с искусством. В 1910 году, приветствуя теорию “научной поэзии” Рене Гиля, он соглашался с ним в том, что “между наукой и искусством различие только в тех методах, какими они пользуются”. У науки — метод аналитический, у искусства — синтетический. Конечная цель обоих — познание мира (“Литературная жизнь Франции. Научная поэзия”)»[16].

Чем продиктована подобная лапидарность? Чем объяснить небрежность в датировке основополагающей статьи Брюсова, вышедшей в действительности годом раньше? Нежеланием обсуждать надоевшую тему? Нелюбовью к теориям, идущим впереди практики? Или опасением дискредитировать доброе имя заслуженного поэта?

Даже люди, откровенно не одобрявшие этой «слабости» Брюсова, обходились при столкновении с проблемой несколькими словами: «Мечта о создании “вполне научной поэзии”, — резюмировал К. В. Мочульский, — уже давно пре-

следовала рационалиста Брюсова. Диалектический материализм эпохи окончательно утвердил его в этой убийственной затее»[17].

Невнимание к столь серьезному предмету кажется особенно странным, если учесть, что воплощению идеалов «научной поэзии» Брюсов посвятил ощутимую часть своего позднего творчества. Надежда на ее реализацию подтолкнула его к созданию по меньшей мере двух стихотворных сборников («Дали» 1922 г. и «Меа» 1924 г.), к чтению многолюдных лекций («Театр будущего»), к выступлениям в «Литературно-художественном кружке» и т. д. Не соглашаясь, что «термины из математики, астрономии, биологии, истории и других наук» могут быть запретны для поэзии, Брюсов не просто годами мечтал о «читателе с таким же», как у него, «миросозерцанием»[18], но и приложил немало усилий к его воспитанию.

Недооцененная биографами, тяга Брюсова к реформированию поэзии под знаком науки стала, напротив, необычайно модной темой в среде литературоведов-техницистов, с гордостью отзывавшихся о его энциклопедическом образовании, восхищавшихся тем, как полно он «знал историю, географию, астрономию, археологию, математику», как «пристально интересовался новейшими открытиями науки и техники»[19]. В его «научных» стихах, противопоставляя их «эклектическому набору идеалистических воззрений, которые условно можно назвать философией русского символизма»[20], эти исследователи прочитывали то пророчества «о покорении советским человеком космоса»[21], то «раздумья о строении вселенной», то мечты «о полете на другие планеты»[22], то склонность к материалистической философии — к трудам Маркса, Энгельса, Ленина.

При этом указывалось, что идея «первого сциентиста Рене Гиля, сумевшего приобрести отдельных последователей чуть ли не во всех странах земного шара»[23], представлялась многообещающей не только Брюсову, но и нескольким поколениям советских поэтов, озабоченных невиданным прежде желанием воссоздать на современной основе синкретическое мышление, доставшееся нам в наследство от античных философов.

В сфере журнальной критики соединение «творческой интуиции научного поэта» с неким «синтезом» уже в конце 1920-х годов всерьез выдвигалось в качестве базы для разбора новых стихотворных сборников, от которых рецензенты считали себя «вправе требовать, чтобы это повторение данных науки не было беспомощным поэтически, чтобы перед нами находились не только сухие слова учебника, но и полное поэтическое оформление их с помощью образа, ритма и т. д. Мыслимо и существование голо-рассудочной поэзии, — соглашались они, — но в таком случае мы потребуем от поэта чрезвычайно глубоких мыслей, особенно широких взглядов и, опять-таки, пусть и односторонней, но все-таки передовой поэтической техники»[24].

«Поэзия мысли», противопоставляемая обыденной «поэзии чувств», обретала таким образом очертания эталона с четко зафиксированными, якобы экспериментально выверенными параметрами. Что же до воплощения искомого идеала в конкретных произведениях, то здесь приоритет и авторитет Брюсова утрачивали свою непреложность. Даже те критики, которые восхищались начитанностью поэта, отказывались закрепить за ним звание творца научной поэзии в том виде, в каком ее пропагандировал сам поэт. «Дорога, избранная Брюсовым, была оши-

бочной...»[25], — подытоживал знаток брюсовского творчества, провоцируя многолетние дебаты о том, какую поэзию надлежит считать законной наследницей Гесиода, Лукреция Кара, Вергилия, Джордано Бруно и Ломоносова, — дебаты, приведшие, тем не менее, к утешительному заключению, что даже откровенно слабые строки «научных» стихов Брюсова могут быть поучительны для поэтов, если взять на вооружение «дифференцированный подход к произведениям научной поэзии», полной внутренних «противоречий», и дать ей «новое определение»[26].

Несмотря на некоторые принципиальные расхождения, был в этой дискуссии один аспект, относительно которого практически все ее российские участники выражали единодушие. Речь идет об отсутствии у советской «научной поэзии» зарубежных предшественников или, точнее, о свободе русской «научной поэзии» от французских влияний. Еще в 1929 году И. Поступальский, переводчик стихов Гиля на русский язык, опубликовал «информационную» статью «К вопросу о научной поэзии», приступая к которой четко определил: «В этой статье я оставляю в стороне исследование “сциентизма” как литературной школы, которую во Франции пытался создать Рене Гиль. Откажусь и от рассмотрения научных мотивов у других иностранных поэтов. Меня интересует проблема научной поэзии в нынешней России — стране, по диалектике истории ставшей отправным пунктом социалистической культуры, стране, в которой возможно до конца довести дело, неудавшееся в других странах с их мало способствующим росту истинного прогресса социальным устройством»[27].

В своих попытках обособить советскую «научную» поэзию от иностранной Поступальский отнюдь не преуменьшает заслуг Рене Гиля, а в чем-то даже возвеличивает его, выставляя французского поэта «идеологом передовой части научно-технической интеллигенции», «в своих антропологических циклах порою совпадавши[м] с Энгельсом»[28]. Исконная ущербность буржуазной среды не позволила ему, однако, «по-новому» подойти «к задачам научной поэзии»[29]. Столь решительный шаг был сделан Брюсовым в сборнике «Все напевы» (1909), где «сочувственное» обращение к «научной поэзии Ренэ Гиля и его школы»[30] было оправдано объективной реальностью — поворотом нового поколения русских поэтов к философской лирике. «В 1910 г., — аргументировал Поступальский, — появились, например, “Звездные песни” шлиссельбуржца Н. Морозова. Слабые, но сциентические по устремлениям стихи писал Б. Гуревич (в 191[2] г. издавший “Вечно человеческое”). На очереди было появление “Дикой порфиры” М. Зенкевича, акмеиста и научного поэта. И даже Н. Гумилев, не проявлявший никакого интереса к идеям Гиля, находил какие-то новые мотивы, менее всего упадочные»[31].

Ссылка на Гумилева представляется нам в данном контексте особенно неожиданной, поскольку именно этот поэт, посещавший когда-то Рене Гиля в Париже[32], не пожалел черной краски для «книги космической поэзии» упомянутого Бориса Гуревича, подчеркнув, что за тягой к возрождению «сциенцизма» стоит особого рода «невежество — невежество ученое», «только вульгаризация идей Ренэ Гиля, уже доказавших свою несостоятельность»[33].

Публикации Поступальского ознаменовали окончание собственно брюсовского этапа освоения сциентизма в России. В последующие годы упоминания Рене Гиля и его главного жизненного дела надолго исчезают из советской печа-

ти, чтобы вновь возникнуть в начале 1960-х годов на волне интереса к научной фантастике, подхлестнутого, не в последнюю очередь, спорами между «физиками» и «лириками». Это повторное увлечение порождает целую серию однотипных статей, авторы которых пытаются как бы заново разобраться в необходимости и возможности реализации этого внутренне противоречивого явления, а заодно и выявить вклад каждого из его участников.

«Один [...] перечень работ Брюсова показывает глубину его интереса к проблемам создания русской научной поэзии двадцатого века, — писали в те годы. — Интерес этот иной раз безоговорочно объясняется одним влиянием Рене Гиля, поэта куда менее значительного по сравнению с Брюсовым. На деле Брюсов воздает должное более древним традициям, теряющимся в дали времен»[34].

Но и в этих публикациях, несмотря на их многочисленность, чувствовалась определенная недосказанность. Справедливо утверждая, что стихи Гиля «даже на его родине, во Франции, доставляют удовольствие лишь юным авторам дипломных работ и диссертаций»[35], ни один из исследователей не удосужился обратиться непосредственно к объекту критики, к творчеству самопровозглашенного основоположника сциентизма, к высказываниям современников о его роли в становлении французской поэзии. В какой-то мере это было понятно: неудобочитаемость гилевского «Творения» возводит перед иностранцем лингвистическую преграду, одолеть которую трудно даже уму, изначально убежденному в гениальности текста.

О намеренной «стилистической и лексической какофонии»[36], в качестве определяющего принципа брюсовских стихов с «научным содержанием», начал в 1960-е годы писать (на этот раз значительно подробнее) упомянутый нами Д. Максимов, освободившийся по понятным причинам от части идеологических ограничений. Он же недвусмысленно указал на тот очевидный факт, что, «работая над построением [научной] поэзии», Брюсов «во многом опирался на Рене Гиля, с которым когда-то поддерживал оживленные литературные связи, и на французских авторов, сочувствовавших Гилю и разделявших его эстетические взгляды»[37]. Суждения Д. Максимова о сути «научной поэзии», превратившейся по пером Брюсова в искусственно затемненные, несовершенные, но, тем не менее, полезные опыты, стали логическим завершением полувековой дискуссии о сциентизме. Вывод делался однозначный: «независимо от поэтических результатов, которых добивался Брюсов, весь характер и пафос его творческой работы, проявившейся в его заключительных сборниках, заслуживает удивления и уважения»[38].

В таком подходе интересна одна деталь: несмотря на взвешенность и глубину оценки, исследователь неосознанно становится здесь на позиции Гиля, а значит и Брюсова, довольно внятно очерченные последним в его статье «Смысл современной поэзии» (1920). Призывая молодежь к освоению невиданного ранее содержания, поэт требовал от нее «организовать» совершенно новый язык и «научиться говорить о том, о чем у их предшественников и речи не было»[39]. Осуществление задуманного предполагало, согласно брюсовскому видению, многолетнюю программу предварительной лабораторной работы, которая собрала бы воедино все французские веяния за полвека, не исключая наивного социализма «Аббатства», и привело бы в конечном счете к коллективной эволюции, к организа-

ции некоего интернационала стихотворцев, не занимающихся, по едкому замечанию О. Мандельштама, своим прямым делом, а участвующих в «конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит»[40].

В отрицании знаменитого пушкинского афоризма «поэзия [...] должна быть глуповата» есть, вероятно, нечто непобедимо соблазнительное. Применительно к Брюсову желание поверить гармонию алгеброй представляется настолько естественным, что призывы опровергнуть распространенное мнение о несостоятельности научно-поэтической струи в его творчестве вновь и вновь с завидной периодичностью звучат на страницах литературоведческих изданий[41]. Декларируемый энтузиазм, не приводит, однако, ни к каким ощутимым результатам. До сих пор в России не написано ни одной обобщающей работы о сциентизме. Более того, ни один российский ученый не взялся за реальное доказательство обособленности сциетизма отечественного от сциентизма зарубежного, ни один не подошел вплотную к анализу произведений Рене Гиля и не сопоставил методы Брюсова с методами его французского предшественника или предшественников[42].

Что же касается второй точки брюсовского соприкосновения с Гилем — их совместной журнальной работы, то здесь в последнее тридцатилетие открылись гораздо более заманчивые перспективы. Оставив в стороне рассуждения о метафизике, специалисты по «серебряному веку» — ученики Максимова — сосредоточили свое внимание на журнале «Весы», на сложных перипетиях его организации, на роли этого издания в становлении крупнейших русских поэтов эпохи. В этом свете автор «Трактата о Слове» воспринимался ими отнюдь не как неудачник, совершивший «явную подмену поэзии ей чуждыми принципами»[43], а как важнейший посредник и стимулятор русско-французских культурных отношений, как близкий друг не только Брюсова, но и Бальмонта, Волошина и других менее заметных представителей русской литературно-артистической колонии Парижа. При этом собственные успехи и поражения Рене Гиля отодвигались на задний план, что резюмировалось следующим лаконичным высказыванием: «Разработанная им теория, узкоспециальная и сухая, не нашла сочувствия во французских литературных кругах; обычной для Гиля стала поза непризнанного новатора. Тем больше он был заинтересован в "Весах", оказывавших в лице Брюсова (который называл Гиля одним из своих учителей), живую поддержку его идеям»[44].

Но и журналистская составляющая гилевского творчества осталась лишь бегло затронутой современной славистикой, как нечто, косвенно соприкасающееся с областью ее интересов. При конфронтации с темой упор неизменно делался на количественные показатели, на хронологию и интенсивность сотрудничества[45], качественная оценка которого представлялась, по-видимому, излишней: «Р. Гиль, действительно, опубликовал в "Весах" в 1904—1909 гг. серию литературных обзоров и статей под общим названием "Письма о французской поэзии", а также ряд рецензий. По обилию корреспонденций (более ста) и по их согласованности с главным направлением журнала Р. Гиль может считаться наиболее близким и активным среди иностранных сотрудников "Весов". Как известно, Брюсов расценивал Гиля и его идеи очень высоко. Он одобрял не только общее отношение Гиля к французской литературе 900-х годов, но в особенности его теорию "научной поэзии"»[46].

Для российских специалистов по зарубежной литературе «весовские» статьи Рене Гиля также не представляли собой никакого интереса как давно утратившие актуальность. Часть из них никогда не публиковалась в оригинале; часть вошла в его книгу «Даты и творения» («Les Dates et les Oeuvres», 1923), цитируемую сегодня в качестве мемуарной. Совершенно очевидно, что рассматривать эти тексты в отрыве от места и времени их первой публикации малопродуктивно. Не менее очевидно и то, что рассмотреть их в конце концов необходимо. Не ради Рене Гиля — ради Брюсова. Ради того, чтобы заполнить один из последних пробелов в его досконально изученном творчестве. Или, по крайней мере, привлечь к нему внимание.

О чем же конкретно писал Рене Гиль в русских символистских журналах? С какими идеями проявлял солидарность Брюсов, анализируя современную ему французскую поэзию? В какой мере духовное единение со своим парижским корреспондентом отразилось на его редакционной и переводческой практике?

Дать ответы на эти и другие вопросы — главная задача данного предисловия, данной книги.

Глава III. В «положении наполовину русского писателя»[47]

Издавая в 1930 году в Париже антологию «Новые поэты Франции», Иван Тхоржевский предварил свои переводы из Рене Гиля следующей справкой: «Бельгиец. Сотрудник московских “Весов” Брюсова. Переводчик Бальмонта на французский язык. Много шумел “около” символизма, составил себе имя писаниями “о” стихах. Но его собственные стихи темны и безжизненны, за исключением немногих отрывков»[48].

Напомним, что «шумел» Гиль по преимуществу в России — в «Весах», «Аполлоне», «Русской мысли», в журнале «Заветы», куда он с 1904 по 1914 год поставлял статьи о французской поэзии и рецензии на книжные новинки. В годы, предшествующие этому сотрудничеству, он практически не принимал участия в парижской культурной жизни, сохраняя связи с небольшим числом личных знакомых, среди которых время от времени возникали заинтригованные его фигурой литературные дебютанты или заезжие иностранцы, многие из которых стали посетителями салона, устраиваемого по пятницам его женой Алисой (1868—1936). Этому стилю общения Гиль не изменил и позднее, предпочитая поддерживать отношения с людьми, разделяющими его убеждения и открыто выказывающими преклонение перед его талантом. На разных этапах к его кругу примыкали участники литературно-артистической коммуны «Аббатство» (Жорж Дюамель, Рене Аркос, Шарль Вильдрак, Александр Мерсеро), будущий редактор журналов «Ecrits pour l'art» и «Phalange» Жан Руайер, начинающий критик Джон Шарпантье, любитель «экзотической» прозы Садиа Леви и целый ряд других литераторов, ищущих свой путь в неопределенную пору рубежа веков. Посещала его дом и А. В. Гольштейн, которая, в свою очередь, привела сюда М. Волошина, положив таким образом начало многолетним контактам Гиля с Россией.

Это чисто «семейное» сообщество пережило своего вдохновителя всего на несколько лет. Интерес к нему во Франции безвозвратно угас в конце 1930-х го-

дов с отходом от сциентизма Поля Жамати (1890—1960), его брата Жоржа (1894—1954) и других поэтов, сгруппировавшихся вокруг журнала «Rythme et synthèse». Тогда же, со смертью вдовы Гиля, прекратилось издание его творческого и эпистолярного наследия, с тех пор практически не возобновляемое[49].

Партийно-фракционная спаянность составляла доминанту окружения Гиля, за которым издавна закрепилась репутация литературного сектанта, деспотично насаждающего собственное учение. В своих газетно-журнальных предприятиях он не терпел посторонних и никогда не мыслил категориями индивидуального творчества, выставляя себя изначально вожаком группы, выживающей по законам «естественного отбора»[50]. Рекрутируя на протяжении всей своей литературной карьеры учеников, он был убежден, что «принципы школы [...] оберегают юные души от первых, случайных исканий, от разбросанности, ведущей к разным ненужным литературным “опытам”, и, объединяя личности, озаряют им путь, направляют их, усиливая и выявляя их стремления и их самобытность. Затем группировка возбуждает соревнование. Можно привести достаточно много примеров (настаивал он), как в теплицах литературных школ вырастали разнородные, блестящие дарования, и как много посредственностей, неизбежно, чахло и гибло в них»[51].

Сотрудничество в «Весах» заинтересовало Гиля долгожданной возможностью присоединиться к подобной школе и даже возглавить ее. Он недаром «выразил восхищение»[52], получив предложение «отдать свое имя»[53] «новоиспеченному» русскому журналу. Это произошло в эпоху, когда научно-поэтические резервы во Франции оказались иссякшими, и прежние союзники начали энергично сдавать позиции перед повторно победившим символизмом. «Весам» надлежало до 1910 года стать главной, если не единственной трибуной «возглавляемого» Гилем движения, и ему было отнюдь не безразлично, кто из французских литераторов получит возможность высказываться рядом с ним, пусть даже в переводе.

Находясь за тысячи верст от Парижа и пока еще только по прессе знакомый с французской литературной средой, Брюсов не мог предугадать, какие коллизии прятались за сообщениями Волошина о том, как на улице Лористон «перебирали вчера все возможности и остановились»[54] на том или ином рецензенте прозы, эссеистики или театра; не мог вообразить, какие критерии предопределяли выбор того или иного претендента, и зачастую не понимал, почему вдруг начинало давать сбой знаменитое волошинское обаяние, а круг парижских корреспондентов «Весов» с каждым номером таял. Трудно сказать, чем в действительности руководствовались ведущие французские писатели, отказываясь от сотрудничества с журналом, но, как следовало из приходящих в Москву депеш, любые шаги, направленные на диверсификацию авторского состава, вызывали немедленное сопротивление «хозяина дома», угрожающего выйти из «Весов» в случае невыполнения его условий[55].

Столь агрессивное неприятие «инакомыслия» не могло не войти в конфликт с намерением Брюсова привлечь к участию в «Весах» самые широкие слои зарубежных критиков, однако, чувствуя себя в положении просящего, он был вдвойне рад отзывчивости и доступности Гиля: «Бесспорно, — разъяснял он Волошину, — уступая нам свою работу, он [Рене Гиль] до некоторой степени “снисходит” к нам: по крайней мере такова должна быть психология французского писателя, отдающего статью в еще даже не существующий русский журнал»[56].

Предполагалось, что в «Письмах о французской поэзии» Гиль, по формулировке Волошина, будет «говорить о современном и текущем, делая экскурсии в прошлое»[57]. Под такой программой подразумевался непредвзятый отбор рецензируемых новинок и, не в меньшей степени, их взвешенный анализ, ведущий к созданию объективной поэтической иерархии. Даже при беглом взгляде на гилевское творчество нельзя не заметить, что выбор Брюсова был сделан поспешно и неосмотрительно.

Прежде всего потому, что Гиль ничем не зарекомендовал себя на журнальном поприще, как, например, Реми де Гурмон, «этот тонкий мыслитель, блестящий критик и интересный поэт»[58], или забытый сегодня, но признанный в свое время Танкред де Визан, выступивший с оригинальной эстетической платформой. Творческий манифест Гиля «Трактат о Слове», выпущенный по рекомендации Э. Верхарна «первооткрывателем» символистов бельгийцем Эдмоном Деманом (1857—1918), действительно вызвал в свое время бурную прессу, но был совершенно равнодушно встречен как поэтами-профессионалами, так и любителями поэзии: со дня его выхода в свет 31 декабря 1888 года до 16 февраля 1889 года, когда настал срок платить по счетам, на трактат нашлось 5 покупателей. Гилю пришлось в конце концов возместить издателю 300 франков, затраченных на публикацию, и выкупить все нераспроданные экземпляры. Вынужденный отныне печататься за собственный счет и не умея наладить отношения ни с одним солидным книгоиздательским домом, он предпочел для своих книг типографию Эмиля Гуссара (Emile Goussard) в родном городке Мелль. Здесь в 1902 году появился его «Пантум пантумов», на титульном листе которого гордо красовалось «Париж-Батавия»[59], здесь же печатался его журнал «Ecrits pour l'art». Парижская пресса нередко потешалась над этим странным выбором, называя Гиля «поэтом из Мелля», что вызывало его раздраженные реплики в печати.

Вера Гиля в собственное величие основывалась преимущественно на самовнушении: интеллектуальный мир Парижа не желал видеть в нем ни философа, ни мыслителя, ни глашатая бессмертных истин, к голосу которого прислушиваются, даже если оратора за что-то недолюбливают. За двадцать лет пребывания в литературе, предшествовавших его сотрудничеству в «Весах», он так и не сумел привлечь к себе внимание читательской аудитории. Его проповедь «научной поэзии», громоздкая и дидактическая, неизменно сочеталась с крикливой полемичностью, а приверженность к левому экстремизму, которой он так гордился, при ближайшем рассмотрении оказывалась беспочвенным мифом[60].

Считая должным «не допускать никаких теорий, кроме собственной, и не являясь ничьим учеником» [«n'admettre autre théorie que la mienne et n'être élève de personne»][61], этот усердный посетитель «вторников» Малларме еще в юности противопоставил себя большинству стихотворцев своего поколения и посчитал первостепенной задачей ниспровергать все, что было дорого его бывшим товарищам. В серии статей, появившихся на протяжении 1887—1892 годов в журнале «Ecrits pour l'art», он публично рассорился с символистами, презрительно объявив это течение эгоистической школой, жертвующей смыслом ради формы[62]. Одновременно с этим, в результате трехлетнего сотрудничества в бельгийском журнале «Wallonie» (1887—1889), он нажил себе врагов среди поэтов, группировав-

шихся вокруг Альбера Мокеля и не питавших к нему ранее никакой неприязни (протестуя против интеллектуальной тирании Гиля, бельгийцы поспешили откреститься от научно-поэтических теорий, за что были немедленно изгнаны из «Ecrits pour l'art»[63]). Характерно, что сам журнал потерял половину подписчиков, как только в нем начал печататься Гиль.

Потерпев фиаско с сенаклем Малларме, Гиль выдвинул в противовес ему собственную фалангу, состоявшую из разного рода дилетантов. «Рене Гиль, громя всех остальных символистов, основывает свою собственную школу "эволюционного инструментизма", — язвил по этому поводу знаменитый русский критик. — К маю месяцу 1891 г. он насчитывал уже двадцать шесть поэтов-учеников и последователей. Правда, в список этих "эволюционных инструментистов" Гилю приходится заносить все больше таких, которые еще ничего не написали. Например: "Марсель Батилья, который скоро издаст превосходную и рациональную поэму; Александр Бурсон, готовящий произведения, проникнутые эволюционною идеей с социальной точки зрения; Л. Мессонье опубликует в октябре первую книгу своих стихов", и т. д., и т. п. Конечно, это немножко неудобно, но, ведь, и от Малларме все еще ждут великого творения, и это не мешает уверенности, что творение будет действительно великое»[64].

С учением о литературном прогрессе («эволюционизме»), выдвинутым Гилем в качестве всемирной модели, соседствовала его идея о научных основах «цветного слуха». Зачатки этой теории, введенной в поэзию Артюром Рембо в его сонете «Гласные», Гиль изложил еще в 1885 году в предисловии к своему первому сборнику «Легенды души и крови» («Légende d'Ames et de Sangs»). Представления Рембо о цвете гласных он объявил заблуждениями и решительно пересмотрел. Звуки, утверждал он, окрашиваются совершенно иначе. Если для Рембо каждая гласная ассоциировалась с определенным цветом, то теоретик «словесной инструментовки» пошел дальше: он, как писали об этом в России, «составил таблицу аналогий между буквами, цветами и музыкальными инструментами»: в черный цвет окрашивались у Гиля звуки органа, в белый — звуки арфы, в голубой — скрипки, в желтый — флейты. У медных духовых инструментов звуки были красные. По этой теории, «всякая согласная в соединении с определенной гласной внушает ощущение цвета, музыкального инструмента и определенного рода идей». Свою систему Гиль считал «завершением всех технических исканий французской поэзии в области синтеза ощущений», а себя самого ощущал композитором, словесным музыкантом, дирижером некой «огромной драмы, в которой лишь с помощью оркестрации слов дается биологический, исторический и философский синтез человеческой жизни, начиная с ее возникновения...»[65].

Потребовалось совсем немного времени, чтобы экспериментально опровергнуть необоснованность подобных деклараций, не являвшихся, кстати сказать, прерогативой Гиля и составлявших незначительную часть модной в конце XIX века дискуссии о хроматизме. Результаты наблюдений были описаны как в медицинской, так и в популярной литературе и, в частности, в переведенной на русский язык брошюре «Вопрос о цветном слухе», принадлежавшей Альфреду Бине, крупному специалисту в области психофизиологии. Как писал неизвестный рецензент, французский ученый отмахнулся от «декадентских попыток воспользовать-

ся этой психической особенностью некоторых субъектов и ввести впечатления цветного слуха в поэзию, как новый утонченный прием»[66]. Он же установил, что «цветовая гамма Рембо более подходит к среднему определению, чем таковая же у Гиля: именно зеленый цвет буквы *и*, который так возмущает Гиля, принимается большинством субъектов»[67].

По мере затухания символистских баталий пошел на убыль и полемический задор Гиля. Не потому, что ему не с кем было бороться, а скорее наоборот: его идеологические противники не воспринимали больше его проповедей, не парировали упреков, отмалчивались в ответ на филиппики. Его спорадические выступления второй половины 1890-х годов переместились на полосы газет со знаменательными названиями наподобие «Социального вопроса» («Question sociale») и т. п. Что же касается собственно произведений, то все эти годы он по-прежнему работал над своей монументальной эпопеей, продолжая, по словам Брюсова, «неутомимо выпускать новые томы своего “Творения” и новые издания своего “Трактата”, превращая свою первоначальную теорию в учение о “научной поэзии”». В «Творении» Рене Гиль «хотел обнять всю судьбу земли и человечества, начиная с первых космических процессов до всей сложности современной социальной жизни», но ни сама теория, ни ее стихотворное отражение не находили сторонников, и Брюсову, несмотря на все свое воодушевление, пришлось прийти к заключению, что «школа инструменталистов, не выдвинув ни одного выдающегося поэта, в начале [18]90-х гг. распалась, и Г[иль] остался в литературе совершенно одиноким, так как не желал возвратиться в круг символистов и не мог создать собственной аудитории»[68].

Подчеркнем еще раз: в парижской литературной среде первых лет XX века Рене Гиль был самое большее курьезным воспоминанием об отгремевших сражениях символизма. Для того, чтобы убедиться в полноте забвения, достаточно просмотреть указатели к корреспонденции тогдашних писателей, отчеты о литературных событиях, мемуары и т. п. Имени Гиля там не обнаруживается даже в случайных перечислениях. При этом он никуда не «уединялся», как это можно было бы заподозрить при подобных обстоятельствах, и отнюдь не оставил столичной жизни — его неблагозвучные стихи просто никто не хотел ни покупать, ни разгадывать[69].

И вот этот человек получает задание изложить историю французского символизма, рассказать о «том великом поэтическом движении, которое в последние десятилетия прошлого века обновило всю европейскую поэзию»[70], освоить тему, до него никем по-настоящему не затронутую, обобщить двадцатипятилетие «героической борьбы», свидетелем и участником которой он был. Подписчики «Весов» не могли даже представить себе, насколько уровень миссии не соответствовал уровню исполнителя, а характер ее противоречил его жизненным и творческим правилам.

Драматизм ситуации состоял в том, что участников названных событий — своих сверстников — Гиль считал в лучшем случае эпигонами, приравнивая себя не к «младшему» отряду символизма, а к его зачинателям и даже провозвестникам. «В ноябре 1886 г., — сообщал он уже в первой своей русской статье, — в “Figaro” появилось за подписью Огюста Маркада, как бы беспристрастное, официальное, quasi-торжественное признание того литературного Движения, кото-

рое и до тех пор достаточно уже волновало ум, что видно по словам, которыми начинается это признание новой Поэзии [...] "Три вождя движения — это Поль Верлен, Стефан Малларма и Рене Гиль". И разве то не было трогательным доказательством искренности и вольного энтузиазма Молодежи, истинной и свободной, что она поставила на одном уровне совсем молодого человека, каким я тогда был, с Верленом и Малларма, бывшими старше меня на двадцать лет!»[71] Принять на веру подобные заявления мог только читатель, никогда не слышавший о литературном ретрограде Огюсте Маркаде и не читавший его хроник в «Figaro» — газете, в которой почтенный литератор в течение 40 лет состоял секретарем редакции. В упомянутой колонке, отведенной под краткое сообщение о состоянии декадентской прессы, не содержалось ничего уважительного по отношению к перечисленным поэтам. Прибегая к высказываниям подобного рода, Гиль мог с не меньшим успехом сослаться на пресловутое «Вырождение» Макса Нордау, в котором он тоже был назван «одним из самых известных символистов»[72].

И тем не менее, историко-литературное полотно, развернутое Гилем, пришлось по душе Брюсову, у которого не было никаких оснований не доверять характеристикам, изложенным с такой прямотой. Через несколько месяцев эпистолярного общения со своим парижским сотрудником он так прояснит этот застарелый конфликт:

«В том великом поэтическом движении, которое в последние десятилетия прошлого века обновило всю европейскую поэзию, Рене Гиль занимает совершенно обособленное положение. По возрасту он принадлежит ко второму поколению французских поэтов "нового искусства", к тому же поколению, как М. Мэтерлинк, Анри де Ренье, Ф. Вьеле-Гриффин, Ст. Мерриль, Ад. Реттэ, но никогда не мог слиться с ними, всегда порывался отграничить себя от "символистической" школы»[73].

Приведенная цитата, подкрепленная рассуждениями о тоне «партийной ненависти» и «непримиренной вражды», исходящих от «соперников»[74], взята нами из первого очерка Брюсова о Гиле, очерка тщательно документированного и любовно проиллюстрированного («с двумя портретами и факсимиле», как говорилось в оглавлении «Весов»), неизбежно упоминаемого сегодня в обширной критической литературе о русском поэте в подтверждение серьезности его интереса к «научной поэзии», к ее идеям, ее основоположнику. Изучение этой работы, выполненной, судя по письмам, в ответ на просьбу Гиля, показывает, что автор обладал полным спектром информации о своем герое, тщательно изучил его биографию, проштудировал произведения, просмотрел прессу. А между тем еще в письме от 20 октября 1904 года, то есть накануне публикации, предполагаемой в десятый номер «Весов», Брюсов жалуется Гилю на плохое знание предмета, ссылается на недоступность некоторых зарубежных изданий, просит о помощи[75]. В руки Брюсову случайно попадает раритетный журнал «Pléiade» за июль-август 1886 года, содержащий первый вариант «Трактата о Слове». Кроме этого, он не читал ничего — за исключением верленовского этюда из серии «Люди сегодняшнего дня» («Les Hommes d'aujourd'hui»,1887), соответствующей миниатюры из «Второй книги масок» Реми де Гурмона («Deuxième livre des masques», 1898) и детальной справки Ван Бевера и Поля Леото в антологии «Поэты сегодняшнего дня» («Poètes d'aujourd'hui», 1900).

Мы убеждены, что прочитанного Брюсовым вполне хватило бы для создания литературного портрета Рене Гиля, однако, то ли названные публикации представлялись ему устаревшими, то ли он хотел сказать нечто более весомое, то ли его целью была реабилитация поэта, сочинения которого еще не так давно сравнивались в России с проявлением психической аномалии, — ясно одно: Брюсов жаждал всей полноты информации и резонно надеялся получить ее от самого заинтересованного лица. В ответ на его просьбу «дать о самом себе ряд беглых сведений, какие сочтете возможным опубликовать» [«quelques rapides renseignements sur vous-même, que vous trouvez possibles à publier»][76], парижский поэт отправляет в Москву восемь с половиной мелко исписанных страничек, насыщенных биографическими данными, выдержками из рецензий, библиографическими ссылками, указаниями на источники и прочими необходимыми атрибутами научной публикации[77]. Сообщаемые сведения сопровождаются детальными инструкциями, к каким справочным или периодическим изданиям необходимо обратиться для подкрепления той или иной мысли, и даже разрешают Брюсову использовать одно из адресованных ему писем, описывающее историю создания поэмы «Пантум пантумов». Своеобразна и форма изложения — в третьем лице («г-н Рене Гиль»), подчеркнуто объективная, без ненужной скромности.

Именно эти бумаги имел в виду Брюсов, когда указывал в редакционной сноске, что при написании работы он пользовался «печатными материалами (напр., статьями о Ренэ Гиле в "Poètes d'aujourd'hui" и в "Le Livre des Masques", современными брошюрами и журналами), так и некоторыми неизданными материалами»[78]. При таких благоприятных условиях ему оставалось только перевести присланные из Парижа документы, заключить сказанное двумя-тремя обобщающими фразами, и первая — информативная — часть статьи была готова. Рассуждения о сущности «инструментизма» и «окрашенном звуке», составляющие вторую половину этюда, были взяты из самых разных книг, отчасти подсказанных героем очерка, отчасти уже известных Брюсову. Сегодня подобный реферативный метод воспринимается как запретный — на рубеже XIX—XX веков он был явлением скорее обыденным: компиляцией зарубежных источников активно занимались З. А. Венгерова и М. Волошин; не отказывался от нее и Брюсов, пытавшийся еще в юности выдать переведенные выдержки из книги Шарля Мориса о Поле Верлене за собственную статью[79]. В таком подходе не было ничего постыдного, тем более, что Брюсов был перегружен редакционной работой и торопился.

Первое, что подчеркнул Брюсов во вступлении к очерку, было «совершенно обособленное положение» Гиля в литературе, его путь «вне общего русла французской поэзии», его позицию «чужака»[80]. Позицию, по мнению автора, почетную, ибо таким же отверженным поэтом чувствовал себя в русской литературе и сам Брюсов, произведения которого долгое время игнорировались большой прессой. Даже для ближайшего символистского окружения он, как и Гиль, был на протяжении всей своей творческой карьеры чужаком. Запертые в гордую башню упорного труда, оба они вызывали у соратников уважение к их каждодневному подвигу, но не любовь, не трепетный восторг.

На констатации факта литературного отчуждения Гиля участие Брюсова в написании статьи заканчивается. Все дальнейшие рассуждения — о восточном

происхождении фамилии «Ghil», о подчинении поэта «тайному голосу расы»[81], о его внутреннем желании любить «первичные символы Египта и Индии»[82], как, впрочем, и гипотезы об истоках одного «из лучших его произведений», каковой является «полуфранцузская, полуяванская поэма "Pantoun des Pantoun"»[83], буквально всё — и биографические сведения, и изложение теорий, и подробная история издания его книг — всё до последнего слова принадлежит здесь Гилю, а Брюсову — пожалуй, лишь вывод: суммирование творческого пути творца «научной поэзии» в качестве цепи сражений «на передовых окопах литературы»[84]. И здесь французский поэт вновь оказывается в одиночестве, «нападая, отражая приступы, редко встречая сторонников и учеников, чаще врагов, но не уступая ничего из того, что признал он как истину»[85].

Самобытность гилевского таланта удостоверялась в статье публикацией важного документа — неизданного письма Стефана Малларме от 7 марта 1885 года, показывающего, «как высоко оценил замыслы Гиля и как верно понял, по первым опытам, особенности его творчества — автор "L'Après-midi d'un Faune"»[86]. Выдержки из этого письма, подлинник которого и сегодня не обнаружен, неоднократно приводились во французской печати с отсылкой к мемуарной книге Гиля «Даты и творения», где оно считается напечатанным впервые. О русской публикации специалисты до недавнего времени даже не догадывались. Но суть вопроса, разумеется, не в установлении первоисточника.

Дело в том, что текст, появившийся в «Весах», подвергся при пересылке из Парижа значительным сокращениям. Введенный в заблуждение, Брюсов принял многоточия предоставленной ему копии за недоговоренности подлинника и с гордостью объявил в «Весах» о первой публикации полного текста письма, посчитав «не лишним» привести на страницах журнала его русский перевод, а в сноске дать «подлинный французский текст этого письма, из которого до сих пор в печати появилось только несколько строк (в биографии Ренэ Гиля в "Les Hommes d'aujourd'hui")»[87].

Малларме, не написавший, по свидетельству Камиля Моклера, за всю свою жизнь ни одного отрицательного отзыва[88], отнесся к двадцатидвухлетнему Гилю дружески и, оттолкнувшись от некоторых мотивов и тем, намеченных начинающим стихотворцем, изложил в своем письме идеи, многие из которых выразили квинтэссенцию французской эстетики конца XIX века и послужили впоследствии стимулом к различным теоретическим построениям (в том числе и Гиля). Купюры, поневоле сделанные «Весами», естественно, не изменили одобрительного тона послания, но радикально повлияли на его содержание. В таком усеченном виде тонко нюансированные упреки Малларме воспринимались как безоговорочное поощрение, а достоинства начинающего стихотворца, лишенные ограничительной критики, неоправданно превозносились[89]. (Примечательно, что, перечитав брюсовскую статью в переводе на французский язык, Гиль с удовлетворением принял эту версию событий и в ответных письмах не раз благодарил Брюсова за «прекрасный Этюд обо мне» [«votre belle Etude sur moi»][90], за его точность и достоверность.)

Какие сведения о Рене Гиле достигли России до появления брюсовского очерка?

В последний год XIX века в журнале «Север» было напечатано подражание В. С. Лихачева — вероятно, первый и единственный добрюсовский перевод Гиля на русский язык[91]. Чуть ранее уничтожающему разгрому подверг его знаменитый критик-народник Н. Михайловский. «Бредовее», чем у других символистов, назвал его измышления о «цветном слухе» Макс Нордау в «Вырождении», русский перевод которого появился тогда же, а его российский последователь, литературовед от медицины Н. Баженов, посвятил «истории болезни» Гиля часть небольшой главы[92].

Даже благожелательная З. Венгерова, мимоходом упомянувшая «научную поэзию» в своей «пионерской» статье 1892 года, отметила два года спустя в энциклопедической справке, что ни сам Гиль, «ни его последователи не обладают истинным поэтическим талантом, представляя собою исключительно интерес литературного курьеза»[93].

В 1899 году итог досимволистским публикациям о Гиле подвел компилятор В. В. Березовский, умело обобщивший в одном коротком пассаже возмущенные реплики своих более основательных предшественников:

«Рене Гиль — поэт не без таланта, но и не без некоторой доли претенциозности, притом претенциозности, во что бы то ни стало. Он ученик Маллармэ, но ученик, так сказать, слишком усердный; если Маллармэ считает ясность мечты второстепенным качеством, то Гиль считает необходимой неясность; его произведения, если они туманны, то они слишком туманны; если они эффектны, то они слишком эффектны, у него все слишком, все крикливо, все слишком громко, чтобы быть интимным, все слишком резко, чтобы быть нежным и красивым. В сущности оригинальность его не более как оригинальничанье, да и то своего в ней, кроме претенциозности, очень немного. Артур Римбо однажды написал маленький изящный сонет “Voyelles”, в котором он передает свои красочные впечатления, вызываемые в его чуткой душе звуками гласных, так А в нем вызывает впечатление черного цвета, Е — белого, О — голубого, I — красного, U — зеленого. Гиль, в поисках источника своей оригинальности, напал на этот сонет и нашел то, что ему было нужно; сейчас же, без дальних размышлений, он основывает целую теорию цветных звуков, искусственную с начала до конца, и начинает проповедовать эту ложь в печати, в критических статьях (Traité du Verbe) и в своих стихах; ради оригинальности он готов был поступиться даже искренностью, тем более, что вдохновение его было слишком незначительно, чтобы само по себе произвести впечатление. Вокруг него сгруппировалось несколько поэтов, для которых новое открытие могло заменить отсутствующие таланты, и таким образом создалась школа “инструменталистов”, названных так своим основателем. Скоро впрочем эта школа распалась, не будучи в силах побороть равнодушие публики»[94].

Теперь все воспринималось иначе. Многочисленные цитаты, которыми была насыщена статья Брюсова, мелькание престижных имен, непреложность тона рождали в восприятии читателя искомое ощущение аутентичности. Каким бы скучным «иксом» ни называли Гиля некоторые сотрудники редакции[95], перед московской интеллигенцией, перед поэтической молодежью предстал крупный литератор — «философ, поэт, критик, журналист»[96], — обладающий непререкаемой способностью освещать остро и объективно парижские литературные новинки, вершить суд над прошлым и настоящим французской поэзии.

Пять дальнейших лет существования «Весов» оказались достаточным сроком, чтобы завершить эту разрушительную работу.

Глава IV. «Это грандиозно! Это целая книга!»[97]

Согласно программе, выработанной Гилем в парижских беседах с Волошиным, публикуемые в разрозненных номерах «Весов» материалы должны были в конечном итоге сложиться в «первую полную историю символизма, раньше Франции»[98], иначе говоря, в монографию, которая радикально отличалась бы от персональных реминисценций, типичных для тогдашней французской прессы. Не «анекдотическую» историю движения, написать которую предлагал Брюсову Волошин[99], а подлинное освещение эпохи — задача громадная по своей объединительной сути, особенно если учесть, что символизм представлял собой не целенаправленный волевой процесс, а совокупность взаимодополняющих дарований. Гиль, разумеется, ни на минуту не сомневался в своей способности создать подобную эпопею, гордясь тем, какая ему выпала «честь изложить идеи и дать оценку произведениям современной французской поэзии на страницах этого журнала, пылающего идеалами новой Красоты»[100]. С «точными датами, с удостоверенными фактами»[101] в руках, как он любил говорить.

Начал он, правда, тоже с эпизодов. Вернее, с одного малоприятного эпизода — пресловутого «Конгресса поэтов», образчика литературного «парламентаризма», крикливого сборища, выдвинувшего лозунг об упразднении Парижа в качестве литературной столицы и превращенного провинциальными поэтами в шовинистический митинг. Об этом собрании, на котором присутствовало около 300 человек, русская пресса рассказала сразу после его проведения, за 3 года до издания «Весов», но тогда эта новость едва ли считалась актуальной.

«Программа конгресса была довольно обширная, — сообщал «Вестник иностранной литературы», — но самыми существенными пунктами ее надо считать следующие:

1. Литературная децентрализация.
2. Социальная роль поэзии и поэта.
3. Поэтика: поэзия классическая и новые школы»[102].

Состоялся Конгресс 27 марта 1901 года в Высшей школе социальных исследований и проходил под почетным председательством «короля поэтов» Леона Дьеркса и действительным председательством Катюля Мендеса. Под давлением зала последний был вынужден уступить свое место Гилю. Очевидец вспоминал:

«Dans un silence relatif, quelques théoriciens arrivent à se faire entendre. René Ghil lit des fragments de son exposé de Poésie scientifique, mais l'heure s'avance et l'on se disperse après s'être donné rendez-vous, au même lieu, pour le même soir, à huit heures et demie»[103].

[«В относительной тишине некоторым теоретикам удалось добиться внимания слушателей. Рене Гиль зачитал фрагменты своего доклада о Научной поэзии, но становилось поздно, и публика разошлась, назначив встречу назавтра — в том же месте, в половине девятого вечера»].

Заседание закончилось под нестройные аккорды «Интернационала».

На «Конгрессе поэтов» Гиль получил последнюю в своей жизни возможность объясниться публично. В «весовских» статьях и в письмах к Брюсову он не раз с горечью отметит, что его, бельгийца, французские националисты записали в литераторы второго сорта. Оказавшись лицом к лицу с заинтересованной аудиторией, он громогласно объявил о том, что ему одному известен рецепт написания гениальных стихов — уникальная панацея от всех тягот разлагающегося века. Мы не преувеличиваем. В своем первом «Письме из Парижа» он именно так и сказал:

«С Ренэ Гилем (да будет позволено мне представить себя в такой безличной форме, ибо необходимо указать, что́ принес я и какую духовную ответственность взял на себя), с Ренэ Гилем порвали почти все, связанные с предыдущим поколением. А между тем иные из писавших о нем видят в нем решительного преобразователя поэтического мышления и стихотворной техники, продолжателя традиции и завершителя того, что мечталось Спенсеру, Тэну, Леконт-де-Лилю и Золя. [...] Чтобы сказать прямо, Ренэ Гиль дал новую научную эстетику ...»[104]

Какое впечатление могли произвести подобные заклинания на русскую литературную и окололитературную среду? Вот одна из редких заметок по этому поводу, появившаяся в газете «Приднепровский край». Ценность этой провинциальной публикации возрастает при раскрытии стоящего под ней псевдонима «Э.», за которым обнаруживается будущий музыкальный критик, создатель «Мусагета» Эмилий Метнер:

«*Письма о французской поэзии* — статья, написанная второстепенным французским поэтом — *René Ghil* специально для *Весов* — образчик легкомысленной и многословной *causerie*[105]. Хвастливый француз пользуется страницами русского журнала для того, чтобы полемизировать со своими литературными врагами, главное же сочинять себе панегирики, как реформатору в области искусства и философии, а кстати упомянуть и о тех случаях, где он пел себе хвалу перед согражданами, воздавая сам себе по заслугам за ту же преобразовательную деятельность»[106].

Поразительно, что Брюсов уже на этом раннем этапе был до последних тонкостей и крайностей согласен со своим французским корреспондентом. «Его статья "всем" нравится», — сообщал он Волошину в письме от 14/27 февраля 1904 г.[107], восхищаясь самой постановкой вопроса: символизм во французском понимании термина закончился, уступив место «научной» поэзии, победа которой лежала «в роковой неизбежности самого "течения" вещей и существ»[108].

Не затасканные символистами призывы к служению идеальной Красоте, а высшие законы мироустройства, — вот что привез в Россию парижский сотрудник «Весов», призывающий читателя не забывать, что «в вечной мировой эволюции самые громадные силы наконец истощаются и звезды рассыпаются прахом...»[109]:

«По принципам моей "эволютивной философии", — возвещал Гиль, — я считаю, что форма и ритм управляются двойным законом сжатия и расширения, согласно фигуре эллипса. Этот закон управляет солнцами, сжимает туманности в плотные землистые массы, которые после миллионов лет неподвижного равновесия их составных элементов, застывают в кристаллическом бесплодии на своих укороченных эллипсах. Это двойной закон, которому одинаково подчинены и

жизнь народов, и наше собственное индивидуальное бытие, омраченное периодами их склонения»[110].

Тиражирование подобных «откровений» плохо увязывалось с планами редактора «Весов», занятого главным образом будничными проблемами. Позволение излагать их на страницах журнала являлось по сути дела вознаграждением за рутинную часть работы, за оперативное реагирование на конкретные литературные события. Ради этой исполнительности и обязательности Брюсов был готов простить своему французскому коллеге любые отвлеченные умствования.

Если мы возьмем список произведений, отрецензированных Гилем в первый год его сотрудничества в «Весах», то обнаружим среди названий практически все поэтические новинки, в той или иной степени достойные рассмотрения в зарубежной, в нашем случае русской, прессе. Это и «Песня Евы» Шарля Ван Лерберга, и «Человеческие просветления» Фернана Грега, и «Прекрасное путешествие» Анри Батайя, и переиздание сатир Лорана Тайяда. Можно было бы поспорить, насколько оправданно было включение в этот список Джона Антуана Но или Луи Лекардоннеля (едва ли заслуживающих выхода на «международную арену»), но и здесь необходимо согласиться, что имена этих профессиональных стихотворцев были достаточно репрезентативны на данном отрезке литературной истории (книги Э. Верхарна, П. Верлена, Ж. Лафорга, Ж. Мореаса, П. Клоделя, А. Ретте и С. Пеладана взялся в 1904 году обозревать сам Брюсов). Что же касается других поэтов — Оливье Калемара де Лафайета, Эмиля Дантена, Мари Доге, Эдуарда Дюкоте, Луи Перго, Франсиса де Миомандра, Шарля Режисмансе, — то все они были в некоторой степени факультативны и без особых потерь заменялись добрым десятком других имен, хотя и в этом случае мы готовы принять любые возражения и пересмотреть предложенную классификацию.

В период становления «Весов» своеволие рецензента (если принять, что оно было допущено) искупалось за счет количества: отзывы о французских книгах появлялись практически в каждом номере, иногда по три, четыре, а то и более рецензий одновременно. При такой широте охвата журнал мог позволить себе не слишком стесняться в выборе материала, хотя объем статей не всегда соответствовал весу рецензируемого поэта или заявленной ценности его творения. Так, Марии Крысиньской Гиль уделил 7 журнальных страниц, посвященных в конечном счете не самой поэтессе, а дискуссии о первенстве в изобретении верлибра, которую он воскресил в пику Гюставу Кану. Важную книгу Жана Руайера он, напротив, рассмотрел в короткой заметке вместе со сборником Виктора Личфуса («...и что́ за фамилия, прости Господи!», — шутил по этому поводу Брюсов[111]).

Отклики на книги Виктора Личфуса, Марии Крысиньской, Валентины де Сен-Пуан, Шарля Режисмансе, Фредолина Верма и других поэтов далеко не первого ряда будут затем неоднократно появляться на страницах «Весов», создавая иллюзию постоянного контингента иностранных авторов, чья репутация укреплялась за счет эффекта привычных имен, надо думать, лучших, прочно утвердившихся у себя на родине. О поэтических собраниях Личфуса Гиль напишет еще дважды — в 1907 и 1908 годах, а рекомендованный им Рене Аркос отреагирует также и на сборник рассказов этого скромного редакционного служащего, доведя таким образом до абсурда склонность журнала к всеобъемлющему освещению зарубежных новинок.

Определение перечня дружественных и недружественных имен являлось постоянной заботой Гиля на всех этапах его литературной карьеры. В период сотрудничества в русских журналах этот постоянно обновляемый перечень превратился под его пером в настоящий инструмент полемики с большой французской прессой. Как это ни удивительно, но в чужой стране, на чужом языке Гиль, годами не печатавшийся у себя на родине, теперь вступал в спор с ведущими парижскими критиками, пеняя им на «удивительную забывчивость», на «явно преднамеренное отсутствие» в той или иной публикации выдвиженцев его школы, на повсеместное засилье конкурентов и продажность издателей[112]. «Если предположить, что составители имели в виду дать выдержки лишь из самых выдающихся поэтов нашего времени, — возмущался он по поводу переиздания популярной антологии, — станет непонятно, как попали в книгу гг. Барбюс (зять Катюлля Мендеса), Сушон, Ле Руа, Магр, Депакс, Ларгье, Монтескиу. Столь же неоправданно будет присутствие стихов А. Мокеля и Жана Лоррена, литературное значение которых никак не в их стихотворных созданиях. [...] Когда допущена г-жа Деларю-Мардрюс, — кстати сказать, по праву, как настоящий поэт, — когда приняты и графиня де Ноайль и даже г-жа д'Увилль, потому, конечно, что имя ее мужа Анри де Ренье, — то почему же пропущена г-жа Валентина де Сен-Пуан, проявившая поэтическое дарование во всяком случае не меньшее, чем г-жа Мардрюс? Почему пропущены Аркос, Вильдрак, Дюамель, Варлэ, Мерсеро, Кастио, Отт, Жув, Фонс и многие другие?»[113]

Неподписанные переводы заметок из отдела хроники «Mercure de France», а также эпизодические рецензии других сотрудников «Весов» изредка нарушали панораму, разворачиваемую Гилем, но существенно видоизменить ее они не могли. В период становления журнала «Письма о французской поэзии» публиковались в его ведущем разделе, отведенном под художественную критику, и соседствовали то с этюдом К. Бальмонта об Оскаре Уайльде, то с очерком Андрея Белого о Канте, то со статьей Л. Зиновьевой-Аннибал об Андре Жиде. В деле изучения французской литературы противовес публикациям Гиля могли составить разве что обширный очерк Адольфа Ван Бевера о Метерлинке (1904, № 9) или статья о Реми де Гурмоне, отчасти переведенная, отчасти пересказанная Брюсовым (1904, № 8), но эти публикации были обусловлены скорее нехваткой оригинальных материалов, чем подспудным желанием выйти за рамки привычных идей и интересов. К той же категории можно отнести и некролог Марселю Швобу, предназначенный Полем Леото для французской печати и появившийся в органе «Скорпиона» поневоле, вопреки первоначальной программе.

Упреки в том, что отдел рецензий «велся из рук вон плохо»[114], поступали в редакцию «Весов» с самого начала их существования, что неизменно вызывало противодействие Брюсова. «Нельзя этого говорить об отделе, где печатались статьи К. Бальмонта, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Рене Гиля, мои», — возражал он, предпочитая печатать «*интересные*» (курсив Брюсова. — *Р. Д.*) рецензии, а не «рецензии об *интересных* книгах»[115]. Обладая достаточным запасом знаний для того, чтобы без чужой помощи судить о зарубежной поэзии, он в поисках талантливых дебютантов внимательно присматривался к каждому новому сборнику и выносил суждения, не дожидаясь реакции парижских коллег. В своих от-

кликах Брюсов в какой-то мере дополнял Гиля, и если иногда отвергал его материалы, то в этих (редчайших) случаях основанием для отказа была уже написанная рецензия самого Брюсова, предлагавшего читателю отзывы обо *всех* проявлениях текущей литературы, включая книги безусловно несостоявшихся авторов — Перго, Боке, Мандена и Мариэля.

Через несколько месяцев после рождения «Весов» практическое решение проблемы предложил Вяч. Иванов, выразивший готовность преобразовать свой женевский дом в некое подобие заграничного редакционного бюро. Из этого «филиала» он и его жена, Л. Зиновьева-Аннибал, вызывались «делать нужные для журнала поездки», главным образом для «привлечения известных литераторов». «Необходимо изыскивать и *расширяться,* — настаивал Вяч. Иванов, — иначе все упадет»[116]. Брюсов остался равнодушен к этой инициативе. В ответном письме от 29 августа / 11 сентября 1904 года он ссылается на то, что для добросовестного ведения дел ему «недостает ни времени, ни внимания, ни даже знаний», а из-за загруженности он не успевает «писать нужнейшие редакционные письма» и потому допускает досадные пропуски в библиографии и хрониках. Взамен поиска более авторитетных или просто *других* корреспондентов он умоляет Иванова давать «рецензии, рецензии, рецензии»[117], т. е. по-прежнему надеется пополнять информационный раздел имеющимися силами.

Человек прагматичный, Брюсов, вероятно, понимал, как далеко такого рода проектам до осуществления. За несколько месяцев работы он успел убедиться, что, помимо Гиля и секретаря «Mercure de France» Адольфа Ван Бевера, молодой русский журнал, крайне неисправно выплачивавший гонорары, не мог всерьез рассчитывать на сотрудничество «маститых» французских литераторов. Переговоры с Реми де Гурмоном закончились вынужденным привлечением его брата Жана, критика совсем не того калибра, на какой рассчитывали «Весы», а о получении материалов от таких писателей, как Анатоль Франс, не приходилось даже мечтать. Еще меньшей притягательностью обладали Рене Аркос, тогда еще совсем начинающий поэт, и Джон Шарпантье, за плечами которого вообще не было никакого опыта.

Даже на ближайшее окружение трудно было положиться. «Вы уехали, год тому назад, из Москвы, дав несколько десятков обещаний редакции, и за двенадцать месяцев не исполнили ни одного, — укорял Брюсов Волошина весной 1906 года. — Вы оставили “Весы” безо всяких сведений о парижской художественной жизни, хотя в то же время писали корреспонденции в “Русь”. [...] “Весы” особенно гордятся своей осведомленностью о заграничных делах, а по Вашей вине они оказываются неосведомленными о том, что свершается в таком центре, как Париж»[118].

Эти и другие обстоятельства привели к тому, что уже к середине 1904 года, по мере отлучения нелояльных выдвиженцев из других лагерей, Рене Гиль приобрел в «Весах» безраздельное право высказывать свои суждения о любом произведении французской словесности. Параллельно с этим в регулярных публикациях, затрагивающих сначала одну поэзию, а затем прозу и театр, он неизменно находил место для подробного разъяснения собственных теорий, добровольно возложив на себя обязанности миссионера некой умственной религии. Как спра-

ведливо замечено, «прямое изложение принципов “научной поэзии” [...] не входило в задачи корреспонденций Гиля в “Весах”»[119], что не мешало ему проводить свою линию косвенно. Стоит ли говорить, что его трактовка литературных событий разительно отличалась от той, какой ее привыкли видеть во Франции.

Делалось это с молчаливого редакторского согласия Брюсова, с которым Гиль ежемесячно, а иногда и чаще, делился планами: предлагал имена, оценивал текущую ситуацию, излагал события прошедших десятилетий. Сюжеты, затронутые в его письмах, воспроизводились затем в виде статей и рецензий, влияя на представления совершенно неподготовленной русской публики, среди которой было немало пишущих.

Немногие замечали, какие метаморфозы претерпевает русский символистский орган. Иным продолжало казаться, что молодые московские поэты по-прежнему готовят «стезю великого пророка, который явится, чтобы указать новую судьбу, новые идеалы русскому духу»[120]. В Италии, например, считали, что «Весы» представляют собой «реакцию против самовластия науки, логики, рационализма, всего враждебного поэзии и мифу»[121]. Может быть, так оно и было в других разделах, но отнюдь не во французском.

Здесь необходимо задаться вопросом, была ли у Брюсова-редактора альтернатива Гилю? Насколько неизбежным было предоставление львиной доли журнала «на откуп» одному сотруднику, пусть самому объективному? Иначе говоря, имелись ли в начале XX века критические издания (своего рода литературные путеводители), предлагавшие цельную концепцию становления французской поэзии за предыдущую четверть века, столь богатую достижениями и событиями?

Такие «путеводители», бесспорно, существовали — это и упомянутые «Книги масок» Реми де Гурмона, и антология А. Ван-Бевера и Поля Леото «Поэты сегодняшнего дня» (1900), и трехтомная «Антология современных французских поэтов» («Anthologie des poètes français contemporains», 1906—1907) Жерара Вальша. Из периодических изданий нельзя не назвать журнал «Vers et Prose», выходивший под редакцией Поля Фора, ежемесячник Жана Руайера «Phalange» и (с 1909 года) «Nouvelle revue française», журнал, возглавляемый Андре Жидом. Совершенно очевидно, что концентрация внимания на «научной поэзии» не была вызвана недостатком в источниках, а отражала позицию редакции.

Не секрет, что в неустойчивой литературной атмосфере первых лет XX века было довольно трудно распознать путеводные вехи, и Брюсов не был исключением в длинном ряду критиков, принимавших пышные однодневки за будущие шедевры. Даже сегодня этот период воспринимается в ретроспективе как безвременье, как хаос настроений, над которыми возвышаются грандиозные фигуры Гийома Аполлинера, Поля Клоделя, Шарля Пеги. Начало этого «междуцарствия», имеющего четкие хронологические рамки, пришлось на 1895 год и знаменовалось выходом в свет произведений поэтов новой формации с характерным для них отходом от символистских абстракций и стремлением к безыскусной «заземленности». Конец наступил еще более внезапно — в августе 1914 года, когда в одночасье прекратились практически все литературные журналы.

Возврат к естественности был ведущим стимулом эпохи, лозунгом которой стал отказ от эпигонских кунштюков, что не могло не найти выражения в мани-

фестах, выдвинутых самыми различными группировками. То были, как сообщал позднее Брюсов, не имеющие большого значения «эфемерные “школы”, не раз объявлявшиеся в конце XIX века, как, напр., натюризм (Сен Жорж де-Буелье), гуманизм (Фернан Грэг), интегрализм (А. Лакюзон), примитивизм (Туни-Лерис), пароксизм и т. под.»[122].

Из всех этих явлений Брюсов выделил два: «романскую школу» Жана Мореаса, которая, по его словам, «вскоре распалась»[123], и школу «научной поэзии». При этом он утверждал, что обе они существовали «параллельно символизму»[124], а приверженцы «научной поэзии» продолжали плодотворно творить и перед Первой мировой войной.

Зачем понадобилось Брюсову выказывать столь откровенное пренебрежение хронологией? По какой причине он «состарил» по меньшей мере на десятилетие вполне жизнеспособные силы, проявившиеся после 1900 года. С какой целью пренебрег явлениями новой формации, послужившими почвой для дальнейшего расцвета французской поэзии?

Ответ на этот вопрос очевиден. И провозглашенный в 1902 году «гуманизм» Фернана Грега и возникший два года спустя «интегрализм» Адольфа Лакюзона[125], и «французская школа» воспринимались Брюсовым в качестве антиподов вынашиваемой им теории. Именно они, а не романская школа или символизм, вызывали растущие антипатии Брюсова, питаемые ростом его симпатий к своему парижскому корреспонденту. Эти конкурирующие теории, «бессильные названия которых не скрывают убожества их внутренней идеи»[126], Гиль подверг на страницах московского журнала безжалостному разоблачению, относя их к «новейшим этикетам, не имеющим, строго говоря, никакого значения и вовсе не составляющим истинного определения современных литературных течений [...], которые все заключают в себе стремления чисто реакционные по отношению к символизму и тем более к научной поэзии»[127].

Выставляя себя в качестве завершителя переворота, начатого символистами, Гиль выстраивал здесь своеобразную концепцию, согласно которой он в период расцвета символизма в одиночку противостоял его извращениям, а после самоликвидации движения был вынужден, также в одиночку, бороться с попытками дискредитировать драгоценные крупицы символистского наследия. Настойчивость, с которой он в течение шести лет в той или иной форме проводил этот фантастический тезис, в конце концов убедили Брюсова в его истинности.

По мере сближения с Гилем восприятие Брюсова подверглось эрозии, и он уже не мог или не хотел освободиться от «научно-поэтического» диктата. Так, поздней осенью 1904 года, отвечая на опрос бельгийского журнала «Beffroi», он среди лучших франкоязычных поэтов выделяет Мориса Метерлинка, Анри де Ренье, Эмиля Верхарна, Франсиса Вьеле-Гриффена, Рене Гиля, Шарля Ван-Лерберга, Гюстава Кана, Жана Мореаса, Стюарта Мерриля и Франсиса Жамма. «Первых двух (уточняет он) за их прошлые заслуги, так как ясно, что они уже не превзойдут себя; двух последних только чтобы пополнить список, ибо они еще не создали ничего равного произведениям Верхарна, Вьеле-Гриффина, Гиля. Я готов был (подчеркивает Брюсов. — *Р. Д.*) однако заместить г. Жамма — Фернаном Грегом»[128].

Уверенность в том, что общепризнанный Франсис Жамм и поэты его уровня уступают в достигнутом Гилю, в дальнейшем послужит Брюсову фундаментом для осмысления всей современной лирики, что отразится не только на его журнальной работе, но и на переводческих начинаниях. В его отчете о проведенном в Бельгии опросе очевиден также и тактический ход. Останавливаясь на ответах других участников, он не рассматривает современную ему французскую поэзию во всем ее многообразии, не предоставляет читателю возможности судить о взглядах поэтов других поколений и течений, а выделяет из огромного числа отвечавших «голосование некоторых более знакомых у нас лиц»[129], тем самым подыгрывая Гилю в его кампании по подбору канонизированных «Весами» французских поэтов, принадлежащих к якобы авторитетной «научной» гильдии.

Нельзя обойти вниманием и еще одно обстоятельство. Дело в том, что копирование иноязычной прессы (как, впрочем, и освещение зарубежной литературы из Москвы) не входило в планы «Весов». В чем-то соперничая с парижской периодикой, Брюсов в своем журнале мечтал о самостоятельном рецензировании книжных новинок. Обыкновенный пересказ сведений, выуженных из французских журналов, противоречил избранному им просветительскому методу, суть которого заключалась в том, что написание обзоров зарубежной литературы необходимо непременно поручать иностранцам или на худой конец людям, живущим за границей. «Живя в России, — считал он, — прямо немыслимо уследить за всей литературой французской, или немецкой, или английской... В обзорах, составленных в России, непременно будут промахи, самые прискорбные....»[130]

Воплощая в «Весах» этот принцип, Брюсов в ноябре 1904 года обращается к Гилю с просьбой написать «Синтетические заметки о поэтическом творчестве» уходящего года, предлагая ему осмыслить достижения и недостатки парижского литературного сообщества. Гиль воспринял этот редакционный заказ по достоинству и в дальнейшем регулярно брал на себя аналогичную инициативу, гордясь своей ролью стороннего, лишенного предубеждений судьи.

«Итак, мы можем радоваться, — восклицал он в своем первом резюме, — 1904 год кончается полным падением и почти исчезновением партии поэтической реакции, и оживлением заветов недавнего прошлого, которыми проникнута бóльшая часть вновь появившихся произведений. Но, — что еще дороже того, — год кончается возникновением нового Движения, уже вышедшего из своей первоначальной фазы и открыто провозглашающего то миропонимание, которое не могло не восторжествовать наконец: поэтическую метафизику Человека и Природы, основанную на данных науки и философии, и воплощенную в Мысли и в Ритме»[131].

Поводом для особой радости, высказанной в далекой Москве, стало возобновление журнала «Ecrits pour l’art», унаследовавшего свое название от органа, выходившего под редакцией Гиля в 80-е годы XIX века. Новый журнал объединил группу молодых людей, почитавших в старшем поэте своего духовного руководителя и усмотревших в нем (как выяснится, по ошибке) продолжателя символистского дела. Время благоприятствовало подобного рода союзам. Ожесточение и взаимная неприязнь рубежа веков сменились склонностью к толерантности и компромиссам. Появление «Ecrits pour l’art» явилось одним из первых знаков подобного примирения. Характерно, что инициатором возрождения гилев-

ского журнала стал Жан Руайер, один из самых верных приверженцев Стефана Малларме, что уже через год не могло не привести к разрыву редакции с догматическим стилем Гиля, как символизм, так и самого Малларме отрицавшего.

С выходом первых номеров «Ecrits pour l'art» Гиль начал охладевать к «Весам» — большинство статей и рецензий писалось им теперь для парижского журнала и публиковалось дважды — по-французски и по-русски. Реже стали и его письма к Брюсову, который, в свою очередь, отошел от редакционных дел и меньше вмешивался в формирование номеров. Русско-японская война, первая русская революция, трудности с печатанием, перебои с выплатой гонораров — все это не способствовало заинтересованному участию Гиля в русском символистском органе. Его публикации отныне отличаются бессистемностью и случайностью отбора. «Современные стремления» он оценивает как «весьма хаотические и часто бесформенные», настаивая на том, что «в эволюции французской поэзии» нет «никакого обобщающего, единого течения и, напротив, обнаруживается организованная реакция с явными признаками упадка»[132]. Не меньшую ненависть вызывают у него и коллеги, эти «полударования, не брезгающие интригой и даже лицемерием, стремящиеся к реакции в области поэзии», эти «умы, не смеющие признаться в тех управляющих ими идеях, которые они сознают или предчувствуют»[133].

В нарушение обещанной программы, подразумевавшей отчет о поэтических книгах, Гиль открывает 1905 год лестной рецензией на роман «Ветер уносит пыль...» своего старого друга и соратника по анти-символистской борьбе Жоржа Бонамура, прибавляя к этому ничем не оправданному панегирику отзывы о не менее бесцветных сборниках Джейн Катюль Мендес (жены Катюля Мендеса), Эдуарда Дюбюса, Тео Варле, Фредолена Верма. Боясь потерять лидерство, он отстаивает перед Брюсовым право на повторное эссе о книге Танкреда де Визана «Интроспективные пейзажи», уже рассмотренной Вяч. Ивановым. Из массы стихотворных сборников, появившихся в этот период, он выделяет «Послеполуденные часы» Э. Верхарна, но неизвестно почему оставляет без внимания заявленные им же самим «Стансы» Жана Мореаса. Предложив Брюсову рецензию на книгу Ф. Т. Маринетти, он затем не возвращается к ней. Что же касается романа Джона Антуана Но «Заимодавец любви», то здесь Гиль вновь вторгается на чужую территорию.

В результате этого рецензионного хаоса, обостренного инвективами против разного рода «реакционеров», иностранный отдел «Весов» претерпевает необратимую трансформацию и навсегда перестает отражать реальное состояние современной французской поэзии. Главным просчетом новой редакционной политики становится не то, какие имена журнал представляет своим подписчикам, а, напротив, каких поэтов он забывает или не считает нужным представить. Мы можем без преувеличения утверждать, что начиная с 1905 года «Весы» проглядели или неверно интерпретировали все яркие литературные события эпохи, пойдя, по словам Луначарского, по «путям», указанным не столько Малларме, сколько «бесконечно менее талантливым, но более решительным Гилем»[134].

В это время из поля зрения «Весов» выпал последний прижизненный сборник Шарля Герена «Человек изнутри» (1905); не получила отклика в журнале ни

одна из пяти книг Тристана Дерема (по одной ежегодно с 1905 по 1909 г.); в 1906 году была «пропущена» книга Мориса Магра, а в 1908 году — сборники Валери Ларбо и Поля Жеральди.

Если еще можно понять то раздражение, с каким рецензент прошел мимо двух сборников «кубиста» Андре Сальмона, то не отозваться в 1906 году на «Семь одиночеств» Милоша[135] было просто некорректно. Что же касается многотомной серии «Французские баллады» будущего «короля поэтов» Поля Фора (20 книг с 1897 по 1908 г.), то о ней Гиль напишет уже не для «Весов» и уже совсем в ином историко-литературном контексте[136].

Игнорирование наиболее талантливых современников сопровождалось в журнале принижением ключевых фигур прошлого — Малларме, Верлена, Рембо, Лафорга, а также их продолжателей — Пьера Луиса, Андре Жида, Поля Клоделя, Франсиса Жамма. Брюсов прекрасно знал творчество перечисленных авторов, многих из них сдержанно относя к «поэтам, заслуживающим внимания»[137]. Именно внимания недоставало на страницах «Весов» крупнейшим французским стихотворцам рубежа веков. Каждый из них был достоин отдельного «Письма о французской поэзии»; без опоры на их творчество невозможно было разобраться в огромной массе печатной продукции; при появлении их новых книг или итоговых собраний (в том числе и посмертных) необходимы были индивидуальные ретроспекции, трезвые, объективные. Увы, ничего подобного в «Весах» не появилось. Заявленная на 1905 год статья «Поэзия Жюля Лафорга», судя по всему, обсуждалась Гилем с живущим в Париже М. Семеновым[138], но едва ли планировалась им к написанию. Вместо этого журнал публиковал рецензии на «многообещающие» дебюты, оцениваемые с единственной точки зрения — их соответствия установкам «научной поэзии». Перечислять названия этих «необязательных» сборников не имеет смысла — они ничего не скажут сегодняшнему читателю.

Время от времени, при переиздании книг видных поэтов конца XIX века, Гиль не упускал случая высказать в адрес покойного автора какую-нибудь затаенную, застарелую обиду, наводняя страницы русского журнала оскорбительными выпадами и сплетнями самого низкого толка. Так случилось с тем же Жюлем Лафоргом, который якобы признавал собственную несостоятельность и потому испытывал «естественн<ую> ненависть» к другому поэту, Тристану Корбьеру[139]; так был развенчан Морис Роллина, осужденный за то, что «свел с истинного пути бодлэровский реализм, преувеличил его, опошлил его натуралистическими приемами, в духе дурно понятого Золя»[140]; так читатели узнавали «о чувственной извращенности» Поля Верлена «и даже о чем-то гораздо худшем»[141], вероятно, о его порочной связи с Артюром Рембо, и, как следствие, о дутом даровании этого «плохо воспитанного мальчишк<и>»[142].

Единственным выдающимся поэтом-символистом, всесторонний портрет которого Гиль воссоздал на страницах «Весов», был Стефан Малларме. Четыре пространные статьи, отмеченные многообразной гаммой чувств, колеблющихся от ревнивого уважения до обиженного раздражения, представляют собой лучшее из написанного им для журнала. Отношения автора цикла с его героем были сложными: этого «благороднейшего рыцаря поэзии»[143] идеолог «эволюциониз-

ма» непременно взял бы себе в союзники, но пути их разошлись, что не могло не проявиться в целом ряде противоречивых положений, характеризующих цикл. И в 900-е годы, и много позднее Гиль отказывался признавать, что «влияние Малларме огромно», что оно «может служить примером тех таинственных воздействий, которые во Франции превосходят даже влияние Гюго»[144]. Для него это был крупный, но не реализовавшийся талант — «великий, знаменательный заключительный образ»[145]; поэт без философского подтекста, который в своих виртуозных, но лишенных направляющей мысли творениях «потерпел неудачу и погиб, как безумец, одержимый мечтой о единой, всесовершенной “Форме”»[146].

В том же ключе, но с меньшей самоуверенностью отозвался Гиль о Поле Клоделе. Превознося этого поэта-дипломата за ум, «увлеченный соображениями высшего порядка»[147], он не посвятил ему ни цикла, ни отдельной статьи, а всего лишь рецензию, причем сразу на две его книги «Познание Востока» и «Поэтическое искусство», рецензию, напечатанную в подбор с другой рецензией — на книгу Сен-Поль Ру (последнему Гиль диктовал здесь же в «Весах» правила стихосложения). Несмотря на целый ряд восторженных высказываний в адрес разбираемых книг, рецензент не мог умолчать о глубинном конфликте между собственным мировоззрением и подобного рода литературой, создаваемой на волне католического ренессанса. Протестуя против распространяющегося богоискательства, он смирился бы с христианским вероучением, если бы оно не осмелилось поднять «самонадеянную руку на истины науки»[148].

Еще в 1904 году Брюсов разглядел в Клоделе неординарного литератора[149], а в 1907, за полгода до гилевской рецензии, назвал его одним «из замечательнейших писателей современности»[150]. Тем не менее, он не ввел Клоделя в русский литературный обиход, не обратился к его творчеству как переводчик. Совершенно очевидно, что подход Гиля соответствовал брюсовскому видению вещей и вполне отвечал позиции его журнала.

Разрыв с французским символизмом и символистами не мог не отразиться и на другой стороне просветительской практики «Весов». Мы имеем в виду их настороженное отношение к возникающим в те годы периодическим изданиям, среди которых с первого дня своего существования наиболее уверенно заявил о себе упомянутый нами выше «Vers et Prose», «один из лучших французских журналов»[151], как скажет о нем позднее Брюсов. Именно в этом органе, выписываемом в России И. Анненским и С. Маковским, были опубликованы ярчайшие произведения французской литературы — как новые, так и ставшие раритетными: «Музы» Поля Клоделя и «Вечер с господином Тестом» Поля Валери, очерки Робера де Суза и исследования Танкреда де Визана. Именно в этом органе, не стеснявшем своих авторов в выборе тем и методов, широко печатались бывшие символисты — Стюарт Мерриль, Гюстав Кан, Эмиль Верхарн, Альфред Жарри и другие представители поколения 1880-х годов, славу которых тщился единолично затмить Гиль. Не рассматривая современность как «пышный закат великолепного дня»[152], эти поэты сумели увлечь за собой молодых сотрудников журнала «La Plume», прекратившего свое существование в 1903 году, — Гийома Аполлинера, Поля Жеральди, Андре Сальмона, Мориса Магра и, позднее, Макса Жакоба, которые создавали авангардное искусство, избрав отправным пунктом символист-

ское наследие, отброшенное теперь Брюсовым за ненадобностью. Без ознакомления с содержанием «Vers et Prose», без реагирования на публикации его сотрудников, без солидаризации с идеями, излагаемыми на его страницах, не могло быть и речи об адекватном отражении текущей французской поэзии. Как бы дружественно ни относились «Весы» к поэтам из «Ecrits pour l'art», этот замкнутый кружок представлял современную литературу лишь отчасти, в то время как «Vers et Prose» был ее олицетворением.

Поразительно, что именно «Vers et Prose» Брюсов укорял в цеховой ограниченности: «круг сотрудников журнала» был для него слишком «узок» и состоял преимущественно из «писателей, вполне определившихся, уже давших все лучшее, что они могли»[153]. Поэтам, объединившимся вокруг этого журнала, он противопоставил участников литературно-артистической колонии «Аббатство», которым «сочувствовал» Гиль, хотя в действительности никакого противоборства между этими группировками не было.

Считается, что творческое и личное знакомство Брюсова с Рене Аркосом, Шарлем Вильдраком, Жоржем Дюамелем и Александром Мерсеро явилось существенным шагом на пути к расширению русско-французских литературных связей и тем самым послужило более взвешенному постижению русским поэтом крупнейших явлений французской культуры начала XX века. Предвидение Брюсова проявилось, по утвердившемуся мнению, в раннем «разгадывании» этих дебютантов и последующей активной популяризации их в России.

Не умаляя достоинств названных поэтов, мы считаем нужным отметить, что объект пропаганды (что вскоре понял и сам Брюсов) по всем показателям уступал фигуре пропагандиста и к тому же лишь поверхностно отвечал брюсовской задаче очертить некое международное братство устремленных в будущее стихотворцев-мыслителей. Более того, тяготение к утопическому течению, каковым являлось «Аббатство», отвлекало Брюсова от пестрого разнообразия парижской духовной жизни, а во время его заграничных поездок притупляло в нем любопытство литературного посредника, заслоняя не только произведения представителей других течений, но и их создателей. Для подтверждения этой мысли достаточно привести один пример. Осенью 1909 года Брюсов побывал в Париже у Гийома Аполлинера, «небезызвестного здесь писателя», и «провел у него время очень “приятно”». Беседа длилась несколько часов и, надо думать, касалась не только «томов, посвященных эротическим писателям прошлого»[154], которые в то время готовил к печати Аполлинер. Масштабности аполлинеровского дарования Брюсов, тем не менее, не разглядел. Как и в случае с Клоделем, он не взялся за перевод его стихов, остался безразличным к его последующим книгам.

Да и в поэтах «Аббатства» он отказывался видеть будущность, выходящую за рамки научно-поэтической доктрины, намеренно не замечая, насколько несправедливо было сводить все многообразие эстетических и социальных принципов, выдвигаемых коммуной, к мировоззрению одного Гиля, насколько неправомерно было пренебрегать «унанимизмом» Жюля Ромена, к которому эти художники и поэты были духовно несравнимо ближе, чем к Гилю, презрительно отзывавшемуся о них в письмах к Брюсову сразу после распада колонии.

В 1906 году Гиль посвятил «Аббатству» бо́льшую часть своей обзорной статьи, названной «Несостоятельность реакции» и носящей подзаголовок «Новые

поэты, исходящие из принципов “Научной Поэзии”». В этой статье, представлявшей собой традиционную для «Весов» ежегодную ретроспекцию, он не столько прославил «первый рассвет истинной Молодой поэзии», который забрезжил для него «на медленно озаряющемся небосклоне»[155], сколько обрушился на «совершенное», по его убеждению, «умственное и духовное убожество всего созданного за минувший 1906 год в области поэзии», на всех этих «читаемых, уже выдвинувшихся авторов», на море «бессильных и бесчестных изделий поэтов “романтического” или “нео-эллинского” возрождения с их сентиментальным эготизмом и с их риторическими пересказами античных мифов»[156]. Примечательно, что от некоторой доли злопыхательства не были избавлены даже восхваляемые в статье поэты — Ф. Вьеле-Гриффен и Э. Верхарн.

Интенсивное сотрудничество в «собственном» журнале — «Ecrits pour l’art», — существование круга единомышленников и другие стимулирующие факторы укрепили самоуважение Гиля, решившего, что настало наконец время перейти в открытое наступление. Весной 1907 года, в цикле из четырех статей, опубликованных в газете «Messidor»[157], он впервые во французской печати выдвигает постулат о двух равноправных истоках современной словесности — символизме и «научной поэзии». Все прочие тенденции трактуются им как реакция на ведущие школы, реакция бессильная и потому обреченная на поражение.

По своему содержанию статьи в «Messidor» были повторением и развитием тезисов, неоднократно изложенных в России, но явившихся откровением для Франции, которая этих новаций, впрочем, не заметила. Статьи были опубликованы на последней странице вечерней газеты, отведенной под уголовную хронику, сообщения о катастрофах и мелкие новости из-за границы. По своей композиции цикл должен был состоять из галереи портретов крупнейших идеологов и практиков символизма, то есть авторов, предназначаемых, как мы помним, для «Писем о французской поэзии», но (за исключением Малларме) лишь робко заявленных в переписке с Брюсовым. Словесные портреты подкреплялись на страницах газеты портретами фотографическими, среди которых неподалеку от классиков символизма уже в первом номере красовался медальон с изображением Гиля.

Завершала цикл статья о «научной поэзии», представленной в качестве кульминации мирового творческого процесса. В этой статье Гиль позволил себе процитировать высказывание Брюсова, восхищенного «величием и всемирным значением»[158] его музы, против чего редактор «Весов» апостериори не возражал.

Убежденности Гиля в незаменимости собственной концепции во многом способствовала так называемая «международная» поддержка, оказываемая ему прежде всего русскими стихотворцами, иначе говоря, Брюсовым, а также почитателями из Армении, Бразилии и других стран. Выяснилось, что «свидетельство в защиту» гилевской теории было дано «выдающимся английским поэтом Джоном Давидсоном», который «после целого ряда творческих созданий [...] пришел также к теории “научной поэзии” и к единой, сложной и существенной поэме о “Самосознающей вселенной”»[159]. Через два года после описываемых событий Джон Давидсон, к несчастью, ушел из жизни, но продолжал именоваться действующим союзником сциентизма во всех публикациях Гиля вплоть до 1923 года.

Русскому читателю легче других судить о том, насколько фантастичен тезис о всемирном или по крайней мере всероссийском влиянии Гиля. Для этого ему достаточно ознакомиться с сочинениями его сторонников, например, Флориана-Пармантье, автора пухлой на 1200 страниц «Истории современной французской литературы» («Histoire contemporaine des Lettres françaises», 1914), в воспоминаниях которого встречаются следующие поразительные высказывания:

«Au surplus, ce n'est pas seulement en France que les théories ghiliennes ont exercé leur empire. Toute la jeune Belgique littéraire est marquée au sceau de l'instrumentation verbale. En Russie, où Valère Broussoff publia, en 1904 (dans Viessy), une étude sur la Poésie scientifique qui fit sensation, la pensée de Ghil fut accueillie avec une telle sympathie que des écrivains russes voulurent savoir s'il n'était point possible d'attribuer au Maître du Meilleur Devenir de lointaines origines asiatiques. Le ton de prophétie de plusieurs poèmes enthousiasma la jeunesse littéraire du pays slave, et Alexandre Blok, Ivanoff, Armen Ohanian (sic), Siatcheslave (sic), Théodore Sologoub, etc. fondèrent en Russie une Ecole nettement inspirée des principes ghiliens»[160].

[«Гилевские теории обрели господствующее положение не только во Франции. Вся молодая литература Бельгии была отмечена печатью словесной инструментовки. В России, где Валерий Брюсов опубликовал в 1904 году в "Весах" нашумевший этюд о "Научной поэзии", идеи Рене Гиля были встречены таким сочувствием, что русские писатели стали интересоваться, нет ли в происхождении автора "Лучшего будущего" отдаленных азиатских корней. Несколько его пророческих стихотворений внушили такой энтузиазм литературной молодежи этой славянской страны, что Александр Блок, Иванов, Армен Оганян (sic), Сячеслав (sic), Федор Сологуб и др. учредили в России школу, совершенно очевидным образом вдохновленную гилевскими принципами»].

Здесь необходимо пояснить, что Флориан-Пармантье если и виноват в дезинформации французских читателей, то лишь отчасти. Не являясь специалистом по русской поэзии, он черпал свои сведения из разговоров с людьми более осведомленными, среди которых была другая представительница гилевского окружения, псевдо-поэтесса Армен Оганян[161], за несколько лет до этого побывавшая в Советской России. Допускаем, что он даже читал ее путевые заметки. В них брюсовское подвижничество начала XX века описывалось в следующих категориях:

«C'était à l'époque, où les Symbolistes Russes, venus de Baudelaire, de Verlaine et de Mallarmé, en sortant, commençaient à se modeler sur les théories de René Ghil... Valère Brussov, premier interprète de ces théories en Russie, indiquait vigoureusement la parenté des aspirations de René Ghil avec celles des Russes»[162].

[«Это была эпоха, когда русские символисты, отталкиваясь от Бодлера, Верлена и Малларме, начали в поисках выхода лепить себя по Рене Гилю... Валерий Брюсов, первый интерпретатор его теорий в России, энергично указывал на родственность гилевских устремлений с устремлениями русских поэтов»].

Безусловное принятие Брюсовым «научной поэзии» имело для французского отдела «Весов» прямые последствия, чему немало способствовала нестабильная

обстановка в редакции, ощущающей хроническую нехватку материалов. Список рецензируемых книг при этом нисколько не изменился — это были снова сборники поэтов «Аббатства», несколько переизданий поэтов «старой гвардии», но главным образом «новички», уже знакомые читателям по предыдущим выпускам, — Поль Друо, Виктор Личфус, Абель Пеллетье, Вальми-Бейс. Критерий отбора также оставался единственным — приверженность (нередко мнимая) идеалам «научной поэзии». Отсюда — безразличие к объекту рецензирования, служившему, как правило, лишь поводом для самовосхваления. Вот «совершенно новое имя поэта: Жан Отт, — писал Гиль в октябре 1907 года, — молодые поэты, которые основывают свою поэзию на тех же принципах, как и мы, невольно приходят к одинаковым выводам. Так я в моем трактате "En méthode" предвидел логическую мечту "провиденциальной мощи, исходящей от науки", а в моей книге "Voeu de vivre" я высказывал пожелание, чтобы над невежественным и эгоистическим произволом народов, над эгоизмом и интригами власти, какова бы она ни была, возник некий страх, — как бы взамен Закона[163]. [...] Таким образом появление книги г. Отта еще раз доказывает нам, что только обновляющая идея научной поэзии прокладывает пути для поэтов будущего, — поэзии, не имеющей предела, как и сама вечно ищущая наука!»[164]

Вместо обещанных очерков о крупных поэтах прошлого — многословные, по большей части беспочвенные нападки на монографии о классиках символизма, на публикацию их эпистолярного наследия, на многолетние изыскания в области современной поэзии. Порицается всё: и собрание писем Ш. Бодлера, и новая биография П. Верлена, и его же посмертно изданная книга «Путешествие француза по Франции», и «ненужное» переиздание антологии «Поэты сегодняшнего дня», подвергнутое беспощадной критике за пересмотренные (в новом издании непочтительные) характеристики представленных в ней авторов, в первую очередь, самого Гиля. Из работ по истории литературы он, напротив, выделяет претенциозную книгу Эмиля Белло «Заметки о символизме», не принятую во внимание серьезной французской критикой, но вошедшую затем в литературоведческий обиход Брюсова наравне с действительно авторитетными трудами[165].

Цикл, опубликованный в газете «Messidor», стал кульминацией литературно-критических выступлений Гиля, высшей точкой его зрелой карьеры, обретшей ненадолго второе дыхание и теперь стремительно летящей вниз. Группа, сложившаяся вокруг «Ecrits pour l'art», уже через год распалась или, точнее, изменила свою идейную ориентацию: соратники Жана Руайера перешли за ним в новый журнал «Phalange», которому на долгие годы суждено было стать рупором крепнущего неосимволизма. Гиль воспринял уход Руайера как предательство, приспособленчество и слабость. Несколько позднее отреклись от него и поэты «Аббатства». Наступали, как вспоминала Ахматова, времена, когда «Рене Гиль проповедовал "научную поэзию", и его так называемые ученики с превеликой неохотой посещали мэтра»[166]. Тем озлобленней становились французские хроники «Весов», отныне пропитанные желчной ненавистью и презрением ко всем пишущим:

«Минувший год, — подводил Гиль итог в январе 1909, — не вывел французской поэзии из того неопределенного положения, в каком застал ее. Вся жизнь ее

проходит на том среднем уровне, который определяется привычкой к старому александрийскому стиху и пристрастием к чисто словесной риторике, повторяющей все общие места. Эта поэзия сама не верит в себя, несмотря на все свои упорные попытки реакции, направленные против школы "символистов" и против идей "научной поэзии"»[167].

Его рецензии этого периода столь же многочисленны, сколь и монотонны. В мартовском номере за 1908 год он публикует сразу несколько отзывов о сборниках поэтов самого разного возраста, направления и дарования — Ф. Вьеле-Гриффена, Шарля Вильдрака, Эдгара Баеса, Николя Деникера, Андре Вальвиюса (Вальвиюсу рецензент предрекал блестящее будущее). В последующих выпусках журнала 1908—1909 годов — не меньшая бессистемность: здесь и Реми де Гурмон с переизданием поэмы «Симона» (впервые — в 1892), и в который раз Виктор Личфус, и Габриель Воллан, и Габриэль Мурей, и Шарль Режисмансе, и Жюль Ромен, и Ш. Савари, и Валентина де Сен-Пуан, и Э. Верхарн, и Пьер Фонс, и Оливье Калемар де Лафайет, и совсем уже вне русла «весовской» практики текстологическое исследование поэмы Ламартина «Жослен».

В этот период не только в статьях, но и в письмах к Брюсову Гиль систематически дискредитирует лучшие проявления поэтического возрождения, безапелляционно заявляя, что журнал «Nouvelle revue française», возглавляемый Андре Жидом, «объединяет вокруг себя группы литераторов без общей линии поведения. Это или молодежь, или люди постарше, но без прошлого, одержимые единственным стремлением напечатать свои поэтические и прозаические опусы, которые никогда не остановят на себе благосклонного внимания какой-нибудь литературной величины» [«sans ligne de conduite, de gens, ou jeunes, ou plus âgés mais sans histoire, seulement possédés du désir de publier leurs vers, leurs proses, sans que rien puisse arrêter l'attention éprise de quelque personnalité qui se ferait jour»][168]. Этот журнал, — добавляет он, возвращаясь к своей излюбленной теме — «является еще к тому же выразителем реакции (поскольку эти мелкие личности выставляют себя в качестве обновителей языка и традиций, исковерканных нашим поколением!). Каждый раз, когда в названии присутствует слово "французский", это означает невежественный, бессильный протест против нас: ибо похоже, что мы были и есть *иностранцы*! Верхарн, Гриффен, Мерриль, Кан и я сам...» [La *N<ouve >lle Revue Française*, semble de plus de réaction encore (car ces petits messieurs se posent toujours en rénovateurs de la langue et de la tradition abîmées par notre génération!). Chaque fois qu'il y a Revue Française, cela veut dire protestation ignorante et impuissante contre nous: car, paraît-il, nous étions, nous sommes, des étrangers! Verhaeren, Griffin, Merrill, Kahn, moi!...][169]

Весной 1910 года, с трудом добившись помещения давно написанных статей в «прошлогодние» номера умирающих «Весов», Гиль в конце концов отвоевывает себе привилегию па публикацию двух программных статей, объединенных заголовком «Истоки новой поэзии» и представляющих собой вступительные главы его книги об истории символизма, так и не написанной для «скорпионовского» журнала. В том же году М. Волошин привлекает его к сотрудничеству в «Аполлоне», найдя таким образом применение обзорам и рецензиям, невостребованным «Весами».

Наиболее яркой вехой сотрудничества Гиля в журнале становится составленный им по заданию редакции специальный выпуск, цель которого состояла в демонстрации различных аспектов французской культуры — поэзии, прозы, драмы, музыки, живописи и философии[170]. В письме к Брюсову, написанном в процессе работы, Гиль изложил содержание будущего номера и в ответ получил горячее одобрение, хотя начитанный, осведомленный Брюсов не мог не заметить, что широчайший спектр французской интеллектуальной жизни был представлен в проекте более чем наполовину адептами «научной поэзии», а то и просто людьми, близкими к личному окружению составителя. Наряду со знаменитым прозаиком Полем Аданом и менее знаменитыми, но все же высоко профессиональными публицистами и романистами братьями Леблон, наряду с видным музыковедом Луи Лалуа, в списке авторов числились и начинающий критик Джон Шарпантье, и дилетантка А. В. Гольштейн, и некий Л. С. Перри, о котором нам, несмотря на все усилия, не удалось отыскать никаких сведений.

Собственные идеи Гиля были изложены им в обширной статье «Поэзия»[171], положения которой, отточенные со времен «мессидоровской» публикации 1907 года, ничего не прибавляли к ранее напечатанному Гилем в России. Единственное, чего здесь было больше, так это не щадящих никого ярлыков[172] и самолюбования[173]. Не исключено, что именно по этой причине часть текста при переводе была изъята и в печать не попала. «Несколько страниц из моей рукописи, — жаловался Гиль Брюсову в письме от 20 июня 1910 года, — было опущено, что в одном месте вызвало неприятную для меня неточность. Ну да ладно, главное было сказано» [«encore que plusieurs pages de ma copie aient été supprimées ce qui a causé un imprécision à un endroit, qui m'a été désagréable. Enfin, le principal a été dit»][174].

В отличие от программной статьи «французского» номера, рецензии, поставляемые Гилем время от времени в «Аполлон», были лишены «боевого» характера, свойственного его «весовским» публикациям, но и здесь он неукоснительно проводил собственную линию, наводняя журнал третьестепенными именами и названиями, отбрасывая чуждое, умалчивая о недружественном. Однако в новом органе его эскапады не встретили сочувствия, и по мере укрепления позиций акмеистов его в конце концов довольно невежливо отстранили от сотрудничества.

Московская карьера Гиля на том бы и закончилась, если бы не своевременная поддержка Брюсова, пригласившего его на роль литературного хроникера «Русской мысли». Здесь он продолжает регулярно печататься до самого начала Первой мировой войны, но уже без прежнего напора и энтузиазма. Курируя теперь не только поэзию, но прозу и драматургию, он с привычным равнодушием «пропускает» и «Транссибирскую прозу» (1912) Блэза Сандрара, и эпопею Ромена Роллана «Жан-Кристоф» (1904—1912), и романы Марселя Прево, и многие другие книги, получившие резонанс во французской критике. Касаясь новшеств в театральной сфере, он обходит совершенным молчанием балетный спектакль Вацлава Нижинского «Послеполуденный отдых фавна», постановка которого весной 1912 года вызвала бурю в артистическом Париже, отворачивается от Жана Кокто, насмехается над Ростаном.

Поль Клодель? Его «Поэтическое искусство», сочувственно встреченное в «Весах», было в «Аполлоне» осуждено за мистицизм, ненависть к науке и «лож-

ную и несвоевременную тенденциозность»[175]. В то время, как Волошин восхищенно переводил для «Аполлона» клоделевские «Музы», его парижский знакомый не заметил ни «Пяти больших од» (1910), ни «Кантаты на три голоса» (1913), ни пьесы «Заложник» (1910), ни другой пьесы «Весть, ниспосланная Марии» (1912), хотя не заметить их можно было только преднамеренно.

Гийом Аполлинер? — ни рецензий, ни откликов, ни даже упоминания.

Шарль Пеги? До переводного некролога, появившегося в 1915 году в «Русской мысли», в России практически не знали этого автора, хотя его «Двухнедельные тетради» («Cahiers de la Quinzaine») с 1900 по 1914 год пользовались непререкаемым авторитетом в литературном Париже. Совершенно очевидно, что это был поэт, чуждый Гилю, поэт с ярко выраженным религиозным чувством, и все же, пренебречь Пеги под предлогом неких идеологических расхождений было для историка литературы поступком по меньшей мере недобросовестным.

«До сих пор еще, перечитывая старые “Весы”, — восхищался в 1922 году Осип Мандельштам, — захватывает дух от радостного удивления и волнующей лихорадки открытия, которой была одержима эта эпоха»[176]. Чувства, испытанные поэтом, близки и понятны любому, кто хотя бы раз прикасался к этим сокровищам интеллекта и художественного вкуса. Тем острее разочарование, возникающее при последовательном чтении «весовских» и других материалов Гиля, рассматриваемых теперь в отрыве от каждого конкретного «русского» номера и поневоле оцениваемых в абсолютном измерении, без ссылок на контекст их первой публикации или скидок на неподготовленность аудитории. Мы согласны, что «Письма о французской поэзии» были новым словом в русской периодике, что они открывали невиданные ранее горизонты, разворачивали перед читателем бесконечный список неизвестных ранее имен и т. п. Однако мы не согласны, что процесс этот был плодотворным, поскольку большинство открытий, якобы сделанных Гилем, были ложью, иллюзионом, быть может, еще одной, на этот раз неудачной маской «волшебника» Брюсова.

Нетрудно предвидеть еще одно (весьма распространенное) возражение: дескать, за отсутствием других корреспондентов Гиль поневоле сыграл роль проводника французской культуры и эта роль по своей сути положительна. Можно даже сказать, что он повторил в России путь другого нашего («теневого») героя, Макса Нордау, трактовавшего в разоблачительном ключе революционные явления модернизма, но в конечном итоге возбудившего общественное любопытство к поэтам и писателям, ранее широкой аудитории неизвестным.

В какой-то мере это, вероятно, и так. Но, во-первых, в отличие от австрийского публициста (или Льва Толстого, боровшегося с «болезнью времени»), Гиль сам принадлежал к модернистам и обличал не явление как таковое, а лишь некоторых его приверженцев, выставляя себя и свое учение в качестве альтернативы, но при этом оставаясь в том же постсимволистском лагере.

Во-вторых, как мы, надеюсь, продемонстрировали на целом ряде примеров, он слишком часто «рекламировал» то, что едва ли было достойно чьего-либо внимания, а еще чаще красноречиво умалчивал о вещах и именах, достойных самой активной пропаганды.

Если говорить серьезно, к каким открытиям мог привести воодушевленную молодежь человек, чье «болезненное себялюбие [...] не раз шокировало русского

читателя?»[177] Какого творческого диапазона можно было ожидать от литературного затворника, живущего в окружении семейных знакомых и горстки посетителей еженедельных салонов, устраиваемых его женой? Это искусственное, отгороженное от внешних воздействий пространство Гиль перенес на страницы журнала, устремленного навстречу всему человечеству и выступающего против любой изоляции. Брюсовское «окно» в «молодую европейскую поэзию»[178] оказалось прорубленным в уютную квартиру неподалеку от Елисейских полей, хозяин которой горделиво сторонился литературных собраний (куда его не приглашали), а о новых, дерзких свершениях судил по книгам, присылаемым ему бесплатно немногими парижскими и бельгийскими издательствами, озабоченными популяризацией своей продукции за границей. Выбор новинок был, как и следовало ожидать, крайне ограничен, что, естественно, еще сильнее сужало и без того узкий литературный кругозор рецензента. Французский раздел «Весов» — журнала, претендующего на всемирность, — получился в результате не столько партийным (чего собственно и добивался Брюсов), сколько однобоким. Той же участи не избежал в первые месяцы своего существования и «Аполлон». Что же касается «Русской мысли», то ее французская хроника сделалась сначала трибуной всепобеждающей науки, а затем скатилась до прославления ее единственного «пророка».

Глава V. «Гений восприимчивости»[179]

Что же все-таки привлекало Брюсова в Рене Гиле? Как случилось, что, отзываясь в литературе на «каждый звук» и зорко следя «за малейшими колебаниями» поэтической атмосферы, Брюсов, по замечанию М. Кузмина, принял «секундную рябь (вроде Рене Гиля и Северянина) за действительное движение воздуха»?[180] Чем объяснить, что одному из крупнейших русских поэтов «пришлось (по словам другого поэта — Б. Пастернака) остаться блюстителем определенного движения»?[181]

В 1923 году, откликаясь на празднование пятидесятилетнего юбилея Брюсова, Пастернак напишет стихи, в которых определит свое смешанное отношение к старшему товарищу. В этих стихах есть четверостишие, противопоставляющее поэтическую самоотверженность и дисциплину некой «гили». Убежденные, что у таких величин, как Пастернак, ни одно слово не появляется в строке случайно, мы считаем, что между приводимой ниже строфой и занятиями Брюсова «научной поэзией» существует по меньшей мере ассоциативная связь:

> Что я затем, быть может, не умру,
> Что, до смерти теперь устав от гили,
> Вы сами, было время, поутру
> Линейкой нас не умирать учили?

Над звуковым совпадением фамилии Гиля с оскорбительным русским словом, означающим «чушь, глупость, нелепицу» (В. Даль), насмехались, как вспоминал Бальмонт, еще в 80-е годы XIX века[182]. В своих письмах из Парижа Воло-

шин, опасаясь издевок, предлагал редактору «Весов» либо писать Гхиль, либо давать фамилию критика по-французски. Русские журналы в течение многих лет следовали второй рекомендации. Но дело, разумеется, не в омонимии, порождающей насмешку.

Общепринятым объяснением особого расположения Брюсова к Гилю является наличие глубинного сходства между этими двумя людьми — математически расчетливыми, прагматичными, склонными к рационализации переживаний, фанатически целеустремленными, подчиненными внутренней творческой дисциплине, в чем-то сухими, а в чем-то наделенными холодной страстностью, но, главное, исполненными чувством повышенной ответственности по отношению к каждому написанному ими слову. Нетрудно провести между русским и французским поэтами чисто внешние аналогии — оба педантично хранили свои архивы[183], трепетно относились к любому печатному выступлению о собственной персоне, оба жили во имя литературы, во имя славы: сегодняшней для Брюсова, будущей — через четыре столетия — для Гиля. Подобные сопоставления можно было бы продолжить, однако, так или иначе, к обоим поэтам с разной степенью приближения применима характеристика, дошедшая до нас в передаче Н. Петровской: «Инквизитор от литературы, схема, картонный манекен, начетчик, маг, волхв, звездочет, "одержимый", маниак честолюбия и величия, в общении человек трудный и тяжелый, ядовитый, колющий, как игла, — так покончило с личностью Брюсова общественное мненье, так поставило на нем штамп...»[184]

Однако, если вдуматься, насколько реальной была эта родственность? Не скрывалось ли за ней борьбы конфликтующих характеров, при которой «ученик» мечтал, по крайней мере на практике, превзойти учителя? Здесь есть над чем призадуматься. Во-первых, поверхностными параллелями не исчерпывается натура Брюсова, несопоставимо более богатая, чем у Гиля. Во-вторых, с точки зрения литературного признания и, соответственно, обоснованности самооценки это были совершенно не равные величины, даже если принять во внимание нелюбовь к Брюсову со стороны части читателей, отдающих предпочтение спонтанному творчеству. И, в-третьих, параллели эти не только заслоняют многие нюансы, но и подменяют суть расхождений, на которых мы хотели бы вкратце остановиться.

Итак, Брюсов — донжуан, вечно кающийся грешник, постоянно изменяющий жене и вносящий трагический сумбур в жизнь своих возлюбленных, азартный карточный игрок, завсегдатай скачек, морфинист[185], путешественник, мечтатель, увлекающийся бесчисленными проектами, трудолюбец, личность цельная, «делец, администратор, стратег», «деловито» хозяйничающий во вверенных ему человеческих коллективах[186], работающий, как сказали бы сегодня, на конкретный результат.

Противоположность ему — Гиль: индивидуалист-созерцатель, в практических вопросах предпочитающий роль даже не «мозгового центра» — вдохновителя. Не менее властный и тщеславный, чем Брюсов, но властный вхолостую: при малейшем неприятии своего метода сменяющий покровительственную дружбу на желчное брюзжание. В быту — образцовый супруг, с неподдельным возмущением осуждающий всякое отклонение от общепринятых нравственных норм, пуританин, домосед, лишь однажды в молодости покинувший пределы Франции

для короткой поездки в Бельгию; рантье, никогда нигде не служивший, живущий на деньги, получаемые от доходных домов, отписанных ему отцом, иначе говоря, «средний француз», как прозорливо определила его А. В. Гольштейн[187].

Существуют свидетельства, что Брюсов увлекался алгеброй и еще юношей хотел пойти учиться на математический факультет. Более того, он, по его собственным словам, провел немало времени в музеях, занимался текстологией, готовил к печати рукописи и вообще испытывал слабость к научно-прикладной деятельности[188]. «Самый культурный писатель на Руси»[189], он с необыкновенной настойчивостью приобрел солидные знания в разнообразных областях, отдавая предпочтение истории Средневековья и Древнего Рима, что нашло отражение в его прозе. И хотя многие из источников его произведений были вторичными, а сами источники использовались далеко не исчерпывающим образом, для романиста, озабоченного литературными приоритетами, эрудиция Брюсова имела твердый фундамент.

Чем еще был замечателен Брюсов-ученый? Если прислушаться к суждениям противоположного свойства, то «тем, что составил себе репутацию *"умницы"*, не имея ни одной собственной мысли; поэтому всю жизнь занимался тем, что строил гримасы на чужие мысли»; тем, что «со свойственной ему практической сметкой *"купца"* еще рано понял, что ему остается за неимением собственных мыслей прикинуться специалистом и "выжевывать" трудолюбиво собираемые исторические сведения о Пушкине, в чем преуспел лишь для вида»; а еще тем, что был «энциклопедически образован весьма; а специальных знаний [имел] ровно настолько, чтоб составить себе репутацию ученого специалиста в версификационных делах...»[190]

Поразительно, но при осмыслении литературно-критической продукции Гиля складывается именно этот второй, раздражающий своим высокомерием образ недоучки. Закончив лицей в семнадцатилетнем возрасте и не получив университетского образования, Гиль имел весьма смутное представление о научном поиске, в чем его не преминул горько упрекнуть его бывший ученик, автор нескольких исследовательских работ в области медицины Жорж Дюамель[191]. Его дарвинизм, его позитивизм, его несокрушимая вера в теории Огюста Конта были расхожими убеждениями времен его юности, безнадежно устаревшими к началу XX века. Всецело принадлежа к веку предыдущему, постулаты этих течений отражали «безграничную преданность современному точному знанию, — бесстрастному, независимому от жизни, самодовлеющему, как верховному, всепоглощающему принципу философии, искусства и жизни»[192]. Создавая десятилетиями единственную поэтическую эпопею, Гиль и свои теоретические выкладки неизменно сводил к одной сакральной теме — к поклонению са́мой «научной науке»[193], — словно опасаясь опорочить это беззаветное служение подозреньями в неверности.

Мы знаем, что каждого из своих многочисленных корреспондентов Брюсов помещал в строго ограниченный сектор общения, ведя с ним отдельный разговор, заменяя, если вновь процитировать Н. Петровскую, «жизненные встречи [...] лишь профессионально-социальными отношениями, лучше сказать, — "клише" отношений»[194]. Этот аспект, безусловно, присутствовал в его эпистолярном обмене с Гилем, но не доминировал в нем. Едва ли кому-нибудь в России было

известно, что Гиль был не просто собеседником Брюсова, а собеседником привилегированным. Едва ли кто-нибудь подозревал, с какой готовностью русский поэт впитывал каждое слово своего французского наставника, с какой искренностью верил в незыблемость его суждений. Со стороны подчиненность эта была почти неразличима и проявлялась позднее — в публикациях Брюсова. Несмотря на возвышенные приветствия («Дорогой друг и славный поэт!» Гиля и «Уважаемый учитель» Брюсова), в своих письмах оба корреспондента, казалось, были заняты оперативной журнальной работой. Со стороны Гиля это был подробный отчет о сделанном, пересказ будущих статей, перечень предполагаемых к рецензированию новинок, информация о подготовке к печати собственных книг, изредка рассказ о парижских литературных мероприятиях. За исключением формальных сообщений о поездках в деревню, болезнях жены или родителей, Гиль почти не делился с Брюсовым соображениями личного характера, сделав за все годы только два отступления от этого правила: описал встречу с юной яванской танцовщицей, будущей героиней «Пантума пантумов»[195], да посплетничал о загадочной московской женитьбе Александра Мерсеро[196]. Брюсов, насколько мы можем догадываться при отсутствии большинства его писем, платил ему тем же. Лишь однажды, в декабре 1913 года, после смерти Надежды Львовой, приподнял он завесу над этой трагической стороной своей жизни, но не нашел у парижского собрата ничего, кроме формального сочувствия. В столь откровенном безразличии Гиль был, правда, виноват лишь отчасти: рассказывая о самоубийстве переводчицы гилевской брошюры «Предтечи научной поэзии», Брюсов не открыл подлинной сущности своих отношениях с покойной, а только намекнул на них и потому едва ли мог до конца рассчитывать на участие и теплоту. Для автора «Предтеч» гибель Н. Львовой явилась еще одной помехой на пути к русскому изданию его книги. Нам, знающим реальную подоплеку событий, нелегко читать его плоские рассуждения о том, что «рядом с мыслью об этой юной жизни, решившей, что ей пора оборваться, задержка с публикацией кажется, разумеется, пустяком» [«Devant la pensée de cette jeune vie qui voulut finir, le retard à la parution me semble peu, certes»][197]. Сложнее проявить снисходительность к сетованиям Гиля по поводу жертв Первой мировой войны, среди которых были десятки молодых французских поэтов, сетованиям, сопровождаемым стыдливой просьбой поместить в «Русской мысли», вместо обещанных статей, его стихотворения о войне — «за тот же гонорар, разумеется, получить который будет приятно!» [«Mêmes honoraires sans doute, — qui, certes, me feront plaisir!..»][198].

В 1925 году, узнав о кончине Брюсова, Гиль откликается на нее некрологом, в котором соболезнует не столько об ушедшем из жизни товарище, сколько об исчезновении крупного деятеля «научной» поэзии, к тому же прошедшего все необходимые этапы ученичества у одноименной французской школы: «Он воспринял символистский идеал. Он указал русским поэтам главные его достоинства, он заставил их руководствоваться ими. Он пошел еще дальше» [«Il passa par l'idéal Symboliste, — en démontra, en imposa aux poètes Russes les mérites essentiels. Il alla plus loin»][199]. В глазах Гиля, приписывавшего себе яванское происхождение и ощущавшегося себя непререкаемым «гуру», «московский диктатор» Брюсов был «Владыкой Мира», жестоким, неприступным Тамерланом, в крови которого чув-

ствовался «отдаленный пережиток темной татарщины» [«quelque chose de très lointain de l'occulte espérance Tatare»][200].

Не нашлось места для друга, увы, и в главной мемуарной книге Гиля «Даты и творения» (1923), вышедшей за два года до смерти Брюсова и не содержавшей ни летописи их совместной работы, ни даже упоминания о сути взаимоотношений автора с редактором «Весов». До сих пор во французских публикациях о Гиле эта глава его жизни описывается мимоходом, как случайное событие, о котором не сохранилось достоверных документальных свидетельств. Подобное не объяснишь забывчивостью. Книга «Даты и творения» носила подзаголовок «Символизм и научная поэзия» и трактовала историю символизма как предысторию эволюционизма. Брюсов в этом космическом процессе был отодвинут в тень как зарубежный сателлит, выведенный на подобающую ему второстепенную орбиту.

Не представляя себе существования вне Парижа, Гиль, по-видимому, считал свои публикации в русских журналах черновыми заготовками к другим — французским — публикациям, и если иногда проявлял заботу о формировании вкусов московско-петербургской аудитории, то единственно во всемирно-историческом плане. Он и после прекращения «Весов» продолжал гордиться своей просветительской миссией, хотя его хроники в «Русской мысли» писались им то ли ради заработка, то ли по инерции.

Совершенно очевидно, что любые теоретические модели, выдвигаемые Гилем, являлись для него не более чем аккомпанементом к «Творению», ибо Гиль считал себя поэтом и только поэтом. Недаром, выпуская в 1938 году его «Полное собрание сочинений», преемники, вопреки названию, включили в состав трехтомника исключительно поэтические тексты, подчеркнув в неподписанной преамбуле, что выполняют волю покойного автора, заранее определившего условия освоения собственного наследия[201]. Поэтом сложного, но неопровержимого дарования считал Гиля и Брюсов:

«В “Творении” Г[иля], — писал он, — немало страниц, очень сильных по выражению и глубоких по мысли; есть и отдельные места, написанные очень певучим стихом. Г[иль] — подлинный поэт, но его язык, переполненный словами малоупотребительными, техническими терминами и смелыми неологизмами, а также крайне запутанное синтаксическое построение фраз — делают знакомство с поэзией Г[иля] весьма не легким. Доступнее критические статьи Г[иля], показывающие в нем критика самостоятельного, прекрасно знакомого с историей литературы, глубоко и тонко чувствующего красоту поэтического создания»[202].

Итак, единственно труднодоступностью можно объяснить тот странный факт, что, повсеместно рекламируя метод Гиля, Брюсов не спешит воссоздать его шедевры на русском языке. Четыре перевода за 12 лет дружбы (причем не «научных», а вполне символистских стихов) — результат скромный, если не скудный. Из года в год откладывает Брюсов издание лучших фрагментов «Творения», которые так и не увидят света в России, а вместо них публикует то Верлена, то Верхарна. Небезразличным является и тот факт, что бельгийский поэт продолжает восхищать Брюсова наперекор критике Гиля, сетующего на его «разжиженный» стих, на «романтическую окраску в духе Виктора Гюго»[203] и другие недуги

традиционной поэзии. Реакцией Брюсова на подобные упреки было поначалу недоумение. В недошедших до нас письмах он, судя по всему, просил разъяснений и получал в ответ «весовские» рецензии — смесь уважения к гению фламандца и осуждения за его неспособность принять «научную поэзию».

Противоречия, раздирающие в ту пору внутренний мир Брюсова, поразительны: преклоняясь перед методом Гиля, он не видит возможности воплощения его текстов на родном языке и в конце концов решает представить на суд соотечественников не конкретные произведения Мастера, а правильную методологию написания стихов, словно надеясь вывести формулу, которая отвечала бы всем техническим заданиям современной жизни. Идея о возможности применения к поэзии математически рассчитанного инструментария довольно рано начала представляться Брюсову искомым подспорьем в преодолении символизма, переживающего идеологическое банкротство. Около 1905 года он стал первым, если не единственным в России читателем гилевских стихотворений — вдумывался, расщеплял образы, сличал варианты. В это время он еще не «самоопределился в качестве научного поэта»[204], но уже почувствовал возможности, предоставляемые ему новым учением. «На этом рубеже, — писали позднее, — открываются перед поэтом безбрежные "дали". Наука открыла новые горизонты, новые миры. Эйнштейн, наблюдения над Марсом, открытия в химии, физике — все это воспринимается поэтом, он дышит новой атмосферой. Кругом него еще живут обывательской, обычной жизнью, как жили тысячу лет... А поэт уже чувствует, видит этот новый, открытый новыми учеными Колумбами, мир... Сам он теперь уже "Электрон, что покинул свой атом". Он видит вселенную... Его язык пестрит научными терминами. Это почти формулы, понятные только людям, имеющим такие же окна и из тех же книг, как у самого поэта»[205].

В 1907 году Брюсов признался Гилю, что «научная поэзия» отныне владеет всеми его помыслами[206]. Под влиянием «весовских» статей, которые он отчасти переводил, отчасти редактировал, Брюсов согласился с тезисом о том, что сциентизм составляет незаменимый, хотя и невидимый фундамент новейшей литературы, что большинство современных поэтов заимствовало у его парижского коллеги не только теоретические обоснования, но и центральные мотивы творчества. Посылка об этом всеобщем плагиате, развитая Гилем в десятках публикаций, в том числе и русских, восходила к 1889 году — ко времени его разрыва с символистским окружением. Как это ни удивительно, но объектом плагиата, в глазах Гиля, становились не просто идеи, но и сами слова, их определяющие. Подобно тому, как никакая наука не может обойтись без строго установленных терминов, «научная поэзия» обладала словесными атрибутами, ей одной свойственными. Использование этих ключевых слов разрешалось только адептам учения: любая эксплуатация их другими течениями воспринималась как злонамеренное вторжение в «частные» владения. Проблема состояла, однако, в том, что этими «гипнотизирующими» терминами были такие обыденные речения, как синтез, наука, универсальный, оркестровка и многие другие, менее распространенные, но известные всем желающим по трудам Гегеля, Спенсера, Ницше, Дарвина и... памятникам древнеиндийской мудрости и мексиканской философии. Этими понятиями был пропитан воздух ушедшего века, они были ничьими, но Гиль не желал

соглашаться с такими очевидными доводами. Да и сами темы, громогласно им объявляемые, — урбанизм, постижение жизни во всей ее полноте, воспевание человеческого труда и т. п. — были принесены в литературу совсем иными писателями. Это были чужие идеи, которые Гиль, уличавший весь мир в литературном воровстве, исказил до крайности — окарикатурил. «Карикатурный Гиль» (как сказал о нем Эллис)[207], однако, зря тревожился о том, что его изобретения будут присвоены выскочками. Как мы уже не раз подчеркивали, его книг ни во Франции, ни в других странах никто из серьезных писателей не читал. Даже Брюсову пришлось в конце концов согласиться, что главный теоретический труд Гиля «не встретил никакого отзыва в литературе и долгое время не оказывал никакого влияния»[208].

Не секрет, что Брюсов ставил это произведение очень высоко. «Валерий Яковлевич разыскал во Франции мало кому известного поэта Рене Гиля, изобретателя "научной поэзии", — язвил по этому поводу И. Эренбург. — Брюсову рассуждения Рене Гиля понравились: Валерий Яковлевич давно уже хотел быть колдуном с высшим образованием, магом-академиком»[209].

Это из смягченного варианта знаменитых мемуаров. В «Портретах современных поэтов» 1923 года Эренбург называет Гиля поэтом «захудалым», выражая тем самым скептицизм по отношению к утопическим призывам Брюсова «вовлечь в область поэзии темы научные, методами искусства обработать те вопросы, которые считаются пока исключительным достоянием исследований рассудочных»[210].

Убежденность Брюсова в непогрешимости «учителя» еще более возросла после выхода гилевской брошюры «О научной поэзии» («De la poésie scientifique», 1909), рассчитанной на самого неподготовленного читателя. Впечатляющей особенностью этой брошюры было то, что буквально каждое ее положение подкреплялось в тексте почтительным высказыванием в адрес основателя школы. Это был своеобразный реестр цитат, нередко выдернутых из контекста и бездоказательных. «Поэзии придется в свое время посчитаться с наукой»[211], — достаточно было произнести Эмилю Золя, чтобы попасть в предшественники к Гилю. Стоило Себастьяну Шарлю Леконту провозгласить в предисловии к своему сборнику «Кровь медузы» (1905) единение поэзии с историческими исследованиями, как он был тотчас же зачислен в преемники Школы, несмотря на запоздалую тягу к парнасской сонорности, греко-иудейской сценографии и феномену коллективного разума[212]. Вместе с Бальмонтом, выделенным за повышенное внимание к оркестровке стиха, и Брюсовым, на которого за пределами Франции делалась теперь главная ставка:

«В России, где в поэзии верховодят два великих имени — Константин Бальмонт и Валерий Брюсов, — писал Гиль в брошюре, — Валерий Брюсов постепенно сделал выбор в области поэтического вдохновения и пошел наперекор бурным, вспыхивающим как молния, интуитивно образным порывам своего старшего товарища, противопоставляя им необходимость существования в Поэзии философской мысли, методически выраженной в словесной музыке и адекватной Ритмике»

[«En Russie où deux grands noms commandent la poésie contemporaine, ceux de Constantin Balmont et de Valère Brussov, — M. Valère Brussov a peu à peu départagé l'inspiration poétique, et aux orageuses, éclairantes! et imposantes envolées intuitives

et imagées de son aîné, opposé maintenant la nécessité de la pensée philosophique en Poésie, dans une expression méthodique de musique verbale et d'adéquate Rythmique»[213]].

Появление брошюры «О научной поэзии» подтолкнуло Брюсова к написанию почти одноименной рецензии (Русская мысль, 1909, № 6), трактовавшейся впоследствии как свидетельство его бесповоротного отречения от декадентского мистицизма — факт, с воодушевлением встреченный поборниками «научно-позитивного духа времени» и «общественного инстинкта»[214]. В отличие от очерка 1904 года, в котором Брюсову, по его собственным словам, приходилось только «расшаркиваться»[215], он не ограничился здесь компиляцией французского текста, хотя и эта работа в значительной мере страдала вторичностью, не замеченной ни тогдашними читателями, ни позднейшими исследователями. В статье «Научная поэзия», воспринимаемой отныне в качестве манифеста, Брюсов со свойственной ему непререкаемостью окончательно закрепил в сознании русской публики целый ряд постулатов, намеченных гилевскими публикациями в «Весах». В брюсовском изложении формулировки оказались четче, заостреннее и в силу самой своей афористичности отметали всякое сомнение в истинности. Пересказ пособия по «научной поэзии» сопровождался цитатами из русской поэтической классики, что придавало этюду характер всеобщности.

Как в любой сфере, к которой прикасался Брюсов, его внешне ни к чему не обязывающие выкладки приобрели в статье «Научная поэзия» оттенок просветительский, культуртрегерский. По каким-то глубоко скрытым, не вполне ясным для нас соображениям он из всего многообразия тенденций, царствовавших в 900-е годы во французской поэзии, выделил единственный принцип, будто бы «объединяющий в настоящее время целую группу писателей, ставящих себе целью доказать, что между наукой и искусством союз не только возможен, но и необходим»[216]. Этой группе, в опытах которой было еще «много нетвердости дебютантов»[217], он противопоставил признанных «деятелей "новой" поэзии», из которых даже «самые непримиримые» давно «поспешили отречься от всех крайностей, как от заблуждений юности, и получить свою долю при дележе общего успеха»[218]. Все они, подчеркивалось в статье, были карьеристами, интриганами, искателями щедрых премий. Среди них только Гиль, «одна из оригинальнейших фигур в современной французской литературе»[219], проявил бескомпромиссность, предъявив к себе должные «моральные требования»[220], хотя и он якобы «мог бы добиться популярности, если бы согласился пожертвовать своими юношескими мечтаниями и пойти навстречу запросам дня»[221].

Солидарность с идеями Гиля нашла свое искажающее преломление в еще одной крупной публикации Брюсова этого периода — в его антологии «Французские лирики XIX века» (1909). Потеснив киевские «Чтецы-декламаторы»[222], эта книга во многом определила вкусы российской читающей публики и очень скоро превратилась из авторского собрания удачных переводов в хрестоматию, от которой впоследствии отталкивалась вся советская переводческая школа. Для «лиц без французского языка»[223] брюсовское собрание, особенно в своем втором расширенном издании 1913 года, оставалось до середины 1930-х годов самым надежным пособием по французской поэзии нового времени, пока наконец Бене-

дикт Лившиц не выпустил сходный сборник «От романтиков до сюрреалистов» (1934), не столько разрушивший монополию, сколько дополнивший канон одиночными переводами из тех же поэтов — Верлена, Рембо, Малларме, Лафорга, Роллина, Тайада, Анри де Ренье, Самена, Мореаса. Среди авторов, представленных Лившицем, были, разумеется, и другие имена, отсутствовавшие в брюсовской книге, — Андре Жид, Андре Сальмон, Шарль Пеги, Макс Жакоб, Поль Клодель, Поль Валери, но эти поэты воспринимались как поколение послевоенное, что если и соответствовало истине, то только в выборе переведенных стихотворений. Здесь уже не было Рене Гиля, но остались Жюль Ромен и Шарль Вильдрак, поэты на тот момент довольно влиятельные. И все же ни монументальные переводы Лившица, ни своевольные переложения И. Анненского, ни опыты М. Волошина или Ф. Сологуба (поэтов, порицаемых советской критикой за декадентскую сущность), ни дореволюционные публикации О. Чюминой, ни обличительный пафос послереволюционных статей Г. Шенгели не отвлекли читателей от брюсовских представлений о двойственной природе французской лирики — символизма и «научной поэзии», причем последней в качестве апогея и завершительной стадии всего стихотворчества. Существенную роль в этом превратном истолковании литературной истории сыграл редкий по тем временам, добротно написанный аппарат книги, включавшей (в издании 1913 года) и предисловие, и комментарии, и справки о переведенных авторах. Престиж Брюсова-европейца, Брюсова-эрудита был настолько велик, что подмены в России никто не заметил, кроме, пожалуй, Н. Гумилева, не удержавшегося в рецензии на антологию от едкого вопроса: «Хорошо ли обращать серьезное внимание на “научную поэзию”, мертворожденную уже по одному тому, что ее теория создалась раньше практики?»[224]

Историкам литературы известно немало случаев, когда далеко не самый знаменитый у себя на родине поэт или прозаик становился интеллектуальным кумиром в другой стране, формируя духовный облик огромной массы читателей. В качестве российского примера достаточно вспомнить «Овод» Войнич и «Спартака» Джованьоли. В случае с Гилем мы сталкиваемся с явлением совершенно иного свойства. Стараниями одного человека этот никем не читаемый в России зарубежный поэт навсегда занимает видное место в литературно-критическом пантеоне и становится не только героем энциклопедических колонок, но и активным (хотя и заочным) оппонентом в споре о сущности поэзии. Как всякий миф, легенда о Гиле обрастала с годами подробностями, а заведомо ложные сведения о нем выдавались за подтвержденные факты.

«Идея “словесной инструментовки” в поэзии получила широкое распространение [...], — читаем мы в «Краткой литературной энциклопедии», — но то приближение поэзии к совр[еменным] социальным и технич[еским] вопросам, о к[о-то]ром мечтал Г[иль], разрабатывая свой “эволютивно-инструментный метод рациональной поэзии” [...], было во Франции осуществлено ок. 1910 на др. путях Г. Аполлинером и Б. Сандраром. [...] Влияние Г[иля] испытали рус[ские] символисты, особенно В. Я. Брюсов в своем раннем творчестве и отчасти Ф. Сологуб (оба они переводили стихи Г[иля])»[225].

Увлекая своим примером молодежь, Брюсов сумел внушить не одному поколению пишущих уважение к «мэтру», и вот уже Вадим Шершеневич в своей кни-

ге «Футуризм без маски» (1913) помещает раздел «Две поэтические школы», в котором сталкивает «научную поэзию» с акмеизмом, подробно излагая доктрины этих якобы равноправных течений, возникших «на удобрении, получившемся от разложения остатков символизма» (с. 28). Выражая «сочувствие» сциентизму как «направлению, обновляющему поэзию» (с. 31), он вступает в принципиальный спор о возможностях его реализации на практике, находит в нем сходство с рассуждениями Льва Толстого и всерьез выставляет Гиля видной фигурой во французской литературе.

После революции победа в России научного мировоззрения (марксизма) неожиданнно превратила Рене Гиля в политического союзника советских литераторов, вставших, — как писали в начале 30-х годов, — «перед задачей научного оправдания своего творчества», что «привело к введению в вещи действительных документов, подлинных фактов, иллюзии достоверности и, наконец, к созданию особого жанра — “литомонтажа” — этих прозаических центон наших дней»[226].

Аналогичная картина складывается и в эмигрантских кругах Парижа, где увлеченность Гиля всем русским — от кустарных выставок до рассказов Бунина — создала ему (правда, стараниями уже не Брюсова, а А. В. Гольштейн и Бальмонта) устойчивое реноме поборника антизападной духовности, несмотря на совершенное незнание им русского языка и откровенно поверхностное знакомство с русской культурой. В стихах его находили и нравственное начало, и единство всего сущего, и идею всеобщей ответственности, и некий высший надматериальный полет символистских соответствий:

«Замысел Гиля был еще более грандиозен, чем “Ругон-Макары” Золя, и гораздо сложнее, чем, например, поэтические энциклопедии, которые появлялись в средние века (“Роман розы”), или научные поэмы XVIII века», — утверждал в 1925 году сотрудник парижского «Возрождения» С. Пинус, убежденный, что у недавно умершего поэта «есть нечто более ценное, чем невыполнимые тенденции его поэтики»[227].

Как и все его предшественники, С. Пинус вынужден был признать, что невозможность воплощения идеалов «научной поэзии» в конкретных произведениях навсегда осталась ее главным, так и не преодоленным пороком. Сам Брюсов в свое время констатировал, что служители истинного культа, против которых якобы ополчилась вся официальная литературная Франция, ничем не подтвердили своих достижений на практике, поскольку и публикации в журнале «Ecrits pour l'art», и издательская деятельность литературно-художественной коммуны «Аббатство» оказались, по его собственной оценке, не более, чем «слаб[ой] зыбь[ю] на притихшей было (после “победы символистов”) поверхности французской литературы», зыбью, позволяющей, тем не менее, «надеяться, что в ней зарождается новое течение, которое может оказаться и сильным и благотворным»[228]. Вывод из сказанного или, точнее, пересказанного со слов Гиля, напрашивался сам собой: при столь небольшом количестве изданных произведений было бы несправедливо судить научно-поэтическую теорию «по плодам ее». «Эстетическая теория может быть глубоко истинной, — рассуждал Брюсов, — хотя бы сами ее защитники и не умели ее доказать художественными созданиями. На их стихи, рассказы и романы надо смотреть только как на первые опыты, как на образцы тех созданий, которые могут возникнуть позднее»[229].

Неподъемную задачу по отражению всей мировой поэзии на основе тщательно выверенной методологии Брюсову пришлось взвалить на собственные плечи. Так, в молодости, он почти в одиночку отважился на реформирование русской литературы, предприняв попытку привить ей символизм. С 1904 года он в течение шести лет своими силами редактирует самый передовой в стране литературный журнал. Теперь настало время осветить все насущные «вопросы» стихотворчества[230]. Пример Гиля внушал веру в возможность создания такого эпоса, прекрасного своей самоценной красотой, не требующей читателя. Не то, чтобы поэт-научник не радовался, когда читатель находился, но он не очень и печалился, если его книгами никто из современников не интересовался. Так составитель библиографического пособия справедливо убежден, что его создание необходимо ученому миру и в нужный момент будет раскрыто па нужной странице.

Каталогом лирических стилей надлежало стать брюсовским «Снам человечества», замышленным в 1910-е годы и посвященным «поэту и мыслителю Ренэ Гилю»[231]. Парадоксальная мечта Малларме о сияющей запретной белизной, нетронутой странице превратилась в собственную противоположность: в написанную, но неразрезанную книгу.

При безоговорочном самоподчинении сциентизму это был единственный финал, к которому мог в принципе прийти Брюсов. Освободившись к зрелости от поверхностного понимания декадентства, он, подобно большинству своих европейских ровесников, был подхвачен вихрем нового века, где идеалами служили не дендизм, надломленность или тривиальная мистика, а решительность, натиск и сила, а во Франции, где даже барышни пересели на велосипеды, еще и спортивность. Локомотивы, автомобили, телефоны оглушали граждан всех категорий, включая стихотворцев, и те, не удовлетворясь вялым неосимволизмом, требовали повторной поэтической революции. Какофония, порождаемая техническим прогрессом, выливалась в невиданную прежде многоголосицу авангарда, с легкостью перехлестывающую механический прогресс Маринетти и принимаемую многими за сумбур, за искажение недавно произнесенных великих истин. Благодаря «глубоко затаенному инстинкту трезвости»[232] Брюсов не принял нахлынувшей агрессивной иррациональности. Скоротечным парижским новшествам он предпочел древнее, как сама вселенная, видение Рене Гиля, основанное на теории эволюционизма. Это был ответ на пугающую переусложненность культуры — один из многих ответов, возникших под занавес XIX века: предельно упрощенная, однозначная система координат.

Когда-то в юности, году в 1884, Гиль считал себя учеником Бальзака и Золя: любил бродить по улицам, смешивался с толпой, заходил на рынки, на вокзалы, в церкви, останавливался при виде свадебной или похоронной процессии. Уже тогда он числил себя среди *«поэтов Жизни»* [*«les poètes de la Vie»*], мечтая о поэзии «Факта», стремясь поставить «на место *сло́ва повествующего слово впечатляющее»* [*«au lieu du Mot qui narre, le Mot qui impressionne»*]. Уже тогда он научно распланировал тома, разделы и главы головокружительной эпопеи об эволюции человеческого сознания, не желая видеть «Тело без окружающей действительности, а Душу без тела, иначе говоря, Мысль без Ощущений» [«le Corps sans le milieu, l'Ame sans le corps, c'est-à-dire, l'Idée sans la Sensation»]. Уже тогда он запечатлевал

каждый «психо-физиологический *момент*» [«*Moment* psychologique et physiologique»][233] во вполне сносных стихах — первых и последних из понравившихся Полю Верлену.

Эта странная смесь смутного позитивизма с малармизмом показалась Брюсову плодотворной альтернативой символизму, выродившемуся к началу XX века в аллегоризм, в любование формой, в увлечение версификационным трюкачеством, т. е., по терминологии Гиля, в эготизм[234]. Протестуя против идеалистических отвлеченностей «унанимизма», «натюризма» и других эфемерных веяний, он, по примеру своего французского учителя, приветствовал Жизнь — эту моторизованную, электрифицированную повседневность, Жизнь во всей ее полноте, уходящую корнями во тьму веков.

Опора на пережитое наметилась у Брюсова давно, еще в сборнике «Tertia vigilia» (1900), что определило повышенную биографичность многих его произведений, биографичность, проступающую как в интимной, так и в абстрактной лирике, несмотря на мелькание постоянно сменяемых масок и нереальность ситуаций. Теперь же он усиливал напряженную сверхсовременность своих стихов историко-культурным фоном, наводняя строки словесными раритетами, сталкивая имена ученых с именами героев античности, злоупотребляя терминами из астрономии и биологии, травмируя стихотворную ткань чуждыми ей элементами.

Истины эволюционизма, заслоненные или, точнее, заглушенные в стихах Брюсова неблагозвучной эквилибристикой, воплотились в гораздо более доступном виде в его прозе, в его «римских» романах, не оставляющих сомнения в том, каким правилам он следовал и кого почитал за непогрешимый образец. Здесь мы находим и так называемый синтез художественного и научного методов, и одержимость археологизмом, и вложенные в уста персонажей рассуждения о преемственности культур, и плюралистический взгляд на историю, и старание достичь энциклопедической исчерпанности[235].

Насыщенность эрудицией и прежде отличала произведения Брюсова, но в более ранних книгах жонглирование лексикой, почерпнутой из сфер, отторгаемых традиционной поэзией, никогда не превращалось в самоцель, не выливалось в «бреды»[236]. Именно так озаглавил Брюсов свой поздний незавершенный цикл, отыскав, вне всякого сомнения, блестящий эквивалент названию известной книги С. Малларме «Divagations» (1897). Столь очевидное, хотя и чисто внешнее сходство не могло не подвести исследователей к мнению о том, что в своих «научных» стихах Брюсов объявлял своим предтечей Рене Гиля «достаточно произвольно»[237], ибо, как стало очевидно уже в 1920-е годы, «Малларме, этот поздний гегельянец, признает приоритет интеллектуальной эмоции, считает центром поэзии мысль, утонченную культурой, вносит в творчество волевой момент и воздвигает сложное учение о слиянии науки, искусства и религии»[238].

Как ни соблазнительна подобная интерпретация, оправдание ее до сих пор остается на уровне интуиции. Ничто не говорит нам о том, что Брюсов в последние годы своей жизни вернулся к французскому символизму, изучал вновь появившиеся литературно-критические труды, переосмысливал его богатейшее наследие. «Научная поэзия», напротив, занимала его целиком —вопреки войне, революции, медленно опускающемуся «железному занавесу» и давно не получаемым письмам из Парижа.

Через годы после конца символизма Г. Адамович сказал о Брюсове, что в основе его творчества таился «порок» — «несоответствие его огромного чисто словесного дарования его скудным замыслам, помесь блестящего стихотворца со средней руки журналистом»[239].

Изъяв из цитаты хвалебные эпитеты, мы получим характеристику Рене Гиля.

***

В заключение мы хотели бы остановиться на самой публикуемой переписке, сохранившейся благодаря случайному стечению обстоятельств.

О постоянном эпистолярном общении двух поэтов знали многие. Письма Гиля, разбросанные по редакторскому столу Брюсова, запомнились, например, Б. Садовскому[240]; упоминания о них нередки в переписке Брюсова с М. Волошиным и т. п. О местонахождении писем до недавнего времени, однако, в России никто ничего не знал. Основная часть корреспонденции считалась навсегда утерянной.

Первые печатные сведения о письмах, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ныне — Российской государственной библиотеки), были обнародованы А. Е. Маргарян в ее статье «Валерий Брюсов и Рене Гиль»[241]. Речь шла о черновиках тринадцати писем Брюсова к Гилю и отрывках из нескольких ответных писем. Ссылаясь на воспоминания Е. В. Чудецкой и И. С. Поступальского, автор статьи сообщала, что «письма Р. Гиля после его смерти (1925) по просьбе А. Гиль были высланы И. М. Брюсовой в Париж»[242]. Утверждалось также, что «взамен автографов гилевских писем» были получены «машинописные копии выдержек из них», сделанные вдовой французского поэта[243]. Далее А. Е. Маргарян указывала, что незначительная часть переписки была опубликована во французской печати. Оригиналы писем как Брюсова, так и Гиля следовало, таким образом, искать во Франции.

Обнаружены они были в 1960-е годы Вольфгангом Тайле в частном собрании родственников поэта Поля Жамати, на которого после смерти Гиля была возложена обязанность разобрать архив покойного поэта. Описав находку в научном журнале[244], немецкий ученый воздержался от публикации корреспонденции. Через 30 лет после появления его статьи Лиз Жамати, племянница Поля Жамати, передала письма в отдел рукописей Французской национальной библиотеки, где они и находятся в настоящее время. Незначительная часть разрозненных писем осталась в России.

Помимо собственно писем Рене Гиля к Брюсову, в парижском собрании сохранился ряд документов, среди которых наибольшую ценность представляют собой письма 1931—1935 годов, адресованные Алисе Гиль. Это два письма И. М. Брюсовой, а также два официальных запроса, подписанных соответственно С. Макашиным и И. Зильберштейном, членами редакционной коллегии серии «Литературное наследство»[245]. Все четыре письма содержат настоятельную просьбу вернуть в Москву письма Гиля к Брюсову для публикации их в томах серии, посвященных русско-французским литературным связям.

Из этих писем следует, что около 1929 года по необъяснимым причинам и, вероятно, не сообщив об этом даже своему ближайшему окружению, И. М. Брю-

сова, дорожившая каждой строкой, связанной с ее покойным мужем, передала в Париж оригиналы практически всех писем, полученных Брюсовым от Рене Гиля, воспользовавшись для этого услугами незнакомого ей человека — упомянутой нами выше Армен Оганян, и, по всей видимости, до конца своей жизни ничего не слышала об их судьбе. Машинописные выдержки из писем Рене Гиля, на которые указывает А. Е. Маргарян, были, судя по всему, сделаны не Алисой Гиль, а самой Иоанной Матвеевной перед их отправкой в Париж. В пользу этого вывода свидетельствует рукописный перевод части этих выдержек на русский язык, сохранившийся вместе с машинописью. О каком-либо отклике Алисы Гиль на запросы из Москвы нам ничего неизвестно.

В 1935 году возглавляемый Алисой Гиль комитет по изучению и сохранению творческого наследия Рене Гиля приурочивает к десятилетней годовщине смерти поэта сборник его избранной корреспонденции, в который включает с некоторыми купюрами два письма к Брюсову (от 2 июня 1904 и от 14 сентября 1907 годов)[246].

Сборнику было предпослано неподписанное предисловие, объясняющее щепетильность ситуации, в которую попали издатели книги, публикуя письма человека, резко осуждавшего популяризацию документов ушедших из жизни литераторов. В конце предисловия неназванные редакторы поместили отрывок из рецензии Гиля на посмертное издание писем Шарля Бодлера. Этот текст, впервые опубликованный по-русски в «Весах», дает нам основания прийти к заключению, что корреспонденция Гиля с Брюсовым по тайному соглашению обеих вдов была отослана в Париж не случайно и, быть может, вообще не предполагалась к печати:

«Перед этими книгами, — писал Рене Гиль, — как и всякий раз, когда нескромное потомство разыскивает и выкапывает незавершенные и необнародованные произведения умерших писателей, письма их или к ним, — невольно возникает опять нескромный вопрос: есть ли у него на это моральное право? Я отвечаю на него отрицательно... Все то, что писатель не находил возможным, по разным причинам, обнародовать, или оставил у своего смертного ложа, — принадлежит его могиле. Ему одному принадлежат те письма, которые он писал или получал, составляющие тайну его частной жизни»[247].

Примечательно, что Брюсов придерживался по этому поводу диаметрально противоположного мнения и не только тщательно собирал обращенные к нему письма, но и активно занимался изыскательской работой, разбирая и публикуя архивы других писателей: издал посмертный сборник своего друга Ивана Коневского (Ореуса), готовил к печати рукописи А. С. Пушкина и т. п. Свое мнение о необходимости изучения и популяризации неизданного наследства покойных писателей он высказал в коротком отзыве об издании дополнений к полному собранию сочинений того же Бодлера[248]:

«Образ Бодлэра из этих интимных бумаг, из которых многие не предназначались им к печати, выступает особенно отчетливо, может быть, даже ярче, чем из его стихов и поэм в прозе. Эти страницы необходимо изучить, чтобы верно понять творчество автора “Цветов Зла”, который умел быть сдержанным и всегда говорил меньше, чем знал, и менее сильно, чем мог»[249].

Ниже мы публикуем 109 писем. В основной части: 91 письмо Гиля к Брюсову, 13 писем Брюсова к Гилю и 1 письмо Гиля к И. М. Брюсовой. Все письма Гиля кроме № 39, 100 и 103 хранятся во Французской национальной библиотеке и печатаются по автографам; все письма Брюсова (точнее, их черновики и машинопись), а также 2 письма Гиля (№ 100 и 103) хранятся в Российской государственной библиотеке (Ф. 386, карт. 70. Ед. хр. 36; карт. 82. Ед. хр. 28, соответственно) и печатаются по фотокопиям. Одно письмо Гиля (№ 39) публикуется по ксерокопии, любезно предоставленной нам Институтом мировой литературы (Москва). Письмо Брюсова № 25, текст которого отсутствует, публикуется в переложении на французский язык, выполненном с чернового русского перевода. В «Приложении» мы приводим одно письмо Алисы Гиль к И. М. Брюсовой, а также два письма И. М. Брюсовой к Алисе Гиль и два машинописных письма на бланках редакционной коллегии издательства «Academia» (все хранятся во Французской национальной библиотеке). В необходимых случаях примечания предваряются указанием на характер автографа, а также информацией о предшествующих публикациях.

Все письма печатаются на языке оригинала и в русском переводе. Стилистические погрешности, допущенные в написанных по-французски черновиках Брюсова, оставлены нами без изменений. Грамматические и орфографические ошибки исправлены. Особенности авторского стиля Гиля сохранены, включая неконвенциональное употребление им заглавных букв, поражавшее уже его современников. Выделенные места, даваемые нами курсивом, принадлежат авторам писем. Названия периодических органов, издательств, художественных произведений, пунктуация и т. п. унифицированы и приведены в соответствие с нынешней французской практикой.

Бо́льшая часть писем Брюсова публикуются в переводах И. М. Брюсовой (РГБ. Ф. 386, карт. 70. Ед. хр. 36). Несмотря на некоторые шероховатости этих машинописных и рукописных текстов, мы сочли целесообразным прибегнуть именно к ним — в убеждении, что вдова поэта помнила живой голос Брюсова и, как нам кажется, передала в своих переводах свойственную ему фразеологию. Исключение составляют явно неудачный перевод письма № 2, а также письма №№ 7, 25 и 75, переводы которых в архивах не обнаружены. Пропуски, допущенные в черновиках И. М. Брюсовой, восстановлены и заключены в прямые скобки. Очевидные ошибки и описки — исправлены.

Мы хотели бы выразить признательность Н. А. Богомолову за прочтение рукописи и внесенные им ценные замечания, а также поблагодарить заведующую муниципальной библиотекой города Мелль Надин Гала за участие в подготовке рукописи и мэра города Пьера Пупена за поддержку этой работы. Отдельная благодарность Корин Бийо и Мириам Перрюшу за выверку французского текста, а также Ирине Беццола — за помощь на заключительной стадии работы.

---

[1] «Qui est donc celui-ci? — C'est René Ghil. — Ah... c'est curieux: il n'en a pas l'air» (Из разговора писателя Жозефа Анри Рони-старшего с одним из его друзей. Цит. по: *Mansell Jones*. Talks with French Poets in 1913—1914 // French Studies. 1948. Vol. 2. No. 3. P. 208).

[2] Из стихотворения Райнера М. Рильке «За книгой». Перевод Б. Пастернака.

[3] Цит. по: Hommage à René Ghil (1862—1925), специальному номеру журнала «Rythme et Synthèse» (Paris, [1926], p. 62).

[4] Здесь и далее, при отсутствии фамилии переводчика, иноязычные цитаты приводятся в переводе автора статьи.

[5] Установлено, что о новых французских поэтах Брюсов узнал из статьи З. А. Венгеровой «Поэты-символисты во Франции. Верлэн, Малларме, Римбо, Лафорг, Мореас» (Вестник Европы. 1892. № 9). Об осени 1892 г. он писал: «Между тем, в литературе прошел слух о французских символистах. Я читал о Верлэне у Мережковского же ("О причинах упадка"), потом еще в мелких статьях. Наконец, появилось "Entartung" Нордау, а у нас статья З. Венгеровой в "Вестнике Европы". Я пошел в книжный магазин и купил себе Верлэна, Малларме, А. Римбо и несколько драм Меттерлинка. То было целое откровение для меня» (*В. Брюсов*. Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., 1927. С. 76). Характерно, что еще в 1894 г. в неопубликованном эссе о Поле Верлене Брюсов отмечал: «известность всех этих Малларме, Гилей, Пеладанов основана на простом любопытстве, которое возбуждают их странные творения...» (Цит. по: *Е. Н. Коншина*. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве // Записки Отдела рукописей Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина. Вып. 25. М., 1962. С. 130).

[6] Из недатированного письма к М. Волошину за середину марта 1904 г. Цит. по кн.: Литературное наследство. М., 1994. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 324 (далее — ЛН 1994 с указанием страницы).

[7] Весы. 1904. № 1. С. [III].

[8] Из недатированного письма З. Гиппиус к Брюсову: «...вторая ваша книжка ближе к "хотению", чем первая». Цит. по: *О. А. Клинг*. Брюсов в «Весах» (к вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала) // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 180.

[9] Весы. 1904. № 2 (от редакции).

[10] Ок. 22 января / 4 февраля 1904 г. (ЛН 1994. С. 302—303).

[11] Весы. 1904. № 1. С. [III].

[12] Александра Васильевна Гольштейн (1850—1937) — русская эмигрантка. Бóльшую часть жизни прожила в Париже. В молодости участвовала в народовольческом движении; была близким другом М. А. Бакунина. Писала статьи, переводила с английского для журналов «Мир Божий», «Русская мысль», «Русское богатство». По-французски печаталась в журнале «Ecrits pour l'Art». Познакомила французскую публику со стихотворениями А.С. Пушкина, К. Бальмонта и М. Волошина. На ее парижской квартире Гиль впервые встретился со многими русскими литераторами; она же вовлекла его в организаторскую деятельность «Союза русских художников» («Union des artistes russes»). Автор ряда статей о французской литературе.

[13] Из первого письма Гиля к Брюсову от 18 февраля 1904 г. (Фонд Рене Гиля в Отделе рукописей Французской национальной библиотеки. Без нумерации).

[14] *К. Д. Бальмонт*. Человек Судеб // Последние новости. 1925. № 1728. 10 декабря. С. 2.

[15] *О. Мандельштам*. Слово и культура. М., 1987. С. 57.

[16] *Д. Максимов*. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940. С. 14—15.

[17] *К. Мочульский*. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М., 1997. С. 438.

[18] *В. Брюсов*. Дали. М., 1922. С. 97.

[19] *В. Г. Ларцев*. В. Я. Брюсов и научная поэзия // Труды Самаркандского гос. университета им. А. Навои. Новая серия. Выпуск 123. Часть 1. Самарканд, 1963. С. 3. В другом выпуске той же серии (№ 130, 1963) этот автор опубликовал также статью «Научная поэзия как жанр и некоторые особенности ее развития».

[20] *К. С. Герасимов*. Научная поэзия Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963. С. 89.

[21] *Ларцев*. Цит. произв. С. 18.

[22] Там же. С. 22.

[23] *И. Поступальский.* К вопросу о научной поэзии // Печать и революция. 1929. № 2—3. С. 53.

[24] Там же. С. 59.

[25] *В. Саянов.* Предисловие // В. Брюсов. Стихотворения. Л., 1959. С. 36.

[26] *Я. М. Биксон.* Брюсов и современная научная поэзия // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1973. Вып. 5. Сентябрь-октябрь. С. 393.

[27] *Поступальский.* Цит. произв. С. 51.

[28] *И. Поступальский.* Рене Гиль // Знамя. 1934. № 7. С. 163.

[29] Там же.

[30] *И. Поступальский.* Поэзия Валерия Брюсова // В. Брюсов. Избранные стихи. М.; Л., 1933. С. 57.

[31] Там же. С. 58.

[32] Подробно об этом см. примечание 16 к письму № 49 настоящей публикации.

[33] Аполлон. 1912. № 10. С. 75.

[34] *Герасимов.* Цит. соч. С. 92. «Зачатки того, что стало впоследствии научной поэзией, пока еще довольно элементарные» (там же), этот исследователь находил уже в брюсовском сборнике «Шедевры», изданном в 1895 году, что было очевидным преувеличением.

[35] *Б. Мейлах.* Человек, наука, судьбы искусства (Заметки по поводу одной полемики) // Звезда. 1964. № 8. С. 199.

[36] Из предисловия Д. Максимова к кн.: *В. Брюсов.* Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1961. С. 65.

[37] Там же. С. 63—64.

[38] Там же. С. 65.

[39] Впервые: Художественное слово, 1920—1921. Кн. 2. Цит. по: *В. Брюсов.* Среди стихов. М., 1990. С. 545.

[40] *О. Мандельштам.* Слово и культура. С. 57.

[41] См., напр.: *М. Л. Гаспаров.* Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910—1920-е годы) // М. Л. Гаспаров. Избранные статьи. М., 1995. С. 102.

[42] Называя исследования, так или иначе затрагивающие данную проблематику, приходится ограничиваться зарубежными изданиями. См., напр.: *Olga Raggio.* Brjusov e la poesia francese // Letterature moderne. 1956. No. 6. P. 578—582; *Alexander Schmidt.* Valerij Bjusovs Beitrag zur Literaturtheorie. München, 1963; *Joan Delaney Grossman.* Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence. Berkeley, 1985. P. 308—315.

[43] *А. Белый,* «О французских символистах» в: Неизданные статьи Андрея Белого. Публикация А. В. Лаврова // Русская литература. 1980. № 4. С. 176.

[44] *А. В. Лавров, Д. Е. Максимов.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 88—89.

[45] Наиболее выпукло этот подход проявился в блестящей по многих отношениях книге Ж. Дончин о влиянии французского символизма на русскую поэзию (*Georgette Donchin.* The Influence of French Symbolism on Russian Poetry. 'S-Gravenhage, 1958. P. 55—58).

[46] *К. М. Азадовский, Д. Е. Максимов.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Валерий Брюсов. Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 270. Далее — ЛН 1976 с указанием страницы.

[47] Высказывание Н. К. Михайловского о публицистических статьях Э. Золя, опубликованных в 1880-е годы в «Северном Вестнике». Цит. по кн.: *Н. К. Михайловский.* Сочинения. СПб., 1897. Т. 4. С. 417.

[48] Новые поэты Франции в переводах И. Тхоржевского. Париж, 1930. С. 73.

[49] В 1928 г. комитет по наследию Рене Гиля выпустил сборник его избранных стихотворений, которым предшествовало изложение его теорий («Choix de Poèmes de René Ghil, précédé d'un exposé sommaire des théories du Poète et d'un argument détaillé de son oeuvre»);

в июне 1930 г. журнал «Poésie» посвятил ему специальный номер; в 1938 г. было выпущено его трехтомное «Полное собрание сочинений» («Oeuvres complètes»). В наше время переиздание его первого сборника было впервые осуществлено в специальной репринтной серии («Légende d'âmes et de sangs», 1995); в 1998 г., в качестве приложения к тематическому сборнику, был переиздан «Пантум пантумов». Из исследовательских работ о его жизни и творчестве следует особо отметить 2 монографии: *Robert Montal.* René Ghil, du symbolisme à la poésie cosmique. Bruxelles, 1962; *Wolfgang Theile.* René Ghil: eine Analyse seiner Dichtungen und theoretischen Schriften. Tübingen, 1965.

[50] Весы. 1904. № 11. С. 8.

[51] Там же.

[52] Из недатированного письма А. В. Гольштейн к М. Волошину за январь 1904 г. (ЛН 1994. *С.* 290).

[53] Формулировка Гиля. См., например, его письмо к Брюсову от 12 мая 1909 г.: «Я не могу предоставлять им свое имя за несколько сот франков» [«Je ne puis leur donner mon nom pour quelques centaines de francs» (№ 64 настоящей публикации)].

[54] Из письма Волошина к Брюсову от 16/29 января 1904 г. (ЛН 1994. С. 298).

[55] См. письмо М. Н. Семенова к С. А. Полякову от 24 ноября 1904 г. (Там же. С. 273).

[56] Из письма Волошина к Брюсову от 22 января / 4 февраля 1904 г. (Там же. С. 302).

[57] Из письма Волошина к Брюсову от 5/18 февраля 1904 г. (Там же. С. 305).

[58] Характеристика, данная Реми де Гурмону Брюсовым, см.: Весы. 1904. № 2. С. 79.

[59] Батавия — голландская крепость, на месте которой возникла современная Джакарта.

[60] «Что же до меня, то мне выпала честь в совершенном одиночестве представлять тревожащую ультралевую Ультра-Левизну» [«J'avais, quant à moi, l'honneur d'être tout seul l'inquiétante, et l'extrême, Extrême-Gauche!..» (Quinze ans de poésie // Messidor. 1907. Le 1 avril, Lundi. P. 4)].

[61] Из письма Рене Гиля к Альберу Мокелю от 21 октября 1887 г. Цит. по: *René Ghil.* Traité du Verbe. Etats successifs. Textes présentés, annotés, commentés par Tiziana Goruppi. Paris, 1978. P. 195.

[62] «Символизм, — писал он много лет спустя в русском журнале, — уже свершил свою миссию: он был лишь высшим расцветом эготизма (а эти поэты [неосимволисты] потеряли большую часть качеств, медленно приобретенных Символизмом и его творцом Маллармэ» (Аполлон. 1910. № 6. Март. С. 23).

[63] Опубликовано 13 июня 1889 г. в «Revue Indépendante» и 30 июня того же года в «Wallonie».

[64] *Н. К. Михайловский.* Литература и жизнь // Русская мысль. 1893. Кн. 1. Отд. II. С. 155.

[65] *Я. Тугендхольд.* Город во французском искусстве XIX века // Современный мир. 1910. № 8. Отд. I. С. 155—156.

[66] Русское богатство. 1894. № 5. Отд. II. С. 45. Без подписи.

[67] *Альфред Вине.* Вопрос о цветном слухе / Перевод с франц. Д. Н. М., 1894. С. 66—67.

[68] Новый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, [1913]. Т. 13. С. 493.

[69] Ср. оценку, данную поэтике Гиля одним из ведущих критиков периода: «Самым удивительным механизмом стихотворной техники, созданным в эту воинственную эру символизма, были произведения Рене Гиля, претендовавшего на воплощение или, вернее, оркестровку ученически тяжеловесным верлибром всей эволюции мира и человечества» [«La plus étonnante machine technique de cet âge militant du symbolisme, c'est l'oeuvre de René Ghil, qui prétendit mettre, ou plutôt instrumenter, en vers libres rocailleusement scolaires, l'évolution du monde et de l'humanité» (*Albert Thibaudet.* Histoire de la littérature française de 1789 à nos jours. Paris, 1936. P. 492)].

[70] *В. Брюсов.* Ренэ Гиль // Весы. 1904. № 12. С. 12.

[71] Весы. 1904. № 2. С. 30—31.

[72] *Макс Нордау*. Вырождение. М., 1995. С. 100.

[73] Весы. 1904. № 12. С. 12.

[74] Там же. С. 13.

[75] См. письмо № 13 публикуемой переписки.

[76] Из письма Брюсова+ от 20 октября / 2 ноября 1904 г. (№ 13 настоящей публикации). Перевод И. М. Брюсовой.

[77] РГБ. Ф. 386. Карт. 56. Ед. хр. 7.

[78] Весы. 1904. № 12. С. 14n.

[79] Поль Верлен и его поэзия // De Visu. 1993. № 8. С. 34—49. Публикация, подготовка текста и примечания С. И. Гиндина. В письме к Полякову от 10 марта 1904 г. Брюсов признавался: «О Роденбахе, за недосугом, я ничего не написал своего, только перевел страничку из Кана. Мне кажется, это прием дозволительный, а во всяком случае в рецензиях новый. Кто знает слова Kahn'a о Роденбахе!» (ЛН 1994. С. 88).

[80] Весы. 1904. № 12. С. 12.

[81] Там же. С. 13.

[82] Там же. С. 14.

[83] Там же.

[84] Там же. С. 15.

[85] Там же.

[86] Там же. С. 16.

[87] Там же. С. 17.

[88] *Camille Mauclair*. L'Art en Silence. Paris, 1901. P. 107.

[89] Подробно об этом см.: *Roman Doubrovkine*. René Ghil, censeur de Mallarmé // Bulletin d'études parnassiennes et symbolistes. 1998. No. 21. Printemps.

[90] Из письма от 16 марта 1905 г. (№ 26 настоящей публикации). См. также его письмо за 5 марта того же года (№ 24).

[91] Ночь (Из Гильля) // Север. 1899. № 2. 10 января. С. 35.

[92] То именуя Гиля по ошибке Жаном Мореасом, то называя его собственным именем, Н. Баженов утверждал, что французский поэт страдает патологическим симптомом — бессвязностью речи. «Я не знаю г. Рене Гиль; — замечал он, — быть может, это просто шутник, хотя, когда такая шутка продолжается слишком долго, а он постоянно пишет и печатает не только стихи, но даже эстетические манифесты (Traité du verbe), то возникает большое подозрение относительно умственного здоровья такого мистификатора; как бы то ни было, смею уверить, что, если бы я захотел в pendant к [процитированному] стихотворению привести какое-нибудь произведение наших пациентов, то мне пришлось бы уже обратиться не к дегенерантам, а к больным, страдающим вторичным хроническим слабоумием после перенесенного ими острого психоза» (*Н. Н. Баженов*. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М., 1903. С. 66).

[93] Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1893. Т. 8а (16). С. 673 (Подпись: З. В.).

[94] *В. Березовский*. Современные течения в искусстве (живопись, поэзия, музыка). Харьков, 1899. С. 115—116.

[95] Из письма М. Семенова к Брюсову, посланного из Парижа от 15 декабря 1904 г.: «Я знаю [...], что русская публика падка на "имена", и думаю, что уж если "Весы" имеют иностранцев-сотрудников, то пусть это будут Метерлинки, Гамсуны, Гофманстали и др., а не какие-то иксы, как вы выразились о Ван Бевере. Рене Гиля я считаю также иксом, да к тому же скучным, так же на него смотрят и все те французы, с которыми я здесь встречаюсь» (РГБ. Ф. 386. Карт. 102. Ед. хр. 31. Цит. по: *Лавров, Максимов*. Цит. соч. С. 88).

[96] Весы. 1904. № 12. С. 15.

[97] Из письма М. Волошина к Брюсову от 18/31 января 1904 г. (ЛН 1994. С. 301).

[98] Там же.

[99] Из письма М. Волошина к Брюсову, датируемого предположительно 27 февраля / 11 марта 1904 г. (Там же. С. 317).

[100] Весы. 1904. № 2. С. 25.

[101] Весы. 1906. № 5. С. 47.

[102] Весы. 1901. № 6. С. 315.

[103] *Ernest Raynaud.* La Mêlée symboliste (1870—1890). 3 vols. Paris, 1920. Vol. 3. P. 13.

[104] Весы. 1904. № 2. С. 36.

[105] Болтовня (*фр.*).

[106] Приднепровский край. 1904. № 2140. 20 апреля / 3 мая. С. 2 (Подпись: Э.).

[107] ЛН 1994. С. 312.

[108] Весы. 1904. № 2. С. 25.

[109] Там же. С. 25—26.

[110] Там же. С. 25.

[111] ЛН 1994. С. 335.

[112] О дополненном издании «Поэтов сегодняшнего дня» (Весы. 1909. № 1. С. 98).

[113] Там же.

[114] Из неизвестного нам письма М. Семенова, цитируемого Брюсовым в его ответном письме. Цит. по: *О. А. Клинг.* Брюсов в «Весах» (к вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала) // Из истории русской журналистики начала XX в. М., 1984. С. 184.

[115] Там же.

[116] Письмо к Брюсову от 4 августа / 22 июля 1904 г. (ЛН 1976. С. 453).

[117] Там же. С. 457.

[118] ЛН 1994. С. 359—360.

[119] *Лавров, Максимов.* Цит. соч. С. 89.

[120] Выдержка из журнала «Leonardo» за февраль 1905 г. (Весы. 1905. № 2. С. 68).

[121] Там же.

[122] *В. Брюсов.* Полное собрание сочинений и переводов. СПб., 1913. Т. 21. С. 230 (Далее — ПССП 1913).

[123] Там же.

[124] Там же.

[125] Примечательно, что самого Лакюзона, в год появления его манифеста, «Весы» выставляли в качестве надежды молодой поэзии (1904. № 12. С. 55).

[126] «Французская поэзия в 1905 году» (Весы. 1906. № 5. С. 48).

[127] Весы. 1906. № 5. С. 42.

[128] Весы. 1904. № 12. С. 55.

[129] Там же.

[130] Из письма Брюсова к П. Б. Струве от 8 сентября 1910 г. (Литературный архив. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 277).

[131] Весы. 1904. № 12. С. 51—52.

[132] Весы. 1906. № 5. С. 41.

[133] Там же.

[134] *А. В. Луначарский.* Собрание сочинений. М., 1965. Т. 5. С. 206.

[135] Французский поэт и философ польско-литовского происхождения Оскар Владислав (Венцеслав) де Любич-Милош (1877—1939), практически неизвестный русскому читателю, считается сегодня ценителями одним из ярчайших поэтов эпохи.

[136] Русская мысль. 1912. № 6. Отд. III. С. 28.

[137] ПССП 1913. С. 230.

[138] ЛН 1994. С. 354.

[139] Весы. 1909. № 10—11. С. 173.

[140] Там же. С. 170.

[141] Весы. 1907. № 10. С. 76.

[142] Там же. С. 74.

[143] *А. В. Луначарский*. В честь Стефана Малларме // Цит. изд. Т. 5. С. 310.

[144] Из статьи Жана Кокто «Профессиональный секрет» (Звезда. 2000. № 1. С. 151 (Перевод Л. Цывьяна)).

[145] Весы. 1908. № 12. С. 80.

[146] Весы. 1908. № 11. С. 75.

[147] Весы. 1907. № 12. С. 71.

[148] Там же.

[149] См. его отзыв о книге Клоделя «Познание времени» («Connaissance du temps») (Весы. 1904. № 3. С. 65 (Подпись: В. Б.))

[150] Там же. 1907. № 8. С. 97 (Подпись: Enrico R.).

[151] ПССП. С. 277.

[152] Определение, данное Гилем современной французской литературе (Весы. 1904. № 2. С. 26). Неоднократно цитировалось Брюсовым в печати.

[153] Русская мысль. 1913. № 7. Отд. III. С. 23.

[154] Из письма к жене от 13 октября 1909 г. Цит. по: *А. В. Лавров*. Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 310.

[155] Весы. 1907. № 1. С. 83.

[156] Там же. С. 81.

[157] «Messidor» (номера от 25 марта, 1, 8 и 29 апреля).

[158] См. письмо № 37 публикуемой переписки.

[159] Весы. 1906. № 5. С. 48n.

[160] *Florian-Parmentier*. René Ghil et son influence // Hommage (op. cit.). P. 109.

[161] См. примечание 1 к письму № 106 публикуемой переписки.

[162] *Armên Ohanian*. Les Poètes russes dans la Tourmente Russe // Revue de l'Epoque. 1922. Mai.

[163] Весы. 1907. № 10. С. 83.

[164] Там же.

[165] См. предисловие к его книге «Французские лирики XIX века» (СПб., 1909. С. XXX).

[166] *А. Ахматова*. Амедео Модильяни // А. Ахматова. Собрание сочинений: В 6 т. М., 2001. Т. 5. С. 13.

[167] Весы. 1909. № 1. С. 96.

[168] Из письма от 9 июля 1909 г. (№ 67 публикуемой переписки).

[169] Там же.

[170] В действительности речь шла о двух выпусках (за март и апрель 1910 года) — настолько обширным оказался материал, не поместившийся в один номер.

[171] Аполлон. 1910. № 6. Март. С. 6.

[172] Там же. С. 13n.

[173] Там же. С. 20—21.

[174] Из письма № 78 публикуемой переписки.

[175] Аполлон. 1910. № 6. Март. Отд. I. С. 18.

[176] *О. Э. Мандельштам*. Письмо о русской поэзии // О. Э. Мандельштам. Слово и культура. М., 1987. С. 174.

[177] *Тугендхольд*. Цит. соч. С. 154. Примечательно, что Брюсов проявлял полную терпимость к этой слабости пишущих: «Как о человеке, — отмечал он по поводу другого французского литератора, — о Мореасе никто не мог сказать ничего дурного. Всяких литературных интриг он чуждался, и всего менее был “арривистом”. Когда литературные противники (П. Верлэн, Л. Тайад) нападали на него, они у него не находили иного уязвимого места, кроме наивной веры в свое величие» (Жан Мореас. Некролог // Русская мысль. 1910. № 5. Отд. II. С. 206).

[178] Из адреса Всероссийского Союза писателей, направленного Брюсову в день его 50-летнего юбилея (ИМЛИ. Отдел рукописей. Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 35).

[179] Из книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Появленье такого поэта [В. А. Жуковского] могло произойти только среди русского народа, в котором так силен гений восприимчивости, данный ему, может быть, на то, чтобы оправить в лучшую оправу все, что не оценено, не возделано и пренебрежено другими народами» (*Н. В. Гоголь.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Л., 1952. С. 379).

[180] *М. Кузмин.* Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3. Эссеистика. Критика. М., 2000. С. 254.

[181] Из речи Б. Пастернака на вечере памяти Брюсова 20 декабря 1938 г. (Стенограмма вечера. РГБ. Ф. 386, 136, 2. Л. 1).

[182] *Бальмонт К. Д.* Человек Судеб // Последние новости. 1925. № 1728. 10 декабря. С. 2. См. об этом примечание 5 к письму № 8 настоящей публикации.

[183] Очевидец вспоминал: «Поразителен порядок, в котором у Брюсова хранились рукописи, аккуратно разложенные в папки. На одной из папок ярлычок с надписью “Автографы знаменитых и не очень знаменитых людей”. Брюсов бережно хранил рукописи, присланные для “Весов” и “Северных цветов”. Я видел автографы Бальмонта, Сологуба, Гиппиус, Мережковского, Белого, Блока, Вяч. Иванова, Ив. Коневского, Ал. Добролюбова, Фофанова, Случевского...» (*Н. Ашукин.* Заметки о виденном и слышанном // Новое литературное обозрение. 1998. № 5 (33). С. 225).

[184] ЛН 1976. С. 788.

[185] Об этой слабости Брюсова знали и его французские знакомые: «поэт и утонченный эстет, неизлечимый наркоман» [«poète et esthète raffiné, toxicomane incurable»], — заметит Жорж Дюамель, вспоминая о встречах с ним в Париже (*Georges Duhamel.* Le Temps de la recherche. Paris, 1947. P. 63).

[186] *Г. Чулков.* Валтасарово царство. М., 1998. С. 479.

[187] В скромном происхождении Рене Гиля — сына разбогатевшего официанта и белошвейки — можно, правда, установить сходство с семьей Брюсова, дед которого нажил состояние на пробочной торговле.

[188] См., напр.: *В. Брюсов.* Лицейские стихи Пушкина по рукописям Московского Румянцевского музея и другим источникам. М., 1907.

[189] Характеристика, данная Брюсову М. Горьким (*М. Горький.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 383).

[190] *А. В. Лавров.* «Характеристика современников» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 258.

[191] Mercure de France. 1912. 1 septembre. P. 120.

[192] Из высказывания Д. Мережковского о творчестве Золя и Леконта де Лиля (*Д. Мережковский.* Новейшая лирика // Вестник иностранной литературы. 1894. № 12. С. 143).

[193] Выражение Льва Толстого, цитируемое Д. Мережковским (Там же).

[194] Из воспоминаний Н. Петровской (ЛН 1976. С. 788).

[195] См. письмо от 2 июня 1904 г. (№ 8 публикуемой переписки).

[196] См. письмо от 10 июля 1907 г. (№ 46 публикуемой переписки).

[197] См. письма от 23 декабря 1913 г. (№ 100 публикуемой переписки).

[198] См. письмо от 28 января 1915 г. (№ 103 публикуемой переписки).

[199] Rythmes et Synthèse. 1925. No. 52. Janvier-février. P. 50.

[200] Ibid. P. 51. По воспоминаниям Н. Петровской, «Литературная Москва казалась [приезжим поэтам] царством Брюсова, очень неприятной “монархией”, царством “ежовой рукавицы”» (ЛН 1976. С. 788).

[201] «Дабы остаться в тех же рамках, которыми ограничивает себя литератор, который хотел остаться исключительно поэтом, комитет воспроизводит только его стихотворное наследие, а из его прозаических произведений выбрал “Согласно методу — к творению”

— книгу, которую можно считать выражением его поэтического кредо» [«Pour se maintenir dans les règles mêmes que s'était imposées un écrivain qui voulait demeurer exclusivement un poète, le comité n'a retenu que son oeuvre en vers se bornant à extraire de ses écrits en prose *l'En méthode à l'oeuvre* — livre qui peut être considéré comme son art poétique» (*René Ghil.* Oeuvres complètes. Paris, 1938. Страница без нумерации)].

[202] Новый энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, [1913]. Т. 13. С. 493—494.

[203] Весы. 1907. № 1. С. 81.

[204] Из вступительной заметки И. Поступальского к его публикации «Ренэ Гиль "К оружью! Граждане Европы..."» (Знамя. 1934. № 7. С. 163).

[205] *Вл. Боцяновский.* «У окна из книг». Памяти Валерия Брюсова и Анатоля Франса // Вестник знания. 1925. № 1. С. 46.

[206] См. письмо Брюсова от 11/24 мая 1907 г. (№ 43 публикуемой переписки).

[207] *Эллис.* Русские символисты. М., 1910. С. 37.

[208] Русская мысль. 1909. № 6. Отд. II. С. 158.

[209] *И. Эренбург.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 236.

[210] *В. Брюсов.* Сегодняшний день русской поэзии // Русская мысль. 1912. № 7. Отд. III. С. 22.

[211] Весы. 1904. № 2. С. 36.

[212] О рецензии на книгу см. примечание 2 к письму № 24 публикуемой корреспонденции.

[213] *René Ghil.* De la poésie scientifique. Paris, 1909. P. 61.

[214] *П. Коган.* Очерки по истории новейшей русской литературы. М., 1910. Т. 3. Современники. Вып. 2. С. 111.

[215] Из письма Брюсова к Г. Чулкову от 20 августа 1905 г. Цит. по кн.: *Г. Чулков.* Годы странствий. М., 1930. С. 327.

[216] Русская мысль. 1909. № 6. Отд. II. С. 156.

[217] Там же. С. 166.

[218] Там же. С. 157.

[219] Там же. С. 156—157.

[220] Там же. С. 158.

[221] Там же. С. 157.

[222] Имеется в виду популярный литературно-художественный сборник, выходивший нерегулярно с 1907 по 1912 г., и, конкретнее, один из его выпусков — «Антология современной поэзии» под редакцией Ф. Самоненко и В. Эльснера (Киев, 1909. Т. IV), в состав которой вошел целый ряд известных переводов.

[223] См. рецензию Эллиса (Весы. 1909. № 7. С. 87).

[224] Речь. 1909. № 196. 20 июля. С. 3.

[225] Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. С. 177 (автор статьи Л. Т. Белугина).

[226] *Цезарь Вольпе.* Теория литературного быта // За марксистское литературоведение. Сборник статей под ред. Г. Е. Горбачева. Л., 1930. С. 148—149 (Сообщено Р. Тименчиком).

[227] [*С. А. Пинус*]. Ренэ Гиль // Возрождение. 1925. 19 октября. № 139. С. 2 (Подпись: С. Серапин). См. также: *Сергей Ромов.* Умер Рене Гиль // Парижский вестник. 1925. 18 сентября. № 115. С. 3 (сообщено Р. Тименчиком).

[228] Русская мысль. 1909. № 6. Отд. II. С. 159.

[229] Там же. С. 164.

[230] См. предисловие Брюсова к его сборнику «Последние мечты. Лирика 1917—1919 годов» (М., 1920).

[231] *В. Брюсов.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 316.

[232] *Максимов Д.* Поэтическое творчество Валерия Брюсова // Брюсов В. Стихотворения и поэмы (Библиотека поэта. Большая серия). М., 1961. С. 20.

[233] См. предисловие к кн.: С. 8—9. Курсив и прописные буквы везде Гиля.

[234] Эготизм — слово, заимствованное из английского языка и не прижившееся во французском. Означает самовосхваление, преувеличенное отношение к себе. Было использовано М. Нордау в качестве заголовка одной из частей его книги «Вырождение».

[235] *А. В. Лавров*. «Характеристика современников» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 258.

[236] О роли цикла в позднем творчестве Брюсова см.: *М. Л Гаспаров*. Академический авангардизм: Валерий Брюсов «На рынке белых бредов» // М. Л. Гаспаров. Избранные статьи. М., 1995.

[237] *М Л. Гаспаров*. Антиномичность поэтики русского модернизма // Там же. С. 293.

[238] *Л. Гроссман*. Брюсов и французские символисты // Л. Гроссман. От Пушкина до Блока. Этюды и портреты. М., 1926. С. 22.

[239] *Адамович Г* Литературные беседы. СПб., 1998. Кн. 1. С. 105.

[240] *Б. А. Садовской*. «Весы» (Воспоминания сотрудника) / Публикация Р. Щербакова // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1993. № 13. С. 20.

[241] *А. Е. Маргарян*. Брюсов и Рене Гиль // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968.

[242] Там же. С. 522.

[243] Там же. С. 522—523.

[244] *Wolfgang Theile*. Die Beziehungen René Ghils zu Valerij Brjusov und der Zeitschrift «Vesy» // Arcadia. 1966. Band I. S. 174—184.

[245] Макашин Сергей Александрович (1906—1989) — литературовед, автор научной биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. Зильберштейн Илья Самойлович (1905—1988) — искусствовед, лауреат Государственной премии СССР, собиратель русской и зарубежной графики и живописи.

[246] Quelques lettres de René Ghil. Dixième anniversaire de la mort du poète. Paris, 1935.

[247] Весы. 1907. № 6. С. 88.

[248] *Charles Baudelaire*. Oeuvres posthumes. Paris, 1908.

[249] Весы. 1908. № 7. С. 95 (Подпись: Аврелий).

РЕНЕ ГИЛЬ —
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ
ПЕРЕПИСКА

1. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 16 bis rue Lauriston. 18 Février 1904

Monsieur et très honoré Poète,

Je vous adresse, ci-joint, mon second article[1], — et vous enverrai à cette date, chaque mois, les suivants. — J'ai reçu le 1er No. de la Revue, d'aspect magnifique. M. *Max Volochine*[2] m'a dit ce qu'elle sera, de plan vaste et tout originale avec des talents novateurs et vraiment forts, dont le vôtre[3].

Je me sens très honoré d'écrire en cette Revue, parmi cette pléiade de poètes où je sens forte la foi qui nous anima nous-mêmes en notre lutte qui fut féconde.

Je vous remercie, ainsi que M. votre Directeur[4] et vos éminents collaborateurs.

M. Volochine vous a envoyé une sorte de plan de ce que je traiterai, selon ce qui m'a été demandé, les tendances *actuelles*, groupements ou personnalités isolées[5] (il n'y a presque que réaction navrante de faiblesse ou d'habilités méprisables, — cet article vous le fait sentir et voir déjà). — Mais en même temps, en toute impartialité et en toute connaissance de cause, je ferai l'historique, selon l'actualité et à mesure que le présent rappellerait le noble passé, du grand mouvement que j'ai synthétisé en ma dernière étude. Il est intéressant infiniment, et d'un intérêt général[6]. Ce faisant, j'étudierai à part chaque grande personnalité, en un seul article, — car il faut être complet, pour ma satisfaction et la vôtre[7].

Mais, n'est-ce pas, ne craignez pas de me donner vous-même vos avis qui me seront très précieux. C'est entendu.

M. Volochine m'a fait espérer votre venue à Paris, vers le mois d'avril ou mai[8]. Je m'en réjouis. — Croyez que je suis de tout coeur avec le grand effort que vous allez faire.

Ici, pour un temps long peut-être, il n'y a plus que fatigue. Aucune idée nouvelle dans la jeune génération qui nous suit immédiatement, — et qui n'est même pas apte à comprendre notre apport, même technique. Je crois, à de nombreux signes, que le mouvement rénovateur passe chez les autres peuples où d'ardentes curiosités sympathiques s'éveillent de ce que nous avons fait pour, peut-être, faire davantage. (C'est ainsi que récemment une revue de langue Arménienne, par exemple, à Constantinople, — me demandait d'exposer ma théorie technique et ma Philosophie[9]).

Il y a là des indices qui doivent nous enchanter, car l'effort ici fait continue là-bas où vous oeuvrez, et ailleurs... Des temps nouveaux sont venus pour la force et la subtilité du Verbe qui, par dessus les stagnations universitaires, évolue partout[10].

A bientôt vous lire — et, je l'espère, vous serrer la main. Je suis bien sympathiquement vôtre,

René Ghil

— Cet article est peut-être encore un peu long, — mais dès que j'aurai le premier, je verrai par ce qu'il fait de pages en la Revue à combien de pages manuscrites je dois me limiter. Pour, n'est-ce pas, arriver à 8 pages de la Revue?[11]

— Après M. Volochine, je vous prierais de vouloir bien me renvoyer la copie de mon article, — car autrement je ne puis me relire, et cela soulagera ma mémoire[12]. Encore, merci.

R. G.

1. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 18 февраля 1904 г.

Милостивый государь и высокочтимый Поэт!

Посылаю Вам вместе с этим письмом вторую статью[1] и восемнадцатого числа каждого месяца буду посылать последующие. Я получил первый номер журнала, великолепно оформленного. Г-н Макс Волошин[2] сказал мне, что журнал обладает широкой, оригинальной программой и что его будут создавать по-настоящему могучие, обновляющие таланты, подобные Вашему[3].

Для меня большая честь получить возможность писать для такого журнала в числе поэтов, в которых я ощущаю ту же великую веру, которая и нас когда-то вдохновляла на борьбу, борьбу плодотворную.

Я благодарю Вас, а также Вашего Директора[4] и замечательных сотрудников.

Г-н Волошин послал Вам нечто вроде тематического плана, согласно которому я, идя навстречу Вашим пожеланиям, буду рассматривать *современные* тенденции, группы или обособленные фигуры (в нынешней литературе нет почти ничего, кроме удручающей слабости, спровоцированной реакцией, или же ловкачества, достойного не меньшего презрения, — посылаемая мною статья уже даст Вам это почувствовать и понять)[5]. В то же время я со всей беспристрастностью и знанием дела изложу историю вопроса, отталкиваясь от современности в той мере, в какой настоящее может напомнить о благородном прошлом великого движения, синтетически обобщенного мною в предыдущей работе. Это не просто бесконечно интересно, но и представляет собой интерес всеобщий[6]. Поступая таким образом, я рассмотрю в отдельной статье каждую выдающуюся личность, поскольку ради Вашего и моего собственного удовлетворения необходимо выполнить это задание с наибольшей полнотой[7].

Прошу Вас посылать мне без дальнейших колебаний любые замечания, столь для меня ценные. Договоримся об этом, не так ли?

Г-н Волошин вселил в меня надежду на Ваш визит в Париж в апреле или мае[8]. Я заранее радуюсь этому. Знайте, что я всем сердцем с Вами в Ваших грядущих великих свершениях.

Здесь, во Франции не чувствуется ничего, кроме усталости, и это, вероятно, надолго. Никаких новых идей у молодого поколения, которое следует сразу после

нашего и у которого нет способности оценить наш вклад, даже с чисто технической точки зрения. По многочисленным приметам я могу судить, что новаторское движение перемещается в другие страны, в которых пробуждается пламенное и сочувственное любопытство к тому, что сделали в этом направлении мы, для того, чтобы, вероятно, сделать еще больше. (Так, например, недавно константинопольский журнал, выходящий на армянском языке, попросил меня изложить мою техническую теорию и Философию.)[9]

Есть признаки, вселяющие радость, поскольку усилия, предпринятые во Франции, получают продолжение в стране, где творите Вы, а также в других странах... Для мощного, изысканного Слова наступили новые времена, и оно эволюционирует повсюду, возвышаясь над стагнацией, воцарившейся в университетах[10].

Надеюсь скоро получить Ваш ответ и пожать Вам руку. С наивысшей симпатией, Ваш

Рене Гиль

Посылаемая статья, быть может, еще немного длинновата, однако, как только я увижу публикацию первой, я буду лучше представлять себе объем журнальной страницы: тогда я пойму, каким числом рукописных страниц я должен буду себя ограничить, чтобы получилось 8 журнальных страниц[11].

Г-н Волошин уже передавал Вам мою просьбу выслать мне оригинал моей статьи, иначе я не смогу себя перечитать, а так мне не придется перенапрягать память[12]. Еще раз спасибо.

Р. Г.

---

[1] История издания журнала «Весы» доскональным образом изучена российским и зарубежным литературоведением. При написании настоящих комментариев мы опирались в этой части на следующие исследования: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. (Далее — ЛН 1976 с указанием страницы). *Клинг О. А.* Брюсов в «Весах» (к вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала) // Из истории русской журналистики начала XX в. М., 1984. *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. *Donchin Georgette.* The Influence of French Symbolism on Russian Poetry. 'S-Gravenhage, 1958. *Вытженс Гюнтер.* Значение журнала «Весы» для истории русской литературной критики // Acta universitatis Carolinae. Philologica 2—4. 1970. См. также статью А. Е. Маргарян «Брюсов и Рене Гиль» (Брюсовские чтения 1966 г. Ереван, 1968).

Первая статья Гиля, положившая начало циклу «Письма о французской поэзии», была напечатана в журнале «Весы» в № 2 за 1904 г. под названием «Вступительные страницы» (о ее содержании см. примечание 6 к настоящему письму). «Я получил "Весы" № 1, который выглядит так очаровательно-художественно! *Завтра* я отправлю прямо г-ну Брюсову, в адрес журнала, 2-ю статью» [«J'ai reçu le 1-er de "Весы" d'un aspect si bellement artistique!.. J'enverrai demain directement à M-r Broussow, à la Revue, le 2-ème article»], — сообщал Гиль Волошину в письме от 17 февраля (Цит. по: Французские писатели — корреспонденты М. А. Волошина / Публикация П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 240). Факт получения рукописи Брюсов подтвердил Волошину письмом от 10/23 февраля (См.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. С. 310. Далее — ЛН 1994 с указанием страницы).

[2] Здесь и далее курсив означает места из писем, выделенные авторами (в рукописи, как правило, подчеркнутые).

Знакомство Волошина с Гилем состоялось в первой половине января (н. ст.) 1904 г. по инициативе А. В. Гольштейн (1850—1937), сыгравшей значительную роль в становлении молодого русского поэта. К этим событиям относится, в частности, недатированное письмо А. В. Гольштейн с пометой «вторник»:

«Мой милый Волошин!

Я вчера была у Ghil'я. В *восторге* от него, от его беспристрастного отношения к вопросам "литературных колоколен", от его *вдумчивости*. В таком восторге, что спросила его, не согласится ли он писать изредка корр[еспонденции] для "Весов". Он выразил *восхищение*, притом безусловно бескорыстное — какое чудо для среднего француза! — совсем не обратил внимание на мои словам о том, что плата не велика, объявил, что писать о том, что любишь, — уже плата.

Тогда я назначила ему свидание с Вами *у меня* в субботу в 3 1/2. Забегите ко мне до этого срока, я ужасно хочу Вам рассказать мое свидание с ним и ужасно хочу Вас втиснуть в французский мир, и оторвать от "общества", его новогодних декораций и всего прочего случайного, не плодотворного, давящего, принижающего...

Ваша А. Г.

P. S. Конечно, я *не* пригласила Ghil'я писать, а предложила познакомиться с Вами, чтобы поговорить об этом [...]» (ЛН 1994. С. 290).

19 января / 1 февраля 1904 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Проникаю теперь в самые избранные круги символистов — к Одилону Рэдону, к Ренэ Гилю» (Там же).

Волошин произвел на Гиля благоприятное впечатление. Письмом от 4 февраля Гиль пригласил русского поэта к себе, «дабы провести время в дружеском кругу — с нами и нашими друзьями» [«passer une amicale soirée avec nous et nos amis» (Французские писатели — корреспонденты М. А. Волошина / Публикация П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 238).

О своей встрече с Гилем Волошин рассказывал Брюсову в письме от 4/17 января: «С Моклэром мне еще не удалось увидеться. Но зато я виделся с Рэнэ Гилем (Ghile) — ("глава инструменталистов" — помните?), и он обещал писать для "Весов". Он очень близко стоял к движению как близкий друг Малларме, а после работал над своим многотомным "Oeuvre" совсем в стороне от периодической журналистики, и поэтому его мнения очень интересны. [...] Он хочет написать общий обзор поэзии настоящего дня.

Вообще я с ним условливался только о статьях о поэзии. Вообще же я ему предлагал говорить о настоящем с постоянными экскурсиями в историю символизма. Он очень заинтересовался идеей и программой журнала. Но лучше всего будет, если Вы сами напишете ему теперь после того, как первые шаги уже сделаны. Его адрес: Rene Ghile. Rue Lauriston 16 bis (Искаженная орфография имени и фамилии Гиля принадлежат здесь и выше Волошину — *Р. Д.*).

Я тоже просил его при случае изложить свою теорию стиха, которая по-французски была 2 раза издана небольшой брошюркой («Трактат о Слове». Подробно см. примечание 1 к письму № 2. — *Р. Д.*), но теперь сделалась библиографической редкостью» (ЛН 1994. С. 289).

[3] Согласно первоначальному плану, «Весы» выходили как «критико-библиографический ежемесячник», посвященный литературе и искусству, без беллетристического отдела. В редакционной декларации «К читателям», опубликованной в первом номере журнала, говорилось:

«"Весы" желают создать в России — критический журнал. [...] Стихи, рассказы, все создания творческой литературы сознательно исключены из программы "Весов". Таким произведениям — место в отдельной книге или в сборнике.

"Весы" в своих критических суждениях желают быть беспристрастными, оценивать художественные создания независимо от своего согласия или несогласия с идеями автора. Но "Весы" не могут не уделять наибольшего внимания тому знаменательному движению, которое под именем "декадентства", "символизма", "нового искусства", проникло во все области человеческой деятельности. "Весы" убеждены, что "новое искусство" — крайняя точка, которой пока достигло на своем пути человечество, что именно в "новом искусстве" сосредоточены все лучшие силы духовной жизни земли, что, минуя его, людям нет иного пути вперед, к новым, еще высшим идеалам» (Весы. 1904. № 1. С. [III]).

Среди авторов зарождающегося журнала были А. Белый, В. Иванов, К. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис и, разумеется, Брюсов.

[4] Имеется в виду С. А. Поляков, московский меценат, на деньги которого существовало издательство «Скорпион», печатавшее журнал «Весы». Сергей Александрович Поляков (1874—1943) происходил из купеческой семьи. В 1897 г. окончил физико-математический факультет Московского университета. Писал стихи, переводил К. Гамсуна, Г. Ибсена, Вилье де Лиль-Адана. Под псевдонимом С. Ещбоев публиковал критические и библиографические статьи. После 1917 г. работал в Московском Союзе писателей в должности казначея. Оказал материальную помощь многим нуждающимся литераторам. Подробно о взаимоотношениях Брюсова с Поляковым см.: Переписка с С. А. Поляковым (1899—1921) / Вступительная статья и комментарии Н. В. Котрелева // ЛН 1994. С. 5—136.

[5] В письме от 18/31 января 1904 г. Волошин сообщал Брюсову: «Прилагаю ту общую программу, которую он [Гиль] намерен выполнить в будущих письмах. [...] Эта программа предназначается только для сведения редакции, но не для печати» (ЛН 1994. С. 301). В письме от 5/18 февраля Волошин снова возвращается к этой теме: «Свою программу, которую я Вам выслал, он [Гиль] думает осуществлять постепенно и говоря о современности. Это метод, который мы выработали с ним вместе [...].Так что это не будут отдельные статьи и, кроме того, письма из Парижа» (С. 305). Упоминаемая Гилем и Волошиным «программа», вероятно, не сохранилась.

[6] В своей первой «весовской» статье Гиль без колебаний и совершенно недвусмысленно выразил свое отношение к текущей литературе, определив ее как малоталантливую, бесперспективную и, главное, лишенную направляющего стержня. Выполняя пожелание редакции «говорить о новых именах, о новых технических и идейных стремлениях в поэзии» (Весы. 1904. № 2. С. 27), он предложил поразмышлять «о той реакции, которая обнаруживает слишком поразительное невежество по отношению к своим предшественникам», дабы «точно определить происхождение и общую историю этого Движения, которое никто, даже во Франции, еще не разложил на его основные и направляющие элементы» (Там же). Тема завистливой реакции новых литературных школ на символизм и «научную поэзию» (как на две равноправные величины) пройдет впоследствии красной нитью через все русские публикации Гиля. В первой своей статье он откладывает «пока подробный разбор различных [современных] теорий, весьма расходящихся между собой» (С. 32), и обращается к прошлому — к истокам символизма, с единственной целью «выяснить в общих чертах, почему и как» признание Малларме, Верлена и, главное, его самого «вождями» поэтической молодежи «означило точку отправления для всего Движения, раньше смутного часа его многоликой дифференциации» (Там же). Отметим, что на отождествление творческих достижений Гиля с заслугами признанных «вождей» символизма не решались даже его приверженцы.

[7] Это намерение Гиля не было выполнено. Обращение к крупным фигурам символизма носило в его дальнейших статьях эпизодический характер. Подробно об этом — во вступительной статье к настоящей переписке.

[8] На необходимость приезда в Париж Волошин указывал Брюсову неоднократно. Так, в письме от 25 февраля / 9 марта 1904 г. он сообщал, что Гиль «Несколько раз справлялся,

когда вы приедете, т[ак] к[ак] ему очень интересно с Вами познакомиться. Вообще Ваш приезд будет очень полезен и многое определит» (ЛН 1994. С. 315). В середине апреля Брюсов отвечал Волошину: «Может быть, осенью приеду к Вам, если Вы не думаете покинуть Парижа. Без Вас не отважусь» (С. 335). Планам Брюсова помешали трагические события в его семье (см. примечание 1 к письму № 3). Спустя несколько месяцев, в письме от 11/24 сентября, Волошин снова настаивал: «Неужели Вы не попадете в Париж? Я на это страшно надеюсь. Не говоря о практической пользе для журнала, т[ак] к[ак] Вам необходимо познакомиться с Гилем и Ван Бевером, которые уже давно ждут Вашего приезда, но и с эгоистической — мне ужасно хочется побродить по Парижу вместе с Вами» (С. 346). Попасть во французскую столицу и встретиться с Гилем Брюсову удалось только в 1908 г. Подробно об этом см. примечание 2 к письму № 58.

[9] Речь идет о материалах для статьи Забел Есаян «Эволютивная философия», опубликованной 20 марта 1904 г. в константинопольской газете «Dzaghig» («Цветы»). Публикация состоялась в период повышенного интереса армянской прессы Константинополя к идеям, проводимым Гилем.

Забел Никитична Есаян (девичья фамилия — Ованесян) — крупнейшая представительница западно-армянской литературы, автор романов, рассказов, публицистических и путевых очерков. Родилась в 1878 г. (по другим данным — в 1879 г.) в предместье Константинополя Скутари. Дебютировала в 1895 г., в возрасте 16 лет, стихотворением в прозе «Слепой», отмеченном константинопольской армянской прессой. В 18 лет переехала в Париж, где училась на литературном факультете Сорбонны. К этому времени относится ее знакомство с Гилем. Зная любовь Гиля к Востоку, будущая писательница обратилась к нему с просьбой предоставить материалы о его творческом методе (см. «Hommage à René Ghil», специальный номер журнала «Rythme et Synthèse» (1926. P. 46)). Печаталась в «Mercure de France», «Humanité nouvelle», армянских периодических изданиях Франции. Опубликовала романы «В зале ожидания» (1903), «Скутарийские закаты» (1903), «Псевдо-таланты» (1905), «Одаренные люди» (1907). В 1908 г. возвратилась в Константинополь. В 1915 г., опасаясь депортации, бежала в Болгарию. Работала в представительстве Республики Армения в Париже, в гуманитарных миссиях на Ближнем Востоке. В 1926 или 1927 г. посетила СССР. Вернувшись во Францию, опубликовала путевые заметки «Прометей освобожденный» (1928). В 1933 г. переехала на постоянное жительство в Армению. В 1934 г. была делегатом 1-го Всесоюзного съезда писателей, читала лекции по западноевропейской литературе в Ереванском университете. В 1935 г. опубликовала роман «Сады Силидгара» (в 1994 г. роман был напечатан в переводе на французский язык). В 1937 г. была репрессирована. Погибла ок. 1941—1943 гг. в сибирском лагере.

В своем четвертом «Письме о французской поэзии», рассказывая о поэтах, группировавшихся вокруг журнала «La Grande France», Гиль писал: «г-жа Забель Эссайан (Zabel Essaïan), молодая армянка из Константинополя, посылала сюда свои переводы прозаических поэм редкой красоты, в которых каждое слово казалось глубокой дрожью глубочайших душевных волнений, внезапно озаренных в безднах бессознательного вспышкой молнии» (Весы. 1904. № 11. С. 13). В 1906 г. Гиль способствовал публикации написанной по-французски опоэтизированной прозы Есаян в журнале «Ecrits pour l'art», считая себя «вправе причислить [ее] к французским поэтам» (С. 15).

[10] Университетская профессура внушала особую неприязнь Гилю, постоянно иронизировавшему над официальными авторитетами научного мира. Они были неприятны ему настолько, что даже слово «университетский» воспринималось им негативно. Ср. высказывание об Эрнесте-Шарле: «не поэт, но университетский критик, пишущий в университетском журнале Revue Bleue» (Весы. 1904. № 6. С. 17); о нем же: «желал только одного: напасть на Гастона Дешана, своего университетского сотоварища, личность которого, вероятно, стесняла его...»; о Гастоне Дешане — «другой университетский критик» (С. 18);

об известном литераторе: «Эмиль Фаге, хотя, как кажется, он и писал стихи, — не поэт; по крайней мере он не покажется поэтом даже с точки зрения “Французской школы”. Будучи профессором истории литературы, он выбрал своей специальностью критику и из своих критических очерков составляет книги, — так ловко, что можно только согласиться с афоризмом, им самим высказанным: “Есть вероятие, что лучшей из моих работ окажется та, в которой будет всего менее моего”» (С. 27).

[11] Вопрос об объеме публикаций Гиля в «Весах» и о месте французских публикаций вообще стоял в журнале остро со дня его основания. На первом этапе — до начала публикуемой переписки — Брюсов перепоручал вести переговоры с Гилем Волошину. В недатированном письме, отправленном ок. 22 января / 4 февраля 1904 г., он писал в Париж:

«Дорогой Макс!

Вот в чем дело.

Мы все, конечно, довольны очень, и просто рады, и Вам благодарны за статьи Гиля, которого все чтим. Но.

Вы видели “Весы” (кстати, Вам послано еще 5 экз.) и знаете их размер. Эти пять листов должны быть посвящены всей европейской и частью внеевропейской литературе, прежде же всего, конечно, русской. Сосчитайте, сколько страниц достается на долю “французских стихов”.

По-видимому, Гиль предлагает ежемесячно статью и ежемесячно письмо о современности. Это прекрасно, но для нас немыслимо.

Теперь, как объяснить это Гилю. [...] Не хотелось бы ни в каком случае обидеть его.

Нельзя ли предложить Гилю, что мы издадим его “Письма” отдельной книгой по-русски, одновременно с их появлением по-французски (разумеется, за известный авторский гонорар). Или даже — если он не имеет в виду французского издателя — мы можем издать его книгу и по-французски, хотя до сих пор еще не делали таких опытов и не знаем их “практики”.

В “Весах” же мы с радостью напечатаем три-четыре — maximum пять статей Гиля, даже лучше не больше четырех, потому что хотелось бы дать хоть одну статью де Гурмона. Что́ до писем о современной, текущей литературе, то и их помещать каждый месяц, особенно если Гиль будет говорить *только* о стихах, для нас затруднительно. Притом размер этих писем должен быть ограничен: не больше 4 страниц нашего мелкого шрифта. [...]

Вполне понимаю Ваше неприятное положение. Если Вам неудобно лично изложить все это Гилю, — сообщите, и я сам напишу ему письмо от имени редакции, где просто, словно в первый раз, только упомянув о Вас, изложу наши просьбы и предложения.

Скажите, уславливались ли Вы с Гилем о гонораре. 15 fr., предназначавшиеся за страницу для Моклэра, были рассчитаны на *мелкий* шрифт и на короткие письма. Статью же Гиля приходится печатать крупным шрифтом, и займет она не менее листа... Но, конечно, если Вы уже условились, переменять этого решения невозможно» (ЛН 1994. С. 302—303).

Переговорив с Гилем, Волошин отвечал Брюсову в письме от 5/18 февраля: «Относительно Гиля это не так страшно, как Вам показалось. [...] Что касается длины, я просто попрошу его давать статью через месяц и делать ее короче ввиду размера журнала. В этом не будет ничего неловкого. Он ведь свою программу надеется осуществить только в несколько лет. Но если Вы и сами об этом ему напишете, это будет очень хорошо. Мне кажется, это даже необходимо, со стороны редакции, как внимание» (С. 305).

[12] Отсылая в Москву свои рукописи, Гиль, судя по всему, не делал с них копий. Просьба вернуть рукопись его первой статьи содержится также в процитированном выше письме Волошина к Брюсову от 5/18 февраля 1904 г. (С. 306). Обещание выполнить эту просьбу мы находим в ответном письме Брюсова от прибл. 10/23 февраля (С. 311). На протяжении всех шести лет своего сотрудничества в «Весах» Гиль будет неоднократно повторять

пожелание получить назад свои материалы. В первые годы существования «Весов» редакция не возражала против возврата рукописей авторам. В публикуемых время от времени редакционных правилах указывалось, в частности, следующее: «Непринятые для журнала рукописи сохраняются шесть месяцев. Авторы могут получать их обратно лично или доставлять на их пересылку (заказной бандеролью) почтовые марки. [...] Редакция не считает для себя обязательным возвращение мелких рукописей, размером меньше половины печатного листа. [...] Рукописи по усмотрению редакции сокращаются и исправляются. Авторы, не принимающие редакционных поправок, должны это оговаривать». Впоследствии правила изменились, и «Весы» категорически отказались возвращать рукописи (см. примечание 11 к письму № 58).

Не зная русского языка, Гиль тщательно следил за точностью воспроизведения своих статей в переводе, пользуясь, как «вехами», названиями сборников и именами поэтов, надписанными для него по-французски кем-то из знакомых «русских парижан». Многочисленные свидетельства этому находятся в его неразобранном архиве, хранящемся во Французской национальной библиотеке в Париже.

2. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Moscou, 14/27 Février 1904

Monsieur et Maître!

Ce n'est pas sans une joie enfantine que j'ai reçu votre lettre. Je vous connais depuis 1891, où j'ai lu pour la première fois [le] *Traité du Verbe*[1]. J'avais alors 18 ans et j'étais tout sous l'enchantement de la poésie française. C'est vous, Verlaine, Mallarmé et Maeterlinck que je reconnais mes maîtres, c'est vous qui m'avez appris l'art, autant qu'un poète l'apprend à un autre[2].

Je vous remercie de ma part, ainsi que de la part de tout notre cercle, de votre consentement de collaborer dans notre Revue. Grâce à vos articles la *Balance* obtient une valeur permanente. Quant aux idées que vous y exprimez, nous les partageons parfaitement. Je suis assez au courant de la littérature française contemporaine, je vois les revues, je lis les nouveaux recueils de poésies, et je ne puis que répéter vos paroles: "Actuellement, c'est en France le couchant d'une période magnifique"[3]. De plus, je fais les mêmes "exceptions individuelles" de ce jugement: c'est pour MM. Viélé Griffin, Henri de Régnier, St. Merrill (oui! pour lui aussi)[4] et surtout pour Emile Verhaeren[5] (vous y ajoutez le nom de G. Kahn... peut-être)[6]. Mais tous ils appartiennent à la génération précédente, à la vôtre[7].

M. Max Wolochine a dû vous exprimer notre grand regret de ne pouvoir, faute de dimensions trop petites de notre Revue, vous y réserver une place tous les mois[8]. Mais notre Société d'éditions le *Scorpion* garde l'espoir d'acquérir votre futur livre pour le faire paraître en Russie en même temps qu'en France[9].

Croyez, Monsieur, au sentiment de la plus profonde estime que j'ai pour vous comme votre constant lecteur.

Valère Brussov

2. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 14/27 февраля 1904 г.

Милостивый государь и Учитель!

Не без детской радости получил я Ваше письмо. Я знаком с Вами с 1891 года, когда впервые прочитал «Трактат о Слове»[1]. Мне было тогда 18 лет и я целиком находился под очарованием французской поэзии. Вас, Верлена, Малларме и Метерлинка я признаю своими учителями. Вы научили меня искусству в той мере, в какой один поэт может научить другого[2].

Благодарю Вас от себя лично и от имени всего нашего круга за согласие сотрудничать в нашем журнале. Ваши статьи придадут «Весам» непреходящую ценность. Что же касается идей, которые Вы выражаете на страницах нашего журнала, то мы их полностью разделяем. Я в значительной степени нахожусь в курсе того, что происходит в современной французской литературе: просматриваю периодические издания, читаю новые сборники стихов и не могу не повторить Ваших слов: «В настоящее время во Франции мы присутствуем при закате великолепного периода»[3]. Более того, я делаю те же «личные исключения» из этого вывода: это Вьеле-Гриффин, Анри де Ренье, Ст. Мерилль (да, да, и он тоже)[4] и в особенности Эмиль Верхарн[5] (Вы добавите сюда, быть может, также имя Г. Кана...)[6]. Но все они принадлежат к предыдущему поколению, к поколению Вашему[7].

Г-н Макс Волошин, должно быть, выразил Вам наше огромное сожаление по поводу того, что слишком маленькие размеры журнала не позволяют нам предоставить Вам место для ежемесячных публикаций[8]. Однако, наш издательский дом «Скорпион» сохраняет надежду получить Вашу будущую книгу для издания ее в России одновременно с выходом во Франции[9].

Поверьте, я испытываю по отношению к Вам чувство глубочайшего уважения в качестве Вашего постоянного читателя.

Валерий Брюсов

Черновик и выбеленная копия черновика на бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион», а также машинопись письма. Опубл. с сокращениями в кн.: «Hommage à René Ghil (1862—1925)», специальном номере журнала «Rythme et Synthèse», Paris, [1926], p. 62.

[1] «Traité du Verbe» («Трактат о Слове») — сочинение Гиля, выпущенное отдельным изданием в 1886 г. с предисловием С. Малларме и содержащее основные положения созданной им теории «словесной инструментовки». Впоследствии эта работа, расширенная и усовершенствованная автором, выдержала еще четыре переиздания, однако предисловие Малларме после второго издания больше не появлялось. Начиная с третьего издания книга носила название «По методу — к Творению» («En méthode à l'œuvre»), причем каждое новое переиздание объявлялось окончательным и отменяющим все предыдущие версии.

[2] Это признание неоднократно приводилось в русских источниках в качестве безусловного подтверждения факта ученичества Брюсова у французских символистов (см., например: *Маргарян А. Е.* Брюсов и Рене Гиль // Брюсовские чтения 1966 г. Ереван, 1968. С. 524).

[3] Брюсов цитирует здесь слова из первой статьи Гиля, прозвучавшие по-русски следующим образом: «В настоящее время во Франции, если исключить несколько отдельно стоящих поэтов, старых и молодых, — мы присутствуем при закате великолепного периода, при конце мощного поэтического Движения, начавшегося в 1884 году» (Весы. 1904. № 2. С. 26. Перевод М. Волошина). Такая позиция была безоговорочно воспринята Брюсовым, процитировавшим это высказывание почти через десять лет в послесловии к новому изданию своей антологии «Французские лирики XIX века»: «...с начала XX века энергия символического движения во Франции начала ослабевать. "Наступил, — по выражению Ренэ Гиля, — пышный закат великолепного дня". Этот закат длится и поныне» (*Брюсов В. Я.* Полное собрание сочинений и переводов. СПб., 1913. Т. 21. С. 230. Далее — ПССП 1913 с указанием страницы).

[4] Имена французских поэтов-символистов Франсиса Вьеле-Гриффена, Анри де Ренье и Стюарта Мерриля были знакомы Брюсову по меньшей мере с середины 1890-х гг., о чем свидетельствует, в частности, его незаконченная статья «Апология символизма» (1895—1896), а также переписка с И. Коневским (Ореусом). (См. кн.: Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. Далее — ЛН 1991 с указанием страницы). Ср. также его запись в «Дневнике» от 14 декабря 1898 г. (*Брюсов В.* Дневники. 1891—1910. М., 1927. С. 58. Далее — Дневники с указанием страницы). Наряду с Адольфом Ретте Брюсов предполагал охарактеризовать творчество этих авторов в задуманной, но неосуществленной статье «О новейших французских поэтах» (см. его письмо к И. А. Бунину от 11 августа 1899 г. (ЛН 1976. С. 446)).

Значительно позднее, в биографических справках к своей антологии «Французские лирики XIX века» он писал следующее:

«"Франсис Вьеле-Гриффин внес нечто новое во французскую поэзию", — говорит Реми де Гурмон. Это высокая похвала. Вьеле-Гриффин самостоятелен и в содержании своих стихов и в их форме. Он один из мастеров и создателей "свободного стиха"; он много думал над задачами поэзии; его поэмы всегда проникнуты мыслью, глубокой и интересной; он из числа поэтов, которые мыслят и в творчестве которых раскрывается определенное, стройное мировоззрение» (ПССП 1913. С. 272).

«А. де Ренье сумел соединить в своих произведениях лучшие традиции французской поэзии с тем новым, что принесло с собою литературное движение конца века. Этим и надо объяснить тот легкий и быстрый успех, который встретил А. де Ренье и который позволил одному из критиков назвать его "счастливейшим" из современных поэтов. Впрочем, известность А. де Ренье основана более на его романах и новеллах, чем на его стихах» (С. 273).

[5] Эмиль Верхарн (1855—1916) — один из самых любимых поэтов Брюсова. Первыми книгами бельгийского поэта, появившимися в его библиотеке, были сборники «Обезумевшие деревни» («Les campagnes hallucinées», 1893) и «Города-спруты» («Les villes tentaculaires», 1895), а также двухтомник «Стихотворения» («Poèmes, 1895—1896»). Прозаические переводы пяти стихотворений Верхарна Брюсов намеревался включить в четвертый выпуск «Русских символистов», план которого составил в феврале 1896 г., ощущая знаменитого бельгийца близким себе по духу поэтом современности и почитая его учителем всей новейшей поэзии. «Знаешь, кого особенно ценю я сейчас? — писал он А. Курсинскому 23 сентября 1899 г., — Verhaeren и Случевский — вот истинно и просто первые из современников моих, наших» (ЛН 1991. С. 346). И далее: «Verhaeren написал

книгу о городе, о которой мы мечтали все. Я не завидую, я радуюсь. Он велик, ибо он наш» (Там же). В 1900 г. Брюсов включает в книгу своих оригинальных стихов «Tertia vigilia» (М.: Скорпион) переведенные им стихотворения Верхарна «Женщина на перекрестке» («La femme en noir») и «К северу» («Au Nord»), которые впоследствии, в своем первом письме к бельгийскому поэту от 5/18 марта 1906 г., называет не переводами, а подражаниями (ЛН 1976. С. 559). Это были первые переводы бельгийского поэта, опубликованные в России. В намерения Брюсова входило издать (совместно с М. Волошиным) книгу стихов Верхарна — издание, не состоявшееся из-за начала русско-японской войны. Подробно о взаимоотношениях Брюсова с Верхарном см.: Переписка с Эмилем Верхарном / Вступительная статья и публикация Т. Г. Динесман // Там же. С. 546—621). О книге переводов из Верхарна «Стихи о современности», опубликованной Брюсовым в 1906 г., см. примечание 2 к письму № 33.

[6] Поэт и романист Гюстав Кан (1859—1936) был в молодости близок к символистам, но впоследствии изменил своим эстетическим воззрениям. О его эволюции Брюсов писал в статье «Научная поэзия»: «Гюстав Кан, который на заре своей деятельности также был учеником Маллармэ, подражал учителю в изысканности и исхищренности языка и держался самых "левых" эстетических теорий, — быстро перешел ко взглядам общепринятым и к самой обиходной прозе, той, которую Верлэн клеймил когда-то названием "литературы": теперь Г. Кан постоянный сотрудник распространеннейших ежемесячников и любимейший парижский conférencier» (Русская мысль. 1909. № 6. Отд. II. С. 157).

[7] О своем поколении Гиль писал в «Весах» следующее: «Таким образом, в своих первых и истинных проявлениях, уже вырабатывался в систему способ мыслить "символически", — простыми вариантами или отзвуками которого надо признать иные приемы "символической" поэзии, как у Жюля Лафорга, Густава Кана, Жана Мореаса, Анри де Ренье, Франсиса Вьеле-Гриффина, Стюарта Мерриля, Эмиля Верхарна, называя здесь только очень значительных поэтов, имена которых стоят над заглавиями весьма различных книг, отмеченных резкой индивидуальностью авторов и иногда даже чуждых всякого "символизма"» (1904. № 2. С. 34—35).

[8] В тот же день Брюсов отправил Волошину письмо, содержащее следующую информацию: «Гилю пишу *сегодня заказным*. Это заказное письмо, по условиям нашей почты, он получит дня на 2 позже, чем Вы это. Если можно, узнайте его впечатление от этого письма, т. е. от наших отказов. [...] Все же мы не можем взять на себя *обязательства* печатать его ежемесячно, хотя и готовы печатать через месяц или даже *и чаще*» (ЛН 1994. С. 312). В приписке к письму Брюсов выражал сомнение, что второе «Письмо о французской поэзии» будет напечатано в мартовском номере. Вопреки этому сообщению, статья Гиля «Конгресс поэтов 1901 года. (Из современных ретроградных теорий)» была напечатана в № 3 «Весов».

[9] О проекте издания статей Гиля отдельной книгой в русском переводе см. письмо Брюсова к Волошину, приведенное нами выше в примечании 11 к письму № 1. Этот замысел осуществлен не был. Незначительную часть своих статей, помещенных в «Весах», Гиль опубликовал в том или ином виде во французской прессе, главным образом в журнале «Ecrits pour l'art» (1905—1906), а обобщающие материалы — в вечерней газете «Messidor» за 1907 г. (см. об этом подробно примечание 4 к письму № 41). Много лет спустя он собрал материалы, опубликованные по-русски и отчасти по-французски, и положил их в основу мемуарной книги «Даты и творения» («Les Dates et les Oeuvres», 1923).

3. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 14 Avril 1904

Cher et honoré Poète,

Je vous prie de me pardonner mon trop long retard à répondre à votre si aimable lettre. J'ai été souffrant, de grippe et de mal de gorge à la suite, et vraiment incapable de pensée et d'effort. Je voulais cependant tout de suite vous prier d'agréer la part sympathique que vous me permettez de prendre à l'affliction que vous avez éprouvée, et que m'apprit M. Max Volochine[1].

— Je vous remercie infiniment de votre lettre où j'ai lu avec très grand plaisir que nous aimons les mêmes poètes, de qui l'oeuvre est grande et durable en ces dernières années[2]. Je vous prie de vouloir bien me dire, en toute sincérité, que je souhaite amicale, des études successives que j'envoie à la Revue. Je vous demande de les *diriger* de vos avis pour le mieux de la Revue et pour le plus de fruits, j'espère, qu'elles doivent peut-être porter parmi vous.

Volochine m'a dit avec quel soin exact et élégant la traduction en est faite, dont je suis si reconnaissant[3].

Je vais, sous peu de jours, vous adresser la troisième Etude[4]. Ce sera la suite de l'examen d'encore quelques manifestes actuels: d'un article paru à la *Revue Bleue*, de M. A. Lacuzon, pour qui je devrais être sévère, car c'est là un acte assez audacieux de pillage d'idées qui est loin d'être inconscient, et que patronna notre esprit Universitaire très rétrograde, et peu loyal. Bien que cela soit *nul*, il importe cependant en notre revue poétique de toutes les tendances de lui donner place[5]. Je signalerai encore le groupe de la *Nouvelle Revue moderne*[6], puis les explications sur *l'Humanisme* de Gregh...[7]

Ensuite viendra *l'examen de personnalités* sympathiques de la Revue la *Grande France* (Revue morte en Janvier)[8], et du *Naturisme* de St-Georges de Bouhélier[9]. Je verrai s'il y a quelques nouveaux poètes en Belgique[10].

Ensuite, nous aborderons l'historique et la psychologie des idées, des oeuvres et des hommes du grand mouvement antérieur, — où nous *aurons* à admirer.

— M. Volochine m'a dit qu'il est nécessaire qu'en même temps que les Etudes (et selon la parution des volumes nouveaux) je vous envoie, à part, les comptes-rendus succincts des livres de vers venant à paraître. Bien entendu, ceux-là seulement compteront. Je vous enverrai donc, dès ce mois, c'est-à-dire avant le 20 courant, deux pages (pour ne pas encombrer) sur des livres parus ces jours. Il y a les volumes de M. Van Lerberghe, délicieux[11], — de Henri Bataille; d'un jeune[12], M. Jean Royère qui se recommande du souvenir glorieux de Mallarmé[13], — et enfin de Mme Marie Krysinska, curieux par une Préface où elle revendique, avec preuves, la paternité du *Vers libre*, contre Gustave Kahn. Cela fixe un point assez obscur. Je vous enverrai pour ce No. le compte-rendu de Krysinska et de Van Lerberghe et, — cela suffisant pour la place — le mois suivant la critique des deux autres[14].

Vers cette date du 20, je vous enverrai l'article-étude, afin de vous donner bien le temps pour la traduction.

Je vous remercie d'avoir fait passer ce mois le deuxième article.

— Votre voyage n'ayant lieu maintenant, j'espère cependant le grand plaisir [de] vous voir cette année?[15]

Encore merci, et agréez, je vous prie, ma sympathie entière.

René Ghil

Je vous ai fait passer quelques-uns de mes volumes: ceux non épuisés. Je n'ai plus de *En méthode à l'Oeuvre* (ancien Traité du Verbe), mais je vais voir à en faire publier une nouvelle édition[16]. Et sans doute vais-je arriver à commencer une réédition de la première partie de l'Oeuvre, — en la corrigeant en en enlevant les tares, les inexpériences, alors que jeune j'entrai en cette oeuvre neuve de pensée et de technique.

Je vous prie, faites-moi renvoyer toujours la copie française de mon article. Et merci!

Je relis votre lettre, et vois le souhait que vous formez que votre société d'Edition puisse publier le volume complet des Etudes en cours. Je dis que c'est un grand honneur pour moi, et que ce sera aussi mon souhait, si vous en jugez ainsi.

3. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 14 апреля 1904 г.

Дорогой, высокочтимый Поэт!

Прошу простить меня за то, что я задержался с ответом иа Ваше столь любезное письмо. Я перенес грипп и вслед за ним — ангину. Я был совершенно не способен ни думать, ни прилагать к чему-либо усилия. Тем не менее, я хотел бы сразу просить Вас принять от меня соболезнование в связи с постигшим Вас горем, о котором мне сообщил Макс Волошин[1].

Я бесконечно благодарен Вам за письмо, в котором с удовольствием прочел, что мы с Вами любим одних и тех же поэтов, чье творчество обнаружило в последние годы величие и непреходящее значение[2]. Я также прошу Вас высказать мне со всей откровенностью (смею надеяться, дружеской) Ваше мнение о цикле этюдов, посылаемых мною в журнал. Прошу Вас изложить соображения, которые придали бы моим статьям должное *направление*, — ради блага журнала и, надеюсь, ради того, чтобы их возможное воздействие на Ваш круг было плодотворно.

Волошин рассказал мне, с какой заботливой точностью и изяществом был выполнен перевод статей, за что я Вам чрезвычайно благодарен[3].

В ближайшие дни я направлю Вам третье эссе[4]. Это будет продолжение анализа еще нескольких современных манифестов: статьи А. Лакюзона, вышедшей в «Ревю блё», по отношению к которой мне придется проявить строгость, поскольку она содержит немало чужих идей, украденных нагло и далеко не бессоз-

нательно при попустительстве нашей университетской мысли, ретроградной и не отличающейся лояльностью. Несмотря на ее *ничтожность*, в нашем поэтическом журнале, отражающем любые тенденции, будет важно предоставить место и этой статье[5]. Я упомяну еще группу из «Нувель ревю модерн»[6], а затем дам объяснения «Гуманизму» Грега...[7]

Затем последует *анализ* интересных *авторов* из журнала «Гранд Франс» (журнала, прекратившего свое существование в январе)[8] и «Натюризма» Сен-Жоржа де Буэлье[9]. Я посмотрю также, не появилось ли новых поэтов в Бельгии[10].

Затем мы перейдем к психологии и этапам развития идей, произведений и личностей, принадлежащих великому движению Прошлого, — и здесь мы *дадим место* своему восхищению.

Г-н Волошин сообщил мне, что одновременно с этюдами необходимо (по мере выхода новых сборников) посылать Вам в качестве отдельных материалов сжатые отзывы о недавно опубликованных поэтических книгах. Разумеется, только их и следует принимать во внимание. Итак, начиная с этого месяца, то есть до двадцатого числа, я буду посылать Вам (чтобы не очень перегружать журнал) по две страницы, посвященные недавно вышедшим книгам. Есть несколько замечательных томиков — Ван Лерберга[11], Анри Батайя[12], молодого поэта Жана Руайера, провозглашающего себя продолжателем славной памяти Малларме[13], и, наконец, книга Марии Крысиньской. Последняя любопытна предисловием, в котором поэтесса претендует на право считаться изобретательницей *верлибра* и приводит тому доказательства, выступая тем самым против Гюстава Кана. Это проясняет довольно темный момент. Для ближайшего номера я вышлю Вам отзыв о Крысиньской и о Ван Лерберге — этого достаточно по объему, а в следующем месяце — критические материалы о двух других[14].

Около двадцатого числа я вышлю Вам аналитическую статью, чтобы у Вас хватило времени на перевод.

Благодарю Вас за опубликование второй статьи в текущем месяце.

Ваша поездка до сих пор не состоялась, но я надеюсь иметь удовольствие видеть Вас в этом году[15].

Еще раз спасибо. Прошу принять от меня свидетельство благорасположения,

Рене Гиль

Я отправил Вам несколько томиков своих произведений, из тех, что еще не полностью распроданы. У меня не осталось экземпляров «Согласно методу — к Творению» (новый вариант «Трактата о Слове»), но я собираюсь издать его вновь[16]. И, вне сомнения, я намереваюсь приступить к переизданию первой части «Творения», исправляя ошибки и устраняя изъяны, вызванные неопытностью и допущенные в те годы, когда, совсем молодым, я вступил на творческую стезю, новую по мысли и техническому исполнению.

Пришлите мне, пожалуйста, французский оригинал моей статьи. И еще раз спасибо!

Я перечитываю Ваше письмо и вижу в нем высказанное Вами пожелание, чтобы Ваше книгоиздательство опубликовало отдельным томом цикл исследова-

ний, над которым я сейчас работаю. Я отвечу, что для меня это большая честь, и если таково Ваше желание, то мое желание совпадает с Вашим.

---

[1] 9 марта 1904 г. трагически закончились вторые роды жены Брюсова Иоанны Матвеевны. Как и в 1901 г., ребенок вновь родился мертвым. После этого И. М. Брюсова была долго и тяжело больна. 29 марта Брюсов писал П. И. Бартеневу: «Вы, может быть, слышали о тех наших несчастиях, по причине которых эти последние недели я не мог навестить Вас. [...] Иоанна Матвеевна [...] в канун Пасхи вдруг разболелась очень неожиданно и очень сильно. У нее оказался сильнейший жар, свыше 40°, и полная потеря сил. На беду все знакомые доктора оказались в разъезде. Только к вечеру первого дня мне удалось разыскать одного, который нашел болезнь довольно опасной. За всеми хлопотами я теперь решительно не могу удаляться надолго из дому» (ЛН 1994. С. 331n).

[2] См. примечание 4 к письму № 2.

[3] Первоначально было условлено, что переводить первое «Письмо о французской поэзии» будет Волошин. 4/17 января 1904 г. он сообщал Брюсову: «Он [Гиль] обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же. Это только для первой статьи. После он будет отправлять непосредственно» (С. 289). 27 января Гиль уведомил А. В. Гольштейн: «К завтрашнему вечеру я закончу статью, которую по Вашей рекомендации намеревается перевести сам г-н Макс Волошин, человек приятного нрава и дарования. Поскольку Вы решили быть еще любезней, чем обычно, и пожелали ознакомиться с этюдом, не возражаете ли Вы, чтобы мы встретились послезавтра, в пятницу, после полудня? Или назначьте мне час в любое время дня или вечера и я приду к Вам, чтобы прочесть Вам вслух текст» [«J'aurai terminé demain soir l'Article que, sur votre avis, veut bien traduire lui-même Monsieur Max Volochine si sympathique de caractère et de talent. Puisque vous avez bien voulu encore ajouter à votre gracieuseté de prendre connaissance de cette Etude, — désirez-vous que ce soit après-midi demain Vendredi? où, à l'heure que vous donneriez de la journée ou du soir, je me présenterai chez vous. Je vous lirai la chose» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 232. Опубликовано с сокращениями П. Р. Заборовым: Французские писатели — корреспонденты М. А. Волошина / Публикация П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 239)]. В письме от 4 февраля Гиль благодарит Волошина за перевод, который, как он считал, был к тому времени уже закончен. Работа над переводом велась без участия автора под наблюдением А. В. Гольштейн. «Вчера я Вас так и не повидал, — писал Гиль, — но Ваша интуиция, а также последние советы г-жи фон Г[ольштейн], несомненно, позволили Вам без особого труда перевести интересующую нас статью. Хочу поблагодарить Вас еще [раз] за эту услугу, которую я оценил *в полной мере*, и выразить вам всю мою признательность» [«Ne vous ayant vu hier, c'est que, sans doute, grâce à votre intuitive pensée et aux derniers avis de M-me de H<olstein> vous avez traduit sans trop de peine l'article en question. Je veux vous remercier encore de ce soin que j'apprécie à toute sa valeur — et vous assurer de toute ma gratitude» (С. 238)]. Волошин, однако, не нашел времени закончить перевод в сроки, продиктованные Брюсовым: «*Ждем с величайшим напряжением статью Ghil'я*, — настаивал редактор «Весов» в письме от 21 января / 3 февраля. — Чем скорее, тем лучше. Важны даже *часы*. Она идет крупным шрифтом во *второй* №. Высылайте же!! Имя Ghil'я я просто оставил *везде* французскими буквами» (ЛН 1994. С. 302). Но и без этих призывов Волошин понял, что не успевает. Еще до получения письма Брюсова он 18/31 января писал в Москву: «Благодаря разным делам, скопившимся у меня за последнее время, я не успею исполнить желание Ренэ Гхиля: перевести его статью. Поэтому высылаю Вам сейчас же (одновременно с письмом) его статью и те страницы перевода, что я успел сделать. Он очень просит обратить особенное внимание на тщательность перевода особенно этой первой статьи,

которая носит более общий характер. Статья эта довольно сложна для передачи, особенно благодаря его стилю, в котором чувствуется плавное движение широких крыльев. Мне кажется, что это очень важно сохранить. Кто будет переводить ее?» (С. 301). За перевод неоконченной части статьи взялся сам Брюсов. 22 января / 4 февраля он отвечал Волошину: «Статью Гиля перевожу я; сознаюсь, дело не легкое, и часто я погрешаю тем, что придаю фразам ясность, которой нет во французском тексте» (С. 303).

Волошин остался неудовлетворен брюсовским переводом. Ср. его замечание, сделанное в письме к А. М. Петровой от 25 февраля / 10 марта: «Только что получил второй номер "Весов". Обратите внимание на статью Гиля. Жаль, перевод тяжеловесен. Сравните первые три страницы, переведенные мною, с остальным, переведенным в Москве» (Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. Т. I. М., 1991. С. 164).

Свои претензии Волошин не преминул высказать Брюсову. В письме от 5/18 февраля он писал: «Статья Гиля. Я не вполне доволен переводом. Слишком близко сквозит французский текст и поэтому утеряно то, что есть самого драгоценного в статье Гиля: великолепный стиль, дающий впечатление полета. Из подробностей: мне кажется, что нельзя переводить volonté — воля. На языке символистов это слово имеет значение: порыва, стремления. Французские периоды разного темпа, соединенные спаями маленьких слов, которых так много во французском языке, мне кажется, нельзя передавать точно и последовательно. Приходится делать многие перестановки и переложения, [что] часто даст больше, чем перевод. Это все, конечно, между нами, и я ни слова не скажу Гилю» (ЛН 1994. С. 317).

Брюсов, явно задетый, перевел разговор в сугубо теоретическую плоскость. В письме от 4/17 марта он возражал: «Мой перевод Гиля, может быть, не окончательно таков, как я желал бы (Вы не представляете, как мало у меня времени), но приемы его намеренны. В каждом языке есть свой склад мышления, и, передавая иностранную прозу (статей), я сохраняю этот иностранный строй языка (иное дело, конечно, в стихах, в творческих произведениях). Это звучит не совсем как русская речь, но при самом малом знакомстве с языком читатель, читая русские слова, получает то же впечатление, как если бы он читал оригинал. Таковы, напр[имер], переводы Фета из классиков; читая их, я слышу Вергилия, Тибулла, Овидия...» (С. 319).

Справедливости ради отметим, что обе части статьи были переведены без должного профессионализма с большим числом лексических калек и неуклюжих оборотов. В последующих статьях Брюсов значительно улучшил технику своих переводов.

[4] Третье «Письмо о французской поэзии», носящее подзаголовок «Конец "французской школы"», было направлено в Москву 4 мая (см. письмо № 6) и появилось в № 6 «Весов».

[5] В третьем «Письме о французской поэзии», неоправданно подробном по содержанию и негодующем по тону, Гиль обратился прежде всего «к группам диссидентов, вышедшим из пресловутой "Французской школы"» (Весы. 1904. № 6. С. 16). «Эти группы, — обличал он, — враждуют друг с другом, отрицают одна другую, но в них проявляется такая низменность душ и такое ничтожество дарований, что они не заслуживают даже памяти. Это зыблющийся хаос, в котором мелькают и странно сменяются бесцветные лица и чьи-то бессильные мысли, и в котором часто, в полумгле лукавства и притворства, спавшая маска обличает обезьянье передразнивание гордых, страстных и искренних ликов Поэтов Недавнего Прошлого, тех самых, которых эти передразниватели будто бы хотят одолеть и даже вычеркнуть из истории поэзии!» (С. 16—17).

«Французская школа», на которую Гиль нападал в двух предыдущих «весовских» статьях, была основана через несколько месяцев после первого Конгресса поэтов 1901 г. (подробно о Конгрессе см. предисловие к настоящей публикации). Инициаторами ее создания были Адольф Бошо, Жорж Норманди и М. Пуансо (эти имена неоднократно повторяются в материалах Гиля). В первом «Письме о французской поэзии» он писал, что эти поэты обнародовали «нечто вроде своего первого манифеста в виде Предисловия к офи-

циальному отчету Конгресса. Не нужно было даже опубликования этой — скажем — новой (по времени появления) эстетики, для того чтобы увидеть, что школа эта в своих идеях была исключительно отрицательной и противополагала себя в виде реакции различным школам, которые мало осведомленная и ленивая пресса для удобства окрестила общим именем "Символизма"» (Весы. 1904. № 2. С. 27). В 1902 г. «Французская школа» выпустила коллективный сборник «Новая вера» («La Foi nouvelle»), в котором, по мнению Гиля, «доказала свое бессилие и свою беззастенчивую жажду успеха» (№ 6. С. 17). «"La Foi nouvelle", — указывал он в другом месте, — сборник потешной памяти "Французской школы", — единственное в своем роде собрание затейливых банальностей с притязательным предисловием, в котором сказывалась затаенная реакция против всякой свободной и истинной Красоты» (Весы. 1904. № 7. С. 55). Современные историки литературы придерживаются мнения, что недолгое («эпизодическое») существование этой группировки было знаменательным в связи с ее обращением к техническим задачам французского стихосложения (проблемам просодии, цезуры, рифмовки, «свободного стиха», ликвидации академических запретов и т. п.), рассмотрению которых Гиль уделил некоторую часть отведенной ему журнальной площади. Главный раздел третьего «Письма о французской поэзии» был, однако, посвящен отнюдь не «французской школе», как указывалось в заглавии, а ожесточенной полемике с другой группировкой — «интегрализмом», образовавшимся в марте 1903 г. по инициативе Адольфа Лакюзона. Брюсов встречался с Лакюзоном через месяц после провозглашения им «интегрализма» в парижском салоне Е. Кругликовой (Дневники. С. 132. Подробно о Е. Кругликовой см. примечание 2 к письму № 7). В годы своего пребывания в Париже был знаком с ним и Волошин.

Манифест «Интегрализма», опубликованный 16 января 1904 г. в журнале «Revue Bleue», был подписан, помимо Лакюзона, еще несколькими поэтами — Адольфом Бошо, Леоном Ванно, Себастьяном-Шарлем Леконтом и др. В письме от 5/18 февраля Волошин сообщал Брюсову: «Высылаю Вам манифест "интегралистов", написанный Лакюзоном. Гиль об нем будет говорить. Но т[ак] к[ак] он будет, вероятно, против, то Вы, может, кроме того воспользуетесь самым текстом» (ЛН 1994. С. 305). В № 2 «Весов» за 1904 г., в разделе «В журналах и газетах», Брюсов поместил следующую заметку: «В La Revue Bleue появился манифест новой поэтической школы, которую ее основатели называют L'Intégralisme. Манифест подписан Адольфом Лакюзоном, считающимся главарем этой группы, и четырьмя его сторонниками. Одно из положений манифеста формулировано так: "Истинная поэзия есть трансцендентная форма познания"» (С. 78).

Как и предсказывал Волошин, манифест «Интегрализма» был подвергнут на страницах «Весов» уничтожающей критике. «Двое или трое» из его приверженцев, — объявлял Гиль, — «были известны как самые посредственные дарования, без малейшей самоличности» (Весы. 1904. № 6. С. 17). Не бóльшим талантом отличался, по его мнению, и вдохновитель течения, за которым якобы «не числилось никаких произведений» (Там же). Последнее высказывание противоречило не только фактам, но и оценке самого Гиля, данной им через несколько страниц относительно поэмы Лакюзона «Вечность» («L'Eternité», 1902): «Книга стихов, написанных приемами и размерами романтиков, исполненная ложного лиризма, с отзвуками неточной и бессвязной словесной музыки» (С. 23n).

Гиль не скрывал, что рассматриваемая теория видится ему как откровенный плагиат, с которым он «принужден посчитаться лично» (С. 20). По этой причине 6 или 7 страниц этюда были посвящены им сравнению многочисленных цитат из своих теоретических работ с отдельными выкладками из манифеста Лакюзона. Сделано это было настолько обстоятельно, что сам автор в конце концов признался, что ему «это становится уже скучным» (С. 24). «Таким образом, — заключал он, — вся эта попытка разных Пуансо, Бошо, Лакюзонов и им подобных (среди которых некоторые связаны с университетскими кругами) представляется бессильным и недостойным проявлением тайной злобы со стороны уни-

верситетского духа и университетской критики, представителями которых между прочим являются Фаге, Эрнест-Шарль, Андре Бонье, Анри Бордо... Это они одобрили новое "направление" и открыли ему страницы своего официального органа, Revue Bleue, недоступные для профанов» (С. 28).

Через три года, протестуя против публикации манифеста «Интегрализма» и стихов Лакюзона в третьем томе «Антологии современных французских поэтов» Ж. Вальша (подробно о ней см. примечание 9 к письму № 38), Гиль разразился следующей филиппикой (приводим практически полностью его заметку «По поводу одного недоразумения»):

«Так, в III томе мы находим три или четыре имени из "Французской школы" (Ecole Française), которая, как это мы уже выяснили в свое время на страницах "Весов", проявила свое существование только в том, что наняла разных посредственностей или полных бездарностей на службу антрепренерам поэтической реакции — гг. университетских критиков. Эти господа выказали себя очень сговорчивыми и охотно дополнили посредственность своих новых сообщников бессильным шумом рекламы и своим собственным лицемерием. Самым поразительным примером этого лицемерия официальных критиков надо признать покровительство, оказанное ими кричащему и бессвязному плагиату, опубликованному под названием "Манифеста интегралистов", в 1904 г., некием господином Лакюзоном, в старческой, реакционной "Revue Bleue". На этих же страницах (Весы. 1904. № 6), строка за строкой, чтобы показать читателям степень честности гг. реакционеров, я доказал, что этот "Манифест" какого-то "Интегрализма" просто повторял, отдел за отделом, небольшую речь, резюмировавшую мое учение, произнесенную мною на "Конгрессе поэтов" 1901 г. и напечатанную в его бюллетенях...

Живя в Голландии, г. Вальш был введен в заблуждение пышной вывеской, прикрывшей это неловкое позаимствование из чужого источника. Он даже воспроизвел статью г. Лакюзона, очень длинную, — ах! — слишком длинную, и ему придется, не без неловкости, выкинуть ее при новом издании. Но как, однако, г. Вальш не усомнился в принадлежности этих идей г. Лакюзону, писателю, совершенно неизвестному в 1904 г., когда ему было уже 34 года? В предыдущем году он издал тоненький томик "О романтическом искусстве" — и только, ибо, как говорит г. Вальш, "г. Лакюзон желает, чтобы мы прошли совершенным молчанием несколько брошюрок стихов, выпущенных им раньше"! Эти брошюрки, выпущенные раньше плагиата, очевидно, проявили подлинную личность этого господина: были, без сомнения, еще более смешными! Но г. Лакюзон напрасно просит для них "совершенного молчания", — оно и без его просьб достанется в удел всем его писаниям!» (1907. № 6. С. 87).

[6] Молодым поэтам (Полю Лаффону, Эдуарду Контино, Тука-Массильону, Жаку Морнану, Эмилю Манья, Марселю Роллану и Жану Вальми-Бэйсу), группировавшимся вокруг журнала «La Nouvelle Revue moderne», Гиль посвятил первую часть своего четвертого «Письма о французской поэзии», опубликованного в № 11 «Весов» за 1904 г. Основные постулаты этой статьи были так или иначе связаны со словами «Наука» и «Жизнь» (и то, и другое с прописной буквы), а главная ее задача состояла в установлении первенства Гиля в употреблении этих понятий. К молодым дарованиям он обратился с «заветом» — «ознакомиться отныне ближе с идеями и творчеством их непосредственных предшественников, дело которых они естественно должны продолжать» (С. 11).

[7] Слово «Гуманизм» в качестве названия нового течения впервые появилось в 1900 г в одном из интервью Фернана Грега. Два года спустя, 12 декабря 1902 г., он опубликует в газете «Figaro», статью, воспринятую как манифест новой школы. В обширной рецензии на книгу Грега «Человеческие просветления» Гиль писал, что своим «манифестом», в котором этот «поэт-"гуманист" призывал воспевать Жизнь», он добился «одобрительного приема в светских и университетских кругах» (Весы. 1904. № 11. С. 51). См. также примечание 1 к письму № 16.

[8] Во второй части четвертого «Письма о французской поэзии» (Весы. 1904. № 11) Гиль сообщил «о живом и деятельном организме, о [...] группе поэтов, к сожалению, ныне уже рассеянной с прекращением, в первых месяцах года, журнала, соединявшего их: "La Grande France". Но, быть может (продолжал он), даже лучше, чтобы наше возбужденное внимание, при полном свете, обособленно рассматривало те индивидуальности, которые составляли украшение журнала и придавали ему самостоятельное значение! И тогда, частью ради произведений, уже подписанных ими, частью ради тех, которые властно или робко отметят они завтра, — надо будет запомнить имена гг. Робера Рандо (R. Randeau), Садия Леви (S. Lévy) и Огюста Брюнэ (A. Brunet), новых поэтов» (С. 11).

[9] Эдуард Сен-Жорж Буэлье (наст. имя — Стефан Жорж Лепетелье де Буалье, 1876—1947) — прозаик, поэт, эссеист, драматург. Основанное им в конце XIX в. течение «натюризм», противопоставлявшее себя как натурализму, так и символизму, призывало к передаче непосредственного чувства природы. К моменту получения письма Гиля Брюсов знал о Буэлье и в течение нескольких недель пытался через Волошина получить рецензию на его роман «Юлия, или Любовные связи» («Julia ou Les relations amoureuses», 1904). Труд по написанию рецензии Волошин «с наслаждением» переложил на Адольфа Ван Бевера, объясняя Брюсову в своем письме от 9/22 апреля, что ему самому «писать об этом скучном авторе [...] не улыбалось» (ЛН 1994. С. 333). В своей «ретроспективной статье» о романах Ван Бевер намеревался остановиться на натюризме, однако, сколько ни «умолял» Брюсов Волошина «о рецензии на Буэлье» (С. 331), сколько ни предлагал Ван Беверу «независимо, от [«весовской»] рецензии, дать *свое* суждение в своем письме и о книге и о натюризме» (Там же), отзыв о романе «Юлия» в журнале напечатан не был. Книга Буэлье, высланная в Москву Волошиным, видимо, затерялась. В библиотеке Брюсова сохранилась другая книга этого автора «Старое и новое, избранные страницы» («Choix de pages, anciennes et nouvelles»), изданная в Брюгге в 1907 г. (РГБ. Ф. 386. Книги. № 1681).

[10] Каких конкретно поэтов имеет в виду Гиль, сказать трудно. Быть может, речь идет о Эмиле Дантене, книга которого была издана в Льеже (см. примечание 8 к письму № 8).

[11] В № 4 «Весов» Гиль опубликовал заметку о книге Шарля Ван Лерберга «Песня Евы» («La Chanson d'Eve», 1904), о которой отозвался следующим образом: «Вот книга стихов, изысканно и сознательно прекрасных, книга увлекательная и музыкальная до обольстительности» (С. 56). В этом сборнике рецензенту особенно импонировало «"единство в многообразии", до которого не всегда умеют возвыситься самые выдающиеся и самые сильные из поэтов. Ван Лерберг понял, что необходимо порвать с "сборниками" случайных стихотворений, более или менее улаженных между собой, но все же часто нисколько не связанных одно с другим. В книге нет заглавий над стихотворениями: она делится на четыре части, как на гармонические главы единой развивающейся Идеи» (Там же). Необходимо отметить, что именно по такому плану строил свои книги сам Гиль.

[12] «Книга Анри Батайля, — отмечал Гиль в рецензии на сборник «Прекрасное путешествие» («Le beau voyage»), — создание истинного художника, и кроме того в ней есть редкое пока достоинство: стремление к единству общего состава. Я не говорю, однако, "к единству общего замысла", так как на Анри Батайле далеко нет того чекана высших дарований, которые приносят в мир свое совершенно новое, не знающее себе подобных "я". Я не хочу подражать здесь тем слишком суровым критикам Батайля, которые рядом цитат установили его несомненные подражания Бодлэру, Верлэну, Франсису Жаму, Вьеле Гриффину, Меррилю, Ренэ Гилю и др. ... Этот прием кажется мне совершенно незаконным, попыткой определить отдельные, почти неуловимые точки соприкосновения творчества Батайля с окружающей его атмосферой, тогда как она влияла на него всем своим объемом. [...] Нет, надо признать, что Анри Батайль бессознательно избирал темы, которые способна была воссоздать его своеобразная печаль, его несколько смутная, но чуткая мечтательность, расплывающаяся в образах и картинах его поэзии» (Весы. 1904. № 7. С. 55—56).

[13] Жан Руайер (1871—1956) — французский поэт-неосимволист, редактор журналов «Ecrits pour l'art» и «Phalange» (о его журнальной деятельности см. подробно примечание 6 к письму № 23). «Меня совершенно увлекли Eur[y]thmies Жана Ройэра, связывающего свою книгу благородными и интересными воспоминаниями с именем Стефана Малларме, — писал Гиль в отзыве о первом сборнике поэта. — Малларме любил эти коротенькие стихотворения, правильные александрийские стихи которых так покорно подчиняются изысканности напевов и сдержанности и глубине мысли» (Весы. 1904. № 4. С. 58).

В одной хронике вместе с рецензией на сборник Руайера в журнале был помещен отзыв о первой книге Виктора Литфуса «Лоскутья и блестка» («Loques et Paillon», 1904), которую Гиль нашел более сильной, чем сборник предыдущего автора, разглядев в ней немало «бесспорных обещаний» и даже осуществлений. «Достоинство книги, — писал он, — в ее современности, в том, что в ней есть личные, но глубоко верные отзвучия современной жизни» (Там же).

[14] В пространной рецензии на сборник Марии Крысиньской (1864—1908) «Интермедии» («Intermèdes», 1903) Гиль практически отказался от анализа самой книги, уделив основное внимание возникшей вокруг нее полемике. «Стихам Марии Крысинской, — начинался отзыв, — несомненно, занимающей самостоятельное место в ряду поэтов "символической" школы, предпослано предисловие, в котором она, как бы предъявляя законное требование на свое имущество, доказывает еще раз, на основании документов и точных дат, что создание "свободного стиха", vers libre, принадлежит не Гюставу Кану, а ей. Доказательства г-жи Крысиньской достаточно убедительны. Действительно, с 1882 года, в двух-трех журналах, печатались ее произведения, написанные стихом, получившим позднее название "свободного", т. е. многообразными сочетаниями стихов разных мер, от односложных до пятнадцатисложных, в которых развиваются, сменяясь, всевозможные ритмы, подчиняясь только движению поэтической мысли. В тех же ранних опытах появились впервые и некоторые другие более мелкие нововведения, принятые позднее целым рядом лиц, совершенно забывших, откуда они их заимствовали» (Весы. 1904. № 6. С. 49). Заметив в скобках, что он «лично» считает «эти нововведения бессмысленными и нестерпимыми», Гиль перевел дискуссию в иное русло, подчеркивая, что противник Крысиньской Гюстав Кан «обогатил и углубил» практику верлибра, «вдохновляясь, по-видимому», «теорией Словесной Инструментовки» (С. 50). К теме приоритета в области изобретения верлибра Гиль вернулся снова в пятом «Письме о французской поэзии», посвященном Танкреду де Визану, и с еще большей настойчивостью подчеркнул, что «Кан совершенно незаконно приписывает честь создания "свободного стиха" себе, тогда как этот стих вышел из школы "словесной инструментовки" и был пересоздан Вьеле-Гриффином, наложившим на него печать своей личности» (Весы. 1905. № 3. С. 50). Подробно о спорах, связанных с приоритетом в этой области, см., в частности, главу «Ссора по поводу верлибра» («Querelle du vers libre») в кн.: *Goulesque Florence R. J.* Une femme poète symboliste Marie Krysinska. La Calliope du Chat Noir. Paris, 2001.

[15] См. примечание 8 к письму № 1.

[16] Как следует из писем Волошина к Брюсову, Гиль отправил в Москву все свои изданные к тому времени книги, кроме «Трактата о Слове» (см., напр., его письмо от 24 марта / 6 апреля 1904 г. — ЛН 1994. С. 335). Мнение о каждой из подаренных ему книг Брюсов выразил в своем ответном письме от 13/26 апреля 1904 г. (№ 5).

4. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 19 Avril 1904

Cher et honoré Poète,

Comme je vous le disais en ma lettre de jeudi dernier, je vous envoie ici trois comptes-rendus de livres de vers, — qui méritent mention ou admiration.

(Pour le mois prochain, je vous enverrai les notes sur les volumes de Bataille et Mme Krysinska[1]).

Dans la huitaine, je vous enverrai mon *troisième article* d'Etude de la Poésie[2].

A ce propos, j'ai oublié dans ma précédente lettre de répondre à ce que vous demandiez à M. Volochine: Si le 1er article m'avait été payé? Je ne vous avais accusé réception, car j'avais signé le reçu que m'avait présenté le *Crédit Lyonnais*[3].

Je vous préviendrai désormais. Je n'ai pas encore reçu à ce *jour le prix du second article*. Je n'ai pas eu, non plus, la copie française de cet article, le second[4].

Tout ceci, n'est-ce pas, seulement si ce peut vous être utile de le savoir. Car je ne suis nullement impatient, vous le pensez! — Il n'y a aucun retard.

Comme je vous l'ai dit, je vous ai fait parvenir quelques-uns de mes volumes non épuisés. Mais voici que je viens de traiter avec l'éditeur Messein (successeur de Vanier)[5], pour la réédition *corrigée* (et ça en a besoin!) *de la première partie* de mon Oeuvre parue[6].

L'En méthode à l'Oeuvre (ancien Traité du Verbe) paraîtra dans un mois environ.

Mon premier volume, cet hiver, — et les 2 autres en l'espace de 18 mois, après, — afin que j'aie le temps de corriger, tout en continuant à écrire les volumes de la suite de l'Oeuvre, le 3ème de la 2ème partie, et suivants.

Cette 1ère partie formera donc 4 volumes. Un de 80 pages et les autres de chacun 300 pages. Dès paru, j'aurai le grand plaisir de vous faire parvenir *l'En méthode [à l'Oeuvre]* que vous me faisiez l'honneur de me demander.

J'espère bientôt de vos nouvelles et vous prie d'agréer mes sympathies dévouées,

René Ghil

4. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 19 апреля 1904 г.

Дорогой, высокочтимый Поэт!

Как я обещал в своем последнем письме, отправленном в прошлый четверг, прилагаю к настоящему письму три отзыва о поэтических сборниках, достойных упоминания или восхищения.

(Для следующего номера я пошлю Вам заметки по поводу томиков Батайя и Крысиньской[1].)

Дней через восемь я отправлю Вам мое *третье исследование* о Поэзии[2].

Кстати, в своем предыдущем письме я забыл ответить на вопрос, заданный Вами Волошину: получил ли я гонорар за первую статью? Я не подтвердил Вам получения денег, поскольку расписался на квитанции, представленной мне в банке «Лионский кредит»[3].

Впредь буду оповещать Вас. *На сегодняшний день* я еще не получил *оплаты за вторую статью.* Не получил я и ее французского оригинала[4].

Упоминаю об этом на тот случай, если Вам важно об этом знать. Не подумайте, что я проявляю нетерпение! Нет, речь не идет ни о какой задержке.

Как я уже писал, я выслал Вам несколько моих нераспроданных произведений. Я только что закончил переговоры с книгоиздателем Мессеном (преемником Ванье)[5] об *исправленном* переиздании уже вышедшей *первой части* моего «Творения» (которая так нуждается в исправлениях!)[6].

Трактат «Согласно методу — к Творению» (прежнее название — «Трактат о Слове») появится приблизительно через месяц.

Первый том выйдет будущей зимой, затем — с разрывом в полтора года — два других, что позволит мне уделить время исправлениям, продолжая при этом работать над последующими томами «Творения», над третьим томом второй части и другими.

Первая часть будет состоять, таким образом, из четырех томов. Один на 80 страниц, а остальные по 300 каждый. Сразу после выхода трактата «Согласно методу — к Творению» я буду счастлив выслать Вам экземпляр, поскольку Вы оказали мне честь просить меня об этом.

Надеюсь на скорые от Вас известия. Прошу принять свидетельство моего благорасположения и преданности,

Рене Гиль

---

[1] См. примечания 12 и 14 к письму № 3.

[2] См. примечания 4 и 5 к письму № 3.

[3] В ответ на просьбу Волошина, высказанную им в письме от 5/18 февраля 1904 г., Брюсов в своем письме от 10/23 февраля обещал выслать Гилю гонорар, «как только выйдет № 2» (ЛН 1994. С. 311), а в письме от 4/17 марта спрашивал: «Получил ли он [Гиль] 140 fr. (по 10 fr. за страницу)?» (С. 320).

[4] О получении рукописи второго «Письма о французской поэзии» и гонорара Гиль сообщал Брюсову в письме от 4 мая (№ 6).

[5] Леон Ванье (1847—1896) — парижский издатель, выпускавший сочинения символистов. Об Альбере Мессене Гиль писал в № 4 «Весов» за 1904 г., отмечая, что «отныне следует с интересом следить за молодой книгоиздательской фирмой, напоминающей такое славное прошлое. (Мессэн — преемник Леона Ванье, под покровительством которого развивалось в 80-х годах все новое поэтическое движение). Широкая литературная образованность и вкус г. Мессэна могут воссоздать благоприятные условия для новых проявлений истинного творчества» (С. 58).

[6] Начиная с этого времени Гиль приступает к программе переиздания своего «Творения» («L'Oeuvre»). Первая часть «Творения», название которой можно перевести «Сказание о лучшем» («Dire du Mieux»), состояла из четырех книг: «Лучшее становление» («Le

Meilleur Devenir»), «Простодушный жест» («Le Geste Ingénu»), «Обет жить» («Le Voeu de Vivre») и «Орден альтруистов» («L'Ordre Altruiste»). В первоначальном варианте названные книги выходили с 1887 по 1897 г. В 1905 г. Гиль предпринял исправленное издание первых двух книг (в одном томе), в 1906 г. — переиздал первый том третьей книги «Обет жить», в 1908 г. — повторил второй том третьей книги, а в 1909 г. опубликовал четвертую книгу «Орден альтруистов». На протяжении всей переписки с Брюсовым он регулярно информировал своего корреспондента о продвижении работы по переизданию.

5. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Moscou, 13/26 Avril 1904

Monsieur et maître!

Je ne saurais vous expliquer combien me sont chers vos dons[1]. C'est surtout le *Pantoun des Pantoun* avec son autographe[2]. Je m'accuse de l'avoir lu pour la première fois. Je fus tout ébloui par cet éclat tropique. Quelle étonnante combinaison de raffinement et de primitivité dans les tableaux, naïfs et émouvants, et dans le singulier langage, composé de deux éléments! Quelques-unes de ces pages, j'ose l'affirmer, sont parmi les meilleures de votre oeuvre. Tel est le commencement du VI chapitre (Fleur en venir de pleur, sanglot du coeur...), dont la splendide harmonie est un exemple triomphal de l'Instrumentation Verbale. Telles sont encore les chansons recréant la poésie javanaise, poésie barbare et originelle. Excusez bien ma curiosité, mais je ne puis ne pas vous demander si Java vous est connue de près...

Pour vous exprimer quelque peu ma reconnaissance, je vous ai envoyé mon dernier recueil de vers: *Urbi et Orbi*[3]. — Comme j'avais depuis longtemps plusieurs de vos livres, j'avais donc gardé les livres-cadeaux et envoyé les doubles à une jeune fille, qui s'intéresse beaucoup à la poésie nouvelle, à Rostov-sur-[le]-Don, ville située au bord de la mer d'Azov. Je me plais à croire que vos vers seront lus même dans cet endroit — à dire bien malheureux[4].

A cause de différentes circonstances — toutes personnelles, — je ne fais que si tard mes excuses de m'être permis quelques petits changements dans votre deuxième *Lettre*. C'est qu'en la traduisant, j'ai transporté aux remarques quelques lignes du commencement, ne se rapportant pas immédiatement à l'idée générale (depuis «Nous verrons» jusqu'à — «la systématise»)[5] et que j'ai ajouté (page 29) une petite remarque-citation de Verlaine: en France, sans doute tout le monde connaît ces vers, mais chez nous la plupart des lecteurs ne saurait de quoi il s'agit[6].

Nous avons reçu vos comptes-rendus; ils seront insérés dans le 4me No. de la *Balance*[7]. Nous attendons votre 3me Lettre[8].

Croyez, Monsieur, à mon profond respect

Valère Brussov.

P. S. Quant aux honoraires, nous demandons la permission de vous les envoyer en sommes plus arrondies, ainsi nous éviterons les petits envois. Vos copies vous sont adressées en même temps que cette lettre.

5. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 13/26 апреля 1904 г.

Милостивый государь и учитель!

Мне трудно выразить, насколько дороги мне Ваши подарки[1]. Особенно «Пантум пантумов» с Вашим автографом[2]. Сознаюсь, что я прочел его впервые. Я был ослеплен всем тропическим блеском. Какое удивительное сочетание утонченности и примитивности образов, наивных и волнующих, [в картинах, написанных своеобразным языком, соединяющим оба элемента!] Некоторые из этих страниц, я смело утверждаю, стоят в ряде лучших Ваших произведений. Таково начало шестой главы («Fleur en venir de pleur, sanglot du cœur... » — «Цветы перед наступлением слез, рыдания сердца»). Здесь роскошная гармония служит торжествующим примером «Словесной Инструментовки». Таковы тоже песни, воссоздающие явайскую поэзию, поэзию дикарей и [туземную] поэзию. Простите мое любопытство, но я не могу не спросить Вас, насколько близко Вы знакомы с Явой?..

Чтобы сколько-нибудь выразить Вам свою признательность, я послал Вам мой последний сборник стихов «Urbi et Orbi»[3]. Так как у меня имелись давно некоторые из Ваших книг, то я, сохранив себе книги-подарки, отослал дубликаты одной девушке, [живо] интересующейся новой поэзией, в Ростов-на-Дону, город, расположенный на берегу Азовского моря. Мне приятно знать, что Ваши стихи будут читаться даже в этом, сознаться, жалком месте[4].

Из-за различных обстоятельств чисто личного характера мне приходится с большим опозданием просить Вашего прощения [за то], что я позволил себе ряд изменений [в Вашем втором «Письме»]. При переводе я отнес в примечания несколько строчек начала, не относящихся непосредственно к главной идее (начиная с [«Nous verrons» до «la systématise»[5]]), а также прибавил (стр. 29) маленькую заметку-цитату из Верлена. Во Франции, несомненно, эти стихи всем известны, но у нас же большинство читателей не поняло бы, о чем идет речь[6].

Мы получили Ваши статьи; они будут напечатаны в 4-м номере «Весов»[7]. Ждем Ваше 3-е «Письмо»[8].

Верьте моему глубокому уважению,

Валерий Брюсов.

P. S. Что касается гонорара, мы просим у Вас разрешения прислать Вам сразу круглую сумму, мы таким образом будем избегать небольших посылок. Вместе с настоящим письмом Вам посланы обратно рукописи Ваших статей.

* Опубл. с сокращениями в кн.: «Hommage à René Ghil (1862—1925)», специальном номере журнала «Rythme et Synthèse», Paris, [1926], p. 63.

[1] «На днях я с двумя разными оказиями, — писал Волошин Брюсову 24 марта / 6 апреля, — переслал Вам все книги Гиля (кроме "Traité du Verbe", увы!) с его дедикасом Вам и книгу Ван Бевера — тоже от него» (ЛН 1994. С. 330).

[2] Речь идет о «яванской» поэме Гиля «Пантум пантумов» («Le Pantoun des Pantoun. Poème javanais», Paris-Batavia, 1902), произведении уникальном для французской поэзии, как по форме, так и по лексическому наполнению. Классический малайский пантум состоит из четверостиший, в которых вторая и четвертая строки каждой строфы повторяются дословно в первой и третьей строках каждой последующей строфы. В последней строфе первая и третья строки вступительной строфы повторяются в виде четвертой и второй строк. В результате первая и последняя строки стихотворения становятся тождественными, замыкая своеобразный круг. Во французскую литературу пантум был введен Виктором Гюго, поместившим перевод малайской песни в комментарии к своему сборнику «Восточные мотивы» (1829). По его примеру пантумы писались Теофилем Готье, Жюлем Лафоргом, Леконтом де Лилем и Теодором де Банвилем. В своей поэме Гиль выдержал каноническую форму пантума только в 5 первых четверостишиях, допуская в дальнейшем беспорядочные рифмы и даже ассонансы. Книга поражает переизбытком варваризмов, почерпнутых из малайского и яванского языков; для понимания иноязычных слов к поэме прилагался словарь. Посылая в Москву «Пантум пантумов», Гиль сделал на книге посвящение, вероятно, по-малайски (РГБ. Ф. 386. Книги. № 1578) и сопроводил книгу своей визитной карточкой со следующей надписью: «Перевод с малайского. Валерию Брюсову, человеку чрезвычайно искушенному в поэтической науке, — в надежде, что эта книга ему немного понравится, — с приветом, Р. Г.» [Traduction du Malais. A Valéry Brussov, homme très versé en la science poétique, puisse ce livre plaire un peu, — avec mon salut. R. G. (Французская национальная библиотека. Без нумерации)]. О биографических истоках поэмы, повествующей о любви яванской танцовщицы и ее парижского поклонника, см. письмо Гиля от 2 июня 1904 г. (№ 8).

Позднее русский искусствовед Я. Тугендхольд указывал, что в «Пантуме пантумов» автор, в отличие от традиционных своих вещей, «исходит из другого источника символики — из народного мифотворчества Востока: в основу этой книги положены легенды и язык Явы» (*Тугендхольд Я.* Город во французском искусстве XIX века // Современный мир. 1910. № 8. С. 155n). Следует отметить, что встречавшийся с Гилем Н. Гумилев применил форму пантума при написании песни Гафиза в своей драматической поэме «Дитя Аллаха». См. также его стихотворение «Пантум», посвященное М. Ф. Ларионову и Н. С. Гончаровой (о встречах Гумилева с Гилем см. примечание 16 к письму № 49).

[3] Речь идет о книге Брюсова «Urbi et orbi. Стихи 1900—1903» (М.: Скорпион, 1903).

[4] Предполагаем, что речь идет о свояченице Брюсова Брониславе Матвеевне Рунт (в замуж. Погорелова, 1884—1993), находившейся в описываемый период в Ростове-на-Дону. Ошибка Брюсова при указании месторасположения города объясняется, по-видимому, неточностью в употреблении французских слов.

[5] Брюсов имеет в виду следующее высказывание Гиля, вынесенное в русской публикации из основного текста в сноску: «Мы увидим позднее, что право Г. Кана на первенство такого приема творчества — оспаривалось. Я с своей стороны могу указать на Жюля Лафорга, который первый пользовался в нашей современной поэзии "свободным стихом", а Г. Кан после этого лишь привел в систему его попытки» (Весы. 1904. № 3. С. 20).

[6] При переводе высказывания Гиля о том, что символистам «не удалось достичь до истинно гармоничных построений, до симфонического целого, ни даже до той "бесконечной мелодии", которую Фернанд Грег усматривает, по его словам, в свободном стихе, припоминая завет Верлена» (С. 21), Брюсов добавил в текст по-французски первую строку верленовского

стихотворения «Поэтическое искусство» («Art poétique»): «De la musique avant toute chose». К финальной строке этого знаменитого программного произведения Гиль уже обращался в предыдущем «Письме о французской поэзии»: «У Верлена, — писал он, — есть один стих в его стихотворении "Art poétique", почти случайно брошенный как заключение: сказанный своевременно, он был и остается словом освобождения, которого давно жаждала смутная тревога духа. Этому стиху, поистине, удалось определить все, от чего — еще бессознательно, но уже ища для него выражения, — отказывалось молодое поколение. Et tout le reste est littérature! — сказал Верлен. "Все прочее — литература", т. е., если хотите, тот миг, когда громкая фраза, явно лишенная нервной дрожи, считает себя Словом, когда правильностью размера заменен ритм, когда мыслят только сквозь призму мыслей Прошлого. Этот стих мог бы быть всей теорией Верлена и этим стихом он (в своей непосредственной гениальности, вероятно, не отдавая себе в нем явного отчета) возвестил возвращение к точному познанию: ибо нет ничего в мысли, что не было бы раньше в чувстве» (Весы. 1904. № 2. С. 32—33). И далее: «Это стремление заменить старое, по атавизму "литературное" мышление новой искренностью чувства (так это можно формулировать) определяет творчество Верлена лучше, чем его смутная эстетическая теория. Сознание расширяет и развивает это стремление в строгую теорию, которая утверждает, что высшие формы поэтической мысли могут быть жизненны и выразительны только поскольку они сохраняют и в то же время воспроизводят вибрации ассоциативных и сменяющихся чувств, обращая их в феномены сознания» (С. 33). И в сноске указывал на источник: «Теория Словесной Инструментовки Рене Гиля» (С. 33n).

Отношения Верлена и Гиля были сложными и имели давнюю историю. В ноябре 1885 г., в самом начале творческой карьеры Гиля, старший поэт поддержал в печати его первый опыт — сборник «Легенды душ и крови» («Légende d'Ames et de Sangs»). В феврале 1887 г. Верлен приветствовал младшего товарища в одном своих очерков из цикла «Люди сегодняшнего дня» («Les Hommes d'Aujourd'hui»), а в мае того же года посвятил ему стихотворение «Подруги» («Amies»), включенное в книгу «Параллельно» («Parallèlement»). Однако, очень скоро Гиль занял откровенно враждебную позицию по отношению к Верлену, сначала присоединившись к травле, устроенной А. Бажю в журнале «Décadent», а затем высмеяв «непроизводительность» автора «Романсов без слов» в своем ответе на опрос Жюля Гюре «Исследование литературной эволюции» (1891). Верлен не остался в долгу и выступил с издевательскими стихами, в которых назвал Гиля «кретином», «идиотом» и «клиническим случаем» («Инвективы», X и XI). Отзвуки этой ссоры докатились и до России: «Особенно доставалось от него [Верлена] Ренэ Гилю, так настойчиво и так неудачно пытавшемуся создать свою собственную школу в поэзии. К нему Верлэн был особенно неумолим. В целом ряде стихотворений он высмеивает Ренэ Гиля и напоминает ему, что чем быть главою школы, лучше стать "настоящим поэтом, как Виктор Гюго, Мюссэ, или Бодлэр". Теперь от большинства тогдашних субтильных подразделений, конечно, не осталось и помину. Самые создатели их в большинстве случаев безвозвратно забыты» (*Аничков Евг.* Предтечи и современники. СПб., 1910. С. 303).

По мере возрастания авторитета Верлена в глазах потомков менялось и отношение к нему Гиля. В «весовские» годы оно по-прежнему остается негативным (см. примечание 4 к письму № 27 и примечание 2 к письму № 48). Однако уже в 1911 г. он публикует в газете «Figaro» очерк «Четыре визита к Верлену», в котором оценивает покойного поэта совершенно иначе, чем прежде: «Внимание, восхищение, отнюдь не удаляясь от Поля Верлена, обращаются все более и более к этой странной и сложной жизни, больной от внутреннего противоречия, обращаются к Творчеству — такому импульсивному в своих разнообразных порывах, — инстинктивная ценность которого находит все большее понимание» [«L'attention, l'admiration, loin de se détourner de Paul Verlaine, s'inclinent de plus en plus sur cette vie étrange et complexe, douloureuse de contradiction, — et sur une Oeuvre dont la valeur instinctive, toute d'impulsion en ses plus diverses orientations, et du mieux en mieux comprise» (Quatre visites à Verlaine // Figaro. 1911. 8 avril. P. 2)].

В РГАЛИ сохранился перевод отрывка из книги Гиля «Даты и творения», выполненный А. Роммом и озаглавленный «Три встречи с Верленом» (Ф. 1525. Нейштадт В. И. Оп. 1. Ед. хр. 128). Перевод предназначался для машинописного сборника «Гиперборей» (1926. № 1).

[7] См. примечания 11 и 13 к письму № 3.

[8] Еще 4/17 марта Брюсов писал Волошину: «А следующую статью Гиля мы поместили бы в *апреле*, так что чем скорее доставил бы он рукопись, тем лучше, чтобы перевести не торопясь» (ЛН 1994. С. 320). Как мы упоминали выше, «Третье письмо о французской поэзии» было опубликовано в № 6 за 1904 г.

6. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris. 4 Mai 1904

Cher et honoré Poète,

Voulez-vous me permettre de vous écrire seulement un mot aujourd'hui, en vous *envoyant le 3ème Article*, et pour vous dire que, dans quelques jours, je veux répondre longuement à votre très aimable [lettre]. Je suis si heureux de ce que vous me dites du *Pantoun [des Pantoun]*.

Je ne sais assez vous remercier de l'envoi de votre magnifique volume. M. Volochine m'a promis de m'en traduire des poèmes, et me les lire en Russe, pour la musique, en même temps. — Je suis en train de revoir, en y apportant quelques développements, ma *En méthode [à l'Oeuvre]* (ancien Traité du Verbe) et vais le porter à l'éditeur[1]. Vous l'aurez donc bientôt, comme je vous le disais. Et, j'en serais heureux aussi, l'envoyer à cette jeune fille, à qui vous voulûtes bien envoyer déjà de mes livres; avec un *Pantoun [des Pantoun]*. Quand ce sera le moment je vous demanderai par quelle voie sûre vous faire parvenir cela. — J'ai reçu la copie du second article. J'ai eu aussi les 100 frs en un billet, du prix de ce second article. C'est parfait, d'envoyer ainsi par sommes rondes, ce qui vous donne moins de peine, et les fractions se retrouvant ensuite[2].

A bientôt donc. Ecrivez-moi, n'est-ce pas, et veuillez agréer mes sympathies entières.

René Ghil

Je vous prie, *et vous en remercie*, apportez les petits changements, toujours, qui vous paraîtront utiles, en les articles.

6. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 4 мая 1904 г.

Дорогой высокочтимый Поэт!

Позвольте мне сегодня ограничиться лишь коротким письмом, вместе с которым я *отправляю Вам третью статью*. Я просто хочу сообщить Вам, что

через несколько дней отвечу письмом более длинным на Ваше столь любезное письмо. Слова, сказанные Вами о «Пантуме Пантумов», сделали меня бесконечно счастливым.

Не знаю, как и благодарить Вас за присланную Вами великолепную книгу. Г-н Волошин пообещал мне перевести из нее стихи и, переводя, почитать их по-русски — для музыки. Я сейчас редактирую свой трактат «Согласно методу — к Творению» (прежнее название — «Трактат о Слове»), внося в него изменения по ходу правки и собираясь отнести его издателю[1]. Как я Вам обещал, Вы очень скоро его получите. Я также был бы рад подарить его юной даме, которой Вы уже отправили несколько моих книг, прибавив к посылаемым книгам экземпляр «Пантума Пантумов». В должный срок я попрошу у Вас совета относительно того, как надежнее осуществить это предприятие. Я получил рукопись второй статьи и 100 франков за нее — одной ассигнацией. Идея посылать круглые суммы превосходна, это менее обременительно для Вас, а сантимы и франки приложатся к последующим выплатам[2].

Итак, до скорого. Пишите мне и примите свидетельство совершенного к Вам расположения.

Рене Гиль

Заранее *благодарен Вам* за любые незначительные изменения там, где Вы сочтете это необходимым — в любой статье.

---

[1] См. примечание 1 к письму № 2.

[2] К этому времени, вероятно, относится недатированное письмо Волошина к Брюсову, в котором, в частности, говорится: «С Вашими последними письмами произошла невообразимая путаница. Были перепутаны конверты. И поэтому то письмо, что предназначалось Гилю, т. е. 100 fr. и коротенькая безымянная записка, попали ко мне, а русское письмо и другие 100 fr. — к нему. Я удивился, но не обеспокоился. Он меня увидал только через 10 дней, и тогда все выяснилось» (ЛН 1994. С. 336).

7. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Moscou, 8/21 mai 1904

Cher Maître!

Je m'excuse de n'avoir pas répondu jusqu'à présent à votre dernière lettre: c'est que nous avons fait, moi et ma femme, un petit voyage par la rivière Oka pour saluer le printemps qui commence seulement à notre climat hyperboréen[1]. Votre «III Lettre» est destinée pour le No. [de] juin ainsi que votre portrait fait par m-me Krouglikov[2]. Nous serions bien aises de recevoir les deux articles que vous avez promis à la *Balance*:

celui sur Marie Kriszinska «qui revendique la paternité du Vers libre» et sur Henri Bataille[3].

Votre admiration comme toujours

Valère Brussov

P. S. La Direction de la *Balance* vous prie d'accepter les 50 Fr. ci-joints à compte de vos honoraires.

7. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 8/21 мая 1904 г.

Дорогой Учитель!

Прошу прощения за то, что до сих пор не ответил на Ваше письмо. Дело в том, что мы с женой совершили небольшое путешествие по Оке, куда отправились встретить весну, наступающую в нашем гиперборейском климате только сейчас[1]. Ваше «Третье письмо» предназначено для июньского номера, в котором появится и Ваш портрет работы г-жи Кругликовой[2]. Мы были бы очень рады получить от Вас две статьи, обещанные Вами «Весам»: о Марии Крысиньской, которая «претендует на право считаться изобретательницей верлибра», и об Анри Батайе[3].

С неизменным восхищением,

Валерий Брюсов

P. S. Дирекция «Весов» просит Вас принять приложенные к этому письму 50 франков в счет Ваших гонораров.

Предположительно, выбеленная копия черновика на бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион».

[1] Весной и летом 1904 г. Брюсов нередко проводил время на даче в селе Антоновка на Оке (недалеко от Тарусы Калужской губернии).

[2] В письме от 18 февраля / 2 марта 1904 г. Брюсов писал Волошину: «Если бы нашелся *интересный* портрет Гиля, мы бы его напечатали в ближайшем №» (ЛН 1994. С. 313). На следующий день, 19 февраля / 3 марта, он вновь возвращается к этой теме: «Еще о портрете Гиля. *Желательно*, чтобы он был продолговатый [...]. Если нет ничего кроме фотографий, что́ делать, но, конечно, интересных. Лучше же фотографии *с рисунка*, чем с лица. Все это в том случае, если есть *интересные* портреты. Просто банальную фотографию или даже обыденную масляную краску, конечно, воспроизводить не стоит» (С. 314). В письме от 25 февраля / 9 марта Волошин отвечал: «Портрет Гиля? Я не знаю хорошего, хотя видел много. Валлотоновский плох и сделан с фотографии. Я два раза его рисовал, но не удачно. Хочу сделать вот что: попрошу его попозировать час в русском клубе художников

и объявлю конкурс. Может, удастся» (С. 315). В конце концов Волошин остановился на портрете, выполненном Е. С. Кругликовой, который был выслан Брюсову во второй половине апреля (С. 337). «Спасибо Вам и Е. С. за портрет Гиля, — отвечал Брюсов в конце апреля — начале мая ст. стиля. — Поместим его в июне или июле» (С. 338).

Под большим портретом, предваряющим текст «Третьего письма о французской поэзии», значилось «Рене Гиль. Рисунок с натуры Е. Кругликовой» (Весы. 1904. № 6. С. 16).

Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1944) — график, театральный художник. Училась в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества. В 1895—1914 гг. жила во Франции. Самостоятельно изучила технику цветного офорта, акватинты, мягкого лака, монотипии и по сути дела возродила эту область графического искусства. Работала в жанре силуэта. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, вернулась в Россию, где выпустила книгу «Париж накануне войны» (Петроград, 1918) с собственными монотипиями. В 1922—1929 гг. преподавала графику в Академии художеств в Ленинграде. Играла видную роль в жизни русской артистической колонии Парижа 1900-х годов. Из русских писателей в ее мастерской на улице Буассонад, д. 17 бывали К. Бальмонт, М. Волошин, Н. Минский, а из французских, помимо Гиля, — Ромен Роллан, Поль Фор, Шарль Герен и др. Брюсов познакомился с Кругликовой в 1903 г. во время своего первого приезда в Париж, когда он побывал у нее на «субботе» (Дневники. С. 132).

Брюсов считал, что портрет Гиля, выполненный Е. Кругликовой, не отражал облика французского поэта (см. письмо № 13).

[3] О рецензии на сборники М. Крысиньской и А. Батайя см. соответственно примечания 14 и 12 к письму № 3.

8. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 2 Juin 1904

Cher et honoré Poète,

Je vous ai dit combien j'ai été heureux de votre approbation précieuse, à propos du *Pantoun des Pantoun*. C'est là un hors-d'oeuvre, que, plus que l'Oeuvre encore, j'ai écrit pour moi et quelques-uns, aussi suis-je si heureux, quand on aime cela. Je vous en remercie de nouveau.

Et vous voulez bien me demander, en quelque sorte, l'histoire de ce Poème. Voici. —

L'amour des choses et des êtres d'Orient et d'Extrême-Orient, depuis que je me connais, fait partie de mon être même. Mais c'est en 1889, à l'avant-dernière Exposition universelle de Paris, que, pour la première fois, je connus de près, des yeux et des oreilles, l'exquisité de Java. Là, nous furent révélées les Danses Javanaises, et cette musique aux timbres de mélancolies brûlantes et infinies, et sans souffrance. J'en fus ému avec une exaltation extraordinaire. Je compris tout cela. C'étaient, ces Danseuses, des «professionnelles», d'un art complet, complexe et pourtant si simple: comme est l'art même[1].

Ensuite, ces instants me furent rappelés par une troupe Birmane, de passage à Paris: même chose avec à peine des variantes. Je me souviens que c'était un soir, où par repos, avec Mme Ghil[2], nous avions été dans un music-hall, les Folies-Bergères.

Et, pendant un entracte, au Café, je tombai sur ces danses revenues. Le contraste si fort, la soudaineté, en les voyant et entendant, je pleurais presque.

Enfin, en 1900, il y eut, à l'Exposition[3] encore, une troupe Javanaise. Pendant plus d'un mois j'y fus chaque jour, assistant aux Danses, — et aussi allant, autant que je le pus, causer avec les 4 danseuses qui, aux repos, se trouvaient dans le *Panorama du Tour du monde*. De ces 4, deux seulement étaient de vraies Danseuses et les deux autres de petites couturières travaillant en ville, à Batavia.

Les danses étaient moins parfaites, — mais aussi, celles-ci n'avaient point l'artificiel cependant des vraies danseuses de 1889: elles avaient leur âme vraie, coutumière, simple et très douce. L'héroïne du *Pantoun [des Pantoun]*, la petite Maria (elles étaient chrétiennes, probablement catholiques) était des deux qui ne professaient point la danse. Madame et moi nous avions fait tout de suite sa connaissance, attirés vers sa grâce brune et dorée, si jolie et confiante. Elle, 18 ans, eut aussi pour nous une spontanée affection.

Je ne savais alors le Malais, mais elle savait, elle, quelques mots de Français. Je causais donc chaque jour, avec elle, quelques instants, à la grande fureur des surveillants, — ce qui amusait beaucoup la petite, d'ailleurs! Et vraiment il me semblait que c'était là ma «petite soeur» des beaux pays dont je porte en moi la nostalgie, et elle le comprit, car c'était bien de sa part une confiante joie de petite soeur sortant, à me voir venir, du regret de son Pays qui la rendait si souvent mélancolique. Elle avait froid, aussi: «Froid, c'est Paris...»

Et, ce fut une impression si poignante! Si simple et belle, quand, le dernier soir, elle dansa en me regardant, de loin, tandis que de grosses larmes coulaient sur ses joues. Pleurante et hiératique, elle dansait de ses bras souples...

Ensuite, le Poème chanta tout seul, tout naturellement. Je le voulus complet de sonorité nostalgique, et j'appris la langue Malaise, un peu la Javanaise, — car c'est surtout pour Java qu'est vraie la remarque de J. J. Rousseau: que «les peuples ont leur musique selon leur langage»[4]. Les sons malais et Javanais, verbaux et musicaux, sont quasi identiques! Pour les détails pittoresques, pendant l'étude d'un an que je fis avant d'écrire, j'eus, de Hollandais qui vécurent à Java, des photographies, des images populaires, et leur conversation. J'eus la joie, quand, le Poème fini, je leur en lus des passages, de voir qu'ils retrouvaient vraiment leur Java, dans l'atmosphère même créée. — J'eus encore cette chance que, lorsque je revoyais mon brouillon, vinrent ici deux jeunes Javanais. Je pus voir l'un d'eux, l'avoir à la maison toute une journée, voir avec lui certaines choses, car je pouvais alors causer suffisamment en malais... —

Et voilà, mon cher Poète, cette histoire, nuancée et jolie, hélas, plus que le Poème! Mais j'ai tellement et intensément vécu tout cela, pendant un an, que oui, je crois que j'ai été à Java, où j'ai une petite soeur....

Nous avons eu le plaisir de voir M. et Mme Balmont, et nous les aurons à la maison demain soir, pour notre nouveau et grand plaisir[5]. Tous deux sont si sympathiques. Je crois que, tandis que M. Balmont part pour l'Espagne, Madame Balmont retourne à Moscou[6]. Je lui demanderai si elle veut bien se charger de vous remettre un exemplaire du *Pantoun [des Pantoun]* (selon ma promesse) pour la jeune fille de qui vous m'avez parlé, de Rostov-sur-[le]-Don[7].

J'ai reçu le billet de 50 fr, ce matin, de la Direction de la *Balance*. Mes remerciements.

Vous avez dû recevoir (nos lettres s'étant croisées) les deux comptes-rendus de livres de vers: de M. Krysinska et Dantinne (un jeune)[8]. J'ai remis au prochain envoi le compte-rendu du volume de H. Bataille, parce que l'article sur le livre Krysinska demandait un peu de développement, à cause du point de priorité du «Vers libre» très important à discuter. Je ne voulais abuser de la place[9].

M. Balmont m'a donné les meilleures nouvelles et du succès de la Revue, et de la pénétration de vos idées et de vos oeuvres. Je m'en réjouis de tout coeur avec vous. Ici, on attache à la *Balance* beaucoup d'intérêt, parmi les poètes et revues.

Dans la première quinzaine de Juin, je vous enverrai une 4ème *Lettre sur la Poésie*[10].

Et bientôt de vos nouvelles, quand vous en aurez le loisir, et agréez mes fidèles amitiés, je vous prie.

René Ghil

P. S. Vous me dites que vous allez donner mon portrait par Mademoiselle Krouglikof[f]. Je vous en remercie beaucoup, et c'est vraiment trop charmant.

Je n'ai pas vu le portrait, car elle l'a recomposé de deux ou trois croquis qu'elle prit de moi, en causant. J'ai vu <illisible> Mlle Krouglikoff, de bien jolies choses, entre autres des gravures d'un art très personnel, au Salon des Beaux-Arts en ce moment[11].

8. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 2 июня 1904 г.

Дорогой, высокочтимый Поэт!

Я уже писал Вам о том, как я был счастлив услышать от Вас драгоценную для меня похвалу «Пантуму пантумов». Это произведение стоит вне «Творения» и еще в большей степени, чем «Творение», было написано мною для себя, а также для нескольких близких, поэтому я так счастлив, когда оно кому-то нравится. Я снова повторяю Вам слова благодарности.

Вы просите меня поведать Вам нечто вроде истории написания этой поэмы. Она такова:

Любовь к вещам и людям с Востока и Дальнего Востока живет во мне, сколько я себя помню, и является частью меня самого. Однако лишь в 1889 году, во время предпоследней Всемирной выставки в Париже, я впервые близко узнал — увидел своими глазами и услышал своими ушами — утонченную красоту острова Ява. На этой выставке мы открыли для себя яванские танцы и музыку, тембр которых отмечен обжигающей, безграничной тоской, лишенной страдания. Я был тронут всем этим, охваченный невероятной экзальтацией. Ко мне пришло понимание всего. Оно было донесено «профессиональными» танцовщицами, выразительницами всеобъемлющего искусства, сложного и в то же время простого, каковым и является подлинное искусство[1].

Затем об этих мгновениях мне напомнила труппа из Бирмы, гастролировавшая в Париже: то же ощущение с самыми незначительными вариациями. Я вспоминаю вечер, когда мы с супругой[2] пошли развлечься в мюзик-холл «Фоли-Бержер». И - вдруг в антракте, в кафе, я по воле случая повторно стал зрителем этих танцев. Контраст был столь сильным и неожиданным, что, увидев и услышав их, я едва сдержал слезы.

И, наконец, в 1900 году, вновь на Выставке[3] я встретил еще одну яванскую труппу. Больше месяца я каждый вечер посещал танцевальные спектакли и старался по возможности поговорить с четырьмя Танцовщицами, отдыхавшими после представления в павильоне «Панорама кругосветного путешествия». Из них лишь две были настоящими танцовщицами, а две подрабатывали белошвейками в городе, в Батавии.

Их танцы были менее совершенными, но в то же время в них не было искусственности, свойственной настоящим танцовщицам, увиденным мною в 1889 году. Они обладали подлинной душой, народной, простой и очень нежной. Героиня «Пантума Пантумов», маленькая Мария (они все были христианками, возможно, католического вероисповедания), была одной из двух девушек, которые не занимались танцами профессионально. Мы с женой тотчас же познакомились с ней, покоренные ее смугло-золотистым изяществом, очаровательным и наивным. Ей было 18 лет и она тоже сразу привязалась к нам со всей своей непосредственностью.

Я в то время не знал малайского, что же до нее, то она знала несколько слов по-французски. Я приходил каждый день немного поговорить с ней, что приводило в неистовство смотрителей и так ее забавляло! Мне и вправду казалось, что она — моя младшая сестра из прекрасного края, ностальгию по которому я ношу в своей душе. Она поняла мои ощущения и каждый раз, увидев меня, выходила мне навстречу с радостной доверчивостью, смешанной с сожалениями о своей родине, нередко вселявшими в нее уныние. А еще ей было холодно: «Париж — это холод...»

Это произвело на меня душераздирающее впечатление! Как она была проста и прекрасна, когда в последний вечер танцевала, глядя на меня издалека, и крупные слезы катились у нее по щекам! Она плакала, а ее гибкие руки извивались в священном танце...

После этого строки Поэмы запели сами собой, без моего участия. Я хотел придать стихам ностальгическую полнозвучность и выучил малайский, а затем немного и яванский, поскольку применительно к Яве справедливо замечание Жан-Жака Руссо о том, что «музыка каждого народа сообразна его языку»[4]. Речевые и музыкальные звуки малайского и яванского языков почти идентичны! В течение года исследований, предшествующего написанию поэмы, я думал о том, чтобы внести в нее живописные детали, и для этого брал у голландцев, живших прежде на Яве, фотографии с изображениями туземцев, записывал образчики речи. Когда поэма была закончена, я читал им отрывки из нее и радовался тому, что они находили в воссозданной мною атмосфере отзвуки своей Явы. К тому же мне повезло: во время моей работы над черновой рукописью в Париж приехали два молодых яванца. Мне удалось заполучить одного из них на целый день к себе домой и обговорить с ним некоторые аспекты, поскольку в то время я достаточно бегло объяснялся на малайском...

Вот такая, дорогой мой Поэт, история с ее нюансами, увы, более прекрасными, чем Поэма. И все же, в течение года я настолько интенсивно пережил все это, что мне кажется, словно я побывал на Яве, где у меня живет сестренка...

Мы имели удовольствие видеть чету Бальмонтов, которые к нашему повторному великому удовольствию посетят нас завтра вечером[5]. Оба они очень симпатичные. После отъезда Бальмонта в Испанию г-жа Бальмонт, кажется, вернется в Москву[6]. Я попрошу ее взять на себя труд передать Вам экземпляр «Пантума Пантумов» (как я и обещал) для девушки из Ростова-на-Дону, о которой Вы мне писали[7].

Сегодня утром я получил от дирекции «Весов» 50 франков ассигнацией. Примите мою благодарность.

Вы, должно быть, уже получили (наши письма пересеклись) рецензии на две поэтические книги — М. Крысиньской и молодого поэта Дантена[8]. Я отложил до следующего раза разбор томика Анри Батайя, так как статья о сборнике Крысиньской требовала некоторой проработки в связи с приоритетом в области создания верлибра, подискутировать о котором было чрезвычайно важно. Я не хотел злоупотреблять местом и выходить за рамки предоставленного объема[9].

Бальмонт передал мне замечательные новости об успехе журнала и о проникновении Ваших идей и произведений. От всего сердца радуюсь этому вместе с Вами. Здесь, в среде поэтов и в журналах, проявляется большой интерес к «Весам».

В первой половине июня я пошлю Вам 4-е «Письмо о поэзии»[10].

Жду от Вас в ближайшее время новостей, когда у Вас выдастся досуг написать мне. Прошу принять свидетельство преданной дружбы.

Рене Гиль

P. S. Вы пишете, что хотите дать в журнал мой портрет работы мадемуазель Кругликовой. Благодарю Вас за это. Это поистине мило с Вашей стороны.

Я не видел портрета, так как она выполнила его на основе двух-трех набросков, сделанных во время нашей беседы. Я видел несколько милых вещиц мадемуазель Кругликовой, в том числе гравюры, выставленные в настоящее время в Художественном салоне и отмеченные глубоко личным характером[11].

Опубл. с сокращениями в кн. «Quelques lettres de René Ghil. Dixième anniversaire de la mort du poète» (Paris, 1935. P. 13—16).

[1] Речь идет о четвертой Всемирной выставке, состоявшейся в Париже с 5 мая по 31 октября 1899 г. и организованной в честь столетнего юбилея Великой французской революции. Символом выставки стала Эйфелева башня, против строительства которой возражали крупнейшие деятели культуры, в том числе Мопассан и Сюлли-Прюдом. Еще одним важным новшеством, введенным в павильонах выставки и на парижских мостах, стало электрическое освещение, что позволило продлить часы посещения экспозиций почти до полуночи.

Достопримечательностью культурной программы выставки стали выступления четырех танцовщиц из балетной труппы яванского принца, специально привезенных в Париж вместе со своими родителями. Самой младшей из девушек было 12, а самой старшей — 16 лет. Принадлежа к привилегированной касте, танцовщицы, выбранные для труппы, рождались, жили и умирали при королевском дворе, сохраняя девственность. Выступления

проходили в бамбуковом павильоне, построенном в центре так называемой яванской деревни, «жители» которой занимались своими обыденными делами на глазах у посетителей. Выступления яванского балета оказали значительное влияние на творчество К. Дебюсси. Подробно об этом см. *Devries Anik.* Les musiques d'Extrême-Orient à l'Exposition Universelle de 1889 // Cahiers Debussy. 1977. No. 1; а также: *Jean-Pierre Chazal.* «Grand Succès pour les exotiques». Retour sur les spectacles javanais de l'Exposition Universelle de Paris en 1889 // Archipel. 2002. No. 63.

[2] Анна-Алиса Бланшон (Blanchon, 1868—1936) вышла замуж за Рене-Франсуа Гильбера (Ghilbert), взявшего себе псевдоним Рене Гиль, 20 августа 1888 г. Через некоторое время после свадьбы, состоявшейся в городке Мелль (см. о нем примечание 7 к письму № 45), супруги поселились в своей парижской квартире, расположенной на четвертом этаже нового дома, построенного в 1890 г. архитектором Л. Пешаром (L. Pechard) по адресу ул. Лористон, д. 16 бис, откуда больше не выезжали.

[3] Пятая Всемирная выставка состоялась с 15 апреля по 12 ноября 1900 г. На ней были показаны фильмы братьев Люмьер, и при электрическом освещении были впервые в ночное время сделаны фотографии.

[4] Высказывание Ж.-Ж. Руссо, приводимое Гилем, представляет собой, на наш взгляд, контаминацию нескольких цитат из его трактата «Письмо о французской музыке» («Lettre sur la musique françoise»). Ср., напр.: «Народы должны иметь лучшую Музыку, я бы сказал, тот народ, язык которого наиболее к этому предрасположен» [«Les peuples doivent avoir une meilleure Musique, je dirais que c'est celui dont le langage y est le plus propre» (*Rousseau Jean Jacques.* Oeuvres complètes. Paris, 1995. T. 5 (Ecrits sur la musique, la langue et le théâtre). P. 297)].

[5] Об этой встрече, состоявшейся по инициативе А. В. Гольштейн, Волошин писал Брюсову 21 мая / 3 июня 1904 г.: «Гиль с Бальмонтом познакомились и друг другу очень понравились» (ЛН 1994. С. 339). В 1925 г., в некрологе, опубликованном сначала по-русски, а затем по-французски, Бальмонт сообщал следующие сведения о своем знакомстве с именем Гиля: «...Я раскрыл толстый журнал замаскированных социалистов, журнал народников, и начал перелистывать страницы, пробегая некую статью о новых течениях французской литературы. Разговор шел о Ренэ Гиле. Как могли говорить в России о каком-либо поэте в 1886 году? В то время так называемое освободительное умственное движение, ставившее превыше всего вопросы социологические, умышляло убить Поэзию, — и раненная, оглушенная, ослепленная Поэзия была в сонном столбняке. Народнический журнал, о котором я говорю, отмечал Ренэ Гиля, как человека даровитого, но безжалостно его высмеивал...» (*Бальмонт К. Д.* Человек Судеб // Последние новости. 1925. № 1728. 10 декабря. С. 2. По-французски: *Balmont Constantin.* René Ghil: Homme des sorts // Hommage à René Ghil (1862—1925) в специальном выпуске журнала «Rythme et Synthèse» ([1926]. P. 72)). Журнал народников, на который ссылается Бальмонт, отыскать не удалось.

[6] 21 июня / 4 июля Бальмонт с женой Е. А. Бальмонт уехали из Парижа в Испанию и Италию, а затем в Швейцарию.

[7] См. примечание 4 к письму № 5.

[8] Отзыв о книге Э. Дантена «Ритмы нежности» («Les rythmes de douceur») был опубликован в № 6 «Весов» за 1904 г. Рецензент похвалил «начинающего» автора прежде всего за то, что он не только «многому научился у своих предшественников» (С. 52), но и откровенно признается в факте своего ученичества. Затем он отметил стремление Дантена передавать жизненные настроения, а не отголоски литературных впечатлений, и, не в последнюю очередь, указал на скрытую силу его стиха, «которую должно признать истинной силой» (С. 53). Отметив достоинства сборника, Гиль перешел к своей основной теме — к рассуждениям об усовершенствовании ритма, словесной музыке, тембре гласных, единстве замысла и т. п. В «этом отношении, несмотря на удачу большинства его опытов»,

Эмилю Дантену предстояло, по мнению, рецензента, «еще многому и очень многому учиться» (Там же).

[9] См. примечание 14 к письму № 3.

[10] Как явствует из последующих писем Гиля, эта статья, несмотря на обещания (см. письма №№ 9 и 10), не была отослана в Москву до 24 августа (см. письмо № 11).

[11] Е. Кругликова пользовалась определенным авторитетом в артистических кругах Парижа. Позднее, в обзоре, опубликованном 17 марта 1910 г., Гийом Аполлинер отметил на одной из выставок большое число русских имен, среди которых особо выделил цветные гравюры Е. Кругликовой, быть может, по его словам, самой значительной художницы, работающей в этом жанре («Les gravures en couleurs de Mlle Krouglikoff sont parmi les plus belles que l'on ait faites de nos jours». — *Apollinaire Guillaume.* Chroniques d'art (1902—1918). Paris, 1960. P. 81).

9. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 29 Juin 1904

Mon cher Poète,

je vous envoie, avec tous mes remerciements pour votre si bonne et indulgente lettre, ces deux comptes-rendus de volumes de vers[1]. A la hâte — et veuillez m'excuser. Je suis en train de corriger mes épreuves, et vais partir pour la campagne[2]. Dans une huitaine, je vous enverrai *la 4ème Etude sur la Poésie*[3], et vous écrirai plus longuement[4].

Ecrivez-moi toujours à Paris, tout me sera renvoyé immédiatement. Merci, et bien vôtre,

René Ghil

9. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 29 июня 1904 г.

Мой дорогой Поэт!

С благодарностью за Ваше доброе, благосклонное письмо посылаю Вам рецензии на два поэтических сборника[1]. Пишу в спешке, за что прошу меня извинить. Я занят правкой корректур[2] и затем уеду из города. Дней через восемь я пришлю Вам *четвертую статью о Поэзии*[3] и напишу более подробное письмо[4].

Пишите мне по-прежнему на парижский адрес, письма будут тут же мне пересланы.

Спасибо, искренне Ваш

Рене Гиль

[1] Предполагаем, что это письмо Гиля, как и предыдущее, является ответом на письмо Брюсова от 8/21 мая (№ 7), в котором высказывалась просьба выслать в Москву рецензии на сборники М. Крысиньской и А. Батайя.

[2] В конце июня 1904 г. Гиль, вероятно, держал корректуру нового издания своего трактата «По методу — к Творению» («En méthode à l'œuvre»), вышедшего в октябре того же года.

[3] См. примечание 10 к предыдущему письму (№ 8).

[4] В летние месяцы 1904 г. Брюсов, видимо, перестал получать известия от Гиля. Так, в его письме к Волошину, отправленном между 1/14 и 4/17 июня, говорится: «Пишите *мне* о своей парижской жизни, о Бальмонте, Гиле, Рэдоне, В[ан] Бевере etc.» (ЛН 1994. С. 340). «Гиль уехал к морю, так что его не вижу», — отвечал Волошин 4/17 июля (С. 341).

10. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Villers s[ur] mer[1]

16 bis rue Lauriston, Paris. 9 Août 1904

Mon cher Poète,

Vous avez dû recevoir ma carte postale remerciant de l'envoi des portraits, et vous en parlant?[2]

Je vous disais aussi que, bien que séjournant ici, à la mer, mon adresse demeure la même, c'est-à-dire *à Paris*, d'où tout me revient immédiatement.

Je vous envoie ici 2 comptes-rendus de livres[3]. Avant le *25 courant* j'enverrai ma 4ème Etude, car la chaleur a été si intense que j'ai pris vraiment des vacances, et n'ai pas travaillé! Nous rattraperons le temps perdu. Excusez-moi, vous [n]'aurez donc cela que le 25[4].

Je n'ai pas reçu, comme d'habitude, les honoraires du dernier No. Je suis inquiet un peu, me demandant si la lettre ne s'est pas égarée, au cas où l'Administration l'aurait envoyée. Aussi, aujourd'hui même j'envoie un mot à l'Administration de la *Balance* pour demander si l'expédition a été faite[5].

J'ai reçu un volume de vers, de Moscou, de Balmont[6]. J'attendrai d'être à Paris, et de pouvoir m'en faire traduire par Volochine, pour lui répondre. J'ignore si Balmont est de retour à Moscou?[7] Je lui ai donné pour vous mon nouvel exemplaire de *Pantoun [des Pantoun]*, pour que vous l'envoyiez à la jeune fille, de qui vous m'avez parlé...[8]
A la hâte, à bientôt, avec ma poignée de main affectueuse.

René Ghil

10. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Виллер-сюр-мер[1]
Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 9 августа 1904 г.

Дорогой поэт!

Получили ли вы мою открытку с благодарностью за портреты и несколькими словами о них?[2]

Я также писал Вам, что, пребывая здесь, на море, мы сохраняем свой обычный, то есть *парижский* почтовый адрес и получаем почту оттуда незамедлительно.

Высылаю Вам с этим письмом рецензии на две книги[3]. До *25 числа текущего месяца* я отправлю Вам статью. Причина задержки в том, что здесь стоит нестерпимая жара: я устроил себе настоящий отпуск и совсем не работал! Но мы наверстаем упущенное время! Простите меня за опоздание, но Вы получите текст только 25-го[4].

Я не получил гонорара за последний номер, как это обычно бывало. Я немного волнуюсь, не потерялось ли письмо, если, конечно же, администрация его отправила. Сегодня же отправляю в администрацию «Весов» записку с запросом, ушла ли корреспонденция[5].

Я получил из Москвы от Бальмонта томик стихов[6]. Прежде чем ему ответить, я дождусь своего возвращения в Париж и попрошу Волошина мне их перевести. Я не знаю, вернулся ли Бальмонт уже в Москву[7]. Я дал ему для Вас еще один экземпляр «Пантума Пантумов» для подарка юной даме, о которой Вы мне писали...[8] Спешу закончить, до скорого, сердечно жму Вашу руку.

Рене Гиль

---

[1] Виллер-сюр-мер — курортный городок, расположенный на побережье Ла-Манша в департаменте Кальвадос.

[2] Почтовая карточка, о которой пишет Гиль, вероятно, утеряна. Предполагаем, что Брюсов, в одном из своих недошедших до нас писем, сообщил Гилю о том, что отослал ему свои фотографии, которые тот к тому времени еще не получил.

[3] Речь идет, вероятно, о рецензиях на сборник Луи Лекардоннеля «Стихотворения» (Le Cardonnel Louis. Poèmes, 1904) и книгу Франсиса де Миомандра «Отражения и воспоминания» (Miomandre Francis de. Les Reflets et les Souvenirs, 1904). Рецензии на эти книги были напечатаны в № 8 журнала; Гиль «сочувственно» отнесся к обоим авторам.

[4] См. примечание 10 к письму № 8.

[5] Упоминаемое Гилем письмо, помеченное 9 августа 1904 г. и отправленное на имя дирекции «Весов», сохранилось. В нем Гиль выражает просьбу переслать Брюсову в деревню публикуемое нами письмо и прилагаемые к нему отзывы о новых французских книгах. Он также спрашивает, был ли отправлен ему гонорар за № 6 журнала, выражая опасения, что деньги затерялись где-нибудь в пути из-за почтовой ошибки, вызванной его временным летним адресом (ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 56. Л. 1). Причина неполучения Гилем гонорара была, однако, иная: «Гилю не заплачено за 2 месяца, Розанову за май, Рафаловичу ничего не заплачено, Шику не доплачено, Лакосту не заплачено за рисунки,

присланные в апреле, и т. д.», — писал Брюсов Вяч. Иванову 28 июля 1904 г., жалуясь на плохую работу бухгалтерии «Весов» (ЛН 1976. С. 456).

[6] Бальмонт, по всей видимости, прислал Гилю только что вышедший первый том своего «Собрания стихов» (1904—1905).

[7] Бальмонт вернулся из путешествия по Европе в начале августа 1904 г.

[8] См. примечание 4 к письму № 5.

11. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 24 Août 1904

Cher Poète et Ami,

Me voici de retour à Paris, — et vous envoie ici la 4ème Lettre sur la Poésie[1].

— *J'ai reçu les 200 frs* (pour les Nos 6 et 7). J'avais écrit à votre Administration, en envoyant les deux comptes-rendus de livres[2], parce que vous m'aviez dit avoir eu la bonté de prier qu'on m'envoyât cela. Et je craignais que l'envoi eût été fait, et se fût égaré en route par ces temps de villégiatures. Je vous remercie de tout le soin que vous avez pris. C'est charmant à vous.

— Je vous en prie, *ne vous désolez pas du portrait!*[3] C'est là une toute petite chose sans importance, certainement.

Je retiens avec joie l'offre que vous me faites de m'envoyer le vôtre[4], puisque cette terrible guerre nous éloigne encore pour un temps[5]. Je serais très heureux de l'avoir, — comme très heureux de vous envoyer le mien, *dès que j'en aurai un*. J'en suis démuni pour le moment. Je vous prie de m'excuser, en attendant, et vous remercie de me faire l'amitié de me le demander. — Mon volume en octobre (réédition de *l'En méthode* [*à l'Oeuvre*])[6] contiendra un portrait à la plume fait d'après une photo de [18]87, (époque où je publiai la 2ème édition de cette *En méthode* [*à l'Oeuvre*][7]). Or, l'éditeur doit m'en donner quelques «tirés à part». Dès que je les aurai, je vous en enverrai un, en attendant le portrait *actuel*.

— M. Volochine rentre cette semaine à Paris, je crois. J'espère donc le voir bientôt[8]. Mais où se trouve M. Balmont? que je puisse le remercier de son volume. Je lui avais remis pour vous un autre exemplaire du *Pantoun [des Pantoun]*, que vous pourrez faire parvenir à la jeune fille dont vous m'aviez parlé. Sans doute, M. Balmont n'est pas encore à Moscou?[9]

— Je vous enverrai, sous peu, deux autres comptes-rendus de livres de vers, dont celui de M. Ed. Ducoté, intéressant[10].

— Il y a en ce moment une Exposition, où l'on m'a dit que se trouvent de très belles dentelles et objets décoratifs, oeuvres de vos paysans Russes[11]. Ma femme et moi irons les voir demain. Votre art populaire est admirable. A bientôt, de vos nouvelles. Et merci de vos amicales lettres.

Bien vôtre

René Ghil

11. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 24 августа 1904 г.

Дорогой поэт и друг!

Я вернулся в Париж и посылаю Вам 4-ю статью о поэзии[1].

Я получил 200 франков (за 6-й и 7-й номера). Ранее, при посылке рецензий на две книги[2], я отправил письмо на имя администрации, узнав из Вашего письма, что Вы по свойственной Вам доброте потребовали у них, чтобы мне выслали деньги. Я боялся, что деньги были отосланы, но конверт затерялся в пути в этот летний, отпускной период. Я очень благодарен Вам за хлопоты — это очень мило с Вашей стороны.

Я Вас очень прошу *не расстраиваться из-за портрета*[3]. Это, право же, совершенный пустяк.

Я с радостью принимаю Ваше предложение отправить мне Ваш портрет[4], поскольку эта ужасная война разделит нас еще на какое-то время[5]. Я буду счастлив получить его и счастлив отправить Вам свой, как *только он у меня появится.* В данную минуту у меня его нет. Прошу у Вас за это прощения и благодарю за дружескую просьбу прислать Вам его. — В октябре выйдет книга (переиздание «Согласно методу — к Творению»)[6], в которой будет напечатан портрет, выполненный пером с фотографии 87-го года (в то время я издал вторую редакцию «Согласно методу...»)[7]. Из этого тиража издатель должен дать мне несколько «отдельных оттисков». Как только я их получу, я пошлю Вам один из них в ожидании более *современного* портрета.

Волошин, кажется, возвращается на этой неделе в Париж. Я очень надеюсь его скоро увидеть[8]. Но где же Бальмонт? Я хотел бы поблагодарить его за книгу. Я дал ему для Вас еще один экземпляр «Пантума Пантумов» для юной дамы, о которой Вы мне писали. Возможно ли, что Бальмонт еще не вернулся Москву?[9]

В скором времени я вышлю Вам две другие рецензии на поэтические книги, одна из которых будет об Э. Дюкоте, очень интересном авторе[10].

Сейчас в Париже организована экспозиция, на которой, как мне сказали, выставлены очень красивые вышивки и декоративные изделия русских крестьян[11]. Мы с супругой хотим сходить на нее завтра. Ваше народное творчество совершенно восхитительно. До скорого, жду от вас новостей. И спасибо за Ваши дружеские письма.

Искренне Ваш

Рене Гиль

---

[1] О содержании статьи см. примечания 6 и 8 к письму № 3.

[2] См. примечание 3 к предыдущему письму (№ 10).

[3] Предполагаем, что либо из недошедшего до нас письма Брюсова, либо с чьих-нибудь слов Гиль узнал о недовольстве Брюсова портретом, выполненным Е. Кругликовой. Мне-

ние Брюсова о портрете, как отмечалось выше, содержится в его письме к Гилю от 20 октября / 2 ноября 1904 г. (№ 13).

[4] Как следует из следующего письма, Брюсов выполнил свое обещание и выслал Гилю свой портрет (см. примечание 1 к письму № 12).

[5] Речь идет о русско-японской войне, которая к этому времени шла уже несколько месяцев. Отношение Брюсова к войне менялось по ходу развития событий. Так, в письме к П. Перцову от 19 марта / 1 апреля 1904 г. он восклицал: «*Нравится мне* Ваша статья о войне. Я знаю три хороших статьи о войне: Вашу, Розанова в Н[овом] В[ремени] и Реми де Гурмона в Mercure de France. Ах, война! Наше бездействие выводит меня из себя. Давно пора нам бомбардировать Токио. Наша *сила* в том, что мы на чужбине, а японцы у себя. Потруднее, если театр *войны* — родина. Надо бросить на произвол судьбы Артур и Владивосток — пусть берут их японцы. А мы взамен возьмем Токио, Хакодате, Йокагаму! Пусть японцы свободно гуляют по Манчжурии, а мы погуляем по Нипону! Авось, до Москвы они не дойдут, а мы до Токио дойдем скоро!» (Печать и революция. 1926. Кн. 7, октябрь-ноябрь. С. 42). С течением времени у Брюсова стали преобладать совершенно другие настроения. Летом того же года, в письме к С. А. Полякову, он восклицал: «Что делается на Востоке! Прочел сразу два дня газет и чуть не болен от событий» (ЛН 1994. С. 92). Та же мысль присутствует в его письме к А. А. Шестеркиной от 4 августа: «Читаете ли Вы газеты? Я каждое утро после телеграмм болен бываю от уныния. Дошел до того, что почти ничего не могу делать и на “Весы” смотреть не хочется» (С. 94). О взглядах Брюсова на политические события этого периода см.: *Ямпольский И.* Валерий Брюсов и первая русская революция // Литературное наследство. М., 1934. Т. 15. С. 201—220.

[6] См. примечание 2 к письму № 9.

[7] Рисунок пером, выполненный художником Эдвардом Лёви, был позднее воспроизведен Брюсовым в 1909 г. в его антологии «Французские лирики XIX века» (см. примечание 1 к письму № 65).

[8] В конце лета 1904 г. Волошин находился в Женеве и выехал в Париж 9/22 августа.

[9] См. примечание 7 к предыдущему письму Гиля (№ 10).

[10] Рецензия на книгу Эдуарда Дюкоте «Цветущие луга. Стихи 1895—1902 гг.» (*Ducoté Edouard.* La Prairie en fleurs. Poèmes 1895—1902, 1904) была напечатана в № 9 за 1904 г. В том же номере журнала содержится отзыв о новом сборнике Шарля Режисмансе «Отражения, размышления, пейзажи» (Régismanset Charles. Reflets. Réflexions, Paysages, 1904), который, вероятно, и имеет в виду Гиль. Рецензия на книгу Дюкоте, объединившую 5 сборников поэта, была написана Гилем в несвойственном ему лирическом, восторженном тоне и заканчивалась следующей похвалой: «Э. Дюкотэ пользуется “свободным стихом”, и если его ритмы далеко не всегда находятся в соответствии с движением мысли, то в общем его стихи все же певучи» (С. 56). Шарлю Режисмансе, первый «опыт» которого, по мнению рецензента, свидетельствовал «о высоком уровне его философского развития» (С. 57), Гиль посоветовал сократить сборник «на несколько ненужных страниц», дабы сделать его «единым и целостным выражением тягостного раздумья, из которого, как огненные языки, мучительно оторванные от своего пламени, вырываются надежды на душу Жизни и молитвы, стремящиеся верить в вечное Завтра грядущего» (Там же).

[11] Речь идет об очередной выставке русской вышивки и ремесленных промыслов, проведенной Е. С. Кругликовой в ателье «Русского артистического кружка» (подробно о кружке см. примечание 7 к письму № 17). Первой выставке, состоявшейся в мае-июле 1904 г., один из организаторов кружка М. Волошин посвятил заметку под заглавием «Union des artistes russes. Русская кустарная выставка в Париже». Он, в частности, писал: «Выставлены были исключительно вышивки, частью присланные для продажи из России, частью принадлежащие коллекции доктора Вебера. Стены, закрытые сплошь кружевами, вышивками, полотенцами — красные, синие, линяло-зеленые и лиловые, давали впечатление внутренности перламутровой раковины» (Русь. 1904. № 178, 11/24 июня; статья

датирована 5 июня). Точных данных о новых выставках обнаружить не удалось. По сведениям В. П. Купченко, вторая выставка, предполагаемая в октябре того же года, не состоялась из-за финансовых затруднений (*Купченко В. П.* Хроника русского «Монпарнаса» // Русская мысль. 1999. № 4283. 9—15 сентября).

12. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 26 Septembre 1904

Bien cher Poète et ami,

J'ai reçu avec grand plaisir, et en signe de votre excellente amitié, votre portrait admirablement vivant en une atmosphère de noble rêverie. Je vous en remercie infiniment, et de la dédicace trop belle et qui vient de votre grande indulgence, et qui est l'expression de votre haut caractère. Merci de tout coeur![1]

Avant longtemps, j'espère, je vous enverrai aussi une ou deux photos: un ami vient de me prendre quelques poses, — et je crois qu'en le nombre il en sera d'assez réussies pour vous être adressées[2]. —

Vous avez dû recevoir (nos lettres se croisèrent) les deux comptes-rendus, avec un mot où je vous demandais comment vous faire parvenir *sûrement l'En méthode à l'Oeuvre*? J'en enverrai un exemplaire aussi à M. Balmont, et un autre à notre Directeur, M. Poliakof[f], s'il veut bien l'agréer en hommage[3].

Je voudrais que ces trois exemplaires fussent expédiés en toute assurance. — Le volume paraîtra ici le 20 Octobre. Je vous l'enverrai avant cette date, dès que j'aurai votre réponse[4]. J'espère aussi que vous aurez bien voulu agréer ma prière de parler vous-même de cette édition, expression comme définitive de ma pensée?[5]

— Tout en travaillant au livre suivant de la Seconde partie de l'Oeuvre, je suis en train, pour la réédition de la première Partie, de corriger les deux premiers Livres de cette partie. J'ai le plus grand plaisir à remettre tout cela en sa place du plan général, maintenant que j'ai avancé dans l'Oeuvre. Et je crois que tout s'éclaircit, prend force particulière parmi l'ensemble... Enfin, je m'efforce à ma meilleure pensée. Hélas, sous la malédiction du Rêve inatteint.

— Vous, à quoi travaillez-vous en ce moment? J'aurais plaisir à savoir de vos travaux un peu, et de ceux du Groupe de la *Balance*[6], — bien que vos esprits doivent être si troublés et captés par la durée terrible de cette guerre de sang et de tonnerres![7]

— Si M. Balmont est de retour, saluez-le de ma part, je vous prie, en lui disant que j'ai été heureux de l'envoi très gracieux de sa traduction[8]. Je lui écrirai quand je le saurai revenu à Moscou.

Et, à vous, encore tout mon merci! En attendant de vos nouvelles, je vous serre cordialement la main.

René Ghil

12. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 26 сентября 1904 г.

Дорогой поэт и друг!

Для меня было огромной радостью получить в качестве знака нашей замечательной дружбы Ваш портрет, который я нахожу восхитительно живым и овеянным благородной мечтательностью. Я бесконечно признателен Вам за него, а также за изумительную надпись, продиктованную Вашей безграничной снисходительностью, свидетельствующей о возвышенной личности. Спасибо Вам от всего сердца![1]

В скором времени я надеюсь отправить Вам одну-две фотографии, сделанные одним моим другом, которому я недавно позировал. Надеюсь, что из большого числа сделанных им снимков несколько кадров окажутся удачными, и я смогу их Вам послать[2].

Вы, должно быть, уже получили от меня два отзыва (наши письма пересеклись) с небольшой запиской, в которой я спрашивал, каким путем *надежней отправить Вам трактат «Согласно методу — к Творению».* Я хочу отправить также экземпляр для Бальмонта и еще один для нашего директора г-на Полякова, если он согласится принять его в дар[3].

Я хотел бы, чтобы все три экземпляра были доставлены в сохранности. Выход книги намечен на 20 октября[4]. Я вышлю Вам ее еще раньше, сразу после того, как только получу от Вас ответ. Я также надеюсь, что Вы не откажете мне в просьбе собственноручно написать об этом издании, представляющем собой окончательно сформулированный свод моих идей[5].

Продолжая работать над следующей книгой второй части «Творения», я в настоящее время вношу правку в текст переиздания двух первых книг первой части. Для меня будет огромной радостью, когда эти книги вновь займут надлежащие места в генеральном плане, особенно теперь, когда я продвинулся вперед в работе над «Творением». И мне кажется, что все проясняется и обретает особенную силу именно в единстве с остальным.... В целом, я заставляю себя стремиться к наивысшему напряжению мысли... Увы, под пятой проклятия недостижимой Мечты.

А Вы над чем сейчас работаете? Мне было бы очень приятно узнать хоть немного о Ваших трудах, а также о трудах поэтов, объединившихся вокруг «Весов»[6], хотя Ваши умы, должно быть, взволнованы и поглощены этой нескончаемой жуткой бойней с ее кровью и грохотом[7].

Если Бальмонт уже вернулся, передайте ему, пожалуйста, от меня огромный привет и скажите, что я был счастлив получить его перевод[8]. Я напишу ему, как только буду точно знать, что он в Москве.

Благодарю Вас еще раз! Жду от Вас новостей и сердечно жму Вашу руку.

Рене Гиль

[1] Портрет Брюсова, подаренный Гилю, вероятно, утерян.

[2] Один из портретов Гиля, сделанный «по фотографии», был воспроизведен в «Весах» в № 12 за 1904 г. (С. 12). Мнение Брюсова о нем см. в его ответном письме (№ 13).

[3] В августе 1904 г. Поляков провел 4 дня в Париже, куда приехал из Женевы. В письме от 6/19 сентября он сообщал Брюсову: «В Париже я довольно много видел, Макс [Волошин] был ко мне безжалостен и буквально меня "ухаживал", но общего впечатления у меня не получилось, ибо "настоящее" входит медленно и случайно, в меня, по крайней мере» (ЛН 1994. С. 96). Волошин, выехавший из Женевы в Париж 9/22 августа, писал, в свою очередь, в недатированном письме к матери: «Только что уехал Поляков. Я его дней пять водил по Парижу. Он в первый раз приезжал за границу» (С. 344). О возможных встречах Полякова с Гилем никаких сведений, по-видимому, не сохранилось.

[4] Как следует из ответного письма Брюсова от 20 октября / 2 ноября 1904 г. (№ 13), все экземпляры книги Гиля «По методу — к Творению» («En méthode à l'Oeuvre») были доставлены Брюсову. Один из них был передан Полякову. О судьбе экземпляра, предназначенного для К. Бальмонта, нам ничего неизвестно. В списке книг поступивших в редакцию «Весов» в октябре 1904 г., значилось: «René Ghil. Oeuvre. En méthode à l'Oeuvre. Edition nouvelle et revue. Paris. 1904. Librairie Léon Vanier, A. Messein succ. (19, Quai Saint-Michel.) Prix 2 fr.» (Весы. 1904. № 10. С. 84). Книга получила определенную прессу. Так, Ж. Вальми-Бэйс (Jean Valmy Baysse) в статье «Французская поэзия у негров Гаити» («La poésie française chez les noirs d'Haïti») писал: «Создается впечатление, что в литературных клубах начинают обсуждать метод Рене Гиля» [«On commence, paraît-il, à discuter dans les clubs littéraires la méthode de M. René Ghil» (La Critique. 1904, 20 septembre)]. Эдгар Баэс (Edgar Baës) опубликовал статью «Поэзия инструментизма» («La poésie instrumentiste») в брюссельской еженедельной газете «La fédération artistique» (1904. No. 6, 13 novembre, dimanche), где в течение нескольких последующих лет отмечал все книжные новинки Гиля, например, переиздание первого тома его книги «Обет жить» («Le Voeu de vivre», — 1907, 17 février). См также короткие заметки в газетах «Politique Coloniale» (1904, 22 octobre), «Mémorial de la librairie Française» (1904, 24 novembre) и «La petite république socialiste» (1905, 9 janvier).

Самая значительная и в целом хвалебная рецензия на трактат принадлежала Танкреду де Визану (*Visan Tancrude de.* Notes sur les théories esthétiques d'un poète. En méthode à l'œuvre de M. René Ghil // La Chronique des Livres. 1904. 10–25 novembre). Отметив, что эта «небольшая брошюрка не должна остаться незамеченной» [«Cet opuscule ne doit pas passer inaperçu» (p. 195)], рецензент отнес Гиля к редким поэтам последнего двадцатилетия, которые смогли создать грандиозный идеал и не менее грандиозную эстетику, «в соответствии с современными общественными требованиями» [«en rapport avec les exigences sociales actuelles» (Там же)].

[5] О рецензии Брюсова на книгу см. предисловие к публикуемой корреспонденции. Издание 1904 г. действительно стало последним, «окончательным» вариантом гилевского трактата.

[6] Осенью 1904 г. положение в «Весах» оставалось неопределенным. К тому времени Брюсов оказался настолько перегружен редакторской работой, которую вел практически в одиночку, что начал изыскивать способы реорганизации журнала. Получив от Вяч. Иванова решительный отказ поделить с ним редакторство, он в сентябре достиг соглашения с С. А. Поляковым о снятии с себя части выполняемой работы, распределив ответственность за рецензии и хроники по географическому принципу — по одному редактору на каждую страну. Однако и в ноябре, и в декабре Брюсов продолжал жаловаться на то, что «делать именно журнальную работу, писать рецензии, "обозревать" журналы, выбирать материал для хроники — решительно некому» (ЛН 1976. С. 273).

[7] Осенью 1904 г. русская армия потерпела поражение в сражениях под Ляояном и Шахэ.

[8] Какой перевод имеет в виду Гиль, установить не удалось. Если речь идет о стихотворных переводах Бальмонта, то это мог быть либо один из трех томов «Собрания сочинений» П. Б. Шелли (СПб., 1903—1907), либо один из пяти томов «Собрания сочинений» Эдгара По (СПб., 1901—1912).

13. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Moscou, 20 octobre / 2 novembre 1904

Cher maître et ami!

Il y a deux jours seulement que je viens de recevoir vos livres envoyés à mon adresse personnelle et retenus sans doute à la censure car l'exemplaire adressé à la rédaction nous a été remis un certain temps déjà. Je vous remercie de tout mon coeur de votre chère attention et de l'inscription vraiment trop flatteuse que je trouve sur le livre[1]. C'est avec une précipitation facile à comprendre que je me suis pris à lire, mais — vous le savez trop vous-même — votre livre n'est pas de ceux qui se laissent dévorer. A cette oeuvre on peut appliquer les paroles dites par un de nos meilleurs poètes (A. Feth):

Но Муза, правду соблюдая,
Глядит, и на весах у ней —
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей[2].

(=sur la balance de la Muse ce petit livre pèse plus que de gros volumes).

Néanmoins, coûte que coûte, j'écrirai pour le 10e No. de la *Balance* l'analyse de votre doctrine[3]. Une coïncidence bien heureuse m'a fourni les deux Nos de la *Pléiade* (Juillet et Août 1886) où fut inséré pour la première fois le *Traité du Verbe*; à Moscou c'est pour sûr l'unique exemplaire de cette revue, devenue sacrée[4]. Cette trouvaille m'aidera à mieux approfondir l'évolution et le développement de vos idées. Mais je voudrais que mon article soit précédé d'une brève notice critico-biographique sur vous. Malheureusement, je ne connais d'autres ouvrages traitant de votre poésie que de courtes remarques des *Poètes d'aujourd'hui*[5] et du *Livre des Masques*[6]. Les ouvrages énumérés dans la Bibliographie de P. Léautaud sont introuvables en Russie[7]. Je vous aurais été très reconnaissant si vous me communiquiez quelques rapides renseignements sur vous-même, que vous trouvez possibles à publier.

Je vous remercie aussi de vos deux portraits; le second surtout, la photo, prise sans aucune ruse, me rend admirablement bien votre être intérieur. C'est à présent seulement que je comprends à quel point nous avons été coupables devant vous en donnant place dans notre revue à l'horrible dessin de Mlle Krouglikoff[8]. Je ne puis vous répéter assez mes excuses. Je me suis confié à M. Wolochine, qui a été aveuglé à son tour par sa longue amitié avec Mlle Krouglikoff. Je vais rayer son nom de la liste des collaborateurs de la *Balance* et jamais aucun de ses dessins ne paraîtra chez nous.

J'aimerais bien reproduire avec mon article les deux portraits que vous m'avez envoyés, — dans la *Balance*. Y consentez-vous? et votre éditeur? Mais il y a à craindre que la reproduction de la photographie ne présente des difficultés typographiques[9].

Comme une partie considérable du 10-ème No. de la *Balance* vous sera consacrée[10], nous avons décidé de garder de même pour ce No. votre IV Lettre qui est déjà traduite et composée[11]. Quant à vos comptes-rendus, il est sans doute qu'ils paraîtront dans le No. d'Octobre[12]. Un recensement sur les *Parfums* de Mariel a déjà été publié[e] dans la *Balance* (No. 6), de sorte qu'il nous est incommode de revenir à ce livre qui au fond n'a pas de valeur importante[13]. Mais nous comptons recevoir votre critique sur le nouveau volume de M. F. Gregh[14].

Croyez à mon admiration toujours croissante

Valère Brussov

P. S. M. S. Poliakoff m'a prié de vous remettre sa vive reconnaissance pour votre livre.

13. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 20 октября / 2 ноября 1904 г.

Дорогой учитель и друг!

Только два дня тому назад я получил Ваши книги, посланные по моему личному адресу и задержавшиеся, видимо, в цензуре, ибо тот экземпляр книги, что был адресован на редакцию, был получен довольно давно. Благодарю Вас от всего сердца за доброе внимание и [по правде говоря] слишком лестную надпись, которую я нашел на книге[1]. Я принялся читать с вполне понятной поспешностью, но — Вы слишком хорошо знаете сами — Ваша книга не из тех, что [можно проглотить]. К этой книге можно отнести слова, сказанные [одним из наших лучших поэтов] (А. Фетом):

Но Муза, правду соблюдая,
Глядит, и на весах у ней —
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей[2].

Тем не менее, я, во что бы то ни стало, сделаю к № 10 «Весов» подробный разбор Вашего учения[3]. По счастливой случайности я раздобыл два №№ «Плеяды» (июль и август 1886), где был впервые напечатан [«Трактат о Слове»]. В Москве это, наверное, единственны[е] экземпляр[ы], ставши[е] святыней[4]. Эта находка поможет мне больше углубиться в эволюцию и развитие Ваших идей. Но мне хотелось бы, чтобы моей статье предшествовала краткая заметка критико-

биографического характера. К сожалению, я не знаю других трудов, где говорилось бы о Вашей поэзии, кроме коротких заметок в «Современных поэтах»[5] и «Книге масок»[6]. [Издания, перечисленные в библиографии П. Леото, невозможно достать в России[7].] Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы нашли возможным дать о самом себе ряд беглых сведений, какие сочтете возможным опубликовать.

Благодарю Вас также за два Ваших портрета, особенно [за] второй снимок, сделанный безыскусно, чудесно [передающий] мне Ваше внутреннее содержание. Только теперь я понимаю, до какой степени мы были виноваты перед Вами, поместив в нашем журнале отвратительный рисунок мадемуазель Кругликовой[8]. Не нахожу достаточно слов извинения. Я доверился М. Волошину, а он, в свою очередь, был ослеплен длительным знакомством с мадемуазель Кругликовой. Я вычеркну ее имя из списка сотрудников «Весов», и больше никогда не появится у нас ни один из ее рисунков. Мне бы очень хотелось воспроизвести в моей статье в «Весах» оба присланные Вами портрета. Согласны ли Вы и Ваш издатель с этим? Но есть опасение, как бы не представилось затруднений при воспроизведении типографи[ей][9].

Так как большая часть 10-го номера «Весов» будет посвящена Вам[10], мы [решили] оставить для этого же номера Ваше IV письмо, которое уже переведено и подготовлено к печати[11]. Что касается Ваших критических статей, то не приходится сомневаться, что они появятся в октябрьском номере[12]. В «Весах» (в № 6) уже была одна рецензия на «Благовония» Мариеля, так что мы считаем неудобным возвращаться снова к этой книге, тем более, что она не представляет собой большой ценности[13]. Но мы рассчитываем получить от Вас критический обзор на новый том Ф. Грега[14].

Верьте моему все возрастающему восторгу

Валерий Брюсов

P. S. Г-н С. Поляков просил меня передать Вам его [горячую] благодарность за Вашу книгу.

---

[1] Речь идет о трактате Гиля «По методу — к Творению» (см. примечание 4 к письму № 12). Содержание дарственной надписи на книге нам неизвестно.

[2] Брюсов не совсем точно цитирует заключительную строфу стихотворения А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева». Совершенно очевидно, что он высоко ставил это стихотворение и по меньшей мере однажды обращался к нему в печати — в своем предисловии к сборнику Вилье де Лиль-Адана «Жестокие рассказы» (СПб., 1907. С. 3). Об этой книге см. примечание 3 к письму № 56.

[3] В реальности очерк был опубликован только в декабрьском номере.

[4] В своем очерке Брюсов напишет, что теоретические выкладки Гиля были впервые опубликованы «в виде связной статьи, под заглавием “Traité du Verbe”, в парижском журнале “Pléiade” (№№ 5 и 6, июль и август 1886 г.), издававшемся школьным товарищем Ренэ Гиля, Дарзансом, при ближайшем участии Микаэля и Киллара. В том же году у издателя Giraud “Traité du Verbe” появился отдельным изданием с предисловием Малларме» (Весы. 1904. № 12. С. 18).

К сообщению Брюсова можно добавить, что помещенная в «Pléiade» статья представляла собой синтез заметок Гиля, предварительно опубликованных в журнале «Basoche» в 1885 г. Вышедший в августе 1886 г. «Трактат о Слове» представлял собой по существу отдельный оттиск статьи, опубликованной в «Pléiade».

[5] «Поэты сегодняшнего дня» — постоянно обновляемая антология французской поэзии, составленная Адольфом Ван Бевером и Полем Леото; с 1900 г. выходила в одном томе, с 1908 г. — в 2-х томах, с 1929 г. — в 3-х томах; выдержала десятки переизданий. Антология содержала обширный критический очерк о каждом публикуемом авторе, его подробную биографию, библиографию его произведений. Экземпляр антологии был «оставлен» Брюсову Волошиным (см. письмо от 25 февраля / 9 марта 1904 г. — ЛН, 1994. С. 314). Первое (однотомное) издание антологии содержало сведения, во многом предоставленные самими авторами в ответ на запрос составителей. В дальнейшем Ван Бевер и Леото стали полагаться в большей степени на собственные изыскания и значительно изменили содержание биобиблиографических справок.

Ко времени появления второго (расширенного и дополненного) издания антологии мнение Гиля об этой книге кардинально изменилось. Так, комментируя итоги 1908-го поэтического года, он публикует в «Весах» резко отрицательный отзыв о новом двухтомнике, считая его совершенно ненужным, а подбор и характеристики поэтов — пристрастными: «Что касается биобиблиографических примечаний, то они далеко не на высоте тех требований, которые к ним можно предъявить. Одни из них сообщают сведения прямо ошибочные, другие пропускают даты крайне необходимые, третьи до смешного кратки (как, напр., заметка о Вьеле-Гриффине). Иные примечания были пересмотрены и переделаны для нового издания (даже до полного противоречия с первым изданием), но с исключительной целью — сказать что-нибудь осудительное о тех поэтах, кто и лично, и по своим идеям неугоден кружку "Mercure [de France]". Такой способ литературной критики и истории, выставляющий на первое место своих друзей, невзирая на всю посредственность их дарований, и замалчивающий (о, наивность!) своих литературных неприятелей, — весьма не нов, но вряд ли достигает своей цели. Заметим еще, что биобиблиографические сведения распределены в книге крайне неравномерно, по-видимому, в зависимости от совершенно случайных причин, напр., от готовности авторов прийти на помощь составителям; в одних случаях даны мелкие и даже излишние детали, в других напрасно было бы искать самых существенных указаний» (1909. № 1. С. 98—99).

У Гиля были самые серьезные основания оскорбиться в связи с пересмотром оценки его собственного творчества. В новой версии антологии «вершиной его славы» [«sa plus grande gloire»] было объявлено изобретение «научной поэзии», «которая ненадолго вошла в моду около 1887 года» [«qui eut un moment de vogue aux environs de 1887» (Les poètes d'aujourd'hui. 1910. T. 2. P. 94)]. Его «словесная инструментовка» была названа «занятной теорией, которую никто, кроме него, так больше и не проповедовал» [«Curieuse théorie, qu'il est resté le seul à professer» (Там же)]. Более того, вывод о его произведениях, сделанный составителями в конце биобиблиографической справки, напоминал скорее издевку, чем беспристрастную оценку: «Как мы увидели и как мы в еще большей степени увидим, читая его стихотворения, Рене Гиль не обладает ни одним из недостатков поэта. Он не оставляет места для вдохновения, для фантазии, для изменчивого очарования мечтаний. Все в его труде подчинено заранее установленным правилам: число и заглавия томов, сюжет и место стихотворений, и, быть может, даже число строк каждой вещи. Ибо поэт, воспевающий Науку, должен руководствоваться ясностью и рассудительностью, изгоняя из своего творчества любые соблазны стиля и воображения» [«Comme on le voit, et comme on le verra encore mieux en le lisant, M. René Ghil n'a aucun des défauts du poète. Il ne laisse rien à l'inspiration, à la fantaisie, au charme changeant de la rêverie. Tout dans son oeuvre est réglé d'avance, le nombre et le titre des volumes, le sujet et la place des poèmes et, peut-être

même la quantité de vers de chacun. C'est qu'un poète qui chante la Science se doit d'être clair et sensé, et de bannir de son oeuvre toutes les séductions du style et de l'imagination» (P. 96)]. В окончательном (трехтомном) варианте антологии, переиздающемся с 1929 г. по настоящее время, приведенный пассаж был опущен.

Из переписки Гиля (с Э. Дюжарденом и др.) известно, что он относил изменившееся к нему отношение на счет одного Поля Леото, хотя из воспоминаний оксфордского профессора Мансела Джонса, посетившего перед Первой мировой войной многих французских литераторов, и в частности Гиля, следует, что и другой составитель антологии, А. Ван Бевер, отзывался о Гиле не иначе как о «пустом фантазере» («fumiste») и призывал английского критика вообще не ходить к нему (*Jones Mansell.* Talks with French Poets in 1913—14 // French Studies. 1948. Vol 2. No. 3. P. 207).

[6] Позднее, упоминая на страницах «Весов» о «многообразном творчестве Реми де Гурмона», «этого писателя из поколения "великих"», и зная, «с каким исключительным вниманием относятся к нему читатели этого журнала», Гиль отмечал, что «если в его двух "Книгах Мас[о]к" характеристики некоторых поэтов сделаны в преувеличенно восторженном тоне, а к другим проявлено определенное невнимание и нежелание понять их дух, то это лишь потому, что Р. де Гурмон всегда был воинствующим адептом Символизма и писал свои очерки в годы еще не прекратившейся борьбы» (Весы. 1908. № 1. С. 124). Убежденный в том, что «писатель определенно шел от художественных созданий к созданиям критическим и научным, постоянно углубляя свой анализ и расширяя свой синтез» (Там же), Гиль указывал, что за завесой «обширной эрудиции» и «любви к острой иронии» в Р. де Гурмоне скрывается «зритель, лишенный энтузиазма и не знающий негодования», «быть может, страдающий от того, что он не в силах сделать выбор между Верой и Знанием, — наблюдатель и судья, которого уважаешь, даже когда мыслишь иначе, чем он» (С. 125).

[7] В библиографии, прилагаемой к справке о Гиле, помещенной в антологии «Поэты сегодняшнего дня», перечислялись 4 публикации: статья Е. Строса за 1896 г., две статьи Верхарна в журнале «Art moderne» (за 1886 и 1887 г.) и ранний очерк Верлена за 1887 г. (о последнем см. примечание 6 к письму № 5). Этот короткий список если не количественно, то качественно отражал реальную ситуацию с «известностью» Гиля во Франции.

[8] См. примечание 2 к письму № 7.

[9] В статье Брюсова о Гиле была помещена и фотография (Весы. 1904. № 12. С. 12), и репродукция рисунка. Рисунок был снабжен подписью: «Ренэ Гиль в 1887 году» (С. 17).

[10] В реальности планы Брюсова подверглись значительным изменениям: в № 10 были опубликованы только 2 рецензии Гиля (см. примечания 12 и 13 к настоящему письму).

[11] Четвертое «Письмо о французской поэзии», озаглавленное «О двух группах молодых поэтов», вышло в № 11. О содержании статьи см. примечания 6 и 8 к письму № 3.

[12] В № 10 журнала был опубликован отзыв Гиля о книге Лорана Тайада «Поэмы в Аристофановой манере» (Tailhade Laurent. «Poèmes Aristophanesques», 1904), представляющей собой первый том его полного собрания сочинений, а также заметка о сборнике начинающего поэта Оливье Калемара де Лафайета «Грезы дней» (Calemard de la Fayette Olivier. «Le rêve des jours». 1904). Суждения Гиля о творчестве последнего приведены в примечании 5 к письму № 66). Что же касается Тайада, то, признавая за ним печать «сильного, самородного дарования, уравновешенного в своем выражении классическими традициями искусства», рецензент усмотрел в составе книги иронический намек «на то молчание, которым слишком часто окружено имя» этого поэта (С. 65). Особенно смутили Гиля публикуемые в приложении к сборнику статьи соратников Тайада — Верлена, Т. де Банвиля, П. Кийара — и посвященные ему стихи. Воздав должное мастерству автора, он подчеркнул его заостренный, сатирический язык, бичующий «литераторов», этих «напуганных людей», «безмолвное соглашение» которых «устроило заговор молчания

вокруг ненавистного имени» и «как бы отрицало самое существование предполагаемого поэта» (С. 66).

Свое мнение о творчестве Тайада Брюсов высказал в биографической справке в книге «Французские лирики XIX века», в которой, в частности, отмечал: «Наиболее ценное в творчестве Тайада — его сатирические стихи. Здесь он вполне самостоятелен и в современной поэзии не знает себе соперников. "Сатиры Тайада, — говорит Ренэ Гиль, — написаны с жестокостью и вольностью Ювенала, с нескромным, передразнивающим и безжалостным смехом Аристофана, но с чисто Тайадовской веселостью, огненной, площадной и великолепной; в них гибкие, переменчивые ритмы подобны ударам бича, а изысканные выражения и пригвождающие эпитеты язвят, как острые когти". К сожалению, эти сатиры, благодаря своеобразию их языка, почти не поддаются переводу» (ПССП 1913. С. 260).

[13] Отзыв о книге Жана Марьеля «Благоухания» (1904) был написан самим Брюсовым, отнесшим автора «к числу самых несчастных поэтов, к числу скучных. Это поэт — без своей личности. Пишет ли он вольным стихом или парнасски-правильным размером [...], все это не может вызвать ничего, кроме минутного, случайного внимания» (Весы. 1904. № 6. С. 54). Письмо Гиля, в котором он предлагал бы опубликовать рецензию на книгу этого автора, нам неизвестно.

[14] См. примечание 1 к письму № 16.

14. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 12 Novembre 1904

Bien cher Poète et Ami,

Je viens de recevoir votre lettre, qui me rend confus de tant d'amabilité de votre part et de la *Balance*. Je vais immédiatement, à l'aide de notes que je pourrai retrouver, vous écrire rapidement des détails sur moi, sur mes livres, etc., que vous voulez bien me demander[1]. J'espère vous adresser cela dès *après-demain*. Pour la reproduction des deux, photogr[aphie] et portrait, vous pouvez absolument le faire: le dessin original m'appartient, et l'éditeur sera certes enchanté[2]. Je vous remercie vraiment, plus que je ne puis l'exprimer, de l'honneur que vous me faites, et de ces soins, et du travail complet d'analyse de mon livre, où vous allez me donner votre temps précieux.

— Je vous remercie de m'avoir rappelé qu'en effet, il a été parlé des *Parfums* de M. Mariel[3]. Je vous envoie, ce jour, un compte-rendu du livre de Mme Dauguet *Par l'Amour* présenté par une préface de M. Rémy de Gourmont[4]. Je vais vous envoyer sous peu sur le livre de M. Gregh[5]. Depuis longtemps ce serait fait, mais je l'avais demandé pour la *Balance* à l'éditeur, Fasquelle, qui n'a pas cru devoir l'envoyer, comme déjà il ne m'avait pas envoyé le livre de M. H. Bataille. M. Fasquelle est un marchand peu poli sans doute, et voilà tout...[6]

Donc, dans quelques jours, le compte-rendu de ce livre; et les Notes dès lundi, après-demain.

— Comme il est curieux de retrouver à Moscou les deux Nos de la *Pléiade!*[7] dont ici même il n'existe sûrement plus que quelques collections introuvables. Je ne l'ai d'ailleurs pas; et je suis très heureux que vous ayez ainsi la première forme de ma

pensée, en sa *spontanéité comme instinctive* et encore pleine du *latent.*

Encore merci, impatient de me faire lire votre pensée sur mon livre quand elle paraîtra, parce que cette pensée est pour moi importante et précieuse.

Et, bien vôtre, René Ghil

14. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 12 ноября 1904 г.

Дорогой Друг и Поэт!

Я только что получил Ваше письмо и нахожусь в состоянии крайнего смущения, такую Вы лично и редакция «Весов» проявляете ко мне любезность[1]. В ответ на Вашу просьбу я тотчас же вкратце напишу Вам некоторые подробности о себе, о своих книгах и т. д., привлекая записи, которые смогу отыскать. Надеюсь отослать Вам эти материалы уже *послезавтра*. Что же касается воспроизведения портрета и фотографии, то я предоставляю Вам на это полное право: оригинал рисунка принадлежит мне, а издатель будет, безусловно, счастлив[2]. Я по-настоящему признателен Вам, хотя и не умею до конца выразить всей глубины своей благодарности, за ту честь, которую Вы мне оказываете, за хлопоты, за работу по всеобъемлющему анализу моей книги, осуществляя которую Вы уделите мне свое драгоценное время.

Спасибо Вам за напоминание о том, что журнал действительно уже писал о «Благовониях» Мариеля[3]. Высылаю Вам статью о книге г-жи Доге «Ради любви» с предисловием Реми де Гурмона[4]. В ближайшее время я вышлю Вам отзыв о книге Грега[5]. Все уже давно было бы готово, если бы издатель Фаскель прислал мне экземпляр книги, который я просил у него для «Весов», однако он не счел нужным сделать это, как в свое время не счел нужным прислать книгу Анри Батайя. Г-н Фаскель, вероятно, не слишком учтивый коммерсант, вот и все[6].

Итак, через несколько дней вы получите статью об этой книге, а свои заметки я вышлю послезавтра, в понедельник.

Как любопытно, что в Москве нашлись два номера «Плеяды»![7] Даже здесь, безусловно, существует всего несколько комплектов этого журнала, да и их не найти. У меня, кстати, их нет, и я очень рад, что Вы таким образом познакомились с начальной формулировкой моей идеи, пока еще *инстинктивной в своей спонтанности* и пока еще исполненной *невыраженных значений.*

Еще раз спасибо за все, с нетерпением жду Ваших впечатлений от моей книги, жду, когда они будут опубликованы, так как Ваши суждения для меня важны и драгоценны.

Ваш Рене Гиль

[1] Откликаясь на просьбу Брюсова прислать ему дополнительные материалы, Гиль написал о себе подробные, подкрепленные цитатами заметки, сохранившиеся в архиве Брюсова (РГБ. Ф. 386, карт. 56. Ед. хр. 7). О той роли, которую эти материалы сыграли при подготовке Брюсовым очерка о Гиле, см. предисловие к настоящей публикации.

[2] Издателем последнего варианта трактата Гиля был А. Мессен.

[3] См. примечание 13 к письму № 13.

[4] Пространный отзыв о сборнике Марии Доге с «замечательным», по словам Гиля, предисловием Реми де Гурмона был напечатан в № 12 «Весов» за 1904 г. Указав на существование двух родов любви к природе — «рассудком, — проникая в нее силой науки, которой мы обладаем (или которую творим), постигая законы природы и ее сущность, упиваясь ее всеобъемлющей и ритмической Жизнью, в которой мы — только сознательные атомы» (С. 60), — и эмоциями, рецензент остановился на чувственной стороне лирики поэтессы, главная особенность которой — «постоянное влечение к обонятельным восприятиям» (С. 61). Слабость поэтической техники автора Гиль усмотрел в повсеместном применении сравнения, что, по его мнению, означало неумение «найти и выразить отличительных свойств вещи и ее отношений к общему синтезу, к сущности вещей» (С. 63).

[5] См. примечание 1 к письму № 16.

[6] Начиная отзыв о книге Анри Батайя «Прекрасное путешествие», Гиль отмечал: «Трудно ожидать, чтобы книга стихов, появившаяся в издательстве Fasquelle, могла выражать новую, самобытную и законченную личность, — однако вот такая книга» (Весы. 1904. № 7. С. 55). Это несправедливое суждение искажает реальную картину и отражает пристрастное отношение Гиля к почтенному книгоиздательскому дому, в котором публиковались книги не только классиков — Флобера, братьев Гонкуров, Золя, — но и целого ряда новых писателей — А. Жарри, П. Луиса, М. Метерлинка, Э. Ростана (за исключением М. Пруста, рукопись которого была в 1912 г. отвергнута). Случалось, что произведения начинающих авторов печатались здесь в убыток. Что же касается непосредственно Эжена Фаскеля (1863—1952), то, начав свою карьеру в 1886 г. секретарем издательства «Шарпантье», он уже в 1896 г. стал совладельцем этого предприятия и только через 60 лет, в 1951 г., передал дела сыну. Особые дружеские отношения связывали издателя с Э. Золя: в молодости он помогал ему собирать материал для романа «Деньги», а во время судебного процесса над А. Дрейфусом организовал писателю общественную поддержку.

[7] См. примечание 4 к письму № 13.

15. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 Nov[embre] [1904]

Cher poète et ami,

Comme je vous le disais dans ma lettre d'hier, je vous envoie cette photo sur papier, meilleure pour la reproduction. Les traits sont plus marqués[1].

Vous allez recevoir un roman, *Le vent emporte la poussière*, qui m'est dédié, de M. Georges Bonnamour, qui fut comme Rédacteur en chef de la *Revue Indépendante* (4ème période) très mêlé au mouvement poétique[2].

C'est en souvenir de ces temps où il lutta avec moi qu'il me dédie ce livre, et que je l'ai accepté. Je voudrais vous demander la faveur, *pour cette fois*, de pouvoir en faire un compte-rendu à la *Balance*. Ce me ferait grand plaisir. J'espère que vous voudrez bien me permettre cette petite sortie hors de ma rubrique poétique, si rien ne s'y oppose[3].

Encore merci de tant de choses. Bien affectueusement vôtre, René Ghil.

15. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

16 ноября 1904 г.

Дорогой друг и поэт!

Как я обещал в своем вчерашнем письме, высылаю Вам фотографию, отпечатанную на бумаге, более пригодную для воспроизведения. Черты лица при такой печати более отчетливы[1].

В скором времени Вы получите роман Жоржа Бонамура «Ветер уносит пыль», посвященный мне автором. Жорж Бонамур был главным редактором «Ревю индепандант» (четвертого периода) и очень активно участвовал в поэтическом движении[2].

В память о том времени, времени нашей совместной борьбы, он посвятил мне свою книгу и я с радостью принял его посвящение. Я хотел бы попросить Вас *в качестве исключения и только на этот раз* дать мне возможность поместить отзыв о ней в «Весах». Это доставило бы мне огромное удовольствие. Я очень надеюсь, что Вы позволите мне сделать маленькую публикацию вне моей рубрики о поэзии, если тому не будет препятствий[3].

Еще раз спасибо за все. Сердечно Ваш,

Рене Гиль.

---

[1] Предполагаем, что под «вчерашним» письмом Гиль подразумевает свое предыдущее письмо от 12 ноября (№ 14).

[2] Первые 12 номеров журнала «Revue indépendante», основанного Феликсом Фенеоном, выходили с ноября 1884 г. до 15 мая 1885 г. В этот период журнал еще не был символистским: в нем печатались самые разные авторы, в том числе иностранные (Шопенгауэр, Вагнер и др.). Затем журнал на некоторое время исчез и был возрожден Э. Дюжарденом, поручившим руководство редакцией Теодору де Визева (1886—1887 гг.). Начиная с января 1888 г. редактором журнала стал Гюстав Кан. Четвертый (и последний) период существования «Revue indépendante» приходился на 1889—1894 гг. и был, по словам Гиля, «конечно, самый боевой, когда этот журнал был посвящен научной поэзии» (Весы. 1907. № 10. С. 84). Период этот ознаменовался прежде всего приходом в руководство журнала Жоржа Бонамура и Франсуа де Ниона, которые резко изменили его ориентацию, занимая все более и более враждебную позицию по отношению к символизму. В 1891 г.

они организовали кампанию по дискредитации школы Малларме и приступили к активной пропаганде идей Гиля. Так, в июльском номере, в разгар полемики с Жаном Мореасом, Жорж Бонамур и Гастон Морейон под совместным псевдонимом Гастон и Жюль Кутюра (Gaston et Jules Couturat) публикуют статью «Поражение символизма» («Le Fiasco symboliste»), в которой подвергают осмеянию всех современных поэтов, кроме Гиля. В августе того же года они пишут обширную (на 75 страниц) статью, приуроченную к переизданию «Трактата о Слове», вышедшего под новым названием «По методу — к Творению», причем бóльшая часть рецензии была посвящена истокам и предтечам научной поэзии. В ноябре 1892 г. те же авторы помещают под заголовком «О научной поэзии» («De la poésie scientifique») рецензию на книгу Гиля «Обет Жизни» («Voeu de Vivre»).

Благодарность за поддержку «в борьбе против Идеализма-Символизма» (Весы. 1904. № 2. С. 32) Гиль пронес через всю жизнь, уделив своим старым соратникам некоторое место уже в своей первой русской публикации. «Два поэта и критика, — сообщал он, — в годы полемики, возражая против утверждения, что только следующее поколение примет полностью принципы "научной поэзии", написали следующие слова, относящиеся к провозвестникам идей: "Не надо забывать, что люди, возбуждающие новые умы вокруг себя, часто принадлежат к числу презираемых и поносимых предыдущим поколением, к числу одиноких в нем"» (Там же). Чуть ниже, при описании своего «Инструментально-Эволютивного Метода», Гиль вновь ссылается на Ж. Бонамура и Г. Морейона, приводя в качестве примера «несколько слов о принципах и о творчестве Ренэ Гиля из Revue Indépendante» за август 1891 г.: «"Несомненно, чтобы ни на миг не терять при чтении переменную цезуру в этих гекзаметрах, необходима высокая степень просодического воспитания... Эти стихи, таковы как они есть, с их величественным единством, связывающим как бы в одну цепь книги за книгами, — развертывают пред нами широкие складки многообъемлющей ритмики, в которой дрожат призраки отдаленнейших небесных туманностей, темные воспоминания легенды о Гайе, таинственная судьба Человека — его начало, его прошлое, его настоящее, его идеалы и грезы,— и затем, новые волны: грядущие горизонты... В широких трепетаниях музыкальных валов, при конце новой мелодии, внезапно загораются предательские воспоминания, уже прозвучавшие стихи возникают вновь на острие клинка, и вновь тонут и исчезают, чтобы опять пропеть в сильном, но удаленном andante, в великолепном хоре словесного оркестра"» (С. 37—38).

В своем «весовском» очерке, посвященном Гилю, Брюсов процитировал еще один панегирик основателю «научной поэзии», опубликованный в «Revue indépendante» в ноябре 1892 г. и принадлежащий на этот раз одному Ж. Бонамуру: «Изо всей символистико-идеалистической школы, ныне достигшей своего апогея, останется лишь очень немного талантов, которым будут впоследствии удивляться не *за* их теории, а *несмотря на* их теории. Во все эпохи, особенно же за последнее столетие, всегда за триумфаторами минуты находился незамеченный, отвергнутый, даже осмеянный, за которым и шло следующее поколение. Таков Дидро в царствование Вольтера и нео-христианин Жан Жак. Таков Бальзак в шумихе романтизма. Таков[ы] Верлэн и Малларме среди парнасцев, и Вилье де Лиль-Адан среди натуралистов... Как утверждать, что та будущая литературная школа, которая восторжествует над бессвязным идеализмом и его пережитком — символизмом, не будет вести своего происхождения от Ренэ Гиля» (Весы. 1904. № 12. С. 20—21).

[3] О рецензии Гиля на роман Ж. Бонамура см. примечание 4 к письму № 20.

16. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 22 Novembre 1904

Bien cher Poète et ami,

Je vous envoie le compte-rendu du livre de M. Gregh[1]. Je l'ai fait assez précis, et étendu de considérations générales, car ainsi il sera présenté à vos lecteurs avec l'ampleur nécessaire.

La prochaine fois j'enverrai sur les livres de Mme Mendès[2] (et de M. Haugmard, si le volume en vaut la peine, *l'Ame vagabonde*[3]). Ensuite les *Minutes divines* de M. Massoni[4], et sur une Etude concernant Maurice Rollinat[5].

Je vous enverrai aussi un compte-rendu du livre de M. Bonnamour, *Le vent emporte la poussière*, dont je vous ai demandé de parler *exceptionnellement*, bien que ce soit un *Roman*[6].

— M. Volochine m'a transmis votre désir d'un résumé, *d'une synthèse de l'Année poétique 1904*. Je vous enverrai cela dans huit jours, en trois pages[7].

— J'ai vu que M. Ivanoff a parlé du livre *très important* de M. de Visan[8]. Je l'ai fait traduire tout de suite, un peu inquiet, — car, comme je vous l'ai annoncé[9], dans ma prochaine *Lettre sur la Poésie*, j'ai à étudier à fond la *Préface* de ce livre. Et ce me servira de transition entre l'exposition des tendances *actuelles*, qui se termineront avec ce livre, et l'historique du Mouvement *antérieur* que je commencerai après cela.

M. Ivanoff s'est contenté d'une présentation succincte, et ce ne dérange donc pas mon plan: car je fais, selon méthode, se compléter les uns par les autres *Les Lettres* et les comptes-rendus, de manière à former *un tout personnel* sur la Poésie française[10].

Vous avez dû recevoir mes Notes pour votre article sur moi. Arriverez-vous, malgré le gros travail, à faire cet article pour ce No.? Je vous remercie vraiment de tant de peine![11]

Si vous étiez forcé de remettre votre Article sur moi, faites cependant passer ma *Lettre sur la Poésie*, afin de ne pas suspendre trop longtemps cette suite, pour l'intérêt de lecture pour vos lecteurs.

A bientôt de vos bonnes nouvelles, n'est-ce pas?

Je vous serre bien affectueusement la main.

Vôtre, René Ghil

16. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 22 ноября 1904 г.

Дорогой Друг и Поэт!

Посылаю Вам отзыв о книге Грега[1]. Я добился в нем довольно четких формулировок, которые развил общими соображениями, что позволит представить эту книгу читателям журнала с нужной широтой охвата.

В следующий раз я пришлю Вам рецензию на книгу г-жи Мендес[2] (а также на книгу Огмара «Душа-скиталица», если она того стоит[3]). Затем — на «Божественные минуты» Массони[4] и на очерк о Морисе Роллина[5].

Я пришлю Вам также рецензию на книгу Бонамура «Ветер уносит пыль». Я уже просил у Вас разрешения написать о ней *в качестве исключения*, хотя это и *роман*[6].

Волошин передал мне Ваше пожелание в отношении резюме, *синтезирующего достижения 1904 поэтического года*. Я вышлю Вам три страницы на эту тему дней через восемь[7].

Я обратил внимание на то, что Иванов написал об *очень важной* книге де Визана[8]. Я тотчас же, и не без некоторой тревоги, отдал его статью на перевод, так как уже сообщал Вам, что в моем следующем «Письме о поэзии» досконально изучу «Предисловие» к ней[9]. Это поможет мне сделать переход от изложения *современных* тенденций, заканчивающихся рецензией на эту книгу, к хронике *предшествующего* Движения, которую я начну сразу после этого.

Иванов ограничился довольно лаконичным представлением книги, что не нарушает моего плана, поскольку, следуя избранному методу, я дополняю «Письма» рецензиями и тем самым формирую *единство личного восприятия* французской поэзии[10].

Вы, должно быть, уже получили мои заметки к Вашей статье обо мне. Успеете ли Вы, несмотря на большой объем этой работы, закончить ее к ближайшему номеру? Я поистине очень благодарен Вам за такие тяготы[11].

Если Вы вынуждены отложить Вашу статью обо мне до другого номера, поместите мое «Письмо о поэзии», дабы в интересах читательского восприятия подписчиков журнала не откладывать на слишком долгое время продолжение цикла.

Итак, жду от Вас в скором будущем хороших новостей.

Сердечно жму Вашу руку.

Ваш Рене Гиль.

---

[1] «Сочувственная» рецензия Гиля на книгу Фернана Грега «Человеческие просветления» («Les Clartés Humaines», 1904) была опубликована № 11. Рецензент подчеркнул, что, несмотря на некоторую заемную «шелуху», автору «удалось расширить то *чувство* Жизни, которым он владеет так полно, с такими порываниями к искренности, до страстного *понимания* Жизни, до выявления мирового единства, к чему каждый поэт и должен стремиться» (С. 51). При этом «Человеческие просветления» были, на взгляд Гиля, «все еще» книгой «исканий, лихорадочных, полных томительного беспокойства, в значительной степени случайных, хотя личность поэта уже широко проступает в ней. Все искусственное и заемное уже спадает с самобытности его творчества, и Ф. Грегу остается только с властной решительностью окончательно отбросить эту шелуху» (С. 53—54).

[2] См. примечание 6 к письму № 19.

[3] Рецензия на второй сборник Луи Огмара «Душа-скиталица» («L'Ame vagabonde», 1904) в журнале не публиковалась.

[4] Рецензия на третий сборник Пьера Массони «Божественные минуты» («Les Minutes divines», 1904), названный в числе книг, «доставленных в редакцию» (Весы. 1905. № 1. С. 87), в журнале не публиковалась.

[5] Речь идет о небольшой заметке по поводу книги воспоминаний Ж. Пьера (J. Pierre) «Подлинный Роллина» («Le vrai Rollinat», 1904). В своем отзыве Гиль обрушился на газетчиков, распространявших ложные сведения о «великом поэте» и приветствовал собранные в книге «все свидетельства высокого поклонения, с каким относились к Роллина все те, кто, читая его стихи, умел чувствовать над собой властное и темное веянье гения» (Весы. 1905. № 2. С. 55). Оценка, данная Гилем в отзыве, значительно отличалась от его же суждений о творчестве М. Роллина, высказанных им четыре года спустя в статье «Истоки новой поэзии» (Весы. 1909. № 10—11). Подробно о содержании статьи см. примечание 8 к письму № 70.

[6] См. примечание 4 к письму № 20.

[7] «Синтетические заметки о поэтическом творчестве 1904 г.» были напечатаны в № 12 журнала за 1904 г. Об их содержании см. примечание 6 к письму № 17.

[8] Философ и филолог по образованию, выпускник Сорбонского университета, ученик А. Бергсона, профессиональный журналист, Танкред де Визан (наст. имя Vincent Biétrix, 1878—1945) был с 1902 г. секретарем журнала «Revue de Philosophie», затем вел книжную хронику в «Revue catholique et royaliste», а с 1904 г. состоял членом Корпорации христианских публицистов (Corporation des Publicistes Chrétiens). После 1914 г. уехал из Парижа в свой родной город Лион, где был избран членом «Лионской академии».

Речь в письме Гиля идет о книге Т. де Визана «Интроспективные пейзажи» («Paysages introspectifs», 1904), название которой можно интерпретировать как «Наблюдение за пейзажами сознания». Написать рецензию на эту книгу Вяч. Иванов обещал Брюсову еще в середине сентября (см. его письмо от 6/19 сентября 1904 г., ЛН 1976. С. 459). О недовольстве Гиля сложившейся ситуацией рассказывается в письме сотрудника «Весов» М. Н. Семенова к С. А. Полякову, отправленном из Парижа 24 ноября 1904 г.: «Вчера у меня был довольно крупный разговор [...] с Волошиным. Он пришел и заявил, что Рене Гиль очень обижен тем, что “Весы” напечатали отзыв Иванова на книгу французского поэта Visan. Волошин находит тоже, что это бестактно со стороны “Весов”, так как на этот отдел приглашен Рене Гиль. Я старался Волошину втолковать (думаю, что и вы все разделяете мою точку зрения), что редакция “Весов” не может стеснять себя таким образом и даже не может никому поручать *постоянное* писание рецензий по какому-либо отделу, тем закрывая себе возможность печатать рецензии других своих сотрудников. [...] Несмотря на долгое убеждение, Волошин мне не внял и сказал, что, может быть, Гиль даже выйдет из-за этого из “Весов”. Я думаю, что Гиль этого не сделает, а если бы даже и сделал, убытка от этого “Весам” не будет никакого» (ЛН 1994. С. 273).

[9] Более раннее письмо Гиля, в котором он упоминал бы имя Танкреда де Визана, нам неизвестно.

[10] В своей рецензии Вяч. Иванов не столько освещает книгу де Визана, сколько излагает на ее основе собственные мысли о сущности символизма. Поводом для своих рассуждений он избирает сначала «абстрактные», но не «холодные» стихи «даровитого» автора, а затем «ученое введение» к его сборнику, названное «Опыт о символизме», которое, по мнению рецензента, «имеет самостоятельное значение и заслуживает серьезного внимания» (Весы. 1904. № 10. С. 64). Де Визан, однако, для Иванова «очень сознателен» и напрасно «остается верен» опасной «формуле Брюнетьера: “Поэзия — метафизика, проявленная в образах и сделанная ощутимою сердцу”» (Там же). Не убедили рецензента ни близкие ему мечты «о братстве и взаимном понимании между поэтом и толпою» (Там же) ни, тем более, трактовка «мифа, как аллегории» (С. 65).

Гиль, напротив, последовательно анализирует литературные портреты, предлагаемые во вступительной статье, и на их основании излагает свое понимание символизма. Причина напряженного отношения Гиля к работе де Визана крылась, видимо, в том, что эта книга, посвященная «выдающимся представителям новой поэзии — Маллармэ, Верлэну, Вьеле-

Гриффину, Анри де-Ренье, Гюставу Кану, Жюлю Лафоргу» (Весы. 1905. № 3. С. 49), в какой-то мере подрывала его собственный замысел, особенно в ретроспективной его части, поскольку после появления книги де Визана Гиль уже не мог претендовать на декларируемое им первенство в обращении к центральным фигурам ушедшей эпохи. С другой стороны, тезисы этого «начинающегося (так. — *Р. Д.*) двадцатишестилетнего поэта» (С. 48), несмотря на молодость автора, ощущались современниками как плодотворное осмысление именно *достижений*, а не неудач символизма, которому Гиль безуспешно противопоставлял «научную поэзию». «Прочтя книгу Танкреда де-Визана, — иронизировал он в рецензии, — я мог бы написать ему: "Если бы в прежние дни передо мной был такой *Символизм*, какой проповедуете вы, многосложный, сознающий Всемирное и Единое, — я, может быть, и сделал бы несколько оговорок к его теории, но мне не пришлось бы бороться против него..."» (С. 49). Изобличив «скудость» символистских построений, Гиль посвятил несколько страниц анализу таких понятий, как аллегория, символ, интуиция и поэтическое внушение, и, не желая признавать автора книги «символистом», предпринял нескромную попытку причислить Т. де Визана (со всей очевидностью заявившего себя последователем философа-интуитивиста Анри Бергсона) к собственным приверженцам: «Я сказал бы, подводя итоги сказанному, что де-Визан стоит на том самом пути, который лично мы считаем единственно правым и который повел нас к нашей "эволютивно-инструментальной" теории поэзии. Де-Визану, чтобы быть во всем согласным с нами, надо только сделать еще шаг. Во всяком случае де-Визан далеко выходит за пределы "символизма" силой своей синтезирующей мысли. Широкие горизонты его мысли делают из него поистине, как он того желает, поэта-философа. Он будет, я в это глубоко верю, одним из наиболее значительных ликов завтрашнего дня, если не самым значительным — в ряду тех поэтов-философов (не индивидуалистов, но объективных мыслителей, исполненных всей сложности современной мысли и современного чувства) — первым представителем которых суждено было быть мне. Лучшей наградой за свою деятельность я считаю, что мне пришлось видеть не продолжение, но дифференциацию дела своей жизни — в руках других, дарящих меня уважением и симпатией, завоевать которые стоило такой борьбы» (С. 54). В заключение Гиль упоминает о частном письме, в котором он, судя по всему, предложил де Визану, как и многим другим его ровесникам, присоединиться к «научной поэзии». Подобное предложение не могло не вызвать удивления, поскольку в рецензируемой Гилем книге автор настаивал на «единстве» символизма, противопоставляя ему эволютивные теории. Последующие произведения де Визана также говорят о том, что он остался равнодушен к прокламируемому Гилем течению.

Сопротивление Т. де Визана навязываемой ему принадлежности к «научной поэзии» было тотчас же замечено ее приверженцами. Так, говоря о «его планах опубликовать еще более полную книгу по поводу "Символической идеи" и "Современной поэзии"» [«son projet de publier un livre plus complet encore sur l'*Idée symbolique* et la *Poésie contemporaine*»], Эдгар Баэс посоветовал критику не искать модели для найденных ранее формулировок, а взять в качестве примера «словесную инструментовку» и в ней (в виде образца) «Творение» Гиля, поскольку «за счет своей мощи и абсолютной искренности оно, как это совершенно очевидно, наиболее энергичным образом характеризует поэтическое усилие и синтез символизма» [«par sa force et sa sincérité absolue est évidemment celle qui caractérise le plus énergiquement l'effort poétique et la synthèse des symbolistes» (La fédération artistique (Bruxelles). 1905. 8 janvier, dimanche. P. 110)].

О резко изменившемся отношении Гиля к де Визану см. примечание 9 к письму № 85.

[11] См. примечание 3 к письму № 13.

17. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 7 Décembre 1904

Cher Poète et ami,

Ce mot à la hâte, pour un bonjour et mon souvenir, en vous adressant ce Résumé de *l'année poétique*, que vous m'avez demandé par M. Volochine.

Excellente idée.

Je vais vous envoyer presque immédiatement le compte-rendu du livre de Mme Mendès[1], de M. Haugmard[2], et sur Rollinat[3]. Après j'écrirai la *Lettre* suivante, sur la Poésie (sur M. de Visan)[4], qui terminera la *partie actuelle*. Je commencerai ensuite l'Etude du *Mouvement antérieur. L'actualité* sera suivie, comme d'habitude, dans les comptes-rendus. Vous allez voir, par ce Résumé de l'année, qu'il y a une sorte de mouvement encore latent, mais qui, j'espère, va produire du nouveau à différents degrés[5]. Enfin ce n'est plus la stagnation [illisible], et c'est une joie de sentir qu'on va peut-être revivre![6]

A bientôt. Et merci encore. Bien votre ami,

René Ghil

Il y a eu ici, *chez nous*, à *l'Union des Artistes Russes*[7], une soirée très belle et très cordiale. Avec le concours de M. Volochine, nous avions organisé une récitation, par les auteurs, de poésies de haut art: ceux du groupe dont je parle en mon résumé, M. de Visan, Royère, Lévy, etc... et moi aussi. Volochine a récité de vous et de Balmont des poèmes, des siens aussi. — Puis, musique et *chants populaires Russes*, danses russes et arméniennes. Nous gardons de cette soirée un souvenir doux et admirable, très intime[8]. R. G.

— Je vous serais reconnaissant de me renvoyer comme d'habitude la dernière *Lettre sur la Poésie*, et ce *Résumé de l'année* également, si vous le voulez bien. Et merci!

17. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 7 декабря 1904 г

Дорогой поэт и друг!

Пишу это письмо в спешке, чтобы приветствовать Вас, напомнить о себе и доставить Вам отчет о *поэтическом годе,* который Вы заказали через Волошина.

Прекрасная идея!

Почти сразу после этого я вышлю Вам рецензии на книгу г-жи Мендес[1], книгу Огмара[2] и очерк о Роллина[3], а затем напишу следующее «Письмо» о поэзии (о де

Визане)[4], которая заключит *раздел о современности*. После чего начну очерк о *предшествующем Движении. Современные тенденции* будут по-прежнему отслеживаться в рецензиях. Вы прочтете в моем отчете о поэзии за этот год о движении, пока еще скрытом, но, я надеюсь, обещающем привнести в поэзию нечто новое на самых разных уровнях[5]. Покончено с застойной, [нрзб.] массой — какое счастье чувствовать, что мы, быть может, возродимся![6]

До скорого. И еще раз спасибо.

Остаюсь Вашим другом.

Рене Гиль

Здесь, в *Кружке русских художников*[7], состоялся дивный, очень сердечный вечер. При содействии Волошина мы организовали чтение авторами своих стихотворений, пригласив замечательных поэтов, принадлежащих к группе, о которой я писал в своем резюме — де Визана, Руайера, Леви и других. Я тоже выступал. Волошин прочитал Ваши произведения, произведения Бальмонта и собственные стихи. Затем была музыка, звучали *русские народные песни*, исполнялись русские и армянские танцы. Об этом вечере мы сохранили нежное, восхищенное, очень личное воспоминание[8]. Р. Г.

Я буду Вам очень благодарен, если Вы по обыкновению вернете мне оригинал последнего «Письма о поэзии», а также рукопись «Итогов года». Спасибо!

---

[1] См. примечание 6 к письму № 19.

[2] См. примечание 3 к письму № 16.

[3] См. примечание 5 к письму № 16.

[4] См. примечания 8 и 10 к письму № 16.

[5] Уверенность в том, что его идеи наконец нашли последователей, настолько воодушевила Гиля, что в конце 1904 г. он решил прервать свое добровольное затворничество и напомнить о себе современникам. Поводом к этому послужила неподписанная заметка в библиографическом разделе журнала «Essais» (от 15 декабря 1904 г.), посвященная этюду Мариуса и Ари Леблонов о «научной поэзии» (Revue des Revues, 1904, décembre). В заметке говорилось, что «один абзац этюда посвящен дискуссии по поводу реформаторских идей Рене Гиля, уже такого забытого» [«un paragraphe est consacré à discuter la pensée réformatrice de M. René Ghil, déjà si oublié»]. В ответ Гиль разразился возмущенным письмом в редакцию, в котором указал, что, во-первых, в упомянутом этюде ему было уделено значительно больше места и что, во-вторых, игнорировать его, Рене Гиля, теперь совершенно невозможно: «Этот этюд — один среди многих — появился именно в тот момент, когда моя мысль, как никогда прежде, пробуждает новые отзвуки, многочисленные и осознанные. (Завтра мы узнаем, что это означает, — это будут факты и только факты)» [«Etude qui vient parmi d'autres, à une heure où ma pensée entière précisément éveille plus qu'en aucun temps son écho nouveau, nombreux et conscient. (L'on saura demain ce que veut signifier ceci: ce seront des faits)» (Essais. 1905, février. P. 330)].

Справедливости ради отметим, что в этюде Леблонов, озаглавленном «Современная научная поэзия» («La poésie scientifique contemporaine»), Гилю действительно было уделено больше места, чем утверждал журнал. «Его манифест, — заявлялось в нем, — написан неоправданно пророческим, мало научным тоном, [...] и г-н Гиль чрезмерно все упрощает,

когда претендует на то, что сумеет единолично, т. е. за жизнь одного поколения, исправить воздействие социальной деформации, которая в результате нескольких столетий привела язык и поэзию в их современное состояние. Такой подход представляется нам глубоко антинаучным» [«Son manifeste, d'un ton prophétique assez vain et peu scientifique <...> et M. Ghil est trop simpliste quand il prétend à lui seul, c'est-à-dire en une génération, corriger le travail de déformation sociale par lequel les siècles ont amené le langage et la poésie à leur état actuel. Cela semble essentiellement antiscientifique» (Leblond Marius-Ary. La Poésie scientifique // Revue des Revues. 1904, décembre. P. 455)].

[6] В «Синтетических заметках о поэтическом творчестве 1904 г.» Гиль повторил, что еще в начале года он «принужден был признать, что мы находимся на закате великолепного периода» (Весы. 1904. № 12. С. 49). Изданное за год, однако, показало, что на поэтическом горизонте «появились имена и произведения, достойные всяческого [...] внимания, и может быть, уже завтра их силы и их стремления объединятся в одном сознательно выбранном течении. Имена этих поэтов (продолжал Гиль), которые — как кажется — готовы слиться в новом и благотворном единении», надо было только «напомнить читателям "Весов"», поскольку ему «постоянно приходилось называть эти имена и в своих "Письмах о французской поэзии", и в своих заметках о новых книгах» (Там же): это Фернан Грег, Сен Жорж де Буэлье, Оливье Калемар де Лафайет, Мария Доге, Эмиль Дантен, Джон Антуан Но, Шарль Ван Лерберг, Танкред де Визан, Жан Руайер, Садиа Леви и Робер Рандо. Приравняв себя к Верлену — «Верлэн и я сам (в моих призывах петь всю современность жизни), мы с первых наших литературных шагов, — а за нами и другие,— провозгласили необходимость "человеческой" поэзии, поэзии, в которой отражалась бы напряженная и многосложная Жизнь» (С. 50), — Гиль подвел итог своим заметкам еще одной самопохвалой, откровенно объясняющей его привязанность именно к этой группе поэтов: «То простое и сердечное сочувствие, которым эти молодые люди оказывают высокую честь лично мне, то внимание, которое обращают они на мои теоретическая работы и на мое художественное творчество, всегда противополагавшее себя "символистическому" Движению, с его отсутствием единой, направляющей идеи, — уже создает объединяющую их связь» (С. 51).

[7] Русский артистический кружок «Mont Parnasse» (другие принятые названия — «Союз русских художников» и «Кружок русских художников») был создан в Париже в 1903 г группой художников и любителей искусства под началом Е. С. Кругликовой и О. Н. Мечниковой. Кружок ставил «себе задачею доставление всевозможных, часто весьма ценных и необходимых сведений (указание художественных школ, мастерских, квартир, выставок и пр.) всем русским, приезжающим в Париж для занятий искусством или желающим выставлять свои вещи в Парижских салонах» (Искусство. 1905. № 1. С. 38. Подпись: V. Личности автора статьи установить не удалось). Почетным председателем кружка состоял И. И. Мечников, председателем комитета — Н. Н. Ге, вице-председателями — А. В. Гольштейн, Е. С. Кругликова, Е. Н. Давиденко, секретарем — М. Волошин. Время от времени кружок устраивал концерты, лекции и выставки в пользу фонда кружка. Впоследствии в деятельности кружка в разное время принимали участие А. Н. Бенуа, А. К. Шервашидзе, коллекционер и знаток восточного искусства В. В. Голубев и другие деятели русской культуры.

[8] Вечер, организованный М. Волошиным, состоялся в субботу, 3 декабря 1904 г. Из французских писателей, помимо Жана Руайера, Танкреда де Визана и Садиа Леви, на нем присутствовал Ж. Вальми-Бэйс. Песни исполнялись Маргаритой Бабаян.

18. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

12 Décembre 1904

Voici, cher Poète et ami, — le compte-rendu du livre de Mme Mendès (très intéressant)[1], et de l'Etude sur Rollinat[2]. Je vous enverrai sur le livre de M. Bonnamour (Il vous a adressé personnellement son volume *Le vent emporte la poussière*. L'avez-vous reçu?)[3].

Je viens de recevoir le No. de la petite Revue de Lille, le *Béffroi*, avec son enquête amusante. Je vois que vous avez pris la peine d'y répondre — et vous remercie du témoignage de votre si bonne amitié! C'était amusant d'y répondre, en effet, — mais tout est détruit par ceci, que sur les 102! poètes et écrivains consultés ou qui répondirent, il n'y en a vraiment que 29 ou 30 dont le nom importe, ou existe. Et encore, je suis large!... Cependant, je trouve cela intéressant, au point de vue des noms, généralement acquis, comme d'un cycle désormais accompli, et de ceux qui continuent à être en oeuvre et en mouvement progressif, et que le plus grand nombre ne pourra sans doute rejoindre que demain. — D'autre part, l'enquête dénote que tous ceux qui répondirent, à part une dizaine peut-être, et moins plutôt, sont peu au courant de ce qui s'est publié en poésie depuis six mois, ou n'ont pas compris qu'il y a du nouveau en marche...[4]

Et cela m'a toujours donné l'occasion de vous remercier, et de bavarder un peu!

A bientôt, avec la meilleure poignée de main de vôtre, R. G.

Vous avez reçu *le Résumé de l'année poétique 1904*?[5]

18. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

12 декабря 1904 г.

Вот, дорогой Поэт и друг, рецензия на книгу г-жи Мендес (очень интересную)[1] и на очерк о Роллина[2]. Я вышлю Вам также статью о книге Бонамура. (Он Вам лично выслал экземпляр книги «Ветер уносит пыль». Получили ли Вы его?)[3].

Мне только что доставили номер издаваемого в Лилле журнальчика «Беффруа», в котором напечатан очень забавный опрос. Я вижу, что Вы потрудились на него ответить, и благодарен Вам за проявление искренней дружбы. Действительно забавно отвечать на такой опрос, но вот что погубило затею: из 120! опрошенных и приславших свои ответы поэтов и писателей всего лишь 29 или 30 принадлежат к числу тех, чье имя по-настоящему что-то значит или вообще существует. И я еще расщедрился!.. Тем не менее, я нахожу данный опыт интересным с точки зрения имен, в целом утвердившихся по завершении отныне законченного цикла, а также тех, кто продолжает работать над созданием себе имени в поступательном движении, хотя большинство из них, без сомнения, присоединится к первым только завтра. С другой стороны, опрос показывает,

что все отвечавшие (кроме, быть может, десятка, а скорее всего, и того меньше) имеют слабое представление о стихотворениях, опубликованных за последние шесть месяцев, или они не поняли, что в поэзии возникает новое движение...[4]

Все это дало мне возможность поблагодарить Вас и немножко побеседовать с Вами!

До скорого, с наилучшими чувствами жму Вашу руку. Р. Г.

Получили ли Вы статью «Итоги 1904-го поэтического года»?[5]

---

[1] См. примечание 6 к письму № 19.

[2] См. примечание 5 к письму № 16.

[3] См. примечание 4 к письму № 20. Книга Ж. Бонамура «Ветер уносит пыль...» в библиотеке Брюсова не обнаружена.

[4] В 1904 г. журнал «Le Beffroi», орган молодых писателей северной Франции и Бельгии, выходивший в Лилле с 1900 по 1906 г., провел опрос, в котором предлагалось назвать 10 писателей, достойных стать членами французской «Академии поэтов» (если бы таковая существовала), а также указать лучшую книгу года, изданную на французском языке. Из 102 человек, приславших ответы (Брюсов насчитал среди них 80 литераторов), наиболее значительными были Стюарт Мерриль, Шарль Ван Лерберг, Альбер Мокель, Адольф Лакюзон, Тристан Клингзор, Сен-Жорж де Буэлье. Принял участие в опросе и Гиль. Из иностранных писателей подал свой голос Брюсов. Отвечая на вопрос «Кого бы Вы сочли достойным избрать в число десяти новых “бессмертных”?», Брюсов, вместе с именами Метерлинка, Анри де Ренье, Верхарна, Вьеле-Гриффена, Гюстава Кана, Жана Мореаса и др., упомянул имя Гиля. Лучшей книгой года он назвал сборник Верхарна «Вся Фландрия» («Первые ласки»). В результате опроса первое место по числу голосов занял Верхарн. Имя Гиля в число 10 не вошло. Результаты опроса были описаны Брюсовым в его заметке «Анкета о французской поэзии. Le Beffroi, 1904. № 12» (Весы. 1904. № 12. С. 53—56. Подпись: Ch.).

[5] См. примечание 6 к письму № 17.

19. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Dimanche 18 Déc[embre 1904]

Cher poète et excellent ami,

Je vous en prie, ne vous excusez pas de n’avoir pas pu terminer le gros travail de l’article! Vous étiez très courageux, mais vraiment je pensais qu’en si peu de temps vous n’y pouviez arriver. Vous ne serez même pas en retard, car les articles viennent toujours lentement: les premiers paraissent ici, et, au *Mercure [de France],* j’ai été avisé que ce ne serait aussi qu’au mois prochain[1]. — Merci infiniment de tant de travail, de peine, et de soin délicat.

C’est vraiment charmant d’avoir songé à donner la vignette du *Pantoun [des Pantoun]*, fort belle, en effet. Et mon nom en caractère *Javanais* (*non pas malais*, car le

Malais s'écrit en caractères Arabes, mais, depuis un temps, simplement en nos *lettres latines*). Il s'écrivait primitivement en caractères Javanais aussi, qui est d'origine indoue. — Et les portraits! vous me comblez! Tout cela sera très pittoresquement artistique, grâce à vos soins[2].

Je vous envoie ces vers autographes, de mon volume en préparation (vol II du *Toit des Hommes*). En si peu, je ne pouvais donner un passage significatif. J'ai donc pris un passage *pittoresque* aussi: un prélude de danse au tam-tam primitif, en des temps d'accalmie des terreurs et des besoins d'alors...[3]

(Il est bien entendu (pour répondre à votre petite note à ce sujet[4]) que ces vers ne doivent pas être inscrits au compte de mes honoraires. Je suis trop heureux de les offrir amicalement à la *Balance*, avec tout mon merci!)[5]

— Vous avez reçu mon compte-rendu du livre de Mme Mendès? De qui la sincérité *féminine* m'a beaucoup plu. Je lui ai adressé le double de ce compte-rendu, et je recevais ce matin son remerciement, très aimable, où elle me dit que «son mari et elle en ont été très émus»[6].

Ne pourriez-vous, *si ce ne dérange pas votre composition*, publier ce compte-rendu *avant* celui sur le livre de Mme Dauguet, *au prochain No.*?

Et encore merci, en vous disant combien je suis touché de votre amitié, et quel intérêt tout spécial ce sera pour moi de me faire traduire l'Article que vous me consacrez.

Je vous serre affectueusement la main. Vôtre, RG

Notre ami Volochine part cette semaine pour Pétersbourg, et Moscou ensuite[7]. Il vous dira mes compliments, ainsi qu'à M. Balmont[8].

P. S. Si l'autographe était *trop long pour la page*, vous supprimeriez *les titres*, en les mettant à côté, en *caractères d'imprimerie*[9].

Vous laisseriez seulement, de mon écriture, le titre *Temps préhistoriques*...[10] Merci!

19. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Воскресенье, 18 декабря 1904 г.

Дорогой поэт и прекрасный друг!

Пожалуйста, не просите прощения за то, что огромная работа над статьей еще не закончена! Вы смело приступили к делу, но, честно говоря, я полагал, что за столь короткое время Вы не справитесь. И не стоит воспринимать это как опоздание — статьи никогда не рождаются быстро. Здесь, в Париже, сейчас выходят первые, а в «Меркюр де Франс» меня предупредили, что рецензия, возможно, появится не раньше, чем в следующем месяце[1]. Бесконечно благодарю Вас за все Ваши усилия, за труд и трогательную заботу.

Очень мило с Вашей стороны, что Вы намереваетесь поместить в тексте статьи виньетку из «Пантума Пантумов», действительно очень красивую, а также мое имя, написанное буквами *яванского алфавита (не малайскими*, так как в малай-

ском используется арабская вязь, а с недавнего времени — просто наши *латинские буквы*). Первоначально по-малайски писали тоже яванским шрифтом, происходящим от индийского. И еще портреты! Вы слишком добры ко мне! Все будет художественно и живописно благодаря Вашей заботе[2].

Высылаю Вам переписанные от руки стихи из моего последнего сборника, который я сейчас готовлю к печати (из второго тома «Кровли человечества»). У меня было слишком мало времени, чтобы подготовить значимый фрагмент, и я решил тоже выбрать *живописный* отрывок: прелюдию с ее танцами под дикарский тамтам в период затишья после кровопролития и каждодневных занятий... [3]

(Разумеется (сообщаю это в ответ на Вашу короткую реплику[4]), издание этих стихов не должно быть представлено к оплате в счет моих гонораров. Я счастлив подарить их «Весам» в знак дружбы и со всей своей благодарностью!)[5]

Получили ли Вы мой отзыв о книге г-жи Мендес? Ее *женственная* искренность мне очень понравилась. Я отправил ей копию рецензии и сегодня утром получил крайне любезный ответ, в котором она благодарит меня и пишет, что «и она, и ее муж были очень тронуты рецензией»[6].

Не могли бы Вы, *если это, конечно, не нарушает композиции номера*, опубликовать этот отзыв *в следующем номере до публикации* отзыва о книге г-жи Доге?

Еще раз спасибо, и знайте, что я бесконечно тронут Вашим дружеским отношением. С каким необычайным интересом я отдам на перевод Вашу статью, посвященную мне! [7]

Сердечно жму Вашу руку. Ваш Р. Г.

Наш друг Волошин уезжает на этой неделе сначала в Петербург, а затем в Москву[8]. Он передаст Вам и Бальмонту от меня поклон[9].

P. S. Если рукопись *слишком длинна и не помещается на журнальной странице*, снимите *заголовки* и поместите их на полях, набрав *типографским шрифтом*[10].

Моим почерком оставьте лишь заголовок «Доисторические времена»...[11] Спасибо!

---

[1] Слова Гиля заставляют предположить, что он надеялся на публикацию рецензии на новое издание своего трактата в журнале «Mercure de France». Тем не менее, даже если наша догадка верна, мы не обладаем никакими дополнительными сведениями об этой несостоявшейся публикации.

[2] Как и планировал Брюсов, его очерк о Гиле (см. примечание 3 к письму № 13) был богато иллюстрирован: рядом с заглавием была помещена фотография Гиля, затем, как мы уже писали, его портрет с подписью «Рензэ Гиль в 1887 г.» и через несколько страниц — «Подпись Ренэ Гиля по-явайски». Заканчивался очерк виньеткой из «Пантума пантумов».

[3] Автограф стихотворения был воспроизведен в тексте статьи (Весы. 1904. № 12. С. 25).

[4] Записка Брюсова, упоминаемая Гилем, вероятно, утрачена.

[5] Отношение Гиля к гонорарному вопросу отличалось некоторой стыдливостью. В записке к А. В. Гольштейн он в этот период писал:

«Воскресенье, 6 нояб[ря 1904 г.]

Уважаемая г-жа!

Очень коротко (поскольку вчера Вы с г-жой Гиль возбужденно поднимали финансовые вопросы) и лишь для того, чтобы уведомить Вас, что сегодня утром я получил из

Москвы чек от журнала “Весы”, выданный на “Кредитно-учетный банк” (В связи с этим я начинаю испытывать обостренные чувства по отношению к собственной персоне...).

Поскольку Ван Бевер, вероятно, получил такой же чек, Вам не стоит больше терзать по этому поводу нашего бедного Волошина...

А теперь я радуюсь встрече, которую Вы с г-жой Гиль назначили на вечер ближайшего четверга. Думаю, Вам стоит предупредить об этом Волошина...»

[Dimanche, 6 Nov <embre 1904>

Chère Madame,

Ce petit mot, puisque hier, avec Mme Ghil, vous agitiez sur des questions financières! pour vous avertir que ce matin je reçois de Moscou un chèque de la Revue *la Balance* sur le Comptoir d'Escompte (J'en prends un sentiment très vif de ma personnalité...)

Comme Van Bever a dû recevoir pareille chose, vous n'avez pas ainsi à tourmenter notre pauvre Volochine.

Et maintenant, je me réjouie de rendez-vous pris avec Mme Ghil pour ce jeudi-soir. Vous devez, je crois, en prévenir Volochine...» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 232.)].

[6] В своей рецензии на сборник «Чары» («Les Charmes», 1904) Джейн Катюль-Мендес Гиль не пожалел проникновенных слов, отметив, что «эта книга, эта поэма любви, в которой звучит стыдливая и страстная жалоба голубки» (Весы. 1905. № 2. С. 43), напомнила ему «о искренней, о пламенной, о страдальной Марселине Дебор-Вальмор» (Там же); «ее стихи, — писал он ниже, — кажутся мне искренними, и следовательно правыми, именно в своей простоте, почти классической, с ритмами как бы пламенной и глухой мелопеи, взволнованной глубокими радостями и тайными отчаяньями поэта. Эти стихи словно шепчут воспаленные страстью уста, из которых уже не вырывается крика, но огненное дыхание которых обжигает и опьяняет возлюбленного. Книга г-жи Мендес — книга истинного поэта и книга женщины, искренно и смело женщины! Книга влюбленной, отдавшей всю свою душу и экстатически счастливой этим даром!» (Там же). Заключал рецензию торжественный аккорд, звучащий в оригинале следующим образом: «Le livre est dédié “à Catulle Mendès”, digne de lui, digne de mémoire suavement émue» [«Книга посвящена “Катюлю Мендесу”, она достойна его, достойна нежно потревоженного воспоминания» (Фонд Гиля во Французской национальной библиотеке. Без нумерации)]. Из-за неточности, допущенной при переводе рецензии на русский язык, опубликованный в «Весах», текст призывал почтить память *покойного* мужа поэтессы: «Книга посвящена Катюллю Мендесу, и действительно достойна его, достойна его памяти» (С. 45).

С Джейн Катюль-Мендес Брюсов познакомился в Биаррице во время своего путешествия по Франции летом 1908 г. (Дневники. С. 140).

В 1909 г. Катюль Мендес трагически погиб при остановке поезда в железнодорожном туннеле: в полусонном состоянии он вышел из вагона на пути, приняв огни встречного локомотива за освещенный вокзал.

Гиль считал дарование Катюля Мендеса незначительным, причисляя его к числу «тех, которые не сумели сохранить души поэта» (Весы. 1909. № 1. С. 96). Катюль Мендес, в свою очередь, считал, что «в теориях Рене Гиля нет недостатка ни в громадности, ни в таинственности» и это ему «бесконечно нравилось» [«Les théories de M. René Ghil ne manquent ni d'énormité, ni de mystère; c'est de quoi me plaire infiniment» (Mendès Catulle. Le mouvement poétique français. P., 1903. P. 168)]. Что же касается поэтического творчества Гиля, то оно, по мнению этого критика, «поражает прежде всего темнотой мысли, темнотой, как представляется, намеренной, и еще более — жестким ритмом и грубыми столкновениями слов, либо редких, либо поставленных в малоупотребительном значении» [«elle choque d'abord par l'obscurité, qui semble faite exprès, de l'idée, et par les rudes heurts, dans des rythmes durs, des mots rares ou pris en des acceptions peu usitées» (Там же)]. Удачными у Гиля К. Мендес считал не громоздкие поэмы, а отдельные строки, искренние и «призем-

ленные», и призывал его обрести возвышенное в реальном. О контексте взаимоотношений этих двух поэтов см. также анекдоты Гиля о Катюле Мендесе, изложенные Волошиным (*Волошин М.* История моей души. М., 1999. С. 199).

[7] 15/29 декабря 1904 г. Волошин находился уже в Петербурге, а 21 декабря приехал в Москву, где встречался с Брюсовым.

[8] До 27 декабря 1904 г. К. Бальмонт оставался в Москве, откуда выехал в Мексику, о чем сообщали «Весы» в разделе «Мелочи» (1905. № 1. С. 81).

[9] Публикация факсимиле сопровождалось следующей подписью: «Автограф неизданных стихов Рене Гиля из готовящейся к печати II части “Toit des Hommes”» (Весы. 1904. № 12. С. 24).

[10] Эта просьба Гиля была выполнена. Название указанного стихотворения было также воспроизведено в рукописном виде. Автограф стихотворения сохранился в фонде Брюсова (РГБ. Ф. 386, карт. 56. Ед. хр. 12. Л. 3).

20. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 2 Janvier 1905

Bien cher Poète et ami,

Bien que ne concordent pas les dates, mais parce que s'accordent si sympathiquement nos sentiments et nos espoirs, — permettez-moi de vous adresser, à la Française, mes souhaits de nouvel an, mes voeux les meilleurs. Que cette année affermisse encore la force de votre oeuvre nouvelle, son pur succès.

Je formerai aussi des voeux pour cette revue qui m'est chère, votre *Balance*, dont la portée d'art est grande et nécessaire, et qui, malgré les événements contraires, s'est imposée. Enfin, je veux souhaiter la fin de cette guerre terrible et héroïque, parce que le sang qui coule est de la pensée qui se perd, et qu'elle se doit garder toute pour les grandes destinées de votre pays, oriental et occidental, qui peut être de double puissance, de synthétique puissance...

Je voudrais vous prier de dire tous mes voeux à M. Balmont, et faites agréer mes hommages et le souvenir de Mme Ghil à Madame Balmont que nous connûmes à Paris[1]. Voudrez-vous aussi présenter mes souhaits et mes compliments à M. Poljakoff.

— Je ne sais s'il est quelque chose de changé quant à l'envoi des honoraires? Je crois que notre ami Volochine m'avait dit qu'on devait faire parvenir cela autrement.

Je vous avertis toujours que je n'ai pas reçu les honoraires des deux derniers Nos (les Nos d'Octobre et Novembre, 10 et 11). Si vous le voulez bien, voudrez-vous y songer? bien amicalement, ce me ferait plaisir, car, ces jours-ci, il faut penser aux cadeaux des petits neveux et nièces, filleuls et filleules! Merci d'avance, et excusez-moi!...[2]

— Vous avez dû recevoir tous mes envois derniers: la page autographe[3] et le compte-rendu du livre de M. Bonnamour[4]. Je me réjouis de lire, c'est-à-dire de m'entendre traduire, votre Etude sur mon livre[5], Etude et avis auxquels j'attache un très grand prix, — et dont encore je vous remercie! comme je remercie la *Balance* de cette preuve de sympathie.

Croyez-moi bien votre ami, et que cette année passée me fut bonne par votre connaissance et l'amitié qui s'est liée entre nous.

René Ghil

Peut-être notre ami Volochine est-il maintenant parmi vous[6]. Faites-lui mes amitiés et mes souhaits, je vous prie.

20. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 2 января 1905 г.

Дорогой Поэт и друг!

Пусть не совпадают наши календари, но зато совпадают наши надежды, чувства и симпатии. Позвольте мне поздравить Вас с Новым Годом по французскому исчислению и пожелать Вам всего самого наилучшего. Пусть в наступившем году еще тверже укрепится мощь Вашего новаторского творчества и его неподдельный успех.

Я обращаюсь с пожеланиями также к дорогому мне журналу «Весы», важность которого для искусства велика и необходима и который утвердил свое влияние вопреки противоборству обстоятельств. И, наконец, я хочу пожелать окончания этой страшной, героической войны, поскольку с проливаемой кровью утрачивается мысль, а ведь она должна сохраниться в целости для великих судеб вашей страны, сочетающей в себе и восток, и запад, которые дают ей двойную силу, силу синтетическую...

Я хотел бы попросить Вас передать мои наилучшие пожелания Бальмонту, а также поклон от моей супруги г-же Бальмонт, с которой мы познакомились в Париже[1]. Передайте, пожалуйста, мои поздравления и пожелания г-ну Полякову.

Не знаю, изменилось ли что-либо в процедуре отправки моих гонораров? Наш друг Волошин сказал мне, что они будут теперь, кажется, переводиться иначе.

Сообщаю Вам, что я до сих пор не получил оплату за два последних номера (октябрьский и ноябрьский, №№ 10 и 11). Очень прошу Вас по-дружески позаботиться об этом, что было бы с Вашей стороны крайне любезно, ибо в ближайшие дни мне придется делать подарки маленьким племянникам и племянницам, крестникам и крестницам! Заранее благодарю Вас и простите меня за это!..[2]

Вы, должно быть, уже получили все отправленное мною в последнее время — рукописную страницу[3] и рецензию на книгу Бонамура[4]. Я заранее предвкушаю удовольствие, когда буду читать или, вернее, слушать, как мне будут переводить Ваш очерк о моей книге[5], очерк, которому я придаю огромное значение. Еще раз спасибо Вам за него и бесконечное спасибо «Весам» за подобное свидетельство благорасположения!

Примите уверения в моей к Вам дружбе и знайте, что я считаю прошедший год для себя удачным благодаря знакомству с Вами и завязавшейся между нами дружбе.

Рене Гиль

Быть может, наш друг Волошин сейчас среди вас[6]. Передайте ему, пожалуйста, мои поздравления и дружеские пожелания.

---

[1] Речь идет о второй жене К. Бальмонта Екатерине Алексеевне (урожд. Андреевой, 1867—1950).

[2] Волнения Гиля по поводу гонораров оказались совершенно напрасными, о чем он пишет уже в следующем письме.

[3] См. примечание 3 к предыдущему письму (№ 19).

[4] Рецензия на «восторженный, пламенный роман» Жоржа Бонамура (см. о нем примечание 2 к письму № 15) была опубликована в № 1 «Весов» за 1905 г. В своей чрезвычайно хвалебной, многословной рецензии Гиль подчеркнул, что ему «пришлось ознакомиться» с романом «в рукописи и когда еще автор таил от меня свое намерение — подарить свою книгу мне, что и было им исполнено в красивых и певучих строках посвящения. Этот подарок я считаю за честь себе, потому что он связывает мое имя с истинно прекрасными страницами, и он бесконечно трогает меня, как свидетельство долгой и прочной дружбы и как напоминание о прошлом. О страстном и непримиримом прошлом, когда рука с рукой боролись мы за новое понимание искусства, за новые поэтические кругозоры, казавшиеся нам необходимыми и плодотворными!» (С. 57—58).

Через несколько месяцев Брюсов откликнулся короткой заметкой на следующий роман писателя «К другому» («Vers l'autre», 1905), отметив, что в нем «есть настоящая сатиричность в изображении современного буржуазного общества» (Весы. 1905. № 8. С. 65).

[5] Как мы указывали ранее, очерк Брюсова о Гиле был приурочен к выходу трактата «По методу — к Творению».

[6] До 9 января 1905 г. Волошин находился в Москве, после чего выехал в Петербург.

21. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 3 Janvier 1905

Cher Poète et ami,

Hier, je vous écrivis pour vous envoyer mes voeux, et mes souhaits à la *Balance*. Et, par occasion, je vous disais n'avoir pas reçu les honoraires des *Nos 10 et 11*. Je m'empresse de vous avertir que, ce matin, j'ai, pour ces deux Nos, reçu le *chèque de 200 fr.* dont merci.

— Et merci des souhaits que vous m'exprimez, et que je renouvelle pour vous, comme je renouvelle mes remerciements du travail que vous vous êtes imposé sur mon livre! Je suis très sensible à cette preuve amicale... je suis content que les vers vous aient plu, et à vos amis[1]. A bientôt. La meilleure poignée de main, de vôtre,

René Ghil

21. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 3 января 1905 г.

Дорогой друг и поэт!

Я послал Вам вчера письмо с поздравлениями и пожеланиями «Весам».

Пользуясь случаем, я сообщил Вам, что не получил гонораров за *№№ 10 и 11.*

Спешу уведомить Вас, что сегодня утром я получил *чек на 200 франков* за эти два номера, за что Вас благодарю.

Благодарю Вас также за высказанные Вами поздравления и пожелания и повторяю свои, еще раз выражая признательность за тот труд, который Вы возложили на себя при написании статьи о моей книге! Я очень чувствителен к подобным проявлениям дружбы... Я рад, что стихи понравились Вам и Вашим друзьям[1]. До скорого. С самыми лучшими чувствами жму Вашу руку.

Рене Гиль.

---

[1] Письмо, в котором Брюсов высказывал бы похвалу стихотворениям Гиля, нам неизвестно, как неизвестны и литераторы, с которыми он делился своей оценкой.

22. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 16 bis rue Lauriston. 17 Janvier 1905

Bien cher Poète et Ami,

J'espérais vous écrire en sachant ce qu'exprimait la longue Etude que vous m'avez fait l'honneur de me consacrer. Mais, dans quelques jours seulement, je pourrai me la faire traduire par une personne qui me rendra toute votre pensée.

Cependant je ne veux, je ne puis attendre, pour vous dire combien je suis touché de cette manifestation si importante de votre sympathie. Je vous en envoie toute mon émotion amie, déjà — en même temps que je suis ravi des «illustrations» encadrées si heureusement, avec tant d'art, au cours de votre Etude[1]. C'est exquis et parfait.

En attendant de vous remercier quand je vous aurai lu, — voulez-vous agréer maintenant cette première joie.

— Je vous enverrai sous peu les comptes-rendus des livres de M. Philéas Lebesgue *Au delà des Grammaires* qui intéresse fort la Poésie, — De M. Marinetti *Destruction* (Messein, édit.), — de M. Albert Reggis *La Sonate des heures* (Perrin et Cie édit). De M. P. Massoni *Les minutes divines*[2].

Et ma *5ème Lettre,* — qui fermera l'Etude des tendances actuelles, avec transition pour entreprendre l'historique et la psychique du Mouvement antérieur[3]. (Cependant,

comme une vitalité actuelle s'annonce, selon certaines tendances qu'ont dites mes notes synthétiques sur 1904, — quand il sera nécessaire je vous enverrai à part des Notes sur des faits poétiques *saillants*, — afin que nous soyons tout à fait au courant [ )].

Deux Revues sont en formation (dont je parlerai) une (avec Paul Fort comme rédacteur en chef), qui, sous le programme *vaste et vague* «d'art lyrique», a projet de réunir les personnalités marquantes du *Mouvement antérieur*, sans distinction d'Ecoles, — puisque tous ont été sollicités, depuis de Régnier jusqu'à moi. J'ai, en effet, accepté d'y écrire parfois, car tout art *est lyrique*, et j'ai trouvé charmant de me retrouver ainsi avec ceux que j'ai combattus. Cette Revue doit paraître sous peu, je crois[4].

La seconde est celle que je souhaitais en mes mêmes notes sur l'année 1904. Le groupement que j'ai dit, qui semble aussi s'accroître de nouveau (et de quelques-uns de ma propre génération), jeunes hommes de 25 à 32 et 33 ans, sera un groupe de «poètes-philosophes», partant de mes données d'art et de philosophie. J'aurais désiré qu'ils fussent seuls, avec seulement toute ma sympathie, — mais je crois que je serai presque obligé d'être *effectivement* parmi eux et mener avec eux le combat nouveau.

La Revue sera de grosseur modeste, pour commencer, car l'on n'est pas riches! — mais cela importe peu. Il y a là, c'est le principal, une vraie force collective, artiste, fière, de pensée, de caractère (Elle paraîtrait dans un mois)[5].

Voilà, mon cher ami, les nouvelles qui sont bonnes. Je crois que nous allons revivre — et marcher d'un pas en avant, encore!

A bientôt, — pour de nouveaux remerciements. Et encore merci, dès maintenant.

Bien votre ami,

René Ghil

22. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 17 января 1905 г.

Дорогой Друг и Поэт!

Я надеялся написать Вам после того, как мне станет известным содержание пространной статьи, которую Вы, оказав мне честь, посвятили моему творчеству. Статью эту, однако, мне переведут только через несколько дней, и сделано это будет человеком, способным в полной мере передать Вашу мысль.

Но я не хочу, не могу ждать и готов уже сейчас высказать Вам, насколько я тронут столь значительным проявлением Вашей благожелательности. Я хочу сейчас же выразить всю полноту дружеского чувства и одновременно отметить радость по поводу «иллюстраций», так удачно, с таким искусством помещенных в тексте Вашего этюда[1]. Это сделано утонченно и безупречно.

А сейчас, в предвкушении момента, когда я смогу отблагодарить Вас после прочтения статьи, примите от меня выражение этой первой радости.

В ближайшее время я вышлю Вам отзывы о следующих книгах: Филиас Лебеск «За пределами грамматики», крайне интересной для поэзии, Маринетти «Разру-

шение» (изд. «Мессен»), Альбер Регис «Соната часов» («Перрен и К°»), П. Массони «Божественные минуты»[2].

Затем последует мое *пятое письмо*, завершающее исследование современных тенденций и перекидывающее мост к историческому очерку и психологическим аспектам предшествующего движения[3]. (Тем временем, судя по некоторым тенденциям, в сегодняшней литературе намечается некоторое оживление, отмеченное мною в синтетических заметках о 1904 годе, в связи с чем я буду по мере необходимости посылать Вам заметки о *значимых* поэтических событиях, дабы мы постоянно были в курсе происходящего.)

В настоящее время создаются два журнала (о чем я напишу), первый (с Полем Фором в качестве главного редактора) выступает с *широкой, расплывчатой* программой «лирического искусства» и ставит своей целью объединить видных представителей *предшествующего Движения* без различия школ, ибо редакция обратилась ко всем — от Ренье до меня. Я действительно согласился писать туда иногда, поскольку любое искусство *лирично*, и я нахожу нечто очаровательное в том, что вновь оказываюсь среди тех, против кого сражался. Этот Журнал, как мне кажется, появится в ближайшее время[4].

Надежду на издание второго журнала я выражал в тех же заметках о 1904 годе. Названная мною группа, похоже, претерпевает новый численный рост (за счет представителей моего поколения, но в основном за счет молодых людей от 25 до 32-33 лет) и объединяет «поэтов-философов», отталкивающихся от моих представлений об искусстве и философии. Я бы предпочел, чтобы они работали самостоятельно, поддерживаемые единственно моим сочувствием, но думаю, что буду почти обязан *на деле* быть среди них и вести с ними вместе новую битву.

Журнал будет для начала скромного объема, так как мы люди не богатые! Но это не имеет большого значения. Важно, что в нем присутствует подлинная сила коллектива, сила художественная, гордая, сила мысли и характера (первый номер выйдет через месяц)[5].

Вот, мой дорогой друг, и все новости, новости хорошие. Думаю, мы возродимся и еще сделаем шаг вперед!

До скорого, до новых благодарностей с моей стороны. И еще раз спасибо уже сейчас.

Ваш подлинный друг,

Рене Гиль.

---

[1] См. примечание 2 к письму № 19.

[2] Ни одна из названных рецензий в журнале опубликована не была. О направлении, которое должен был в этот период принять «французский» отдел «Весов», нам известно из письма М. Н. Семенова к Брюсову, отосланного из Парижа 23 ноября / 6 декабря 1904 г.:

«*Пора делать объявления* о подписке на 1905 год. В этих объявлениях необходимо печатать предполагаемое содержание книжек 1905 года.

Мы наметили здесь следующие статьи:

Ван Бевер. Жюль Ренар.

М. Волошин. Марсель Швоб.

М. Семенов. Станислав Пшибышевский.

М. Волошин. “Перламутровая раковина”.

Рене Гиль. О Лафорге» (ЛН 1994. С. 354).

Планы, намеченные М. Н. Семеновым, также не были реализованы.

[3] Как указывалось выше, пятая статья Гиля из цикла «Письма о французской поэзии», посвященная Танкреду де Визану, была опубликована в № 3 за 1905 г. См. об этом примечание 10 к письму № 16.

[4] Речь идет о журнале «Vers et Prose», создание которого явилось одним из самых значительных литературных событий 1905 г. Основатель журнала Поль Фор ставил своей целью восстановить позиции символизма, считая, что вне этого течения за прошедшие два десятилетия не было написано ничего стоящего. Редакция «Весов» стала подписчицей журнала с 1906 г. В Царском Селе его получали И. Анненский и А. Бородина; из русских, живущих в Париже, — Е. Кругликова и Д. Философов. С 1906 по 1910 г. в списке подписчиков журнала числится С. Маковский. В этот период Гиль в «Vers et Prose» не печатался. Его отдельные работы появились здесь значительно позднее, вероятно, по инициативе А.Мерсеро, вошедшего в руководство журнала (об А. Мерсеро см. примечание 7 к письму № 33). Тогда здесь был напечатан отрывок из первого тома книги Гиля «Образы мира», озаглавленный «Деревни на воде» (Les Villages des Eaux // 1912. Tome 28, janvier-février-mars), и рецензия на сборник Карлоса Ларронда (Carlos Larronde) «Часослов» («Le Livres d’Heures»): «По поводу недавно вышедшей книги» (Au sujet d’un livre récent // 1913. Tome 35, octobre-novembre-décembre).

В одном из своих «Писем о французской поэзии» Гиль так охарактеризовал этот орган: «“Vers et Prose”, — новый журнал, 1 № которого появился в марте этого года, скорее антология, чем “журнал” в настоящем смысле слова. К тому же он и выходит всего четыре раза в год. Но ряд выдающихся писателей, которых этот журнал считает в числе своих деятельных сотрудников, придает ему резко отличную физиономию и выдающееся значение. Под редакторством Поля Фора и под высоким покровительством такого поэта, как Фр. Вьеле-Гриффин, здесь объединилось большинство “символистов”, примкнувших к формуле “защита и разработка высших форм литературы и лиризма в стихах и прозе”. Коротенькое и изящное предисловие Вьеле-Гриффина и блестящая статья Робера де-Суза, исполненная иронии, направленной против реакционеров в литературе, показывают, что “символистическая школа”, поскольку ее еще можно рассматривать как целое, продолжает упорно занимать свои прежние позиции» (Весы. 1905. №. 7. С. 27).

Год спустя, в связи с выходом шестого тома «Vers et Prose» за июнь–август 1906 г., неназванный хроникер «Весов» сообщал: «В этом издании, выходящем четыре раза в год, вновь сгруппировались все уцелевшие деятели “символического движения” конца 80-х и начала 90-х годов. В идейном отношении журнал дает мало нового, так как упорно отстаивает принципы, неполнота и “неокончательность” которых уже выяснились. Но в числе его сотрудников все же оказываются лучшие мастера французского стиха и прозы. Правда, их новые произведения часто только повторяют или развивают их счастливые создания прошлого, но они умеют оставаться по крайней мере на высоте этого прошлого. Характерно, что истинное значение и живой интерес сборникам “Vers et Prose” придают именно страницы поэтов старшего поколения: Э. Верхарна, Ф. Вьеле-Гриффина, А. де-Ренье, Ж. К. Гейсманса, Ш. ван Лерберга, Ст. Мерриля, А. Ретте, Лор. Тальяда, Ж. Мореаса, М. Барреса, П. Адана, А. Жида, С. П. Ру... Все “молодые силы”, примыкающие к этой группе, решительно не возбуждают внимания» (В газетах и журналах // Весы. 1906. № 8. С. 76).

Суждения Брюсова о «Vers et Prose» в наиболее полной форме выражены в его заметке 1913 г., посвященной выходу первого (апрельского) номера нового журнала «Vie des Lettres»: «За последние годы, однако, было сделано во Франции несколько попыток создать иной тип журнала, по размерам и по внешности сходного с “солидными” ежемесячниками,

но чисто литературного. Едва ли не первой такой попыткой был существующий поныне журнал *Vers et Prose*, издающийся под редакцией нынешнего “короля поэтов” Поля Фора и (с недавнего времени) А. Мерсеро. Журнал первоначально ставил себе задачей “вновь собрать разрозненную фалангу символистов”; позднее под влиянием А. Мерсеро он стал давать больше места и молодым, но лишь из определенной группы писателей. В журнале печатались и печатаются прекрасные вещи Верхарна, Вьеле-Гриффина, Тайада, Сен-Поль-Ру, бывших “аббеистов”» (Русская мысль. 1913. № 7. Отд. III. С. 23. Левая колонка. Подпись: Аврелий). Тем не менее, как мы писали в предисловии к публикуемой корреспонденции, состав авторов журнала Брюсова не устраивал.

[5] В «Синтетических заметках о поэтическом творчестве 1904 г.», говоря о «поэтах, группировавшихся вокруг Nouvelle Revue Moderne», 11 номеров которого вышли в 1902 г., Гиль восклицал: «И вот (многозначительное известие!) только что стало известно, что эта маленькая группа решила выбрать для своего журнала новое название, которое вполне выражало бы основное стремление этого кружка: “La Vie”» (Весы. 1904. № 12. С. 50).

Журнал с таким названием в 1905 г. не издавался. В своем письме Гиль, по всей видимости, имеет в виду предварительные переговоры, завершившиеся изданием журнала «Ecrits pour l’art» (см. примечание 6 к письму № 23).

23. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 17 Février 1905

Cher Poète et ami,

Avec tous mes remerciements de votre bonne et affectueuse lettre[1], — voici *l'Etude V*, — concernant le livre et la personnalité de M. de Visan; et, par lui[2], quelques mots sur les deux Revues paraissant (dont je vous parlais déjà)[3], voici terminé l’exposé des tendances *actuelles*. J’ai déjà eu occasion, en cet article, d’entrer un peu dans une discussion préliminaire des formules «symbolistes»[4].

La prochaine lettre sera donc du *mouvement antérieur*. Et, comme il sied, commencera par un «historique». Etablir les origines, les courants, ce qui n’a jamais été fait, et c’est pourquoi l’on a dit tant de sottises![5] —

— Voici ce que M. Volochine m’a dit de votre part, pour ma part de collaboration cette année: *4 Lettres, de chacune 16 pages de la Revue*. (J’ai calculé celle-ci pour cette contenance de 16 pages).

Plus, *chaque mois, 2 pages* de comptes-rendus. Je recommencerai donc à les faire plus succincts, afin d’être cependant très au courant, ou vous signaler les bonnes choses en Poésie. — Je donnerai, chaque mois.

C’est bien cela, n’est-ce pas? Vous me confirmerez, quand vous me ferez le nouveau plaisir de m’écrire. — Vous allez voir, en lisant mon article, que le Groupement formé, nombreux et solide, sur le fond de mes théories, m’a demandé de reprendre, comme la Revue, mes anciens *Ecrits pour l’Art*. Ils reparaîtront donc, avec eux, le 15 mars[6].

Or, le Rédacteur en chef, M. Jean Royère, sollicite de vous la faveur d’inscrire votre nom comme correspondant Russe, puis M. Max Volochine[7]. Je joins ma prière à

la sienne. — Il serait reconnaissant, parfois de notes sur le mouvement Russe, poétique surtout, et surtout sur le vôtre. Ainsi, que nous parlions des origines, des idées, du but du mouvement de la *Balance*. (Et M. Volochine compléterait, en ce qui vous concerne *personnellement*, pour dire votre influence prépondérante en ce mouvement, à côté de M. Balmont). Voudrez-vous en dire, non pour ce No. (où il n'y aura pas de Rubrique), mais pour celui d'Avril?

Si vous voulez bien accepter de lui faire ce plaisir et cet honneur, M. Royère me dira à quel moment il attendrait de vous cette si intéressante chose[8].

— Je n'ai pas encore la traduction de votre article sur moi! Excusez-moi, et aussi vos compatriotes ici, que je ne veux tourmenter davantage, leur esprit rempli des choses grandes et terribles de Russie![9] Mais j'espère que ce sera bientôt cependant que je saurai. Je sais du moins, par Volochine, que c'est un bel article, très étudié, très important. Et merci infiniment, encore!

Je vous serre affectueusement la main, Vôtre, René Ghil

23. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 17 февраля 1905 г.

Дорогой друг и Поэт!

Вместе со словами благодарности за Ваше доброе, теплое письмо[1] посылаю Вам *пятый этюд* о книге и личности де Визана[2], а также несколько слов о выходе первых номеров двух журналов (о которых я Вам уже писал)[3]. Этим заканчивается отчет о *современных* тенденциях. В предлагаемой статье я уже пользуюсь возможностью начать предварительное обсуждение «символистских» формул[4].

Следующее письмо будет, таким образом, посвящено *движению предшествующему*. Как положено, оно начнется с изложения хронологии событий. Необходимо установить истоки и тенденции, что до сих пор никем не делалось, отчего на этот предмет было сказано столько глупостей![5]

Относительно моего сотрудничества в текущем году Волошин передал мне от Вашего имени следующее: *4 письма, каждое по 16 журнальных страниц* (я включил посылаемое письмо в 16-ти страничный объем).

Помимо этого, *каждый месяц по 2 страницы* рецензий. Я снова начну писать их в очень сжатой форме, стремясь к наибольшей актуальности или указывая на лучшие поэтические достижения. Рецензии я буду давать каждый месяц.

Подтвердите мне, правильно ли я Вас понял, когда соблаговолите вновь написать мне письмо. Читая мою статью, Вы узнаете, что многочисленная, сплоченная группировка, сформировавшаяся на базе моих теорий, обратилась ко мне с просьбой возобновить мой давний журнал «Экри пур л'ар». Они выступят в журнале с таким названием 15 марта[6].

В связи с этим главный редактор журнала Жан Руайер просит Вас о чести упомянуть в нем Ваше имя в качестве корреспондента в России вместе с именем

Макса Волошина[7]. Присоединяюсь к его просьбе. Он был бы благодарен, если бы Вы время от времени посылали ему заметки о русской литературе, особенно о поэтическом движении и особенно о Вашем течении, дабы мы могли поговорить об истоках, идеях и целях движения, объединившегося вокруг «Весов». (Волошин мог бы дополнить материал в плане, касающемся Вас *лично*, обозначить Ваше выдающееся влияние на это движение наравне с влиянием Бальмонта). Не могли бы Вы написать об этом, но не для первого номера (который выйдет без рубрик), а для апрельского?

Если Вы готовы оказать Жану Руайеру эту честь и любезно примете его предложение, то он сообщит мне, когда ему понадобится столь интересный материал[8].

Я до сих пор не получил перевода Вашей статьи обо мне! Прошу у Вас прощения за себя и за Ваших соотечественников, живущих в Париже, которых я не хочу более терзать, зная, что их умы переполнены мыслями о великих и ужасных событиях в России![9] Но я надеюсь, что перевод скоро будет готов, и я скоро узнаю о его содержании. По крайней мере, я слышал от Волошина, что это прекрасная статья, очень проработанная и важная. Еще раз бесконечно благодарю Вас!

Тепло жму Вашу руку. Ваш Рене Гиль.

---

[1] Упомянутое письмо Брюсова нам неизвестно.

[2] См. примечание 3 к предыдущему письму (№ 22), а также примечание № 10 к письму № 16.

[3] См. примечания 4 и 5 к письму № 22.

[4] В своей статье о книге Танкреда де Визана «Интроспективные пейзажи» Гиль подверг критике воззрения на символизм, изложенные Гюставом Каном и Жаном Мореасом, указав, что «единственным создателем идеи Символа» является Стефан Малларме, но и для него изображение реальных предметов — «только предлог передать свое чувство, свою личную дрожь и возвести ее до последних вершин сознательности, где она становится утонченнейшей идеей. Малларме смело идет до концепции “идеи в себе”. Он мало работает синтезом и остается пышно аналитическим, он, — скажем, чтобы оправдать слова Реми де-Гурмона, — индивидуалист чистейшей воды. Он просто высказывается по поводу предметов, которые ему кажутся подходящими и интересными — высказывает мысли, сознанные раньше. Он внушает постепенно свою мысль и свое чувство, аналогиями и ассоциациями образов, очень тонко связанными один с другим. Такова истинная теория символизма» (Весы. 1905. № 3. С. 51). Конечным результатом применения такого метода Гиль считал стихотворение-ребус, стихотворение-шараду. Бесплодному, по его мнению, символизму Малларме он противопоставил творчество Верхарна, «который по внешней форме своих созданий первоначально находился под влиянием “словесной инструментовки”» и которого «почти нельзя назвать поэтом-символистом, хотя он поистине великий поэт Природы и Жизни» (С. 51—52). Вторым поэтом, переросшим, по словам Гиля, символизм, был Вьеле-Гриффен. Причем, если «Символизм Верхарна — это символизм самого бытия», то Вьеле-Гриффен «был первым расширившим понятие “Символизм”, которое для его творческой мощи оказалось слишком узким. Под его влиянием символизм перестал быть только индивидуализмом. Вьеле-Гриффин обобщил идеи, возвел Символ к его наиболее широкому значению, пользуясь для воплощения своей мысли образами античных мифов» (Там же).

[5] См. примечание 4 к письму № 27.

[6] «Ecrits pour l'art» — ежемесячный журнал с таким названием издавался в конце XIX в. Гилем и Гастоном Дюбеда, молодым поэтом, находившимся под влиянием инст-

рументальных теорий и умершим в возрасте 26 лет в 1890 г. Журнал публиковался двумя сериями: 6 номеров первой серии вышли в 1887 г.; из будущих известных поэтов в то время в нем сотрудничали Э. Верхарн, Анри де Ренье, Стюарт Мерриль, Ф. Вьеле-Гриффен и др. Вторая серия издавалась с ноября 1888 по декабрь 1892 г. при участии Анри де Ренье и Ф. Вьеле-Гриффена, а также большой группы поэтической молодежи, ничем впоследствии не прославившейся.

О начальном периоде деятельности журнала русская пресса сообщала следующее: «При все более увеличивающемся числе поэтов-декадентов, среди них образовался раскол, неминуемый в каждом литературном или другом движении. Наряду с серьезными адептами символизма, отстаивающими свои принципы в стихах и прозе в названных журналах, образовались издания в роде "Le Décadent" Анатоля Бажю, или, "Ecrits pour l"art", которые своим фокусничаньем в области непонятных звуков компрометировали школу Верлена и давали обильную пищу журналам и газетам для насмешек над новым направлением. Рене Гиль, редактор "Ecrits pour l"art", основал в своем журнале новую "инструментальную" поэзию, где каждый из цветов радуги уподоблялся какому-нибудь инструменту в оркестре и где в свою очередь каждая гласная являлась окрашенной в какой-нибудь цвет. Эту дикую теорию Гиль основывал на имевшем в свое время большую известность сонете Римбо "Voyelles". Этот сонет был написан Римбо в шутку, как говорит даже его панегирист Верлэн; но Гиль серьезно обсуждал в своем журнале неточности его "теории красок" в алфавите, которую он в общем признавал верной и на которой построена его "эволютиво-иинструментальная" школа. В интервью с Гюрэ, Гиль насчитывал 26 поэтов своей школы, но имена их столь же темны и так же мало имеют отношения к поэзии или литературе вообще, как и вся попытка Гиля создать инструментальную поэзию и как его совершенно непонятная поэма "Le Geste Ingénu". Когда Маллармэ темен, то это объясняется его желанием выразить наиболее целостно тонкие и глубокие мысли; Гиль непонятен помимо всяких высоких идей. Мечтая о создании нового искусства, он все сделал для того, чтобы скомпрометировать новую поэтическую школу» (*Венгерова З. А.* Поэты-символисты во Франции. Верлэн, Маллармэ, Римбо, Лафорг, Мореас // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 134—135).

В 1905 г. журнал был возобновлен под редакцией Жана Руайера, с которым Гиль решил встретиться лично после того, как 34-летний поэт прислал ему в 1904 г. свой второй сборник «Eurythmies» (предлагаемый нами вариант перевода — «Благозвучные ритмы»). Идея возрождения названия «Ecrits pour l'art» принадлежала Руайеру. В начале 1905 г. Гиль, после некоторых колебаний, дал согласие на публикацию журнала, поставив при этом условие, что Руайер возьмет на себя его руководство. Журнал просуществовал с 15 марта 1905 по 15 февраля 1906 г. Всего было выпущено 12 номеров. Несмотря на сотрудничество в новой серии целого ряда тогдашних последователей Гиля — Джона-Антуана Но, Робера Рандо, Садиа Леви (об этом авторе см. примечание 16 к письму № 71), поэтов «Аббатства» (о последних см. примечание 8 к письму № 35), — новый орган испытывал скорее влияние Малларме, чем «научной поэзии», и по существу создавал только иллюзию школы. Возникновение журнала было отмечено на страницах «Весов» следующей заметкой:

«Приняв название издания, проповедовавшего в свое время (1886—1892 гг.) идеи эволютивно-инструментальной школы, новый журнал, выходящий в Париже под общим редакторством Жана Ройэра, связывает свою группу с именем Ренэ Гиля. Действительно, взгляды редакции во многом близятся к взглядам автора, хорошо знакомым читателям "Весов" по его "Письмам" и заметкам о новых французских стихотворных сборниках. В своей "Декларации" молодая редакция заявляет: "Истинный поэт не станет отделять своего *я* ни от Жизни, которой он является органом, ни от Знания, с помощью которого сознание утверждает его и удерживает ему самому его место в мировой Иерархии... Преж-

де всего необходимо мыслить и познавать. Но всякая наука есть познание жизни, которая должна обнимать человека во всей его цельности. И останавливаться на простом познании неуместно для поэта, ибо опыт и анализ только разлагают, в постоянном ожидании синтеза... Через науку должно идти к вечным законам, исполненную всем богатством последовательных развитий, короче — к постижению вселенной силой индукции. Поэзия должна стать индуктивным познанием мира, выраженным в ритме". В вышедших первых двух №№ помещены статьи Ренэ Гиля, Ж. Ройара, Э. Баэса, прекрасные стихи Ж. А. Но, Танкреда де Визана, Гастона Морейлона и интересные страницы художественной прозы Садиа Леви и Забель Эссайан. Журнал дышит редким для французской периодической печати одушевлением, в его редакции чувствуется молодость и вера в свои силы» (В журналах и газетах // Весы. 1905. № 4. С. 69).

О программе журнала Гиль сообщал читателям «Весов» следующее: «Наконец "Ecrits pour l'art", бывшие моим личным журналом в период времени с 1887 по 1893 год, возобновились с марта 1905, после того, как я дал на то согласие группе писателей, обратившейся ко мне с такой просьбой. "Манифест" редакции этого журнала выражает идеи, глубоко согласные с защищаемой мною доктриной "эволютивно-инструментальной поэзии". По поводу возобновления этого журнала "Mercure de France" писал: "По-видимому, в самом деле, *что-то происходит новое.* Возобновились 'Ecrits pour l'art' под редакторством г. Жана Ройэра; первая статья, разумеется, принадлежит перу г Ренэ Гиля". А одна ежедневная газета писала: "Среди сотрудников 'Ecrits pour l'art' мы встречаем имена Ж. Антуана Но, получившего первую премию Гонкуров, Гастона Морейлона, Робера Рандо, Садиа Леви, Оливера (правильно: Оливье — *Р. Д.*) де ла Файэтта, Ф. Маринетти, Эдг. Баэса, пользующихся почетной известностью в бельгийских литературных кругах, затем г-жи Забель Эссайан, Эмиля Дантина... Все это люди, перешедшие 25 и даже 30 лет; у всех них есть выдающиеся произведения в прошлом... Все это убедительные доводы в пользу серьезности объединения их в отдельную группу"....» (Весы. 1905. № 7. С. 28).

[7] Имя Брюсова в качестве иностранного корреспондента «Ecrits pour l'art» было упомянуто в первом номере журнала, о чем Гиль сообщал ему в письме от 16 марта 1905 г. (№ 26).

[8] Эти планы редакции осуществлены не были.

[9] См. примечание 4 к письму № 25.

24. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 10 Mars 1905

Bien cher Poète et Ami,

Je ne vous écrirai qu'un mot, aujourd'hui, pour vous dire que j'ai maintenant la traduction de votre bel article sur moi. J'en suis enchanté, et vous en remercie de tout coeur! Mais je vous en parlerai *plus longuement*, très prochainement.

Je vais vous envoyer d'ici deux ou trois jours des comptes-rendus de volumes: Marinetti, Sébast[ien Charles] Leconte, Mme Lucie [Delarue]-Mardrus, — puis Moréas, etc...[1]

Mais, je vous prie, *aussitôt cette lettre reçue,* voudriez-vous avoir la bonté de m'écrire un mot, — me dire si vous avez bien reçu ma lettre d'il y a quinze jours environ, — et qui *contenait ma Lettre Vème* sur de Visan et de premiers aperçus du Symbolisme[2].

Je suis très inquiet de cela. J'espère cependant qu'elle a été reçue, — mais comme votre âme à tous, là-bas, doit être en tourment!

Je vous prie, écrivez-moi un mot pour me tirer d'inquiétude. — Et de tout coeur avec vous. Vôtre, René Ghil

P. S. Il n'a pas été envoyé de chèque pour honoraires, n'est-ce pas, par votre Administration? Je vous dis cela, car ici l'on dit que le service postal subit retard et irrégularité, — et c'est pourquoi j'ai peur pour ma lettre. Est-ce vrai?

24. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 10 марта 1905 г.

Дорогой друг и поэт!

Пишу Вам сегодня кратко, чтобы сообщить, что я получил перевод Вашей прекрасной статьи обо мне. Я очарован ею и благодарю Вас за нее от всего сердца! В ближайшее время я напишу Вам об этом *подробней*.

Дня через два-три я пошлю Вам рецензии на книги Маринетти, Себастьяна Шарля Леконта, Люси Деларю-Мардрюс, а позднее — Мореаса и др.[1]

Однако, *сразу по получении этого письма*, не могли бы Вы оказать мне любезность и сообщить, получили ли Вы мое письмо, отправленное приблизительно 15 дней тому назад? Я имею в виду пакет, *содержащий мое 5-е письмо* о де Визане, в котором я уже начал высказывать свои первые суждения о Символизме[2].

Я очень волнуюсь по этому поводу, хотя и надеюсь, что Вы его все-таки получили. Какие страдания, верно, терзают Вашу душу, душу всех вас там, в России!

Черкните мне, пожалуйста, пару слов, чтобы избавить меня от волнений. Всем сердцем с Вами, Ваш Рене Гиль.

P. S. Ваша администрация, похоже, не посылала мне чека в счет гонорара. Сообщаю Вам об этом, поскольку здесь говорят, что почтовые отправления идут нерегулярно, с запозданием, потому-то я и боюсь за свое письмо. Это действительно так?

---

[1] Имеются в виду следующие книги: Ф. Т. Маринетти «Разрушение» («Destruction», 1904), Себастьян Шарль Леконт «Кровь Медузы» («Le sang de Méduse», 1905), Люси Деларю-Мардрюс «Горизонты» («Les Horizons», 1905), Жан Мореас «Стансы» («Stances», 1905). Из всех названных сборников «Весы» опубликовали только отзыв о книге Себастьяна Шарля Леконта «Кровь Медузы» (см. примечание 3 к письму № 26), хотя, например, рецензия на книгу Маринетти была отправлена Гилем в Москву 15 марта 1905 г. По-французски отзыв о сборнике «Кровь Медузы» появился в значительно расширенном виде в № 2 журнала «Ecrits pour l'art» за 1905 г. (апрель) вместе с рецензией на сборник Люси Деларю-Мардрюс «Горизонты». (Позднее Брюсов опубликовал переводы стихов Л. Деларю-

Мардрюс («Французские лирики XIX века», 1909), а в 1912 г. написал короткое предисловие к русскому изданию ее романа «Исступленная», вышедшего в книгоиздательстве «Польза» в переводе Н. Петровской).

[2] См. примечания 8 и 10 к письму № 16.

25. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

[mars 1905]

Cher Maître,

Je vous remercie pour votre article sur Th[éodore] de V[isan]. Il paraîtra dans le No 2[1]. Dans le No 3 paraîtront vos deux comptes-rendus sur Mme Mendès et sur *le Vrai Rollinat*[2]. J'ai peur que notre ami commun, Max Volochine, ne vous ait pas rapporté tout à fait fidèlement les résultats de nos discussions. Rien n'est plus souhaitable pour nous que votre participation à *la Balance*. L'unique chose à laquelle nous nous voyons obligés de prêter attention est l'équilibre du matériel. *La Balance* est malgré tout une revue russe, et la littérature russe doit y figurer en première place. Ensuite, nous ne pouvons ignorer les autres littératures, particulièrement la littérature allemande, dans laquelle il y a actuellement des figures aussi importantes que George, Hofmannsthal, Rilke. Mais <illisible> nous vous demandons de continuer à écrire sur tout ce qui, dans le domaine de la poésie française, vous semble mériter une large attention, et d'écrire avec autant de détails que vous le jugez bon. Quant à nous, nous nous réservons le droit de répartir ce matériel dans les différents Nos de la revue[3].

Mon esprit est toujours aussi profondément accablé par ce qui se passe actuellement en Russie: la guerre, mais aussi les troubles intérieurs. L'îlot paisible et retiré de la poésie est complètement noyé sous la tempête politique et sociale. Vous êtes au courant, par les journaux, des assassinats terroristes à Moscou, des scènes sanglantes dans les villes du sud de la Russie[4], des nouveaux échecs de l'armée russe[5]. Pardonnez ma brièveté.

Cordialement vôtre,

25. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

март 1905 г.

Cher Maître

Благодарен Вам за Вашу статью о Теодоре де Визане[1]. Она назначена в № 3. Во 2 № вошли обе Ваши рецензии о мадам Mendès и о книге Le Vrai Rollinat[2]. Боюсь, что наш общий друг Макс Волошин не совсем точно передал Вам

результаты наших разговоров. Для нас нет ничего более желанного, как Ваше сотрудничество в Весах. Единственное, на что мы принуждены обращать внимание, это на равновесие материала. Весы все-таки русский журнал, и русская литература должна в нем стоять на первом месте. Затем мы не можем игнорировать и другие литературы, особенно немецкую, в которой в настоящее время есть такие значительные деятели как Георге, Гофмансталь, Рильке. Но [нрзб.] просим Вас писать по-прежнему о всем, что Вам кажется достойным широкого внимания в области французской поэзии, и писать столь подробно, как Вы это находите нужным. Мы же оставим за собой право распределять этот материал по номерам журнала[3].

По-прежнему я чувствую глубоко угнетенное состояние духа, под влиянием современных русских событий: как войны, так и внутренних неурядиц. Мирный и уединенный остров поэзии совершенно залит наводнением, поднятым политической и социальной бурей. Вы знаете из газет о террористических убийствах в Москве, о кровавых сценах в южных русских городах[4], о новых неудачах русской армии[5]. Простите же мне мою краткость.

Сердечно любящий Вас

Французское письмо отсутствует. Публикуемый французский текст представляет собой «обратный» перевод, выполненный Паскаль Мюллер. Датируется по содержанию, а также по письмам Брюсова к другим корреспондентам.

[1] См. примечание 4 к письму № 23.

[2] См. соответственно примечания 6 к письму № 19 и 5 к письму № 16.

[3] Весной 1905 г. по инициативе М. Н. Семенова редакция «Весов» приняла решение о превращении журнала из критико-библиографического в литературный, с беллетристическим отделом. Подробности разговоров Волошина о дальнейшем сотрудничестве Гиля в «Весах» нам неизвестны.

[4] Речь в письме Брюсова идет о событиях, предшествовавших началу Первой русской революции. 4 февраля 1905 г. в Кремле у Никольских ворот бомбой, брошенной в экипаж эсером И. П. Каляевым, был убит генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович. Тело великого князя разорвало на части. 6 февраля в Баку началась междоусобная резня между армянами и мусульманами. 18 февраля в Баку и Бакинской губернии было объявлено военное положение. В марте русские газеты ежедневно сообщали о зверствах в южных и других провинциях, публикуя корреспонденции следующего содержания (приведем несколько примеров): «Саратов. В селе Елани пьяная толпа крестьян, находясь под впечатлением проповеди местного духовенства “о крамоле и внутренних врагах”, напала на школу. Начался погром. Кроме учителя, толпа имела намерение расправиться с Земским врачом. [...] Одесса. В “Одесских новостях” опубликовано письмо солдата еврея, находящегося в рядах маньчжурской армии на Дальнем Востоке. Содержание — гонения на евреев в Киеве. Орел. Опубликовано объявление полицмейстера с опровержением слухов о готовящихся среди населения г. Орла насильственных действий против учащейся молодежи, которые якобы поддерживаются и поощряются чинами полиции. Екатеринослав. Приказ, изданный начальником губернии о строгом воспрещении уличных беспорядков. Царицын. Забастовки и беспорядки» (Новости и биржевая газета. 1905. № 53. 2/15 марта). «Эривань. Резня между армянами и мусульманами. Киев. Крестьянские беспорядки. Поджоги. Высланы войска для наведения порядка» (Там же. №

54. 3/16 марта). «Харьков. Обращение “Исполнительного комитета харьковского отделения тайной всероссийской организации русских рабочих”. По содержанию — погромные черносотенные призывы» (Там же. № 56. 5/18 марта). «Баку. Отголоски событий в Баку — кровавая бойня, армянский погром. Сбор средств в пользу пострадавших» (Там же. № 62. 11/24 марта). О влиянии первой русской революции на мировоззрение и творчество Брюсова см. в кн.: *Максимов Д.* Брюсов. Поэзия и позиция. Л., 1969. Гл. 3.

[5] В войне с Японией Россия терпела одно сокрушительное поражение за другим. 25 февраля 1905 г. русские войска после продолжительного кровопролитного сражения отступили от Мукдена к Телину, понеся громадные потери убитыми, ранеными и взятыми в плен.

26. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 16 Mars 1905

Bien cher Poète et ami,

Comme vous receviez ma lettre inquiète, je recevais ici votre lettre, et *le chèque de 100 frs* dont *je vous accuse réception.* Merci de ce soin![1]

Vous trouverez ici les comptes-rendus des livres de S[ébastien] C[harles] Leconte et de Marinetti[2]. — J'acquiesce absolument à votre manière très juste *d'ordonner* ma collaboration. C'est-à-dire que, comme par le passé, je vous envoie mes *Lettres*, — et les comptes-rendus des volumes de vers importants. Et vous faites passer à la Revue *à votre volonté*, volonté si amicale, — et de manière qu'il ne vous soit causé aucun encombrement.

Je préfère, en effet, pouvoir m'étendre un peu, de temps à autre, pour certains livres (par exemple celui-ci, de M. Leconte, dont la personnalité mérite d'être fixée véritablement, pour les lecteurs, — et peut-être pour lui-même en ses tendances hésitantes[3]. Pour d'autres, et pour des Jeunes à encourager, l'on peut être plus court, de beaucoup [ )].

Je vous donnerai ensuite, sur le livre de Mme Delarue-Mardrus (*Horizons*), d'une grande et sincère valeur de vie, sur celui de Moréas, que je n'ai encore[4]. Et les livres jeunes, de M. E. Lante, Prouvost, Roger Allard, qu'il sied de signaler[5].

— Vous aviez dû recevoir, quand vous viendra cette lettre, le 1er No. des *Ecrits pour l'Art*. Votre nom a été mis comme correspondant Russe, comme je vous en avais averti. Si vous vouliez envoyer sur votre mouvement poétique de la *Balance*, M. Royère, le Rédacteur en chef, en serait très heureux et flatté. Lui et tous ces poètes espèrent créer, avec vous et vos amis, des liens de solide amitié littéraire.

— Comme je vous le disais, en vous remerciant encore, j'ai eu la traduction entière de votre belle Etude sur moi. C'est parfait, d'amitié indulgente, d'abord, mais de compréhension, et très utilement fait pour que j'en profite auprès de vos Lecteurs.

Tout est très fidèle, — et j'ai beaucoup aimé le passage, de votre pensée, à propos de la Linguistique et du Rythme[6].

A la fin, seulement, en cette belle envolée de votre péroraison, R. de Gourmont vous a un peu induit en erreur, quand vous prenez les mots: «positiviste et mystique». Je lui avais écrit à ce propos, d'ailleurs, quand son étude parut[7].

D'ailleurs, vous le remarquez immédiatement, en disant que je dépasse le positivisme de la Science: et, en effet, je prends la Science comme substratum, *comme aide* pour l'étude de la Vie moderne et de la Vie en les temps anciens incluse aux Symboles, aux Mythes, — et immédiatement je vais à une philosophie de la Science, et à une *Métaphysique*.

Il sied donc d'effacer «positiviste», qui a une acception stricte, et remplacer mystique, — par *Métaphysique.* C'est d'ailleurs ce que faisait votre très belle amplification lyrique.

Je ne puis que répéter que je suis enchanté de cette Etude, si importante, — et vous remercier encore de tout coeur!

— Nous suivons tous ici, avec une pitié infinie, les nouvelles de Russie. Nous en sommes très troublés, et l'opinion penche à la Paix, de ceux qui vous aiment beaucoup. Car, en notre esprit, la Paix, en les conditions où fut faite cette guerre, n'implique pour nous nul affront pour la *Nation* Russe, pour cette *Nation* qui a donné si énormément son sang et son abnégation héroïque! La Russie n'est en rien diminuée, et, dans l'ordre et une *logique* liberté, nous savons au contraire tout ce qu'elle doit donner, intellectuellement surtout.

Nous faisons des voeux pour l'ère de calme et de travail, demain!...

Ecrivez-moi quand vous en aurez loisir. Je suis toujours heureux d'avoir de vos nouvelles, surtout en ces temps troublés.

Mes compliments à vos amis de la *Balance*, et en particulier à M. Poljakoff.

A bientôt. Avec la meilleure poignée de main, de vôtre,

René Ghil

La librairie Fasquelle demande que lui soit fait le service de la *Balance*, en échange des livres qu'elle envoie. J'ai eu occasion de voir le chef de la Publicité, et je lui ai dit que j'allais vous écrire. Voudrez-vous envoyer les Nos 1 et 2, *et à continuer*, à: Monsieur le Chef de la Publicité, *Librairie Fasquelle*, 11 rue de Grenelle, Paris[8].

26. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 16 марта 1905 г.

Дорогой друг и поэт!

В то время, когда к Вам направлялось мое обеспокоенное письмо, ко мне в Париж направлялось Ваше письмо со вложенным в него *чеком на сто франков, получение которого я подтверждаю*. Спасибо за хлопоты![1]

Посылаю Вам рецензии на книги Себастьяна Шарля Леконта и Маринетти[2]. Я абсолютно согласен с правильностью Ваших *предписаний* по координации моего сотрудничества. Иначе говоря, я, как и прежде, буду посылать Вам «Письма» и рецензии на значительные поэтические сборники. А Вы будете размещать их в

журнале *по своему столь дружескому усмотрению*, по своей доброй воле, распределяя материалы по номерам, чтобы избежать излишнего скопления.

Я и вправду предпочитаю иметь возможность время от времени отвести больший объем некоторым книгам (как, например, книге Леконта, личность которого заслуживает того, чтобы читатели имели о нем реальное представление, что важно и для него самого, если учесть шаткость его тенденций[3]. Что же касается других, а также Молодых, которых надо подбодрить, то о них можно писать короче, значительно короче.

Затем я пришлю Вам отзыв о книге Деларю-Мардрюс «Горизонты», отмеченной громадным, искренним ощущением ценности жизни, и о книге Мореаса, которой у меня пока нет[4]. Потом о сборниках молодых — Эмиля Ланта, Пруво, Роже Аллара, которых надлежит отметить[5].

К тому времени, как Вы получите мое письмо, к Вам, наверное, уже поступит первый номер «Экри пур л'ар». Как я Вас уведомлял, Ваше имя упомянуто в нем в качестве русского корреспондента. Если бы Вы послали заметки о поэтическом движении, группирующемся вокруг «Весов», главный редактор Жан Руайер был бы очень рад этому и польщен. И он сам, и все поэты его окружения надеются связать себя узами прочной литературной дружбы с Вами лично и Вашими друзьями.

Как я Вам писал с благодарностью, я получил полный перевод Вашей прекрасной статьи обо мне. Она великолепна и прежде всего отмечена снисходительной дружбой, но дружбой, проникнутой пониманием. И опубликована она очень кстати, дабы закрепить мой авторитет в глазах Ваших Читателей.

Все совершенно достоверно. В Ваших размышлениях мне очень понравился пассаж о лингвистике и Ритме[6].

Единственно в конце, в Вашей вдохновенной заключительной части, Вы были несколько введены в заблуждение Реми де Гурмоном при толковании слов «позитивист и мистик». Я, кстати, написал ему по этому поводу после публикации его этюда[7].

Вы и сами тотчас же замечаете собственную неточность, говоря, что я преодолел позитивизм Науки: и действительно я рассматриваю Науку в качестве основы, *способствующей* изучению современной Жизни и Жизни древних времен, заключенной в Символах и Мифах, и незамедлительно перехожу к философии Науки и Метафизике.

Итак, надлежит вымарать слово «позитивист», представляющее собой точный термин, и заменить слово «мистический» словом *«Метафизический»*. Эти перестановки к тому же обусловлены Вашей великолепной лирической гиперболой.

Я могу только повторить, что очарован Вашей основательной статьей и благодарю Вас за нее от всего сердца!

Здесь, во Франции, мы с бесконечным состраданием следим за событиями в России. Мы очень ими встревожены. Мнение тех, кто по-настоящему любит русских, склоняется к Миру. В нашем понимании Мир и условия, при которых была развязана эта война, не подразумевают бесчестия для Русской *Нации, Нации*, пожертвовавшей этой войне столько крови, боровшейся столь героически, столь самоотверженно! Достоинство России ничем не унижено. Что же до порядка и *логически проистекающей* свободы, то мы знаем, сколько эта страна, напротив,

дает, особенно в интеллектуальном плане.

Мы мечтаем о приходе эры спокойствия и труда, завтрашней эры!..

Напишите мне, когда у Вас будет время. Я всегда счастлив получать от Вас новости, особенно в эти бурные времена.

Передайте привет от меня Вашим товарищам по «Весам» и в особенности г-ну Полякову.

До скорого. С наилучшими чувствами жму Вашу руку,

Рене Гиль

Книгоиздательство «Фаскель» хотело бы, чтобы «Весы» предоставляли ему «услуги для прессы» в обмен на посылаемые книги. Я имел случай встретиться с начальником отдела Рекламы и обещал ему написать Вам об этом. Не могли бы Вы направить номера 11, 12 и посылать все последующие по адресу: Париж, ул. Гренель, д. 11, книгоиздательство «Фаскель», Начальнику Отдела Рекламы[8].

---

[1] В письме от 15 марта 1905 г. Гиль сообщал Волошину о том, что он «получил письмо от Брюсова и № "Весов"», уточняя, что Брюсов, в свою очередь, получил письмо его, Гиля, и рукопись статьи о Танкреде де Визане (Французские писатели — корреспонденты М. А. Волошина / Публикация П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 242).

[2] См. примечание 1 к письму № 24.

[3] В отзыве о поэтическом сборнике Себастьяна Шарля Леконта «Кровь Медузы» Гиль, по его словам, «вне всяких поэтических школ и забыв свои личные предпочтения» (Весы. 1905. № 6. С. 59), восславил этот «самый замечательный пережиток Парнаса» и воздал ему хвалу за чеканность и пластику стиха, указав при этом на противоречие между античной формой многих стихотворений книги и явным присутствием в ней «современных идей и интересов» (Там же). Особое внимание рецензент уделил предисловию к сборнику, озаглавленному «Возможное будущее Французской Поэзии» и заключающему «идею слияния Науки с Поэзией» (С. 60). «Кроме того, — писал Гиль, — мне понравилось замечание, уже высказанное раньше мною, о том, что наше поэтическое и философское мышление возвращается к древним Книгам Индии и к их таинственным символам. Но мне бы хотелось встретить в г. Леконте более ясное подтверждение течения научной поэзии, так ясно воспринятой, что умы, в сущности совершенно чуждые этому течению, ощущают потребность примкнуть к нему» (Там же). Автору новой книги, однако, считал рецензент, «не вполне близка эта новая поэзия», «робкие тенденции его Предисловия» пока еще не убеждают, а сама книга «содержит, к несчастью, лишь условные, а не научно-истолкованные "античные и Мысль и Красоту"». «Я же говорю, — настаивал Гиль, — что нужно "научно истолковывать" и не сводить, как полагает г. Леконт, "к Науке и Красоте", но достигать — *при помощи науки* — Сознания и Красоты» (Там же).

Год спустя о сборнике «Кровь медузы» писал в Литературном приложении к газете «Слово» за 12 июня 1906 г. (№ 16) А. Блок.

[4] См. примечание 1 к письму № 24.

[5] Имеются в виду книги Амедея Прувο «Поэма труда и мечты» («Le poème du travail et du rêve», 1905), Эмиля Ланта «Современные эмоции» («Les émotions modernes», 1905) и Роже Аллара «Божественное приключение» («La divine aventure», 1905). Ни одна из названных рецензий в «Весах» не появлялась. Отзывы о первых двух книгах были помещены в журнале «Ecrits pour l'art» за подписью Жана Руайера, что, возможно, послужило причи-

ной отказа Гиля написать о них для «Весов» (о переменах в его планах см. письмо Б. Рунт в примечании 3 к письму № 27). Сборник Роже Аллара «Божественное приключение» значился в числе книг, полученных редакцией «Весов» (1905. № 4. С. 81).

[6] Речь идет о следующем месте из очерка Брюсова: «Певучести гласных в теории Гиля отведено первенствующее место: оно собственно и создает словесную музыку. Это вполне понятно во французском языке, который неспособен на истинные ритмы, какие в полноте знают языки с метрическим стихом и какими до некоторой степени пользуются языки со стихом тоническим. Для Гиля стих — чисто практически найденный способ речи, его естественная мера — промежуток между двумя вдыханиями воздуха. Гиль не признает “свободного стиха”, vers libre, в том смысле, как его принимают Верхарн и Вьеле-Гриффин. Стих Ренэ Гиля — тоже “свободен”, т. е. освобожден от стеснительных мелочных правил старой французской метрики, но он подчинен определенным законам, власть которых чувствуется в каждой строке. Верхарн и его ученики знают только свой произвол; они стараются лишь прислушиваться к внутреннему голосу души, который и должен указать им, что гармонично, что нет, где кончается один стих, где надо начать другой. В удачных местах своих поэм, где торжествует темная сила интуиции, они достигают поразительной силы, поразительного соответствия формы с содержанием. Но зато как часто их стихи (даже и у “самого” Верхарна!) обращаются в ломаную прозу, в строки случайной длины, определяемые не внутренней необходимостью, а простой звучностью окончаний. Стих Ренэ Гиля всегда знает одну меру, к которой как к некоей отвлеченной величине, и относятся все другие размеры: это — старый французский александрийский стих, найденный самим народом, воплотивший в себе дух французской поэзии. Книги Гиля написаны стихом разной величины, но все они стоят в определенном отношении к французскому гекзаметру, и читатель ни на миг не теряет точной метрической речи» (Весы. 1904. № 12. С. 28—29).

[7] Отталкиваясь от положений «Книги масок», Брюсов отмечал, что «Реми де-Гурмон очень метко определил философские взгляды Гиля выражением “мистический позитивизм”. В этом определении верно указано то глубоко затаенное и бессознательное противоречие, которое все-таки обособляет Гиля-поэта, от Гиля-теоретика. Постоянно основываясь на данных “положительного” знания, цитируя в предисловиях к своим книгам стихов Геккеля, Мортиллэ, Летурно, Феррьэра, Гиль *по духу* бесконечно далек от настоящего позитивизма, от покорного наблюдения окружающих фактов. Гилю хочется верить, что он в своей поэзии строит научные гипотезы, но символические образы его поэм перерастают действительность. Научная интуиция — только обобщает разрозненные факты, между которыми обычное логическое мышление не в силах установить связи, но Гиль, как истинный поэт, творчески угадывает то, что скрыто за фактами, то, чему явления мира служат лишь прозрачной одеждой» (С. 30—31).

[8] Оказание «услуг для прессы», о которых пишет Гиль, подразумевало бесплатную рассылку книг в периодические издания с целью получения печатного отзыва о продукции издательства. Отношения подобного рода были завязаны в самом начале существования «Весов» еще Волошиным. Так, в письме от 24 марта / 6 апреля 1904 г. он писал Брюсову: «Теперь просьба моя и Гиля: пришлите мне, пожалуйста, несколько листов бумаги со штемпелем “Скорпиона” — такой, какую Вы употребляете в письмах. Тогда будет возможно потребова[ть] от многих мелких издательств service de la presse. Это очень важно. Кроме того, Гиль желал бы иметь корреспондентскую карточку от “Весов”. Пожалуйста» (ЛН 1994. С. 330). На протяжении всех шести лет издания «Весы» время от времени публиковали списки иностранных книг, поступивших в редакцию. О том, выполнил ли Брюсов просьбу Гиля, нам ничего не известно.

27. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 16 bis rue Lauriston. 24 Sept[embre] 1905

Bien cher ami,

Il faut m'excuser de n'avoir tout de suite répondu à votre lettre si amicale[1], et qui m'apportait la surprise de la traduction en vers Russes de la *Plainte à la Bergère*[2]. Je rentrais de la campagne comme cette lettre arrivait, et, presque tout de suite, j'ai été souffrant, assez malade quelques jours pour n'avoir le courage même d'écrire une lettre.

J'envoyai, heureusement, un mot, tout de suite, à Mademoiselle Rounth pour lui dire que je savais par vous qu'elle prenait définitivement les délicates fonctions de Secrétaire de Rédaction de la *Balance*[3]. En la priant de m'adresser la copie française de l'article sur Verlaine (que j'ai déjà reçue d'elle)[4], lui demandant aussi de prendre soin, comme vous-même, de me faire *tenir* les honoraires des Nos 6 et 7, — qui vont me venir sans doute!

Certes, je regrette de n'avoir plus affaire avec vous, en tant que Rédacteur en chef, qui me fut toujours si charmant. Je m'en console vite, puisque j'ai ainsi gagné un ami, avec lequel j'aurai le plaisir de correspondre tout aussi souvent. Mais, aussi, je me réjouis que ce soit Mlle Rounth qui vous succède, car pendant son «intérim» elle voulut bien prendre la peine de m'écrire plusieurs fois, très aimablement.

Certes, le soin de la Revue devait vous prendre beaucoup de votre temps et de votre pensée. Vous êtes, maintenant, avec votre nom fait, votre notoriété acquise, en pleine force de production — à laquelle vous vous devez. J'ai lu, avec une joie, que votre roman en préparation vous amènera à une visite nouvelle des bords du Rhin: car je pense et j'espère que, de là, vous viendrez sûrement à Paris? Je serais heureux si vous me confirmez cet espoir. Ce serait une fête pour moi, et nos amis des *Ecrits [pour l'art]*[5].

— Combien je vous dois de remerciements pour la traduction d'extraits de mon Oeuvre, que vous vous proposez, et l'honneur que vous me ferez de les présenter sous l'art de vos vers au public lettré Russe. Vous prendrez ce qu'il vous plaira, je vous en prie. En l'édition nouvelle, en train, en le 1er volume paru, j'aimerais fort (si ce n'est abuser) que vous puissiez donner les premières pages du *Meilleur Devenir* (le passage précisément que je donnais dans les *Ecrits pour l'Art*[6]) et, dans le *Geste Ingénu,* le poème XI — ou le XIII[7].

Je serai d'ailleurs heureux de tout votre choix, mais, si vous le voulez, vous pourriez me dire, en les autres volumes, ce que vous prenez, — car je pourrais dès maintenant *vous donner les corrections que* j'y apporterai en l'Edition remaniée: car votre livre sera un *document durable*, et il serait intéressant qu'il portât ces corrections <illisible> Je m'en remets à vous absolument, avec toute ma gratitude!...

— Les *Ecrits pour l'Art*, depuis plusieurs Nos, doivent parler de l'Almanach que j'ai reçu, et particulièrement de votre drame[8], et de M. Ivanoff[9]. Il ne faut accuser que notre ami Volochine, excusable d'ailleurs, car il a voyagé, je crois[10]. Je vais le voir bientôt, je pense, dès que je vais reprendre à sortir et à recevoir, mais je sais qu'il a promis ce travail assez vite[11].

Il m'avait exposé avant mon départ, la donnée générale de votre poème dramatique, et avait su m'en faire comprendre la grandeur, l'énormité imaginative et suggestive que j'ai admirée fortement. Il doit toujours m'en traduire des passages, avec le regret pour moi de ne pouvoir, hélas! pénétrer l'art verbal, — bien que j'essaie d'en saisir le son et le rythme, car je me fais lire en Russe le texte, toujours.

Et encore merci! en attendant de vos nouvelles amies, comme toujours, mais en espérant vous voir enfin ici.

Je vous prie, si vous la voyez, de me rappeler au souvenir de Mlle Rounth à qui j'enverrai *copie* incessamment, et lui présenter mes hommages. De même, dites tous mes respects à M. Poljakof[f]. A-t-il reçu le livre I (*Meilleur Devenir* et *Geste ingénu*), qui lui fut envoyé en même temps qu'à vous?[12]

A bientôt, bien votre ami

René Ghil

27. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 24 сентября 1905 г.

Дорогой друг!

Прошу простить меня за то, что я не ответил тотчас же на Ваше дружеское письмо[1], сопровождаемое переводом «Жалобы пастушке», выполненным русскими стихами[2]. Его получение явилось для меня сюрпризом. Когда пришло Ваше письмо, я переезжал из деревни в Париж. Почти сразу после этого я заболел и несколько дней так плохо себя чувствовал, что не отваживался даже написать письмо.

К счастью, я немедля отправил записку мадемуазель Рунт. Я сообщил ей, что знаю от Вас о том, что она окончательно берет на себя деликатные обязанности секретаря редакции «Весов»[3]. Я попросил ее выслать мне французскую рукопись статьи о Верлене (которую я уже от нее получил)[4], а также позаботиться, как это делали Вы, о том, чтобы мне были *обеспечены* гонорары за 6-й и 7-й номера, которые, вне сомнения, до меня дойдут!

Я, безусловно, сожалею, что не буду больше общаться с Вами как с Главным Редактором, что было для меня всегда очень приятно. Спешу утешить себя тем, что приобрел в Вашем лице друга, с которым буду иметь удовольствие переписываться не менее часто. Я радуюсь еще и тому, что на этом посту Вас сменяет именно мадемуазель Рунт, так как в период временного замещения Вашей должности она взяла на себя труд написать мне несколько любезных писем.

Забота о журнале, конечно же, отнимала у Вас много времени и занимала все Ваши мысли. Сейчас, когда Вы сделали себе имя и завоевали популярность, Вы способны работать в полную мощь и Ваш долг перед самим собой работать именно так. Я прочел, что Вы готовите роман, который приведет Вас еще раз на берега

Рейна, и эта новость вызвала во мне радость, так как я думаю, вернее, надеюсь, что тогда Вы точно приедете в Париж. Я был бы счастлив, если бы Вы подтвердили, что мои надежды не напрасны. Ваш приезд был бы праздником и для меня, и для наших друзей из «Экри пур л'ар»[5].

Я не знаю, как и благодарить Вас за то, что Вы вызываетесь взяться за перевод фрагментов моего «Творения», благодарить за честь быть представленным образованной русской публике в мастерских стихах, вышедших из-под Вашего пера. Выберите, пожалуйста, то, что Вам понравится. Из нового собрания, находящегося в процессе публикации, из первого, уже опубликованного тома, я бы очень хотел (если я не злоупотребляю Вашим благорасположением), чтобы Вы перевели вступительные страницы «Лучшего становления» (именно тот отрывок, который я дал в «Экри пур л'ар»[6]), а из «Простодушного жеста» — стихотворение XI или XIII[7].

Я вообще буду рад любому выбранному Вами тексту, но, если не возражаете, скажите мне, какие стихи из других книг Вам пришлись по душе, — тогда я смогу уже сейчас *предоставить Вам исправления*, которые внесу в откорректированное издание. Поскольку книге Вашей *предстоит долгая жизнь*, стоило бы учесть в ней эту правку [нрзб.]. Всецело полагаюсь на Вас со всей благодарностью!..

Вот уже несколько номеров тому назад как в «Экри пур л'ар» должна была появиться статья о присланном мне Альманахе и, в частности, о Вашей драме[8] и драме Иванова[9]. В том, что ее до сих пор нет, виноват единственно наш друг Волошин, хотя ему простительно, поскольку он, кажется, уезжал[10]. Я думаю с ним увидеться в ближайшее время, как только снова начну бывать в обществе и принимать гостей, хотя я знаю, что он обещал сделать эту работу довольно быстро[11].

Перед моим отъездом он изложил мне в общих чертах содержание Вашей драматической поэмы и к моему великому восхищению дал мне почувствовать величие, грандиозность и суггестию Вашего воображения. Он по-прежнему должен перевести мне отрывки. Жаль, что я, увы, не смогу постигнуть словесное искусство, пытаясь уловить звук и ритм, так как всегда прошу читать мне текст по-русски.

Еще раз спасибо! Как всегда, жду от Вас дружеских сообщений, надеясь в конце концов увидеть Вас здесь.

Если Вы будете говорить с мадемуазель Рунт, напомните ей, пожалуйста, обо мне и засвидетельствуйте ей мое почтение. Я, со своей стороны, незамедлительно вышлю ей *рукопись*. Кланяйтесь от меня также г-ну Полякову. Получил ли он мой первый том («Лучшее становление» и «Простодушный жест»), который я послал ему одновременно с книгой для Вас?[12]

До скорого, Ваш друг

Рене Гиль

---

[1] Письмо Брюсова, упоминаемое Гилем, вероятно, утрачено.

[2] Речь идет о переводе стихотворения «Жалоба пастушке» («Нет ни одной тропы на свете, дорогая...»), присланном Гилю, судя по всему, в рукописи (в оригинале стихотворение появилось в № 6 журнала «Ecrits pour l'art» за август 1905 г.). Перевод Брюсова был

впервые опубликован в № 12 журнала «Вопросы жизни» за 1905 г., реально вышедшем в марте 1906 г. (см. также примечания 12 и 13 к письму № 29).

[3] В июне 1905 г. Брюсов, вместе с Н. И. Петровской (по мужу — Соколова, 1879—1928) уехал в Финляндию, а в июле и первой половине августа жил в деревне Антоновка близ Тарусы. Из Финляндии Брюсов продолжал писать Гилю. См. сообщение в письме Гиля к А. В. Гольштейн от 12 июля 1905 г.: «Но ведь Брюсов до сих пор не вернулся в Москву. Я только что получил от него открытку из Финляндии» [«Mais Brussov n'est pas de retour à Moscou encore: je viens de recevoir de lui une carte postale venant de la Finlande» (*Adamantova Vera.* Lettres inédites de René Ghil à Alexandra de Holstein // Revue des études slaves. 1991. No. 4. P. 808)]. В отсутствие Брюсова и в последующий период часть его редакционных обязанностей (чтение корректур, переводы, поездки в типографию, ведение переписки) взяла на себя Б. Рунт, державшая Брюсова в курсе всего происходящего. В одном из отчетов, помеченном 11 июня, она, в частности, сообщала: «От Ренэ Гиля получила 2 письма; во втором он просит не печатать продолжение его статьи. С[ергей] А[лександрович Поляков] еще ничего определенного не решил, статья уже набрана, и первая корректура исправлена. [...] Валерий Яковлевич, приезжайте поскорее. Без Вас столько дела! Перевела Гиля — два отзыва, а он пишет, что не желает, чтобы эти отзывы были помещены, прислал два других, их опять надо переводить, да поскорей» (ЛН 1994. С. 106).

[4] Речь идет о шестом «Письме о французской поэзии», предлогом для написания которого явилась фигура одного из основоположников символизма — Поля Верлена. Переходя от современности к прошлому, Гиль писал: «Но пора уже, со всей беспристрастностью и со строгим методом историка-исследователя (два достоинства, которыми не отличаются пока книги, написанные о великом поэтическом Движении конца XIX века как принадлежащие кому-либо из его участников так и его противникам из числа критиков-ретроградов "университетской" партии), пора уже обратиться к сложным источникам "символизма". Мы будем изучать, одного за другим, всех сколько-нибудь выдающихся деятелей Движения, стараясь выяснить значение каждого из них в общей эволюции литературы, определить влияния одних писателей на других и охарактеризовать их индивидуальные особенности. И вот, естественно, первым перед нами — Поль Верлэн» (Весы. 1905. № 7. С. 28). В реальности статья была посвящена не столько Верлену и даже не истории французского символизма (в том виде, в каком понимал ее Гиль), а главным образом роли самого Гиля и его взаимоотношениям с основоположниками школы. Приступая к теме, Гиль не преминул заметить, «что в этом поэтическом Движении должно поставить на особое место доктрину научно-философской поэзии, проповедуемую мной, как потому что она возникла совершенно самостоятельно, так и потому, что развитие ее еще продолжается, в моих собственных трудах и в произведениях тех, кто, в той или иной степени, принял мой метод или исходит из него» (С. 26). Заключительная часть статьи была посвящена подробному описанию последней встречи Верлена с Малларме, проходившей, естественно, в присутствии Гиля.

[5] В не дошедшем до нас письме Брюсов, вероятно, сообщил Гилю о своей работе над романом «Огненный ангел», действие которого развивается на историческом фоне немецкой жизни XVI века. Стремясь придать роману подлинность документа, Брюсов в течение многих лет вел кропотливую исследовательскую работу, но ни в Германию, ни во Францию в 1905 г. не выезжал.

[6] В № 1 журнала «Ecrits pour l'art», вышедшего в марте 1905 г., были опубликованы отрывки из вступления к книге «Лучшее становление» («Meilleur Devenir»).

[7] Брюсовские переводы названных отрывков не найдены.

[8] Речь идет об альманахе «Северные цветы ассирийские» (1905), подробный анализ которого планировался в журнале «Ecrits pour l'art». Из многочисленных проектов французско-русского сотрудничества здесь была реализована лишь крайне незначительная часть. Рецензия на опубликованную в альманахе драму Брюсова «Земля» помещена не была.

Через несколько лет в статье о Брюсове (см. примечание 1 письму № 88) Гиль отметит: «Среди его прозаических произведений есть драма, свидетельствующая о том, что этот поэт, обладающий высокой и обширной культурой, сумел возвеличить и освежить свой талант, открытый новым мечтаниям, которые все более и более определяются для нас Наукой. В драме “Земля” — подобно тем огромным чувствованиям, которые недавно дал нам ощутить великий научный провидец Ж. А. Рони, — Валерий Брюсов в образах грандиозной фантазии и чувственных нюансах развернул картину последних дней умирающей Земли» [«Il est, parmi ses oeuvres en prose, un drame où s'atteste que ce poète de vaste et supérieure culture, a su grandir et renouveler son talent averti aux rêves nouveaux que nous suggérera de plus en plus la Science: dans *La Terre*, — comme vient de nous en donner à son tour la sensation énorme le grand visionnaire scientifique J.-H. Rosny, — Valère Brussov en inventions grandioses et en subtilités de sentiments, évoqua les derniers temps et la mort de la Terre». (Vie. 1912. No. 11. 4 mai. P. 341)].

[9] Рецензия А. В. Гольштейн на трагедию Вяч. Иванова «Тантал» была опубликована в «Ecrits pour l'Art» в номере за 15 ноября 1905 г. В письме от 14/27 марта 1906 г. Вяч. Иванов благодарил А. В. Гольштейн за присылку ему журнала: «Хотелось сказать так много — и не удалось. Лучше уже просто скажу Вам, что бесконечно тронут Вашими строками обо мне, Вашим верным вниманием к далекому поэту и полон благодарного к Вам чувства. Великою радостью было для меня найти во французском журнале, и притом таком, как — увы, окончившиеся — “Ecrits pour l'Art”, истинный *разбор* моей трагедии. Вам суждено быть добрым гением моей трагической Музы. Только символизую мертвыми строками то живое чувство радостной признательности, которое сказаться могло бы лучше в живом слове и при личном свидании. Я счастлив, что меня понимают, в моих художественных стремлениях, хотя несколько человек, — если среди них и могу назвать Вас и если понимание это таково, как Ваше проникновенное и тонкое постижение. В частности, благодарю Вас за перевод цитированных мест: такой перевод в прозе именно желателен для поэта, пишущего с некоторою сосредоточенностью мысли и взвешенным выбором слов и образов; приблизительная передача его содержания в стихе такого поэта не пленяет. А Ваша передача заставила меня мечтать о полном переводе “Тантала” в этой форме. Мне было бы приятно, если бы Вы нашли возможность засвидетельствовать M^{r}. René Ghil'ю и другим редакторам журнала мою истинную признательность за честь, оказанную их вниманием моей работе; это внимание их или — лучше — Вашего журнала составляет для меня предмет справедливой гордости» («Обнимаю Вас и матерински благословляю...». Переписка В. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал с А. В. Гольштейн / Публикация А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 188).

[10] Летом–осенью 1905 г. Волошин действительно нередко отлучался из Парижа: побывал в Цюрихе, Руане, Шартре, путешествовал по альпийскому перевалу Сен-Готард (Швейцария).

[11] В письме от 12 июля 1905 г. Гиль жаловался А. В. Гольштейн: «Я надеюсь, что в будущий номер “Экри [пур л'ар]” Вы дадите статью о Иванове? Волошин не сдержал своего обещания сказать несколько слов также и о других. В таком случае не лучше ли избежать указаний на то, что произведение Иванова взято из пресловутого “альманаха” — чтобы никого не обидеть? Волошин и вправду ужасно ленив...» [«Pour les prochains *Ecrits* <*pour l'art*>, vous donnerez, n'est-ce pas, votre article sur M^{r}. Ivanoff? Volochine n'a pas tenu sa promesse de dire un mot, également, sur les autres. Aussi, dans ce cas, je vous demande s'il ne vaut pas mieux que vous n'indiquiez pas que l'oeuvre de M^{r}. Ivanoff fait partie du fameux “Almanach”, — afin de ne froisser personne? Volochine est vraiment bien paresseux...» (*Adamantova Vera.* Les lettres inédites de René Ghil a Mme Alexandra de Holstein // Revue des études slaves. 1991. № 4. P. 809)].

[12] О судьбе книг Гиля, отправленных С. А. Полякову, нам ничего неизвестно.

28. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris. 7 Octobre 1905

Bien cher ami,

Ce soir seulement, je pourrai, je crois, me faire lire en Russe la traduction que vous me fîtes de la *Plainte à la Bergère*[1] — et ce me sera une joie d'entendre le *chant* nouveau que cela devient sous votre plume au rythme subtil et sensitif. C'est encore un peu la fin des vacances, et l'on ne se retrouve pas encore, d'où ce retard à pouvoir trouver le bon traducteur Russe, de votre pensée. Ainsi, n'ai-je pu encore revoir notre ami Volochine[2].

Je vous envoie ce mot, pour vous expliquer pourquoi je ne vous avais pas écrit à nouveau de cette traduction. Je vous aurais aussi écrit, déjà depuis quelques jours, à propos d'un M. Louis Thomas, qui, m'a dit M. Messein, l'éditeur, serait correspondant à Paris, *pour les romans*, de la *Balance*?

Ce M. Thomas, qui est simplement *un étudiant* en lettres, connaît M. Van Bever, votre correspondant[3], et il est venu aux *Ecrits pour l'Art*, présenter de la copie, qui ne fut acceptée.

Donc il savait fort bien que M. Van Bever est votre correspondant pour la Prose, — et la délicatesse la plus élémentaire l'obligeait d'abord à me demander s'il l'était toujours (Vous savez que M. Van Bever, demeurant pour vous adresser les comptes-rendus des livres d'histoire, de bibliographie, etc.... ne fit plus ceux des *romans*, lorsque vous avez pris la résolution de faire à Moscou ces analyses des romans nouveaux.)

Or, si, à nouveau, ces analyses peuvent être envoyées de Paris, M. Van Bever (qui fut rare parce que souffrant, cette année), les reprendrait avec grand plaisir, — et je n'ai pas besoin de dire sa compétence, que n'a en aucune manière M. Thomas.

Je vous préviens de ceci, parce que j'estime hautement la *Balance*, et que ce n'est pas de passants quelconques que vous devez tenir l'avis sur la littérature française. Il vous faut autorité et impartialité, que vous ne pouvez trouver en un tout jeune homme, celui-ci fort intrigant, si j'en jugeais de son procédé assez étrange.

— Il aurait d'ailleurs dit qu'il comptait aussi vous envoyer des analyses *de livres de vers*! Je crois que la *Balance* ne lui a pas demandé cela, et ne le lui demandera pas, — et pour cause!

M. Louis Thomas a-t-il été vraiment autorisé par la *Balance*, en votre absence, et par erreur et en oubli de M. Van Bever? Il serait juste d'en parler à M. Poljakoff et Mlle Rounth[4]. —

Je vous serais, puisque nous parlons administration un peu, très reconnaissant de remercier Mlle Rounth du renvoi de la copie française de la 1ère partie de mon Etude sur Verlaine[5], — mais lui dire que *je n'ai toujours pas reçu mes honoraires* des Nos 6 et 7 de la *Balance*.

No. 6 comptes-rendus d'Edouard Dubus[6], de J[ohn] Antoine Nau (roman)[7] et S[ébastien] C[harles Leconte] [8]

No. 7 Article (1er) sur Verlaine, compte-rendu Théo Varlet, et poètes du Nord.[9]

Quand au No. 8, je ne sais, car le No. *ne m'est pas encore parvenu*. Est-il paru?

— Je serai très heureux, au retour de la campagne, de recevoir cette somme, et est-ce abuser de vous demander qu'on m'adresse cela. — D'ailleurs, cette question un peu ennuyeuse se réglait si bien avec vous. Tous les deux mois, peu ou prou, ne pourrait-on continuer l'habitude de m'envoyer ainsi le chèque habituel?

Mais, je comprends certes que Mlle Rounth, prenant définitivement pouvoir du Secrétariat, ait eu de multiples soucis. Je vous prie de lui présenter mes hommages, et mes meilleurs sentiments à M. Poljakoff, n'est-ce pas?

— Je me suis remis au travail, et nouveau, (et ancien aussi, car je prépare le livre suivant de la Réédition de ma Première partie). Souhaitons-nous mutuellement bon travail, et à bientôt de vos nouvelles, j'espère.

Je vous serre affectueusement la main. Bien vôtre,

René Ghil

Dès que j'aurai des nouvelles du No. 8, j'enverrai de la copie. Quand veut-on la seconde partie de l'Article Verlaine[10], article où commencerai-je d'ailleurs à parler déjà de Mallarmé[11]. —

28. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 7 октября 1905 г.

Дорогой друг!

Думаю, что только сегодня вечером мне смогут прочитать по-русски выполненный Вами перевод «Жалобы пастушке»[1]. Для меня будет большой радостью услышать новую *песнь*, вышедшую из-под Вашего пера, обладающего тонким и чутким ритмом. Сейчас еще не совсем закончился отпускной период, и встречи пока не возобновились, что и объясняет задержку в поисках хорошего переводчика с русского языка, который мог бы воспроизвести Вашу мысль. По той же причине я еще не видел нашего друга Волошина[2].

Пишу Вам это письмо, чтобы объяснить, почему я Вам больше не писал о Вашем переводе. Другой причиной, по которой я вот уже несколько дней хотел написать Вам, стала информация, переданная мне издателем Мессеном. Соответствует ли истине то, что «Весы» предложили некоему Луи Тома освещать *романы* в качестве парижского корреспондента журнала?

Этот Тома — просто *студент* филологического факультета, знакомый Вашего корреспондента Ван Бевера. Он приходил в «Экри пур л'ар» и принес туда рукопись, которая была отвергнута[3].

Он, таким образом, прекрасно знал, что Ван Бевер — корреспондент «Весов» по прозе, и самая элементарная вежливость обязывала его спросить сначала у меня, является ли тот по-прежнему таковым. (Вы знаете, что Ван Бевер, на которого возложена обязанность направлять в «Весы» рецензии на исторические книги, а

также сведения в библиографический отдел и т. п., не пишет больше отзывов о *романах* после того, как редакция приняла решение анализировать новые романы в Москве.)

Однако, если анализ книг будет снова осуществляться из Парижа, Ван Бевер (который мало этим занимался в этом году из-за болезни) с удовольствием за них опять возьмется, и у меня нет необходимости говорить Вам о его компетентности, которой ни в коей мере нет у Тома.

Я предупреждаю Вас об этом, поскольку высоко ценю «Весы» и считаю, что журнал не должен поручать случайным прохожим высказывать суждения о французской литературе. Вам необходимы авторитетность и беспристрастность, которой не обладает этот совсем еще молодой человек, к тому же большой интриган, насколько я могу судить по его довольно странному поведению.

И еще он говорил, что рассчитывает направлять Вам анализ поэтических книг! Думаю, что «Весы» не просили и не попросят его об этом — и не без основания!

Неужели во время Вашего отсутствия Луи Тома по ошибке действительно получил одобрение «Весов», забывших о Ван Бевере? Было бы правильно поговорить об этом с г-ном Поляковым и мадемуазель Рунт[4].

Поскольку мы коснулись административных вопросов, я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы поблагодарили мадемуазель Рунт за отсылку мне французской рукописи первой части статьи о Верлене[5], уведомив ее при этом, что я *так и не получил гонораров* за 6-й и 7-й номера «Весов».

В № 6 — за рецензии на Эдуарда Дюбюса[6], на роман Джона Антуана Но[7] и на Себастьяна Шарля Леконта[8].

В № 7 — за 1-ю статью о Верлене, рецензию на Тео Варле, на поэтов Севера[9].

Что касается № 8, то я пока не знаю, *так как номер мне еще не прислали*. Он вышел?

Теперь, когда я вернулся в Париж, я буду очень рад получить эту сумму и, если я не злоупотребляю Вашей добротой, прошу Вас, чтобы мне ее выслали. Кстати сказать, этот довольно-таки надоедливый вопрос так легко разрешался при Вас. Разве нельзя вернуться к прежней практике и, так или иначе, посылать мне, как было заведено, каждые два месяца чек?

Я, разумеется, понимаю, что мадемуазель Рунт, окончательно возложившая на себя обязанности секретаря редакции, обременена многочисленными заботами. Засвидетельствуйте ей мое почтение, а г-ну Полякову передайте наилучшие пожелания.

Я снова взялся за работу — за новую книгу (и за старую тоже, так как я подготавливаю следующий том исправленного издания Первой части). Пожелаем же взаимно друг другу хорошей работы. Жду от Вас в скором будущем новостей, надеюсь, добрых.

Сердечно жму Вашу руку. Ваш

Рене Гиль.

Я пошлю Вам рукопись, как только получу сообщение о 8-м номере. Сообщите, когда редакция хотела бы получить вторую часть статьи о Верлене[10], в которой я, кстати, начну уже говорить о Малларме[11].

[1] См. примечание 2 к предыдущему письму (№ 27).

[2] Волошин вернулся в Париж 24 августа / 6 сентября. 18 октября он писал М. В. Сабашниковой о своей встрече с четой Гилей и Садиа Леви (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 110. Сообщено В. П. Купченко).

[3] Адольф ван Бевер был корреспондентом «Весов» только в первый год существования журнала.

[4] Луи Тома (1885 — после 1944) — поэт и литературный критик, дебютировавший в 1903 г. публикацией писем Шатобриана. Активный сотрудник журнала «Plume», а впоследствии — «Vers et Prose» и других видных периодических изданий. В январе 1906 г. одно его стихотворение было опубликовано в «Ecrits pour l'art» (№ 11). Автор по меньшей мере 20 поэтических и прозаических книг. Никаких сведений, связанных с предполагаемым сотрудничеством Луи Тома в «Весах», нам отыскать не удалось. Через год после комментируемого письма, в кратком отзыве о первой поэтической книге Луи Тома — поэме «Лили», Гиль сочувственно оценит эту «тоненькую книжечку», «простота которой не исключает искусства» (Весы. 1906. № 6. С. 62). В № 7 за 1909 г. «Весы» опубликуют в качестве пояснения к рисункам Андре Рувейра короткие выдержки из статьи Луи Тома, напечатанной по-французски в журнале «L'Art moderne» (1909. № 28—29).

[5] См. примечание 4 к предыдущему письму (№ 27).

[6] Рецензия на единственный сборник покойного поэта Эдуарда Дюбюса (ум. в 1895 г.) «Когда умолкли скрипки» («Quant les violons sont partis», 1905) была опубликована в № 6 за 1905 г.

[7] Речь идет об отзыве о втором романе Джона-Антуана Но «Заимодавец любви» («Le Prêteur d'amour», 1905), который, по словам рецензента, было «необходимо прочесть» (Весы. 1905. № 6. С. 59). Об этом авторе Гиль уже писал в № 7 «Весов» за предыдущий, 1904 год, в рецензии на его первый сборник стихов «Прошлое в синеве» («Hiers bleus», 1904), отмечая, что «Антуан Но (получивший за свой роман "Враждебная сила" премию Академии Гонкуров) прежде всего поэт с резко выраженной личностью, истинный поэт, в том смысле, какой мы придаем этому слову, имея в виду творчество, гармонически слитое, чувством и мыслью, со вселенским Всем» (С. 55). К тому времени роман Антуана Но был уже знаком русскому читателю по переводу З. Венгеровой (Вестник Европы. 1904. №№ 3—4). Еще до рецензии Гиля «Весы» перепечатали неподписанную заметку из журнала «Mercure de France», в которой о романе «Заимодавец любви» говорилось следующее: «Новая книга Но — печальная, смешная и печальная книга, — бесспорно любопытна, но как и его первый роман ("Враждебная сила", получивший премию Гонкуров) слишком пахнет клиническим случаем. Если бы автор решился, наконец, изобразить человека с более нормальными чертами души, мы могли бы, наконец, решить, где начинается фантазия художника, и где кончается безумие его героя» (Весы. 1905. № 3. С. 77).

[8] См. примечание 1 к письму № 24.

[9] Книга Тео Варле «Заметки и стихи» («Notes et Poèmes», 1905) была прислана в редакцию журнала, о чем «Весы» уведомляли читателей в № 4 за 1905 г. (С. 81). Отзыв о ней превратился под пером Гиля в беглый очерк о поэтах северной Франции — Леоне Дебеле, Амедее Пруво, Эмиле Ланте, Роже Алларе, Поле Кастио. Рассуждая о том, что оригинальность Тео Варле «слишком умышленна, слишком выдумана, а иногда и искусственна», рецензент указывал на главные образцы его творчества: «художественной манерой он ближе всего стоит к Жюлю Лафоргу и Корбьеру; в то же время он вдохновлялся моим собственным методом в той части своей книги, где его поэмы, не лишенные некоторой ценности, разрастаются до космических и биологических понятий» (Весы. 1905. № 7. С. 61—62). По-французски отдельный отзыв Гиля о сборнике Варле был напечатан в значительно расширенном виде в № 5 журнала «Ecrits pour l'art» за июль 1905 г.

[10] Написание второй части статьи о Верлене было уже в следующем месяце отложено Гилем на неопределенное время в связи с издательскими трудностями «Весов» (письмо

№ 29), а затем и вовсе оставлено. 10 января 1906 г. (в письме № 30) он вновь спрашивает у Брюсова, имеет ли смысл продолжать работу, а 13 декабря того же года сообщает о прекращении работы над статьей, ссылаясь на перегруженность редакции его материалами (см. письмо № 35).

[11] К проекту написания этюда-портрета С. Малларме Гиль возвратится только в июне 1906 г. (см. примечание 16 к письму № 34).

29. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 24 Novembre 1905

Cher Poète et cher Ami,

J'ai reçu, hier seulement, votre lettre datée du 11 courant![1] Et c'est un grand plaisir que vous m'avez fait de penser à moi en ce moment terrible, et de me donner de vos nouvelles.

Ici, l'on refusait, à la poste, de recommander les lettres à destination de Moscou, et c'était dire aussi que les autres s'en allaient au hasard. J'attendais donc que quelque chose vînt, et il n'y avait rien de Moscou, nulle part, chez les Russes qu'ici je connais.

Lorsque vous m'écriviez, si j'en crois les journaux, ce fut le moment le plus chaotique et sinistre? et doit-on croire que la situation s'est améliorée, du côté des réformes nécessaires et sages, — et que l'élément de désordre et d'inintelligence soit moins fort? Mais, nous pouvons si peu, à distance, concevoir une chose qui doit être si complexe que les Russes éloignés de Russie ne peuvent eux-mêmes comprendre ce qui se passe précisément.

Ce que nous souhaitons ici, c'est le triomphe pour vous de la liberté d'être, et de connaître le grand avenir de pensée qui s'agite en votre pays, et nous souffrons à comprendre que la partie brutale, inconsciente, en force aveugle et spontanée, ou menée, puisse retarder votre vaste mouvement à la Lumière... Mais ce qui sera, est déjà[2].

Certes, le temps n'est point à la Littérature, et cependant vous pensez à faire paraître les Nos 9 et 10 de la *Balance*[3]. Mademoiselle Rounth a dû recevoir de moi, peut-être, avant les grands troubles, une lettre contenant un compte-rendu d'un livre de chez Messein?[4] — Naturellement, je n'ai pas envoyé l'article faisant suite au premier sur Verlaine[5]. Je l'ai commencé cependant, — mais j'attendrai encore, afin qu'il puisse ne pas rester trop longtemps en route, — et si, la situation s'améliorant, vous recommencez à paraître régulièrement, ou presque.

A ce propos, je serais bien content d'une chose, qui peut se faire, je crois? J'avais compté déjà sur les 200 frs environ de mes honoraires *des No. 6, 7 et 8*, que Mlle Rounth ne put me faire parvenir avant les communications coupées[6].

Or, voici décembre, mois des étrennes <illisible> à donner! Et vraiment, *ce me rendrait service* si vous pouviez, du budget de la Revue, me faire adresser cela, par une voie quelconque. Merci d'avance de vos bons soins...

J'espère que vous avez continué à recevoir les *Ecrits pour l'Art*? Ce No. du 15 Novembre contient un article sur la tragédie de M. Ivanoff (dans les *Fleurs du Nord*) de Mme de

Holstein[7]. *En même temps* devait paraître une Etude sur votre beau Conte par Volochine. Mais notre ami Volochine promet, si gentiment, et puis il oublie, et n'a plus le temps![8]

Or, en Janvier, cette Etude sur votre oeuvre sera faite; je crois par M. le Docteur de Holstein qui l'aime beaucoup, et en parlera en savant d'abord, et au point de vue littéraire aussi[9]. J'en suis personnellement très heureux. De plus, les *Ecrits [pour l'art]* vont donner, de vous, de Balmont, et de Volochine, des traductions d'un poème ou deux: traductions faites par des Russes, lettrés. C'est promis: les premières qui viendront paraîtront d'abord...[10]

Vraiment, on ne peut déplorer le fond de ce qui a lieu chez vous, certes, — mais souhaitons vivement l'ordre et l'harmonie dans la justice, pour que reprennent les travaux de l'esprit, et en particulier cet échange de pensée entre nous si sympathiquement, si joyeusement commencé et qui se resserrera davantage encore!

Je serais heureux de vos nouvelles, cher ami. Bon courage, à demain.

Dites mes respects à Mlle Rounth, je vous prie. J'espère de bonnes nouvelles de M. Poljakoff et de Madame. — Encore, pour vous et pour tous les vôtres, mes sentiments tout sympathiques. Bien vôtre,

René Ghil

P. S. — Et voici que j'oubliais que je n'avais pu répondre à votre si bonne lettre d'Octobre, me parlant des traductions, auxquelles vous travailliez alors, de quelques-uns de mes Poèmes[11]. Je vous en remercie maintenant, de tout coeur.

J'ai eu la traduction très serrée de votre traduction, si difficile à faire! de ma *Plainte à la Bergère*. C'est parfait de traduction ou d'interprétation subtile. — Une seule faute, mais qui ne peut vous être imputable:

Les «trompes» qu'on entend au moment de la moisson ne sont pas les «cors» des chasseurs. Mais c'est d'un usage local, que les moissonneurs sonnent le matin et le soir d'une trompe conique, en fer blanc, qui donne un son monotone, houleux, doucement et très vaste cependant. — Tout le bruit des faucilles coupant est «comme» une rumeur de sauterelles mangeant... la paille du blé. — Et c'est tout[12].

En Russe, m'a-t-on [dit], il y a des trouvailles fort jolies, et les trois derniers vers sont musicalement de toute beauté[13]. — Vous me parlez de vos traductions, de *l'Ouverture* du *Meilleur Devenir* (oh certes! terrible), et du *Finale*. — Puis, du Poème IX du *Toit des Hommes* — et le *Pantoun de mon chat noir Koutshing!* — Vous vous donnez pour moi un travail dont je vous suis infiniment reconnaissant, et vous remercie. Et encore, me parliez-vous de votre intention de publier une étude sur mon livre (n[ouve]lle édition), aux *Questions de Vie*[14]. Oui, certes, quand cela se pourra, je serai très flatté d'être présenté, et par vous, en cette Revue, dont j'ai eu le plaisir de voir l'un des Rédacteurs en chef, ici, à Paris, et même chez moi où il voulut bien, avec des amis Russes, venir passer une heure...[15] J'ai eu connaissance de l'article de M. Miré sur les *Ecrits [pour l'art]*, en cette Revue[16]. Nous en avons tous été très contents. Et, encore, les événements ont-ils empêché M. J. Royère de remercier, comme il l'eût désiré faire...

Merci donc, mon cher ami, encore et encore!

Vôtre R. G.

29. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 24 ноября 1905 г.

Дорогой друг и поэт!

Только вчера я получил Ваше письмо, датированное 11 числом текущего месяца[1]. Для меня было большой радостью, что Вы вспомнили обо мне в эту жуткую пору и прислали весть о себе.

Здесь, у нас, отказывались принимать заказные письма с московским адресом, не говоря уже о том, что все другие тоже посылались наудачу. И я ждал хоть какой-нибудь почты, но из Москвы ничего не приходило — ничего ни одному из моих знакомых русских парижан.

Если верить газетам, то свое письмо Вы писали в самый зловещий, самый хаотический момент. Сейчас обстановка, похоже, улучшилась за счет назревших, мудрых реформ, и беспорядочно-безумная стихия ощущается меньше. Так ли это? Нам, издалека, трудно постигнуть суть событий, настолько, видимо, сложных, что сами русские, живущие вне России, не могут в точности понять, что происходит.

Единственное, чего мы здесь Вам желаем, так это ощутить триумф индивидуальной свободы и узнать великое будущее идеи, будоражащей вашу страну. Нам больно сознавать, что грубая, бессознательная сила, слепая в своем своеволии или кем-то направляемая, способна задержать Ваше широкое движение к Свету... Но то, чему суждено свершиться, уже присутствует сегодня[2].

Происходящее, безусловно, не способствует Литературе, и, тем не менее, Вы намереваетесь выпустить 9-й и 10-й номера «Весов»[3]. Еще до великих потрясений мадемуазель Рунт должна была получить от меня письмо, содержащее рецензию на книгу, опубликованную издательством «Мессен»[4]. Я, естественно, не послал продолжения моей первой статьи о Верлене[5], хотя и начал его, однако я еще подожду из опасения, что мое письмо будет скитаться слишком долго, а если положение улучшится, то журнал начнет выходить регулярно или почти регулярно.

В связи с этим я был бы очень рад, если бы Вы кое-что сделали для меня, ведь это вполне осуществимо, не так ли? Я уже рассчитывал на приблизительно 200 франков гонораров *за №№ 6, 7 и 8*, которые мадемуазель Рунт не смогла послать до того, как сообщение прервалось[6].

И вот наступает декабрь, месяц непредвиденных расходов [нрзб.], подарков! Мне *действительно было бы очень кстати*, если бы Вы смогли выделить мне эту сумму из бюджета журнала и послать любым способом. Заранее благодарю Вас за добрую заботу...

Я надеюсь, Вы продолжаете получать «Экри пур л'ар»? В последнем номере от 15 ноября содержится статья г-жи Гольштейн о трагедии Иванова (из «Северных цветов»)[7]. *В том же номере* должен был появиться этюд Волошина о Вашей прекрасной сказке. Но наш друг Волошин так мило обещает, а потом забывает и у него больше нет времени![8]

И все же в январе эссе о Вашей драме будет написано, думаю, что автором будет д-р Гольштейн, которому Ваша драма очень нравится. Он рассмотрит во-

прос сначала с точки зрения ученого, а затем и в литературном ракурсе[9]. Я лично очень этому рад. Помимо этого, в «Экри пур л'ар» будет опубликовано несколько переводов — по одному-два стихотворении от каждого поэта — Ваши, Бальмонта, Волошина, переводы, выполненные литературно образованными русскими переводчиками. Это уже обещано — переводы, поступившие первыми, выйдут раньше других...[10]

Поистине нельзя не испытывать глубокого сожаления о том, что произошло у Вас в стране, но давайте горячо надеяться на восстановление порядка и справедливой гармонии, дабы возобновились умственные труды и, в особенности, обмен идеями между нами, обмен, который начался на такой регулярной, радостной основе и который станет еще крепче!

Буду рад получить новости от Вас, дорогой друг. Держитесь и впредь.

Засвидетельствуйте мое почтение мадемуазель Рунт. Надеюсь, что все благополучно у г-на Полякова и Вашей супруги. Еще раз самые дружеские пожелания Вам и всем Вашим. Ваш

Рене Гиль

P. S. Я совсем забыл, что не ответил на Ваше чудесное октябрьское письмо, где Вы рассказывали о переводах нескольких моих стихотворений, над которыми в то время работали[11]. Благодарю Вас за них сейчас от всего сердца.

Я получил очень близкий перевод Вашего переложения (какая это была трудная задача!) моей «Жалобы пастушке». Оно безупречно с точки зрения передачи или тонкой интерпретации. В нем есть единственная ошибка, но ее нельзя вменять Вам в вину.

«Трубы», звучащие во время жатвы, — это не «рога» охотников. У местных жнецов существует обычай дуть по утрам и вечерам в коническую трубу из белой жести, издающую тихий, монотонный, тревожный, но при этом далеко разносящийся звук. Скрежет режущих серпов «похож» на стрекот кузнечиков, поедающих... пшеничную солому. Вот и все[12].

Мне сказали, что в русском тексте есть очень красивые находки и что три последних стиха обладают совершенной музыкальностью и красотой[13]. Вы пишете мне о своих переводах «Увертюры» из «Лучшего становления» (о, безусловно, ужасного!), а также «Финала». Затем переводы стихотворения IX из «Кровли человечества» и пантума моей черной кошке Кушинг. Ради меня Вы возложили на себя работу, за которую я Вам бесконечно признателен и за которую благодарю. Еще Вы написали мне, что хотите опубликовать в «Вопросах жизни» этюд о новом издании моей книги[14]. Да, разумеется, когда это произойдет, я буду польщен честью быть представленным Вами в этом журнале. Одного из главных редакторов «Вопросов жизни» я имел удовольствие встречать здесь, в Париже, и он даже зашел на часок ко мне в гости вместе с русскими друзьями...[15] Я ознакомился с заметкой Мире об «Экри пур л'ар», опубликованной в этом журнале[16]. Мы все были очень этому рады. А потом события помешали Ж. Руайеру высказать свою благодарность, хотя он очень хотел это сделать...

Итак, спасибо, дорогой друг, еще и еще раз спасибо!

Ваш Р. Г.

[1] Письмо Брюсова, упоминаемое Гилем, нам неизвестно.

[2] В начале сентября 1905 г. по многим городам России прокатились бурные забастовки, сопровождаемые политическими требованиями. В письме от 24 сентября 1905 г. Брюсов признавался П. П. Перцову: «...Для меня этот прошедший год был годом исключительным очень. "Пережито" (не люблю этого надсоновского слова) — много. И все это на фоне трагических переживаний всей России. Шестнадцатидневный бой под Мукденом и погибель целой армады у Китайских берегов — эти беспримерные события только потому, как неотступная галлюцинация, не овладели воображением всех, что у "всех" этого самого воображения давно нет. У меня же, что бы ни говорили злорадствующие мои критики, причисляющие меня к поэтам александрийцам, доля этой способности есть и до сих пор я не могу освободиться от бреда, от кошмара нашей войны. Мне все сдается, что рубеж был, что новая эпоха истории настала, и мне обидно, мне нестерпимо, что никто, совсем-таки никто не хочет этого видеть. А если кто внешне со мной соглашается, то имеет в виду указ о Государственной Думе. [...] Революция... Плохо они делают эту революцию! Их деятели — сплошная бездарность! Не воспользоваться никак случаем с "Потемкиным"! Не использовать до конца волнений на Кавказе! Не дать за 16 месяцев ни одного оратора, ни одного трибуна. Всех примечательнее оказался поп Гапон. Стыд! Но хороши и их противники! Трусливое, лицемерное, все и всюду уступающее правительство! Император, заключающий постыдный мир! [...] Бывают побитые собаки: зрелище невеселое. Но побитый всероссийский император!» (Печать и революция. 1926. Кн. 7, октябрь–ноябрь. С. 43—44). В октябре забастовочное движение продолжало нарастать, по всей России прошли многотысячные митинги и демонстрации, вспыхнули баррикадные бои. Войска стреляли в демонстрантов, начались погромы, убийства на улицах. 17 октября был издан царский манифест, провозглашавший «незыблемые основы гражданской свободы», однако в ноябре забастовки возобновились с новой силой.

[3] В поисках выхода из затруднений, связанных с печатанием журнала, редакция объединила номера за сентябрь и октябрь 1905 г. в один выпуск (№ 9—10).

[4] Речь идет о книге Фридолена Верма (Fridolin Werm) «Цветущая пасха и стихотворения» («Pâques fleuries et Poèmes», 1905), рецензия на которую была опубликована в № 12 журнала за 1905 г.

[5] См. примечание 10 к письму № 28.

[6] Как указывалось выше, в № 6 были опубликованы рецензии Гиля на книги Э. Дюбюса, Дж.-Антуана Но и Себастьяна-Шарля Леконта. В № 7 — первая часть обширного «Письма о французской поэзии», посвященного Верлену, и отзыв о книге Тео Варле. В № 8 была напечатана заметка о сборнике Валентины де Сен-Пуан (Valentine de Saint-Point) «Поэмы моря и солнца» («Poèmes de la Mer et du Soleil», 1905), в действительности посвященная скорее теме «женской» поэзии, чем непосредственно поэтессе (по-французски — в «Ecrits pour l'art», 1905, juillet, No. 5). Таким образом, у Гиля были все основания жаловаться на неуплату гонораров.

[7] См. примечание 9 к письму № 27.

[8] Речь, по всей вероятности, идет о драме Брюсова «Земля» (впервые — в альманахе «Северные цветы Ассирийские», М., 1905). Отзыв Волошина в «Ecrits pour l'art» напечатан не был.

[9] Второй муж А. В. Гольштейн, Владимир Гольштейн, врач по профессии, опубликовал в журнале «Ecrits pour l'art» две статьи: «На пороге метапсихики» («Au Seuil de la Métapsychique») и «Разрушаемая материя» («La Matière destructible»). Очерк о творчестве Брюсова в журнале напечатан не был.

[10] Через некоторое время, в неподписанной заметке, посвященной последнему номеру журнала «Ecrits pour l'art», «Весы» сообщали следующее: «С выходом 12 (февральского) № прекратилось издание журнала "Ecrits pour l'art", на который нам несколько раз случа-

лось обращать внимание читателей. Нельзя не пожалеть этого издания, как одного из наиболее живых и идейных. Между прочим "Ecrits pour l'art" уделяли много места русской литературе. За год в них было напечатано: переводы двух стихотворений К. Бальмонта ("В глухие дни, "Южный полюс луны"), трех Макса Волошина, поэмы Валерия Брюсова ("Последний день") и подробный критический анализ трагедии Вячеслава Иванова "Тантал"» (1906. № 2. С. 84. Рубрика «В журналах и газетах»).

Отметим также, что, помимо освещения символистской литературы, в «Ecrits pour l'art» была опубликована рецензия Виктора Личфуса на рассказ Леонида Андреева «Красный смех» (1905, juillet. No. 5).

[11] Упоминаемое письмо Брюсова, вероятно, утрачено.

[12] Речь идет о строке из перевода Брюсова «Жалоба пастушке», звучащей в первой публикации следующим образом: «Когда слетает лист, и воет ловчих рог» (Вопросы жизни. 1905. № 12. С. 119). Во всех последующих переизданиях текст был видоизменен с учетом замечаний Гиля: «Когда слетает лист, и воет звонкий рог».

[13] Лучшие по звучанию строки перевода были отмечены самим Брюсовым. Так, в его недатированном письме к А. М. Ремизову говорится: «Посылаю на Ваше имя перевод из Р. Гиля (вместо обещанных, но все неисполненных еще переводов из Верлена) для № 12 "В[опросов] Жизни", если он печатается. Боюсь, что стихи Гиля не понравятся [...]. Объясните [...], прошу, что это стихи — утонченнейшие. Нет, кажется, ни одного стиха, где не было бы какой-нибудь соблазнительной хитрости. Такие "находки", как

И пол*он* небоскл*он* *его* *истом*ным *стоном*
И *в*еет *в*етр *в* овсе...

или

Дожд*ем*, что *по* тр*о*пам *топ*тался и *по* полю... (Выделено везде Брюсовым. — *Р. Д.*)

станут стихотворными пословицами. Во всяком случае сам я высоко ценю этот свой перевод» (ЛН 1994. С. 197).

[14] Летом 1905 г. Брюсов предложил журналу «Вопросы жизни» цикл очерков о французских поэтах, в число которых он включил новый этюд о Рене Гиле, «более интересный», по его словам, чем очерк, опубликованный в 1904 г. в «Весах (см. его письмо к Г. Чулкову от 20 августа 1905 г.: *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930. С. 327). Новая книга Гиля, вышедшая в 1905 г., представляла собой исправленное переиздание цикла «Сказание о лучшем» («Dire du Mieux»), состоящего из двух книг: «Лучшее становление» («Le Meilleur Devenir») и «Простодушный жест» («Le Geste Ingénu»). Замысел Брюсова по написанию очерка не был реализован. В феврале 1906 г. журнал «Вопросы жизни» прекратил свое существование.

[15] Речь идет об издателе Дмитрии Евгеньевиче Жуковском (1868—1943), познакомившемся с Гилем, вероятно, благодаря А. В. Гольштейн или Волошину. В письме, отправленном в начале апреля 1905 г. из Парижа, Волошин сообщал Брюсову, что «увидал бывшего недавно здесь редактора "Вопросов жизни" Жуковского» (ЛН 1994. С. 354).

[16] Обзор нескольких номеров журнала «Ecrits pour l'art» за подписью Мире (псевдоним писательницы и переводчицы Александры Михайловны Моисеевой, 1874—1913) был напечатан в № 9 «Вопросов жизни» за 1905 г. Предложив в качестве вступления беглое описание особенностей французской литературно-художественной периодики, Мире посвятила свою статью преимущественно пересказу напечатанных в журнале отрывков из прозаических произведений (в частности, «Кехат» Садиа Леви), отличающихся, по ее словам, «блестящим мастерством стиля и свежестью замысла» (С. 290). При этом она не за-

была отметить, что журнал занимает одно из видных мест «среди периодических изданий, посвященных искусству», и что «во главе его стоит René Ghil» (Там же). Брюсову было известно творчество Мире, лично ему незнакомой. Ранее он опубликовал в «Весах» короткую рецензию на ее книгу «Жизнь» (1904. № 8. С. 56). В 1902 г. с писательницей встречался М. Волошин.

30. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

René Ghil
16 bis rue Lauriston. Paris, 10 Janvier 1906

Mon cher Ami,

Vers la fin de Novembre, je saisissais un moment d'accalmie pour vous écrire. (Avez-vous reçu cette lettre?) Je l'avais recommandée. Mais, depuis, quelles épouvantes ont fait crier la Russie, et particulièrement votre noble ville de Moscou![1]

Nous avons voulu espérer, ici, que les nouvelles qui venaient étaient exagérées, mais comme j'ai souvent pensé à vous, à ceux de la *Balance*, à Balmont, à M. Poljakoff, — à tous les amis nouveaux de là-bas de qui je m'honore. A Mlle Rounth...

Je vous prie, si cette lettre vous parvient, écrivez-moi: donnez-moi de vos nouvelles et de tous.

Espérez-vous, maintenant, que le calme va renaître et que la vie politique, endiguée, va revenir à la juste notion du droit, — et du Devoir. La vie intellectuelle, en même temps, va-t-elle reprendre ce cours dont nous nous réjouissions? La *Balance*? Certainement, elle a arrêté, sous ce ciel de rouge cauchemar, sa publication. Pensez-vous la reprendre bientôt...[2]

Ici aussi, nous avons été fort troublés, par les bruits de guerre à propos de cette misérable question du Maroc qui cache nombre de convoitises financières et autres[3]. Que tout cela est donc entravant à la pensée humaine et qu'est cette Civilisation dont on parle tant — entre loups!....

Les *Ecrits pour l'art* viennent de publier une traduction de vers de Balmont et de Volochine, traduction la première prête[4]. Le No. de Février publiera de vous le *Dernier Jour*[5], avec un compte-rendu détaillé et approfondi de votre Drame paru dans les *Fleurs du Nord*[6]. Ce sera, je crois, très goûté, comme déjà ce qui a été donné de vos amis.

Les *Ecrits pour l'art*? les avez-vous reçus? Nous voici à la fin de leur première année. Ce fut une collection d'art très noble, mais malheureusement, ce ne répond pas à ce que doivent être ces *Ecrits [pour l'art]* qui doivent se pénétrer de philosophie scientifique, et ainsi voir et comprendre à travers elle le processus vital en concordance avec le phénomène universel. Sans les diriger en rien, j'avais prêté le titre de ma revue d'autrefois, — et je crois bien qu'il vaudra mieux, pour que ma pensée ne soit dénaturée, que je prononce la suspension de cette nouvelle Série, qui n'aura eu qu'un an... Quitte à reprendre plus tard, avec des éléments venus récemment, mais trop tardivement[7]. —

A ce propos, un poète Anglais de grande valeur, John Davidson, après d'autres oeuvres, vient de publier un livre d'«essais» précédant un Drame, — où, avec grand bruit soulevé et qui rappelle celui que je soulevais moi-même, il se prononce pour la «Poésie de la Science». Nous en parlons en ce No. de Janvier: c'est, pour moi, un événement dans la pensée internationale, très important, et dont j'ai lieu de me réjouir grandement[8].

— Et, voici, mon cher ami, la nouvelle année. Qu'elle soit bonne pour vous et les vôtres, pour tous nos amis, — pour le travail auquel, là-bas, vous et M. Poljakoff m'avez fait l'honneur de m'associer, et que nous reprendrons demain! je l'espère...

Encore tous mes voeux, de tout coeur! A bientôt de vos bonnes nouvelles. Je vous serre affectueusement la main.

René Ghil

12 janvier. J'ai tardé de deux jours à envoyer cette lettre, espérant de vos nouvelles, peut-être. Ce matin, en effet, je reçois le No. 9—10 de la *Balance!*[9] C'est une bonne et très bonne nouvelle! Et, hier soir, un Polonais qui parle le Russe, se trouvant chez un Russe à Paris, a entendu *lire une traduction de vous, de Vers de moi*: de ce qu'il m'en a dit, je crois qu'il s'agit de *l'Ouverture cosmique* de mon *Meilleur Devenir*, que vous auriez traduite? Il n'a pu me dire où cela avait paru, ni quand[10]. Si c'est cela, grand merci, déjà!... Je vous prie, dès ce mot reçu, écrivez-moi et parlez-moi de tout cela. Tout concorde à me faire espérer que votre santé est bonne et de tous ceux de la *Balance*. J'écris donc à Mlle Rounth à la Rédaction. Au cas où elle n'aurait pas ma lettre, voulez-vous lui dire de m'écrire, je l'en prie. Dois-je lui envoyer la seconde partie sur Verlaine, et des comptes-rendus?

Elle doit avoir celui sur Van Bever, qui peut toujours passer maintenant[11]. J'attends une lettre d'elle — et de vous, mon cher ami. Votre René Ghil

30. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Рене Гиль
Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 10 января 1906 г.

Дорогой мой друг!

В конце ноября, в период затишья, я выбрал время, чтобы написать Вам. (Получили ли вы мое письмо?) Я послал его заказным. Но с тех пор какие жуткие события потрясли Россию и в особенности Ваш благородный город — Москву[1].

Мы здесь надеялись, что поступающие новости были преувеличением, но как часто я думал о Вас, о товарищах по «Весам», о Бальмонте, Полякове, обо всех моих новых друзьях из России, знакомство с которыми большая для меня честь. О мадемуазель Рунт...

Напишите мне, пожалуйста, сразу по получении этого письма и расскажите о себе и обо всех.

Сохранили ли Вы надежду, что спокойствие теперь восстановится и что нарушенная политическая жизнь будет вновь руководствоваться справедливыми нормами права — и Долга? И вместе с этим вернется ли вновь интеллектуальная жизнь в свое прежнее русло, так нас радовавшее? А «Весы»? Публикация их была, безусловно, приостановлена под небом кровавого кошмара. Предполагаете ли Вы, что они скоро возобновятся?[2]

Мы здесь тоже были сильно взволнованы слухами о войне из-за презренного марокканского вопроса, за которым скрывается немало финансовых и прочих притязаний[3]. Как все это мешает развиваться человеческой мысли и что же это за Цивилизация, о которой столько говорят, — чем не волчья стая!..

В «Экри пур л'ар» были недавно опубликованы переводы стихотворений Бальмонта и Волошина, первые готовые переводы[4]. В февральском номере появится Ваш «Последний день»[5] вместе с подробной, глубокой рецензией на Вашу драму, также вышедшую в «Северных цветах»[6]. Думаю, что сделано это будет с хорошим вкусом подобно уже опубликованным произведениям Ваших друзей.

Дошли ли до Вас номера «Экри пур л'ар»? Скоро наступит первая годовщина издания этого журнала. Получилось крайне изысканное собрание, не отвечающее, к сожалению, задачам органа, которому надлежало пропитаться научной философией и через нее видеть и понимать жизнеспособный процесс, протекающий в гармонии с явлениями вселенского порядка. Никак не участвуя в руководстве редакцией, я предоставил ей название моего давнего журнала и сейчас, дабы избежать перерождения своей идеи, уверен, что будет лучше, если я объявлю о приостановке этой новой серии, которой исполнится всего только год... Я свободен позднее вновь вернуться к журналу вместе с силами, пришедшими в литературу в последнее время, хотя и с некоторым запозданием[7].

В этом плане хочется упомянуть крупного английского поэта Джона Давидсона. После нескольких других произведений он недавно опубликовал подборку «эссе», предваряющих драму, и в ней объявил себя сторонником «Поэзии науки», вокруг чего поднялось много шуму, что напомнило мне о шуме, причиной которого когда-то был я сам. Мы пишем об этом в январском номере. Для меня это очень важное событие в международной интеллектуальной жизни, и я ему несказанно рад[8].

И вот, мой дорогой друг, наступил новый год. Пусть он будет добрым для Вас, для Ваших близких, для всех наших друзей, для работы, к которой Вы с г-ном Поляковым приобщили меня и за которую, я надеюсь, мы снова примемся завтра...

Еще раз мои самые сердечные пожелания! Жду от Вас новостей в самое ближайшее время. Сердечно жму Вашу руку.

Рене Гиль

12 января. Я два дня медлил с отправкой письма, возможно, надеясь получить от Вас известие. Сегодня утром я действительно получил № 9-10 «Весов»[9]. Это хорошая, очень хорошая новость! А вчера вечером один поляк, говорящий по-русски, упомянул в гостях у одного русского в Париже, что слышал, как *кто-то*

декламировал Ваш перевод моего стихотворения. Из того, что он мне рассказал, я понял, что это была «Космическая увертюра» моего «Лучшего становления», — ведь Вы ее переводили? Он не мог вспомнить, ни где это было напечатано, ни когда[10]. Если это правда, огромное спасибо!.. Сразу же по получении моего письма напишите мне, пожалуйста, и расскажите обо всем этом. Из разных сообщений я делаю вывод, что Вы находитесь в добром здравии, как и все другие сотрудники «Весов». Я написал мадемуазель Рунт на адрес редакции. Если она не получила моего письма, не могли бы Вы попросить ее написать мне. Должен ли я послать ей вторую часть статьи о Верлене и рецензии?

У нее есть материал о Ван Бевере, который сейчас может пойти[11]. Жду письма от нее и от Вас, дорогой друг. Ваш Рене Гиль

---

[1] Имеются в виду выступления московских рабочих в декабре 1905 г. и, в частности, всеобщая стачка, переросшая 9 декабря в вооруженное восстание. 10—11 декабря во всех районах Москвы возникли баррикады. Восстание было жестоко подавлено. В ходе уличных боев 17—19 декабря в городе было убито более 1000 человек.

[2] Выпуск дальнейших номеров «Весов» стал нерегулярным из-за революционных событий зимы 1905 г., усложнивших печатание. Когда выход декабрьского номера безнадежно затянулся, издатели прибегли к своеобразному решению: напечатали № 12 за 1905 г. двойным тиражом и вторую половину тиража выпустили под другой обложкой, на которой, однако, был указан № 1 за 1906 г. В своем письме Гиль, очевидно, имеет в виду не временную приостановку журнала, а бытовавшую в «русском» Париже уверенность, что «Весы» полностью прекратили свое существование: «Я все время ничего не знал о “Весах”, — писал Волошин Брюсову в самом начале 1906 г., — и по тем немногим слухам, что доходили до меня, и по словам Бальмонта, я предположил, что они, по всей вероятности, совсем выходить не будут» (ЛН 1994. С. 358).

[3] Речь идет о первом кризисе, возникшем в ходе борьбы Франции за овладение Марокко. В начале 1905 г. французская дипломатия попыталась вынудить марокканское правительство провести отвечавшие интересам Франции реформы, пригласить в страну французских советников и предоставить французским компаниям крупные концессии. Однако уже 31 марта император Германии Вильгельм II, будучи в Танжере, публично пообещал султану Марокко поддержку. В июне Франция была вынуждена принять требование Германии о созыве международной конференции, которая состоялась в 1906 г. На этой конференции Германия, вопреки ожиданиям, оказалась в изоляции. Существенно ослабить позиции Франции ей не удалось. Тем не менее, французская оккупация страны была отсрочена. О продолжении этой темы см. примечание 2 к письму № 84.

[4] Упомянутые нами выше два стихотворения Бальмонта («В глухие дни», «Южный полюс луны») и три неопубликованные к тому времени по-русски стихотворения Волошина («Зеркало», «Старые письма», «Быть заключенным в темнице мгновенья...») были напечатаны в «Ecrits pour l’art» в переводе А. В. Гольштейн. Публикация сопровождалась следующей редакционной сноской, написанной, по всей видимости, переводчицей: «К. Бальмонта надлежит считать главой поэтической школы, характеризуемой идеалистическими тенденциями. Идеалистическое движение в России по основному направлению своей эволюции напоминает, если не повторяет, литературное движение во Франции последних лет. Валерий Брюсов, стихотворения которого мы опубликуем в следующем номере, Андрей Белый, Балтрушайтис и некоторые другие принадлежат к поэтам, группирующимся в той или иной степени вокруг московского книгоиздательства “Скорпион” и видного, интересного журнала “Весы”, выпускаемого также в Москве» [«M. K. Balmont doit être considéré comme le chef

d'une Ecole poétique à tendances idéalistes. Le mouvement idéaliste Russe rappelle, s'il ne le répète, le mouvement littéraire Français des dernières années pris en son évolution générale. — M. Valère Brussov de qui nous donnerons des poèmes au numéro prochain, André Biely, Baltrouchaïtis, et d'autres encore appartiennent à ce Groupe d'écrivains plus ou moins liés à la maison d'édition Moscovite "Le Scorpion", et à l'intéressante et importante Revue *la Balance*, de Moscou» (Ecrits pour l'art. 1905, décembre. No. 10. P. 489)]. О Волошине чуть ниже было сказано, что его стихи публиковались в различных журналах и альманахе «Северные цветы».

[5] См. примечание 6 к письму № 32.

[6] См. примечание 8 к письму № 27.

[7] Некоторые подробности конфликта, приведшего к прекращению «Ecrits pour l'art», мы узнаём из некролога Жана Руайера, написанного в связи с кончиной Гиля. Характерно, что Руайер до конца сохранил теплые чувства по отношению к старшему поэту, который, по его словам, оказал на него решающее влияние: «бросил меня в море, чтобы научить плавать!» [«il m'a jeté à la mer pour m'apprendre à nager!» (Mercure de France. 1925, 1 novembre. P. 661)]. Подобно Гилю, Руайер объяснял возникшие разногласия чисто идеологическими соображениями: «Постепенно [...] наши расхождения выплеснулись на поверхность, и мы поняли, что искренние убеждения каждого из нас только углубляют возникшую между нами теоретическую пропасть. В результате обе стороны приняли решение разойтись. Мы сделали это чистосердечно по прошествии одного года, но я не отступил от своих замыслов в художественной области и, следуя уже намеченным путям, плавно перешел из "Экри пур л'ар" в "Фалянж", журнал, который я основал 15 июля 1906 г.» [«Peu à peu <...>, nos divergences éclatèrent et nous comprîmes que nos deux sincérités ne faisaient que creuser entre nous deux un fossé théorique. Il en résulta de part de l'un et de l'autre la décision de nous séparer. Nous le fîmes de bonnes foi, au bout d'une année, mais je ne renonçai pas à poursuivre mon dessein esthétique dans les voies que je m'étais ainsi tracées et, sans heurt, je passai des *Ecrits pour l'art* à *la Phalange*, que je fondai le 15 juillet 1906» (P. 680)].

[8] Хвалебная рецензия на книгу Джона Давидсона (1857—1909) «Театрократ» («Theatrocrat», 1905), как и пишет Гиль в своем письме, была опубликована в январском (одиннадцатом) номере журнала «Ecrits pour l'Art» за 1906 г. (Laurence Jerrold «Un livre de M. John Davidson»).

[9] См. примечание 3 к письму № 29.

[10] Точную дату и место этого события, а также личность человека, указавшего Гилю на публичное чтение переводов Брюсова, установить не удалось. Текст перевода, упоминаемого в письме, нами не обнаружен.

[11] Рецензия на книгу Шарля Вийона, сьера да Далибре, составленную Адольфом Ван Бевером («Oeuvres poétique du sieur de Dalibray»), пролежала в редакции несколько месяцев и была напечатана только в № 10 за 1906 г. В № 3 за 1907 г. она вновь появилась на страницах «Весов» в другом переводе и без каких бы то ни было объяснений. Произошло это явно по недосмотру Брюсова, не вникшего в суть упреков Гиля. Как очень скоро выяснилось, Гиль знал о том, что первая публикация состоялась (см. письмо № 38). Оригинал рецензии Гиля на книгу Ван Бевера сохранился в отделе рукописей ИМЛИ в Москве (Ф. 291). Здесь же находится рукопись рецензии Ван Бевера на книгу Агриппы Д'Обинье, в «Весах» не опубликованной. В дальнейшем Гиль опубликовал короткую заметку еще об одной книге, составленной Ван Бевером, — двухтомной антологии «Певцы земли» («Poètes du Terroir», 1910), посвященной французской литературе XV—XVI вв. (Русская мысль. 1910. № 7).

31. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

15/28 Février 1906

Cher maître et ami

Il y a à peu près deux mois que nous n'avons pas de vos nouvelles, cela me fait penser très souvent à vous et me rend inquiet pour vous. Ne vous est-il rien arrivé, êtes-vous en bonne santé?[1]

Je vous ai envoyé avant mon départ pour Pétersbourg une longue lettre et de Pétersbourg même une carte postale[2], je vous ai aussi adressé mon nouveau recueil de vers[3]. Quant à la rédaction de la *Balance*, elle vous a envoyé une lettre et vos honoraires pour Nos 9, 10 et 11[4]. Excusez-moi cette énumération d'envois, mais c'est à cause que jusqu'à présent nous doutons de la fonction régulière de notre poste.

La *Balance* reprend ses forces et va paraître en 1906 exactement. Nous attendons de vous des comptes-rendus sur les recueils de vers français et des *Lettres sur la poésie française*. Peut-être voudrez-vous nous donner un aperçu de la poésie française pour les 12 mois — janvier 1905—janvier 1906[5]. Vous nous en rendrez un grand service...

31. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

15/28 февраля 1906 г.

Дорогой Учитель и друг!

Прошло уже около двух месяцев, [как от Вас нет] вестей, поэтому я очень часто думаю о Вас и беспокоюсь о Вас. Не случилось ли с Вами чего-нибудь, здоровы ли Вы?[1]

Я послал Вам до моего отъезда в Петербург длинное письмо и из Петербурга открытку[2], я также послал Вам мой новый сборник стихов[3]. Что касается редакции «Весов», то ею послано Вам письмо и гонорар за №№ 9, 10 и 11[4]. Вы простите меня за перечисление [отправлений], но дело в том, что до сих пор работа почты у нас под сомнением.

«Весы» набираются прежней силы и будут выходить в 1906 г. аккуратно. От Вас мы ждем отчетов о французских сборниках стихотворений и «Писем о французской поэзии». Может быть, Вы пожелаете дать нам обзор французской поэзии за все 12 месяцев — от января 1905 по январь 1906[5]. Вы этим окажете нам большую услугу...

Предположительно, первая страница копии черновика на бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион» с одним исправлением грамматической формы. Окончание письма нам неизвестно.

[1] «Что Рене Гиль, знаете ли Вы что-нибудь о нем?» — спрашивал Брюсов в письме к Волошину от 9 марта (н. ст.) 1906 г. (ЛН 1994. С. 359).

[2] Письмо и открытка, о которых пишет Брюсов, вероятно, утеряны.

[3] Имеется в виду книга Брюсова «Στέφανος. Венок. Стихи 1903 — 1905 года», вышедшая в свет в конце декабря 1905 г.

[4] В названных Брюсовым номерах публикаций Гиля не содержится.

[5] См. примечание 3 к следующему письму (№ 32).

32. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 6 Mars, 1906

Bien cher Poète et Ami,

Pardonnez mon long retard, et cette lettre qui, aussi, sera courte, afin que je puisse l'envoyer à l'instant...

J'ai reçu tous les envois. Votre livre[1], et les honoraires. Je vous demande instamment de prier Mademoiselle Runth de m'excuser. Je voulais, en lui accusant réception, lui adresser la copie, que, comme vous-même, elle voulait bien me demander très gracieusement. — Et voici que j'ai été *très, très grippé*, avec vraiment l'impossibilité de lire, et surtout d'écrire de sérieuses choses.

C'est là un état insupportable, cette lassitude qui persiste si longtemps!

Je vais bien maintenant, remis au travail depuis une semaine, et votre lettre m'a trouvé en train d'écrire ces *deux comptes-rendus* que je vous prie de trouver ici et de transmettre à Mademoiselle Runth, avec mes hommages et encore ma demande d'un pardon[2].

J'avais prévu votre demande d'un résumé de l'année poétique, et je l'ai commencé. Mais, je crois qu'il est intéressant (c'est ce travail que je fais), de résumer, avec les essentiels passages des opinions émises, le livre paru au *Mercure [de France]* ces temps, l'Enquête de MM. G. Le Cardonnel et Vellay[3]. Je débrouillerai cela, qui est un beau chaos, d'assez mesquine pensée, et d'assez petites âmes chez plusieurs... Vous verrez qu'il y a réaction contre le Symbolisme, et contre moi, — d'ailleurs superficiel, tout cela, et monté assez maladroitement[4]. La vérité, c'est qu'il y a une *décadence* extraordinaire. Il faut que vous ayez cela, car c'est un petit point d'histoire à noter.

Ce fera un petit article à part, que Mlle Runth (prévenez-la, je vous prie) va recevoir. Je l'enverrai sous *trois* à *quatre* jours. —

J'aurais voulu vous parler de votre livre. Oh! les langues qui nous séparent!.. Notre ami Volochine, seul, peut m'en donner une idée, mais on le voit à peine ces temps-ci, car je crois qu'il travaille beaucoup. Je l'ai vu l'autre jour à l'Exposition Redon[5]. En attendant, acceptez mon remerciement, et du livre et de votre amitié bien fidèle! — Le dernier No. des *Ecrits pour l'Art* vient de paraître, avec votre beau, grand, évocateur Poème, le *Dernier Jour* que j'admire beaucoup. Je le crois très fidèlement traduit[6], et je l'ai revu aussi, pour, peut-être, y ajouter, en essayant de

pénétrer votre pensée, plus de cette atmosphère [illisible], brûlante et parfumée, que j'y sens.

Une petite notice sur vous, de Volochine, suit cette traduction[7]. Les *Ecrits [pour l'art]* ne recommencent pas une seconde année. Je vous l'avais fait pressentir, car il vaut mieux, dans l'intérêt même de l'Art que j'ai apporté, qu'on en reste là. Il n'y a pas eu, de la part du R[édacteur] en chef, à qui j'avais confié le titre de cette Revue, une compréhension assez nette. D'où cette série est un beau volume d'art, certes noble et haut, mais qui n'est pas caractérisé comme ce devait être...[8]

Et maintenant, encore, pardonnez-moi. Je termine à la hâte. Et si vous ne m'en voulez pas, écrivez-moi un de ces jours, n'est-ce pas?

Tout mon merci. Le bien vôtre,

René Ghil

M. Volochine m'a dit que M. Balmont est à Paris. Je vais le voir sous peu, j'espère, bien heureux de le revoir[9].

— Vous me direz si vous voulez plusieurs No. de *Ecrits [pour l'art]* où est votre poème. Dites-moi aussi si vous avez bien la collection complète[10].

32. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 6 марта 1906 г.

Дорогой друг и поэт!

Прошу простить меня за долгую задержку. И за это письмо, которое также будет кратким, что объясняется желанием немедленно его отослать...

Я получил все, что Вы мне посылали. И Вашу книгу[1], и гонорары. Я сразу же прошу Вас передать мои извинения мадемуазель Рунт. Я хотел было подтвердить ей получение денег в письме, приложенном к отправляемой рукописи, заказанной мне столь же любезно, как заказывали Вы, но у меня был *такой грипп*, что я даже не мог читать и тем более писать серьезные вещи.

Совершенно невыносимое состояние — эта бесконечно длящаяся усталость!

Сейчас я чувствую себя хорошо и вот уже неделя, как снова взялся за работу. Ваше письмо пришло в то время, когда я писал *две рецензии*, которые и отправляю Вам с просьбой передать их мадемуазель Рунт, засвидетельствовав ей мое почтение и еще раз умоляя меня простить[2].

Я предвидел Ваше пожелание подвести итоги прошедшему поэтическому году и уже начал эту работу. Однако мне кажется, что будет интересно (я этим как раз сейчас занимаюсь) дать резюме «Исследования», проведенного Ж. Лекардоннелем и Велле и недавно опубликованного издательством «Меркюр де Франс»[3]. Я хочу процитировать наиболее важные суждения, приведенные в книге, и разобраться в страшной неразберихе довольно низменных мнений, обнаруживших у некоторых людей мелкую душонку... Вы увидите, что ответы представляют собой реакцию

против Символизма и против меня, реакцию, впрочем, поверхностную и весьма неуклюже затеянную[4]. Истина кроется в том, что повсюду царит невероятный *упадок*. Вам необходимо дать этот обзор, поскольку это — историческая веха, заслуживающая внимания.

Статья будет небольшая и вне рубрик. Я направлю ее мадемуазель Рунт (предупредите ее, пожалуйста, об этом). Я вышлю ее *дня через три-четыре*.

Как бы я хотел написать Вам о Вашей книге! Ах, языки разделяют нас... Никто, кроме нашего друга Волошина, не умеет дать мне о ней представление, но мы его почти не видим все это время, поскольку он, кажется, много работает. На днях я встретил его на выставке Редона[5]. А пока примите мою благодарность и за книгу, и за верную дружбу. Вышел в свет последний номер «Экри пур л'ар» с Вашим прекрасным, грандиозным, ассоциативным стихотворением «Последний день», которое меня так восхищает. Мне кажется, оно переведено очень точно[6]. Я поправил перевод и, пытаясь проникнуть в глубину Вашей мысли, усилил [нрзб.], обжигающую, насыщенную ароматами атмосферу, ощущаемую мною в стихотворении.

За переводом следует небольшая заметка о Вас, написанная Волошиным[7]. «Экри пур л'ар» прекращается после первого года своего существования. Я уже пытался объяснить Вам, что в интересах Искусства, привнесенного мною в журнал, будет лучше, если мы на этом остановимся. Со стороны главного редактора, которому я вверил название журнала, не было достаточно четкого понимания. В результате сложилась подборка номеров, бесспорно, отмеченная печатью высокого, изысканного искусства, но не отвечающая изначально определенному предназначению...[8]

А сейчас еще раз прошу у Вас прощения. Спешно заканчиваю. И если вы на меня не сердитесь, напишите мне на этих днях.

Примите всю мою благодарность. Ваш

Рене Гиль

Волошин сказал мне, что Бальмонт находится в Париже. Надеюсь его скоро увидеть, чему буду очень рад[9].

Напишите мне, хотите ли Вы получить несколько экземпляров «Экри пур л'ар» с Вашим стихотворением. Сообщите также, есть ли у Вас полный комплект журнала?[10]

---

[1] См. примечание 3 к предыдущему письму (№ 31).

[2] Речь идет о рецензии на книгу Эмиля Деспакса (Emile Despax) «Дом с глициниями» («La Maison des Glycines», 1905) и рецензии на сборник Шарля Вильдрака (Charles Vildrac) «Стихотворения» («Poèmes», 1905). По-французски обе рецензии были опубликованы с изменениями и дополнениями в «Ecrits pour l'art» (1905, décembre. No. 10).

Обширная рецензия на книгу Эмиля Деспакса послужила Гилю очередным поводом для изложения собственных теорий, якобы вызывающих раздражение у парижских литературных инстанций, в частности, у Французской Академии, «так неожиданно (по его словам) озаботившейся освятить своим официальным сочувствием некоторых новых

поэтов» (Весы. 1906. № 3—4. С. 82.) «Я говорю "некоторых" и "новых" (продолжал он) в смысле новоприбывших. Дело в том, что, кажется, существует безмолвное и некрасивое согласие между иными поэтами из "оппортюнистов" с одной стороны, и университетскими консерваторами и другими представителями старой школы романтиков и парнасцев с другой, — соглашение в том, что, признавая Верлэна, Мореаса, де-Ренье и, отчасти, Верхарна, они стараются убедить (и делают вид, что сами в это верят), будто эти "некоторые" — являются естественным следствием всего поэтического движения столь самопроизвольного, могучего и сложного, последних двадцати лет. Умышленно, или благодаря роковой неспособности понять и продолжить это движение, они избирают тех поэтов или те части в произведениях этих поэтов, которые лишь незначительно удаляются от творческой манеры романтиков и парнасцев. Решившись таким образом на компромисс, они в то же время вооружились всей энергией немой реакции против тех писателей, имена которых звучат как смертный приговор для этой клики. Между тем это враждебное молчание вернее всего показывает, что их не покидает мысль о тех людях, которые создали и продолжают истинную эволюцию, поэзия — это Малларме, Г. Кан, Вьеле-Гриффин, представители "символизма", и я — сам, стоящий во главе "Научной Поэзии"» (Там же).

В отзыве о первой книге Шарля Вильдрака (участника группы «Аббатства»; об этом литературном объединении см. примечание 8 к письму № 35) Гиль приветствовал «молодого поэта, искренне отдающего нам на суд свои страстные искания самого себя и своего собственного пути» (Весы. 1906. № 5. С. 66—67), и указал, что автор «явно должен направить свои усилия к пониманию и к воплощению Вселенной, воссозданной творчески в душе поэта: ибо роковым образом к таким кругозорам пойдет поэзия завтрашнего дня, — а силы реакции и разрушения могут стараться о другом сколько им угодно!» (С. 68).

[3] В 1905 г., при подготовке книги «Современная литература» («Littérature contemporaine»), Жорж Лекардоннель и Шарль Велле последовали примеру знаменитого «Исследования литературной эволюции» Жюля Гюре (1891), прибегнув к методу опроса с целью установления основных тенденций развития поэзии, драмы, романа и литературной критики. В своей статье «Французская поэзия в 1905 году» (Весы. 1906. № 5) Гиль дал детальный анализ этой книги, показавшей, по его словам, «как тщетны были наши ожидания, что в 1905 г. решительнее и полнее проявится новое поэтическое движение» (С. 41). Упадок, царящий во французской поэзии, наиболее полно выразился, по его мнению, в ничтожности самих литераторов, принявших участие в опросе. Заявление подобного рода звучало по меньшей мере странно, поскольку речь здесь шла практически обо всех значительных французских писателях и поэтах первых лет XX века. Назовем нескольких, наиболее знаменитых: Ж.-М. Эредиа, А. Франс, Ф. Брюнетьер, Ф. Коппе, Ж. Мореас, Р. де Гурмон, Ф. Жамм, Ш. Морис, Ф. Вьеле-Гриффен, А. Жид да и сам Гиль, охарактеризовавший собственный ответ на анкету следующим образом: «Я тоже принял участие в анкете, зная, как необходимо опровергнуть заранее, с точными датами, с удостоверенными фактами, разные сознательно и бессознательно-ложные утверждения» (С. 47). Далее Гиль приступил к многословному доказательству тезиса о том, что ничего «нового» в поэзии сказать больше невозможно, ибо еще в 1884 г. «предисловие к моей первой книге (где уже был заложен план моего "Oeuvre" и его методы) прежде всего призывало поэтов к искренним наблюдениям, к пониманию и к осознанию Природы и Жизни, Человека и Общества. И именно из этого предисловия, того времени, заимствуются иными поэтами откровения вчерашнего дня; из него вытекают иные сборники стихов, желающие влиять на современную среду, решающиеся воспевать человеческую деятельность, фабрики, мастерские, машины, полевые работы...» (Там же).

[4] Имя Гиля было упомянуто в ответах писателей лишь единожды, да и то мимоходом. На страницах «Весов» это упоминание заняло, однако, несравнимо большее место: «Не буду совершенно отрицать и сказанного обо мне, что "Ренэ Гиль готов верить в тайное

торжество своих идей". Я был бы опечален их преждевременным торжеством, ибо новая доктрина не может утвердиться так быстро, особенно в среде, лишенной однородности идей, без стремления к единству, как то показывает нам сама анкета. Но, действительно, я думаю, что мои приемы творчества и отдельные части моего "Oeuvre" оказали свое влияние на самый символизм. Что касается до моего общего учения о "научной поэзии", то оно еще не торжествует, но ее тайные силы медленно распространяются даже под современной реакцией. Чувствуется ее постепенное утверждение — в том, что иные отрицают ее, другие пользуются ею в своих плагиатах, третьи более или менее безмолвно черпают из нее свои идеи. Тем не менее ее принципы признаны многими, даже из числа ответивших на анкету... Видно, что я посмел сильно натянуть свой лук, так как моя стрела должна лететь далеко!» (С. 48).

[5] Выставка Одилона Редона состоялась с 28 февраля по 15 марта 1906 г. в галерее П. Дюран-Рюэля.

[6] В постскриптуме письма к Волошину от 9 марта н. ст. 1906 г. Брюсов писал о переводе своей «лирической поэмы» «Последний день», выполненном Мари Ле Гран (Marie Le Grand — см. о ней примечание 6 к следующему письму. № 33): «Спасибо за примечание к переводу "Последнего дня". Стихи потеряли почти все в переводе!» (ЛН 1994. С. 361).

[7] Заметка Волошина представляла собой его первый печатный отзыв о Брюсове. Приводим ее в опубликованном русском переводе (Там же) и оригинале: «Если г-н Константин Бальмонт может считаться королем русских поэтов, то Валерию Брюсову по праву принадлежит титул их мэтра. Начиная с первых сборников ("Me eum esse", "Chefs d'oeuvre", "Tertia vigilia"), вплоть до "Urbi et orbi" и последней, только что изданной книги "Stephanos", все творчество Валерия Брюсова — упорный и последовательный путь к совершенству. Неослабным воздействием своего искусства, достоинства которого неоспоримы, он сдвигает с места глыбу русского Слова, исследует и разлагает его, ищет и находит в нем еще неслыханную гармонию. В этой области он — химик Слова, обладающий аналитической интуицией (но отнюдь не проникновенной музыкальностью Бальмонта). Начав с изобилия пышных фраз, он достигает в своих последних вещах классической простоты, почти прозрачности пушкинского стиха. Историк и библиограф одновременно присутствуют в стихотворениях Брюсова, и стебель акации более подошел бы к его музе, чем лавровый венок. М. В.» [«Si M. Constantin Balmont peut être considéré comme le Prince des poètes Russes, c'est à Valère Brussov qu'appartient de droit le titre de leur Maître. Depuis les premiers Recueils *(Me eum esse, Chef-d'oeuvre, Tertia Virgilia)*, jusqu'a *Urbi et Orbi* et le dernier volume, *Stephanos*, qui vient de paraître, l'oeuvre de Valère Brussov n'a été qu'un perfectionnement tenace et continu. D'un effort inlassable d'un art d'incontestable valeur il déplace le bloc du vers russe, le pénètre et le désagrège, et cherche et trouve, des harmonies dont on n'eut pas encore conscience. Dans ce domaine il possède l'intuition analytique d'un chimiste du Verbe, non la musique profondément vibrante de Balmont cependant. Après avoir débuté d'une richesse exubérante de la phrase, il arriva dans les dernières oeuvres à la simplicité classique, à la transparence même du vers de Pouchkine. L'historien et le bibliographe en même temps sont présents dans les poèmes de Valère Brussov, et une tige d'Acacia siérait mieux à sa muse que la couronne de laurier» (Ecrits pour l'art. 1906, février. No. 12. P. 581. Подпись: M. V.)].

[8] См примечание 7 к письму № 30.

[9] 31 декабря 1905 г. Бальмонт, опасаясь ареста, нелегально покинул Россию и с 1906 г. жил в Париже.

[10] Наличия в библиотеке Брюсова полного комплекта журнала установить не удалось.

33. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 23 Mars 1906

Cher Poète, cher Ami,

Je vous suis infiniment reconnaissant de votre excellente lettre, très heureux de vos bonnes nouvelles[1]. Votre idée de petits volumes, consacrés chacun à un poète est parfaite, et combien ces poètes vous devront de gratitude. Je vous exprime et vous prie d'agréer la mienne, dès maintenant, — puisque vous comptez me placer en cette série[2]. Quand il en sera temps (vous me préviendrez), nous parlerons des poèmes qui pourraient, soumis à votre avis, composer le petit volume. Je souhaiterais quelque chose *de chaque volume* de l'Oeuvre, afin d'en montrer la montée et l'unité. Je vous donnerais chaque fragment *corrigé*. Vous m'en reparlerez donc, n'est-ce pas, à votre loisir.

— Je regrette aussi les *Ecrits [pour l'art]*, mais seulement en ce sens: que maintenant, l'on aurait été en mesure de donner des traductions des poètes les plus nouveaux en donnant la direction nouvelle, en plusieurs pays d'Europe. J'aurais voulu créer surtout des relations suivies avec la Russie, avec Moscou surtout, vrai centre de la nouvelle pensée, chez vous.

Or, — il a manqué de l'argent, c'est vrai, — mais, même s'il y en eût eu beaucoup, j'aurais usé de mon droit (réservé en même temps que je prêtais le titre de ma Revue d'autrefois) de faire cesser cette Revue. Car, du R[édacteur] en chef en qui je mis ma confiance et qui lui-même rédigea la Déclaration de Direction, j'ai dû reconnaître peu à peu non seulement de la mauvaise volonté, mais même de petites duplicités, et un parti-pris de repousser ceux qui marchaient loyalement selon leur volonté d'accord avec la mienne. Depuis plusieurs mois, je m'étais désintéressé, — et je ne suis intervenu que pour *imposer* la partie étrangère et certains articles scientifiques, certains Vers aussi, — afin de sauvegarder un peu les principes du Programme. Détail typique: avant le 11ème No. même, M. Royère tâchait, à mon insu, de chercher de l'argent pour une Revue... autre que les *Ecrits [pour l'art]*! — Il veut d'ailleurs en fonder une autre, et a essayé, avec assez de duplicité encore, d'y amener les meilleurs des Ecrivains des *Ecrits pour l'art*, qui ont su d'ailleurs éviter le piège...[3] — Si l'on peut former une somme suffisante (Oh! un millier de Francs) avec de Nouveaux et ceux que je garderai des Anciens, tout dévoués, peut-être *prendrai-je moi-même*, cet hiver, *la Direction d'une Revue de combat* contre la mouvement réactif du moment, si superficiel d'ailleurs. (J'ai parlé de cet état de réaction assez répugnant de caractère et vain de valeur, en l'Article sur l'Etat poétique présent, que j'ai adressé selon votre demande, à Mlle Runth. Vous le verrez, n'est-ce pas? Il sera bon qu'il passe dès que possible[4].)

Dans cette Revue qu'on me pousse fort à créer cet hiver, place sera donnée, comme je l'entends, à la Poésie étrangère, c'est-à-dire comme ce fut fait en ces deux Nos des *Ecrits [pour l'art]*[5].

La traductrice de votre Poésie, Mme Marie Le Grand, est une Russe, mariée à un Français, — elle est née, je crois, Chefkoff[6]. Mais, je ne suis pas sûr: je redemanderai.

Maintenant, cher ami, dans quelques jours arrivera à Moscou un jeune ami français à moi, un poète, M. Eshmer-Valdor — qu'accompagnera du reste notre ami Max Volochine[7].

M. Eshmer-Valdor est un poète de beaucoup de valeur, très nouveau. J'en ai parlé aux *Ecrits [pour l'art]*, et je n'ai pu le faire à la *Balance*, puisqu'à ce moment-là, la *Balance* ne paraissait pas. J'y reviendrai plus tard, car il mérite d'être présenté en votre Revue à qui j'ai tenu à faire connaître toute valeur qui vient à surgir[8].

Je crois fermement que la valeur de M. Eshmer-Valdor *est durable*. Et si son talent est très marquant, tout à fait en dehors du resserrement pénible de ce temps parmi les nouveaux venus, sa droiture est entière, son enthousiasme jeune, vrai, charmant. — D'ailleurs, s'il a eu les suffrages des Ecrivains avancés, il a eu parfois ceux des plus anciens: ainsi, j'ai lu, à lui adressée à propos de son livre, une lettre très élogieuse, très gracieuse de Claretie[9].

Or, voici comment M. Eshmer-Valdor va à Moscou. — Je reçus l'autre jour la visite de M. Riabouchinsky, le directeur de la *Toison d'or*, qui fort gracieusement m'apportait son 1er No., — et voulait me demander en même temps comment j'entendais que l'on fît la traduction, en français, des Vers Russes.

Je lui expliquais comment, pour vous, Balmont et Volochine, l'on avait fait. — Alors, il me pria de voir si je ne connaissais pas un jeune homme, un poète (je lui avais dit qu'il me semblait nécessaire que la traduction fût en dernier lieu, revue, pesée, corrigée, par un poète), qui remplirait cette mission. — Je pensais à M. Eshmer-Valdor, et encore M. Riabouchinsky était allé voir également Mme de Holstein, que vous devez connaître de nom[10], je la priais de traiter cette affaire, qui lui sourit aussi, et qui fut très vite conclue avec M. Riabouchinsky.

Et tout ceci, mon cher Ami, pour vous prier d'agréer la visite de M. Eshmer-Valdor qui se présentera à vous en compagnie de Max Volochine. Je vous le recommande absolument, à cause de son talent, de son caractère très franc et très aimable, de beaucoup de qualités. Je vous serais reconnaissant de vouloir bien le couvrir de votre haut patronage dans le milieu littéraire Russe, où je suis sûr il saura se faire apprécier, et où, grâce à vous, il sera reçu fraternellement.

Volochine et lui, partent après demain, le 25. —

Cher Poète et ami, merci infiniment de ce soin, et à bientôt de vos nouvelles, n'est-ce pas? Je recommande à vos soins aussi l'article synthétique sur la Poésie envoyé à Mlle Runth[11]: d'ici deux jours, je lui enverrai le compte-rendu du nouveau livre de Henri de Régnier *La sandale ailée*[12].

S'il vous plaît, présentez à Mademoiselle Runth tous mes respects.

A bientôt. Encore merci de tant de choses charmantes et de votre bonne amitié. Bien vôtre,

René Ghil

33. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 23 марта 1906 г.

Дорогой Поэт, дорогой Друг!

Я бесконечно благодарен Вам за Ваше чудесное письмо и очень был рад услышать от Вас прекрасные новости[1]. Ваша идея издавать небольшие томики стихов, каждый из которых будет посвящен отдельному поэту, великолепна. Как сами поэты будут Вам за это благодарны! Я уже сейчас выражаю Вам собственную благодарность и прошу Вас принять ее, поскольку Вы планируете включить в эту серию мое имя[2]. Когда придет время (Вы меня предупредите), мы поговорим о стихотворениях, которые могли бы с Вашего одобрения составить этот томик. Я хотел бы увидеть в нем вещи *из каждой книги* «Творения», дабы показать нарастание и единство. Я предоставлю Вам *исправленный* вариант каждого фрагмента. Вы, конечно же, снова напишете мне об этом, когда выберете время.

Мне тоже жаль «Экри пур л'ар», но только в одном отношении: сейчас мы могли бы дать в этом журнале переводы самых современных поэтов, указывая на новое направление в нескольких странах Европы. Главным образом я хотел бы завязать устойчивые отношения с Россией и особенно Москвой, этим подлинным центром новой поэзии в Вашей стране.

Правда, не хватило денег, но даже если бы денег было много, я бы воспользовался своим правом (которое оставил за собой, предоставляя название моего прежнего журнала) прекратить издание. Поскольку главный редактор, которого я облек доверием и который собственноручно составил декларацию о задачах журнала, постепенно обнаружил, как я убедился, не только недобросовестность, но и мелкое двуличие, а также упорное желание оттеснять тех, кто сохранил преданность избранному пути и шел вперед в направлении, сообразном моему. В течение нескольких месяцев я не проявлял к журналу никакого интереса и вмешивался по единственному поводу — *заставлял* их вести иностранный отдел и публиковать некоторые научные статьи, а также некоторые стихи с намерением сохранить хоть в малой степени принципы, изложенные в Программе. Характерная деталь: еще до появления № 11 Руайер пытался за моей спиной искать деньги, но не для «Экри пур л'ар», а для другого журнала! Он намерен, кстати сказать, основать таковой и попытался с тем же двуличием увести туда из «Экри пур л'ар» лучших писателей, которые, однако, сумели избежать западни...[3] Если бы мы могли собрать достаточную сумму денег (ах, какую-то тысячу франков), то с новопришедшими и с теми из прежних, кого я сохранил и кто сохранил мне верность, я, может быть, *и сам взялся бы* будущей зимой *за руководство боевым журналом*, чтобы выступить против нынешнего реакционного движения, такого, кстати сказать, поверхностного. (Я написал об этом реакционном настроении, довольно отталкивающем по характеру и лишенном достоинств, в этюде о сегодняшнем состоянии поэзии, который в ответ на Вашу просьбу послал мадемуазель Рунт. Вы позаботитесь о нем, не правда ли? Хорошо бы опубликовать этот материал как можно быстрее[4].)

В новом журнале, к созданию которого меня энергично подталкивают будущей зимой, некоторое место, согласно моему замыслу, будет отведено иностранной поэзии, подобно тому, как это делалось в двух номерах «Экри пур л'ар»[5].

Переводчица Вашего стихотворения — Мари Легран. Она русская, замужем за французом, её девичья фамилия, кажется, Шевков[6]. Но я не уверен, надо будет переспросить.

Дорогой друг, через несколько дней в Москву приедет мой молодой французский друг, поэт Эсмер-Вальдор, и приедет к тому же в сопровождении Макса Волошина[7].

Эсмер-Вальдор — очень даровитый, совершенно новый поэт. Я писал о нем в «Экри пур л'ар», но не сумел осветить его творчество в «Весах», так как «Весы» в то время не выходили. Я еще вернусь к нему позднее, так как он заслуживает представления в Вашем журнале, в котором я всегда стремился познакомить читателя со всем ценным, что возникает[8].

Я твердо уверен, что достоинства Эсмер-Вальдора *прочны*. Талант у него замечательный, выделяющийся из болезненной [нрзб.] нынешних новичков, а прямота — целостна. Его юношеский энтузиазм поистине очарователен. Он, кстати сказать, получил поддержку передовых писателей, а также некоторых писателей старшего поколения. Я читал письмо Кларети, адресованное ему по поводу его книги, очень хвалебное, очень благосклонное письмо[9].

И вот каким образом Эсмер-Вальдор попал в Москву. Несколько дней тому назад приходил ко мне с визитом Рябушинский, директор «Золотого рупа», который крайне учтиво подарил мне первый номер своего журнала. Помимо прочего, он попросил меня высказаться насчет методики перевода русских стихов на французский язык.

Я объяснил ему, как осуществлялся перевод Ваших стихов, стихов Бальмонта и Волошина. И тогда он спросил, не знаю ли я молодого человека, поэта, способного осуществить эту миссию (я до этого сказал ему, что, по моему мнению, перевод должен быть в конце концов отредактирован, обдуман и исправлен поэтом). Я подумал об Эсмер-Вальдоре, после чего Рябушинский встретился с г-жой Гольштейн, имя которой Вы, наверное, слышали[10]. Я попросил ее заняться этим делом, оказавшимся ей тоже по душе, и с Рябушинским все было очень быстро улажено.

Я рассказываю Вам все это, дорогой друг, чтобы просить Вас принять Эсмер-Вальдора, которого Макс Волошин приведет к Вам познакомиться. Я его всячески Вам рекомендую по причине его таланта, его крайне открытого, дружелюбного нрава и других положительных качеств. Я буду Вам признателен, если Вы возьмете его под свое высокое покровительство в русской литературной среде, в которой, я уверен, его оценят по заслугам и в которой, благодаря Вам, он будет принят побратски.

Они с Волошиным отбывают послезавтра, 25 числа.

Дорогой друг и поэт, бесконечно благодарю Вас за эти хлопоты и жду от Вас скорых вестей. Вверяю Вашим заботам также синтетическую статью о поэзии, отправленную мадемуазель Рунт[11]. Через два дня я пошлю ей рецензию на новую книгу Анри де Ренье «Окрыленная сандалия»[12].

Прошу Вас кланяться мадемуазель Рунт.

До скорого! Еще раз спасибо за милые слова и Вашу добрую дружбу. Искренне Ваш

Рене Гиль

---

[1] Упомянутое письмо Брюсова, вероятно, утрачено.

[2] Речь идет о нереализованном проекте издательства «Скорпион» выпустить серию «небольших книжек» под общим названием «Библиотека новой поэзии», в которых Брюсов намеревался ознакомить «всех интересующихся» с современным состоянием европейской литературы и ее достижениями «за последние 15—20 лет». «В эту серию, — писал он в черновом наброске предисловия, — должны войти избранные произведения всех видных писателей "новой школы", как русских, так (в переводах) и иностранных. Понятие "новой школы" будем понимать самым широким образом, подводя под него все школы, возникшие [?] против господствовавшей до 80-х годов реакции, т. е. "символизм", "декадентство", "прерафаэлизм", "бодлэранство", "импрессионизм", "нео-романтизм", "инструментализм", "романская школа и т. д.» (РГБ. Ф. 386, карт. 47. Ед. хр. 18б. Здесь и далее сокращенные в рукописи слова даются нами полностью). По замыслу Брюсова, серия должна была охватить около 50 имен современных писателей России и Западной Европы. Исходные задачи серии Брюсов определил в проспекте, который так и не увидел света: «Круг развития литературной школы, — писал он, — известной под названием "декадентства", "символизма", "нового искусства", можно считать завершенным» (Там же). Из этого положения, подкрепленного конспективным изложением основных событий недавней литературной истории, Брюсов делал вывод, что «настало время подвести итоги декадентству. Пора выяснить, что оно дало, отделить истинно ценное в творчестве его адептов от случайного и уродливо-лишнего. Пора ознакомить с этим течением широкие круги читателей, так как убеждение в непонятности новой поэзии, в ее доступности лишь избранным кругам является предубеждением», наилучшим ответом на которое может быть стоящая особняком поэзия Малларме. (Там же. См. также: ЛН 1976 С. 546). Сохранилось несколько списков французских поэтов, которых Брюсов предполагал включить в «библиотеку». В черновике 1905 г. список имен в основной колонке выглядел следующим образом: «1) Верлен. 2) Метерлинк. 3) Верхарн. 4) Мореас, Кан, Римбо (?) (здесь и далее вопросительные знаки принадлежат Брюсову. — *Р. Д.*), Малларме (?), [нрзб.], Рейно, Мюссе». В колонке справа (без нумерации) значилось: «Ренье (?), Гриффин, Гиль» (РГБ. Ф. 386, карт. 47. Ед. хр. 18б). В начале весны 1906 г., говоря о книгах, намеченных к изданию в ближайшее время, Брюсов перечисляет сборники Верхарна, Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме и др. Имени Гиля в новом списке не значится. Первым (и единственным) выпуском «Библиотеки» стал сборник Э. Верхарна «Стихи о современности», вышедший в переводе Брюсова в июне 1906 г. В обращении «От издателей», напечатанном за подписью «Скорпион» и принадлежащем, судя по всему, самому Брюсову, предлагался следующий план задуманной серии: «Каждая книжка будет посвящена или отдельному писателю, или группе писателей, объединенных общими идеалами, и будет содержать; 1) портреты авторов, 2) их биографии, 3) подробную библиографию их произведений, 4) ряд избранных их произведений (для иностранных писателей — в художественных переводах). Вполне понимая, что переводы, особенно стихов, никогда не могут заменить подлинника, мы полагаем, однако, что наши издания не будут без значения и для лиц, знакомых с иностранными языками. Произведения большинства современных писателей еще не собраны в отдельных изданиях и часто трудно доступны. По нашему небольшому томику читатель будет иметь возможность составить общее понятие о данном авторе, а для тех, кто после этого пожелает

ознакомиться с ним ближе, послужат руководством даваемые нами библиографические сведения» (С. 3—4).

[3] Как указывалось выше, первый номер нового журнала Жана Руайера «Phalange» вышел 15 июля 1906 г. Появление этого печатного органа явилось крупным событием литературной жизни Франции.

[4] На состоянии современной литературы Гиль остановился подробно в статье «Французская поэзия в 1905 году» (Весы. 1906. № 5).

[5] Насколько нам известно, в 1906 г. Гиль не предпринимал никаких конкретных шагов по созданию нового журнала.

[6] Речь идет о Мари Легран (в девичестве — Мария Николаевна Шевцова), жене живописца и гравера Луи Леграна (1863—1951). Являлась близкой знакомой А. В. Гольштейн, в архиве которой сохранилось несколько ее писем преимущественно личного характера (сообщено В. П. Купченко).

[7] Об отъезде Волошина в Москву Гиль узнал из разговора с ним, состоявшегося 20 марта 1906 г. в день вернисажа Салона Независимых (о Салоне Независимых см. прим. 3 к письму № 54). Вечером того дня Волошин писал М. В. Сабашниковой: «...с утра суматоха и беготня. Пришел домой только к 8 часам — перед этим сидел с Алекс[андрой] Вас[ильевной Гольштейн], с Гилями, со Щербатовым, с Шервашидзе в кафе по заведенной традиции» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 111. Сообщено В. П. Купченко).

В письме от 9/22 марта Волошин сообщал Брюсову: «Я приеду в Москву с молодым поэтом Вальдором, которого Рябушинский ангажировал для "стиля" в "Руне"» (ЛН 1994. С. 362).

Эсмер-Вальдор — псевдоним поэта, критика и романиста Александра Мерсеро (1884—1945), одного из участников группы «Аббатство» (см. примечание 8 к письму № 35). В начале творчества принадлежал к кругу Гиля, посещал мастерскую Е. С. Кругликовой. В 1906 г. работал в Москве в журнале «Золотое руно» в качестве переводчика на французский язык; им переведен ряд стихотворений Н. Минского, А. Блока, Вяч. Иванова, И. Бунина, Ф. Сологуба и др. поэтов. Был хорошо знаком с Брюсовым, переписывался с ним, переводил его стихи (см. примечание 4 к письму № 72). По возвращении из России в марте 1907 г. некоторое время жил в «Аббатстве», затем работал в театре, сотрудничал в маленьких журнальчиках. Его знакомство с Брюсовым было продолжено во время пребывания русского поэта в Париже осенью 1908 г. и в сентябре—октябре 1909 г. По сведениям, почерпнутым из французских источников, Мерсеро в последующие годы неоднократно бывал в России. В статье, посвященной Полю Фору и другим французским поэтам, писатель П. А. Кожевников рассказывал о Мерсеро: «Он известен москвичам по сотрудничеству в "Золотом руне". Вместе с Н. П. Рябушинским он устраивал выставки французской живописи в Москве, Киеве, Одессе. Беллетрист и критик, он напечатал несколько книг и писал всюду несмотря на свои 30 с чем-то лет. Редактировал разные "revues"» (*Кожевников П.* У князя поэтов (впечатления Парижа) // Утро России 1913. № 194. 23 августа. С. 2).

[8] Несколько позднее, в обзорном «Письме о французской поэзии», озаглавленном «Несостоятельность реакции. Новые поэты, исходящие из принципов "Научной Поэзии"», Гиль даст характеристику первому сборнику А. Мерсеро «Ветхие кадильницы» («Les Thuribulums affaissés», 1906), практически повторяя свою рецензию на этот сборник, напечатанную в журнале «Ecrits pour l'art» (1905, août. No. 6): «В первой книге г. Эсмера-Вальдора прежде всего почувствовался нами поэт, заботящийся о том, чтобы дать *новое*; мы увидели в ней самостоятельную личность с поразительной остротой ощущений; мы нашли в ней своеобразные и увлекательные приемы творчества, тонкое и смелое чутье ритма: Поэт старается действовать внушением, передавая читателю свои изысканные, утонченные, совершенно индивидуальные переживания. В поэзии г. Эсмера-Вальдора есть не слабеющая напряженность, есть веянье тайны» (Весы. 1907. № 1. С. 84).

[9] «Г. Эсмер-Вальдор, — продолжал Гиль в той же рецензии, — бесспорно, обладает выдающимся поэтическим даром (в нем есть "новый трепет", по выражению Жюля Клар[е]-

ти): это — поэт с сильной фантазией, непосредственный, внимательно влюбленный в свои ритмические и музыкальные задачи, в свой своеобразный синтаксис, в свои изысканные слова. Его первая книга, выделившая его имя и удостоенная злобных нападок, — обещает нам в будущем самостоятельного художника, в которого должно верить» (Там же).

[10] К тому времени Брюсов не только слышал о А. В. Гольштейн, но и был знаком с ней лично. «Были еще у Гольстейн (старуха, живущая в Париже)», — записал он в дневнике в апреле 1903 г. (Дневники. С. 132).

[11] См. примечание 4 к настоящему письму и примечание 3 к письму № 32.

[12] В подчеркнуто почтительной рецензии на новую книгу Анри де Ренье «Окрыленная сандалия» (Весы. 1906. № 6) Гиль проявил необычайную, несвойственную ему взвешенность оценок, лишь время от времени позволяя себе осторожные выпады против эстетической позиции бесконечно чуждого ему, общепризнанного поэта, овеянного славой современного академизма, — поэта, который, по его словам, «ближе всех стоит к Прошлому» (С. 62). Признав за Ренье «чистоту и совершенство формы, аристократическую, обвеянную рыцарством изысканность и везде разлитую нежную, сдержанную грусть» (С. 60), Гиль подчеркнул склонность этого автора «так странно чуждаться современных чувствований и переживаний» (Там же), а также устарелость его античных видений, которые «местами» кажутся «результатом сложных исканий, неудачных и неискренних» (С. 61). Отсюда вывод: автор «Окрыленной сандалии», как и прежде, «остается равен самому себе, но не обновляется» (С. 60), иначе говоря, стоит «вне эволюции» (Там же). То, что Гиль не осмелился сказать о самом Анри де Ренье, он произнес в конце рецензии относительно его неназванных последователей, с «улыбкой» отметив, к каким презренным и суетным расчетам прибегают сегодня, погибая, множество более или менее молодых поэтов, пытающихся возвратом к классическим темам и к классической метрике добиться официального успеха, выпавшего на долю Ренье. Они не понимают, что этот его успех и близость дня, когда он вступит в Академию, означает только то, что часть, наиболее неустойчивая, "символизма" — закончила свою эволюцию и что следовать за ней значит быть абсолютно лишенным самобытности» (С. 62). Гиль не ошибся в своем предсказании: в январе 1911 г. Анри де Ренье, к тому времени автор восемнадцати книг в стихах и прозе, действительно стал четвертым поэтом, принятым в члены Французской академии.

34. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 12 Juin 1906

Cher Poète, cher Ami,

Je suis très en retard à vous donner de mes nouvelles, à vous remercier de votre lettre de Mai[1], — et du plaisir que vous m'avez donné à voir traduite par vous, aux *Questions de Vie*, ma *Plainte à la Bergère*[2].

Vous me reparlez à son propos de votre amicale intention d'un petit volume d'Extraits à moi consacré[3]. Je vous en suis toujours infiniment reconnaissant, et je suis heureux de vous renouveler cette expression de gratitude charmée, en vous disant que je suis tout à votre disposition pour tout ce qui vous sera nécessaire, pour ce faire.

M. Eshmer-Valdor m'a écrit, d'autre part, que vous lui aviez demandé d'écrire de moi, à la *Balance*[4]. Et vraiment, voici que je ne puis oser vous dire merci d'occuper

ainsi de moi votre pensée. M. Eshmer-Valdor est très enchanté de son séjour en Russie, et il m'a parlé de l'accueil si bienveillant, si amical, que vous lui avez fait.

— Voici que je vais partir pour la campagne, pour jusqu'à la moitié d'août. (Si vous en avez loisir, écrivez-moi simplement à Paris, d'où tout me parviendra aussitôt.) J'ai adoré le remaniement du vol[ume] II (*Voeu de Vivre*) de la réédition chez Messein, — pour paraître en Novembre. Ce devait être pour Mai, mais tous les événements politiques rendaient mauvaises les conditions de publication[5].

En continuant à préparer la suite de cette Edition nouvelle, je vais travailler à l'inédit, au vol[ume] III de la seconde Partie[6]. Nous espérons un peu de tranquillité politique et économique, pour que puisse reprendre ses droits la vie intellectuelle fort médiocre ces temps derniers.

L'on pense toujours autour de moi à une Revue d'action pour cet hiver, dont, si les conditions matérielles sont assurées comme je le désire pour un long temps, je prendrai la direction effective. Cette Revue, d'action, de poésie scientifique, comprendrait ma mise en lumière de la Pensée nouvelle poétique de toutes langues. C'est dire que la poésie Russe serait mise en valeur, — et que je pourrais rendre un peu, à vous et à vos amis, la sympathie si grande que vous m'avez témoignée[7].

Quand vous m'écrirez, voudrez-vous me parler des événements nouveaux en Russie dont nous ne sommes pas sincèrement informés, et qui nous inquiètent. Nous espérons fermement que rien de grand n'est en menace de la grandeur de votre pays parvenu à sa conscience féconde, et que la vie intellectuelle ne sera pas de nouveau entravée[8].

Vous me parlez de la *Toison d'or*, — où j'ai eu le plaisir de vous lire[9], et où j'ai aidé Mme Holstein à traduire, de notre ami Balmont, qui fut très désireux d'être traduit par elle[10] (J'ai eu le plaisir de voir ici Balmont, et j'espère cet hiver le voir plus souvent[11].) Certes, la *Toison [d'or]* est une belle Revue, intéressante, mais bien sincèrement, et c'est l'opinion de tous ici, elle est très inférieure à la *Balance*, qui, du premier coup, par ses talents de premier ordre et de toute nouvelle vitalité, et par son information générale de la Pensée artistique, a fait ce qu'on doit désormais rêver de toute Revue qui veut une influence directrice[12].

S'il vous plaît, voudrez-vous dire à M. Lykiardopoulos[13], avec mes sympathies, — que j'ai bien reçu le mandat de 90 francs, montant des derniers honoraires. Et que je vais cette semaine lui envoyer des comptes-rendus: entre autres, du livre de *M. Francis Vielé Griffin*, *Plus loin*. J'aurai plaisir à parler de ce Poète un peu généralement, car c'est une figure toujours agissante du «Symbolisme»[14]. J'écrirai alors à M. Lykiardopoulos[15].

J'ai remis d'écrire l'Etude sur Mallarmé. Je serais heureux si M. Lykiardopoulos ou vous me disiez vers quel moment vous la souhaitez. Il y a lieu, en ces temps de médiocrité poétique, de rappeler cette *hautaine* et profonde personnalité, dont l'esprit vit parmi tous ceux qui demain se lèveront pour remettre en marche l'évolution...[16]

A bientôt, de vos nouvelles, je le souhaite. Sans doute allez-vous aller en vacances aussi, — et, bonnes vacances, donc!

Mon merci renouvelé, cher Ami, en une poignée de main, fortement.

Vôtre, René Ghil

Voulez-vous me rappeler au souvenir de M. Poljakoff. Il va bien, j'espère?

34. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 12 июня 1906 г.

Дорогой Поэт, дорогой Друг!

С большим запозданием сообщаю Вам о себе и благодарю за Ваше майское письмо[1], а также за радость, доставленную мне появлением в «Вопросах жизни» моей «Жалобы пастушке» в Вашем переводе[2].

В связи с этим Вы снова пишете мне о Вашем дружеском намерении издать посвященный мне томик фрагментов[3]. Я, как и прежде, бесконечно, признателен Вам за это, восхищен Вашим предложением и счастлив еще раз высказать Вам за него свою благодарность, подчеркнув, что я нахожусь в Вашем полном распоряжении, чего бы ни потребовалось для осуществления этого проекта.

Эсмер-Вальдор сообщил мне о Вашей к нему просьбе написать обо мне в «Весах»[4]. По правде говоря, сам бы я не осмелился поблагодарить Вас за то, что Вы уделили мне место в Ваших помыслах. Эсмер-Вальдор, находясь в совершенном восторге от своего пребывания в России, рассказал мне о дружеском, доброжелательном приеме, оказанном ему Вами.

Скоро я уезжаю в деревню, где пробуду до середины августа. (Если у Вас найдется время, напишите мне на парижский адрес, после чего почта будет сразу доставлена мне туда.) Мне очень понравилось оформление второго тома книги «Обет жить», который выйдет в исправленном виде в издательстве «Мессен» — издание намечено на ноябрь. Первоначально книгу предполагалось выпустить в мае, но политические события не способствовали издательской конъюнктуре[5].

Продолжая подготавливать следующие тома повторного издания, я буду работать над новыми — над третьим томом второй части[6]. Мы надеемся, что политическая и экономическая жизнь несколько успокоится, дабы могла вновь обрести свои права жизнь интеллектуальная, последнее время довольно жалкая.

В моем окружении по-прежнему думают об издании будущей зимой боевого журнала, над которым, в соответствии с моими давними намерениями, я буду осуществлять реальное руководство, если будут обеспечены материальные условия. Программа этого боевого органа научной поэзии будет включать освещение мною новой поэтической Мысли, развивающейся на всех языках. Иначе говоря, будут должным образом выявлены достоинства русской поэзии, и я тем самым смогу в некоторой мере отплатить Вам и Вашим друзьям симпатией за ту огромную симпатию, которой вы меня одарили[7].

Когда Вы мне снова напишете, не могли бы Вы рассказать мне в Вашем письме о новых событиях в России. Откровенно говоря, мы о них совершенно не осведомлены, а они нас тревожат. Мы твердо верим, что ничто зловещее не угрожает величию Вашей страны, достигшей своего плодотворного сознания, и ничто больше не подорвет интеллектуальной жизни[8].

Вы пишете мне о «Золотом руне», в котором я имел удовольствие читать Вас[9] и для которого я помог г-же Гольштейн перевести стихи нашего друга Бальмонта, страстно желавшего увидеть их в ее переводе[10]. (Я также имел удовольствие об-

щаться с Бальмонтом в Париже, а будущей зимой надеюсь встречаться с ним чаще[11].) «Золотое Руно», — безусловно, красивый, интересный журнал, но, если быть до конца откровенным (и это мнение разделяется здесь всеми), оно значительно уступает «Весам», которые с самого начала, за счет талантов первой величины и совершенно новой жизненной силы, а также за счет информации об общем состоянии художественной мысли, создали то, о чем отныне можно только мечтать, говоря о любом журнале, претендующем на руководящее влияние[12].

Не могли бы Вы засвидетельствовать мое почтение г-ну Ликиардопуло[13] и сообщить ему, что я получил перевод на 90 франков в счет своего последнего гонорара. Скажите ему также, что я на этой неделе пошлю ему рецензии на несколько книг, в том числе на сборник *Франсиса Вьеле-Гриффена* «Вперед! Дальше!». Я буду рад немного поговорить об этом Поэте в более широком плане как о продолжающем действовать представителе «Символизма»[14]. Итак я напишу г-ну Ликиардопуло[15] .

Я снова взялся за написание этюда о Малларме. Я был бы счастлив, если бы г-н Ликиардопуло или Вы сами сообщили мне, к какому сроку Вы его хотите получить. Сегодня, когда в поэзии правят посредственности, пора вспомнить об этой *величественной*, глубокой личности, чей дух живет среди всех тех, кто завтра поднимется, чтобы придать новый импульс эволюционному движению...[16]

До скорого, жду от Вас новостей. Не сомневаюсь, что Вы тоже уедете отдыхать. Тогда счастливо провести отпуск!

Еще раз благодарю, дорогой Друг, крепко жму Вашу руку.

Ваш Рене Гиль

Напомните, пожалуйста, обо мне г-ну Полякову. Надеюсь, у него все хорошо?

---

[1] Упоминаемое письмо Брюсова, вероятно, утрачено. Из личных бумаг Гиля следует, что одной из причин его молчания было участие в мае 1906 г. в организованной А. В. Гольштейн кампании по спасению эсерки Марии Спиридоновой, отправленной на каторгу за убийство в январе того же года тамбовского вице-губернатора Луженовского (архив Гиля во Французской национальной библиотеке. Без нумерации).

[2] См. примечание 2 к письму № 27.

[3] См. примечание 2 к письму № 33.

[4] Имеется в виду отзыв А. Мерсеро о книге Гиля «Марсель Ленуар», представляющей собой публикацию доклада, прочитанного в мастерской художника перед членами общества «Искусство для всех» («L'Art pour tous»). «Согласно с законом наибольшего усилия, — отмечал, в частности, рецензент, — с этим общим законом вселенной и сознания (Ренэ Гиль), Ленуар научился преодолевать самого себя и, как говорит Ренэ Гиль, — "оставив за собой последние видения ювелира, задумывающегося над тайным смыслом красок, оставляя за собой все украшения символизма, [...] скромный и грустный, терпеливый и скромный, и великий! стал он рисовать и перерисовывать вновь человеческое тело. И тогда он почувствовал, как сознается сам, что вошел в Жизнь"» (Весы. 1906. № 5. С. 76. Подпись: Eshmer-Valdor).

Марсель Ленуар (1872—1931) — художник-самоучка, гравер. Увлекался литографией. Позднее перешел к живописи. По поводу доклада Гиля см. также: *Baes Edgar*. Une

conférence de René Ghil sur Marcel Lenoir // La fédération artistique (Bruxelles). 1906. No. 6, 1 avril, dimanche.

Через несколько лет братья Мариус и Ари Леблоны в так называемом «французском» номере журнала «Аполлон» (см. письмо № 71) отметят и Ленуара, и его пропагандиста Гиля: «Миниатюра, искусство, требующее композиции вплоть до византийского возобновления арабески, имела своих идеалистов-ремесленников и теоретиков-преобразователей, среди которых для толпы выделялись такие имена, как Марсель Ленуар (Lenoir); его эстетическая трудовая деятельность, умная и старательная, здесь доходила до тонкого и богатого творчества. Рене Гиль удостоил его творчества отдельной лекции, показав, на его работах, превосходство "синтетической" идеи, которая обеспечивает благоговейное общение с Природой» (1910. № 7, апрель. С. 83 [вторая пагин.]).

[5] Речь идет о первом томе двухтомного собрания «Обет жить», представляющего собой переиздание одноименного трехтомника, впервые опубликованного, как мы отмечали выше, в 1891—1893 гг. Книга вышла зимой 1906—1907 гг. 22 января 1907 г. А. В. Гольштейн писала Волошину: «Гиль выпустил очень интересный том своей "мировой" поэмы, действительно интересный и более понятный по форме. Il y a une grandeur dans ce qu'il fait, il n'y a pas a dire» [«В том, что он делает, есть величие, нечего и говорить»] (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438. Сообщено В. П. Купченко).

[6] Вторая книга третьей части «Творения», озаглавленная «Образы мира» («Les Images du Monde»), вышла в 1912 г.

[7] В письме к А. В. Гольштейн от 17 июля 1906 г. Гиль сообщал, что, несмотря на конфликт, возникший с издателем журнала «Золотое руно» Н. П. Рябушинским, «бедный» Мерсеро, этот «поистине очаровательный юноша», одержимый «замечательными проектами», «отложил значительную сумму в тысячу франков на предполагаемый журнал. Я и ранее уже отказывался от этих денег (продолжает Гиль) и, естественно, вновь повторил свой отказ, чем бы ни кончилась для него эта история» [«Le pauvre garçon est vraiment charmant, qui, dans ses projets heureux, mettait de côté une forte somme, 1000 fr, pour la Revue éventuelle. J'avais déjà refusé, et naturellement j'ai renouvelé ce refus, quoi qu'il arrive pour lui»] (Цит. по: *Adamantova Vera.* Lettres inédites de René Ghil à Alexandra de Holstein // Revue des études slaves. 1991. No. 4. P. 813). Финансовое положение Мерсеро в этот период серьезно ухудшилось в связи с решением Рябушинского ликвидировать французскую часть журнала, что, вопреки первоначальным договоренностям, лишало его постоянного заработка. Гиль принял активное участие в разрешении этого спора, получившего огласку в русских литературных кругах. Так, в письме от 6 июля 1906 г. С. А. Соколов (Кречетов) сообщал А. Блоку: «Я расстался с "Руном", не будучи в состоянии переносить возмутительно самодурного отношения к делу г. Рябушинского, который воздвиг гонения на "декадентство" и желает *потребовать* от сотрудников, чтобы они писали "тургеневским" слогом. [...] Не хотите ли принять участие в "Литературном товариществе для художеств[-енного] выполнения переводов" с русского и на русский. Основатели: Эсмер Вальдор (Рябушинский, прекратив франц[узский] текст, вышвырнул его за борт, несмотря на двухлетний контракт, по коему пригласил его из Парижа, так что Вальдор вынужден обратиться к суду). Тастевен и я привлекаем много литературных сил и для переводов, и для редактирования» (Переписка Блока с С. А. Соколовым (1903—1910) / Предисл., публ. и комм. К. Н. Суворовой // Литературное наследство. А. Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 542).

Необходимо отметить, что сомнения в уместности перевода русских стихов на французский язык возникли в «Золотом руне» с самого начала публикации журнала. В связи с этим на его страницах появилось следующее сообщение: «Редакция "Золотого руна" доводит до сведения читателей, что французские переводы помещаемых в журнале стихотворений будут даваться ею лишь в тех случаях, когда они вполне удовлетворяют всем

требованиям точной передачи содержания, художественности формы и непогрешимости версификации. Редакция примет все меры к тому, чтобы обратить внимание лучших французских поэтов на стихотворные вещи “Золотого руна”» (1906. № 1. Листок-вклейка перед оглавлением). Начиная со второго номера в списке сотрудников журнала появилось уточнение: «Заведующий переводом Г. Э. Тастевен», а начиная с третьего к нему добавилось: «Заведующий переводом стихотворного раздела Эсмер Вальдор».

Деятельность Мерсеро в «Золотом руне» свелась в результате к №№ 3, 4 и 5 за 1906 г. О его переводческом методе сохранилось свидетельство второй жены С. Соколова, актрисы Л. Д. Рындиной: «Приехал сюда француз из Парижа для сотрудничества в “Руне”, благодаря ему и мне оказалась работа. [...] Я перевожу дословно с русского стихи, а Вальдор их уже рифмует» (Запись в дневнике от 28 марта 1906 г. Цит. по кн.: Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 372).

[8] Комментируемое письмо было получено Брюсовым накануне ликвидации Первой Государственной Думы, распущенной 8 июля 1906 г., после чего было издано положение о военно-полевых судах и началась расправа над революционерами.

[9] В № 3 «Золотого руна» Гиль имел возможность прочесть 3 стихотворения Брюсова из цикла «Надписи к картинам» («За утесом», «Встреча» и «Освобожденье»), опубликованные в прозаическом переводе, выполненном автором.

[10] В 1906 г. «Золотое руно» опубликовало в №№ 4, 5 и 6 стихотворный цикл К. Бальмонта «Ожерелье» (всего — 10 стихотворений) с параллельным французским переводом, выполненным Гилем совместно с А. В. Гольштейн. В дальнейшем эти и целый ряд других переводов вошли в изданную в Париже книгу: Constantin Balmont «Quelques poèmes» (1916). Четыре из них были опубликованы в апреле 1913 г. в журнале «Vers et Prose».

О том, как проходила работа над переводом, сохранилось свидетельство самой А. В. Гольштейн (Rythme et Synthèse. 1923. № 34). По-русски см. об этом ее письмо к В. И. Вернадскому от 19 октября 1913 г.: «Я погружена в перевод Бальмонта на французский язык в сотрудничестве с одним французским поэтом Ghil’ем. Готовим антологию его стихов, которая выйдет в роскошном издании. Работа адская, но завлекательная. Досадно, что такая работа должна делаться бесконечно медленно, ибо каждое стихотворение после моего подстрочного и точнейшего перевода обрабатывается нами вдвоем, потом еще раз Ghil’ем, потом еще раз мною, и *читается* еще раз нами обоими, да и тут иногда кое-что меняется... Иначе, по-моему, поэтов переводить нельзя. Зато сам Бальмонт декламирует французского себя с наслаждением» (Цит. по кн.: Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 379).

[11] По своему обыкновению Бальмонт, вопреки надеждам Гиля, бóльшую часть года провел вне Парижа — летом жил в Бретани, путешествовал по Испании, Англии, Норвегии. В библиотеке Волошина в Коктебеле сохранился экземпляр вышедшей в этот период книги Гиля «Обет жить» («Le Voeu de Vivre», 1906) с дарственной надписью: «Г-ну К. Бальмонту в знак дружеского расположения и восхищения. Рене Гиль» [«A M. K. Balmont en hommage d’admiration sympathique. René Ghil»] (сообщено В. Купченко).

К той же теме относится неопубликованная открытка, помеченная четвергом 30 [июля 1908 г.] и адресованная, по нашему предположению, Волошину:

«Дорогой друг!

Буду рад увидеться с Вами до моего отъезда. Не могли бы Вы зайти ко мне *послезавтра, в субботу, во второй половине дня.*

Я буду дома все послеобеденное время. Полагаю, что г-н Бальмонт уже вернулся и сейчас находится в Париже. Если он согласится сопровождать Вас, это станет для меня двойной радостью, поскольку я испытываю к нему симпатию, а еще потому, что это большой поэт.

Не могли бы Вы вернуть мне книги Верхарна. Нет ли у Вас и других книг — кажется, еще роман Ренье. Заранее благодарю. А я Вам отдам "Золотую ветвь" (французское издание знаменитой книги шотландского этнографа Джеймса Дж. Фрейзера. — *Р. Д.*). Жду Вас послезавтра, в субботу, во второй половине дня. Ваш

Рене Гиль»

[«Cher Ami,

Je serais heureux de vous voir avant mon départ. Voulez-vous venir après demain Samedi, *l'après-midi.*

Je serai là tout l'après-midi. Et je crois que M. Balmont est à Paris, revenu? S'il voulait vous accompagner, cela serait pour moi double plaisir, car il m'est très sympathique, — et je serais heureux car encore le grand poète qu'il est. —

Voulez-vous m'apporter les livres de Verhaeren, — et en avez-vous d'autres, un roman de Régnier, je crois? Merci d'avance. Je vous rendrai le *Rameau d'or.* A après-demain, samedi, l'après-midi. Votre, René Ghil» (РГАЛИ. Ф. 1347. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 4—4об.)].

[12] «Золотое руно», «журнал художественный, литературный и критический», стал выходить в Москве по инициативе группы молодых художников с января 1906 г. Литературный отдел журнала значительно уступал аналогичным отделам «Весов» и «Вопросов жизни». Отношение к «Золотому руну» со стороны части русских литературных кругов, в особенности начиная со второго года издания, было пренебрежительным. По-французски о первых номерах «Золотого руна» писал журнал «Les Etudes franco-russes», отмечавший опубликованную здесь оду Брюсова в честь М. Врубеля (1906. No. 20, 19 mai. P. 162).

[13] Михаил Федорович Ликиардопуло (1883—1925) — переводчик; с 1906 г. секретарь «Весов». С 1907 г. стал приобретать в журнале все возрастающее влияние.

[14] В своей рецензии на новую книгу Франсиса Вьеле-Гриффена «Вперед! Дальше!» («Plus loin!», 1906), собравшую под своей обложкой старые вещи поэта, Гиль прежде всего зафиксировал факт гибели французского символизма, пришедшего в своем развитии к логическому завершению, иначе говоря, к его собственной теории: «По отсутствию объединяющей идеи и философского плана, который определял бы судьбу Человека в судьбах Вселенной, "символизм" мог быть только эгоистическим искусством в его высшем развитии и только переходной стадией к "научной поэзии". Этим объясняется, почему поэты, которых обычно объединяли под названием "символистов", не могли найти в символизме такой доктрины, которая *навсегда* (курсив мой. — *Р. Д.*) определила бы их развитие. Этим объясняется и то, что пока длилась деятельность "символистов", как целой группы, я всегда оставался их непосредственным и убежденным противником» (Весы. 1906. № 8. С. 59). Из всех символистов Гиль изначально выделял только одного автора, «может быть самого значительного из поэтов этой школы, берущей свое начало в Ст. Малларме, тогда как его сотоварищи начинали проявлять к нему явное недоброжелательство, кажется, не чуждое зависти» (Там же). Это Франсис Вьеле-Гриффен, поэт, неспособный, по словам рецензента, «замуровать напряженность своей мысли в том индивидуалистическом граните, в котором принужден был держаться "символизм". Еще более, чем Эмиль Верхарн, который многим обязан [, в] своей технике, влиянию современной промышленной среды и различным социалистическим занятиям, — Вьеле-Гриффин почувствовал себя глубоко проникнутым чувством всеобщей Жизни» (Там же). Подробно рассмотрев несколько стихотворений сборника, одно из которых («Памяти Стефана Малларме») было позднее переведено Брюсовым, рецензент приходит к естественному для него заключению: «...На мой взгляд, эта новая книга — лучшая, самая глубокая, самая значительная в логически развивающемся творчестве Вьеле-Гриффина. Она отвечает своему заглавию: Вперед! Дальше! Plus loin! Увлекаемый к метафизическим концепциям Жизни, к созерцанию и пониманию всемирной эволюирующей Воли и вечного Порыва, — Фр. Вьеле-Гриффин здесь впервые переступил грани Символа и Мифа. Я рад этому, ибо тот, кого я все более и более привыкал

считать великим поэтом, стоящим рядом со Стефаном Малларме, — стал еще выше. Изо всех "символистов" Вьеле-Гриффин идет "вперед", "дальше", сохранил в своем творчестве всю мощь жизненных сил и все значение сознательной эволюции» (С. 62). Через несколько месяцев, в обзорной статье, посвященной итогам французской поэзии в 1906 г., Гиль еще раз подчеркнет: «Среди поэтов-символистов один только Вьеле-Гриффин сумел из торжественных формул Мифа извлечь общее чувство Жизни, что непременно должно повести к новому этапу его сильный и глубоко сознательный талант» (Весы. 1907. № 1. С. 81).

[15] В период своего дальнейшего сотрудничества с журналом Гиль находился в постоянной переписке с М. Ликиардопуло. Некоторые сохранившиеся письма приводятся нами ниже.

[16] Обещания прислать ту или иную статью из серии о Малларме, намеченной еще в октябре 1905 г. (см. примечание 11 к письму № 28), содержатся в нескольких более поздних письмах Гиля (в 1907 г.: № 38 от 23 января. № 44 от 6 июня. № 46 от 10 июля. № 47 от 6 августа. № 49 от 14 сентября. № 51 от 5 декабря). По-настоящему проект написания цикла начал реализовываться только в феврале 1908 г. (см. письмо № 53). Подробно о проблематике этих публикаций см. по-французски: *Doubrovkine Roman.* «Stéphane Mallarmé. Aspects de l'homme». Un article inédit de René Ghil // Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire. Lausanne, 1995; по-русски: *Дубровкин Р. М.* Стефан Малларме и Россия. Берн, 1998. С. 143—162.

35. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

René Ghil
16 bis rue Lauriston. Paris, 13 Décembre 1906

Bien cher Ami,

Depuis très longtemps, je dois vous écrire. Mais tout le mois dernier je fus souffrant, de grippe tenace et vraiment déprimante. Cela va maintenant, mais j'avais en retard beaucoup de travail assez pressant. Entre autres choses, à m'occuper de mon volume prochain (*Le Voeu de Vivre*, réédition), que je vous prierai d'agréer les premiers jours de Janvier[1].

J'espère que vous-même et les vôtres avez été en parfaite santé. Tandis que pour me faire excuser, je priais M. Lykiardopoulos, avec qui je correspondais cependant pour la *Balance*, et, ces jours, M. Eshmer-Valdor, de vous dire mes amitiés et mon souvenir, — j'attendais un peu arriver de vos nouvelles, car votre mot dernier, cet été, me disait que, de retour à Moscou, vous alliez m'écrire longuement[2]. Mais, cher Ami, ceci n'est pas un reproche! Car vous avez beaucoup de travail, toujours, sur la table, et en méditation.

Vous ai-je remercié de l'envoi du choix Anthologique de l'oeuvre de Verhaeren? Si non, merci infiniment[3]. Je me suis fait traduire des passages de votre Introduction, très complète, et justement admirative[4]. (J'en dis un mot, que vous voudrez bien agréer, dans la *Lettre* de fin d'année que j'envoie ce jour à la *Balance*[5]). J'apprécie absolument représentatif du talent de Verhaeren, votre choix judicieux et intuitif.

Je vous dis mon envoi d'une *Lettre sur la Poésie française*. Je n'en avais pas écrit depuis celle sur Verlaine, tout au début de l'année, car vous me sembliez assez encombré. C'est un résumé de l'année poétique, réaction et décadence vraiment, — mais,

avec le rappel des livres de Griffin et Verhaeren, de cette année[6], la présentation de deux livres que vous avez dû recevoir, — de MM. Duhamel et Arcos[7], — symptomatiques d'un nouvel état de choses et représentatifs en volonté des tendances lentement accrues[8]. A ce propos, je vous serais reconnaissant de prier M. Lykiardopoulos de vouloir bien trouver place à cette Etude, importante pour ce qu'elle fixe ce stade d'évolution, — en *ce prochain No. de la Balance*. Il est intéressant que cela vienne en son temps. Et merci d'avance.

Je serai maintenant très heureux de nouvelles de vous, qui, je l'espère, seront de bonnes nouvelles. Je voudrais espérer aussi que vous êtes, à Moscou, maintenant, dans une atmosphère plus calme et meilleure au travail.

Voudrez-vous présenter mon souvenir à M. Poljakoff, je vous prie, et agréer pour vous, mon cher ami, mes toujours mêmes et ferventes amitiés. Vôtre,

René Ghil

35. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Рене Гиль
Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 13 декабря 1906 г.

Дорогой Друг!

Я должен был очень давно написать Вам. Однако в течение всего прошедшего месяца я был болен гриппом, долго меня не отпускавшим и по-настоящему гнетущим. Сейчас я оправился, но сильно запоздал с большой, довольно срочной работой. В промежутке между болезнью и работой я был занят подготовкой своего следующего тома (переиздания «Обета жить»), который я буду просить Вас принять от меня в первых числах января[1].

Я надеюсь, что Вы сами и Ваши близкие находились все это время в самом добром здравии. Дабы принести Вам свои извинения, я просил г-на Ликиардопуло, с которым я, несмотря ни на что, переписывался по поводу «Весов», а в последние дни и Эсмер-Вальдора, передать Вам от меня привет и засвидетельствовать Вам мое почтение. К тому же я ждал новостей от Вас, поскольку в своем последнем письме, отправленном прошедшим летом, Вы писали, что по возвращении в Москву напишете мне длинное письмо[2]. Но это не упрек, мой дорогой Друг! Ведь у Вас всегда столько работы — и на столе, и в замыслах.

Благодарил ли я Вас за присланный мне сборник избранных произведений Верхарна? Если нет, огромное спасибо[3]. Я попросил, чтобы мне перевели отдельные места из Вашего предисловия, крайне обстоятельного и исполненного справедливого восхищения[4]. (Я с Вашего согласия пишу об этом несколько слов в «Письме» по поводу окончания поэтического года, которое пошлю сегодня в «Весы»[5].) Я высказываю мнение о том, что Ваш взвешенный, интуитивный выбор произведений Верхарна совершенно верно представляет его талант.

Я *упомянул*, что посылаю «Письмо о французской поэзии». Я ничего не писал для этого цикла после статьи о Верлене, законченной в самом начале года, по-

скольку мне казалось, что журнал достаточно загружен материалами. Сейчас я подвожу итог поэтическому году, отмеченному поистине реакцией и упадком. При этом, напоминая о книгах Гриффена и Верхарна, также относящихся к этому году[6], я перехожу к двум книгам — Дюамеля и Аркоса, которые Вы, должно быть, получили[7], книгам симптоматичным для нового состояния литературы и свидетельствующим о решимости и медленно растущих тенденциях[8]. В связи с этим я был бы Вам признателен, если бы Вы попросили г-на Ликиардопуло найти место для этого этюда *в следующем номере «Весов»:* важность его состоит в том, что он фиксирует данный этап эволюции. Полезно, чтобы этюд вышел именно сейчас. Заранее благодарю Вас за это.

Я буду счастлив узнать, как обстоят у Вас дела, и надеюсь, что новости будут хорошими. Еще я надеюсь, что в Москве снова царит более спокойная обстановка, способствующая работе.

Передайте, пожалуйста, от меня привет г-ну Полякову, а для себя примите, дорогой друг, выражение моей всегдашней пламенной дружбы. Ваш,

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 5 к письму № 34.

[2] Летом 1906 г. Брюсовы провели полтора месяца в Швеции и вернулись в Москву 22 июля, «раньше, чем думали, опасаясь всеобщей забастовки в России...» (Дневники. С. 137). Письма Брюсова к Гилю за этот период нам неизвестны.

[3] Сборник Эмиля Верхарна «Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова» (М.: Скорпион), вышедший в июне 1906 г., был первым книжным изданием бельгийского поэта в России.

[4] Значительная часть предисловия Брюсова к «Стихам о современности» была посвящена оценкам творчества Верхарна в западноевропейской печати. В письме к Верхарну от 3/16 июля 1906 г. Брюсов замечает: «Что до предисловия, то его почти целиком составляют выдержки из французских и немецких авторов, и эти страницы вам, конечно, большей частью очень хорошо известны» [«Quant à la préface, elle ne consiste presqu'entièrement que des citations des auteurs français et allemands et pour la plupart ses pages vous sont, sans doute, trop connus» (ЛН 1976. С. 566)].

[5] Речь идет о новом «Письме о французской поэзии», предстоящую публикацию которого, под предварительным названием «Французская поэзия в 1906 году», «Весы» анонсировали в программе на 1907 г. (1906. № 12. С. VIII). В опубликованном виде статья не содержала никаких указаний на переводы Брюсова из Верхарна.

[6] Как мы отмечали в предисловии, Гиль в своем очерке о поэтических новинках 1906 г. (Весы. 1907. № 1) необычайно резко и даже враждебно высказался обо всей литературной продукции минувшего года, выделив из нее всего две книги — «Многоцветное сияние» («La Multiple splendeur») Э. Верхарна и «Дальше, вперед!» («Plus loin!») Ф. Вьеле-Гриффена (о второй книге см. примечание 14 к письму № 34). Но и здесь не обошлось без упреков и нареканий. В части, касающейся Верхарна, он отметил, что бельгийский поэт, «если и не продвигается вперед в своем творчестве, то величественно остается равен самому себе, в своем трепещущем понимании зрелища Жизни и деятельности Человечества, в своем мастерстве выразительного и многозвучного Слова» (1907. № 1. С. 81). Поставив в вину Верхарну склонность к излишнему лиризму, Гиль все же признал, что некоторые его стихи созданы с «истинно "научным" одушевлением» (С. 82), после чего перешел к болезненному для себя вопросу о присуждении литературных премий, разъяснив русскому

читателю на полутора страницах, выдержанных в оскорбительном тоне, что «громадное большинство поэтов, вновь появившихся или жалко запоздавших, последние годы все силы свои устремляли на то, чтоб противостать мощному творчеству недавнего прошлого и привести [французскую] Поэзию в то низкое состояние, когда решающее значение получает интрига и ловкость и когда единственной гордостью, — как у состязателей в цирке — является приз, выплачиваемый звонкой монетой» (Там же).

О двойственном отношении Гиля к творчеству Верхарна см. также письмо № 49.

О реакции русской критики на обзор Гиля мы можем отчасти судить по неподписанной хронике из журнала «В мире искусств»: «Очень интересны обозрение Берлинских выставок 1906 г., написанное Максимилианом Шиком, и итоги французской поэзии прошлого года Ренэ Гиль. Это те отделы, которые придают "Весам" ценность единственного (если не считать мало доступное "Золотое Руно") обозревателя последних течений искусства Запада» (1907. № 2. С. 25).

[7] Имеются в виду сборник Ж. Дюамеля «О легендах, о сражениях» («Des légendes, des batailles», 1907) и сборник Р. Аркоса «Трагедия пространств» («La Tragédie des espaces», 1906). Об этих сборниках Гиль писал: «Книга г. Жоржа Дюамеля заслуживает такой привет, обращенный к сознательной воле, не знающей компромиссов, как заслуживает его и другой; недавно появившийся сборник стихов — г. Ренэ Арко, устремленных на тот же путь искренности и новой красоты. И к этим двум книгам, как подобные им, должны быть присоединены первые сборники стихов г. Эсмера-Вальдора и г. Шарля Вильдрака, имена которых уже упоминались в "Весах". Объединенные дружбой и общим стремлением — быть достойными доверия и заветов своих предшественников, — эти четыре поэта составляют душу новой литературной группы, которая вступит в деятельность как некая коллективная единица. И я верю в силу этого единения: они умеют концентрировать свою волю, умеют логически раскрывать ее и властно налагать, умеют уклоняться от заигрываний разных посредственностей, желающих пристроиться к ним. Я верю в их силу еще по той гордости, с какой они открыто указывают на своих предшественников и учителей и на точку своего отправления, и на какую решительно неспособны слабые (как это нам не раз случалось видеть)» (Весы. 1907. № 1. С. 84).

Экземпляр книги Дюамеля «О легендах, о сражениях» с дарственной надписью Брюсову, сохранился в его библиотеке (РГБ. Ф. 386. Книги. № 1572). Многочисленные пометы на полях говорят о том, что Брюсов внимательно изучил эту книгу. Р. Аркос, в свою очередь, также подарил свой сборник Брюсову, предварив его следующим посвящением: «Валерию Брюсову, большому русскому поэту, как собрату, с восхищением» [«A Valère Brussov le grand poète russe en confraternité et admiration» (№ 1558)].

[8] Теме возрождения поэзии под эгидой научно-поэтической школы собственно и был посвящен анализируемый обзор Гиля, что явствовало уже из его названия, снабженного в оглавлении «Весов» подзаголовком «Итоги 1906 г. Поэты Аббатства», а в тексте — «Несостоятельность реакции. Новые поэты, исходящие из принципов "Научной Поэзии"» (С. 81). Статья Гиля явилась первым серьезным выступлением парижского корреспондента «Весов» в деле популяризации опекаемой им в эти годы литературно-художественной коммуны «Аббатство». Проанализировав на нескольких страницах книги Ж. Дюамеля, А. Мерсеро, Ш. Вильдрака и Р. Аркоса, чьи «прекрасные и многозначащие» стихи ему «хотелось бы без конца цитировать» (С. 89), рецензент пришел к следующему выводу: «Эти поэты действительно продолжают движение вчерашнего дня и выходят на новую дорогу, принося с собою истинную песню всемирного одушевления, одушевления познания» (Там же).

Основанная в 1906 г. коммуна «Аббатство» объединялась вокруг общей типографии, в которой авторы сами печатали свои книги, работая по 4 часа в день. Идея создания колонии вынашивалась Р. Аркосом, А. Мерсеро и Ш. Вильдраком с 1901 г. в виде «братства художников» или «акционерного общества издателей». Деньги на осуществление проекта

были предоставлены служащим Министерства труда Анри Мартеном, известным позднее в литературе и журналистике под именем Анри Барзена. В русской печати описание коммуны мы находим в статье А. Мерсеро «Художественный поселок во Франции» (Золотое руно, 1907. № 10), в которой излагалась следующая цель объединения: «*Придать искусству maximum выразительности, сделать символ более жизненным, заменить его мистическую метафизику метафизикой научной* — таковы принципы искусства, которое уже тридцать лет тому назад возвестил René Ghil; и выполнение их выпало на долю поколения, о котором двенадцать лет тому назад предсказывал Paul Adam» (С. 81). Название свое «Аббатство» получило по аналогии с Телемом, гуманистической утопией из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Располагалась коммуна отнюдь не в полуразрушенном аббатстве, как следует из некоторых воспоминаний (например, И. Эренбурга) и энциклопедических справок, а в заброшенном поместье, случайно найденном супругами Вильдрак и Р. Аркосом 1 ноября 1906 г. после многочисленных безрезультатных поездок по окрестностям Парижа. Имение пустовало в течение 8 лет и принадлежало вдове крупного промышленника — владельца автозавода. Вокруг дома простирался «большой аристократический парк на берегу Марны; вековые деревья всевозможных пород; тенистые таинственные аллеи [...], фруктовый сад, огород. Все это окружено старинными стенами и старинным трехэтажным зданием с двумя корпусами и массой пристроек, висячими террасами, крышами и башнями, устланными мохом, диким виноградом, плющом» (С. 82). Этот живописный дом и стоящая неподалеку оранжерея находились в совершенно заброшенном состоянии и были приведены в порядок руками самих колонистов — поэтов, писателей, художников, музыкантов. По стенам отремонтированного дома висели картины, здесь играли на органе и рояле. «В то время всем нам было немногим более двадцати лет, — вспоминал один из участников коммуны, — Жюль Ромэн готовился занять профессорскую кафедру, Шарль Вильдрак был помощником присяжного поверенного, Ренэ Аркос был рисовальщиком и художником-декоратором; что же касается меня, то я был студентом медиком» (*Дюамель Жорж*. Как я стал наборщиком // Огонек, 1927. № 16, 17 апреля. С. 3).

21 июля 1907 г. по инициативе А. Мерсеро и художника Альбера Глеза в парке «Аббатства» был устроен большой праздник с участием приехавших из Парижа друзей и знакомых.

Гиль был единственным парижским поэтом старшего поколения, довольно часто посещавшим «Аббатство». Его жена неизменно сопровождала его в поездках. Сохранились две фотографии, на одной из которых он разговаривает с молодыми поэтами на лужайке перед домом, а на другой — посещает ателье Глеза (*Sénéchal C.* L'Abbaye de Créteil. Paris, 1930. P. 61—62). Бывали в колонии также Поль Кастио, Марсель Ленуар, Е. Кругликова.

В 1907 г. типография была ликвидирована, но кружок продолжал существовать. Произведения участников группы характеризовал обостренный интерес к социальной тематике, возникший под влиянием Уолта Уитмена и Верхарна. О духовных истоках и задачах содружества Гиль рассказал читателям «Весов» в отзыве о новом сборнике Шарля Вильдрака «Образы и миражи» («Images et Mirages», 1908). Его главный раздел, «под общим названием "L'Abbaye"», вызывал (по словам рецензента) «образы группы друзей, как бы некоей духовной фаланстеры, связанных общим поклонением Красоте и как бы сообща служащих Искусству» (Весы. 1908. № 3. С. 113). Останавливаясь на тезисе автора о том, что в современном мире нет места поэту, рецензент задавался вопросом: «Что же остается делать поэту? Удалиться от всякого соприкосновения с жизнью, чтобы избежать материального, а, может быть, и морального рабства?» (С. 114). И сам же на него отвечал: «Но не лучше ли художникам, чтобы зарабатывать себе хлеб насущный, соединяться в братства для материальной работы, чтобы, как бы следуя заветам Льва Толстого, отдав часть дня на труд физический, иметь досуг для духовного творчества. Этой мечте об "аббатстве поэтов" и посвящена первая часть книги Ш. Вильдрака, обличая в поэте пламенную, но кроткую душу, почти душу апостола новой веры. Мечту Вильдрака нельзя назвать эго-

истической (продолжает Гиль): не бегство от людей проповедует он, но единение с единомышленниками и любовь к Человечеству, ибо его "аббатство" должно впоследствии, по его представлениям, стать как бы главою человечества, должно осмысливать противоречивое зрелище вселенной, должно открывать пути, по которому пройдет Грядущее. И эта первая часть книги заканчивается символическим образом того, как однажды вечером все поэты, все художники земли, объединившись, греют руки над единым огнем» (Там же). Далее Гиль отмечал, что «эта мечта поэта, прославленная им в нежной и страстной мелопее, нашла свое воплощение на протяжении последнего года в братстве нескольких поэтов и художников, среди которых является автор книги Шарль Вильдрак и его друзья, Жорж Дюамель, Ренэ Арко, Александр Мерсеро (Эсмер-Вальдор), Альберт Глэз (этот последний — художник красок). Они имеют в своем распоряжении отдельный домик и в нем скромно, но серьезно обставленную типографию. Будучи, таким образом, "сами себе господами", они достигли жизни трудовой, но свободной, в которой труд физический и интеллектуальный сменяют один другого. Еще рано говорить о результатах этой попытки, вызвавшей немало противоречивых толков, но, несомненно, симпатичной...» (С. 114—115).

В недатированном письме к А. Белому, написанном в конце ноября 1906 г., Брюсов, возражая против утверждения З. Гиппиус о «старомодности» Парижа, писал: «Он старомоден в целом, но в нем есть круги, есть люди, которые *впереди* всей современности. Их надо найти. Таково, например, общество "Abbaye" и его поэты Arcos, Duhamel и др. Хотите, пришлю адреса» (ЛН 1976. С. 402).

Характеристику участников «братства-издательства "l'Abbaye"» Брюсов дал в статье «Литературная жизнь во Франции. Научная поэзия», отметив прежде всего, что члены этого объединения «ставили себе целью служить своему братству не только духовными силами, но и физическим трудом. Была основана типография, в которой поэты "Аббатства" сами набирали и печатали свои книги. Из этой типографии за два года вышло около 20 томов, развивающих идеи "научной поэзии". К весне 1908 г. типография "Аббатства" должна была закрыться» (Русская мысль. 1909. № 8. Отд. II. С. 158). Что же касается непосредственно произведений этой группы, то здесь Брюсов высказал определенное разочарование: «Гораздо менее характерны произведения других приверженцев "научной поэзии". Ренэ Аркос и Ж. Дюамель издали только по одной книге стихов, явно своих первых творческих опытов. В книге Аркоса интересны поэмы, воспевающие космическую жизнь земного шара. Значительную часть книги составляют стихи, посвященные критике христианства и исканию новой веры. Книга Ж. Дюамеля пытается пересказать совершающуюся в душе борьбу между пессимизмом чувства и оптимизмом веры в лучшее будущее человечества. Жюль Ромэн, в своей книге стихов, изучает коллективную душу, ту, которая возникает в определенной группе людей: в толпе, на улице, в роте солдат, в собрании слушателей, в аудитории, в похоронной процессии и т. д. То же он делает и в своем романе, в котором, к сожалению, слишком выступает на вид тенденция. Шарль Вильдрак, издавший уже две книги, ставит себе целью выяснить в ряде лирических и эпических стихотворений положение и назначение поэта в современном обществе» (С. 165—166).

В комментариях ко второму изданию «Французских лириков» Брюсов закрепил мнение об участниках «Аббатства» как о прямых последователях Гиля: «Уже в первые годы XX века группа молодых поэтов, образовавшая братство-издательство "L'Abbaye", возобновила, с разными видоизменениями, учение Р. Гиля о научной поэзии. В эту группу входили талантливые поэты: Ренэ Аркос, Жорж Дюамель, Жюль Ромэн, Шарль Вильдрак, Александр Мерсеро. Довольно близко по идеям примыкала к ним другая группа поэтов: Тео Варлэ, Поль Кастио, Пьер Жув» (ПССП 1913. С. 230—231). И в другом месте той же книги, но с меньшей убежденностью: «Ренэ Аркос [...], Жорж Дюамель [...] и Жюль Ромэн [...]

принадлежат к тому кружку молодых поэтов, которые, отчасти исходя из теорий Ренэ Гиля о "научной поэзии", отчасти самостоятельно, стремятся создать поэзию мысли. Отвергая поэзию субъективную, в которой поэт запечатлевает свои случайные переживания, они ищут поэзии сознательной, раскрывающей миросозерцание продуманное и научно обоснованное. "Наша поэзия хочет мыслить научно, — пишет Ренэ Аркос, — но это не помешает ей чувствовать остро. Не значит ли повторять общеизвестную истину, говоря, что эмоция может возникнуть из раздумия?" Первые произведения Ренэ Аркоса появились в журнале "Ecrits pour l'Art", который издавался в 1905—6 году, под руководством Ренэ Гиля. В 1906 г. Ренэ Аркос, вместе с Жоржем Дюамелем и несколькими друзьями, основал братство "l'Abbaye", члены которого стремились объединить движение научное и художественное. "L' Abbaye", между прочим, издало ряд книг, преимущественно сборников стихов, авторы которых искали "поэзии мысли". Братство "l'Abbaye", к которому примыкал еще А. Мерсеро [...], Ш. Вильдрак [...] и др., скоро распалось; друзья во многом разошлись, но те же основные тенденции их творчества сохранились и в их дальнейших произведениях» (С. 277—278).

36. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 5 Janvier 1907

Cher et honoré Poète et cher Ami,

Je vous remercie infiniment des voeux que vous m'exprimez pour cette année[1], — et comme cette lettre arrivera vers votre 1er jour de l'an, agréez aussi tous mes souhaits, de santé, de travail, et de continuation de beaux succès, en toute la noblesse de votre art grandissant son influence.

Je vous prierais de transmettre mes compliments de nouvel an à M. Poljakoff.

Je serais très heureux d'avoir de vous une longue lettre, et l'attendrai avec impatience. Mais, je veux vous écrire aujourd'hui, à propos de la *Balance*, et sur un point d'administration, — pour le mieux je crois de mon travail et de ma Rubrique à votre Revue. Depuis longtemps je n'ai pas correspondu avec vous à ce propos, et des choses en souffrirent, l'année qui vient de s'écouler.

Vous savez, avec M. Poljakoff, vous êtes le seul à le savoir, je crois, sur quel plan, composé en le plus large esprit et en rectitude de faits, je commençai mon article *Lettre sur la Poésie française*[2], avec assentiment sur ce plan. De plus, je devais des comptes-rendus d'actualité.

Ce fut ainsi, une année et plus. Puis, pour raison de place l'on me demanda de ne plus donner que 4 *Lettres*, mais des comptes-rendus *régulièrement, et assez étendus* afin de leur garder ce caractère de résumé de l'auteur, de sa psychique et celle de son oeuvre, que je tâche toujours d'y faire entendre. Vous me demandiez personnellement de ne point interrompre pendant les vacances.

J'ai parfaitement compris cette réduction, — et si bien, que, voyant la Revue encombrée parfois et paraissant en retard, je n'ai envoyé de *Lettre* d'étude que celle sur Verlaine (1ère partie)[3], et ce *Résumé de fin d'année* 1906, que M. Lykiardopoulos a reçu fin

Novembre, je pense. (Car l'on ne répond pas à mes lettres et cela complique aussi ma tâche).

— Mais, la Revue eut toujours des *comptes-rendus*, intéressants et nécessaires à suivre l'évolution d'ici (ce à quoi je m'applique exactement), comptes-rendus envoyés d'avance et en nombre. Et je devais espérer que ces petits comptes-rendus paraîtraient avec la régularité d'autrefois, et même avec plus de soin dans cette régularité: fût-ce avec une moyenne de 2 ou 3 pages par mois seulement, ce qui est peu, quand les matières Russes seraient abondantes. — Or, en reprenant, la collection cette année, c'est une pauvreté, — qui paraît d'autant mieux que précédemment la Revue fut mieux pourvue — sans déplaisir pour vos lecteurs, je crois[4]. — Et, pourrait-on croire qu'il y a là de ma faute, on le pourrait croire chez vous, et ici auprès des auteurs et des éditeurs. — Or, mon cher ami, vous savez que, lorsque j'entreprends quelque chose, c'est que j'aime cette chose, et je m'y donne entier.

Je veux donc vous proposer, pour cette année qui s'ouvre, un mode *régulier*, sans trop charger la Revue naturellement, comme ce fut, par exemple, en 1904.

1. Comptes-rendus régulièrement publiés, *en moyenne* de 2 ou 3 pages par mois. *Il faut dire 3 pages.*

2. *Lettres générales sur la Poésie* (y compris celle de fin d'année, si l'on veut). *Moyenne de 15 pages.* (15 pages)

Il y aurait *3 de ces Lettres.*

Au Résumé: Dans 9 Nos par an, *Comptes-rendus*, moyenne de 3 pages, paraissant *chaque mois*. Et 3 *Lettres Poésie* de 15 pages en *moyenne*.

Ainsi, d'une part, la *Balance* sera tenue au courant avec le soin et l'impartialité que j'apporte en mon travail, pour lequel je lis toute la Poésie paraissant. En quoi je choisis les manifestations de talent et de sincérité, mais en y portant mon jugement (qui, m'avez-vous dit, vous importe et que vous voulez développer.) C'est en étudiant toute la production poétique que je pris justement ce jugement.

D'autre part, il faut bien que des honoraires assez représentatifs récompensent et le travail écrit et le travail de mise au point, de préoccupation d'être documenté fidèlement. Or, pour la place que je demande, mes *honoraires* annuels seront d'environ 700 fr. Je crois que ce n'est pas trop, réparti sur tout un an, pour qu'en même temps vous soyez assurés, à la *Balance*, d'une suite logique et consciencieuse sur l'état d'âme et d'oeuvre des poètes français, par un poète que vous voulez bien estimer. — Et voici tout, mon cher ami. Je vous demande maintenant de faire passer *en ce No.* ma *Lettre* de fin d'année, *Résumé*, et présentation de quelques poètes nouveaux (point d'évolution intéressante)[5]. En ce No.-ci, je vous prie, et laissez de côté, *pour après*, le compte-rendu sur Bocquet (Il faut parler, disais-je, de toute manifestation de tendances) qui est à la Revue depuis Août![6] Donc, la Lettre ce No.-ci. Et après, régulièrement, je l'espère, et vous le comprenez. Bien vôtre, et votre lettre, mon cher ami,

René Ghil

36. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 5 января 1907 г.

Дорогой Друг и славный Поэт!

Бесконечно благодарен Вам за поздравления по поводу наступившего года[1]. И поскольку мое письмо придет к первому дню года российского, примите и от меня пожелания здоровья, работы и дальнейших великолепных успехов Вашего благородного искусства, чье влияние неизменно растет.

Прошу вас передать мои новогодние поздравления г-ну Полякову.

Я буду счастлив получить от Вас длинное письмо и жду его с нетерпением. А сегодня я хотел бы поговорить с Вами о «Весах» и затронуть один административный момент, в убеждении, что делаю это во имя улучшения моего сотрудничества, во имя рубрики, которую веду в Вашем журнале. Я долгое время не обменивался с Вами мыслями по этому поводу, отчего в истекшем году пострадали многие аспекты работы.

Думаю, что и Вы, и г-н Поляков, как никто другой, знаете, с каким охватом, нацеленным на самое широкое восприятие и основанным на непреложности фактов, я начинал свой цикл «Письма о французской поэзии»[2], строго придерживаясь первоначального плана. Помимо этого, я должен был поставлять рецензии на актуальные новинки.

Так продолжалось год и более. Затем в целях экономии места меня попросили давать всего по четыре «Письма» и *регулярно* посылать довольно *пространные* рецензии, характеризующие автора в целом, включая психологический аспект его личности и творчества, который я всегда пытаюсь донести до читателя. Вы лично просили меня не прерывать работы в летнее время.

Я прекрасно понял причину подобного сокращения, понял настолько, что более не посылал «Писем», ибо сознавал, что редакционный портфель часто бывает переполнен и журнал выходит с запозданием. Из «Писем» я послал только статью о Верлене (первую часть)[3] и «Итоги 1906 года», которые г-н Ликиардопуло, думаю, получил в конце ноября. (Мне не отвечают на письма, что также затрудняет мою задачу.)

Однако журнал продолжал получать *рецензии*, интересные, необходимые для того, чтобы следить за эволюцией французского поэтического процесса (к чему я собственно и прилагаю свое усердие), рецензии, посылаемые загодя и в большом количестве. Мне приходилось надеяться, что эти короткие рецензии будут публиковаться с прежней регулярностью и даже с еще большей заботой о регулярности, пусть даже в среднем всего по 2-3 страницы в месяц, т. е. совершенный пустяк при изобилии русских материалов. Но взгляните на этот раздел за текущий год — какая скудость! А ведь раньше журнал отличался гораздо большей осведомленностью, что, надеюсь, не могло не нравиться вашим читателям[4]. И ведь кто-то может подумать, что это по моей вине — так могут подумать в России, так могут подумать писатели и издатели во Франции. Хотя Вы знаете, мой дорогой друг, что если я берусь за какое-либо дело, это означает, что я это дело люблю и отдаюсь ему целиком.

Поэтому я хочу предложить Вам в наступившем году *регулярный* стиль работы, естественно, не перегружая журнала, как это было, например, в 1904 году.

Регулярно публикуемые *рецензии в среднем* по 2 или 3 страницы в месяц. *Скажем лучше — 3 страницы.*

«Письма общего характера о Поэзии» (включая письмо об итогах года, если хотите). *В среднем 15 страниц.* (15 стр.)

Таких «Писем» будет 3.

В итоге: в 9 номерах года *рецензии* в среднем по 3 страницы, публикуемые *каждый месяц*, и 3 «Письма о Поэзии» — *в среднем* 15 страниц.

Таким образом, с одной стороны, я буду держать «Весы» в курсе происходящего, выполняя работу с присущей мне добросовестностью и беспристрастностью, ради чего я читаю всю публикуемую поэзию. В появляющихся сборниках я отмечаю проявления таланта и искренности, вынося о них свои суждения (которые важны для Вас, как Вы мне писали, и которые Вы хотите развить). Суждения, к которым *я прихожу* именно за счет изучения всей поэтической продукции.

С другой стороны, совершенно необходимо, чтобы достаточно представительные гонорары компенсировали как работу по написанию, так и работу по отделке написанного, что обусловлено заботой о верном документировании фактов. За место в журнале, которое я у Вас прошу, мой годовой *гонорар* составит приблизительно 700 франков. Я не думаю, что эта сумма преувеличена, учитывая, что она будет распределена по месяцам в течение целого года, а также то, что редакция «Весов» будет обеспечена логически последовательным и добросовестным освещением творческого и душевного состояния французских поэтов в изложении ценимого Вами поэта. Вот и все, мой дорогой друг. А сейчас я прошу Вас поместить в *ближайший номер* мое «Письмо, резюмирующее итоги года», и материал, представляющий несколько новых поэтов (знаменующих интересный пункт эволюции)[5]. Отложите, пожалуйста, *на будущее* и не давайте в этот номер рецензию на Боке (хотя, как я писал, необходимо останавливаться на всех проявлениях и тенденциях), которая лежит в журнале с августа![6] Итак, в этот номер — «Письмо». А потом регулярные рецензии. Я надеюсь, что это будет так, и что Вы меня понимаете. Искренне Ваш, жду, дорогой друг, Вашего письма.

Рене Гиль

---

[1] Поздравление Брюсова, вероятно, утеряно.

[2] См. примечание 2 к письму № 1.

[3] См. примечание 4 к письму № 27.

[4] Проявляя заботу о русских читателях, Гиль в данном случае отнюдь не преувеличивал значения своих публикаций для формирования их взглядов на современную французскую поэзию. Журнал «В мире искусств» в этот период, к примеру, отмечал: «Действительно, по части знакомства с "новой" западноевропейской литературой у нас зияющий пробел. Много крупных литературных имен Запада неизвестны у нас даже понаслышке. Кипучая литературная жизнь Запада как-то ускользает из поля зрения русского читателя.

Он знакомится с этой жизнью отрывочно и случайно. Вина в этом отношении лежит, конечно, на нашей печати. Много ли мы найдем в наших "толстых" журналах материала для *систематического* знакомства с иностранными литературами? За исключением "Весов", дающих интересные корреспонденции о литературной и художественной жизни Запада, и "Вестника Европы", помещающего очерки иностранной литературы, — мы не запомним других серьезных попыток в этом направлении. Даже "Весы" не слишком расширяют рамки своей задачи. Очень содержательны принадлежащие перу Ренэ Гиль обзоры французской поэзии, но уже слабее и случайнее обзор немецкой и английской литератур» ([Без подписи]. Из текущей печати // 1907. № 20—21. С. 25).

[5] Пожелание Гиля было выполнено лишь частично. В январском номере «Весов» за 1907 г. была напечатана только его обзорная статья об итогах прошедшего поэтического года.

[6] Речь идет о третьем сборнике Леона Боке «Черные лебеди» («Les Cygnes noirs», 1906). По взаимному согласию Гиля и Брюсова рецензия на эту книгу в журнале опубликована не была (см. также примечание 3 к письму № 38).

37. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

1/13 janvier 1907, Moscou.

Cher maître,

Je me sens bien coupable envers vous de ne vous avoir pas écrit depuis si longtemps. Mais ces derniers mois, j'étais absorbé par un travail constant. C'est toujours ce roman historique, que j'ai promis à la *Balance* encore pour 1906 et que je ne pourrai présenter à l'imprimerie avant le 15 janvier 1907[1]. Ce travail m'empêchait de prendre part dans le Comité de notre rédaction comme auparavant et mon activité n'y était qu'accidentelle. Quant à M. Poljakoff, il était très malade pendant presque deux mois (de diphtérie) et ne s'est pas encore remis jusqu'à présent. Voici, comme il me semble, les causes de cette négligence regrettable de la *Balance*, dont vous me parlez.

Après vos lettres, je demanderai sans aucune remise qu'on règle les relations avec vous comme collaborateur de la *Balance*. Votre *Lettre sur la Poésie Française* est maintenant chez moi et je la ferai passer immanquablement dans le No. [de] janvier[2]. Votre compte-rendu sur le livre de Van Bever pourra paraître dans le No. [de] février[3]. De même — les comptes-rendus sur Bo[c]quet et Gaudion, si vous y insistez[4]. (J'ai lu ces deux livres et je les trouve — surtout celui de Bo[c]quet — d'une valeur assez douteuse[5]). Enfin, je ferai tout mon possible [pour] que vous ayez dans la *Balance* ce que vous demandez en droit: c'est-à-dire de 60 à 70 pages par an pour vos *Lettres* et vos comptes-rendus.

J'aime croire toutefois, cher maître, que cette bienveillance dont vous m'avez comblée jusqu'à présent ne sera aucunement troublée par les inexactitudes de la *Balance*. Il [me] serait infiniment triste de perdre votre attention à l'heure où je commence à l'apprécier avec une ardeur nouvelle. Car plus j'étudie votre oeuvre, — plus j'admire la grandeur et sa portée universelle. Ayant lancé déjà cinq volumes des vers et plu-

sieurs de la prose (le dernier je vous prierai d'accepter dans quelques jours), — je me vois approcher des confins de votre «poésie scientifique»[6]. Ses principes me semblent de plus en plus inébranlables, et il n'est pas de doute qu'un jour j'étonnerai mes amis par ma conversion inattendue.

Vous vous souvenez peut-être de mon projet, qui m'est si cher, de faire paraître une série de traductions des poètes français[7]. Après le volume de Verhaeren (je vous remercie beaucoup de vos paroles amicales à ce sujet)[8], je prépare celui de Verlaine, qui ser[a] terminé vers le mois de mars[9]. Ensuite, je vais me mettre entièrement à la tâche énorme et séduisante, — à la traduction des fragments de votre poésie[10].

Agréez, cher maître, mes sentiments d'ami et d'admirateur

Valère Brussov

37. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

1/13 января 1907 г., Москва

Многоуважаемый учитель!

Чувствую себя виноватым перед Вами, что так давно не писал Вам. Но последние месяцы я был очень загружен работой. Речь идет все о том же историческом романе, обещанном еще в 1906 году «Весам» и который я не сумею доставить в типографию раньше 15 января 1907[1]. Такая усиленная работа помешала мне также принять участие в Комитете нашей редакции, какое я принимал раньше, и моя деятельность в редакции стала лишь случайной. Что касается г-на Полякова, он был в течение [почти] двух месяцев [серьезно] болен (дифтеритом) и до сих пор еще не выздоровел. Вот в этом вся причина досадной небрежности журнала «Весы», о которой Вы упоминаете.

По получении Ваших писем я потребую, чтобы Вам было восстановлено без промедления отношение как к сотруднику «Весов». Ваше «Письмо о французской поэзии» находится сейчас у меня, и я незамедлительно [напечатаю] его в январском номере[2]. Ваш отчет о книге Ван Бевера может появиться в феврале[3]. Также о Боке и о Годионе, если Вы настаиваете[4]. (Я прочел обе эти книги и нахожу их — особенно книгу — Боке достаточно сомнительной[5].) Наконец, я сделаю все зависящее от меня, чтобы Вам было предоставлено в «Весах» все, что требуете по праву: иначе говоря, чтобы Вам было предоставлено от 60 до 70 страниц в год на Ваши «Письма» и на Ваши рецензии о книгах.

Тем не менее, я смею верить, дорогой учитель, что все то благоволение, каким Вы меня окружали до сих пор, не будет нарушено из-за халатности, допущенной «Весами». Мне будет бесконечно грустно утратить Ваше внимание, которое я начинаю ценить с новой пылкостью. Ибо — чем больше я изучаю Ваше творчество, тем больше я восхищаюсь его величием и всемирным значением. Я

уже выпустил пять томов стихов и несколько томов прозы (последний том прозы попрошу Вас принять через несколько дней), — я вижу, что я дошел до пределов Вашей «Научной поэзии»[6]. Ее принципы кажутся мне все более и более неколебимыми, и, без сомнения, в один прекрасный день я удивлю своих друзей своим неожиданным превращением.

Вспоминаете ли Вы один из моих любимых замыслов — я мечтаю выпустить серию французских поэтов в переводах[7]. После томика Верхарна (благодарю Вас за Ваши дружеские слова по этому поводу)[8] я готовлю Верленовский, который должен будет быть законченным к марту месяцу[9]. Затем я всецело хочу приняться за возложенную на себя огромную и увлекательную задачу — по переводу отдельных отрывков Вашей поэзии[10].

Примите, дорогой [учитель], мои чувства друга и поклонника

Валерий Брюсов

Копия черновика на французском бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион» с многочисленными исправлениями.

[1] Имеется в виду роман Брюсова «Огненный ангел» (см. примечание 5 к письму № 27), главы которого публиковались в «Весах» в первые месяцы 1907 г.

[2] См. примечание 5 к письму № 35.

[3] Речь идет об упомянутой выше рецензии Гиля на книгу Шарля Вийона, сьера да Далибре, составленную Адольфом Ван Бевером. В реальности рецензия была опубликована не в февральском, как пишет Брюсов, а в мартовском номере журнала. О перипетиях этой повторной публикации см. примечание 11 к письму № 30.

[4] Подобно рецензии на книгу Леона Боке (см. примечание 6 к письму № 36), отзыв о книге Жоржа Годиона «Лампы перед порогом» («Lampes avant le seuil», 1906) в журнале не появлялся.

[5] Имя Леона Боке было знакомо Брюсову задолго до получения им рецензии Гиля. Еще в 1904 г. он написал короткий отзыв о его книге «Иллюминатор Андре де Гашон» («L'Imagier André de Gachons», 1903), представляющей собой иллюстрированную биографию художника. В своем отзыве Брюсов отмечал, что предпочел бы видеть характерные для де Гашона стилизации под Средневековье, а не репродукции реалистических вещей поздней манеры (Весы. 1904. № 5. С. 64—65. Подпись: *Аврелий*).

[6] Гиль процитировал данное высказывание в заключительной статье своего цикла «Пятнадцать поэтических лет» (Quinze ans de poésie // Messidor. 1907, le 29 avril, Lundi. P. 4), а также в некрологе Брюсову (Rythme et Synthèse. 1925. № 52. P. 50). Подробно о цикле «Пятнадцать поэтических лет» см. примечания 4 и 5 к письму № 41.

[7] См. примечание 2 к письму № 33.

[8] См. примечания 3 и 4 к письмо № 35.

[9] «Собрание стихов» П. Верлена «с критико-биографическим очерком и шестью портретами» Брюсов выпустит только в 1911 г. вне объявленной серии.

[10] Книга Гиля «Опыты научной поэзии» была объявлена в начале 1907 г. в № 2 «Известий по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» в разделе «Книги в печати и приготовляемые к печати» (С. 39). Н. Ашукин уточняет, что издание книги предполагалось в издательстве «Скорпион» (см.: *Ашукин Н.* Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. М., 1929. С. 223).

38. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 23 Janvier 1907

Bien cher ami, bien cher et grand Poète,

Si j'avais pu songer un instant que vous puissiez croire que cette petite contrariété venue de la *Balance* ait pu influer sur mes sentiments d'amitié et d'admiration pour vous, — j'aurais été très malheureux! Non, certes, et d'ailleurs avais-je dit que vous et M. Poljakoff étiez, en ma pensée, tout à fait étrangers à trop d'oubli de la tâche, bonne je crois, que la *Balance* et ma sincère collaboration menons pour répandre notre Poésie française actuelle.

Donc, cher ami, tout cela n'est rien. — Et j'apprends avec peine la maladie grave de M. Poljakoff: voudrez-vous lui exprimer la joie que je prends de son rétablissement, et mes voeux de santé entièrement revenue.

— Ce sera parfait, pour la Collaboration à la *Balance*, comme vous me le confirmez. Oui, de 60 à 70 pages annuelles. Avec cela, j'aurai marge pour tenir un bon *courant*, avec trois Etudes sur les Figures principales de notre mouvement, — en *les reliant à l'actualité*. J'étudierai la psychique de Mallarmé, Kahn et Griffin[1], sans doute, cette année.

Vous me direz, sincèrement, si ces noms vous agréent, — ou si vous voyez quelques autres dont il vous serait *agréable que je parle d'abord*. N'est-ce pas?

— Je suis d'avis de ne plus publier les comptes-rendus sur Bocquet et sur Gaudion[2]. C'est trop tard, et l'importance est trop minime pour que nous repêchions cela! Votre avis, sur le livre de Bocquet, est *bien le mien*. Mais, n'est-ce pas? je dois *impartialement*, en une Revue comme la vôtre, donner les manifestations principales de *toutes les tendances*, — tout en y apportant mon jugement *restrictif*, ce que je fis pour L. Bocquet, — qui est de ce Groupe de *Beffroi*, qui donna des espérances, — et, oui, certes, qui ne les tient pas[3]. — Gaudion est un Jeune, nous verrons à un nouveau livre de lui[4].

Donc, supprimez cela.

Le compte-rendu sur Van Bever (j'en parlais, parce qu'il y a là un labeur (bien que sur choses rétrospectives) auquel il sied de rendre hommage: Van Bever s'est acquis une notoriété, très bellement acquise, en ces rééditions de vieux poètes), ce compte-rendu, dis-je, *est paru*, au *No. 10*[5].

— C'est d'ailleurs (20 frs, je crois), — tout ce que me doit d'honoraires la *Balance*. On joindra cela à l'envoi après la parution de ma *Lettre* que vous avez en main, — et que je vous remercie de tout coeur de faire passer aussitôt...

Je vais donc vous envoyer de petits comptes-rendus sur les livres récemment parus de: M. Victor Lit[s]chfousse (édition Messein)[6], Paul Drouot (nouveau venu, intéressant, doué, certainement, en le sens poétique nouveau)[7], et Valmy-Baysse (de qui il faut encourager un effort visible)[8].

Et un, sur une *Anthologie des poètes contemporains* 1830 à 96 (édition Delagrave à Paris, et Sijthoff à Leyde). Travail d'une grande valeur, et d'une incontestable utilité.

Si vous le jugez bon, vous pourriez donner ce dernier compte-rendu en Février[9].

Je m'en rapporte à vous, mon cher ami. Vous aurez continûment ma copie, — la plus intéressante possible, certes.

Et merci, et toujours merci, pour le travail sur moi que vous méditez. Je vous dis, très fortement, que je me sens très honoré d'être aussi complètement présenté en Russie, par le poète que vous êtes!

Vous aurez reçu, quand vous viendra cette lettre, mon livre nouveau de la réédition[10], — avec celui d'Eshmer-Valdor[11]. J'ai envoyé à la *Balance* l'exemplaire pour M. Poljakoff[12].

Et, je suis infiniment heureux, — et fier de ce que vous me dites, de votre sentiment profondément raisonné, sur ma Doctrine poétique. J'en suis heureux, car ainsi se confirme ce que je crois que j'ai dit souvent, que ces théories sont assez larges pour que tout *vrai* tempérament, toute *vraie et puissante personnalité*, puissent à divers degrés s'en laisser pénétrer, pour une évolution *élargie et tout individuelle*. Encore merci, et agréez, je vous prie, mes sentiments d'inaltérable amitié, d'admiration, pour votre grand et continu labeur. Vôtre,

René Ghil

38. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 23 января 1907 г.

Дорогой друг, дорогой великий Поэт!

Если бы я хоть на миг помыслил, что Вы подумаете, что мелкие разногласия, возникшие по вине «Весов», повлияют на чувство моего дружеского восхищения Вами, я был бы очень, очень несчастлив! Конечно же, нет. К тому же я и раньше настаивал, что Вы с г-ном Поляковым никогда не ассоциировались в моем сознании с небрежением той благородной работой, которую «Весы» при моем искреннем сотрудничестве ведут в деле пропаганды современной французской поэзии.

Все это, дорогой друг, не имеет значения. Мне причинило страдание известие о тяжелой болезни г-на Полякова. Передайте ему, пожалуйста, мою радость по поводу его выздоровления и пожелание полностью восстановить здоровье.

Условия моего сотрудничества в «Весах» представляются мне безупречными в том виде, в каком Вы мне их подтверждаете. Итак, от 60 до 70 страниц в год. Таким образом у меня будет свобода маневра и я смогу держаться верного *курса* при написании трех этюдов об основным фигурах нашего движения, с привязкой к современности. Я, вне сомнения, исследую в этом году психологию творчества Малларме, Кана, Гриффена[1].

Напишите мне откровенно, устраивают ли Вас эти имена или Вы *предпочитаете, чтобы я поговорил вначале о ком-нибудь другом.* Хорошо?

Я согласен с Вами, что не стоит печатать отзывы о Боке и Годионе[2]. Сборники эти вышли уже довольно давно, и значение их не столь велико, чтобы к ним сейчас возвращаться. Я придерживаюсь *того же мнения*, что и Вы, о книге Боке,

но, согласитесь, в журнале, подобном Вашему, я должен *беспристрастно* отмечать все основные проявления *всех тенденций*, вынося о них *ограничительные* суждения, что я и сделал в случае с Леоном Боке, принадлежащим к группе «Беффруа», подававшей надежды, но в действительности не сдержавшей данных ею обещаний[3]. Годион совсем молод — будем судить о нем по его следующей книге[4].

Итак, снимите обе рецензии.

Теперь о рецензии на Ван Бевера (я написал об этой книге, чтобы отметить вложенный в нее труд, хотя речь и шла о ретроспективной публикации). Этой книге необходимо было отдать дань уважения: Ван Бевер снискал себе известность, причем, известность оправданную, переизданиями старых поэтов. Так вот, рецензия эта *уже опубликована* в № 10[5].

Кстати, этими публикациями целиком исчерпывается сумма гонорара (думаю, франков 20), которую мне остались должны «Весы». Пусть ее прибавят к гонорару, который пошлют после выхода имеющегося у Вас «Письма». Благодарю Вас за его скорейшую публикацию...

Итак, я пришлю Вам короткие отзывы о недавно появившихся книгах: Виктора Личфуса (книгоиздательство «Мессен»)[6], Поля Друо (дебютанта интересного, безусловно одаренного, обладающего новым поэтическим чувством)[7] и Вальми-Бэйса (чье очевидное старание необходимо поддержать)[8].

Еще одна рецензия на «Антологию современных поэтов» с 1830 по 1896 г. (парижского издательства «Дельграв» и издательства «Сийтхоф» в Лейдене). Работа высокой ценности и неоспоримой пользы.

Если Вас это устраивает, Вы можете дать рецензию на антологию в февральский номер[9]. Полагаюсь в этом на Вас, дорогой друг. Вы будете регулярно получать мои рукописи, а я, разумеется, буду стараться писать как можно интереснее.

И, как всегда, спасибо за посвященную мне работу, которую Вы обдумываете. Твердо говорю Вам, что для меня будет большой честью быть представленным в России в таком полном развернутом виде и таким поэтом, как Вы!

Ко времени получения этого письма Вам, наверное, уже доставят новый том моего цикла переизданий[10] и книгу Эсмер-Вальдора[11]. Экземпляр для г-на Полякова я отправил на адрес «Весов»[12].

Я бесконечно счастлив и горд сказанными Вами словами и Вашим глубоко рациональным чувством относительно моей поэтической доктрины. Я счастлив, поскольку таким образом подтверждается то, во что я верю, то, о чем я не раз говорил: эти теории настолько широки, что любой *подлинный* темперамент, любая *подлинная, сильная личность* могут проникнуться ими в различной степени во имя *раздвигающей границы, совершенно индивидуальной* эволюции. Еще раз спасибо, и примите от меня выражение неизменной дружбы и восхищения Вашим великим, неустанным трудом. Ваш

Рене Гиль

---

[1] Об очерках Гиля, посвященных Малларме, см. примечание 16 к письму № 34. Отдельные статьи о творчестве Гюстава Кана и Ф. Вьеле-Гриффена в «Весах» не появлялись.

[2] См. соответственно примечание 6 к письму № 36 и примечания 4 и 5 к письму № 37.

[3] Леон Боке был основателем и руководителем журнала «Beffroi» (см. примечание 4 к письму № 18). Сочувственно относясь к теориям Гиля, он позднее опубликовал рецензию на его книгу «О научной поэзии» (см.: *Bocquet Léon*. L'Inventeur de l'instrumentation verbale: René Ghil // Echo du Nord (Lille). 1909, 30 novembre). При журнале, возглавляемом Боке, существовало издательство, опубликовавшее с 1903 по 1909 г. многочисленные сборники поэтов, имена которых были хорошо знакомы читателям «Весов» по публикациям Гиля: Шарля Вильдрака, Поля Кастио, Тео Варле, Роже Аллара, Луи Перго, Амедея Пруво и др. В 1905 г. Брюсов поместил в № 4 журнала «Beffroi» статью «о русской литературе в 1904—5 году», в которой, как писали «Весы», он говорил «о Горьком (“Человек”, “Дачники”), Леониде Андрееве (“Красный Смех”), Мережковском (“Петр”), Бальмонте (“Собрание Стихов”, “Литургия Красоты”), Андрее Белом (“Возврат”), А. Блоке, Вяч. Иванове и Ф. Сологубе» (Весы. 1905. № 4. С. 72).

[4] В 1909 г. Жорж Годеон выпустил свою последнюю поэтическую книгу «Скошенный луг» («La prairie fauchée»), однако, Гиль к этому автору, насколько нам известно, больше не возвращался.

[5] См. примечание 11 к письму № 30.

[6] В. Личфус был одним из молодых авторов, на которых Гиль еще в 1904 г. возлагал особые надежды (см. примечание 13 к письму № 3). В рецензии на новый сборник этого поэта «Чужая душа» («L'Ame d'autrui», 1906), изданный с предисловием Л. Тайада, Гиль утверждал, что нашел в этой книге способность «уловить всеобщие мировые отношения и заставить их дрожать в своем “Я”, где гармонично слито космическое и личное: вот начало и цель той Поэзии, к которой мы стремимся» (Весы. 1907. № 3. С. 91). Что же касается Брюсова, то в недатированном письме к Волошину, отправленном в середине апреля 1904 г., он, сравнивая с французскими поэтами выдающиеся фигуры немецкой литературы XX века (Гофмансталя, Георге, Рильке, Клингера), писал о том, что «ничего подобно у французов нет, у них либо старики, как Верхарн, либо очень сомнительные “надежды”, как Личфус [...]» (ЛН 1994. С. 335). Впоследствии В. Личфус издал также несколько романов.

[7] Рецензия на первую книгу Поля Друо «Песнь Иоахима» («Chanson d'Eliacin», 1906) была опубликована в № 3 за 1907 г.

[8] Рецензия на сборник Жана Вальми-Бэйса «Очарованная жизнь» («La vie enchantée», 1907) была опубликована в № 6 «Весов» за 1907 г. вместе с отзывами о поэме Андре Ибельса «Книга солнца» («Le Livre du soleil», 1907) и сборнике Луи Мандена «Сладострастные тени» («Ombres voluptueuses», 1907).

О первом сборнике Луи Мандена «Сновидения» («Les Sommeils», 1905) писал ранее Брюсов, который отнес этого поэта-дебютанта к последователям Верлена и признал, что стихи его, несмотря на несовершенство, говорят о подлинном благоговении перед искусством и наделены легкой иронией (Весы. 1906. № 2. С. 69—70).

[9] Речь идет о двух первых томах трехтомной антологии Жерара Вальша (точное название: «Anthologie des poètes français contemporains», 1906—1907), представляющей собой наиболее полный на тот период свод современных французских стихотворений. Книга содержала подробные биобиблиографические данные, воспроизводила автографы самых знаменитых стихотворений, поражала информационным богатством и тщательностью проработки. Рецензия на антологию Вальша была опубликована в № 3 «Весов» за 1907 г. О ее содержании см. примечание 5 к письму № 40. О возмущенном отзыве Гиля на ее третий том см. примечание 5 к письму № 3, а также примечание 8 к письму № 43.

[10] Речь идет о первом томе двухтомного собрания «Обет жить» (см. примечание 5 к письму № 34).

[11] Гиль послал Брюсову книгу А. Мерсеро «Люди из разных мест» («Gens de là et d'ailleurs», 1907). В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр сборника со следующей дарственной надписью: «Поэту-творцу Валерию Брюсову с выражением искреннего вос-

хищения и в знак особой симпатии чете Брюсовых. На память. Александр Мерсеро. 8 апреля 1907 г. Париж — Москва» [«Au poète créateur Valère Brussov en hommage de sincère admiration à M. et Mme V. Brussov en souvenir d'une rare sympathie. Alexandre Mercereau. 8 avril 1907. Paris-Moscou » (РГБ. Ф. 386. Книги. № 1625)].

[12] Об экземпляре для С. Полякова см. примечание 4 к письму № 55.

39. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 31 Janvier 1907

Bien cher Poète et ami,

Je vous envoie ce mot d'amitié et de bonjour, avec les deux *comptes-rendus*, de livre de MM. Lit[s]chfousse et Paul Drouot (un nouveau venu), que vous trouverez sous ce pli[1]. Je vous enverrai ensuite le Compte-rendu de *l'Anthologie* de M. G. Walch, ouvrage important[2]. Je pense que vous avez reçu maintenant, et mon volume, et ma réponse empressée à votre si aimable lettre, dont encore merci! Bien forte poignée de main, de votre,

René Ghil

Vous recevrez, ou avez reçu, à votre nom, un volume du droit international *La Loi des Nations*, ouvrage couronné par le *Bureau International de la Paix* de M. E. Duplessix[3].

Je crois qu'il peut vous intéresser. Je vous le recommande, au cas où vous en direz votre avis à la *Balance*. Il y a là un commencement de poétique des idées pacifistes, qui est intéressant[4].

39. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 31 января 1907 г.

Дорогой друг и Поэт!

Посылаю Вам эту дружескую записку и слово привета в одном конверте с двумя *рецензиями* — на книгу Личфуса и Поля Друо (из новичков)[1]. Затем я вышлю Вам отзыв на «Антологию» Ж. Вальша, произведение очень важное[2]. Думаю, что Вы уже получили мой томик и мой поспешный ответ на Ваше столь любезное письмо, за которое я еще раз Вас благодарю! Крепко жму Вашу руку, Ваш

Рене Гиль

Вы получите или уже получили книгу Э. Дюплесси «Закон наций» о международном праве, произведение, удостоенное премии «Международного бюро мира»[3].

Думаю, что она может Вас заинтересовать. Рекомендую ее Вам на случай, если Вы решите высказаться о ней в «Весах». В ней присутствует начало поэтики пацифистских идей, что небезынтересно[4].

Оригинал — ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 1. № 82.

[1] См. соответственно примечания 6 и 7 предыдущему письму (№ 38)

[2] См. примечание 9 к письму № 38.

[3] Речь идет о выпущенном в 1906 г. проекте кодекса международного общественного права, ставящего своей задачей учреждение единого международного органа законодательной, административной и судебной власти.

[4] Публикации Брюсова по этому поводу нам неизвестны.

40. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 15 Mars 1907

Bien cher Poète et ami,

J'ai reçu votre lettre ce matin, si bonne, si gracieuse, et de fidélité d'âme dont je ne sais vraiment comment vous remercier[1]. Je vous répondrai ces jours-ci, longuement. Excusez-moi, car aujourd'hui, au très grand galop, je veux vous envoyer (que vous trouvez ci-joint) le compte-rendu sur *l'Anthologie de M. Walch*, — ouvrage très important, dont on parle beaucoup, de premier ordre[2]. Je vous demande instamment de le faire passer au *No. 3 de la Balance*, avec les deux 2 petits comptes-rendus sur les livres de M. Lit[s]chfousse et Drouot[3]. Celui de *Walch en tête*, s'il vous plaît[4]. Vous verrez que j'ai dû relever quelques passages de la Préface par Sully-Prudhomme. Son sectarisme et sa haine le conduisent vraiment au gâtisme[5], — d'ailleurs, physiquement, il l'est, paraît-il, à peu près. Alors, qu'il se taise, le «vase est brisé»[6].

Votre nouvelle manière de distribuer les Lettres Etrangères me semble absolument heureuse[7]. — Merci de votre livre[8]. J'aurais voulu m'en faire traduire avant de vous en parler, et je n'ai personne, hélas! sous la main, en ce moment. Cela se présentera. — Je suis heureux de voir E[shmer-]Valdor parler de mon livre[9]. Dites-lui mes amitiés, et qu'il m'écrive.

A bientôt, donc, plus longue lettre. Excusez-moi bien. Et encore merci de tant de bon coeur et de bonne pensée. Vôtre,

René Ghil

J'ai assez de travail pressé, un nouveau journal du soir, ici, *Messidor* m'a demandé de parler pour ses lecteurs de la «Poésie scientifique». Je vais faire une sorte de manifeste à grandes lignes, en 4 articles[10].

40. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 15 марта 1907 г.

Дорогой друг и поэт!

Сегодня утром я получил Ваше письмо — такое доброжелательное, такое обходительное, проникнутое такой душевной верностью, что я действительно не знаю, как Вас благодарить[1]. В ближайшие дни я отправлю Вам пространный ответ. А сегодня прошу простить меня за то, что я пишу Вам стремительным галопом, - отправляя одновременно с этим письмом рецензию на «Антологию» Вальша, этот значительный труд первостепенной важности, о котором много говорят[2]. Прошу Вас незамедлительно поставить этот материал в *№ 3 «Весов»* вместе с двумя короткими отзывами о книгах Личфуса и Друо[3]. Но *сначала*, пожалуйста, рецензию на Вальша[4]. Вы увидите, что мне пришлось вскрыть несколько пассажей из предисловия, написанного Сюлли-Прюдомом. Его сектантство, его ненависть поистине граничат со старческим слабоумием[5], впрочем, физически он, похоже, почти достиг этого состояния. Пусть же замолчит — «ваза разбита»[6].

Ваше новое расположение иностранных материалов представляется мне совершенно удачным[7]. Спасибо за Вашу книгу[8]. Я хотел сначала отдать ее на перевод, а потом написать о ней Вам, но, увы, у меня в настоящий момент никого нет под рукой. Однако такая возможность появится. Я был счастлив увидеть отклик Эсмер-Вальдора о моей книге[9]. Передайте ему мой дружеский привет и пусть он мне напишет.

Итак, до скорого — ждите более длинного письма. Прошу простить меня и еще раз спасибо за Вашу сердечность, за добрую мысленную заботу. Ваш

Рене Гиль

У меня довольно много срочной работы. Новая вечерняя газета «Мессидор» попросила меня рассказать ее читателям о «Научной поэзии». Я напишу широкими мазками нечто вроде манифеста — в 4-х статьях[10].

---

[1] Письмо, о котором пишет Гиль, вероятно, утеряно. Зимой 1907 г. Брюсов был долгое время болен после того, как съездил в Нижний Новгород на свадьбу своего друга А. А. Курсинского. «Сначала был занят очень работой над № 1 "Весов", — сообщал он отцу в Париж в недатированном февральском письме, — потом ездил в Нижний венчать Курсинского [...], наконец, простудившись в поездке, захворал инфлюэнцией с плевритом и болен по сю пору» (ЛН 1991. С. 355n).

Не исключено, что в своем не дошедшем до нас письме Брюсов выразил Гилю поддержку в связи с переизданием его книги «Обет жить». Незадолго до этого книга была

отрецензирована постоянным сотрудником журнала «Mercure de France» Пьером Кийяром вместе с новым сборником Ж. Дюамеля «О легендах, о сражениях» («Des légendes, des batailles», 1907) и сборником Р. Аркоса «Трагедия пространств» («La Tragédie des espaces», 1906). Несмотря на значительную разницу в возрасте, и Аркос, и Дюамель были представлены в рецензии не столько как прямые ученики, сколько как соратники Гиля в деле реализации «научной поэзии». Признавая, что «искусство Рене Гиля позволительно не любить» [«Il est permis de ne pas aimer l'art de M. René Ghil» (Mercure de France. 1907, mars 1. P. 109)], рецензент отмечал, что «ни у кого нет права судить о таком упорном труде с непочтительной улыбкой» [«nul n'a le droit de juger un tel effort d'un sourire impertinent» (Там же)]. Выражая определенную долю уверенности в теоретической возможности существования «научной поэзии» [«Qu'une poésie scientifique soit possible»], Пьер Кийяр нашел, что стихотворения ее адептов «не намного поднимаются над произведениями популяризаторов науки» [«ne s'élèvent pas fort au-dessus de vulgarisateurs»] и что в некоторых страницах Дарвина и других ученых «больше реальной поэзии, [...] чем в самых благонамеренных александрийских стихах и восьмисложниках» [«plus de poésie réelle <...> que dans les mieux intentionnés des alexandrins et des octosyllabes» (P. 110)].

² См. примечание 9 к письму № 38.

³ См. примечания 6 и 7 к письму № 38.

⁴ Просьба Гиля была выполнена: названные рецензии появились в мартовском номере «Весов» за 1907 г.

⁵ За исключением одного вступительного и двух-трех заключительных пассажей панегирического характера, Гиль в своем отчете не преследовал цели дать взвешенную характеристику двум первым томам трехтомника Ж. Вальша. Отметив, что рецензируемая антология — «работа в высокой степени выдающаяся, замечательная [...] тонким и воспитанным вкусом» (Весы. 1907. № 3. С. 88), он без промедления приступил к разбору или, вернее, разгрому предисловия к книге и прежде всего упрекнул составителя в том, что он вообще позволил его автору, А. Сюлли-Прюдому, «представить читателям этот беспристрастный труд», «дав высказаться в своей книге наиболее партийному из парнассцев», который своими суждениями «только резче выставил для непредубежденного читателя все великое значение поэтической эволюции последних двадцати лет, очень верно отразившееся на страницах "Антологии". Г. Сюлли-Прюдом, оставаясь верным своей обычной тактике, так злостно искажает эту эволюцию, с такой детской предвзятостью старается во что бы то ни стало уменьшить ее значение, выказывает столько чудовищного невежества и столько явного недоброжелательства, — что к нему можно испытывать только чувство сострадания» (Там же). Непосредственно после сказанного Гиль перешел к своей излюбленной, если не единственной теме — уточнению собственного места в поэтическом движении. Касаясь смены литературных школ, он писал: «"В поэзии не может быть эволюции", возвещает г. Сюлли-Прюдом с жалким упрямством, забывая биологический закон, что все развивается, что все последующее возникает из предыдущего и что природа скачков не делает. [...] Говоря в общих чертах о современных школах, о "символистах" и о "научной поэзии", [он] находит у них нового только несколько метрических вольностей [...], причем с непонятным лицемерием признает себя готовым принять их. Таким образом, выходит, будто не существовало моей теории "словесной инструментовки" (о которой, однако, г. Сюлли-Прюдом принужден был говорить в своем "Размышлении о стихе" 189[2] г.) или теории Гюстава Кана "свободного стиха", "vers libre", мощно воспринятой и использованной Ф. Вьелле-Гриффином!.. [...] Наконец, с поразительной развязностью, г. Сюлли Прюдом "замечает, нисколько не скорбя об том", что поразительные успехи Науки оказали очень мало влияния на творчество поэтов. "Они не проникли в сферу поэтического вдохновения, за редкими исключениями", — говорит он осторожно. Между тем, г. Вальш, во 2-м томе, находит нужным посвятить "научной поэзии" целые страницы, которые делают

мне честь сочувственным и вдумчивым отношением к моей теории и признают за ней влияние, сказывавшееся в фактах» (С. 88—89). «Довольно говорить о г. Сюлли-Прюдоме, — подытоживает Гиль. — Укажем только, что напрасно он заявлял о своем желании "осведомить читателей за границей". Неужели г. Сюлли-Прюдом не знает, что вне Франции читатели более осведомлены о французской поэзии, чем он сам! За границей любят вникать в искусство и умеют вдумываться в творчество поэтов, и не предисловию г. Сюлли-Прюдома остановить не-французского читателя! Я уверен, что этот читатель оценит изящное "Вступление" г-на Вальша, где высказано преклонение пред "пышным богатством поэтического творчества эпохи, с которой в этом отношении не может равняться ни одна из предшествующих"» (С. 89).

Конфликт Гиля с «научным поэтом» и первым Нобелевским лауреатом в области литературы Сюлли-Прюдомом восходил к упомянутой им брошюре «Размышления об искусстве стихосложения» («Réflexion sur l'art de vers»), в которой автор действительно рассматривает теории Гельмгольца о тембре гласных и выдвигает собственные суждения о музыкальности стиха. В качестве примера он ссылается на А. Шенье, В. Гюго, Т. Готье, Ламартина, А. де Мюссе и других крупнейших поэтов Франции. Следует заметить, что упоминание в этом контексте имени Гиля или его «словесной инструментовки» прозвучало бы по меньшей мере диссонансом.

О неблаговидной роли Сюлли-Прюдома в отношении поэтического новаторства упоминалось в русской прессе и ранее. Так, в рецензии на книгу «Размышления об искусстве стихосложения», Д. Мережковский, в частности, писал: «Ко всему молодому поколению, к неоромантикам Сюлли Прюдом, при всяком удобном случае, высказывает свою ненависть. В сущности вся эта книга "об искусстве стихосложения" задумана как боевой вызов стариков, как манифест против нарушителей классических преданий, против таких новаторов, как Поль Верлэн, Стефан Маллармэ, Артур Рейнбо, Ренэ Жиль, Эдмонд Гар[о]кур, Морис Бушор и др., которые в своих журналах "L'Ermitage", "Revue Blanche", "La Plume" выступили с шумом и самоуверенным задором, иногда не без таланта» (*Мережковский Д.* Новейшая лирика // Вестник иностранной литературы. 1894. № 12. С. 147).

Позднее Брюсов начнет свою основополагающую статью «Научная поэзия» с критики взглядов Сюлли-Прюдома и его сторонников на невозможность сосуществования науки и поэзии: «Недавно *Matin* напечатало неизданное письмо Ж. Бизе к одному из его друзей, о искусстве, разуме и прогрессе. "Ваш прогресс, — пишет Бизе, — неизбежный, неумолимый, убивает искусство [...]". Года два назад в том же смысле высказался Сюлли Прюдом в предисловии к новой "Антологии" современных французских поэтов. "В поэзии нет эволюции, — заявил он. — Образ вселенной видоизменился для каждого культурного ума. Небо для нас уже не покров с подвешенными, для нашего освещения, лампадами: оно — бесконечное пространство: без дна и без вершины. Шаровидность земли отодвинула в неопределенную даль столбы Геркулеса. Стираются грани между миром животным и растительным. Вещество все более и более теряет свой характер грубой косности, непременно протяженной: физика и химия стремятся утончить его, обратив в систему точек, центров сил, лишенных протяжения. Бесчисленные чудеса прославляют мощь человеческого ума. Но ничего из этого, если не считать редких прорывов, не проникло в сферу поэтического вдохновения. Любовь, со всеми связанными с нею страстями, осталась ее последним господином, как была первым. Я не удивляюсь этому и не жалуюсь на это. Ибо ничто, кроме любви, не способно вполне наполнить сердца"» (Русская мысль. 1909. № 6. Отд. II. С. 155—156). «Нельзя сказать, чтобы суждения автора "Кармен" и автора "Разбитой вазы" (о последнем произведении см. примечание № 6 к настоящему письму. — *Р. Д.*) были особенно новы и неожиданны, — возражал Брюсов, — а вернее сказать, они просто банальны. "Искусство падает по мере того, как торжествует разум", "Прогресс, неизбежный, неумолимый, убивает искусство", "В поэзии нет эволюции" — это общие, "ходячие"

воззрения. Тогда как никто не сомневается, что наука нашего времени ушла неизмеримо далеко от науки древности, многие уверены, что в искусстве видоизменились лишь формы, а по содержанию оно стоит на том же месте, что и два с половиною тысячелетия назад, если только не пошло назад, — и мало того, что уверены, но, подобно Сюлли-Прюдому, "не удивляются этому и не жалуются на это"» (С. 156).

Брюсов был невысокого мнения о поэтическом даровании Сюлли-Прюдома, признавая за ним только отдельные достижения. «Сюлли-Прюдом, — писал он во «Французских лириках», — на наш взгляд, не принадлежит к лучшим поэтам Франции. Но есть у него несколько стихотворений, действительно, удачных; кроме того, уступая многим в совершенстве формы, он все же обнаруживает высокую технику стиха, — общее достояние французских поэтов XIX в. Сам Сюлли-Прюдом считает себя (с чем соглашается дружественная критика) поэтом-философом и даже поэтом науки; но, если "научная поэзия" будет только пересказывать данные положительного знания (хотя бы и в форме аллегорий), не прибавляя ничего своего, — она безусловно не нужна. "Научные" стихотворения Сюлли-Прюдома — бесцветны, но некоторые раздумья — подлинная поэзия» (ПССП 1913. С. 256).

[6] «Ваза разбита» — перифраз заглавия аллегорического стихотворения Сюлли-Прюдома «Разбитая ваза» (1865), пользовавшегося неизменным успехом у широкой публики. Несмотря на свою банальность, а, может быть, благодаря ей, неоднократно переводилось на русский язык (А. Апухтиным и др.).

[7] В первые годы издания «Весов» рецензии на книжные и журнальные новинки терялись в общих рубриках («О книгах. Отзывы о книгах русских, французских, немецких, шведских...», «В газетах и журналах» и т. п.). Имя рецензента при этом в оглавлении не упоминалось. Начиная с 1907 г. оглавление журнала содержало отдельную рубрику «Французская литература», а затем — «Иностранная литература», в которой указывалась фамилия автора любой статьи или заметки.

[8] Вероятно, Брюсов подарил Гилю вышедшую в декабре 1906 г. книгу «рассказов и драматических сцен» — «Земная ось».

[9] См. примечание 4 к письму № 34.

[10] См. об этом подробно примечание 4 к письму № 41.

41. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 7 Mai 1907

Bien cher ami et cher Grand poète,

J'ai tardé à répondre à votre si excellente lettre, à tout ce qu'elle contenait d'amitié, alors que vous mêliez ce que vous voulez bien aimer de ma pensée, à la sûre et profonde marche de votre propre idéal poétique...[1] J'ai été un peu souffrant, mal de gorge sans gravité, mais de long ennui.

Mais le retour de Eshmer-Valdor m'a trouvé à peu près guéri, — sa première visite, où, après qu'il m'eut donné de ses nouvelles nous avons parlé surtout de vous, de qui il garde si pleinement un souvenir charmé, reconnaissant et respectueusement admiratif.

Et tout d'abord, tous mes remerciements, car il m'a appris le grand succès qu'a eu la Conférence sur l'art dramatique que vous m'aviez annoncée[2], — en me disant qu'il entrait en votre plan de parler de mon concept poétique. Je suis très honoré, très heureux que mon

nom ait été, par vous[3], ainsi porté devant le public nombreux et attentif extraordinairement, m'a dit Eshmer-Valdor, qu'avait réuni l'annonce de votre parole. — Vous devez, de votre action toujours grandissante et si noblement, avoir bel orgueil, — celui-là qui est la conscience de travailler *nécessairement*...

M. Valdor m'a dit d'ailleurs la maîtrise que vous exercez de plus en plus uniquement sur les esprits. J'en suis heureux, mais n'en suis pas étonné, car du peu, hélas! que je sais de votre oeuvre, mais de ce que je sais par vos lettres de la gravité passionnée de vos conceptions et de votre caractère, — pour moi il ne fut, il n'est pas de doute que votre influence doive prédominer, se généraliser et devenir force créatrice hors vous-même.

Aussi ai-je éprouvé une grande émotion, de votre dernière lettre après d'autres où, avec votre lente et évoluante sagesse qui sait creuser et recreuser le sillon, vous me disiez approcher des confins de cette région de poésie s'élançant du sol universel de la science, pour un chant de largeur universelle. Mon cher ami, si vous, vous surtout parmi d'autres déjà et pour demain, vous êtes venu vers ces choses, — c'est, d'abord, que ces choses étaient en puissance en vous parmi toutes autres forces, — mais c'est pour moi une consécration de ce concept.

Et, hors d'égoïsme, c'est la longueur donnée, large d'horizons nouveaux toujours, aux chemins où j'ai osé, sous l'injure d'il y a vingt ans... Oui, permettez-moi d'être fier, ma fierté, vous le savez, sachant être modeste, — et douloureuse parfois devant tout l'idéal... Mais l'idéal, c'est *ensemble*, en cette communion d'une élite qui se serrera de plus en plus sur le monde entier, que nous devrons nous en approcher indéfiniment...

A ce propos, — j'ai écrit au journal du soir *Messidor* les quatre articles dont je vous parlais[4]. Je suis content de l'effet produit en tous milieux de lettres, de vrais Jeunes, comme de réaction d'hier, et parmi les Symbolistes conquis, certes, par mon impartialité, — encore que ces articles furent pris pour un manifeste, et un appel à marcher en les voies que je crois seules vraies[5]. Je vous les envoie. Vous verrez qu'en le dernier, en même temps que je notais les déclarations et les réalisations «scientifiques» du poète anglais Davidson, j'ai saisi l'occasion de dire votre nom, et — après avoir hésité — ai cité une phrase de votre dernière lettre. Je l'ai fait, après avoir bien vu qu'elle n'engageait *en rien hors d'elle-même* votre volonté toute personnelle, — mais parce qu'elle est seulement à l'honneur de votre libre pensée, et de la pensée poétique en général qui se doue maintenant de ce «sens universel» qui nous unit comme en doctrine impersonnelle, en principe fatidique d'évolution nouvelle[6]...

— Je suis heureux du retour de Eshmer-Valdor, qui, malgré des ennuis[7], m'a dit être enchanté de son séjour à Moscou. Je vous ai dit que sa plus grande joie, cependant, a été de vous connaître. Nous parlerons ainsi de vous, et à travers son admiration je vous connaîtrai mieux encore, — je veux dire connaîtrai mieux votre oeuvre dont, hélas! me sépare seule la langue différente.

Je n'ai encore vu Valdor qu'en passant, — mais ces jours déjà, je le reverrai, car il viendra présenter à Mme René Ghil sa jeune femme. Nous avons été surpris, de très vagues échos de ce mariage m'étant seuls parvenus, et sans date fixée...[8]

Je viens de recevoir, ce matin, la *Balance* (No. 3), où [est] ma chronique de livres[9].

Je vais donc, d'ici cinq ou six jours, vous envoyer de nouveaux comptes-rendus *pour le No. 5*, selon nos conventions ainsi parfaitement réglées[10]. — L'administration m'enverra maintenant les honoraires de ce No. 3, — comme convenu encore.

Je vous prie, si vous désiriez plus particulièrement l'étude de quelques points, dites-le moi bien amicalement, n'est-ce pas?

Je crois, du peu que j'en puis voir, que la *Balance* gagne plus encore en intérêt, en mouvement de vie et de doctrine, — et, ce doit être, en influence générale?

— Je vous prie, quand vous aurez loisir au milieu de tant de travail (dont la *Balance*, avec le Roman, les Vers et les Articles, ne porte cependant qu'une partie), écrivez-moi de vos nouvelles, de vous et de votre oeuvre. J'en aurai grand plaisir, vous le savez.

Je vous remercie, avec Mme Ghil, des compliments et des sympathies que nous a apportés Eshmer-Valdor, de votre part, et, si aimablement, de la part de Mme Valère Brussov et votre famille.

Voudrez-vous dire de mêmes sympathies, avec mon respectueux hommage, de Mme R. Ghil — et, avec mon remerciement encore, agréer l'amicale poignée de main, forte et signifiante, de vôtre,

René Ghil

Mon souvenir et mes compliments, je vous prie, à M. S. Poljakoff.

41. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 7 мая 1907 г.

Дорогой друг и большой поэт!

Я задержался с ответом на Ваше превосходное письмо, на выраженные в нем дружеские чувства, на слова, соединившие все то, что Вам дорого в моих мыслях, с уверенной, весомой поступью Вашего собственного поэтического идеала...[1] Я был немного нездоров, у меня было воспаление горла, ничего серьезного, но болезнь тянулась долго и тягостно.

Вернувшись в Париж, Эсмер-Вальдор, тем не менее, нашел меня почти поправившимся. Это был его первый визит и после того, как он рассказал мне о себе, мы говорили главным образом о Вас — он совершенно очарован Вами и сохранил в памяти чувство благодарности, уважения и восхищения.

Однако вначале примите от меня слова благодарности, поскольку он рассказал мне об огромном успехе Вашей лекции, посвященной драматическому искусству, о предстоящем проведении которой Вы мне сообщали[2]. Вы писали, что в Ваши планы входило изложить мою поэтическую концепцию. Для меня большая честь и большое счастье, что мое имя звучало в вашей среде перед многочисленной и, как сказал Эсмер-Вальдор, невероятно внимательной аудиторией, которую собрало объявление о Вашем выступлении. Ваше постоянно растущее благородное влияние должно вселять в Вас гордость, гордость, рождающую сознание *в необходимости* работать...[3]

Помимо этого Вальдор рассказал мне об уникальной власти, позволяющей Вам все в большей степени овладевать умами. Я рад этому, но не удивлен, ибо если судить даже по той части, увы, слишком малой, которая известна мне о Вашем творчестве, если судить по той страстной суровости Ваших концепций и

Вашего характера, которые известны мне по Вашим письмам, то у меня нет и никогда не было сомнения, что Ваше влияние неизбежно станет преобладающим, обобщающим и превратится в созидающую силу, действующую помимо Вас.

После чтения Вашего последнего письма, как и после других писем, я снова сильно расчувствовался. В нем, со свойственной Вам медленной, эволюционирующей мудростью, способной вновь и вновь взрезать борозду, Вы поведали мне о том, что приближаетесь к границам поэтической области, отталкивающейся от универсальной научной почвы и устремленной к гимну вселенского размаха. Мой дорогой друг, если Вы пришли к таким мыслям, именно Вы в числе других поэтов, которые уже пришли к ним и которые еще придут к ним завтра, то это случилось прежде всего потому, что мощь этих идей возобладала в Вас над другими силами, а для меня этого означает, что концепция приобрела сакраментальность.

Заданная протяженность выходит за пределы эготизма и ведет к постоянно обновляемым горизонтам, двигаясь по дорогам, на которые я осмелился ступить двадцать лет назад, осыпаемый издевками... Да, позвольте мне гордиться — гордостью, как Вам известно, умеющей быть скромной, а иногда и болезненной, как перед лицом всякого идеала... Но идеал — это *совокупность*, заключенная в причастности к элите: он будет все более и более сужаться над целым миром и мы должны будем к нему бесконечно приближаться...

На эту тему я опубликовал четыре статьи в газете «Мессидор», о которых я Вам писал[4]. Я доволен эффектом, произведенным этой публикацией во всех литературных кругах — среди подлинной Молодежи, среди вчерашних реакционеров, а также среди Символистов, покоренных моею беспристрастностью. К тому же, эти статьи были восприняты как манифест, как призыв двигаться в направлении, представляющемся мне единственно истинным[5]. Посылаю Вам эти статьи. Вы увидите, что в последней, приводя «научные» декларации английского поэта Давидсона и указывая на реализованное им, я воспользовался случаем, чтобы упомянуть Ваше имя, и после некоторых колебаний процитировал фразу из Вашего последнего письма. Я решился на это после того, как понял, что она не обязывает Вашу личную волю ни к чему большему, *кроме того, что́ этой фразой сказано.* И еще потому, что она делает честь Вашей свободной мысли и мысли поэтической в целом, наделяемой сегодня «универсальным смыслом», объединяющим нас в качестве безличной доктрины, в качестве пророческого принципа новой эволюции...[6]

Я рад возвращению Эсмер-Вальдора, очарованного, по его словам, пребыванием в Москве, несмотря на выпавшие на его долю неприятности[7]. Как я уже сказал, его главной радостью стало знакомство с Вами. Мы будем говорить о Вас, и через его восхищение я узнаю Вас еще лучше, еще лучше узнаю Ваше творчество, от которого меня отделяет, увы, только другой язык.

До сих пор я виделся с Вальдором мельком, но уже в ближайшие дни я увижу его снова, когда он придет представить г-же Гиль свою молодую жену. Мы были удивлены, когда до нас дошли смутные отзвуки этой женитьбы, состоявшейся без заранее назначенной даты...[8]

Сегодня утром я получил № 3 «Весов» с напечатанной в них моей книжной хроникой[9].

Дней через пять-шесть я пошлю Вам новые рецензии *для № 5* согласно нашим договоренностям, превосходно отрегулированным[10]. Теперь администрация пришлет мне гонорары за № 3, тоже как договорились.

Если Вы хотите получить этюд о каких-нибудь конкретных вопросах, напишите мне об этом, пожалуйста, по-дружески. Хорошо?

Насколько я могу судить по незначительным признакам, «Весы» стали больше интересоваться движением жизни, ее доктриной и, значит, ее общим воздействием. Так ли это?

Когда Вы высвободите время от своих многотрудных занятий (среди которых «Весы» составляют лишь малую часть наряду с романом, стихами и статьями), сообщите мне, пожалуйста, о себе и своей работе. Как Вы знаете, мне это будет очень приятно.

Мы с г-жой Гиль благодарим Вас за поклоны и проявления симпатии, любезно переданные Эсмер-Вальдором от Вас лично, от г-жи Брюсовой и Вашей семьи.

Передайте, пожалуйста, те же выражения симпатии от г-жи Гиль, присоединив к ним свидетельство моего почтения и мою благодарность, приняв мое сильное, дружеское, полное значения рукопожатие, Ваш

Рене Гиль

Передайте, пожалуйста, от меня привет и знаки почтения г-ну С. Полякову.

---

[1] Письмо Брюсова, упоминаемое Гилем, нам неизвестно.

[2] Весной 1907 г. Брюсов неоднократно выступал с лекцией «Театр будущего», которую читал в московском Историческом музее (26 марта и 10 мая), Политехническом музее (11 апреля) и других аудиториях. Первые две лекции были организованы по инициативе Московской организации РСДРП. О популярности брюсовских выступлений свидетельствует его письмо к З. Н. Гиппиус, написанное между 16 и 21 апреля (ст. ст.): «...меня лекции замучили. Несколько лет уклонялся я от всяких публичностей. Но пришли “товарищи” (подлинные с.-д.) и соблазнили. Прочел в их пользу лекцию о “Театре будущего”. Успех был такой, что я было возгордился. Зала была не то что переполнена, а пере-переполнена. Слушатели сидели на местах по одному, по двое и по трое, стояли, висели, врывались без билетов и уходили в отчаяньи (я надеюсь, что “в отчаяньи”)» (ЛН 1976. С. 691—692).

[3] Вероятно, Эсмер-Вальдор имел в виду следующую тему первой лекции Брюсова: «Театр должен стоять на уровне современной науки и философии, и деятель театра, драматург должен не только обладать специальным даром, но и понимать ответственность своего дела. Если искусство всегда познание, то художник всегда учитель» (Цит. по: Брюсов и театр / Вступительная статья и публикация Г. Ю. Бродской // ЛН 1976. С. 187). Далее Брюсов в своей лекции развивает тезис о слиянии искусства и науки в театре, который видится ему храмом «новой, просвещенной, гармоничной жизни», «академией, в которой человечество учится постигать» себя и вселенную. «Нашу европейскую культуру (утверждал Брюсов чуть выше) надо признать однобокой или, точнее, кривобокой, потому что одна сторона духовной деятельности в современной Европе значительно перевешивает другую: наука подавляет искусство. [...] Мы, европейцы, по преимуществу аналитики. В этом наша сила, но в этом и наше несовершенство. Гармоничной станет наша жизнь лишь тогда, когда мы поймем, что смотрим на вселенную односторонне, понимаем ее

неполно. Цельными людьми станем мы только тогда, когда искусство станет для нашей души [...] необходимым, [когда мы, свершая все нужное для того, чтобы жить, <...> целью нашей жизни будем считать науку и искусство]» (Там же). Упоминалось ли на лекции имя Гиля, нам неизвестно.

[4] Весной 1907 г. Гиль опубликовал в вечерней газете «Messidor» (в номерах от 25 марта, 1, 8 и 29 апреля) цикл из четырех статей под объединяющим названием «Пятнадцать поэтических лет» («Quinze ans de poésie»). Целью публикации было сжатое изложение истории французского символизма. Статьи представляли собой компиляцию «вссовских» публикаций Гиля и по тону, манере изложения, степени самолюбования ничем от них не отличались. Первую статью украшали фотографии Малларме, Верлена и самого Гиля; вторую — Мореаса и Анри де Ренье; третью — Верхарна и Вьеле-Гриффена. В марте 1910 г. материалы из газеты «Messidor» легли в основу «программной» статьи Гиля «Поэзия», помещенной в специальном, «французском» номере журнала «Аполлон» (см. письмо № 71).

[5] Вопреки этому утверждению, Гиль в своем цикле кардинально исказил картину становления новейшей французской поэзии. «Нетрудно, — писал во вступительной статье, — с помощью дат и произведений четко определить принцип [ее развития], имеющий двойственный характер и положенный в основу двойной эволюции. От Стефана Малларме берет начало движение "символистской поэзии", которая, как мы увидим, была вынуждена находить выражение в разнообразных формах, когда смысл ее более или менее расширился под воздействием новых темпераментов, индивидуальных и мощных. Решимость двигаться по второму поэтическому пути исходит от меня и определяется "научной поэзией", то есть поэзией, отталкивающейся от научных основ, как в том, что касается направляющей идеи, так и в области техники. Она представляет собой законченную доктрину метафизического, философского и этического развития...» [«Il est pourtant aisé, à l'aide des dates et des oeuvres, d'en déterminer nettement le principe, — qui est double et donne naissance à une double évolution. Par Stéphane Mallarmé, se crée le mouvement de "poésie Symboliste", qui, nous le verrons, devait s'exprimer en modes divers quand elle viendrait à être plus ou moins étendue de sens sous la poussée de nouveaux tempéraments personnels et puissants. L'autre détermination poétique vient de moi, et crée la "poésie Scientifique", c'est-à-dire partant de bases scientifiques, pour la pensée directrice comme pour la technique. Elle représente toute une doctrine à développement métaphysique, philosophique et d'éthique...» (Messidor. 1907, le 25 mars, Lundi. P. 4)].

Тезис о «научной поэзии» как об одной из главных ветвей поэтического развития впоследствии стал основой воззрений Гиля на историю литературы XIX в. См. его высказывание о своих публикациях в «Весах»: «и где сам я опубликовал почти полный обзор двойного поэтического движения во Франции, отправной точкой которого стал 1884 год: Символизма и Научной поэзии» [«et où, moi-même, ai publié une presque complète Etude du double mouvement poétique Français parti de 1884: Symboliste, et de Poésie scientifique» (Vie. 1912. No. 11, 4 mai. P. 341)].

[6] Завершая «мессидорский» цикл, Гиль описывает 15 томов своего «Творения» и тотчас же пускается в рассуждения об универсальном характере «научной поэзии», завоевывающей, по его убеждению, все большее признание вне пределов Франции. Называя Брюсова одним из двух крупнейших представителей современной русской поэзии, Гиль цитирует упомянутую выше фразу из брюсовского письма от 1/13 января 1907 г. (см. примечание 6 к письму № 37), на обнародование которой он получает запоздалое согласие Брюсова (см. примечание 1 к письму от 11/24 мая — № 43). В Англии к многообещающим последователям «научной поэзии» причисляется Джон Давидсон (см. также примечание 8 к письму № 30).

[7] См. примечание 7 к письму № 34.

[8] 13 апреля 1907 года Брюсов писал отцу в Париж: «Слышал ли Ты, что monsieur Valdor, приглашенный Рябушинским в "Руно" переводить стихи и после уволенный, же-

нился? И плохо женился — на девице без красоты и без приданого. По-видимому, это называется "попался". Теперь сей новобрачный ходит как в воду опущенный» (РГБ. Ф. 386. Карт. 142. Ед. хр. 9. Л. 3.). См. примечание 7 к письму № 46.

[9] См. примечания 6, 7 и 9 к письму № 38.

[10] В № 5 «Весов» рецензий Гиля опубликовано не было, так как номер был посвящен исключительно немецкой литературе. См. об этом примечание 6 к письму № 43.

42. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 16 Mai 1907

Bien cher ami,

Je vous envoie, à la hâte, l'ensemble de mes comptes-rendus *pour être publiés dans le No. 5*[1]. Je les remets à vos bons soins amis.

Voudrez-vous dire à M. Lykiardopoulos *que j'ai maintenant reçu le montant de mes honoraires du No. 3*, — et que je le remercie de ce soin.

Vous devez avoir en main maintenant ma lettre, et la série des Articles que je vous y annonçais. J'espère de vos bonnes nouvelles, et vous prie d'agréer la fervente poignée de main, de vôtre,

René Ghil

42. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 16 мая 1907 г.

Дорогой друг!

В спешке посылаю Вам подборку рецензий *для публикации в № 5*[1]. Вверяю их Вашей доброй, дружеской заботе.

Не могли бы Вы передать г-ну Ликиардопуло, *что теперь я получил всю сумму гонораров за № 3* и благодарю его за хлопоты.

Вы, должно быть, уже получили мое письмо и цикл статей, о которых я Вам писал. Жду от Вас добрых вестей и прошу принять пламенное рукопожатие, Ваш

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 10 к предыдущему письму (№ 41).

43. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

11/24 mai 1907

Cher maître et cher ami!

Je suis vraiment heureux de ce que vous ayez trouvé l'occasion favorable pour parler de moi dans votre étude, très profonde et très renseignante, écrite pour le *Messidor*. Naturellement je ne puis avoir rien contre cette citation de ma lettre particulière, puisque j'y ai traité des questions générales[1]. Comme vous le savez déjà, j'avais parlé publiquement dans ma conférence de votre théorie de la Poésie scientifique, en exposant à mon auditoire la grande portée que je lui attribue[2]. Bien entendu que j'ai encore beaucoup à méditer et à étudier avant de propager cette théorie plus ardemment. Mais peut-être cette époque n'est-elle pas si éloignée, puisque j'ai donné mon consentement aux *Conférences sur le XIX siècle* (un nouvel établissement d'instruction à Moscou) de professer pendant 1907—1908 une série de leçons sur l'histoire de l'Esthétique: il me faudra donc donner ma décision à certaine théorie[3].

Merci bien pour vos lettres, toujours si amicales. Nous sommes bien contents de ce que M. Valdor garde un bon souvenir de la Russie, quoique nous ne soyons pas responsables de toutes ses heures tristes de Moscou. D'assez longues périodes il aimait à vivre en véritable ermite et souvent nous ne l'avions revu durant des semaines entières. Et la nouvelle de son mariage fut chez nous une surprise aussi grande qu'à Paris; de sorte que même nous n'avons pas eu l'occasion de faire la connaissance de sa jeune femme[4]. Mais les rares soirées que nous avions passées ensemble avec M. Valdor nous nous rappellerons toujours avec un grand agrément.

Merci encore pour les nouveaux comptes-rendus que j'ai reçus il n'y a pas longtemps. La grève des imprimeries, que nous avions soufferte en avril, nous force d'éditer un fascicule de la *Balance* «à part», c'est pourquoi le quatrième No. ne renfermera que la traduction du drame de Ch[arles] V[an] Lerberghe *Pan*[5]. Ce No. paraîtra en même temps que le No. 5, lequel selon l'ordre que je vous avais déjà communiqué doit être consacré à la littérature allemande[6]. Néanmoins nous réservons pour la littérature française six Nos, comme je vous l'avais promis, à savoir: 1, 3, 6, 8, 10, 12[7]. Le No. 6 paraîtra vers le 15 de notre juin, c'est-à-dire vers le 1 de votre juillet, et vous avez encore le temps, si vous le trouvez nécessaire, d'y ajouter quelques comptes-rendus et notices[8].

Mme V. Brussov et moi, nous sommes vivement touchés de toute la sympathie exprimée de votre part et de la part de Mme René Ghil.

Toujours à vous. Amicalement et respectueusement.

V. B.

43. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

11/24 мая 1907 г.

Дорогой учитель и дорогой друг!

Я действительно счастлив, что Вам удалось найти благоприятный случай, чтобы поговорить обо мне в Вашей статье, очень глубокой и очень поучительной, напечатанной в «Мессидоре». Естественно, что я не могу возражать против цитаты, приведенной из частного моего к Вам письма, поскольку я касался общих вопросов[1]. Вам уже известно, что я публично в своей лекции говорил о Вашей теории Научной поэзии, излагая перед всей аудиторией то огромное значение, которое я придаю этой теории[2]. Конечно, мне предстоят большие размышления и изучения, прежде чем я начну распространение этой теории со свойственным мне пылом. Но, быть может, эта эпоха, не столь уж отдалена от нас, так как я дал согласие новоучрежденному в Москве обществу «Конференции XIX века», где я буду выступать в 1907—1908 гг. с целой серией лекций по истории эстетики, для этого мне надо будет остановить свое решение на определенной теории[3].

Благодарю Вас за Ваши постоянно дружеские письма. Мы весьма рады, что г-н Вальдор хранит приятное воспоминание о России, но мы не считаем себя ответственными за все печальные часы его московских огорчений. Бывали довольно долгие промежутки времени, в течение которых он любил жить истинным отшельником, и мы не видели его по целым неделям. А весть о том, что он повенчался, была для нас столь же неожиданной, как и для Парижа. Нам даже не пришлось познакомиться с его молодой женой[4]. Но те редкие вечера, которые мы проводили в обществе г-на Вальдора, вспоминаются нами всегда с большим удовольствием.

Еще [раз] благодарю Вас за Ваши новые рецензии, полученные мною недавно. Из-за забастовки типографии, происшедшей в апреле, мы были вынуждены издать выпуск «Весов» *особо*. Вот почему в четвертом номере будет помещен перевод одной только драмы Ш. Ван Лерберга «Пан»[5]. Этот номер появится одновременно с № 5, который все по тому же распоряжению, [о чем] я Вам писал, должен быть посвящен немецкой литературе[6]. Тем не менее, мы отводим для французской литературы шесть номеров, как было обещано, а именно: 1, 3, 6, 8, 10 и 12[7]. Шестой номер выйдет около 15 нашего июня, т. е. приблизительно к 1-му вашего июля, и, [если Вы сочтете необходимым], еще успеете прибавить какие-нибудь рецензии или заметки [к уже написанным][8].

[Г-жа] Брюсова и я — мы искренне тронуты выражением Вашей симпатии и симпатии г-жи [Гиль].

Всегда Ваш дружески и почтительно

В. Б.

Предположительно, копия черновика. На французском бланке журнала «Весы» и издательства «Скорпион» с многочисленными исправлениями.

[1] См. примечание 6 к письму № 41.

[2] См. примечание 2 к письму № 41.

[3] Речь идет об «Обществе свободной эстетики», организованном в 1906 г. и просуществовавшем до 1917 г. Согласно уставу, утвержденному 10 апреля 1907 г., целью «Общества» было «способствовать успеху и развитию в России искусств и литературы и содействовать общению деятелей их между собой». Членами «Общества» состояли наиболее видные деятели искусства и литературы, главным образом примыкавшие к новым течениям. Число действительных членов к 1914 г. составляло 165 человек, а число членов-посетителей — 31. «Общество» устраивало художественные выставки и собрания, на которых читались доклады, декламировались стихи, исполнялись музыкальные произведения. Брюсов входил в литературную комиссию «Общества» и неоднократно выступал здесь с докладами и чтением новых стихов.

В архиве Брюсова сохранился набросок вступления и проспект 6 лекций, озаглавленные «Очерки по истории эстетики (от Платона до Р. Гиля)» и относящиеся, по всей видимости, к описанному в письме проекту (РГБ. Ф. 386, карт. 52. Ед. хр. 3).

[4] См. примечание 7 к письму № 46.

[5] Издательские трудности подобного рода «Весы» испытывали с самого начала 1907 г. Так, в № 2 было опубликовано следующее объявление: «Вследствие временной приостановки работы в московских типографиях, этот № "Весов" выходит с значительным опозданием. Вследствие же приостановки работ на фабрике бумаги, редакция принуждена будет печатать этот № на бумаге несколько иного оттенка, чем предыдущие №№» (С. 3).

Сатирическая комедия бельгийского драматурга Шарля Ван Лерберга «Пан», о которой пишет Брюсов, была опубликована в указанном отдельном номере в переводе С. А. Полякова.

[6] В № 5 «Весов» были опубликованы рецензии на 30 произведений немецкой литературы. Письмо Брюсова, в котором он сообщал бы Гилю об этом решении редакции, нам неизвестно.

[7] План, описанный Брюсовым, был полностью выполнен: названные номера, помимо раздела «Русская литература», содержали обособленный раздел «Французская литература».

[8] Гиль не замедлил откликнуться на предложение Брюсова (см. следующее письмо — № 44). В № 6 за 1907 г., помимо упомянутых выше отзывов (см. примечание 8 к письму № 38), была опубликована рецензия на две новые книги, посвященные Бодлеру: издание его писем («Lettres 1841—1866») и биографию («Charles Baudelaire. Etude biographique d'Eugène Crepet, revue par J. Crepet, suivie de nombreuses lettres adressées à Charles Baudelaire»). Здесь же была помещена вторая заметка об антологии французской поэзии Ж. Вальша (см. примечания 9 к письму № 38 и 5 к письму № 40). Последняя, как мы уже писали (примечание 5 к письму № 3), вышла под красноречивым заголовком «По поводу одного недоразумения» и была вызвана выходом в свет третьего, заключительного тома антологии, в котором, по словам рецензента, «значительное место (и совершенно потерянное) отведено некоторым псевдо-поэтам, между тем как надгробные камни не должны бы валяться на дороге живых!» (Весы. 1907. № 6. С. 86—87).

44. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 6 Juin 1907

Bien cher Ami,

Infiniment merci! *Avant* lettre longue. Je vous envoie aujourd'hui ce mot, pour vous dire que, puisque vous me le permettez, je vous enverrai *sous trois jours*, pour être jointes aux comptes-rendus déjà en vos mains pour le No. 6, — quelques appréciations sur ces deux livres importants: *Lettres de Baudelaire* (Mercure de France), et *Charles Baudelaire*, étude de Crépet, revue par Jacques Crépet, avec lettres etc. (de chez Messein)[1].

Cela préparera mon *Etude psychique de Mallarmé*, que je vous donnerai pour le No. 8[2]. —

— C'est bien, à propos des livres de Walch, «depuis 40 années». Son anthologie va de *1866 à 1906*[3].

Encore, tant merci. Vôtre

René Ghil

44. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 6 июня 1907 г.

Дорогой друг!

Бесконечно благодарен Вам. Длинное письмо — *позже*. Посылаю сегодня записку, чтобы сообщить Вам, что, с Вашего разрешения, я вышлю *дня через три*, в дополнение к рецензиям, полученным Вами для № 6, некоторые суждения по поводу двух важных книг: «Письма Бодлера» (изд. «Меркюр де Франс») и «Шарль Бодлер», исследование Крепе, исправленное Жаком Крепе с письмами и т. д. (изд. «Мессен»)[1].

Это подготовит мой «Этюд о психологии Малларме», который я дам Вам для № 8[2].

В связи с книгой Вальша все правильно: «за сорок лет». Его антология охватывает годы с 1866 по 1906[3].

Еще раз огромное спасибо. Ваш

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 8 к предыдущему письму (№ 43).

[2] Цикл статей о Малларме был начат только в следующем, 1908 году.

[3] В рецензии на «Антологию современных французских поэтов» Ж. Вальша Гиль заметил, что «читатель будет еще более признателен [составителю], когда, страница за страницей, будет переходить от Теофиля Готье к самым современным поэтам,

восхищаясь многообразным величием нашей поэзии на протяжении последних 40 лет» (Весы. 1907. № 3. С. 89—90). Это сообщение входило в противоречие с опубликованным чуть ниже утверждением о том, что антология представляет собой «как бы точный и драгоценный словарь французской поэзии за 70 лет» (С. 90), что, вероятно, и вызвало недоумение редакции. В известных нам письмах Брюсова вопроса по этому поводу не содержится.

45. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 8 Juin 1907

Mon cher Grand Poète et ami,

Voici, comme je vous l'annonçais d'un mot avant-hier, quelques pages à propos des livres sur Baudelaire. La matière s'y prêtant amplement, j'ai pu exprimer quelques idées personnelles qui peut-être intéresseront. Je sais que vous aimez cela, et j'en saisis l'occasion toutes fois que le livre comporte un peu de méditation[1].

J'ai été très heureux de votre lettre. Inlassablement, cher ami, vous m'affirmez là-bas, du poids de votre autorité. J'en suis sincèrement confus, en même temps que charmé et fier de mériter une si efficace amitié. Moi, hélas! je suis si entravé de ne pouvoir vous lire, et j'en suis humilié ces jours-là où vos lettres me disent qu'à nouveau vous vous êtes occupé de mon effort et de moi![2] Je suis très heureux du retour de Valdor qui vous aime et vous a compris, vous admire entre tous. Car, des fois, nous causerons de vous quand il viendra me voir, et me donnera-t-il de précieux aperçus sur votre Poétique et votre oeuvre. Ainsi, quelque jour, pourrai-je, moi aussi, parler de vous, et avoir plus que l'intuition de votre esprit et de votre volonté, et de la portée de votre Affirmation. Choses que je sens, que je sais trop peu, des quelques choses que l'on me traduisit de vos livres, et de vos lettres. Alors, ce qui est mon désir de longtemps, je tâcherai de vous exprimer ici, faire connaître, non pas votre nom que l'on sait, mais ce qu'il signifie grandement. —

La nouvelle est excellente, de cette institution de Conférences, — et vous avez fait sagement d'accepter d'y professer: Vous avez, en effet, le devoir dirais-je, de répandre le plus possible de votre pensée, qui doit être éducatrice. Je sais que votre influence grandit toujours, est devenue la première, — c'est bien, pour le mieux de la Poésie Russe, en votre voie que doit marcher la neuve génération, et vous lui devez, à côté de votre Oeuvre, son commentaire. — Vous êtes heureux, mon cher ami, de vivre en un milieu dont l'attention aux choses de l'esprit nous étonne, et nous vous jalousons. Nous devons ici lutter, non point tant contre l'hostilité, — mais, ce qui est pire, contre l'indifférence à ce qui est l'art et l'effort intellectuel, — hostilité écoeurante, celle-là! Baudelaire qui s'indignait contre son temps, que dirait-il maintenant! où tout semble se résumer en la *menteuse* formule du moindre effort, si commode, mais si mortelle, antinaturelle...[3]

Mais cela ne fait rien «nitchevo!», les volontés poussent les hommes. —

Je suis maintenant en train de [faire des] corrections pour le tome II de *Voeu de Vivre* (réédition), tout en travaillant à la suite à publier de l'oeuvre, deuxième partie[4]. Je veux aussi préparer, en hors-d'oeuvre, la publication de deux contes populaires, inédits, Javanais qui me furent donnés après la parution du *Pantoun [des Pantoun]*. Je les traduirai définitivement pendant mes vacances[5]. Je partirai pour le Poitou fin juillet, ce pays joli et calme de Mme Ghil, et de moi aussi par ma mère[6]. Je vous écrirai avant de partir — et j'espère, avant ce temps, avoir aussi de vos nouvelles. Vous quitterez sans doute Moscou?[7] Le bien vôtre,

René Ghil

45. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 8 июня 1907 г.

Дорогой друг и Большой Поэт!

Как я предупреждал в позавчерашней записке, посылаю Вам несколько страниц по поводу книг о Бодлере. Материала для разбора было больше чем достаточно, что дало мне возможность изложить несколько личных суждений, которые, возможно, покажутся интересными. Зная, что Вам это нравится, я пользуюсь случаем высказаться каждый раз, когда книга содержит страницы размышлений[1].

Я был очень рад Вашему письму. Дорогой друг, Вы неустанно, всей тяжестью своего авторитета, утверждаете мои взгляды в России. Я этим искренне смущен, хотя одновременно польщен и горд, горд тем, что заслуживаю такую действенную дружбу. А я, увы, словно связан путами оттого, что не могу прочесть Ваши книги, и несколько дней назад чувствовал себя от этого таким приниженным, узнав из Ваших писем, что Вы снова пропагандировали мою работу и меня самого![2] Я очень рад возвращению Вальдора, который любит и понял Вас, который отдал свое восхищение Вам среди всех остальных. Он как-нибудь придет повидаться со мной, мы будем говорить о Вас и он даст мне драгоценные намеки на Вашу поэтику, которые расскажут о Вашем творчестве. Настанет день, когда я тоже смогу написать о Вас, и основываясь не на одной интуиции, смогу почувствовать Ваш дух, Вашу волю и размах Вашего самоутверждения. О многом я догадываюсь, но не многое знаю — только то, что мне переводили из Ваших книг, то, что я черпаю из Ваших писем. Мое давнее желание — попытаться найти выражение Вашим мыслям во Франции, чтобы Вас здесь узнали — не по имени (оно известно), а по тому великому, что это имя означает.

Новость о создании лекционной школы великолепна, и с Вашей стороны было мудро дать согласие на преподавание в ней. Я бы сказал, что Ваш долг по возможности разъяснять людям Вашу мысль, придавать ей просвещенческий характер. Я знаю, что Ваше влияние постоянно растет, что оно главенствует, это очень хорошо, это на благо русской поэзии, по Вашему пути должно идти новое поколение, на которое Вы должны влиять не только собственным творчеством, но и комментариями к нему. Ваше счастье, дорогой друг, что Вы живете в среде,

относящейся со вниманием к интеллектуальным проблемам, что вызывает у нас удивление и зависть. Во Франции мы должны бороться не столько против чьей-то враждебности, а, что еще хуже, против безразличия к любым проявлениям искусства, к любой умственной деятельности, а это отталкивающая враждебность. Бодлер, возмущавшийся своей эпохой, что сказал бы он сегодня! Сегодня, когда все что угодно резюмируется *лживой* формулой наименьшего усилия, формулой удобной, но мертвящей и противоестественной...[3]

Но все это «ничего!»: воля движет людьми.

Я сейчас вношу исправления во второй том переиздания «Обета жить», одновременно целиком погруженный в работу над подготовкой к публикации следующей книги «Творения», над второй частью[4]. Еще я хочу подготовить в качестве «дополнительного блюда» публикацию двух яванских народных сказок, пока не изданных, которые мне прислали уже после выхода «Пантума Пантумов». Я закончу их окончательный перевод во время отпуска[5]. В конце июля я уезжаю в Пуату, в эту прекрасную, спокойную страну, откуда родом г-жа Гиль и я сам по материнской линии[6]. Я напишу Вам перед отъездом и надеюсь до этого получить письмо от Вас. Вы ведь, без сомнения, уедете из Москвы?[7] Искренне Ваш

Рене Гиль

---

[1] В упомянутой рецензии Гиль впервые позволил себе открытую конфронтацию с провозвестником символизма Шарлем Бодлером. Поводом для этого послужило появление новой биографии автора «Цветов Зла» и посмертная публикация его писем (см. примечание 8 к письму № 43). Выказывая внешнее восхищение перед «страданиями и восторгами творчества, которые переживал великий художник» (Весы. 1907. № 6. С. 88), Гиль, в своей обычной манере, сначала признал «мрачную и глубокую красоту [бодлеровского] гения» (С. 89), а затем начал осторожный, но целенаправленный поиск уязвимых, по его мнению, мест в его наследии. Очень скоро он пришел к выводу о том, что Бодлер напрасно «приписывает себе глубокий философский ум» (С. 90), поскольку лишь отдельные «вспышки философской интуиции загораются порой, изумляя нас, в этом уме, более способном к работе воображения, ненавидевшем Науку и отвергавшем a priori бесконечность прогресса» (Там же). «Так, в одном месте, — продолжает Гиль, — Бодлэр высказывает мимоходом ту мысль, что борьба за существование не цель природы, но средство, каким оно пользуется для достижения гармонии... Читатели знают, что эта мысль положена в основу моего учения» (Там же). Поставив знак равенства между самим собой и Наукой, Гиль в оставшейся части рецензии отвергает право на существование бодлеровской теории соответствий, символизма Малларме и вообще любой поэзии, построенной на воображении, поэзии, которой «разные ничтожества попытаются воспользоваться», чтобы «превозносить свою посредственность и бороться с проповедью иной поэтики, согласованной с эволюцией человечества и мира» (С. 91).

[2] Здесь, вероятнее всего, имеются в виду попытки Брюсова издать книгу Гиля «Опыты научной поэзии» (см. примечание 10 к письму № 37).

[3] Принцип «наименьшего усилия» был выдвинут Сюлли-Прюдомом в его работе «Мое поэтическое завещание» («Mon testament poétique», 1901), в которой он охарактеризовал легкость слухового восприятия как недостаточное, но необходимое условие эстетического наслаждения. Ссылаясь на высказывание Сюлли-Прюдома о том, что «стихотворный размер определяется законом наименьшего усилия», Гиль в своем манифесте «О научной поэзии»

(«De la poésie scientifique», 1909) определил этот тезис как проявление реакции против символизма и «научной поэзии» (P. 7). Осуждение принципа «наименьшего усилия» со временем легло в основу программы не только Гиля, но, по его примеру, и Брюсова, отождествившего поиски акустической легкости со стремлением избежать усилия умственного. Так, откликаясь на книгу А. Шемшурина «Стихи В. Брюсова и русский язык» (1908), он замечал: «Мы полагаем, что те, которые хотят избегнуть "самомалейшего усилия мозга", сделают лучше, оставив поэзию в покое» (Весы. 1908. № 11. С. 62. Подпись: В. Бакулин). С мнением Гиля на этот счет русские читатели имели возможность познакомиться в его более поздней статье «Литературная зима», в которой, говоря о предвоенном состоянии поэзии, он писал: «Не чувствуя в себе порывов новой воли для воссоздания заново Мира (ибо таков истинный смысл всякой поэзии) и в то же время ничем глубоко не связанные со своими предшественниками, новопришедшие охотно слушали тенденциозное учение тех, кого не могла обезоружить даже ненависть к "новаторам". И тогда-то, наряду с другими, Сюлли Прюдом обнародовал свою странную метрическую теорию "малейшего усилия", пригодную для тем, также не требующих никакого усилия, цель которой — освободить слух от всякого удивления и сознание — от всякого напряжения внимания. У нас воцарился таким образом неоклассицизм и неоромантизм. Чтобы не возбуждать ничьего изумления, полагалось переделывать то, что было сделано раньше и что мало-помалу всплывало в памяти, как простейший ритм. Впрочем, Сюлли Прюдом, поэт, чьи поэтические опыты (ради его философских устремлений) я когда-то защищал, хотя все наше поколение их безжалостно отвергало, посоветовал своим новым читателям заимствовать кое-что из ненавистных ему теорий, умело их приспосабливая. И "новаторы", усвоив это учение, стали бегло пользоваться чужими идеями, конечно, не понимая их, но "переделывая и подделывая под буржуазные вкусы", как писал когда-то в *Mercure de France* незабвенный Пьер Киллар» (Русская мысль. 1914. № 5. Отд. III. С. 38).

[4] См. примечание 14 к письму № 53.

[5] См. примечание 21 к письму № 49.

[6] Летние месяцы чета Гилей обычно проводила в небольшом городке Мелль, расположенном на западе Франции, в провинции Пуату, в департаменте Дё-Севр. Здесь им принадлежал обширный двухэтажный дом «Сюбле» («Sublet»), купленный отцом Гиля — Франсуа Жозефом Гильбером (François-Josèph Ghilbert, 1835—1915), человеком скромного происхождения, работавшим в молодости официантом, но впоследствии разбогатевшим, что позволило ему приобрести в Париже доходный дом и жить на получаемые от него средства. Мать Гиля — Мари Гильбер (1839—1928?), урожденная Мелён (Melun), была родом из городка Сен-Мартен-ле-Мелль, расположенного в том же департаменте. До замужества она работала белошвейкой. «До 8 лет, — писал Брюсов в своем очерке о Гиле, — оставался он в деревне, в Пуату, близ Мелля (Deux Sèvres), окруженный полями, видя вокруг полевые работы, вдыхая запахи вспаханной земли и зреющего хлеба» (Весы. 1904. № 12. С. 14). В 1928 г. вилла «Сюбле» была продана вдовой поэта.

[7] См. примечание 1 к следующему письму (№ 46).

46. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Adresse de Campagne:
René Ghil, à Melle (Deux-Sèvres). France

10 Juillet 1907

Bien cher Ami,

D'ici, où je suis avec Madame depuis ce samedi, je vous envoie un bonjour, avec le souhait que Madame Brussov et vous ayez fait bon voyage[1]. Sans doute, ma lettre va-t-elle vous trouver de retour. — Ici, il fait, en ce bon pays du Poitou que j'aime tant, un temps ni trop chaud, ni trop froid, — pas assez de soleil à mon gré: l'année n'est pas belle sur tout l'ouest de la France. Je vais cependant faire des marches, revoir un peu les environs de Melle, curieux des monuments du XIIème, et même de vestiges des temps Mérovingiens (trouvailles assez souvent de cercueils de pierre, avec poteries). Et des grottes préhistoriques existent aussi[2].

Je terminerai entre temps ma correction de volume pour le donner à Messein à mon retour, vers [le] 10 Septembre[3]. Et aussi, je n'oublierai d'envoyer à la *Balance* pour le *No. 8*, deux comptes-rendus[4], et une Etude psychique sur Mallarmé[5]. — Je vous serai reconnaissant de me dire, d'un mot, *à quelle date vous désirez recevoir* cela, et *si c'est à vous* qu'il faudra adresser? ...

— Autre chose: J'écris ce même jour à M. l'Administrateur-caissier de la *Balance*, pour une recommandation.

Mais, si je ne suis indiscret vraiment, voudrez-vous, vous-même, lui rappeler la chose, et y voir au moment voulu:

Je lui demande de m'envoyer, d'abord, mes honoraires du *No. 6*, quand il sera paru, à mon adresse de campagne, *ici*.

Mais je lui demande *de ne pas m'envoyer cela en mandat-poste*. Mais, me l'adresser *en un chèque sous pli recommandé* simplement. Chèque sur Crédit Lyonnais, etc.

En voici la raison. Je puis m'absenter quelques jours, et si venait en mon absence une *lettre avec mandat-poste ou chargée*, sans doute la poste ne la délivrerait-elle pas. D'où, complications qu'il faut éviter. Une lettre *recommandée simplement*, il n'y aurait de difficultés.

Donc, je vous prie, et suis confus cependant de ce soin, voudrez-vous rappeler à M. votre Caissier l'envoi *en chèque sous pli recommandé*. Et tout mon merci!.. —

Vous me parlez du mariage Valdor. Ce fut, ce reste un grand mystère, roman incompréhensible, et quelque peu feuilleton!.. Et, depuis huit jours, je crois, Mme Valdor Mercereau est de retour à Moscou! Valdor restant ici, — et ce, pour toujours, je pense... Je ne sais pas les motifs, d'ordre intime, sentimental, paraît-il, qui nécessitèrent ce mariage, assez baroque. Deux personnes à Paris, trois peut-être, Russes, savent le secret. L'on m'a dit cependant, ce qui était fort intéressant certes, que je pouvais être assuré que M. Valdor en cette affaire mystérieuse s'était conduit en tout honneur, avec plus que du désintéressement, et en sacrifiant même son amour-propre. Et l'on m'a dit que je pouvais redire cela: certes, c'est vrai, et d'ailleurs, je n'aurais pas douté de Valdor, qui est peut-être *très jeune* par certains côtés, mais très loyal.

J'ai vu, avec Madame, celle qui fut sa femme si peu — oh! bien peu de temps, et pas du tout, comment dirais-je? selon la chair: loin d'être jeune, nulle beauté, nulle grâce... Certes, le mystère, le secret, la folle et fatidique aventure, devenaient indispensables dès qu'on l'avait vue... Valdor est un Romantique en cette affaire, poète d'échelle de corde, que sais-je? et je ne sais quel Ruy Blas[6]... Enfin, c'est tout ce que je connais de l'aventure, m'étant certes gardé du moindre mot curieux. Je crois, dis-je, qu'il a été jeune, *très jeune*!

Mais, le plus singulier cependant, c'est que s'il est marié en Russie (en une église catholique), — comme il ne s'est pas présenté devant le consul Français à Moscou, il n'est pas marié du tout devant la Loi Française: on lui aurait dit, les intéressés, qu'il n'avait pas à remplir cette formalité, et qu'on se chargeait de tout. En tout cas, je crois que c'est pour lui, la chance suprême!

Avez-vous eu des échos, là-bas? — Ah! comme notre Ami Eshmer-Valdor eût fait plus sagement d'être plus assidu à vos hautes causeries qu'il prisait fort cependant, puisque vous lui aviez ouvert si simplement votre aimable maison...

Enfin, pour lui l'honneur est sauf, c'est le principal, et c'est ce qu'il faut dire...[7]

Mon cher Ami, j'espère que vous trouverez un peu de loisir à m'écrire de vos bonnes nouvelles. Nous envoyons à Mme Brussov notre souvenir, avec mes hommages empressés.

Et, tous mes remerciements pour tant de choses, et encore pour le soin dont je me permets de vous charger en cette lettre!

La forte poignée de main, de vôtre,

René Ghil

P. S. Je n'avais pas eu depuis longtemps de nouvelles de Volochine. Un Russe, de passage à Paris, m'en a donné ces jours derniers[8].

Il m'a parlé aussi de cette sorte d'Ecole, dite «Socialisme mystique», — et qui me semble bien étrange!..[9] Mais, à mon sens, il y a en Russie une effervescence de Forces intellectuelles vraiment superbe. Il me parla aussi de votre action *grandissante*, méthodique, de sûre conquête. J'en fus fort heureux.

R. G.

46. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

10 июля 1907 г.

Летний адрес:
Франция, г. Мелль (департ. Дё-Севр), Рене Гилю

Дорогой друг!

Посылаю Вам привет из городка, куда мы с супругой приехали в субботу. Надеюсь, что Вы с г-жой Брюсовой совершили прекрасное путешествие[1]. Уверен, что когда мое письмо достигнет Вас, Вы уже вернетесь домой. Здесь, на этой прекрасной, столь мною любимой земле Пуату, стоит не слишком теплая, но и не слишком холодная погода, но солнца на мой вкус мало: на всей западной части Франции год выдался не очень удачный. И все же я собираюсь совершать пешие прогулки и снова осмотреть окрестности Мелля. Они любопытны памятниками

XII века и даже развалинами времен Меровингов (здесь часто находят каменные гробы и глиняную утварь). Существуют даже доисторические пещеры[2].

Я вовремя закончу вносить исправления в свою книгу и к 10 сентября, к своему возращению, успею сдать ее в издательство «Мессен»[3]. Я также не забуду послать для *№ 8* «Весов» две рецензии[4] и исследование о психологии Малларме[5]. Я буду Вам признателен, если Вы напишете мне, *к какому сроку Вы хотели бы получить* эти материалы и должен ли я посылать их *на Ваше имя?..*

Еще одно дело. Я сегодня же отправляю казначею «Весов» просьбу выслать мне заказное письмо.

Однако, если Вы и вправду не сочтете это бестактностью с моей стороны, не могли бы Вы лично напомнить ему о моем деле и в должное время проследить за этим.

Я прошу его прислать мне прежде всего гонорар *за № 6* сразу после того, как номер выйдет, прислать *сюда*, на мой летний адрес.

Но я прошу его *отправить деньги не почтовым переводом*, а *в виде чека, вложенного в заказное письмо*. Просто чек на «Лионский кредит» и т. д.

И вот почему. Я могу отлучиться на несколько дней, и если в мое отсутствие придет *почтовый перевод или ценное письмо*, почтальон их точно не доставит. Отсюда осложнения, которых необходимо избежать. *Просто заказное письмо,* и тогда не будет никаких трудностей.

Мне неловко, что Вы возьмете это на себя, но, пожалуйста, напомните редакционному кассиру, чтобы он послал *чек, вложенный в заказное письмо*. И примите мою благодарность!..

Вы пишете о женитьбе Вальдора. Эта женитьба была и остается великой тайной, непостижимым романом с оттенком фельетона! Кажется, вот уже восемь дней, как госпожа Вальдор-Мерсеро вернулась в Москву!.. Вальдор остался в Париже, думаю, что навсегда... Я не знаю мотивов интимного, сентиментального свойства, обусловивших эту довольно-таки барочную женитьбу. Два, быть может, три человека из числа русских, живущих в Париже, знают тайну. Меня, однако, уверили — и это, безусловно, самое ценное, — что в этой загадочной истории Вальдор вел себя благородно, в высшей степени бескорыстно, жертвуя даже собственным самолюбием. Меня уверили, что я могу повторить это где угодно: именно так оно и было. Я сам, кстати, нисколько не сомневался в Вальдоре. Он, быть может, в некоторых отношениях очень *молод*, но очень, очень честен.

Мы с супругой видели женщину, пробывшую столь недолго его женой, ах, совсем недолго, да она и не годилась ему в жены — как лучше выразиться? — по своей внешности: далеко не молодая, никакой красоты, никакого изящества... С первой минуты, как мы ее увидели, мы поняли, что это была загадочная, безумная, фатальная авантюра, и другого объяснения нет. Вальдор в этой истории вел себя как романтик, как поэт, взбирающийся к возлюбленной по веревочной лестнице, — почем я знаю? — как какой-нибудь Рюи Блас...[6] В конце концов, вот и все, что мне известно об этом приключении, поскольку я воздерживался от малейшего любопытного вопроса. Думаю, что в его поведении было много юношеского, *очень юношеского*!

Однако самое оригинальное во всей этой истории то, что он венчался в России (в католической церкви), но не сделал представления французскому консулу в Москве и значит, по законам Франции, он вообще не женат. Говорят, что люди, заинтересованные в его судьбе, объяснили ему, что он не выполнил этой формальности и что они все уладят. В любом случае я считаю, что это для него невероятная удача!

Доходили ли до Вас в Москве отзвуки этой истории? Ах, насколько было бы осмотрительнее со стороны нашего друга Эсмер-Вальдора добросовестно внимать Вашим возвышенным беседам, которые он все-таки чрезвычайно ценил, когда Вы с такой простотой открыли ему двери своего гостеприимного дома...

Так или иначе, честь его спасена, и это главное. Только об этом собственно и надо говорить...[7]

Дорогой друг, я надеюсь, что у Вас найдется время сообщить мне о себе, о том, что у Вас хорошего. Мы передаем г-же Брюсовой привет и просим Вас засвидетельствовать ей высочайшее почтение.

Примите всю мою благодарность за многое и многое, а также за хлопоты, которые я перепоручил Вам в этом письме!

Крепко жму Вашу руку,

Рене Гиль

P. S. Я давно не получал вестей от Волошина. Один русский, проездом в Париже, рассказал мне о нем на днях[8].

Он также поведал мне о некой школе, названной «Мистическим социализмом», показавшейся мне крайне странной...[9] Насколько я понимаю, в России происходит поистине поразительный расцвет интеллектуальных сил. Этот человек говорил и о Вашем *растущем*, методичном воздействии, победа которого предрешена. Я был глубоко счастлив слышать это.

Р. Г.

---

[1] В июле 1907 г. Брюсовы совершили путешествие на пароходе по Волге.

[2] Историческая часть города Мелль окружена с юго-запада каменной стеной и башнями, возведенными в XII—XIII вв. (северо-восточная сторона укреплений в настоящее время разрушена). К этому и более раннему периоду (между 950 и 1080 гг.) относятся несколько церквей, сохранившихся и сегодня. Раскопки захоронений, расположенных в непосредственной близости от города, велись начиная с 1830 г. и выявили следы самых различных эпох.

Меровинги — франкская королевская династия (сер. V в. — сер. VIII в.).

[3] См. примечание 14 к письму № 53.

[4] В № 8 «Весов» были напечатаны две обширные рецензии Гиля на недавно вышедшие книги: первая — на посмертно изданную книгу Поля Верлена «Путешествие француза по Франции» («Voyage en France par un français») и вторая — на новый сборник Верхарна «Вся Фландрия» («Toute la Flandre»).

[5] См. примечание 10 к письму № 53.

[6] Рюи Блас (или Блаз) — герой одноименной пьесы В. Гюго, в центре которой трагическая судьба лакея, занявшего на время, по капризу своего господина, пост испанского

министра. Называя А. Мерсеро Рюи Бласом, Гиль, вероятно, имеет в виду его бескорыстие и склонность к романтизму.

[7] О московской женитьбе А. Мерсеро существует по меньшей мере три опубликованных свидетельства, наиболее достоверным из которых представляются нам воспоминания Жоржа Дюамеля, приведенные им в его книге «Время поисков» (*Duhamel Georges*. Le Temps de la recherche. Paris, 1947). Прежде всего потому, что рассказ Дюамеля исходит от человека, лично присутствовавшего при событиях, в то время как Волошин записал эти сведения со слов А. Гольштейн, а И. Эренбург — со слов Волошина и других своих парижских знакомых. Расхождения, тем не менее, касаются в основном мелких деталей, ничего не меняя в сути повествования. Дюамель называет Мерсеро «персонажем плохо распознаваемым» [«une figure mal intelligible» (P. 62)], немногословным и скрытным. Отсюда — скудость информации об описываемых событиях. В самом начале существования «Аббатства», — вспоминает Дюамель, — Мерсеро находился в России, где исполнял обязанности секретаря «Весов», руководимых Брюсовым, с которым «я позднее встречался во время его приездов в Париж» [«que j'ai rencontré dans la suite, lors de ses voyages à Paris» (P. 63)]. Примечательно, что неподтвержденный факт службы Мерсеро в «Весах» отмечен во всех французских публикациях о поэте, включая критико-биографическую книгу Ж. Метсенже «Александр Мерсеро» (*Metzinger Jean*. Alexandre Mercereau. Paris, 1912). Из Москвы Мерсеро регулярно посылал в «Аббатство» письма, в одном из которых сообщил о своей женитьбе и желании той же весной 1907 г. поселиться в коммуне. Описание внешности жены Мерсеро Лидии Богдановны (Лидии Багдан, как звали ее в «Аббатстве») и характеристика ее высокомерного поведения совпадают у всех мемуаристов. Из французского источника следует, что причиной женитьбы Мерсеро был его неудавшийся роман с замужней помещицей, братья которой, офицеры, заставили его жениться на их некрасивой сестре для того, чтобы скрыть правду о случившемся. Несколько иначе передает происшедшее Волошин:

«Алекс[андра] Вас[ильевна] рассказывает историю женитьбы Вальдора. Дочь полковника (погранич[ной] стражи, б[ыть] м[ожет] жандарма). Некрасивая старая дева. "Это роман-фельетон, который не был написан, но пережит". Вальдор жил на даче под Москвой, на какой-то станции. Там была красавица — жена доктора («чиновника», по Эренбургу. — *Р. Д.*), в которую все были влюблены. Муж ее третировал. Надо было ее спасти. Вальдор должен был бежать с ней. Для этого он должен был жениться на ее сестре, и в последнюю минуту они должны были обменяться бумагами; та остаться, а докторша уехать с ним в Париж. Та приняла католичество за 2 дня до свадьбы, и они нашли католическ[ого] священника, который согласился их венчать — его, не крещенного ни в какую религию.

В Abbay[e] была получена телеграмма: "Приготовьте удобную комнату для элегантной дамы я женился". Общее смяте[ние]. Мебели никакой нет. Мебель была лишь у m[ada]me Вильдрак, да Глезу отец меблировал ателье. Смогли найти только таз для умыванья и складную кровать "en cage". Вальдор приехал. Все товарищи его ждали. Он за руку ввел ее в комнату, крикнул: "Voila ma femme! Regardez! [нрзб.]", громко расхохотался и ушел. За ней начали ухаживать. Она ни слова не понимала по-французски. "Тут кушаньев никаких нет. Один картофель едят и то без масла. Как мужики живут".

В[альдор] приехал к Ал[ександре] Вас[ильевне] просить ее отправить ее в Россию.

Ее приезд в Аббеи. Жалобы на нее: она не хочет работать и не хочет платить за себя. Не хочет прилично одеваться. Распахивает дверь в своей комнате, когда раздевается. ("Все врут. Нельзя же мне... в комнате и присесть негде. Выйдешь на лестницу на приступочку, ботинку застегнуть".) Берет бумагу в типографии.

Это слово ее будто пугает. Она представляет себя среди социалистов.

"А я думала, что Вы из наших. Миллионщиц московских".

Письма от отца: "Коли он твой муж, так и кормить тебя обязан".

На нее все вперерыв жалуются за столом. Она же повторяет: "Все врут. Жулики". Аркос приходил спрашивать: "Qu'est ce que ce 'joulikq'?"

"У них икра была каждый день за обедом" (Вальд[ор])» (*Волошин М.* История моей души / Составитель В. П. Купченко. М., 1999. С. 289).

«Самой трогательной, — развивал последнюю мысль Эренбург, — была небольшая деталь: рассказывая про дом коварной возлюбленной, Мерсеро восклицал: "У них подавали красную икру! Черную в России едят повсюду, но у них была красная, это были очень богатые люди..."» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. В 3-х т. М., 1990. Т. 1. С. 136—137).

[8] Лето 1907 г. М. Волошин провел в Коктебеле. Личность человека, передавшего Гилю эти сведения, установить не удалось.

[9] Имеется в виду «мистический анархизм» — философско-эстетическая теория, выдвинутая Г. Чулковым и положенная им в основу идеологии символизма; противопоставленной индивидуалистическому «декадентству». Еще в 1906 г. Брюсов подверг «мистический анархизм» сокрушительной критике. См. его статьи за подписью Аврелий: «Вехи. IV. "Факелы"» (Весы. 1906. № 5), «Вехи. V. Мистические анархисты» (№ 8). Вслед за Брюсовым в полемику против «мистического анархизма» и непосредственно против Г. Чулкова на страницах «Весов» включились З. Гиппиус, Андрей Белый и Эллис.

47. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Le Sublet
à Melle (2-Sèvres)

6 Août 1907

Cher grand poète, mon cher ami,

J'ai reçu votre lettre, dont je vous remercie infiniment[1], — et heureux que vous ayez fait bon voyage[2].

Je vous envoie sous ce pli, un premier envoi pour le No. 8: — *A propos du Livre de Verhaeren*, que j'avais emporté de Paris, j'ai écrit sur le tempérament et l'art de ce grand poète quelques pages: car je n'avais pas parlé de lui à la *Balance*, sauf en passant[3].

J'ai écrit pour avoir les deux volumes, du *Mercure [de France]* et *Messein*. J'attends de *Messein*, de qui le premier envoi s'est perdu, et que je viens d'avertir. Sûrement, je vais, *sous 4 ou 5 jours*, vous adresser le compte-rendu, (détaillé, si c'est intéressant), de ce volume de Verlaine[4].

Du *Mercure [de France]*, pas de réponse encore. Ce sont les vacances, et la Librairie ici, c'est comme cela: il faudrait aller leur chercher les livres à domicile! — Si je n'ai celui-ci assez tôt, ce sera pour le No. 10.

— Si le volume de Verlaine ne donnait assez d'intérêt, je vous enverrais une première petite partie *sur Mallarmé*[5].

— J'ai bien reçu la lettre, et le chèque qu'elle contenait de M. Lykiardopoulos, à qui je vais accuser réception, ces jours-ci. En attendant, si le voyez, voulez-vous le remercier déjà de ma part, et lui dire son envoi reçu.

Je vous quitte pour la poste, qu'il ne faut manquer en cette petite ville! Et, quand vous aurez loisir, vous m'enverrez, n'est-ce pas, de vos nouvelles. Déjà merci!

Je vous prie, tous mes hommages et sympathies de Mme Ghil, à Madame Valère Brussov.

Le bien vôtre,

René Ghil

47. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Мелль (департ. Дё-Севр)
Вилла «Сюбле»

6 августа 1907 г.

Дорогой мой друг и большой поэт!

Я получил Ваше письмо, за которое бесконечно Вам благодарен[1]. Я рад, что Вы совершили прекрасное путешествие[2].

Посылаю Вам вместе с этим письмом первый материал для № 8 «По поводу книги Верхарна», привезенной мною сюда из Парижа. Я написал несколько страниц о темпераменте и искусстве этого великого поэта, так как ранее упоминал о нем в «Весах» лишь мимоходом[3].

Я обратился в издательства «Меркюр де Франс» и «Мессен» с просьбой прислать мне две изданные ими книги. Книгу издательства «Мессен» я жду, так как первая их посылка потерялась, о чем я их только что уведомил. *Через 4-5 дней* я обязательно пошлю Вам рецензию на книгу Верлена (подробную, если книга интересная)[4].

Ответа из «Меркюр де Франс» я пока не получил. Все в отпуске, и в книгоиздательствах дело здесь обстоит следующим образом: надо ехать за книгами к издателю домой! Если я не получу этой книги вовремя, то подготовлю рецензию к № 10.

Если книга Верлена не будет представлять достаточного интереса, я пошлю Вам небольшую вступительную статью *«о Малларме»*[5].

Письмо, содержащее чек от г-на Ликиардопуло, я получил. На днях я напишу ему, чтобы подтвердить получение. А пока, если Вы его увидите, поблагодарите его, пожалуйста, от моего имени и передайте, что все посланное им дошло.

Прощаюсь с Вами и спешу на почту — в этом маленьком городке нельзя пропускать её отправки! Когда у Вас будет досуг, пришлите мне весточку о себе. Заранее благодарю!

Передайте, прошу Вас, г-же Брюсовой свидетельство почтения и симпатии от г-жи Гиль.

Искренне Ваш,

Рене Гиль

[1] Письмо Брюсова, упоминаемое Гилем, нам неизвестно.

[2] См. примечание 1 к письму № 46.

[3] Пространная (почти на 7 страниц) рецензия на книгу Верхарна «Вся Фландрия. Гирлянда дюн» («Toute la Flandre. La Guirlande des Dunes») была, как и предполагал Гиль, напечатана в № 8 за 1907 г. Начало рецензии звучало торжественно: «На долгие века Эмиль Верхарн останется великим поэтом своей фламандской родины, потому что роковым образом воплотил он в себе душу своей расы» (С. 89), душу, как следовало ниже, раскрывающуюся в приступах «мучительного» мистицизма, которому привержен этот «варвар-мистик, исполненный атавистической религиозностью, становящейся в нем то нежной, то суровой, так властно влияющей на него, что часто заставляет его галлюцинировать. Вещи и существа (развивал свою мысль рецензент) не только ему являются, но он прямо одержим ими! Он испытывает при зрелище вселенной как бы эманацию каких-то злых сил: его исключительно нервное существо все охвачено древней религиозной дрожью в предчувствии отовсюду грозящих чар и волхвований» (С. 90). Такая поэзия, безусловно, не достигала уровня «научной поэзии», да и сам бельгийский поэт, если верить Гилю, осознавал этот недостаток и глубоко сожалел о нем. Далее Гиль пишет: «если не ошибаюсь, в 1890 г. [...] Верхарн сказал мне, что понимает и вполне принимает эволюционистические основы моей философии и все выводы, которые из них следуют, но тут же, не без горестного чувства, признался мне, что его творчество стоит особняком от его философских убеждений, подчиненное темной силе мистических переживаний, полученных им как отдаленное наследие его расы! После того Верхарн сумел пересоздать свой язык сообразно с моей теорией "словесной инструментовки", а в своей предыдущей книге, "La Multiple Splendeur", приблизился (как я уже показал на страницах этого журнала) к границам "научной поэзии", стараясь выразить отношения Человека и Вселенной согласно с данными эволюционизма. Но все же можно сказать, что Верхарн сам понял особенности своего гения, не захотел бороться с ними и покорно подчинился роковому атавизму, придавшему величественную красоту его поэзии, пред которой нельзя не преклоняться...» (Там же). По Гилю получалось, что главный недостаток «преувеличенного», «громадного», «широкого» искусства бельгийского мастера состоял в отсутствии «анализа, никогда не дающегося Верхарну» (С. 91), «недостаток, — добавляет Гиль, — (если только можно назвать недостатком необходимую черту прекраснейшей из особенностей Верхарна)», который «особенно чувствуется там, где Верхарн следует за мною. Так, мы ясно находим эту черту в его песнях Новой Энергии, пересоздающей наш социальный строй, в его песнях о деревне, подавляемой чудовищным и непобедимым механизмом современной промышленности, в его песнях о трагическом и неодолимом шествии Труда и Золота...» (Там же). Осудив поэта за то, что он «слишком охотно пользуется словарем и трафаретными образами романтиков» (С. 94), рецензент снисходительно заметил, что подобные и другие «небрежности или [...] лишние стихи легко простить Верхарну» (Там же), после чего уделил несколько строк собственному пониманию синтеза в поэзии и в заключение уверил читателя, что его «критика подчеркнула характерные особенности его [Верхарна] творчества и выдвинула на первое место те его стороны, на которых основана вся его сила» (С. 95).

[4] В издательстве «Mercure de France» была опубликована книга Эдмона Лепеллетье «Поль Верлен. Его жизнь. Его творчество. С портретом и автографом» (*Lepelletier Edmon*. Paul Verlaine. Sa Vie. Son Oeuvre. Avec portrait et autographe. Paris, 1907). В издательстве «Messein» вышло упомянутое выше «Путешествие француза по Франции» («Voyage en France par un français», 1907). О рецензии на первую книгу см. примечание 5 к письму № 49; о рецензии на вторую — примечание 2 к письму № 48.

[5] См. примечание 16 к письму № 34.

48. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Le Sublet
à Melle (2-Sèvres) (France)

12 Août 1907

Bien cher Ami,

Vous avez dû recevoir maintenant mon premier article, sur *Verhaeren*[1]. Je vous envoie ce jour, comme promis, l'article sur le *Livre nouveau de Verlaine*, — sur lequel il fallait s'étendre. C'est quelque peu stupéfiant! mais, comme j'essaie de le démontrer, bien curieux, bien nécessaire, au point de vue de sa psychologie[2].

J'ai simplement *annoncé* le livre de Lepelletier (en y faisant déjà des emprunts), et j'en parlerai au No. 10[3]. Car là aussi, il y a matière à critique et à aperçus intéressants, qui eussent été trop longs pour ce No. 8.

A bientôt de vos bonnes nouvelles j'espère. Votre bien admiratif ami, avec merci.

René Ghil

48. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Франция, Мелль (департ. Дё-Севр)
Вилла «Сюбле»

12 августа 1907 г.

Дорогой друг!

Сейчас Вы, наверное, уже получили мою первую статью *о Верхарне*[1]. Посылаю Вам сегодня, как обещал, статью *о новой книге Верлена*, в разговоре о которой необходимо было не жалеть места. В какой-то мере этой книге нельзя не изумиться, но, как я пытаюсь продемонстрировать, произведение это — вещь любопытная, совершенно необходимая для постижения верленовской психологии[2].

В своей статье я просто *упоминаю* о выходе книги Лепелетье (хотя уже делаю на нее несколько ссылок), а рецензию на нее напишу для № 10[3]. Ибо и в этой работе есть материал для критических замечаний, а также интересные суждения, что выглядело бы излишне растянуто в № 8.

До скорого, надеюсь получить от Вас добрые вести. С восхищением и благодарностью, Ваш друг

Рене Гиль

[1] См. примечание 3 к предыдущему письму (№ 47).

[2] Обращаясь к посмертно изданной книге Поля Верлена «Путешествие француза по Франции» («Voyage en France par un français»), написанной поэтом в 1874 г. в камере тюрьмы Монс, Гиль не сумел скрыть своего раздражения, настолько эта наивно религиозная смесь воспоминаний и литературной критики была чужда его атеистическому рационализму. Указав, что книгу Верлена все же «надо прочесть, хотя бы она и не прибавляла ничего к его славе» (Весы. 1907. № 8. С. 83), рецензент подробно остановился на судьбе случайно сохранившейся рукописи и затем обратил свое внимание (как он и обещал в письме Брюсову) на «душевное состояние автора "Sagesse"» (Там же). «Допустим, — полемизировал Гиль, — что, принимая поэзию Верлэна, мы не придаем важнейшего значения обновляющим элементам таких книг, как "Les Fêtes Galantes", "Romances sans paroles", "Jadis et Naguère". Допустим, что местами мы находим слишком порочными "Parallèlement" и его другие подобные сборники; что мы относимся со справедливым отвращением к его двум тайным брошюркам, плоским и грязным, "Femmes" и "Hommes" — и что, больше всего, мы ценим у Верлэна "Sagesse", книгу его обращения, его возвращения к религиозным чувствованиям. Но если мы сами при этом не будем проникнуты той особой набожностью, которой был исполнен автор "Sagesse", мы все же не будем в состоянии понять его "Путешествия". Каково бы ни было наше преклонение пред Верлэном, эту книгу трудно читать без гнева или без сожаления, приближающегося к презрению. Если бы не было несомненных доказательств подлинности рукописи, можно было бы даже усомниться в ее принадлежности Верлэну, — до такой степени мало таланта и индивидуальности в этих бледных страницах, в этих рассуждениях, полных повторениями, в которых фразы неловко приставлены к фразам» (С. 84). Гиль напомнил читателям, что в своих прежних «весовских» публикациях, посвященных Верлену, он уже указывал на тот факт, что «его [Верлена] религиозное чувство редко возвышалось над простым порывом, т. е. над экстатическим ощущением общения с Богом и восприятии благодати», «что молитва Верлэна была похожа на молитву взрослого ребенка, твердо помнящего свой катехизис» (С. 85). В новой книге он вновь нашел блестящее подтверждение своих догадок и увидел в набожности покойного поэта исключительно «ревность новопосвященного прозелита, усердие мальчика из католической семьи, которого готовят к первому причастию» (Там же). Если в «"Sagesse" (добавляет Гиль) непосредственный гений поэта, возбужденный всеми пережитыми им страданиями, всеми его нравственными злополучиями и горестным раскаяньем, в целом ряде страниц расширяет эту детскую, экзальтированную религиозность до священного трепета, общего всему человечеству» (Там же), то в «"Путешествии по Франции" нет ничего, кроме любопытнейших документов того, до какой степени Верлэн был неответственен за свое творчество, а также и за поступки своей случайной противоречивой жизни» (С. 86). Конец рецензии, занявшей больше пяти журнальных страниц, был гневно патетичен: «в этой книге Верлэн, как бедняк, выбитый из колеи, который в тюремном одиночестве поддался влиянию самого ложного, партийного и нечестного ума, — покорно пересказывает, с полной безответственностью, затверженные уроки, которые, быть может, утешали его, в чем и заключается единственное оправдание его вдохновителей! "Путешествие по Франции" надо принять как драгоценный психологический документ, не имеющий ничего общего с поэтическим даром Верлэна и его творчеством, которое остается незатронутым, прекрасным и надолго сохранит свое значение как новое выражение человеческого чувства» (С. 88).

[3] К своей рецензии Гиль сделал следующую сноску: «Издательство "Mercure de France" только что выпустило любопытную книгу Эдмона Лепеллетье "Paul Verlaine. Sa vie et son oeuvre", которой мы пользуемся в этом очерке, но к анализу которой еще вернемся. Скажем пока, что, не лишенная достоинства, она заключает в себе серьезные промахи, не достаточно документирована, и поражает несколько пренебрежительным тоном по отношению к другим поэтам, например, к Маллармэ. Конечно, это — Верлэн, но не забудем, что то Маллармэ!» (С. 83).

49. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 14 Septembre 1907

Mon cher Ami,

Je vous remercie infiniment de votre longue et intéressante lettre[1], — et, aussi, de la caricature qui m'a amusé, mais que je vois très heureusement *significative*[2]. Je la joins à votre portrait. Je réponds tout de suite à propos de l'article sur Verhaeren[3]. Je crois qu'il serait intéressant, en effet, que Verhaeren pût le lire[4], — mais il verrait peut-être une intention désobligeante à lui envoyer directement ma copie française. Et j'en serais désolé pour l'amitié et la sincère admiration que j'ai pour lui. Le mieux, si c'est votre avis cependant, serait d'adresser cette copie à l'Editeur Deman, qui, précisément, m'avait demandé le No. où mon article paraîtrait. Sans doute voulait-il le faire traduire.

J'ai, en toute conscience, établi des restrictions à propos de l'art de Verhaeren, — d'accord d'ailleurs avec ce qu'on en pense et écrit maintenant, — quant aux sources de ses inspirations, et de son assimilation continue. J'ai tu cependant une chose qui me déplaît fortement en lui aussi, — c'est cette manie qu'il a prise de certains poétereaux derniers venus, de compter ou de ne pas compter, sans raison aucune, la valeur numérique et musicale de l'e muet. Je ne le répéterai jamais assez; il y a là atteinte directe au génie de la langue, et c'est d'inconscience. Mais j'ai dû signaler certain mauvais goût, certaines faiblesses, certaine *facilité condamnable*, dans ses images, de plus en plus. Je crois lui rendre service, dût-il m'en vouloir, en lui signalant cela dont d'autres s'apercevront bientôt. Il ne faut pas qu'il se fie à son acquis, et il doit rebonder *l'effort*, — justement vers le moment où toute hostilité cesse devant son talent et son âge. Je voudrais qu'il comprît cela de moi, de qui il sait l'impartialité et qui n'ai cessé de le dire le plus grand avec Griffin, au-dessus des autres du Symbolisme.

J'ai été très heureux de votre attention amie à cet article et celui sur le livre étrange et pourtant si signifiant de Verlaine, — où j'ai apporté tous mes soins. — Je parlerai la prochaine fois du livre de Lepelletier vraiment documenté sur Verlaine[5], — et de quelques livres de vers[6]. — Je crois que je remettrai au No. 12 (à propos de la fin d'année poétique), à écrire une méditation sur Mallarmé, dont voici le temps d'exalter à nouveau la Mémoire, dressant toujours sa grande figure intacte et silencieuse[7]...

Je vais, maintenant de retour, me procurer le No. de Juin du *Mercure [de France]*[8]. Votre lettre de protestation a-t-elle paru?[9] Je vais voir tout cela. Il est souverainement ridicule qu'une Revue comme le *Mercure [de France]* — (mais elle est fort en baisse, et c'est maintenant du retard continu, avec certain parti-pris de faire le silence sur ce qui les gène: et ce fut presque toujours ainsi, d'ailleurs!) — que le *Mercure [de France]*, dis-je, soit à ce point ignorant du Mouvement poétique Russe. Mais je crois seulement à de *la mauvaise foi*. J'ignore ce M. Séménoff, mais je sais qu'auprès des Russes lettrés, ici, il ne compte pas du tout, et n'a pas leur estime[10].

Je vous approuve fort d'avoir protesté, — et il faut que votre protestation devienne publique. Il faudrait, de vous, un développement au *Mercure [de France]* même, sur le double mouvement déterminé, d'une part par vous, et d'autre part, par Balmont[11]. Et

quel ennui, mon cher ami, de ne savoir votre langue, car c'est ce que j'aimerais faire! Et, j'y songe, — que penseriez-vous d'un article dont vous me fourniriez tous documents, et que nous signerions ensemble, — pour le *Mercure [de France]* ou quelque autre Revue, par exemple la *Revue des Revues*[12], qui n'est pas tout à fait bête, — et qui comprendrait peut-être l'importance de donner des pages sérieuses sur votre grand mouvement poétique. Ceci est une idée qui me traverse le cerveau: voyez si je *pourrais vous être d'utilité,* simplement...[13]

C'est absolument comme vous m'en parlez, qu'on m'avait parlé du fameux «mysticisme»! Et, si c'est chose semblable à «l'intégralisme», je suis très rassuré: ce ne sera, chez vous aussi, — cette forme de réaction, d'obstruction intéressée, montée de toutes pièces hétéroclitement, filoutées — qu'un souvenir bientôt, et pas même! — L'on m'a souvent parlé du beau talent de M. Merejkovsky, et de M. André Biély au talent très original, il me semble: ce qu'on m'a dit de son premier livre, je crois, cette sorte de vaste Symphonie d'une ville, m'a vraiment intéressé[14]. —

Valdor est toujours à *l'Abbaye*, en effet. Je vais le revoir sous peu, sans doute, lorsque j'aurai dit mon retour. Sa femme (quelle histoire singulière!) est retournée à Moscou en Juillet. Je ne sais rien depuis...[15]

Je vous prie, dites à M. Nicolas Goumileff combien je serais heureux de le voir — non pas une fois, mais plusieurs fois, — pour lui-même et parce qu'il m'est envoyé par vous. Je serais très heureux de causer avec lui de tant de choses des amis Russes. Vous lui direz de m'écrire, quand il sera ici, et de m'avertir du jour où il voudra me faire sa première visite[16].

Je vais donner demain à l'Editeur (pour paraître en Novembre) le tome II de *Voeu de Vivre*[17], — où j'ai, en la partie sur la Petite-ville, apporté de sérieux développements, impérieusement demandés! Je serai content ainsi, — autant, n'est-ce pas, que nous pouvons l'être de toujours de notre misère![18]

J'ai travaillé aussi au livre suivant de la Deuxième partie, — après le *Toit des Hommes*. Mais ce nouveau volume, qui s'appelle *Les Images du monde*, c'est-à-dire la mise en valeur des idées naturelles et directrices celées sous les Dieux primitifs et les Symboles, — je crois ne pouvoir le donner en 1908 encore[19]. J'ai à corriger le dernier volume, compact, des trois plaquettes, de l'*Ordre altruiste*[20]. Et, avec d'autres travaux à côté, cela me semble devoir prendre du temps et de l'attention. — Une fois débarrassé de cette réédition, j'irai pleinement dans la suite de l'Oeuvre.

J'ai aussi promis à l'éditeur Sansot la traduction de deux contes inédits Javanais, contes populaires fort jolis et recueillis pour moi là-bas. Il me faut y faire une préface, assez difficile, car les documents sont rares sur le Conte Javanais, et il me plairait dire des choses jolies, si possible...[21]

Maintenant, je vous dis au revoir, après avoir bavardé un peu avec vous, et en espérant que vous en ferez autant un de vos jours de loisir, n'est-ce pas? A bientôt donc. Avec, je vous prie, mes hommages à Madame, la cordiale poignée de main et l'admirative amitié de vôtre,

René Ghil

A propos, — voudrez-vous dire à la *Balance* mon retour, pour l'envoi du No. Et aussi, qu'on peut envoyer dans la forme qu'on voudra, maintenant, les honoraires. Merci![22]

Voudrez-vous aussi présenter mes compliments empressés à M. Poljakoff.

49. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 14 сентября 1907 г.

Дорогой друг!

Бесконечно благодарен Вам за длинное, интересное письмо[1], а также за карикатуру, которая меня позабавила и которую я считаю удачной по своей *значимости*[2]. Присоединяю ее к Вашему портрету. Хочу сразу ответить по поводу статьи о Верхарне[3]. Думаю, что будет действительно интересно, если Верхарн ее прочтет[4]. Тем не менее, в прямой отправке ему моей французской рукописи он может усмотреть неучтивое намерение. Жаль, если это произойдет в ущерб нашей дружбе и тому искреннему восхищению, которое я к нему питаю. Если Вы согласны, то, по-моему, лучше всего направить рукопись книгоиздателю Деману, который к тому же просил меня прислать ему номер, где будет напечатана моя статья. Я уверен, что он хотел отдать ее на перевод.

Давая ограничительные оценки искусству Верхарна, я действовал совершенно сознательно и, кстати сказать, в одном ключе с тем, что сегодня думают и пишут о его творчестве. Это касается истоков его вдохновения и его постоянного вживания в среду. Об одном только я умолчал — о том, что мне крайне неприятно в его произведениях. Я имею в виду манию, которую он перенял у некоторых новоявленных виршеплетов, — иногда считаться, а иногда безо всякой причины не считаться с музыкальным значением немого «е», влияющего на подсчет слогов. Я никогда не устану повторять, что вижу в этом прямое посягательство на языковой гений. Это безответственно. Я посчитал своим долгом указать на некоторые примеры плохого вкуса, некоторые слабости, некоторую *достойную осуждения легкость* в его образах, что проявляется все более и более. Даже если он на меня рассердится, я все равно буду считать, что оказываю ему услугу, выявляя вещи, которые будут скоро замечены другими. Он не должен удовлетворяться достигнутым, а, напротив, должен удвоить *усилия* именно сейчас, когда все враждебное умолкает перед его талантом и зрелостью. Я хотел бы, чтобы он услышал это из моих уст, ибо ему известна моя беспристрастность, услышал от человека, неустанно причисляющего его к величайшим поэтам вместе с Гриффеном, от человека, ставящего его выше других поэтов Символизма.

Я был рад Вашему дружескому вниманию к этой статье, а также к этюду о странной, но столь значимой книге Верлена. К написанию этого этюда я приложил весь свой труд. Следующий материал я посвящу по-настоящему документированной книге о Верлене, написанной Лепелетье[5], а также нескольким поэтическим сборникам[6]. Я думаю отложить до № 12 (приурочив к концу поэтического года)

написание своих размышлений о Малларме. Настало время воскресить Память о нем и возвысить его величавую фигуру, неприкосновенную и безмолвную...[7]

Я вернулся в Париж и теперь достану июньский номер «Меркюр де Франс»[8]. Напечатано ли Ваше письмо протеста?[9] Я разберусь со всем этим. В высшей степени смехотворно, что такой журнал, как «Меркюр де Франс» (чей уровень неизменно снижается, отставание постоянно накапливается, объективности никакой, если им что-что мешает, они замалчивают, что, кстати сказать, всегда было так!), так вот, невероятно, чтобы «Меркюр де Франс» пребывал до такой степени в неведении относительно поэтического движения в России. Уверен, что виной тому просто *недобросовестный подход*. Я незнаком с г-ном Семеновым, но знаю, что среди литературно образованных русских он не идет ни в ка́кой расчет и уважения к нему нет[10].

Я решительно одобряю Ваш протест. Вашему протесту необходимо придать гласность. Необходимо, чтобы Вы напечатали в самом «Меркюр де Франс» о двуедином движении, определенном, с одной стороны, Вами, а с другой — Бальмонтом[11]. Ах, дорогой друг, как меня тяготит незнание вашего языка — ведь именно это я хотел бы сделать сам! Я мечтаю об этом. Что Вы скажете о статье, документальный материал для которой Вы бы для меня подготовили, а я дал бы ее за двумя нашими подписями? Мы опубликовали бы ее в «Меркюр де Франс» или каком-нибудь другом журнале, в «Ревю де ревю»[12], например, совсем не глупое место, где, быть может, поймут важность публикации нескольких серьезных страниц о вашем великом поэтическом движении. Вот какая мысль появилась у меня в голове: подумайте, может быть, *я Вам здесь пригожусь*...[13]

О пресловутом «мистицизме» мне рассказали в точности то же самое, что написали мне Вы. И если это нечто, похожее на «интегрализм», то я спокоен: в России эта форма реакции, корыстной обструкции, жульнически скроенная из разнородных элементов, также скоро станет воспоминанием, а то и воспоминания не останется. Мне нередко рассказывали о прекрасном таланте Мережковского и об Андрее Белом, поэте, на мой взгляд, оригинального дарования. То, как мне описали его первую книгу, представляющую собой нечто вроде широкой городской Симфонии, меня по-настоящему заинтересовало[14].

Вальдор действительно по-прежнему является членом «Аббатства». Я вскоре с ним, вне сомнения, снова увижусь, сразу после того, как объявлю о своем возвращении в Париж. Его жена (какая невероятная история!) уехала назад в Москву в июле. С тех пор я ничего об этом не слышал...[15]

Объясните, пожалуйста, г-ну Николаю Гумилеву, насколько я буду счастлив видеть его, — и не один раз, а несколько раз, — ради него самого и из-за того, что ко мне его направляете Вы. Я был бы рад поболтать с ним — нам надо столько сказать друг другу о наших русских друзьях... Скажите ему, чтобы он мне написал, когда будет здесь, и уведомил о дне, когда он захочет сделать мне первый визит[16].

Завтра я сдаю издателю второй том «Обета жить» (предполагаемый к выпуску в ноябре)[17], в котором я серьезным образом развил тему в части, относящейся к Городку, что настоятельно диктовалось задачей! Таким образом я буду доволен, настолько, насколько нам позволяет наше всегдашнее несчастное бытие, не так ли?[18]

Я также поработал над следующей книгой второй части, идущей за «Кровлей человечества». Однако этот новый том, озаглавленный «Образы мира», иначе говоря, очерчивающий естественные направляющие идеи, таимые за примитивными культами и символами, я едва ли успею подготовить к печати в 1908 году[19]. Мне надо внести исправления в последний том «Ордена альтруистов»[20], компактное издание из трех брошюрок. Учитывая, что помимо этого я занимаюсь еще и другой работой, я думаю, что это дело займет у меня всё время и внимание. Покончив с переизданием, я целиком посвящу себя «Творению».

Еще я обещал издательству «Сансо» перевод двух неопубликованных яванских народных сказок, очень милых, записанных для меня на Яве. Я должен написать к ним предисловие, что довольно трудно, так как о яванских сказках существует мало литературы, а я так хотел бы сказать по возможности что-нибудь подкупающее...[21]

Теперь я буду прощаться, побеседовав немного с Вами и надеясь, что и Вы ответите мне тем же в ближайшие дни, как только найдете время. Итак, до скорого. Прошу Вас кланяться супруге, сердечно жму Вашу руку, восхищаюсь Вашей дружбой,

Рене Гиль

Не могли бы Вы, кстати, сообщить в «Весы», что я вернулся и что они могут послать мне номер. Они могут также отправлять мне теперь и гонорары в любой форме. Спасибо![22]

Прошу Вас также засвидетельствовать мое почтение г-ну Полякову.

Опубл. со значительными сокращениями в кн. «Quelques lettres de René Ghil. Dixième anniversaire de la mort du poète» (Paris, 1935. P. 18—20).

[1] Письмо, упоминаемое Гилем, нам неизвестно.

[2] На первой странице № 36 газеты «Будильник» от 16 сентября 1907 г. был помещен шарж с изображением козлоногого бога Пана, играющего на семиствольной флейте. Голова Пана была заменена на рисунке фотографией Брюсова. Предполагаем, что именно эту вырезку получил Гиль в упоминаемом им письме. Шарж сохранился в Отделе рукописей РГБ среди черновиков брюсовских писем Гилю. На отдельной странице, вероятно, рукой И. М. Брюсовой, написаны слова «Валерий Брюсов. Московский модернист и основатель школы брюсомании» (Ф. 386, карт. 82. Ед. хр. 28). Учитывая датировку письма Гиля (14 сентября н. с.), отправленного до публикации шаржа, а также тот факт, что никаких других шаржей на Брюсова, насколько нам известно, в этот период не публиковалось, нам остается предположить, что либо Брюсов послал Гилю рисунок, а не вырезку из газеты, либо Гиль ошибся в дате. В пользу второго предположения свидетельствует постскриптум к его следующему письму от 15 октября 1907 г. (№ 50), где говорится о письме за начало октября или конец сентября.

[3] См. примечание 3 к письму № 47.

[4] В письме к Верхарну от 4/17 июня 1907 г. Брюсов сообщал: «В наших “Весах” мы говорим о вас и о вашем творчестве почти в каждом номере. В январском г-н Рене Гиль дал разбор “Многоцветного сияния”» [«Dans notre *Balance* nous parlons de vous et de votre oeuvre presque à chaque N. Dans celui de janvier M. René Ghil a fait l’analyse de la *Multiple Splendeur*» (ЛН 1976. С. 567—568)].

[5] Рецензия Гиля на «новую биографию Верлэна» (см. примечание 4 к письму № 47) явилась логическим продолжением и развитием его предыдущей публикации (см. примечание 2 к письму № 48), преследующей задачу «восстановить причудливую и многосложную жизнь Верлэна, чтобы выяснить случайные и разнородные источники его творчества» (Весы. 1907. № 10. С. 74). Гиль считал, что среди целого ряда противоречивых воспоминаний о поэте «обстоятельная и осведомленная книга Э. Лепеллетье», многолетнего, близкого друга покойного поэта, «без сомнения, останется как одна из наиболее надежных»; более того, как «самое интимное, что только было до сих пор сказано в печати о повседневной жизни Верлэна, о том, как создались его произведения, и о тех литературных планах, которые он не осуществил» (Там же). Упрекнув автора за излишек «благоговейного старанья, чтобы только извинить или даже совсем обойти молчанием различные недостатки Верлэна», и признав, что этот «биографический этюд необходимо контролировать и исправлять на основании других источников», Гиль назвал книгу Лепеллетье «в высшей степени искренней», открывающей «человеческий образ Верлэна, — равно далекий от страстных, но пустых восклицаний как его поклонников, так и хулителей, из которых одни наделяют его эпитетами "сатанический", "извращенный", "вырождающийся", и другие, с своей стороны прославляют его, как существо "божественное"» (Там же). В своей книге Лепеллетье предупреждал, что «намерен разрушить верлэновскую легенду» (Там же). Гиль охотно присоединяется к этой деструктивной работе и для начала обрушивается на «странную дружбу» Верлена с Артюром Рембо, в которой «общественное мнение хотело» беспричинно увидеть «моральную драму страсти», «дружбу столь пламенную, что Верлэн ввел [Рембо] в свою семью, представил его своей жене и, потом, чтобы только быть близ него в Лондоне, совершенно бросил свою подругу, за год перед тем так целомудренно воспетую в стихах "La Bonne Chanson"!» (С. 75). В самом Гиле подобные «приключения», естественно, вызывали только «неприятные чувства», как, впрочем, и свидетельство Лепеллетье о том, что Верлен «неумеренно любил женщин, даже самых несчастных проституток, не требуя от них ни души, ни даже красоты» (С. 76). Согласно Гилю, рассказы такого рода говорили единственно о порочности обоих персонажей, и потому он предложил обойти «некоторые темные вопросы молчанием» и осветить «действительно ценную часть книги Э. Лепеллетье» — «письма к нему Верлэна от 1862 до 1895 года, писанные почти во все мгновения энтузиазма, сомнений или отчаяний, когда невольно обращаешься к старым друзьям и к первым ученикам» (Там же). Переходя к критической части книги, посвященной психологической эволюции творчества Верлена, Гиль признает эту часть более слабой и затем останавливается на проблеме «общей оценки положения Верлэна в современной поэзии», оценке, которой «в книге Э. Лепеллетье мы не находим вовсе» (С. 78). Протестуя против признания Верлена «главою школы» и «обновителем современной поэзии», Гиль обвиняет Лепеллетье, этого «хроникера парижских газет», и в том, что у того нет «никакого понятия о современной поэзии», и в том, что он «совершенно не понимает Маллармэ», и в том, что в годы «нашей борьбы» он «не раз заявлял в своих фельетонах, что он мало понимал то немногое из наших произведений, что читал» (Там же). Заканчивается рецензия выпадами совершенно частного характера, вроде сомнений в том, насколько хорошо Верлен и Малларме владели английским языком или насколько обострено или нет было у Верлена чувство зависти. В качестве заключительного аккорда Гиль напоминает русскому читателю «о трогательной и возвышенной беседе Маллармэ и Верлэна, весной 1886 года» (С. 79), о которой он рассказывал в «Весах» в 1905 г.: «Принимая у себя в тот день Верлэна (заканчивает рецензент), Маллармэ сумел очень тонко подчеркнуть свое глубокое уважение и дружескую уступчивость к знаменитому тогда автору "Sagesse". Наконец, Э. Лепеллетье не знает, как то знаем мы, что в Маллармэ человек и поэт — было одно, и что ясность его духа равнялась только царственной ясности его творчества!» (Там же).

[6] В том же номере журнала, что и рецензия на книгу о Верлене, была напечатана рецензия на «рассудочную» поэму Абеля Пеллетье «Мари Депьер» («Marie des Pierres») и отзыв о первом сборнике Жана Отта «Усилие народов» («L'Effort des Races», 1907).

[7] Как указывалось выше (примечание 2 к письму № 44), Гиль приступил к написанию цикла о Малларме только в 1908 г. В № 12 за 1907 г. он опубликовал объединенную рецензию на двухтомник Поля Клоделя, в который вошли книги «Познание Востока» («Connaissance de l'Est») и «Поэтическое искусство» («L'Art poétique»). Вторым рассмотренным автором был Сен-Поль Ру с его сборником «Внутренние феерии» («Les féeries intérieures»). Подробно об этом см. соответственно примечания 4 и 5 к следующему письму (№ 50).

[8] В № 242 от 16 июля 1907 г. (а не июня, как считал Гиль) журнал «Mercure de France» поместил в рубрике «Русские письма» («Lettres russes») статью «Анархический мистицизм» («Le mysticisme anarchique»), принадлежащую перу Е. П. Семенова, русского корреспондента журнала с 1906 по 1909 г. В своей статье Е. Семенов попытался дать характеристику «мистическому анархизму» (см. примечание 9 к письму № 46), сторонниками которого он назвал Вяч. Иванова, А. Блока, С. Городецкого и Г. Чулкова, а также определить место этого течения среди различных направлений русского символизма. Е. Семенов указал, что источником его статьи послужила беседа с Г. Чулковым. Статья вызвала возмущение в кругу русских поэтов по причине некомпетентности ее автора и ряда фактических неточностей. Вдохновитель статьи, Г. Чулков, заявил о «принципиальной ошибке» Семенова, неспособного отличить мировоззрение писателя от его художественных приемов. Возражая против статьи, от «мистического анархизма» отмежевался А. Блок (Весы. 1907. № 8). В написанном в конце июля письме к Вяч. Иванову Брюсов назвал заявления Чулкова в парижском журнале «наглой выходкой» (ЛН 1976. С. 500).

[9] Письмо Брюсова по поводу статьи Е. Семенова было опубликовано в журнале «Mercure de France» за 1 сентября 1907 г. В нем говорилось:

«Господа!

Надеясь на обычную для "Меркюр де Франс" беспристрастность, я обращаюсь к Вам с просьбой поместить в журнале эти несколько строк.

В отделе, посвященном современным русским поэтам, Ваш русский корреспондент г-н Семенов (см. номер от 16 июля) причисляет меня к парнасцам. Никогда не был я парнасцем, никогда не буду им и неоднократно в своих статьях боролся с парнасской эстетикой. В целом, деление русских поэтов на группы, осуществленное г-ном Семеновым, неверно.

В остальном же меня чрезвычайно удивило внимание, уделенное г-ном Семеновым "анархическому мистицизму", который не важнее для нас, чем "интегрализм" для Франции.

Примите от меня уверения в совершенном почтении.

Валерий Брюсов

Москва, 10 августа 1907 г.»

[«Monsieur,

Espérant en l'impartialité habituelle *du Mercure de France*, je vous prie d'insérer ces quelques lignes.

M. E. Séménoff, votre correspondant de la Russie, dans sa division des poètes russes contemporains (*v. le Mercure du 16 juillet*), me place parmi les Parnassiens. Jamais je n'ai été Parnassien, jamais je ne le serai et maintes fois dans mes articles je combattis l'esthétique parnassienne! En général, toute la division des poètes russes, faite par M. Séménoff, est fausse.

Au reste, je m'étonne fort de la place que M. Séménoff donne au "mysticisme anarchique", qui n'a pas plus d'importance chez nous que l'"intégralisme" en France.

Agréez, Monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués

Valère Brussov.

Moscou, 10 août 1907» (P. 188)].

[10] За свое стремление к объективному и полному освещению культурной жизни России Е. Семенов неоднократно подвергался нападкам со стороны русских символистов. Так, высмеивая его литературные вкусы, «Весы» еще в первый год своего существования писали: «К сожалению, самые слабые из корреспонденций “Mercure de France” это именно “русские письма”. Больше года пишет их некто Е. Семенов, вяло и скучно, сообщая французским читателям исключительно факты из одного лагеря нашей литературы, притом такого, где в настоящее время истинная литературная жизнь отсутствует. “Русское Богатство”, “Мир Божий”, “Образование”, “Русские Ведомости” — вот единственные русские издания, какие знает русский корреспондент “Mercure de France”. Он ни разу не упомянул названия “Нового Пути” или имен хотя бы Д. Мережковского, К. Бальмонта, В. Розанова, произведения которых, право, гораздо больше волновали русское общество (не говоря уже о том, что имели безмерно большее значение для литературы)...» (1904. № 10. С. 78).

[11] В этом преувеличении Гиля отразилась особенность его восприятия русского символистского движения, известного ему поверхностно и исключительно с чужих слов. Мысль о Брюсове и Бальмонте как о главных фигурах новейшей русской поэзии прослеживается во всех его высказываниях вплоть до некролога Брюсову, в котором он, ссылаясь на заметку М. Волошина из журнала «Ecrits pour l’art» за далекий 1905 г. (см. примечание 4 к письму № 30), называет Брюсова и Бальмонта «двумя зачинателями современного поэтического Движения в России» [«deux promoteurs du moderne Mouvement poétique Russe» (Rythme et Synthèse, 1925. № 52. P. 49)].

[12] Это предложение Гиля, насколько нам известно, реализовано не было.

[13] Данный абзац, как и предыдущий, были опущены при французской публикации публикуемого письма.

[14] Речь идет о литературном дебюте Андрея Белого — «Симфонии (2-ой драматической)» (М., 1902), написанной в марте-августе 1901 г. и отражающей московскую повседневность.

[15] См. примечание 7 к письму № 46.

[16] Данный абзац был также опущен при французской публикации письма. По инициативе Брюсова Н. Гумилев посетил в Париже некоторых его знакомых. Испытав, после холодного приема у Мережковских, «мистический ужас к знаменитостям» (ЛН 1994. С. 426), он 26 декабря 1906 / 8 января 1907 г. писал в Москву: «Теперь я боюсь идти и к Гилю» (С. 427). Рекомендация Брюсова, на которую ссылается Гиль, вероятно, не сохранилась. Мы знаем о ней из письма Гумилева к Брюсову: «Очень благодарю Вас за письмо к Рене Гилю. Я пойду к нему через неделю, чтобы дать ему время получить Ваше письмо» (24 августа / 6 сентября 1907 г., С. 438). Визит, однако, по разным причинам откладывался, и через две недели, 19 сентября / 2 октября, Гумилев вновь писал Брюсову, оправдываясь: «Я все хвораю и настроение духа самое мрачное, вот почему я не был до сих пор у Ренэ Гиля» (С. 442). Пожелание Гиля написать ему письмо и наконец уговориться о встрече Гумилев выполнил только 8 октября. Но и это посещение было отложено еще на один день по просьбе Гиля, изложенной им в записке от 6 октября:

«Париж, ул. Лористон, д. 16 [бис]
6 окт[ября] 1907 г.

Уважаемый Поэт!

Наш большой, замечательный друг Валерий Брюсов уже сообщил мне о Вашем визите, чему я очень рад. Однако в этот вторник меня не будет дома — не уйти я уже не могу. Приношу Вам свои извинения и прошу Вас прийти на следующий день, в среду. Жду Вас после двух.

Если это Вас устраивает, не трудитесь мне отвечать. Благодарю Вас за бесценные чувства, которые Вы соизволили мне высказать. С искренней симпатией, Ваш

Рене Гиль»

[«Paris, 16 bis rue Lauriston
6 Oct<obre> 1907

Monsieur et cher Poète,

Notre grand et excellent ami, Valère Brussov, m'avait déjà annoncé votre visite, et j'en suis heureux.

Mais, ce mardi, voici que j'ai une sortie à faire, que je ne puis remettre. Voulez-vous m'excuser, et venir le lendemain mercredi, où je vous attendrai à partir de deux heures.

Si oui, ne vous donnez pas la peine de me répondre, je vous prie. — En vous remerciant des sentiments précieux que vous voulez bien m'exprimer, je vous envoie toutes sympathies. Bien votre,

René Ghil»

(РГАЛИ. Ф. 1347. Собрание автографов. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 3. Напечатано в статье: *Дубровкин Р.* Неопубликованное письмо Н. Гумилева // Revue des études slaves. 1999. No. 1. P. 161)].

[17] В реальности упомянутая книга вышла только в феврале 1908 г. (см. письмо № 52).

[18] Данный абзац был также опущен при французской публикации письма.

[19] Как указывалось ранее, первая часть третьего тома «Творения», озаглавленного «Образы мира», вышла в свет только в 1912 г. Вторая часть — в 1920 г.

[20] См. примечание 4 к письму № 61.

[21] Две переведенные Гилем яванские сказки или легенды «Обезьяна, женившаяся на женщине» («Le singe qui épousa une femme») и «Доно и Дини» («Dono et Dini»), сопровождаемые его же объяснительной заметкой, были напечатаны год спустя, но не отдельной книгой, а в журнале «Akadémos» (1909. No. 8, 15 août).

[22] Сохранилось письмо Гиля от 28 сентября 1907 года, адресованное М. Ликиардопуло, в котором содержится уведомление о возвращении Гиля в Париж и выражается просьба прислать ему почтовым переводом или чеком 120 франков в качестве гонорара за рецензии, опубликованные в № 8 «Весов» (ИМЛИ, Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 56. Л. 2). Ликиардопуло, однако, в это время в Москве не было, и все редакционные обязанности лежали на Брюсове. См., в частности, письмо Брюсова к М. Кузмину от 26 сентября / 9 октября 1907 г.: «Простите за сухость этих страниц. За отсутствием М. Ф. мне приходится наблюдать за всеми делами, — и на то, чтобы говорить от души, не остается минуты» (*Cheron George.* Letters of V. Ja. Brjusov to M. A. Kuzmin // Wiener Slawistischer Almanach. 1981. Band 7. S. 73).

50. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 15 Octobre 1907

Mon cher grand Ami,

Un peu à la hâte, et veuillez m'en excuser! Je vous envoie ici le compte-rendu de livres *de Poésie*, pour le No. 10 de la *Balance*[1].

Dans trois ou quatre jours, je vous enverrai le compte-rendu *(Prose)* du livre de *Lepelletier sur Verlaine*, dont j'ai déjà dit un mot[2].

J'aurai pour l'autre No. le poème de Gourmont *Simone*[3], et deux livres de Paul Claudel, littéraires, philosophiques[4]. — Et les poèmes en prose de *Féeries intérieures* de St. Pol Roux[5].

J'ai eu la visite de M. Goumileff *qui m'a été très sympathique*, — et par lui-même et les qualités graves de son esprit, et par l'admiration bien simple et fervente qu'il vous porte[6]. Il va demeurer cette année à Paris, aussi l'ai-je prié de me faire le plaisir de revenir causer, et en Novembre à mes vendredis soirs d'amis...[7]

A bientôt de vos nouvelles, — et ces jours, la fin de mon envoi. Le tout vôtre,

René Ghil

P. S. Vous avez bien reçu, n'est-ce pas? ma dernière lettre, vers le commencement du mois — ou fin septembre[8].

50. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 15 октября 1907 г.

Мой дорогой, большой друг!

Пишу Вам в некоторой спешке, за что прошу прощения! Посылаю Вам с этим письмом отзыв о *поэтических* сборниках для № 10 «Весов»[1].

Дня через три-четыре я отправлю Вам рецензию на *(прозаическую)* книгу *Лепелетье о Верлене*, о которой уже упоминал[2].

Для другого номера я напишу о поэме Гурмона «Симона»[3] и двух литературно-философских книгах Поля Клоделя[4]. А также о стихотворениях в прозе Сен-Поль Ру «Внутренние феерии»[5].

Ко мне приходил г-н Гумилев, который *мне очень понравился* — и человеческими качествами, и серьезными сторонами своего духа, и искренним, страстным восхищением по отношению к Вам[6]. Он в этом году будет жить в Париже, и я попросил его доставить мне удовольствие — вновь зайти ко мне поболтать, а в ноябре — бывать у меня по пятницам, на дружеских вечерах...[7]

До скорого, жду от Вас новостей, на днях посылаю окончание материала. Весь Ваш,

Рене Гиль

P. S. Вы ведь получили мое последнее письмо в самом начале этого месяца или в конце сентября?[8]

---

[1] См. примечание 6 к письму № 49.

[2] См. примечания 3 к письму № 48 и 5 к письму № 49.

[3] См. примечание 2 к письму № 51.

[4] Рецензия на двухтомник Поля Клоделя была помещена в декабрьском номере журнала. Считая Клоделя одним «из наиболее интересных символистов» (Весы. 1907. № 12. С. 65), Гиль с самого начала своей статьи объявил, что «основное и естественное свойство» его ума — это «изысканная», «методически» парадоксальная, «утонченная изобретательность», которую тот «заботливо культивирует» (Там же). Обыгрывая название первой рецензируемой книги, «Познание Востока», Гиль признает, что ее автор — поэт, «прежде всего — поэт», но поэт интуитивный, и потому его попытки построить «целое учение о судьбах человечества, исходя из своего "познания"» заранее обречены на провал, поскольку «от истинного, научного Познания безнадежно отделяет его [Клоделя] постоянное стремление подставлять на место существ и вещей и их взаимоотношений аналогические состояния своего индивидуального сознания» (Там же). Клодель для Гиля не просто ученик Малларме, но почти не уступающий «учителю» последователь, пользующийся тончайшими интеллектуальными и музыкальными «аналогиями, весьма отдаленными и лишь им самим воспринимаемыми, подобными тем, что встречаются в стихах китайских поэтов, где образы часто находятся в далеком и едва улавливаемом отношении к явлениям и идеям, породившим их» (С. 66). В свете сказанного «Познание Востока» (эта «восхитительная драгоценность») не есть точный отчет «о предметах, существах и душах» Китая или Японии, где долгое время жил Клодель, но «количественное и качественное определение его *я*, пришедшего в соприкосновение с новым миром» (Там же). Отметив определенные отличия Клоделя от Малларме и, в частности, большее разнообразие клоделевского «искренне-нервного темперамента» (С. 68), Гиль переходит ко второй рецензируемой книге «Поэтическое искусство», мысли которой и «научно-философские рассуждения», независимо «от того духа изысканности, который доходит здесь до крайности», «приходится рассматривать лишь как простую поэтическую грезу» (С. 69). Гиль, разумеется, осуждает эту «наклонность к перевертыванию наизнанку всех данных, установленных экспериментальными науками», тем более, что «доказательства, приводимые автором в подтверждение его отрицаний, нередко оказываются пустыми словами или же переходят в неуместный лиризм. На иных же страницах, проследовав за [Клоделем] по вычурным изгибам его диалектики и примирившись с торжественностью его тона (наподобие "Divagations" Малларме, которые, несмотря на [гилевское] поклонение перед учителем, не могут [Гилю] нравиться), когда мы уже ждем, что сейчас встретим какое-то новое и неожиданное истолкование, мы вдруг находим давно признанную мысль...» (Там же). Оставшуюся часть рецензии Гиль посвящает теме набожности Клоделя, отметив, что для этого автора источник всего сущего — «Бог; именно Бог, согласно с христианской догмой» (С. 70). «Поль Клодель, — пишет он, — философ-христианин, и он не забывает установить бессмертие души. Человек, по его словам, имеет своим назначением познавать Бога в его созданиях, и он "бесконечен как Конец, к которому он обращен". Тела на Страшном Суде вновь соединятся с душами. Но бессмертная душа отличается от Бога тем, что истекает из него. Она есть подобие Бога, и подобие полное, ибо Бог не допускает разделения.[...] Трактат (заключает рецензент) заканчивается призывом смерти, которая принесет обещанную награду, "смерть — наше драгоценнейшее наследие". Я (обвиняет Гиль) это называю богохульством» (Там же).

К моменту написания Гилем рецензии Брюсов был знаком с обеими книгами Клоделя и опубликовал о них, под псевдонимом Enrico R., короткую заметку в № 8 «Весов» за 1907 г.

[5] Сразу после разбора книг Клоделя, которые, по словам рецензента, могли стать причиной «некоторого нервного утомления» (С. 71), Гиль предложил читателям «Весов» отдохнуть «на широких горизонтах, открываемых нам книгой Сен-Поль-Ру "Les féeries intérieures"», где «чувствуется широта мысли и легко вдыхаются глубокие ритмы человеческого чувства» (Там же). Эта книга поэм, по мнению Гиля, «представляет собою как бы духовную автобиографию» поэта, отмеченную приятием «жизни, как источника красоты» (С. 72), что «решительно отделяет Сен-Поль-Ру от большей части символистов и значи-

тельно приближает к “научной поэзии”» (С. 73). После столь категоричного заявления рецензенту ничего не оставалось, как пополнить число своих учеников еще одним неофитом и («к моему личному удовольствию») процитировать следующее высказывание поэта, относящееся к 1898 г.: «Поймут ли они, наконец, что Поэзия может сделаться большим, чем указательницей Науки, что она ни что иное, по своей сущности, как та же самая Наука? Сеятель прогресса, гений, пробуждается от столкновения завоеваний прошлого с гипотезами будущего. Искусство состоит не только в том, чтобы видеть и чувствовать свое время, но, главным образом, в том, чтобы предвидеть и предчувствовать то, что скрывается за гранью данного чувства, — идеи, еще неосуществленные» (С. 73—74). «Важно заметить, — наставляет Гиль, — что Сен-Поль-Ру медленно, путем рассуждений и опыта, 12 лет спустя после того, как принципы “Научной Поэзии” были впервые изложены, дошел до тех же заключений, которые он так великолепно комментирует» (С. 74). По этой причине рецензент мирится «с метафорической манерой выражения Сен-Поль-Ру», хотя и в «современной поэзии, — и особенно в “Научной Поэзии” [...] мы должны воздерживаться от употребления сравнительного образа, который бывает необходим лишь для того, чтобы давать ощущения бесконечного» (С. 74).

Более чем за два года до гилевской рецензии Брюсов опубликовал в «Весах» отзыв о новом сборнике Сен-Поль Ру «От Голубя к Ворону, не забывая Павлина» («De la Colombe au Corbeau par le Paon», 1905), в котором, в частности, писал: «Тот самый Сэн-Поль-Ру, который был видным деятелем “символистического” движения при его шумном начале, потом исчез с литературной арены и вновь появился на ней лишь недавно, тот самый Сэн-Поль-Ру, которого когда-то товарищи прозвали “Великолепным”, “Le Magnifique”, за его пышный стиль, — теперь мечтает только об одном: стать любимым писателем маленьких детей. Его рассказы, или лучше сказать, стихотворения в прозе, вошедшие в этот том, написаны в высшей степени просто (хотя изящно и утонченно) и вполне доступны для самого неподготовленного читателя» (1905. № 7. С. 71).

[6] Встреча Гумилева с Гилем состоялась 26 сентября / 9 октября 1907 г., о чем он в тот же день сообщал Брюсову: «Сегодня я был у Гиля, и он мне понравился без всяких оговорок. Это энергичный, насмешливый, очень тактичный и действительно очень умный человек (я описываю здесь только его внешние качества, а внутренние знакомы Вам много больше, чем мне). Со мной он был крайне приветлив с каким-то особенным оттенком дружеской фамильярности, что сразу сделало нашу беседу непринужденной. Вообще, я был совершенно не прав, когда боялся к нему идти, и теперь я знаю, что французские знаменитости много общежительнее русских» (ЛН 1994. С. 447).

[7] В письме от 3/16 декабря 1907 г. Гумилев сообщал Брюсову: «Теперь я все собираюсь пойти опять к Ренэ Гилю, его пятницы уже начались. Я пойду, наверно, вместе с Nicolas Denicer — молодым французским поэтом, моим приятелем. Вы об нем, наверно, уже читали в статье для “Весов” Ренэ Гиля» (С. 456). Nicolas Deniker (Гумилев написал его фамилию неправильно) был племянником И. Анненского; дружил с Г. Аполлинером, примыкал к группе «Аббатство». Рецензия Гиля на его первую книгу была опубликована в № 3 «Весов» за 1908 г.

[8] О существовании еще одного письма Гиля за этот период нам ничего неизвестно.

51. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 5 Décembre 190[7][1]

Mon cher grand Poète et ami,

Voici, sous ce pli, le petit article sur *Simone*, précédé, pour l'intérêt, de quelques considérations sur de Gourmont: la plaquette, *délicieuse*, étant mince.

C'est là tout, *pour le numéro 12*[2]. (Vous avez reçu, n'est-ce pas? les Etudes sur les deux livres de Claudel, et celui de St. Pol Roux[3].) Et, — dans quelques jours, je vous enverrai le *Résumé de l'année poétique* pour *le No. 1*. — Il sera intéressant: d'une part, avortement de la *réaction* poétique, qui n'a rien produit que quelques volumes qui valurent à leurs auteurs des prix![4] — Mais, voici que se sont révélés des Nouveaux sur qui, je crois, l'on peut sérieusement compter. — Nous avions les quatre dits du groupe de *l'Abbaye*[5]. Je vous parlerai d'un autre groupement qui publia cette année dans le Nord, Lille et Arras, une petite Revue d'anthologie qui vient de publier à Paris *Les Bandeaux d'or* où une vitalité originale s'affirme[6].

Je présenterai M. John L. Charpentier que j'ai déjà cité à la *Balance*[7], un autre encore, Georges Bernard, qui eut un livre chez Messein[8].

L'intéressant, de plus, est que ces jeunes gens, sans contact (j'espère que tout arrivera à fusionner), arrivent aux mêmes conclusions à peu près, — dans leur jugement de la génération précédente, et sur les hommes qui leur semblent être en puissance de l'avenir et d'où ils partent plus ou moins.

Je leur ai demandé, pour mon article, des notes, qui me seront très précieuses. Or, ces jugements viennent confirmer mes dires à la *Balance* sur le rôle et l'influence de ceux d'hier que j'ai étudiés. Leur admiration englobe d'abord totalement les grands noms du Symbolisme: et c'est d'abord cette faculté d'admiration — si rare depuis quelques années! — qui m'enchante et me fait bien augurer d'eux. Mais, avec une admiration particulière pour Verhaeren, — ils retiennent du Symbolisme comme art directeur, celui surtout *de Vielé-Griffin*. Et d'autre part, comme art et pensée directrice, la *Poésie scientifique*, tous d'accord sur son sens universel[9].

Je suis heureux, avec, cependant, je ne sais quel sentiment de frayeur de la responsabilité qu'ils me font ainsi assumer, de cette approche de jeunes hommes qui me semblent vraiment dévoués, prêts à un avenir sans concessions. Je souhaite, si ardemment, le réveil de la conscience et de l'orgueil poétique chez nous!.... Enfin, nous verrons, j'ai espoir...........

Maintenant, mon cher ami, je veux vous soumettre ceci, et, si c'est votre avis, vous prier de le soumettre à M. Poljakoff:

Lorsque j'eus l'honneur que je ressens toujours aussi vivement, d'être appelé par les Rédacteurs de la *Balance*, après mon premier article, vous m'aviez demandé si, *en principe*, je serais d'avis qu'un choix de mes Etudes, critiques, etc., fussent publiés en volume en langue Russe, par la société le *Scorpion*[10].

Je vous répondis que ce me serait une joie très grande.

Si tel était encore le désir de Monsieur Poljakoff, je croirais le moment venu de faire cette publication, — qui, des Etudes et critiques principales, présenteraient *un tout* où certainement se synthétisent toutes réalisations et toutes tendances, de 1885 à ce jour où

je puis voir qu'un nouveau mouvement logiquement sorti du premier, s'essaie. — Il ne manque que l'Etude sur Mallarmé[11], que j'écrirai tout de suite, en même temps que j'y ajouterai sur la *Poésie scientifique* l'article de *Messidor* à elle consacré, en l'étendant[12]...

Je crois, mon cher ami, que ce fut vous le traducteur de toute ma série d'articles. Si vous vouliez accepter, je souhaiterais, quand j'aurai fait le choix des Etudes, établi leur place, etc., que vous revoyiez tout cela, pour certains petits détails de mise au point... Et, je suis ambitieux! *je souhaiterais alors* que le livre portât: «*traduction de Valère Brussov*», en même temps que vous voudriez bien me faire l'honneur, vous et M. Poljakoff, d'accepter la dédicace de remerciement que j'attacherais au volume?

Si ce projet vous paraît valable, je vous serais reconnaissant d'en parler à M. Poljakoff comme si c'était moi-même, si j'avais ce plaisir. — Je crois donc bien faire, à tout hasard, en vous disant les conditions dans lesquelles nous pourrions traiter. (Mais, cependant, dites en même temps à M. Poljakoff que ses conditions, si elles sont autres, *m'agréent d'avance*). Ce pourrait être ceci:

1. Vente à M. Poljakoff de la *propriété absolue* de ce volume, dont il tirerait autant d'exemplaires et d'éditions qu'il lui conviendrait.

2. Du fait de cette propriété devenant sienne, droit pour lui de traiter comme bon lui semblerait pour toutes traductions et pour tous pays, à son seul profit. Sauf pour la France et la Belgique, pays de langue française, où je garderais droit de publier ce livre en français. *A moins, cependant, que M. Poljakoff le veuille faire lui-même pour Paris.* Auquel cas, j'abandonnerais tout, naturellement.

3. Quant aux honoraires en ces conditions: *je m'en remets entièrement à lui.* Il fixerait lui-même ce qu'il croirait juste, — en même temps que vous traiteriez vous-même avec lui, en tant que traducteur, arrangeur et correcteur du volume.

— Et voilà. Je n'ai plus qu'à m'excuser de la peine que je me permets de vous donner, si, dis-je, votre avis à ce propos est conforme au mien: de l'intérêt qu'il y aurait à faire ce volume, certes d'informations uniques.

— J'espère que vous êtes en parfaite santé, ainsi que Madame. — J'ai les meilleures nouvelles à vous donner de Mme Ghil qui reprend forces de jour en jour, et commence à sortir un peu. Les mauvaises heures sont derrière nous...

Avec tous mes remerciements, agréez, mon cher ami, l'affectueuse poignée de main de vôtre,

René Ghil

51. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 5 декабря 1907 г.[1]

Дорогой друг и большой Поэт!

Посылаю Вам вместе с этим письмом короткую заметку о поэме «Симона», предваряя ее некоторыми соображениями о Гурмоне, чтобы возбудить интерес у читателя. Книжечка очень изящная и потому *изысканная*.

Это последний материал *для № 12*[2]. (Вы ведь получили рецензии на две книги Клоделя и на книгу Сен-Поль Ру?)[3]. А через несколько дней я пошлю Вам «резюме поэтического года» *для № 1*. Оно будет интересным, отмеченным поражением мертворожденной поэтической *реакции*, не создавшей ничего, кроме нескольких сборников, принесших их авторам премии![4] Но вот уже открываются Новые поэты, на которых, как мне кажется, можно серьезно рассчитывать. Мы уже обсуждали четверых из так называемой группы «Аббатство»[5]. Я расскажу теперь о другой группировке, опубликовавшей в этом году, совсем недавно, на севере Франции, в Лилле и Аррасе, а теперь и в Париже журнальчик антологического типа «Бандо д'ор», в котором утверждается жизнеспособная оригинальность[6].

Я представлю Джона Л. Шарпантье, уже упомянутого мною в «Весах»[7], а также еще одного автора — Жоржа Бернара, выпустившего книгу в издательстве «Мессен»[8].

Еще примечательней то, что эти молодые люди, не общающиеся между собой (я надеюсь, что движение все-таки сплотится), приходят примерно к одним и тем же выводам в своих суждениях о предшествующем поколении, а также о людях, способных, на их взгляд, обрести мощь в будущем, людях, от которых они более или менее отталкиваются.

Я попросил у них для своей статьи заметки, которые мне крайне пригодятся. Их суждения подтверждают положения, изложенные мною в «Весах», об изученной мною роли и влиянии поэтов, выдвинувшихся вчера. Сфера их восхищения охватывает целиком все великие имена Символизма — эта способность восхищаться, ставшая редкостью за последние несколько лет, прежде всего привлекает меня в этой группе и поощряет меня к предсказанию им успеха. Однако особое восхищение они испытывают перед Верхарном, извлекая из Символизма, в качестве направляющей линии в искусстве, главным образом тенденцию *Вьеле-Гриффена*. Что же касается направляющей линии мышления, то здесь все они сторонники *Научной поэзии*, действующие в согласии с ее вселенским смыслом[9].

Я рад, хотя к моей радости примешивается неведомый страх от мысли об ответственности, которую они заставляют меня возложить на себя, рад такому подходу этих молодых людей, чья преданность представляется мне подлинной, рад их готовности идти без компромиссов навстречу будущему. Я пламенно верю в пробуждение во Франции чувства ответственности, в возрождение поэтической гордости! Что ж, посмотрим, я продолжаю надеяться...

А теперь, дорогой друг, я хочу предложить Вам ниже следующий проект, который, если Вы согласитесь, я прошу Вас представить г-ну Полякову:

Когда я имел честь получить от редакторов «Весов» приглашение сотрудничать, честь, до сих пор живо ощущаемую мною, когда сразу после моей первой статьи Вы задали мне вопрос, не согласен ли я *в принципе* на публикацию книгоиздательством «Скорпион» на русском языке сборника моих критических откликов, очерков и проч., я ответил, что для меня это было бы огромной радостью[10].

В случае, если г-н Поляков не изменил своему намерению, подходящий момент для такой публикации, на мой взгляд, наступил. Такая книга, состоящая из

основных исследований и критических отзывов, охватила бы *совокупность* исторических событий, без сомнения, синтезируя все достижения и тенденции начиная с 1885 года до нашего времени, отмеченного, насколько я вижу, появлением нового движения, логически вытекающего из движения первоначального. Мне недостает только очерка о Малларме[11], который я тотчас же напишу, одновременно с этим присоединив к нему расширенный вариант статьи о *Научной поэзии*, напечатанной в газете «Мессидор»... [12]

Надеюсь, мой дорогой друг, что переводчиком всего цикла моих статей будете Вы. Если Вы не откажете в моей просьбе, то я хотел бы, чтобы после отбора очерков, определения им места и т. п. Вы взяли на себя редакцию сборника, уточнение деталей окончательной отделки, оформление... И у меня амбициозные планы! *Я мечтаю*, чтобы на книге значилось: *«перевод Валерия Брюсова»*. В то же время я просил бы Вас и г-на Полякова принять благодарственное посвящение, которым бы я предварил книгу.

Если этот проект кажется Вам приемлемым, я буду благодарен, если Вы поговорите с г-ном Поляковым так же, как поговорил бы с ним я, если бы имел подобное удовольствие. Считаю правильным выслать Вам на всякий случай условия, на которых мы могли бы договориться. (Вместе с тем прошу Вас сообщить г-ну Полякову, что если он захочет предложить другие условия, *могу заранее сказать, что они меня устраивают*.) Условия могли бы быть следующими:

1. Передача книги *в полную собственность* г-ну Полякову с правом напечатать любое количество экземпляров по своему усмотрению при любом числе переизданий.

2. В связи с передачей книги в его собственность свободное распоряжение по собственному усмотрению правом на любой перевод в любой стране единственно к его собственной выгоде. За исключением Франции и Бельгии, франкоязычных стран, в которых я сохраняю за собой право публикации книги на французском языке. *Если только г-н Поляков не захочет сам издать ее в Париже.* В таком случае я, естественно, отказываюсь от всех своих прав.

3. Что касается гонораров, то на этих условиях *я целиком полагаюсь на него.* Он сам установит сумму, которую сочтет справедливой. При этом Вы сами договариваетесь с ним относительно Вашего участия в качестве переводчика, редактора и корректора книги.

Ну вот и все. Мне остается только просить у Вас прощения за труд, который я Вам навязываю, если, как я сказал, Вы придерживаетесь того же мнения, что и я: мнения о том, что подобная книга вызовет интерес содержащейся в ней информацией, безусловно, уникальной.

Надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и Ваша супруга тоже. У нас новости лучше, чем в прошлый раз: г-жа Гиль с каждым днем обретает силы и уже начала понемногу выходить из дома. Грустные часы стались позади...

Примите, дорогой друг, всю мою благодарность и сердечное рукопожатие.

Рене Гиль

[1] В рукописи ошибочно — 1905. Датируется по содержанию.

[2] Рецензия на второе издание «сельской» поэмы («poème champêtre») Реми де Гурмона «Симона» («Simone» — впервые в 1901 г.) была опубликована не в № 12 за 1907 г., как предполагал Гиль, а в № 1 за 1908 г. В своей рецензии он отметил, что «в этой маленькой книжке, не предназначенной для критики, — много прелести и истинного мастерства» (С. 124), так много, что при чтении ее «как-то забываешь об этом философе, привыкшем судить людей и дела и находить их слишком легкими» (С. 125). Примирение Гиля с Реми де Гурмоном, «этим воинствующим адептом Символизма» (С. 124), объяснялось довольно просто: «из всех "символистов" он один ни разу не позволил себе замалчивать или сознательно унижать своих литературных противников» (Там же).

[3] См. соответственно примечания 4 и 5 к письму № 50.

[4] В основу своей обзорной статьи «Французская поэзия в 1907 году», опубликованной, как он и предполагал, в № 1 «Весов» за 1908 г., Гиль положил тезис о том, что во Франции «рядом сосуществуют две отдельные, враждебные друг другу литературы; больше того — две поэзии, почти непостижимые друг для друга» (С. 111). Первая из них «соответствует, или стремится соответствовать, консервативному идеалу, враждебному всяким новшествам. Она обращается к умам, привыкшим к однообразию или к традиционной рифмованной риторике, в которой развиваются общие места сантиментализма и героизма, заменяющие идеи. Эта поэзия ничем не смущает обычного миросозерцания, принятого громадным большинством, и гордится своим пониманием мира, над которым она никогда не задумывалась. Консервативная поэзия пользуется официальным признанием» (Там же). Не приведя ни одного имени из этой массы ловкачей, пользующихся покровительством академических сфер, Гиль перешел ко второй группе, которая, «несмотря ни на что, ведет нас в грядущее» и «составляет честь Франции». Эта «истинная» поэзия не признается университетскими кругами, ее «Франция не понимает (хотя ее понимают избранные круги за границей) — эта другая поэзия таит в себе такую энергию общего развития, несет в себе столько семян будущего посева, что она кажется чуждой тому времени, в котором она возникает. К этой [...] поэзии в разные времена принадлежали, если называть только самые редкие и необходимые имена, Андрэ Шенье, Гюго, Виньи и Бодлэр, Маллармэ» (С. 111—112). Именно приверженцам второй группы, выделяющимся из «аморфной массы подражателей» (С. 112), уделял Гиль внимание в своих статьях и рецензиях на протяжении всего 1907 г., но терпение его наконец иссякло и теперь он счел «нужным сказать несколько слов о книгах, которые в свое время прошел молчанием, но которые обладали даром — понравиться распределителям разных премий и наград, может быть, не без подготовительных рекомендаций и интриг» (Там же). Сведения о таких книгах Гиль взял из доклада, прочитанного Гастоном Буассье по поводу премий, присужденных Французской Академией, и главным образом по поводу лауреата первой премии Элен Пикар, получившей награду за свой сборник «Вечный миг» («L'Instant éternel»). Высмеивая утверждение докладчика о том, что книга Э. Пикар «не сборник различных пьес, связанных искусственно», а книга, претендующая на гармоничное «единство сюжета», в которой встречается «в высшей степени живое, очень прямое чувство, всегда отправляющееся от природы и от всеобщей жизни», Гиль, напротив, охарактеризовал «Вечный миг» как «сборник случайных стихов о любви и природе, передающих пылкие, но узко эготические чувства поэта», и закончил эту часть обзора следующими словами: «Однако, разве не забавно видеть, как академик, с робкой ловкостью и совсем не кстати, поет эту хвалу "единой и сложной поэме", на которую в течение долгих лет я указывал как на единственно достойную и которую в течение этих лет академики отвергали как незаконный род поэзии! И разве не нова эта внезапная страсть академика к "чувству всеобщей жизни", о чем всегда твердила моя, Академией не признаваемая, "Научная поэзия"?» (С. 112—113).

[5] В качестве преемника «великого движения конца девятнадцатого века» Гиль в своем обзоре назвал «союз четырех молодых поэтов, Шарля Вильдрака, Эсмера-Вальдора (Александра Мерсеро), Жоржа Дюамеля и Рене Арко[са]», из которых двое — Дюамель и Аркос «открыто заявили себя на стороне принципов "Научной поэзии"» (С. 114). Об этих поэтах см. примечания 7 и 8 к письму № 35.

[6] Характеристике ежеквартального журнала или периодической антологии «Bandeaux d'or» Гиль посвятил вторую половину своей статьи «Французская поэзия в 1907 году». «Чтобы определить направление "Bandeaux d'or", — сообщал он русскому читателю, — лучше всего воспользоваться словами одного из участников журнала. Вот, что говорит Пьер Жув за себя и за своих товарищей: "Нас соединило общее чувство преклонения и даже как бы культ, с каким мы относимся к таким именам, как Стефан Маллармэ, Жюль Лафорг, Верхарн, Рене Гиль, Вьелле-Гриффин, Гюстав Кан". Рядом с этими именами, несколько дальше, Жув упоминает еще два: Поля Клоделя и Мэтерлинка. Назначение "Bandeaux d'or" Жув определяет так: "Создадим в наши дни, являющиеся литературным маразмом, эпоху, подобную славной эпохе недавнего прошлого. Создадим художественный журнал, который мог бы стать воистину французским вестником "Mercure de France", журнал, все значение которого было бы в творческих созданиях, а не в критике!"» (С. 115).

Анализируемый Гилем журнал — «Bandeaux d'or» — выходил с перерывами между 1907 и 1914 гг. и представлял собой собрание современных стихов и прозы. На его страницах появлялись стихотворения Анри де Ренье, Верхарна, Вьеле-Гриффена, Альбера Мокеля, поэтов «Аббатства». С редактором журнала, Полем Кастио, Брюсов неоднократно встречался в Париже во время своего путешествия 1908 г. (Дневники. С. 141). Поль Кастио, — писал о нем Гиль, — «сумел пробить эготическую кору, покрывавшую его прекрасный талант, и в своих новых созданиях прославить роскошь жизни, пронизанной как бы пьяными ощущениями» (Весы. 1908. № 1. С. 115).

[7] Начинающий журналист, литературный критик и поэт Джон Л. Шарпантье (1880—1949) был в описываемый период одним из ближайших «подопечных» Гиля и, пожалуй, самым верным приверженцем «научной поэзии». Заявление Гиля о том, что он уже упоминал это имя в «Весах», противоречит его собственным словам, напечатанным в том же журнале: «Наконец, — завершал он статью «Французская поэзия в 1907 году», — в конце этих беглых заметок, мне хочется отвести место поэту, о котором я еще ни разу не имел случая говорить, так как он не издал ни одной книги, но имя которого несомненно будет связано с новым движением французской поэзии. [...] Молодой человек, 26 лет, в крови которого есть наследие предков французских и ирландских, Шарпантье не спешит выступать со сборником. [...] Он может, поистине, быть назван поэтом научной поэзии, и те его стихи, которые он мне показывал, имеют большое значение, общечеловеческое и философское» (С. 116). Свою задачу Гиль видел, однако, не в том, чтобы прославить Шарпантье как поэта, а в том, чтобы «остановить внимание читателя [...] на тех его заметках о поэзии, которые он сообщил» своему наставнику. В качестве подтверждения искренности Шарпантье Гиль цитирует его творческое кредо: «Я исхожу из того идеала поэзии, которое не соответствует более ее определению, сделанному Ламартином: воплощение самого интимного и самого божественного, что есть в мыслях человека... Я стремлюсь к поэзии, которая не будет освещаема наукой только извне, через разные посредства, но которая будет излучать этот свет изнутри, как если бы она сама была наука» (Там же). Впоследствии, при содействии Гиля, Дж. Шарпантье опубликует корреспонденции в «Весах», а после их закрытия — в «Аполлоне». Его дальнейший творческий путь характеризуется, однако, отходом от сциентизма. Работая в нескольких жанрах, он на протяжении своей литературной карьеры выпустит более десяти биографий — от Бодлера до Наполеона, а также несколько романов, стихотворных сборников, многочисленные эссе и книгу об истории символизма («Le Symbolisme», 1927), в которой Гилю не будет отведено никакого места. Значение

Шарпантье, ныне совершенно забытого, было неоправданно преувеличено на страницах «Весов», что не могло не привести к искажению восприятия его достижений в глазах русских поэтов. Ср. предварительные заметки А. Белого к его позднейшей статье «О французских символистах» (1918): «*Charpentier* — поэт, близок к "научникам"; пишет и заметки... "Образы и ритмы — вот средства поэту, чтобы выразить свою индивидуальность, но содержание его вдохновения не должно быть индивидуальным" (слова Шарпантье)» (Неизданные статьи Андрея Белого / Публикация А. В. Лаврова // Русская литература. 1980. № 4. С. 176).

[8] Вероятно, описка Гиля. В 1908 г. издательство «Messein» выпустило книгу Альфреда Бернара «Колоски и воспоминания» («Glanes et souvenirs»). Отзыв о книге поэта по имени Жорж Бернар в журнале опубликован не был.

[9] «Стремление своей группы, — сообщал Гиль, — Жув определяет как новоязычество, — термин, приблизительный, в котором, однако, не должно видеть возвращения к парнасству, но призыв к священному оргиазму жизни, выраженному в музыке и самопроизвольности ритмов. Символизм в глазах этой группы есть дивная форма искусства, которая создала новый способ чувствовать, воспринимать и понимать. Говоря о научной поэзии, Жув выражается так: "Вместе с Рене Гилем, мы верим, что возникнет новое искусство, непобедимо всеобщее, в котором сольются научное творчество и творчество художественное, воплощая в себе всемирную гармонию"» (Весы. 1908. № 1. С. 115).

[10] См. примечания 11 к письму № 1 и 9 к письму № 2.

[11] См. примечание 16 к письму № 34.

[12] См. примечания 4 и 5 к письму № 41.

52. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 6 Février 1908

Mon cher grand ami,

Je vous envoie ici les comptes-rendus de cinq volumes de vers, — sans cependant prendre trop de pages, car je [n'ai eu qu'à] m'étendre[1]. Mais aussi, je me suis souvenu (que je vous prie de faire passer en le No. 2, en même temps que ceux-ci), que vous avez les comptes-rendus sur le livre, intéressant et dont on a parlé ici, de M. Thalasso[2], — et sur le poème de Gourmont qui me l'a donné pour le compte-rendu à la *Balance*, bien qu'il n'ait fait aucun service de Presse[3].

Je vous demande de donner *le tout en ce No. 2*, — continuant ainsi de deux en deux mois: cette méthode qui me semble parfaite, et par quoi nous évitons l'encombrement, mais surtout donnons sans retard ce qui mérite l'attention de vos lecteurs[4]. —

Avez-vous eu le temps de songer à ma lettre, où je vous soumettais un projet d'édition d'un choix de mes Etudes. — Et avez-vous jugé bon d'en parler à M. Poljakoff, s'il se trouve en ce moment à Moscou?[5]

Les circonstances m'amènent à faire ici un travail résumé de ce genre. Une grande entreprise d'édition Franco-Belge va lancer, de romanciers, et de poètes aussi les plus connus, peu cependant, une sorte d'anthologie. Mais, chaque auteur sera représenté par un petit volume d'une cinquantaine de pages. Il paraîtra un volume par semaine.

Pages de reproductions, ou d'inédits, précédées d'une Biographie, bibliographie, autographe et portrait. Chaque volume, tiré à très grand nombre, coûtera 0 f 10 c![6]

Mis sur la liste éventuelle de cette année, l'on est venu me voir. J'ai refusé des vers, — mais je suis d'accord pour un travail où entreront plusieurs articles ou études de commentaires donnés de divers côtés, que je remanierai, dont je ferai un tout, sous le titre: *Commentaires de Poésie scientifique*[7].

Ce sera là de l'excellente et probe vulgarisation. J'en suis donc très content. Je dois donner ce travail vers le 20 de ce mois.

Fin de ce mois, je compte vous adresser mon tome II de *Voeu de Vivre*: je viens enfin d'en donner le *bon à tirer* général[8].

Tous ces temps, je n'ai pu malheureusement me faire donner une idée, par un traducteur, de votre Roman. J'espère pouvoir le faire sous peu[9], — et avoir aussi traduction de quelques-uns de vos poèmes qui ont place en l'anthologie allemande du poète M. Eliasberg[10]. Je vous remercie infiniment de ces envois de votre fidèle amitié, très précieux pour moi.

J'espère, avant peu, de vos bonnes nouvelles. Madame et moi, vous prions de nous rappeler au souvenir de Madame Valère Brussov.

Bien votre ami,

René Ghil

J'ai appris, voici une quinzaine, que Balmont venait de se casser la jambe en tombant. Ce fut à Bruxelles, alors qu'il allait prendre le train pour rentrer à Paris. Mais peut-être l'avez-vous appris? Je n'ai eu de nouvelles depuis, mais je pense qu'aucune complication n'est survenue[11].

52. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 6 февраля 1908 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Посылаю Вам рецензии на пять сборников стихов, не занявшие, тем не менее, большого числа страниц, поскольку я едва смог достичь отведенного объема[1]. К тому же я вспомнил, что у Вас уже есть заметка об интересной книге Талассо[2], о которой здесь говорят (прошу Вас поместить ее в № 2 вместе с посылаемыми материалами), а также заметка о поэме Гурмона, полученной мною от него лично для отзыва в «Весах», хотя он и не предусматривал специальных рецензионных экземпляров[3].

Прошу Вас поместить *все эти материалы в № 2*, продолжая таким образом публиковать рецензии в двух номерах через каждые два месяца в согласии с принципом, который я нахожу безукоризненным. Следуя ему, мы избегаем перенасыщения рецензиями и, главное, даем без опоздания все, что заслуживает внимания читателей журнала[4].

Нашлось ли у Вас время подумать о письме, в котором я представил проект издания своих избранных статей? Посчитали ли Вы уместным обсудить его с г-ном Поляковым, если он находится в настоящее время в Москве?[5]

Обстоятельства складываются таким образом, что я предприму подобную обобщающую работу здесь, во Франции. Крупное франко-бельгийское издательство намеревается выпустить нечто вроде антологической серии, состоящей из произведений наиболее известных романистов и (увы, немногочисленных) поэтов. Каждый автор будет представлен небольшим томиком страниц на пятьдесят. В неделю будет выходить по одному тому. Перепечатка опубликованного или публикация неизданного, а вначале — биография, библиография, факсимиле и портрет. Каждый томик, выпущенный очень большим тиражом, будет стоит ноль франков 10 сантимов![6]

Поставив мою книгу в список изданий, планируемых к выпуску в нынешнем году, издатели пришли ко мне с визитом. Я отказался дать стихи, но согласился составить сборник, куда вошло бы несколько статей или объяснительных эссе, которые были опубликованы в разных местах и которые я бы отредактировал и объединил в целое под заглавием «Комментарии к научной поэзии»[7].

Выйдет прекрасная, честная популяризация. Я этим очень доволен. Я должен сдать эту работу не позднее двадцатого числа текущего месяца.

В конце этого месяца я предполагаю послать Вам второй том «Обета жить»: я наконец поставил на нем финальное *«К печати»*[8].

За все это время я, к сожалению, так и не придумал, какому переводчику предложить Ваш роман. Надеюсь сделать это в ближайшее время[9]. Надеюсь также получить перевод нескольких Ваших стихотворений, опубликованных в немецкой антологии Элиасберга[10]. Бесконечно благодарю Вас за то, что Вы прислали мне эти знаки верной дружбы, крайне для меня драгоценные.

Надеюсь скоро получить от Вас добрые известия. Мы с супругой просим Вас напомнить о нас г-же Брюсовой.

Ваш искренний друг

Рене Гиль

Недели две назад я узнал, что Бальмонт упал и сломал ногу. Это случилось в Брюсселе при посадке на поезд, отправлявшийся в Париж. Но, может быть, Вы уже об этом знаете? С тех пор у меня нет о нём известий, но надеюсь, что никаких осложнений не произошло[11].

---

[1] Речь идет о рецензии на переиздание сборника Ф. Вьеле-Гриффена «Поэмы и стихотворения» («Poèmes et Poésies»), а также о рецензиях на сборники Шарля Вильдрака «Образы и миражи» («Images et Mirages»), Эдгара Баэса «Корона из инея» («Couronne de Givre»), Николя Деникера «Стихи» («Poèmes») и Андре Вальвиюса (André Valvius) «Базар» («Bazar»). Отзывы о названных книгах были опубликованы в № 3 за 1908 г. под объединяющим заголовком «Новые сборники стихов. Письмо из Парижа».

[2] См. примечание 1 к письму № 54.

[3] Новое издание поэмы Реми де Гурмона «Симона» (см. примечание 2 к письму № 51) было осуществлено издательством «Mercure de France».

[4] В действительности публикации имели место в такой последовательности: рецензия на книгу Гурмона была помещена в № 1, на книгу Талассо — в № 2, остальные были опубликованы только в марте.

[5] См. предыдущее письмо (№ 51).

[6] Речь идет о проекте брюссельско-парижского издательства «Литературный листок» («La Feuille Littéraire») опубликовать библиотеку под названием «Полное собрание сочинений за 10 сантимов» («L'Oeuvre complète pour 10 centimes»).

[7] Книга Гиля «О научной поэзии» («De la poésie scientifique»), представляющая собой упрощенный комментарий к его ранее изложенным теориям, в библиотеке «La Feuille Littéraire» не издавалась и вышла в 1909 г. в парижском издательстве «Gastein-Serge» в серии «Дух времени» («L'Esprit du Temps»). Экземпляр книги стоил 1 франк.

[8] Мнение Брюсова об этой книге см. в примечании 14 к письму № 53.

[9] В январе 1908 г. первая часть романа Брюсова «Огненный ангел» была издана отдельной книгой. С февраля 1908 г. «Весы» приступили к публикации второй части романа.

[10] Брюсов послал Гилю изданный в Германии сборник «Современная русская поэзия» («Russische Lyrik der Gegenwart». München und Leipzig, 1907) в переводах А. Элиасберга.

[11] О несчастном случае, происшедшем с Бальмонтом, существуют противоречивые сведения, наиболее достоверными из которых является, по нашему мнению, рассказ Е. А. Бальмонт: в Брюсселе Бальмонт сильно пил и однажды «в невменяемом состоянии спрыгнул с балкона со 2 этажа на мостовую, не разбился, только сломал себе левую ногу» (Цит. по: ЛН 1991. С. 195n).

53. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 27 Février 1908

Mon bien cher ami,

Pardonnez-moi de n'avoir répondu aussitôt, comme je l'eusse désiré (travail à livrer pour L'Edition anthologique dont je vous parlais[1]), et tout d'abord pour vous exprimer la part que mon amitié affligée prend au deuil si grand qui vous a frappé[2]... C'est une grande douleur, toujours, quand s'en vont le père et la mère: quelque chose au principe de nous se détruit, et il me semble que nous en chancelions un temps. Votre père, du moins, qui dut vous comprendre, vous a vu poète déjà glorieux, et a pu mesurer l'étendue que vous apportez à votre nom pour l'avenir. Je vous prie, et Madame Valère Brussov, d'agréer nos sympathies émues. —

Je vous remercie de la bonne amitié qui vous fait me répondre à la proposition d'édition que je *vous soumettais*, que je remettais à votre entendement et celui de M. Poljakoff — qui êtes meilleurs juges que moi. Et, sincèrement aussi, vous avez raison, — et le projet repris plus tard, en les mêmes lignes qui avaient d'abord été prévues, sera infiniment plus intéressant[3]. Donc, bien convenu, et merci. Dites-le aussi à M. Poljakoff avec mes compliments.

Et aussi merci, de me permettre de continuer ces *Lettres sur la Poésie Française* que j'avais dû remettre, — ce qui me peinait. C'est pourquoi, d'ailleurs, et pour rendre l'actualité plus grande et plus attrayante pour vos lecteurs, — je saisissais l'occasion, à propos de certains livres, de rappeler le Passé et, ainsi, suppléer aux *Lettres* de mon programme.

Je suis donc tout acquis à votre dessein de reprendre ces *Lettres*, en intercalant entre elles, selon l'actualité *la plus pressante*, des comptes-rendus *courts* des livres absolument valables; de ceux d'hier ou de ceux qui me semblent devoir apporter une part à Demain.

Je vous remercie d'avoir fait passer, dès ce No. (que je viens de recevoir, superbe et superbement composé[4]), le compte-rendu sur R. de Gourmont[5]. — J'ai vu avec plaisir que M. Poljakoff a donné *les Flaireurs* de Van Lerberghe[6]. Cela permettra à vos lecteurs la comparaison avec Maeterlinck dont *l'Intruse,* comme je l'ai dit à la *Balance*, vint après cette pièce si caractéristique[7]. —

Vous avez donc *pour le No. 2*, de moi, les comptes-rendus sur Thalasso, et les autres de mon dernier envoi[8]. Je crois cela suffisant? Si non, vous m'enverriez un mot, n'est-ce pas?

Pour le No. 3, je vous enverrai *Lettre sur la Poésie Française* — un *Mallarmé*. Un premier article: *Mallarmé. — Sa première Oeuvre*. En un autre, j'étudierai *Sa seconde oeuvre*.

La première ira jusqu'à *l'Après-midi d'un Faune*[9], — c'est-à-dire, étude des attaches Baudelairiennes. Avec une psychique générale de Mallarmé[10]. La deuxième partira du *Faune*. Et j'éluciderai l'influence qui détacha Mallarmé de son inspiration Baudelairienne, des poèmes contenus dans le *Parnasse [contemporaine]*. Mallarmé subit alors l'influence de Banville, — cela ressort du *Faune*, et n'a pas encore été remarqué du moins en France. Je crois, ailleurs non plus[11]. Donc, c'est bien entendu, *pour le No. 3, Mallarmé*, une dizaine de pages, ce premier article.

Au No. 4, je vous donnerai quelques comptes-rendus: *Les visages de la Vie*, de Verhaeren[12], *La Figure de Prose*, de Mme Delarue-Mardrus[13], quelques autres, qui viennent seulement de paraître.

Si vous vouliez plus tôt l'un de ceux-ci, vous me le demanderiez, n'est-ce pas? —

Mais, je vous prie, et en général, ayez la bonté de toujours me prévenir, me dire ce que vous souhaitez de moi au mieux de l'intérêt de la Revue. —

Dans quelques jours, je pourrai vous adresser, et vous prier d'agréer, le tome second du *Voeu de Vivre* nouvelle édition. Si vous en trouvez le temps, aurai-je le plaisir de quelques lignes *de vous* sur ce tome et le tome I? J'aurais grand plaisir de votre avis, — mais, dis-je, sans prendre de votre temps si pris de travail[14].

Permettez-moi de vous remercier encore de tout le soin que vous prenez si amicalement à me faire plaisir, et à bientôt de vos nouvelles et des miennes. — Mais, ne devriez-vous pas, ce printemps, venir à Paris?[15] Voilà ce qui serait grande joie pour nous!

Le bien vôtre,

René Ghil

53. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 27 февраля 1908 г.

Дорогой мой друг!

Прошу извинить меня за то, что, несмотря на все желание, я не смог ответить Вам раньше (я должен был сдавать работу для антологической серии, о которой Вам писал)[1]. Ответить прежде всего для того, чтобы выразить дружеское соболезнование по поводу постигшего Вас горя, сразившего и меня...[2] Уход из жизни отца и матери — всегда источник жестокой боли: в самой нашей сути что-то разрушается, и мы как будто некоторое время нетвердо стоим на ногах. Но Ваш отец, верно, понимал Вас и, по крайней мере, успел увидеть Вас в расцвете поэтической славы, сумел оценить величие, которое Вы придаете имени Брюсовых для грядущего. Прошу Вас и г-жу Брюсову принять выражение нашего сочувствия и участия.

Благодарю Вас за проявление искренней дружбы — за ответ на предложение издать мою книгу, которую *я представил* на Ваш суд и на суд г-на Полякова: Вам легче оценить ситуацию, чем мне. Если быть откровенным, Вы правы: будет бесконечно интереснее вернуться к этому проекту позднее, придерживаясь тех же направлений, какие были оговорены с самого начала[3]. Итак, будем действовать, как условились, и еще раз благодарю. Передайте это, пожалуйста, г-ну Полякову с моими наилучшими пожеланиями.

Благодарю Вас также за то, что Вы даете мне возможность продолжать «Письма о французской поэзии», которые, к моему огорчению, мне пришлось отложить. По этой, кстати сказать, причине, а также для того, чтобы ваши читатели имели возможность знакомиться с еще более современными, еще более привлекательными материалами, я воспользовался случаем напомнить о Прошлом в связи с выходом ряда книг, дополняя таким образом некоторые «Письма» из моей программы.

Итак, я целиком одобряю Ваше намерение возобновить публикацию «Писем», чередуя их — при условии *самой жгучей* актуальности — с *короткими* рецензиями на книги неоспоримой ценности, олицетворяющие прошлое или вносящие, на мой взгляд, свою лепту в осуществление Завтрашнего.

Благодарю Вас за то, что Вы уже приступили к осуществлению этого плана в последнем номере (который я только что получил и который я нахожу великолепно набранным и оформленным[4]), поместив в нем отзыв о книге Реми де Гурмона[5]. Я был рад увидеть в нем пьесу Ван Лерберга «Они почуяли»[6], переведенную г-ном Поляковым. Это позволит Вашим читателям сравнить ее с Метерлинком, чья «Втируша», как я писал в «Весах», проистекает из этой своеобразной пьесы[7].

Для № 2 у Вас, таким образом, есть из моих материалов рецензия на книгу Талассо и еще несколько других, посланных мною в последний раз[8]. Кажется, этого достаточно? Если нет, черкните мне словцо, не так ли?

Для № 3 я пошлю Вам из «Писем о французской поэзии» одну статью из цикла «Малларме». Первая статья: «Малларме. — Его первые произведения». В другой статье я рассмотрю «Его последующие произведения».

Первая дойдет до «Послеполуденного отдыха Фавна»[9], т. е. будет посвящена изучению его связей с Бодлером. При этом будет дана общая психология Малларме[10]. Вторая статья будет отталкиваться от «Фавна». Я проясню влияния, которые увели Малларме от вещей, навеянных Бодлером и опубликованных в «Современном Парнасе». Малларме пережил в то время влияние Банвиля, — это явствует из «Фавна». На это никто до сих пор не обратил внимания, по крайней мере во Франции. Да, собственно, я думаю, и в других странах тоже[11]. Итак, решено: *в № 3 — Малларме.* Первая статья — страниц на десять.

В № 4 я дам Вам несколько рецензий: на «Лики жизни» Верхарна[12], на «Олицетворение прозы» г-жи Деларю-Мардрюс[13] и еще на несколько книг, только что появившихся.

Если какая-нибудь из этих рецензий потребуется Вам раньше, Вы мне сообщите, верно?

И вообще, прошу Вас, сделайте одолжение, сообщайте мне заранее, какие материалы Вы от меня ждете, какие материалы будут лучше отвечать интересам журнала.

Через несколько дней у меня появится возможность послать Вам в подарок второй том нового издания «Обета жить». Если у Вас найдется время, доставите ли Вы мне удовольствие, написав несколько строчек об этом томе и о томе первом? Я был бы очень рад услышать Ваше мнение, но только в том случае, если это не оторвет у Вас времени от работы — при Вашей занятости![14]

Разрешите мне еще раз поблагодарить Вас за те хлопоты, которые Вы дружески берете на себя из любезного отношения ко мне. Надеюсь скоро написать Вам или получить от Вас письмо, когда появятся новости у Вас или у меня. А не собирались ли Вы этой весной приехать в Париж?[15] Такой приезд явился бы для нас огромной радостью!

Искренне Ваш,

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 6 к письму № 52.

[2] 7 января 1908 г. скончался отец Брюсова Яков Кузьмич. Письмо Брюсова с этим и другими сообщениями до нас не дошло. С января по июль 1907 г. Яков Кузьмич находился на лечении в Париже (ЛН 1994. С. 430). О том, были ли у него встречи с Гилем, нам ничего неизвестно.

[3] См. письмо № 51.

[4] Гиль имеет в виду № 1 «Весов» за 1908 г., оформленный художником Н. П. Феофилактовым, выполнившим обложку, разделительные надписи и фронтиспис к первому отделу. Новизна композиции по сравнению с предыдущими номерами состояла в том, что каждый новый жанровый отдел начинался теперь чистой страницей с ограничительным заголовком. В номере были также помещены 4 рисунка художника: «Венера», «Веер», «У пальмы» и «Ложь».

[5] См. примечание 2 к письму № 51.

[6] В переводе С. Полякова одноактная пьеса Ш. Ван Лерберга полностью называлась «Они почуяли. Маленькая драма в трех действиях для театра фантошей».

[7] В своей давней рецензии на книгу стихов Ш. Ван Лерберга «Песня Евы» (Весы. 1904. № 4) Гиль остановился на инсинуациях, связанных в свое время с пьесой «Они

почуяли»: «Я упомяну, как пример недобросовестности, увы! нередкой, что по поводу Flaireurs Ван Лерберга обвиняли в плагиате у Мэтерлинка! Но даты не исчезают: Les Flaireurs появились в 1889 г., а L'Intruse Мэтерлинка помечена 1890 годом, — расстояние в 12 месяцев! Их личности притом достаточно отличны, так что невозможно сказать и о Мэтерлинке, что он подражал резко-новым и поражающим приемам Flaireurs. Разве только бессознательно сказались в L'Intruse отголоски не так давно прочитанной Мэтерлинком новой драмы» (С. 56).

[8] См. примечание 1 к письму № 54 и примечание 1 к письму № 52.

[9] Речь идет о знаменитой эклоге С. Малларме, ознаменовавшей революционный разрыв символистской поэзии с поэзией традиционной после того, как в 1875 г. это произведение было отвергнуто редакцией третьего выпуска альманаха «Современный Парнас». В 1876 г. эклога была опубликована отдельной книгой с иллюстрациями Э. Мане.

[10] Первая статья цикла о Малларме — лучшее из написанного Гилем для «Весов» — была напечатана не в мартовском, как предполагал Гиль, а в апрельском номере журнала за 1908 г. Несмотря на свое заглавие «Стефан Малларме, как человек», статья действительно рисовала скорее психологический портрет поэта, чем повествовала о его личной или творческой биографии. Основной пафос этюда заключался, однако, не в проникновении в глубины личности Малларме, а в изображении атмосферы, в которой вращался молодой стихотворец Рене Гиль на заре собственного творчества, атмосферы, заслуживающей, в силу самого этого факта, самых восторженных эпитетов: «В первый раз перед дверью Малларме я был около пяти часов пополудни, в марте 1885 года. Тогда я был совершенно чужд литературному миру, не имел никакого отношения к шумным, но неопределенным кружкам Монмартра или Латинского квартала и не был знаком ни с кем из "мэтров"» (Весы. 1908. № 4. С. 65). Триумфальное вхождение в литературу будущего мастера, с молодости введенного в «святая святых» поэтического храма, определило вдохновенный стиль повествования, стиль высокохудожественный, подражающий манере стихотворений в прозе Малларме: «В растворенные окна открывался с четвертого этажа вид на открытое небо над rue de Rome и на широкую арку, сквозь которую вокзал Сан-Лазарь выпускает почти беспрерывные содрогания своих поездов. Вечер был тих, немного влажен первой влагой зачинавшейся весны. Небо, загроможденное облаками над смертью солнца, было торжественно и великолепно» (С. 67). И далее: «Малларме говорил теперь со мною о той гордости, какую дает сознание, что зрелище мира ты понимаешь иначе, чем другие. Он говорил как первосвященник, посвященный в высшие тайны "Символа"» (С. 68). Для подтверждения своих слов Гиль обильно цитирует биографические свидетельства А. Моккеля, К. Моклера, Ф. Вьеле-Гриффена, отчасти споря с ними относительно философской подоплеки символизма, потерявшего, разумеется, всякое значение «после появления моей теории "Научной Поэзии"», после «1888 г., когда я дополнил свою Методу изложением моих философских принципов» (С. 72). За исключением этого места, Гиль, на протяжении всего очерка, а точнее — мемуаров, ни разу не сбивается с приподнятого тона, пока еще только намекая, что в последующих статьях ему придется затронуть «миросозерцание Малларме, выделяя из него разнородные элементы, ибо гениальное там было смешано с парадоксальным и порой химерическим...» (Там же).

[11] Подробно об эклоге «Послеполуденный отдых Фавна» Гиль писал в третьей статье своего цикла, отмечая, что в этом произведении зрелого, но еще не уникального Малларме присутствует «музыкальная нежность, еще небывалая, стиха, [...] искусство, совершенно новое, в сочетании этих стихов, в умении придать им драматизм, сообразно с развитием мысли! И, на протяжении всей поэмы, какое благородство поэтического выражения, какой, скажу я, гиератический лиризм» (Весы. 1908. № 11. С. 69—70). И далее: Малларме здесь — «уже тот поэт, которого мы поставили на первое место среди всех наших предшественников» (С. 71), это автор, который «сумел придать своему стиху напряженную мелодичность, до него совершенно неизвестную во французской поэзии» (Там же).

В отношении воздействия на сюжет эклоги диалогических поэм Теодора де Банвиля Гиль допускает очевидное преувеличение, о чем свидетельствуют практически все современные литературоведческие изыскания. См., например: *Cohn Robert Greer*. Toward the Poems of Mallarmé. 1965; *Marchal Bertrand.* Lecture de Mallarmé. 1985 и др.

[12] См. примечание 2 к письму № 55.

[13] Рецензия Гиля на книгу Л. Деларю-Мардрюс в 1908 г. в «Весах» не публиковалась.

[14] Брюсов внимательно изучил эту книгу. Позднее, в одной из сносок к своей статье «Данте современности», написанной по случаю приезда в Россию Э. Верхарна, он подчеркивал: «Справедливость заставляет нас оговориться, что еще раньше Верхарена поэзию современного города стремился дать Рене Гиль в своей книге стихов “Le Voeu de vivre”, но книга эта не получила широкого распространения и никакого влияния на литературу не оказала» (впервые — в газете «День»: 1913. № 319, 25 ноября. Цит. по: *Брюсов В. Я.* Сочинения. В 2-х т. М., 1987. Т. 2. С. 387n).

Франкоязычная пресса действительно не удостоила книгу Гиля вниманием. Короткие отзывы о ней появились в газете «Travailleur Normand» (1908, 22 novembre) и в брюссельской воскресной газете «La Belgique artistique et littéraire» (1908, 1 juillet). За пределами Европы «Обет жить» отметил журнал «Revue Nord-Africaine illustrée», напечатавший короткую неподписанную заметку и поместивший фрагмент из книги.

Мнение о первенстве Гиля по отношению к Верхарну, особенно в части развития урбанистической темы, не раз высказывалось в русской печати. Так, Я. Тугендхольд, автор названной выше статьи «Город во французском искусстве XIX века», упоминает «старейшего ученика Гиля — Верхарна» (Современный мир, 1910. № 8. С. 160) и основывает анализ верхарновских городских сюжетов не столько на сопоставлении с воззрениями Гиля, сколько на противоречии между ними. Обобщая, Тугендхольд утверждает: «...как художник слова, он [Верхарн] во многом связан с техническими завоеваниями французской поэзии, со “свободным стихом” и “словесной инструментацией” Ренэ Гиля» (Там же) — и добавляет в сноске: «На это влияние указывают весьма сочувственные Гилю статьи, помещенные Верхарном в 1886 и 1887 гг. в брюссельском журнале “L’Art Moderne”» (Там же).

В той же статье Я. Тугендхольд дает подробное описание первого издания гилевской книги: «В одной из следующих поэм, “Voeu de Vivre” (1891), Ренэ Гиль переходит к городской современности. В прологе вздымается титанический образ Металлической башни, веющей жестокостью железа и угашающей своими огнями весь окрестный мир, — образ, повторяющийся, как лейтмотив, во всей поэме. Затем автор сразу вводит нас в огненное жерло современности, изображая жгучими красками, гортанно-шипящими звуками “торжествующую металлургию”, головокружительность приводных ремней и маховых колес, как бы символизирующих собою вечную торопливость города. Мы видим пыхтящий поезд, который, “подчеркивая ночь своими фонарями”, увозит людей из деревень и виноградников в города с чахлой зеленью, в города из железа и камня (“villes de pierres et de fér”), и этот мотив — “Из селений — в города”, как припев, проникает собою всю поэму. Мы видим и самый город, этого “нового эгоистического бога”, который рисуется Гилю в мрачных красках. “La ville est de pierre au passant de la vie”, — говорит он. И действительно, в этих городах железа и камня царствуют и днем, и ночью хищность и коварство; здесь старые зовы в чувствах людей (“les vielles voix sonnent aux sens des hommes”), здесь “брюхо — пророк толпы”, здесь идет братоубийственная борьба и бродит взаимная ненависть, сверкающая, как меч, в каждом огне... Вот биржи и банки, через которые перекидывается золото, нарастающее в вечном движении; вот безликие массы рабочих, — этих “Черных Вертельщиков” (“Tourneurs noirs”) с голыми торсами, с молотом в руках, и “немым отчаянием безработицы в глазах” (“Le désespoir muet de la main vide d’oeuvre”). В сущности, в этом городе Гиля есть только один огонек, горящий светлой надеждой на общем черном фоне эгоизма: это — *мать,* носящая в чреве своем будущего человека, мать, как символ

альтруизма. В этом смысле поэма Гиля — гимн тому же первобытному плодородию, которое он воспел еще в первых поэмах. И характерно, что один из самых красивых фрагментов всей поэмы Voeu de Vivre, это — нежная колыбельная песня матери так трогательно-странно звучащая среди города железа и камня, — песня, которую прекрасно перевел В. Брюсов в своем сборнике “Франц[узские] Лирики”» (С. 156—157).

[15] 18/31 марта 1908 г. Брюсов писал Верхарну: «Что до моего приезда во Францию, то мне все время приходится его откладывать. Это будет не раньше осени» [«Quant à mon arrivée en France, je dois toujours la remettre. Ce ne sera pas avant cet automne» (ЛН 1976. С. 572—573)]. Подробно о поездке см. примечание 2 к письму № 58.

54. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 28 mars 1908

Mon cher Poète et bien cher ami, Je reçois le No. 2 de la *Balance*, où, je vois, vous n'avez pu donner que le seul compte-rendu, sur le livre de M. Thalasso[1].

Je vous serais donc reconnaissant de vouloir bien recommander que l'on reporte les autres comptes-rendus que vous avez, au No. 4, — et *qu'en le prochain, (No. 3), l'on donne la Première lettre sur «Mallarmé»*[2]. Je vous prie, n'est-ce pas, comme toujours en les Lettres, l'on ne fera pas de coupures, car là tout est composé et a son plan exact. — Donc, *Mallarmé* au prochain. Et, toujours, grand merci de la peine! — J'espère bonne votre santé, et de tous les vôtres. A bientôt de vos bonnes nouvelles? Et, très heureux de me dire vôtre,

René Ghil

P. S. Vous avez un correspondant ici, pour le *Salon des Indépendants*?[3]

54. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 28 марта 1908 г.

Дорогой мой поэт и друг! Я получил № 2 «Весов» и вижу, что Вы смогли поместить в нем только одну рецензию на книгу Талассо[1].

Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы порекомендовали редакции отложить все другие присланные мною корреспонденции до № 4 *и в следующем номере (№ 3) дать «Первое письмо о Малларме»*[2]. Я прошу Вас, как и в других «Письмах», не делать купюр, поскольку работа имеет законченную композицию и четкий план. — Итак, «Малларме» в следующий номер. И, как обычно, огромное спасибо за хлопоты! — Надеюсь, что Вы сами и Ваша семья находитесь в добром здравии. Жду от Вас в ближайшее время хороших новостей. Счастлив тем, что могу написать: Ваш

Рене Гиль

P. S. Есть ли у Вас в Париже корреспондент, освещающий Салон независимых?[3]

---

[1] Рецензия на сборник Адольфа Талассо «Антология азиатской любовной лирики» («Anthologie de l'Amour Asiatique», 1907), представляющий собой компиляцию произведений афганского поэта Рафгана Кайила, была опубликована в № 2 «Весов» за 1908 г. В своем отзыве Гиль признался, что не может «входить в подробный разбор этой антологии» (С. 101) и потому обратился не к текстам, а к объяснительной статье, предшествующей книге. Однако, если ее автор указывал «на три главных вдохновения, на которые можно разделить азиатские песни любви: еврейское, китайское и санскритское» (С. 100), то рецензент не смог обойтись без «четвертого вдохновения, совершенно самостоятельного» (С. 101) — монгольского. «Впрочем, — добавлял Гиль, — можно было бы найти и пятое, — в грациозности, живой, влекущей, нежащей, прерывающейся грустью и страданием, какая характерна для любовных песен Сиама и Камбоджи» (Там же). В заключительном пассаже статьи, упоминающем влияние малайской поэзии на китайскую и японскую, содержится намек на то, зачем вообще понадобилась эта рецензия, выпадающая из контекста освещения современной французской поэзии: «невольно приходится пожалеть, — сетовал Гиль, — что г-н Талассо оставил в стороне малайскую поэзию: несколько "пантун" Малакки или Явы дополнили бы существенно его книгу» (Там же).

Искусствовед и археолог Адольф Талассо (1859—1920) впоследствии выпустил книгу «Русские художники-ориенталисты» («Les Peintres orientaux de la Russie», 1910).

[2] См. примечание 10 к письму № 53.

[3] Салон Независимых — ежегодные выставки, устраиваемые «Обществом независимых художников» («Société des Artistes Indépendants»). Основан весной 1884 г. по инициативе 200 художников, чьи работы были отвергнуты официальным салоном. Демонстрировал новейшие течения в искусстве. При активном участии Ж. Сера и П. Синьяка, председателя Салона с 1908 по 1936 г., был выработан устав, отличительной чертой которого было отсутствие жюри и наград. О Салоне Независимых 1908 г. писал для «Весов» уже знакомый к тому времени Гилю Н. Гумилев. В статье «Два салона. Société des Artistes Indépendants и Société Nationale des Beaux-Arts» он высказался об увиденных им постимпрессионистских полотнах резко отрицательно, отметив «целый ряд уродливых вещей» (Весы. 1908. № 5. С. 104), принадлежащих подражателям Гогена и Сезанна. Ранее, 15/25 марта, Гумилев сообщал Брюсову, что не хочет писать об этой выставке, находя, что «слишком много в ней пошлости и уродства» (ЛН 1994. С. 473).

55. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 11 Avril 1908

Mon cher grand ami,

Se croisant peut-être avec ma lettre à vous adressée, j'ai reçu une aimable lettre de M. Lykiardopoulos m'avisant du pourquoi de non-parution des comptes-rendus, et m'adressant de la part de la Rédaction des honoraires d'avance.

Il me disait que ces comptes-rendus paraîtraient au No. 3, et *Mallarmé* (1ère Etude) au No. 4[1].

Il me disait aussi que, pour ce même No. 4, je pouvais envoyer un compte-rendu ou deux, — qu'il y aurait sans doute place.

J'ai répondu aussitôt à M. Lykiardopoulos que c'était entendu comme il me le disait, et je le priais de vous le dire, avec mes amitiés pour vous. Naturellement vous fûtes au courant de tout cela.

Je vous envoie donc, sous ce pli, un compte-rendu des 2 *volumes de Verhaeren*, pour joindre au No. 4, — s'il y a place, comme le pensait M. Lykiardopoulos. (Ces deux livres de Verhaeren sont *fort intéressants*: celui du *Mercure [de France]*, pour ses tendances d'emprunt scientifique; le second par une toute-puissance de Verhaeren entièrement *lui*, qui a toute mon admiration [ )][2].

Comme je l'ai dit à M. Lyk[iardopoulos] j'enverrai des *comptes-rendus* encore pour le No. 5 (il y a quelques livres intéressants), — et pour le 6, un second article, Lettre sur *L'Oeuvre première de Mallarmé*[3]. Bien grand merci, et ferve[illisible] vôtre,

René Ghil

P. S. Mon volume tome II de *Voeu de Vivre* doit être en route pour Moscou, avec un exemplaire aussi pour M. Poljakoff[4].

55. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 11 апреля 1908 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Мое письмо, посланное на Ваше имя, вероятно, пересеклось с полученным мною любезным письмом г-на Ликиардопуло, в котором он объясняет причину непоявления рецензий, а также адресует мне от лица редакции гонорар, выплаченный в качестве аванса.

Он пишет, что рецензии будут опубликованы в № 3, а статья «Малларме» (первый очерк) — в № 4[1].

Еще он пишет, что для № 4 я могу послать одну-две рецензии, для которых, вне сомнения, найдется место.

Я тотчас же ответил г-ну Ликиардопуло, что согласен с его предложениями, и просил передать это Вам, сопроводив дружеским приветом. Вы, естественно, были в курсе происходящего.

Итак, я отправляю Вам вместе с этим письмом рецензию *на 2 тома Верхарна* с тем, чтобы присоединить их к материалам для № 4, если хватит места, как предполагал г-н Ликиардопуло. Эти две книги Верхарна *крайне интересны*: та, что напечатана издательством «Меркюр де Франс», — своими тенденциями, носящими отпечаток научности, а вторая — чисто верхарновской мощью, книга, целиком *его* как поэта, вызывающего все мое восхищение[2].

Как я написал г-ну Ликиардопуло, я отправлю еще *рецензии* для № 5 (сейчас

появилось несколько интересных книг), а для № 6 — вторую статью из «Писем» — «Первые произведения Малларме»[3]. Огромное спасибо. Пламенно Ваш,

Рене Гиль

P. S. Экземпляр второго тома моего «Обета жить» находится на пути в Москву вместе с экземпляром для г-на Полякова[4].

---

[1] Как указывалось выше (см. примечание 1 к письму № 52), в мартовском номере «Весов» за 1908 г. под заголовком «Новые сборники стихов. Письмо из Парижа» было объединено сразу пять рецензий Гиля. Первый очерк о Малларме был, как и просил Гиль, помещен в № 4.

[2] Рецензий Гиля на новые книги в апрельском номере «Весов» не появлялось. В № 5 (а не № 4, как надеялся Гиль) была опубликована его рецензия на две новые книги Верхарна — на переиздание в изд. «Mercure de France» сборника «Лики жизни» («Les Visages de la Vie»), дополненного циклом «Двенадцать месяцев» («Douze mois»), и на второй сборник из цикла «Вся Фландрия» («Toute la Flandre»), озаглавленный «Герои» («Les Héros»). «Огромный и спокойный труд Верхарна достоин преклонения», — начал Гиль свой отзыв, удивляясь «творческой жизнеспособности этого великого поэта, его неустанно все усваивающей себе энергии, которая побуждает его вводить все новые и новые идеи в круг обычных тем его поэзии: преклонение перед огромностью Природы и пред огромными обликами Западной цивилизации» (С. 89). «Но, — сразу оговаривается рецензент, — мы уже указывали раньше, что предметы и идеи он [Верхарн] воспринимает только через состояние некоего одержания, в котором они и становятся адекватными его метафорическому Слову, образованному из резких антитез и аналогий, развитых обычными приемами романтиков» (Там же). При этом Гиль не забывает вновь отметить «во многих местах» творчества Верхарна «следы вдохновения “научной поэзией”» (Там же) и напомнить читателям журнала о своем давнем разговоре с бельгийским поэтом, в котором тот выразил понимание его, Гиля, «художественных стремлений», но себя сознавал «неспособным работать в том же направлении, чувствуя гнет целых веков католического атавизма» (С. 90). Более того, Верхарн, «согласно с его собственными словами», «уже раньше стремился к “научным” темам, к сближению искусства с наукою и лишь не в силах был осуществить своих стремлений» (Там же). Бельгийскому поэту, по мнению Гиля, далеко до «величайших художественных синтетических обобщений. Кажется, что [его новая] книга не была обдумана заранее, но что стихотворения, вошедшие в нее, несмотря на явное внимание поэта к вопросам эволюционизма [...], вдохновлены скорее моральными порывами: восторгом перед человеческой мощью, перед вечным *усилием* человека» (Там же). При рассмотрении второй книги — «Герои» — Гиль уже не столь суров к Верхарну, усмотрев в нескольких стихотворениях сборника «целую эпическую песнь своенравной, трагической, великой фанатическим и сосредоточенным величием, истории своей родины. В этом ряде стихотворений мы снова находим характерную личность поэта: тут он сам, и только он, тот же, но только еще более сильный, в полном развитии присущего ему гения» (С. 91). «Основная особенность Верхарна, — подчеркивает Гиль, — это быть Провидцем со всем, что подразумевается под этим словом: с многообразными, неизмеримыми видениями, окутанными атмосферой галлюцинаций. Его ум не философского склада, и его мысль подвигается вперед скачками, озаренными вспышками интуиции; в его слове, слове визионера, больше элемента красочного, чем музыки, и эта красочность выдержана в яркой гамме алого, пурпурного и золотого» (С. 91—92). «Скажем также, — заканчивает Гиль рецензию, — что, может быть, нигде не употреблен более счастливо, чем в книге “Les Héros”, великим

поэтом его обычный прием соединения конкретных выражений с выражениями абстрактными, из чего он умеет извлекать совершенно исключительные эффекты. Этот прием, если и не приводит к абсолютной отчетливости мысли, все же дает ощущение чего-то безмерного, огромного, что, как мы говорили, всего более характеризует Эмиля Верхарна» (С. 93).

[3] Во втором очерке о Малларме, озаглавленном по-русски «Первые произведения», Гиль приступил к трактовке освобождения будущего главы французского символизма от различных влияний (Бодлера, Эдгара По и др.). Излагая довольно известные сведения о различных периодах становления Малларме как поэта, он начинает развивать намеченную уже в первой статье тему о «разнородных элементах» в творчестве Малларме и, наряду с положительными оценками, выступает с неожиданными, далеко не безобидными выпадами, подрывающими самые основы версификационного превосходства «учителя» над современными ему поэтами Франции. «И мне, и некоторым другим он [Малларме] говорил, — замечает вскользь Гиль, — что иные из его сонетов составлены им по методу буримэ: сначала он подбирал рифмы, писал четырнадцать заключительных слов, а потом заполнял стихи!» (Весы. 1908. № 8. С. 108—109). Подобные инсинуации встречаются здесь, тем не менее, пока еще довольно редко, и общий тон статьи можно охарактеризовать скорее как уважительный, чем осуждающий.

[4] «Обет жить» числился в списке новых книг, доставленных в редакцию «Весов» с 15 января по 15 апреля 1908 г. (Весы. 1908. № 4. С. 81).

56. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 2 Juin 1908

Cher grand Poète et ami,

Je reçois avec un bien grand plaisir votre lettre[1]. Certes, vous n'avez besoin d'excuses car j'ai songé plus d'une fois au temps qu'il vous faut, en effet, pour ce Roman de longue haleine après toute l'étude de documentation, et l'effort d'intuition[2].

C'est une bonne nouvelle que vous m'annoncez, que je souhaitais depuis longtemps: votre passage à Paris. Cet été, nous n'irons pas loin non plus de la capitale, à 30 et quelques kilomètres seulement, et j'en suis très heureux. Car, me dites-vous, vous passez à Paris en Août, et (ne devant rentrer qu'au milieu de septembre) je viendrai vous voir à ce passage. Mais, *en août*, ce sera bien un passage seulement, n'est-ce pas? Et j'espère donc qu'à votre retour vous ferez séjour à Paris où nous serons revenus, — pour vous voir longuement.

Je suis tout enchanté de cela, et cette année, aussi, comptera pour moi comme grand souvenir.

J'ai reçu aussi: *l'anthologie de Villiers*, par Mlle B. Runt. Je parcours votre Préface, et ce que j'en puis voir maintenant, c'est votre documentation très sûre: ce me semble, en si peu de pages, une évocation heureuse de ce très grand, très pur esprit, et de son oeuvre[3]. Merci aussi, infiniment, de l'envoi de l'autre anthologie: je suis confus que vous vous soyez privé pour moi de cette belle édition, mais qui me fait grand plaisir.

Je vous suis très et très reconnaissant de trouver là, grâce à vous, la *Plainte à la Bergère* dont je vous devais déjà la traduction[4]. Veuillez en agréer deux fois mes remerciements.

Ne vous tourmentez pas, je vous prie, de non insertion de Verhaeren au No. 4, où j'occupais déjà huit pages, je crois[5]. D'ailleurs, il n'y avait là rien de sûr pour ce No. Je vais donc retrouver cela au No. 5, avec les comptes-rendus sur Mme de St. Point, MM. J. Romains et Régismanset[6].

Je vais pour le No. 6 vous envoyer la suite du Mallarmé: sur son Oeuvre, celle du Parnasse, celle d'après[7]. — Je vous adresserai cela dans 3 ou 4 jours. — Désormais, comme vous me le demandez, je serai heureux de vous envoyer la copie, toujours les premiers jours de chaque mois.

J'écrirai, je crois, une troisième partie sur l'Oeuvre de Mallarmé, plus courte, pour le No. 7[8] (Les volumes ne paraissant plus à cette époque, pour comptes-rendus), car je voudrais étudier un peu, ce qui n'a pas été fait, les choses dernières de Mallarmé, très obscures, et surtout le fameux *Jeu du Dé et du Hasard*, ce poème qui parut à la Revue *Cosmopolis*, quasi introuvable. Tout le monde a omis cela, et pour la raison qu'on ne comprit pas. A cette époque, cela me fut aussi presque fermé. Je vais le revoir, l'étudier, m'efforcer vers un sens. Et je crois qu'il faut cet effort, pour être complet[9].

Après nous verrons qui étudier, — ou, peut-être, fixer quelques traits historiques de cette période trouble qui va de 86 à 89, selon que les théories sortent les unes des autres, dans le «Symbolisme»?[10] — Je compte que vous me guiderez en cela, si vous le voulez bien, et me direz ce que vous trouveriez bon d'avoir d'abord pour l'intérêt de la *Balance*.

Mais, mon cher ami, je pense avec joie que c'est de vive voix que nous parlerons de tout cela!...

Je suis à Paris jusqu'au 20. L'on peut donc *m'adresser ici les honoraires* du No. 4, — et, pour éviter toute complication, *ceux des Nos suivants aussi. Tout à mon adresse de Paris*, d'où cela me viendra très régulièrement. Merci infiniment. Quand vous serez sur le point de venir, vous me le direz, afin que je vous donne, à vous, mon adresse de campagne où vous m'avertirez de votre arrivée à Paris. D'ici là, d'ailleurs, je vous écrirai certainement.

Encore tous mes remerciements, du bien vôtre,

René Ghil

Voudrez-vous me faire prévenir par M. Lykiardopoulos du moment où, vous parti de Moscou, je devrai lui adresser à lui-même ma copie[11].

Et, je vous prie, voudrez-vous dire qu'on me renvoie la copie de l'article et suivants sur Mallarmé[12]. Merci!

Je m'aperçois qu'en l'enchaînement de ma lettre, j'ai oublié de vous parler d'une chose qui serait quasi être la première: de votre lecture si admirablement méthodique — et amicale — de mon livre. Je me suis dit: Combien liront comme cela, si même il en est! Avoir sous les yeux les deux éditions et suivre et deviner ma pensée en les motifs de ses corrections...

Rien ne peut me faire plus plaisir. Voilà comment l'on souhaiterait être lu, compris. Vous avez vu parfaitement, pour la correction de: «petites vitres» pour «rares fenêtres». Il y a, en effet, motif de musicalité, de vibration plus aiguë, — de moins de

largeur. Et ce moins de largeur qu'il fallait, — parce que «Fenêtres» impliquait là, sur cette façade de maison de ferme, en petit village, *trop de lumière*. J'ai donc considéré la fenêtre *découpée* en ses petites vitres: ce qui est d'ailleurs plus vrai, en même temps que plus dans le sens de nos vies paysannes.

— Pour «(*Coule, ô Fous*)» — oui, vous avez raison. Et, dirais-je, il y a là comme une petite concession! Grondez-moi! Car la phrase musicale, la période était longue, et cette parenthèse encore, j'ai craint de trop *suspendre le sens*. C'est admirable que vous me disiez cela, et votre regret si charmant: car moi aussi, c'est avec regret et combien d'hésitations que j'ai supprimé...[13]

— Je suis en train des corrections de *l'Ordre altruiste*, le dernier de la n[ouve]lle Edition[14]. Avec quelle joie je me remettrai ensuite, tout entier, dans l'effort des nouveaux sillons!

A bientôt. Vôtre,

René Ghil

56. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 2 июня 1908 г.

Дорогой, большой Поэт и друг!

Я был чрезвычайно рад получить Ваше письмо[1]. Вы, бесспорно, не нуждаетесь в оправданиях. Я и сам неоднократно задумывался над тем, сколько времени отнимает у Вас Ваш роман, создание которого потребовало не один год работы, даже после того, как были собраны документы и затрачен труд на интуитивный поиск[2].

Объявленная Вами новость прекрасна, и мы ее уже давно ждали. Я имею в виду Ваш приезд в Париж. Этим летом мы уедем недалеко от столицы, всего за 30 с небольшим километров, и я очень рад этому. Вы ведь пишете, что заедете в Париж в августе, и я специально приеду в город встретиться с Вами (хотя мы должны вернуться только в середине сентября). Однако, *в августе* Вы только ненадолго заедете, не правда ли? И я надеюсь, что после Вашего возвращения Вы поживете в Париже, а мы к тому времени уже вернемся и будем видеться с Вами длительное время.

Я совершенно счастлив, как все складывается, счастлив тем, что о нынешнем годе у меня останется изумительное воспоминание.

Я также получил сборник Вилье, составленный мадемуазель Рунт. Я просматриваю Ваше предисловие и, судя по тому, что я могу извлечь из увиденного, Ваш подбор материала безошибочен: всего на нескольких страницах Вы, как мне кажется, очень удачно воскресили этот великий, этот невероятно чистый ум и его творения[3]. Я также бесконечно благодарен Вам за второй присланный мне сборник: мне, право, неловко, что Вы ради меня лишились такого прекрасного издания, хотя мне это очень приятно.

Я Вам очень и очень признателен, поскольку, благодаря Вам, обнаружил здесь «Жалобу пастушке», за перевод которой успел стать Вашим должником[4]. Примите от меня эту двойную благодарность.

Прошу Вас, не терзайтесь из-за того, что рецензия на Верхарна не включена в № 4, в котором я, как мне кажется, и без того занял восемь страниц[5]. К тому же, с этим номером ничего не было ясно. Я скоро увижу ее в № 5 вместе с отзывами о Сен-Пуан, Ж. Ромене и Режисмансе[6].

Для № 6 я пошлю Вам продолжение цикла о Малларме: о его творчестве, о «парнасском» периоде, о периоде последующем[7]. Я направлю Вам эти материалы через три-четыре дня. Отныне, в ответ на Вашу просьбу, я буду всегда посылать Вам рукопись в первых числах каждого месяца.

Для № 7 я думаю написать третью статью о творчестве Малларме[8], более короткую (поэтические книги, на которые можно было бы откликнуться, не выходят в это время года), поскольку я хотел бы ненадолго остановиться на произведениях, ранее никем не изученных, — на его последних вещах, очень темных, и в особенности на знаменитой поэме «Игральные кости и Случай», напечатанной в журнале «Космополис», ставшем сегодня по существу библиографической редкостью. Эта поэма была совершенно обойдена вниманием по той причине, что никто ничего не понял. В то время она и для меня оставалась во многом загадкой. Я хочу перечитать ее, изучить, пробиться к смыслу. Я считаю, что для полноты картины необходимо сделать это усилие[9].

После этого мы подумаем, кого сделать объектом изучения, — или, быть может, лучше зафиксировать исторические черты тревожного периода, продлившегося с 86 по 89 год, когда одни теории вытекали из других в недрах «Символизма»?[10] Я рассчитываю на то, что Вы меня направите в этом вопросе и сообщите, какие материалы имеют в Ваших глазах приоритет в интересах «Весов».

Но, дорогой друг, я с радостью думаю о том, что мы поговорим обо всем этом при личной встрече!..

Я в Париже до двадцатого. Это означает, что *гонорар* за № 4 мне можно *адресовать сюда*. А во избежание осложнений аналогичным образом можно поступить *и с гонорарами за последующие номера. Всё на мой парижский адрес*, откуда деньги будут мне пересылаться регулярно. Бесконечно благодарю Вас. Непосредственно перед Вашим приездом сообщите мне о сроках, дабы я имел возможность дать Вам свой деревенский адрес, на который Вы мне пошлете уведомление о своем приезде в Париж. Но до этого времени я Вам, безусловно, еще напишу.

Еще раз огромное спасибо, Ваш

Рене Гиль

Не могли бы Вы предупредить меня через г-на Ликиардопуло, когда я должен буду начать посылать рукописи ему напрямую после Вашего отъезда из Москвы[11].

И еще прошу Вас: не могли бы Вы распорядиться, чтобы мне выслали обратно рукопись этой статьи о Малларме и всех последующих?[12] Спасибо!

Я заметил, что в ходе моего письма забыл поговорить с Вами о предмете, затронуть который должен был чуть ли не в первую очередь. Я имею в виду Ваше восхитительно методичное — и дружеское — прочтение моей книги. Сколько людей, сказал я себе, прочтут ее так, даже если такие люди есть! Держать перед глазами два издания, следить за моей мыслью и угадывать ее по мотивации сделанных мною исправлений...

Ничто иное не может доставить мне подобного удовольствия. Вот о каком прочтении, о каком понимании мы мечтаем. Вы правильно отметили причину изменения «маленьких стекол» на «редкие окна»[13]. Здесь действительно присутствует тема музыкальности, тема более напряженной вибрации — большей зауженности. Именно большей зауженности я и добивался, поскольку «Окна» на фасаде фермы, в маленькой деревушке подразумевали *переизбыток света*. Я, таким образом, представил себе окно, *рассеченное* на маленькие стекла: что собственно ближе к реальности и в то же время ближе к нашей крестьянской жизни.

Что же касается фразы «(Беги, о все вы...)», Вы, конечно, правы. Здесь присутствует нечто вроде небольшой уступки! Браните меня! Музыкальная фраза и период были длинноваты, а еще эти скобки, и я побоялся слишком надолго *приостановить мысль*. Восхитительно, что Вы мне это пишете, и как очаровательно Ваше сожаление: ведь прежде чем вымарать эту фразу я тоже долго жалел и долго колебался... [14]

В настоящее время я вношу исправления в «Орден альтруистов», последнюю книгу нового издания[15]. С какой радостью я посвящу себя всего трудам по проложению новых борозд!

До скорого, Ваш

Рене Гиль

---

[1] Упоминаемое письмо нам неизвестно.

[2] См. примечание 9 к письму № 52.

[3] Речь идет о книге Вилье де Лиль-Адана «Жестокие рассказы», вышедшей в 1908 г. в издательстве «Пантеон» в переводе Б. Рунт под редакцией и с предисловием Брюсова. Просматривая предисловие, Гиль, вероятно, опирался на заглавия произведений писателя, приведенные Брюсовым в оригинале.

[4] Какую книгу Брюсов подарил Гилю, установить не удалось. На русском языке его перевод «Жалобы пастушке», насколько нам известно, в 1908 г. повторно не публиковался.

[5] См. примечание 2 к предыдущему письму (№ 55).

[6] Рецензия на сборник Валентины де Сен-Пуан «Поэмы гордости» («Poèmes d'Orgueil») была опубликована в № 6 за 1908 г. вместе с короткой заметкой о сборнике Шарля Режисмансе «Хранитель тишины» («Le Gardien du silence») и рецензией на книгу Жюля Ромена «Жизнь единодушная» («La vie unanime»). К сборнику Ш. Режисмансе «Отблески. Отражения. Пейзажи» (1904) Гиль уже ранее обращался на страницах «Весов» (1904. № 9. С. 56). О Жюле Ромене, чье имя, по его словам, необходимо было запомнить «отныне, как автора одного из замечательнейших и оригинальнейших поэтических созданий наших дней» (Весы. 1908. № 6. С. 86), он писал в «Весах» не только первый, но и последний раз, поскольку дальнейшее развитие этого литератора отнюдь не соответствовало представле-

ниям самого Гиля о поэтической работе (см., в частности, письмо № 71). Остановившись подробно на понятии «унанимизма», выдвинутого Ж. Роменом, Гиль пришел к следующему заключению: «Ясно, что Жюль Ромэн, в основном своем устремлении, исходит из данных моей "Научной поэзии", — особенно в тех частях своего творчества, где он хочет художественно отобразить "способы, каким группы воспринимают и представляют вселенную", а также "порывы индивидуума дать группе ясное сознание, понимание своего живого единства" и т. п.» (С. 84). Далее Гиль цитирует выдержку из собственной книги «По методу — к Творению» («En méthode à l'œuvre») и подчеркивает: «Для меня, как и для всех других, обративших внимание на книгу Ж. Ромена (а она принадлежит к числу книг, о которых "говорят"), исходная точка ее автора — философские и технические заветы "Научной поэзии"» (Там же). Касаясь применения своих методов, рецензент выражает сожаление о том, что «попытку Ромэна [...] нельзя назвать удачной, и, зная его намерения, тщетно ищешь в его книге строф или частей стихотворений, приноровленных к определенным голосам. Точно также и общее применение "словесной инструментовки" у него слишком примитивно, хаотично, неотчетливо. Но г. Ромэн молод (ему 23 года), и не удивительно, что он не овладел вполне сложной техникой: давать звучность слов в строгом соответствии с выражаемой идеей. Во всяком случае, — подытоживает Гиль, — искания Ромэна заслуживают большого внимания» (Там же).

Как мы отметили выше, отношение Гиля к Ж. Ромену и его теории становилось с годами все более негативным. В качестве примера можно привести его короткий комментарий по поводу книги А. Мерсеро «Слова перед жизнью» («Paroles devant la Vie»): выступая против «очень ограниченного антропоцентризма» рецензируемого поэта, Гиль писал, что «это непрочное построение» уже «пытался обновить Жюль Ромен, со своим крикливым "унанимизмом"» (Русская мысль. 1913. № 2. Отд. III. С. 23).

[7] «Парнасский» период творчества С. Малларме относится к 60-м годам XIX века.

[8] Третий очерк о Малларме, озаглавленный в переводе «Годы самобытного творчества», был помещен в № 11 за 1908 г. Описывая в нем новаторские приемы Малларме, Гиль, как и в предыдущих статьях об этом поэте, старается сохранить объективный тон и в основном верно очерчивает средства, при помощи которых достигается своеобразный эффект его стихотворений. При этом очеркист постепенно подводит читателя к мысли о том, что, «выбрасывая все переходные мысли и слова», Малларме «доходит до того, что между отдельными строфами стихотворения (а иногда и между отдельными стихами) все связи оказываются как бы оборванными, и восстановить их бывает почти невозможно». Отсюда «возникает и темнота, непонятность Малларме» (С. 73). На основании этих простых и в целом верных наблюдений Гиль выносит своему бывшему учителю неожиданный, но совершенно недвусмысленный приговор: «Это не темнота идей: их не существует в последних созданиях Малларме, как не существует там и чувств. Это — темнота словесного выражения. Последние произведения Малларме это — загадки, ребусы» (С. 73—74). Гиль, правда, тут же оговаривается, что «это не мешает красоте и силе отдельных стихов и выражений; каждый стих — удивителен по чистоте и изысканности языка, и из него, словно сквозь прозрачную сферу, смутно вырисовывается некий, как бы бестелесный образ...» (С. 74). Продолжение статьи представляет собой, тем не менее, каскад ничем не подкрепленных обвинений: «Малларме в ту эпоху готов был все, и мысль и слово, принести в жертву *форме* (выделено автором — *Р. Д.*), понятой в самом внешнем смысле...» (Там же). И далее: «потому что он стремился слишком утончить слово, потому, что в своем синтаксисе он обрезал все соединительные нити между отдельными словами, превратив фразы в абстрактные, бесплодные формулы, — Малларме [...] довел до последних крайностей никогда не осуществимую работу всех наших поэтов — о последнем совершенстве формы...» (С. 74—75).

[9] Речь идет о поэме Малларме «Удача никогда не упразднит случая» («Un coup de dés jamais n'abolira le hasard»), опубликованной в международном журнале «Cosmopolis» в

мае 1897 г. Графическое построение этого произведения, диктующего за счет расположения текста порядок чтения ее отдельных частей, предопределило и эксперименты футуристов, и «лесенку» Маяковского, и многие другие нововведения XX века. Гиль отозвался о поэме как о «непостижимой», считая попытку Малларме «означать сравнительное значение слов величиною типографского шрифта» (С. 74) свидетельством его пренебрежения смыслом.

[10] Цикл статей о Малларме был по существу последним серьезным критическим выступлением Гиля в рамках «Писем о французской поэзии». Программу ретроспективного освещения французского символистского движения он частично выполнил в 1909 г. в статье «Истоки современной поэзии» (ч. I — в № 5, ч. II — в № 10—11) и затем развил в журнале «Аполлон».

[11] В письме от 1 сентября 1908 г., адресованном М. Ликиардопуло, Гиль упоминает свое письмо за «прошлую неделю» и сообщает об отправке им в Москву трех рецензий на недавно вышедшие, «запрошенные» редакцией книги. Он повторяет свою просьбу поместить второй этюд о Малларме в № 8 «Весов», а третий этюд — в № 9, «чтобы, насколько это удастся, не разрывать единства этой обобщающей статьи» [«afin que l'unité de cet article général fut le moins possible rompue» (ИМЛИ, Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 56. Л. 3)]. Заканчивается письмо следующим сообщением: «Я с радостью наблюдаю, как приближаются дни, теперь уже скорые, когда я увижу в Париже нашего Валерия Брюсова. Я поеду туда специально, чтобы провести с ним несколько часов. Чтобы поговорить о русских друзьях и в особенности о "Весах"» [«Avec plaisir, je vois approcher les jours, prochains, où je verrai notre Valère Brussov à Paris, où je me rendrai tout exprès pour passer quelques heures avec lui. Pour parler des amis Russes, et de *la Balance* en particulier» (Там же)].

[12] Брюсов выполнил просьбу Гиля и отослал в Париж рукописи всех четырех статей о Малларме. Подробно об их судьбе см.: *Doubrovkine Roman*. «Stéphane Mallarmé. Aspects de l'homme». Un article inédit de René Ghil // Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire. Lausanne, 1995.

[13] Судя по всему, Брюсов читал переиздание второго тома третьей книги «Обет жить», сличая его с изданием 1892 г. Анализ, сделанный Брюсовым, нам неизвестен.

[14] См. примечание 4 к письму № 61.

57. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Jusqu'au 3 Octobre:
rue des Mares
à Saint-Chéron (Seine-et-Oise)[1]

22 Sept[embre] 1908

Bien cher Ami,

Je suis heureux, plus que les mots pour le dire, de votre arrivée prochaine à Paris. Nous rentrons le *5 Octobre*, vous y précédant donc de quelques jours, puisque vous passerez une quinzaine aux Pyrénées.

Vous avez fait bon voyage, et l'avez disposé pour qu'il fût très beau. Certes, l'Italie dut vous capter, et maintenant ne passerez-vous pas un peu en Espagne?[2]

— J'ai reçu en son temps la délicieuse carte postale de Venise avec la *Ñorte della Carità*, merveille. Je vous remercie maintenant de votre charmant souvenir d'alors[3].

Nous avons passé ici des vacances fort reposantes, en une belle nature: ce pays-ci est dit «les petites Alpes de St. Chéron». Nous nous sommes promenés beaucoup, d'ailleurs loin de ces sujets un peu énervants, de vous, de votre Oeuvre que je veux mieux connaître, plus essentiellement, et cerveau à cerveau.

A bientôt donc. Si vous avez loisir de m'écrire, vos lettres me viendront directement ici où je vous donne mon adresse — *jusqu'au 3*. Et après cette date, rue Lauriston, à Paris, où je vous attendrai, impatient. Vous m'écrirez votre arrivée, n'est-ce pas?

Il me semble cependant [que] vous verrez la maison de moins loin, en me disant toujours affectueusement vôtre,

René Ghil

Paris, 16 bis rue Lauriston

57. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

До 3 октября
Сен-Шерон (департ. Сен-э-Уаз) [1]
Ул. Де-Мар

22 сентября 1908 г.

Дорогой друг!

Я рад больше, чем это можно выразить словами, рад Вашему скорому приезду в Париж. Мы возвращаемся *5 октября*, то есть на несколько дней раньше Вас, поскольку Вы проведете недели две в Пиренеях.

Вы совершили отличное путешествие и организовали его так, чтобы увидеть прекрасные места. Италия, конечно же, заворожила Вас. Не собираетесь ли Вы сейчас провести некоторое время в Испании?[2]

Я в свое время получил от Вас изумительную открытку из Венеции с видом «Корте делла Каритà». Чудо! Благодарю Вас за этот очаровательный памятный знак Вашего пребывания в этом городе[3].

Мы здесь чудесно отдохнули в окружении прекрасного пейзажа, в местности, которую окрестили «маленькие Альпы Сен-Шерона». Мы много гуляли вдалеке от волнующих нас сюжетов — от Вас, от Вашего Творчества, которое я хотел бы знать лучше, глубже проникая в суть, хотел бы, чтобы соприкасались два разума.

Итак, до скорого! Если Вы выберете время написать мне, Ваши письма *до 3 октября* будут приходить ко мне прямо сюда, по адресу, который я Вам дал. А после этой даты — на улицу Лористон, в Париж, где я Вас буду с нетерпением ожидать. Вы сообщите мне о дате Вашего приезда, не правда ли?

Однако мне кажется, что Вы увидите свой дом с более близкого расстояния. По-прежнему сердечно Ваш

Рене Гиль

Париж, ул. Лористон, д.16 бис.

[1] Сен-Шерон — городок в департаменте Сен-е-Уаз в 45 км к юго-востоку от Парижа. Славится своими живописными окрестностями.

[2] 24 июля 1908 г. Брюсов уехал с женой на три месяца за границу: август Брюсовы провели в Италии, сентябрь — в приморском городке Сен-Жан-де-Люс на берегу Бискайского залива (в отрогах Пиренеев). Поездку по западному побережью Франции Брюсов совершил без жены.

[3] Корте делла Карита̀ — улица в живописном пригороде Венеции Каннареджо. Открытка, посланная Брюсовым, вероятно, не сохранилась.

58. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 15 Décembre 1908

Mon cher et Grand ami,

Quand vous viendra cette lettre, Madame Valère Brussov aura déjà reçu la réponse de Mme Ghil à sa lettre si charmante, si affectueusement charmante[1]. Elle lui a dit le souvenir durable que, tous deux, vous avez laissé et à nous et à ceux qui vous ont approchés ici[2].

J'ai, moi, bien trouvé en vous ce que j'y voyais à travers vos lettres et la continuité ferme de votre volonté et de votre oeuvre: l'esprit pondéré, mais aussi, d'énergique enthousiasme qui se tient en forces amassées, la noblesse du poète conscient de soi, — mais indulgent à autrui, attentif à tout effort autour de soi. Votre venue à Paris, les heures passées ensemble, demeurent une date de ma vie littéraire[3].

Et vous avez vu Verhaeren, vous avez pu rencontrer ce Verhaeren assez souvent introuvable, et vous en avez emporté une impression profonde, dit Madame Brussov[4]. Il en devait être ainsi.

C'est un visage de forte spiritualité, et sans doute accrue depuis peut-être quatre années ou plus, que je l'ai vu. Il est du rêve visionnaire en ce patriarche émacié et sur soi replié. Mais comme, n'est-ce pas? il demeure humain, simple, le passant qui cause dans le chemin de la vie quotidienne...[5]

— Vous avez repris maintenant vos travaux, sans doute, tout en vous occupant de la *Balance* qui réclamait vos soins. Je suis heureux que tout ait pu s'arranger et qu'elle continue sa parution: d'abord parce que vous êtes là en une oeuvre de votre création, puis parce qu'elle a une nécessité de vie par son passé, et l'avenir qu'elle porte par vos idées qui, m'avez-vous dit, demandent encore la lutte[6]. — Les arrangements que vous avez pris, concernant Arcos et John Charpentier, subsistent-ils tels? Si oui, vous serez aimable de me le dire (en envoyant les trois Lettres pour les Editeurs), afin que je le puisse dire de votre part aux intéressés, — et, en même temps, à quelle époque, à quelle date ils devront pour la première fois envoyer leur copie?[7]

Je vous remercie de votre décision de donner, aux deux derniers Nos de l'année, les deux derniers Articles sur Mallarmé: cela rétablit très heureusement l'unité de l'Etude[8]. — Je vous enverrai, pour le 6 Janvier, des comptes-rendus de livres de poésie, et

d'une petite plaquette qui ne manque pas de documentation (encore que confuse): *Notes sur le Symbolisme*, de M. E. Bellot[9].

— Entre les comptes-rendus, au cours de l'année, comme il a été convenu j'étudierai, en la psychique et l'historique, la genèse du Mouvement poétique (1882 et suivantes), en partant de l'Etude de Mallarmé, maintenant posée en bases. Ce sera bien là, du nouveau: c'est du nouveau en France même...[10]

— Dès que vous en trouverez le temps, voudrez-vous prendre la peine de rassembler la copie française de toutes mes Etudes, Articles et Comptes-rendus, comme vous me l'avez offert:[11] car, puisque cela a été gardé, je pense que j'en tirerai peut-être un volume à publier ici[12]. Indirectement, d'un Editeur me sont revenus des propos qui le montreraient désireux d'un livre de critique de moi[13]. C'est à voir. Je vous remercie d'avance du soin que vous prendrez à me faire encore ce plaisir!

Je sais que Mercereau prépare un Article, ou plutôt une série d'Articles, sur les poètes Russes, et qu'il vous a écrit à ce propos[14]. Je suis très heureux de cette décision, car vous avez vu l'ignorance dans laquelle l'on est, sur la poésie étrangère! Nos «Jeunes» semblent travailler avec volonté en ce moment, et je crois que votre passage parmi eux a été excellent, qui leur avez montré aussi que la Poésie veut des hommes de volonté noble, dévouée à ses fins, qui pour être fortes doivent être lointaines...

J'espère, avant longtemps malgré vos travaux en retard, de vos bonnes nouvelles, n'est-ce pas? Toutes les amitiés de Mme Ghil, avec ma très respectueuse sympathie, à Madame Brussov, je vous prie. Et la poignée de main de votre ami,

René Ghil

P. S. Vous direz à M. Lykiardopoulos de m'envoyer avec les honoraires du No. d'Octobre (5 pages)[15], ceux de ce No. de Novembre qui va paraître. Ensuite, après chaque No. paru, comme convenu. Merci, et transmettez-lui mes compliments.

58. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 15 декабря 1908 г.

Мой дорогой, мой большой Друг!

К тому времени, когда это письмо дойдет до Вас, г-жа Брюсова уже получит ответ г-жи Гиль на ее милое, сердечное письмо[1]. Г-жа Гиль описала Вашей жене, какой неизгладимый след Вы оба оставили в нашей памяти, в памяти тех, кто встречался здесь с Вами[2].

Что до меня, то я нашел в Вас подтверждение того, что уже разглядел в Ваших письмах, — прочную неразрывность Вашей воли и творчества. Не просто уравновешенный ум, а энергичный энтузиазм, заключающий в себе в виде мощного сгустка благородство поэта, осознающего свое дарование, и при этом снисходительного к другим людям, внимательного к любым проявлениям творчества вокруг

него. Ваш приезд в Париж, часы, проведенные нами вместе, стали знаменательным событием в моей литературной жизни[3].

И Вы встретились с Верхарном, Вы сумели увидеться с Верхарном, которого зачастую трудно найти, и, по словам г-жи Брюсовой, Вы вынесли из этой встречи глубокое впечатление. Так и должно было случиться[4].

В его лице присутствует мощная духовность — впечатление, которое, вне сомнения, усилилось за те четыре или более лет, прошедшие с тех пор, как я его видел. Этого изможденного, замкнутого в себе патриарха посещают пророческие видения. Но согласитесь, что он при этом остается по-человечески простым, точно прохожий, ведущий беседу на дороге повседневной жизни... [5]

Сейчас Вы наверняка уже вернулись к работе, посвятив всего себя «Весам», нуждающимся в Вашей заботе. Я счастлив, что все устроилось, и журнал будет по-прежнему издаваться: во-первых, потому, что Вы находитесь рядом со своим детищем, и, во-вторых, потому, что его обязывают жить собственное прошлое и будущее, определенные для него Вашими идеями, которые, как Вы мне говорили, требуют дальнейшей борьбы[6]. Сохранились ли в силе достигнутые с журналом договоренности относительно Аркоса и Шарпантье? Если да, то с Вашей стороны было бы крайне любезно сообщить мне об этом (прислав 3 письма издателям, которые мы обсудили), чтобы я мог передать Ваше решение обоим критикам вместе с пожеланиями о сроках и датах первого представления рукописей[7].

Благодарю Вас за Ваше решение дать в два последних номера года две заключительные статьи о Малларме, что очень удачно восстановит единство цикла[8]. К 6 января я пришлю Вам несколько рецензий на поэтические книги, а также на небольшую, но неплохо документированную (хотя пока ещё путаную) брошюрку Э. Белло «Заметки о Символизме»[9].

В промежутках между рецензиями я, как мы договорились, в течение года изучу генезис поэтического Движения (1882 и последующие годы) в его психологическом и историческом аспектах, отталкиваясь от своего цикла о Малларме, составляющего теперь фундамент исследования. В таком подходе состоит новаторство, новаторство даже для Франции...[10]

Как только у Вас найдется время, не могли бы Вы взять на себя труд и собрать, как Вы сами мне предложили, французские рукописи всех моих статей, эссе и рецензий[11]. Раз уж они сохранились, я подумываю составить из них томик для публикации здесь[12]. До меня косвенным образом дошли высказывания одного издателя, который вроде бы обнаружил желание опубликовать книгу моих критических статей[13]. Это надо еще обдумать. Я заранее благодарю Вас за любезность, которую Вы мне окажете, исполнив эту просьбу!

Я знаю, что Мерсеро готовит статью или, вернее, серию статей о русских поэтах и что он писал Вам на этот предмет[14]. Я очень рад его решению, поскольку Вы сами убедились в том невежестве, в каком мы пребываем относительно иностранной поэзии! Похоже, что наши «Молодые» в настоящее время полны решимости в своей работе, и я уверен, что Ваши встречи с ними были великолепны. Помимо прочего, Вы продемонстрировали им, что Поэзии нужны люди благородной воли, люди, преданные поставленным целям, — целям, мощным своей отдаленностью...

Надеюсь получить от Вас добрые вести — в самом скором времени, несмотря на задержку в Вашей работе. К дружескому привету г-жи Гиль в адрес г-же Брюсовой прошу Вас присоединить свидетельство моего уважения и симпатии. Крепко, дружески жму руку,

Рене Гиль

P. S. Не могли бы Вы попросить г-на Ликиардопуло послать мне вместе с гонораром за № 5 (5 страниц)[15] гонорар за ноябрьский номер, который вот-вот появится. И затем, как договорились, присылать деньги сразу после публикации каждого номера. Большое спасибо и передайте ему от меня наилучшие пожелания.

---

[1] Письмо И. М. Брюсовой к Алисе Гиль, вероятно, не сохранилось. Ответное письмо Алисы Гиль от 12 декабря 1908 г. публикуется нами в приложении к настоящей переписке (№ 104).

[2] О поездке в Париж, куда Брюсов с женой попали в начале октября, в дневнике Брюсова содержится следующая запись: «Париж. [...] Разыскиваю знакомых. Впечатление от René Ghil'я. M-me René Ghil. Посещение Arcos'a и Mercereau. Весь кружок "Abbaye". У Макса Волошина. У Кругликовой. Русские и французы.

Музеи. Лувр, Лувр и Лувр. Люксембург [...]. Ресторанчики и кафе. [...] Знакомства. Dîner d[u] 14 («обед четырнадцатого числа». — *Р. Д.*). Литературный Париж. Речи. Опять знакомства. Ночь. Шествие на Монмартр. Мы убегаем см. Castiaux (Кастьо).

Два собрания у нас: R. Ghil, m-me René Ghil, Arcos, Duhamel, Mercereau, Castiaux, J. Romain, Ch. Vildrac» (Дневники. С. 140—141).

Упомянутый Брюсовым «обед четырнадцатого числа» («dîner du 14») представлял собой традиционное ежемесячное собрание деятелей литературы и искусства, проводимое с 1904 г. по инициативе Жана Долана, Эжена Карьера и Шарля Мориса. 14 октября 1908 г. обед был созван в честь открытия Осеннего салона. 12 октября Брюсов писал по этому поводу Волошину: «Я знаю, что в среду "обед 14", где Вы хотите быть [...]. Кстати: Вальдор уговаривает меня посетить этот "обед 14". Можно ли оставаться там в стороне, не знакомясь ни с кем или почти? Только при этом условии я бы решился идти, так как мне очень не хочется начинать новые, ни для меня, ни для представляемых мне лиц ненужные знакомства» (ЛН 1994. С. 381). Несмотря на высказанные сомнения, Брюсов вместе с женой присутствовали на обеде в числе 130 приглашенных, среди которых из старых и новых знакомых Брюсова были А. Мерсеро, Е. Кругликова, Танкред де Визан, Ж. Руайер, Поль Кастио и, разумеется, Волошин.

[3] Впечатления Гиля от встреч с Брюсовым содержатся в некрологе, в котором Гиль, в частности, писал следующее: «Я подолгу виделся с Валерием Брюсовым во время двух его приездов в Париж в 1908 и 1912 годах (ошибка Гиля: второй приезд Брюсова во французскую столицу состоялся в 1909 г. — *Р. Д.*). Высокий, худой брюнет в черном рединготе, словно наклоняющийся над вами, он носил усы и короткую, острую бородку; высокая прическа открывала строгий, спокойный лоб. Несколько выступающие скулы и слегка раскосые глаза говорили о его азиатских корнях — о чем-то отдаленно монгольском. Он был благородной осанки и, скрестив руки на груди, говорил медленно. Нередко, высказывая какую-нибудь мысль, он прерывал ее вопросом, точно прислушивался к ней внутренним слухом... Он был в совершенстве знаком с европейскими литературами вплоть до самых последних произведений и, более других, с литературой французской, вызывавшей у него особое восхищение. — Во время наших встреч он говорил также о себе, просто и с

гордостью, о своих изысканиях, о своих достижениях, и проведенные таким образом часы еще сильнее подчеркивали наше интеллектуальное единение, ведь наше знакомство состоялось еще по письмам и воплотилось в самом первом поэтическом принципе: в совершенном поэте должны уживаться творческий дух и критическое чувство.

Как человек он обладал высочайшей волей и искренностью, однако как поэт допускал возможность жить только ради поэзии. Что же касается окружающих его людей, то для них он был страстным, почти деспотичным учителем. В общем и целом, он предлагал или навязывал русской поэзии свою собственную эволюцию. Он поистине заслужил звание "главы русских поэтов", а к 1910 году получил от самых горячих голов куда более точное прозвище "московский диктатор". И если он поддержал советскую революцию, потрудившись, насколько хватило сил, ради спасения литературных и художественных сокровищ, то это значит, что он действительно установил в Москве некую поэтическую диктатуру. Похоже, что вдохновение поэтов нового времени подпало под влияние его духовного превосходства, если исключить, разумеется, странность несколько волнующего мистицизма — христианского примитивизма, завязанного на дионисийском бреде... » [«J'ai vu longuement Valère Brussov à ses deux passages à Paris, de 1908 à 1912. Brun, grand et mince en la redingote noire, d'attitude comme penchée, moustache et courte barbe taillée en pointe et la haute chevelure découvrant calme et serré, le front, — les pommettes un peu saillantes et l'oeil légèrement bridé l'attestaient asiatique, de quelque lointain Mongolique. Bras croisés sur la poitrine, de ligne noble, il parlait avec lenteur et tenant l'idée, interrogeant souvent, écoutant intérieurement... Jusqu'à leurs plus récentes oeuvres, il possédait les littératures Européennes, la nôtre surtout qui surtout suscitait son admiration. — Des heures ainsi passées, où il se parlait aussi lui-même avec l'orgueil. simple de ses recherches et de ses valeurs, s'accentua mieux encore notre intellectuelle communion, — nous étant rencontrés dès nos lettres en un premier concept poétique: qu'en le poète complet doivent coexister et l'esprit créateur et le sens critique.

Volonté et sincérité supérieures pour soi-même, qui n'admettait vivre, pour le poète, qu'en vue de la poésie, Valère Brussov a été en même temps autour de lui un éducateur passionné, presque autoritaire. Il a généralement proposé ou imposé à la Poésie Russe sa propre évolution. Ainsi a-t-il été vraiment "le Maître des poètes Russes", et à mériter même le titre plus explicite et d'à peine d'impatiences qu'on lui décernait vers 1910, de "tyran de Moscou". Et si, s'étant prononcé pour la révolution Soviétique, — après avoir donné ses soins à sauver autant que possible les trésors de la littérature et de l'art, il exerça vraiment à Moscou une sorte de dictature poétique, il paraît que de son ascendant spirituel surtout a dépendu l'inspiration des poètes des temps nouveaux: en en exceptant cependant l'étrangeté d'un assez trouble mysticisme, — de primitivité chrétienne, alliée comme à du délire Dionysiaque...» (Rythme et Synthèse. 1925. № 52, janvier-février. P. 50—51)].

[4] В конце октября 1908 г. Брюсов оставил Иоанну Матвеевну в Париже и поехал в Бельгию в гости к Э. Верхарну, проводившему бóльшую часть года в местечке Кайу-ки-Бик вблизи станции Руазен. Это была первая встреча двух поэтов со времени их заочного знакомства в 1905 г. Вернувшись в Париж за женой, Брюсов тотчас же отбыл в Москву. Впечатления Брюсова от поездки в Бельгию описаны им в очерке «В гостях у Верхарна. Из записной книжки», напечатанном в качестве первого раздела статьи «Литературная жизнь во Франции. IV. Новые книги Эмиля Верхарна» (Русская мысль. 1910. № 8) и в расширенном виде вошедшем в книгу Брюсова «За моим окном» (М., 1913). В очерке есть, в частности, такое место: «Потом мы говорим о Ренэ Гиле, у которого я часто бывал, живя в Париже. — Гиль — хороший поэт, — говорит Верхарн, — но у него страсть — все приписывать себе. Бывало, в начале нашей деятельности, он всех уверял, что я — его ученик. Я не спорил: не все ли мне равно! А другие на такие уверения обижаются. Когда Гиль уверяет Гюстава Кана, что раньше него стал писать "свободным стихом", тот сердится! А "свободным стихом" писал еще Лафонтен. В результате — у Гиля множество врагов, и

до сих пор он не оценен, как должно...» (*Брюсов В.* Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С. 28).

[5] Гиль был хорошо знаком с Верхарном. Их первая личная встреча состоялась не позднее декабря 1886 г., когда бельгийский поэт подарил Гилю свой сборник «Фламандцы» (1883). Позднее они переписывались и неоднократно встречались. О различных аспектах взаимоотношений двух поэтов см.: *Frickx Robert.* Verhaeren et Ghil // Cahiers de l'Association internationale des études française. No. 34, mai 1982. P. 165—178.

[6] Переговоры Брюсова с Поляковым относительно новой редакционной политики «Весов» начались еще в первой половине 1908 г. и продолжались летом того же года — по переписке — во время путешествия Брюсова по Западной Европе. До осени положение оставалось неопределенным. Кризис приобрел особую остроту в конце октября после приезда Брюсова в Москву и достиг апогея в ноябре, когда Брюсов, по его собственным словам, вернувшись, нашел «страшный разгром всего того дела, которое привык считать своим. "Весы" медленно погибали и должны были прекратиться к январю...» (из письма Н. И. Петровской от 8/21 ноября. — ЛН 1976. С. 794).

[7] Речь идет о сотрудничестве Рене Аркоса и Джона Шарпантье в «Весах» в качестве рецензентов текущей французской прозы. Письма к издателям были необходимы им для получения бесплатных экземпляров книг, предназначенных для рецензирования.

[8] Две заключительные статьи Гиля о Малларме были, как указывалось выше, напечатаны соответственно в №№ 11 и 12 за 1908 г. О содержании третьей статьи см. примечание 8 к письму № 56. Последняя статья цикла, названная в русском переводе «Не осуществленные замыслы» (в оригинале — «L'Oeuvre Rêvée»), не оставляла камня на камне от возвышенной мечты ее главного героя. Русский читатель был призван понять, «каким путем он [Малларме] пришел к своим последним произведениям: к стихотворениям возможно меньшего объема, почти исключительно сонетам, в которых он пользовался исключительно игрою аналогий, все более и более утонченных, чтобы выразить идею, иногда поражающую своим ничтожеством. Эта манера вполне определилась в сонете "На могилу Эдгара По" (1877 г.), который в сущности только усиленный вариант "Похоронного тоста Теофилю Готье" (1873 г.)» (Весы. 1908. № 12. С. 73). Приводя мельчайшие подробности, критик высмеивал типографические особенности планируемой Малларме «Книги» и принципы постановки тотальной драмы, сложный план которой заставил Гиля «особенно сильно засомневаться в значении всего задуманного сочинения» (С. 74), ибо «в толпе, в той толпе, о которой Маллармэ говорил, что "порой возникает в ней внезапно потребность стать лицом к лицу с Несказанным и Чистым", это представление не вызвало бы ничего, кроме смеха» (С. 75). Вступая в полемику с А. Моккелем, сказавшим, что «стихотворения Маллармэ похожи на рассеянные статуи, означающие место громадного отсутствующего здания» (С. 78), Гиль подвел крайне неутешительный итог всему творчеству главы французского символизма: «это не более, как красивые слова, так как мы не видим сил, которые могли бы воздвигнуть это здание. Последние произведения Маллармэ, лишенные всякой идеи, и вся поэтическая техника последнего периода его деятельности, пригодная лишь для маленьких стихотворений, для фрагментов, — тоже заставляют сомневаться в его способности осуществить грандиозный замысел, заимствованный им у Р. Вагнера» (Там же).

[9] Книга Этьена Белло «Заметки о символизме» («Notes sur le Symbolisme») была доставлена в редакцию «Весов» через несколько месяцев после опубликования рецензии Гиля, о чем сообщалось в № 5 за 1909 г. (С. 106). Краткий обзор книги был опубликован журналом в № 1 за тот же год, в цикле «Письма о французской поэзии». «Несмотря [...] на все недостатки книги г. Белло и на неумение автора проникнуть в глубину и в истинную психологию поэтического движения конца прошлого века», а также несмотря на откровенно «фельетонный» характер этой публикации (Белло был в свое время газетным репор-

тером), Гиль посчитал, что «его работа заслуживает внимания, как серьезная попытка осмыслить и беспристрастно осветить недавно пережитую важную эпоху» (Весы. 1909. № 1. С. 100), иначе говоря, «наметить, в общих чертах, литературную историю тех годов, которые непосредственно предшествовали великому взрыву 1885 г.» (С. 99). Взгляд на эту историю в изложении автора книги практически по всем пунктам совпадал со взглядами рецензента: «Э. Белло, — писал Гиль, — берет за исходный пункт 1882 г. и следит за первыми признаками поэтического пробуждения, связанного с именем Верлэна и поддержанного маленьким журнальчиком Латинского квартала "Lutèce". [...] Далее он излагает первые шаги литературной деятельности Жана Мореаса, Вьеле Гриффина, Анри де Ренье, и, рассказав историю журнала "Le Scapin", дает нам присутствовать при возникновении "Ecrits pour l'art", "La Plume" и, наконец, "Mercure de France". Вполне беспристрастно г. Белло освещает деятельность "Ecrits pour l'art", показывая, что в 1887 году новые литературные течения еще не были дифференцированы и что большинство молодых поэтов еще принимало тогда теорию "инструментализма". Говоря о первых годах издания "La Plume", г. Белло указывает на колебания этого журнала между тремя поэтами, которых он называет зачинателями всего движения, — Верлэном, Маллармэ и Рене Гилем... Наконец, выяснив степень влияния, в самой среде созданной Маллармэ "символической" школы идей Мореаса в Гюстава Кана, г. Белло говорит совершенно справедливо, что всему этому течению должно противопоставить идеи "научной поэзии"» (Там же).

В предисловии к своей антологии «Французские лирики XIX века» Брюсов упомянул книгу Белло вместе с книгой Гиля «О научной поэзии» в качестве основополагающих для истории французской поэзии: «Сжатый очерк развития символизма дают книги Р. Гиля De la poésie scientifique. P. 1909 и E. Bellot. Notes sur le Symbolisme. P. 1909» (1909. С. XXX).

[10] О содержании статей на эту тему см. примечания 3 к письму № 66 и 8 к письму № 70.

[11] Как указывалось выше, Брюсов или, точнее, И. М. Брюсова, хотя и с опозданием, выполнили просьбу Гиля и отослали рукописи во Францию. Гиль получил их в начале февраля 1909 г. (см. письмо № 61), но, как выяснилось, не полностью. В отделе рукописей РГБ сохранилось значительное число статей и рецензий Гиля, опубликованных в русском переводе в «Весах», а в дальнейшем и в «Русской мысли» (Ф. 386, карт. 56. Ед. хр. 9, 10, 11). Причиной возобновления просьб Гиля вернуть ему рукописи стали, вероятно, изменившиеся правила «Весов». С лета 1908 г. в журнале начало появляться следующее объявление: «В виду значительного наплыва случайного материала, редакция "Весов" лишена возможности сохранять и возвращать непринятые рукописи авторам, независимо от их размера и приложенных на обратную пересылку марок. Редакция поэтому рекомендует авторам оставлять у себя копии и предупреждает, что, в случае непригодности рукописей для журнала, они уничтожаются и никаких объяснений по поводу их, ни письменных, ни устных, редакция давать не может. Лица, не получившие, в течение 3 месяцев, извещения о принятии их рукописи к печати, могут располагать ею по своему усмотрению». Начиная с осени 1908 г. авторы извещались в категорической форме, что «рукописи, доставленные в редакцию, какого бы они размера ни были, ни в коем случае не возвращаются, и по поводу их редакция ни в какую переписку не вступает, хотя бы на ответ были приложены марки».

[12] Как мы уже писали, статьи Гиля, первоначально опубликованные в «Весах», отдельной книгой во Франции не публиковались.

[13] Как явствует из письма Гиля от 9 января 1909 г. (№ 59), речь идет об издательстве «Sansot et Cie».

[14] В архиве Брюсова сохранилось письмо А. Мерсеро, относящееся к этому периоду:

«Бульвар Пор-Руайяль, д. 88 (5-ый [округ])

Париж, 7 декабря 1908 г.

Уважаемый г-н Брюсов, дорогой мой друг!

Мы все сожалеем только об одном, что недостаточно радушно приняли Вас здесь, Вас

и госпожу Брюсову. Мой прием, наш прием был далек от того гостеприимства, которое Вы мне оказали в Москве. Я хотел бы оказать Вам значительно большее почтение, но хорошо уже, что намерение присутствовало, и мы рады видеть, что Вы его с нашей стороны почувствовали.

Я также очень рад тому впечатлению, которое произвел на Вас Верхарн. В искусстве такие чистые жизни, как жизнь Рене Гиля, как Ваша жизнь, представляют собой большую редкость: существует столько соблазнов, и падение так щедро вознаграждается. Спасибо за то, что Вы вспомнили о нас в разговоре с мэтром.

Спасибо за присланные номера "Весов" и четыре книги.

Я с нетерпением жду Ваших стихов для Маринетти, который собирается опубликовать несколько портретов молодых (французских) поэтов, и я хотел бы, чтобы Ваши были опубликованы до них. Я написал Маринетти, что Вы безразличны к гонорару, но поскольку Бальмонт, приславший неопубликованные стихи, желает, чтобы ему заплатили, я сказал Маринетти, что, *по моему мнению*, если он заплатит Бальмонту, Вы тоже, я считаю, должны получить от него сответствующее вознаграждение.

Напишите мне, что Вы об этом думаете.

Я очень *серьезно* взялся за русский язык, и учеба продвигается очень хорошо. Я *в одиночку* перевел для журнала "Poesia" два неопубликованных стихотворения Бальмонта. От Вас же я жду стихи уже переведенные, потому что перевожу я слишком медленно и без сомнения, плохо. Мне придется отдать их кому-нибудь на исправление. Однако через несколько месяцев дело пойдет лучше.

В ожидании Ваших рукописей я работаю самостоятельно, занимаясь повсеместным поиском материалов. Это нелегко, потому что здесь ничего нет. Мой очерк от этого только выиграет — тем лучший будет ему оказан прием, и если я добьюсь успеха, я составлю антологию русской поэзии — все-таки с помощью поэтов, поскольку не хочу наделать глупостей. Я опубликую ее отдельной книгой.

Одилон Редон благодарит Вас за присылку номера "Весов".

Я Вас очень прошу прислать стихи для Маринетти — если можете, несколько — я сообщил ему, что они у него скоро будут (о публикации одного стихотворения Брюсова в журнале Маринетти «Poesia» см. примечание 4 к письму № 72 — *Р. Д.*).

У всех наших сохранились о Вас самые лучшие, неизгладимые воспоминания, о Вас, учитель, и о госпоже Брюсовой. Все они посылают Вам искренний привет.

Примите, уважаемый г-н Брюсов, уверения в моем дружеском почтении и просьбу поцеловать от меня руку госпожи Брюсовой.

Александр Мерсеро»

[«88, Boulevard de Port-Royal (5e)

Paris, le 7 décembre 1908

Cher Monsieur, bien cher ami,

Nous ne regrettons tous qu'une seule chose, c'est de vous avoir reçu si médiocrement, vous et Madame Brussov. Je suis loin, nous sommes loin de vous avoir rendu l'accueil que vous me fîtes à Moscou. Oui, j'auras désiré pour vous un hommage plus grand, mais du moins l'intention y était et nous sommes très heureux de voir que vous nous en tenez compte.

Je suis très heureux aussi de l'impression que vous a produite Verhaeren. En art les vies pures comme celle de René Ghil, comme la vôtre, sont rares: il y a tellement de tentations, et si bien récompensées sont les chutes! Merci d'avoir pensé à nous auprès du Maître.

Merci aussi et bien vivement de l'envoi des *Balances* et des quatre volumes.

J'attends avec impatience vos vers pour Marinetti car il va publier quelques portraits de Jeunes [les nôtres] et je veux que vous passiez avant. J'ai écrit à Marinetti votre désintéressement, mais Balmont — qui m'a envoyé des vers inédits — voulant être payé, je lui ai dit que à mon avis, s'il paye Balmont, *il me semble* qu'il doit vous offrir le même dédommagement.

Vous me direz ce que vous en pensez.

Je suis en train d'apprendre très *sérieusement* le russe et ça va bien. J'ai traduit hier *tout seul* deux poèmes inédits, de Balmont pour *Poesia*. Mais donnez-moi les vôtres traduits, car c'est trop long et sans doute mauvais, et je serai obligé de faire corriger mes traductions. Mais d'ici quelques mois ça ira mieux.

En attendant vos documents, je travaille seul et cherche partout, malheureusement c'est difficile car il n'y a rien ici. Mon étude n'en sera que mieux accueillie et si je réussis, je ferai une anthologie russe — avec l'aide des poètes néanmoins car je ne veux pas faire des bêtises — que je publierai en volume.

Odilon Redon vous remercie pour l'envoi de la *Balance*.

Je vous en prie, envoyez s'il vous plaît les poèmes pour Marinetti — plusieurs si vous pouvez — je les lui ai annoncés pour bientôt.

Tout le monde a gardé ici le meilleur et plus vivace souvenir de vous, du Maître et de Madame Brussov et vous envoi leur sincère amitié.

Croyez je vous prie, cher Monsieur, à ma respectueuse sympathie et veuillez pour moi baiser la main à Madame.

Alexander Mercereau» (РГБ. Ф. 386, карт. 94. Ед. хр. 49)].

[15] В № 10 «Весов» за 1908 г. Гиль опубликовал отзывы о трех стихотворных сборниках: Габриеля Воллана «Зачарованный парк» (*Volland Gabriel.* Le Parc enchanté. 1908), Ш. Савари «Как Суламифь» (*Savarit Ch.* Comme la Sulamite. 1908) и Габриеля Мурея «Зеркало» (*Mourey Gabriel.* Le Miroir. 1908). Первый сборник — «Очарованный парк» Г. Воллана, лауреата премии Министерства внутренних дел и изящных искусств, — был объявлен рецензентом книгой без философской идеи, перепевающей «темы романтиков и парнасцев» (С. 111). При этом Гиль не преминул упомянуть о размере премии (3 тысячи франков) и обрушился на организационный комитет, который, по его словам, объединяло «одно общее стремление: увенчать своей мудростью талант честной посредственности. Задача не из легких, — продолжал он. — Не потому, что трудно найти такого рода талант, а потому, что он слишком расплодился в наши дни. Такой талант, не заботящийся ни о своей личности, ни о мысли, ни об искусстве, очень свойственен большинству современных поэтов, и те, что им обладают не в достаточной мере, всегда стараются овладеть им вполне. О! таким образом можно надеяться получить одну из бесчисленных премий, — награда, достойная высоких стремлений! Можно будет увидать свой портрет в каком-нибудь журнале, где литература, моды и спорт уживаются рядком, в журнале типа "Femina" и "Je sais tout". И кто знает! вчерашний лауреат, увенчанный господами Доршэн, Фагэ и Мендесом, быть может удостоится даже чести видеть ежемесячно одно свое стихотворение напечатанным на четвертой или пятой странице "Journal", между двумя рассказами о похождениях апашей» (С. 110). Рецензент был, напротив, «обрадован» появлением сборника стихов Ш. Савари, уже издавшего «два очень интересных трактата: "Философию Воспитания", "Философию Права" (третий "Философия Науки" готовится)» (С. 111). Посвященный Э. Верхарну сборник Габриеля Мурея «Зеркало», хотя и с оговорками, также вызвал энтузиазм рецензента своей яркой индивидуальностью, особого рода пантеизмом и колоритом. В конце отзыва Гиль, однако, возражал против природы применяемого автором ритма, порождаемого (как и у Верхарна, Г. Кана и Вьеле-Гриффена) зрительными ощущениями, а «не энергией мысли, которая сама творила бы из глубины чувства размеры и ритмы для своего воплощения» (С. 114). И заключал наставительно: «чтó одно должно быть основанием истинной ритмики» (Там же).

59. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 9 Janvier 1909

Bien cher ami,

Infiniment merci pour votre longue lettre si pleine d'amitié, qui me va au coeur[1]. — Mais tout d'abord, ce 6 courant j'ai expédié à M. Lykiardopoulos 4 Comptes-rendus des vol[umes] les plus intéressants, avec quelques lignes seulement pour éviter les redites, sur l'état poétique présent — dont vous-même avez vu l'indécision et la décadence[2].

J'ai chargé M. Lykiardopoulos de vous offrir mes voeux déjà, ajoutant que j'allais vous les présenter moi-même, et de Mme Ghil avec moi à Mme Brussov, en *une lettre prochaine de moi*, tant je sentais, mon cher ami, que vous aviez mille tracas![3]

Mme Brussov, en nous disant cette bonne nouvelle «la *Balance* sauvée pour 1909»[4], nous laissant prévoir en même temps ô de combien de soucis et d'énergie résultait cette nouvelle... Que de jolies intrigues je devine en votre absence autour de cette *Balance* qui doit en gêner beaucoup, — et comme ce fut mesquin, profiter de votre éloignement! Cependant, vous devez en être fier, — et c'est bien, et c'est de belle réponse, la *Balance* qui continue de par votre volonté! Je suis heureux pour la *Balance* elle-même ou ce qui la remplacerait à l'avenir, car, je vous l'ai dit, pareille publication est nécessaire aux destins poétiques, — mais je suis heureux, autant et plus, de votre victoire![5]

Maintenant, noblement vous me disiez la presque impossibilité morale où vous vous trouviez, que j'approuverais, d'entendre même d'autres propositions de Revue: ou, voici que ce qui a été tramé en votre absence vous rend toute liberté pour les prochaines années, au mieux de votre volonté d'art...

Je suis très touché du passage de votre lettre, où vous voulez bien me dire qu'en votre pensée je ne suis point un collaborateur étranger, et suis parmi les plus proches de la *Balance*. Ce sont là des paroles qui m'ont ému beaucoup, et déjà, en les pages d'annonce du No. 11, récapitulant l'année 1908, j'avais été flatté de mon nom parmi les noms Russes d'Ivanov et Biely, — comme ayant aidé à la «poésie de pensée» chez vous...[6] Je n'ai pas à dire que j'apporterai tout mon dévouement, je dis simplement que ce dévouement je vous l'ai donné selon mes forces: il continuera pour mériter vos affectueuses paroles. Et, — merci!

— J'ai prévenu M. John Charpentier de préparer son 1er article, mais lui ai demandé de me venir voir pour causer de la manière efficace de composer ses comptes-rendus, qui seront d'une conscience absolue, je vous l'ai affirmé[7]. Arcos m'avait prévenu qu'il étudierait le dernier livre d'A. France[8].

— Je vous enverrai donc, que vous recevrez vers le 5 Février, un 1er article sur les origines, tout au début amorphes, alors qu'on retrouve Verlaine, vers 1882[9].

Je vous envoie ici trois copies pour les Editeurs. Il suffit qu'elles soient reproduites à la main, un exemplaire pour chacun de nous (car il suffit de les montrer à chaque éditeur), — sur papier à en[-]tête de la *Balance*, signature de l'administration et cachet.

Je vous suis très reconnaissant d'avoir pris le soin, au milieu de tant d'ennuis, de rechercher mes copies françaises. Je ne les ai pas encore reçues à ce jour, mais rien d'étonnant, les postes sont encombrées. Je vous avertirai, d'un mot, de leur réception.

Et, moi aussi, me voici retenu moralement. C'est la maison d'édition Sansot et Cie qui a émis le souhait d'avoir de moi un livre de Critique. Or, mon éditeur est Messein, pour l'oeuvre de vers. — Et, comme vous le savez, ici les volumes de vers, de n'importe qui, s'écoulent à la longue, tandis qu'un volume de critique certainement se vendra très rapidement. Or, je me suis dit qu'il n'est pas juste que je porte à un autre éditeur une vente facile... J'ai donc été voir Messein, lui expliquant cela franchement, et il m'a dit qu'il prendrait, lui aussi, avec empressement ce livre, — mais il a eu engagement avec Tailhade (qui d'ailleurs lui doit de l'argent) pour un volume de critique, aussi sur le temps «Symboliste». Il sait parfaitement que de Tailhade il aura encore un volume assez fantaisiste et partial (tel le recueil d'articles de Kahn *Décadents et Symbolistes*[10]) mais, enfin, il est engagé — et puis il voudrait bien, je vois, essayer de rentrer dans la somme qui lui est due! — A moins que Tailhade ne fasse rien...[11] Je dois revoir Messein, — mais je me demande si je ne lui dirai pas simplement que je reporte mon volume à 1910 pour le lui donner à lui: car j'ai vu qu'il était très sensible à la courtoisie — pourtant bien simple — de ma démarche[12].

Enfin, nous verrons — et, d'ailleurs, en attendant, je pourrais y mettre des articles parmi ceux que j'écrirai cette année pour la *Balance*, qui seront choses bien inédites...

Quand vous en aurez le temps, sans le perdre pour votre travail qui doit avoir souffert de tout votre ennui, écrivez-moi, n'est-ce pas? de votre passage en Belgique et chez Verhaeren, que je suis bien heureux que vous ayez rencontré.

Et maintenant, tous nos voeux, de tout coeur et de toute amitié, de nous deux pour Madame Brussov et vous. Votre venue, à tous deux, je veux toujours le répéter, a été une grande joie pour nous, et nous vous avons trouvés si ressemblants à ce que nous rêvions de vous.

Bien votre ami, et à bientôt,

René Ghil

P. S. J'ai, à la suite de mes Comptes-rendus, noté les livres reçus. De deux ou trois, je parlerai encore.

59. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 9 января 1909 г.

Бесконечно благодарен Вам за длинное письмо, исполненное дружбы, тронувшей мне душу[1].

Однако сначала о делах: шестого числа сего месяца я отправил г-ну Ликиардопуло 4 рецензии на самые интересные книги, сопроводив их, дабы избежать повторений, несколькими строками о состоянии текущей поэзии, нерешительность и упадок которой Вы сами могли констатировать[2].

Я попросил г-на Ликиардопуло передать Вам мои наилучшие пожелания, добавив, что собираюсь и сам сделать это *в ближайшем письме* (а также передать пожелания от меня самого и моей супруги — г-же Брюсовой), поскольку я предчувствовал, мой дорогой друг, что на Вашу долю выпали тысячи досадных потрясений![3]

Сообщая нам приятную новость о том, что «на 1909 год "Весы" спасены»[4], г-жа Брюсова дала нам в то же время понять — ах! — в результате каких трудов и какой энергии родилась эта новость... Могу вообразить, какие милые интриги развертывались в Ваше отсутствие вокруг «Весов», вероятно, мешающих многим. И как это мелко — воспользоваться Вашим отъездом! Тем не менее, происходящее должно вселять в Вас гордость. Все идет хорошо. Вот великолепный ответ: «Весы» продолжают издаваться благодаря Вашей воле! Я счастлив за «Весы», счастлив за журнал, который заменит их в будущем, поскольку, как я Вам уже говорил, подобный орган необходим для поэтических судеб, но еще в большей степени я рад Вашей победе[5].

С каким благородством говорили Вы мне, что считаете чуть ли не нравственной невозможностью слышать сами предложения по поводу другого журнала, и я одобрял подобное благородство. И вот теперь заговоры, сплетенные в Ваше отсутствие, дают Вам свободу на все ближайшие годы для блага Ваших решительных действий в искусстве...

Я тронут тем местом в Вашем письме, где Вы любезно замечаете, что в Ваших думах я присутствую не как иностранный корреспондент, а, напротив, как один из ближайших сотрудников «Весов». Эти слова меня сильно взволновали, особенно после того, как в № 11, в анонсе на 1909 год, подводящем итог 1908 году, мое имя появилось в лестном соседстве с именами русских поэтов — Иванова и Белого, появилось как имя человека, который помог «поэзии мысли» в Вашей стране...[6] Не мне говорить, что я впредь выкажу всю свою преданность. Сформулирую проще: я уже выказал всю свою преданность, насколько это было в моих силах, и впредь буду поступать так же, чтобы оправдать Ваши теплые слова. И еще раз спасибо!

Я предупредил г-на Шарпантье, чтобы он подготовил свою первую статью, но попросил зайти ко мне для разговора о том, как с наибольшей пользой писать рецензии, которые, уверяю Вас, будут выполнены с абсолютной добросовестностью[7]. Аркос ранее сообщил мне, что изучит последнюю книгу А. Франса[8].

Итак, к 5 февраля Вы получите от меня первую статью об истоках движения (вначале совершенно бесформенного), на фоне которого к 1882 году возникает Верлен[9].

Направляю Вам с этим письмом три текста для издателей. Их достаточно переписать от руки, по экземпляру для каждого из нас (поскольку их достаточно показать каждому издателю). Сделать это необходимо на бланке «Весов» с подписью администрации и печатью.

Я Вам очень благодарен за то, что среди стольких неурядиц Вы взяли на себя труд по подбору всех моих французских рукописей. Почта сейчас загружена, так что я их до сих пор не получил, но это не удивительно. Я сообщу Вам, как только они придут.

Я тоже был поддержан морально. Книгоиздательство, которое выразило желание опубликовать сборник моих критических статей, называется «Сансо и К°». Я же постоянно печатаю поэтические книги в издательстве «Мессен». И, как Вам известно, здесь, во Франции, стихотворные сборники, кому бы они ни принадлежали, продаются медленно, в то время как томик критических статей, разумеется, разойдется очень быстро. Однако, сказал я себе, будет несправедливо, если я предоставлю другому издательству возможность быстро распродать тираж... Поэтому я пошел в «Мессен» и откровенно объяснил это издателю. Тот сказал, что он тоже с готовностью взял бы книгу, если бы не был связан обязательством с Тайадом (который, кстати сказать, остался ему должен) на предмет написания критического сборника, также посвященного эпохе Символизма. Он с точностью знает, что Тайад принесет очередную книгу, отмеченную вымыслами и пристрастными оценками (подобно сборнику статей Кана «Декаденты и символисты»[10]), но, что делать? — он связал себя обязательством и к тому же, насколько я понимаю, очень хочет уложиться в сумму, которую Тайад ему задолжал! Разве что Тайад вообще ничего не напишет...[11] Мне предстоит вновь повидаться с Мессеном. При этом я спрашиваю себя, может быть, стоит просто сказать ему, что я переношу свою книгу на 1910 год ради того, чтобы напечататься у него. У меня создалось впечатление, что он расчувствовался от куртуазности моего поступка, такого, впрочем, обыкновенного[12].

Но поживем — увидим. Тем временем я смогу дополнить книгу статьями, которые напишу в этом году для «Весов». По-французски это будет считаться первой публикацией...

Напишите мне как-нибудь на досуге, не отрывая, разумеется, времени от работы, которая, должно быть, много претерпела от всех этих неприятностей. Напишите о Вашей поездке в Бельгию и к Верхарну. Я так счастлив, что Вы с ним встретились.

А теперь примите от нас обоих исходящие от всего сердца проявления дружбы — и к Вам, и к г-же Брюсовой. Приезд Вашей четы — я буду это всегда повторять — был для нас огромной радостью. Мы нашли Вас такими похожими на тот образ, который сложился в нашем воображении, когда мы о Вас думали.

До скорого, Ваш друг

Рене Гиль

P. S. К посылаемым рецензиям я приложил список полученных мною книг. О двух-трех из них я еще напишу.

---

[1] Письмо Брюсова, о котором пишет Гиль, вероятно, утрачено.

[2] См. примечание 15 к предыдущему письму (№ 58).

[3] Среди рукописей Гиля сохранилось упоминаемое письмо к М. Ликиардопуло от 6 января 1909 г. В нем говорилось:

«Многоуважаемый собрат!

С пожеланиями всего, что Вы сами себе желаете в новом году, посылаю Вам с той же почтой отзывы о нескольких стихотворных сборниках для № 1 "Весов": публикацией очерка

о Малларме в № 12 за этот год (очевидно, по старому стилю. — *Р. Д.*) цикл о нем заканчивается.

Я попросил бы Вас передать г-ну Брюсову выражение моей дружбы и мои пожелания прежде, чем я сам пошлю их ему в следующем письме. — Г-на Полякова, насколько мне известно, нет в Москве.

— Если только чеки не находятся уже в пути, я буду Вам крайне благодарен, если Вы найдете время и вышлете, сразу по получении этого письма, гонорары за номера 10, 11 и 12, *не дожидаясь выхода последнего*. Итого:

№10, ———— 5 страниц ———— 50 фр.
№ 11,———— 6 1/2 страниц ———— 65 фр.

115 фр.

Заранее благодарю. Сердечно жму Вам руку. Ваш, Рене Гиль»

[«Cher et honoré Confrère,

Avec tous mes souhaits selon vos désirs, pour cette nouvelle année, — je vous envoie sous ce pli des comptes-rendus de volumes de vers, pour le No. 1 de la *Balance*. Après le No. 12 de cette année, prenant fin mon Etude sur Mallarmé.

Je vous prierais de dire à M. Brussov mes amitiés et mes voeux, en attendant que je les lui envoie en une lettre prochaine. — Je crois que M. Poljakoff est absent de Moscou.

— Maintenant, si ce n'est pas déjà en route, je vous serai très reconnaissant de prendre un moment pour m'adresser, au reçu de cette lettre, le montant des honoraires des Nos 10 et 11, et sans attendre les parutions du No. 12, — c'est à dire:

No. 10,———— 5 pages ———— 50 fr
No. 11,———— 6 1/2 pages —— 65 fr

115 fr

Merci d'avance, en vous serrant cordialement la main. Vôtre, René Ghil» (Фонд Гиля во Французской национальной библиотеке. Без нумерации)].

[4] Упоминаемое письмо И. М. Брюсовой нам неизвестно.

[5] Несмотря на частые жалобы, что «Весы» ему надоели, Брюсов в январе 1909 г. предпринял последнюю попытку спасти близкий его идеалам журнал, инициатором которого он когда-то выступил и которому отдал столько сил и времени. Он решил «бороться во что бы то ни стало» и «в 1909 г. так или иначе, но издавать "Весы" или другой журнал и удержать за своими идеями в литературе то место, какое им надлежит» (из письма к Н. И. Петровской от 8/21 ноября. — ЛН 1976. С. 794). Обращение к С. Полякову предоставить ему журнал в единоличное распоряжение, однако, не имело успеха, после чего «Весы» вновь оказались на краю гибели. В результате долгих переговоров с сотрудниками Поляков дал согласие продолжать «Весы» еще год в соответствии с выработанной «конституцией».

[6] В программе на 1909 г., опубликованной в № 11 «Весов» за 1908 г., в перечне различных имен, указывалось: «будут продолжать свои отчеты о французской литературе *Ренэ Гиль, Ренэ Аркос и Ж. Шарпантье*» (С. 91). В интересах точности отметим, что Ж. Шарпантье, как это явствует также из комментируемого письма, до этого времени к сотрудничеству в журнале не привлекался. В анонсе на 1909 г., опубликованном в № 12, появилось следующее сообщение: «В "Весах" принимают участие. Французская литература: Ренэ Аркос, Ренэ Гиль, Реми де Гурмон, Жан де Гурмон, Эсмер-Вальдор (А. Мерсеро), Ж. Шарпантье».

[7] См. примечание 5 к письму № 64.

[8] Рецензия Р. Аркоса на роман Анатоля Франса «Жизнь Жанны д'Арк» («La Vie de Jeanne d'Arc») была опубликована в № 6 за 1909 г. В целом же, в период своего сотрудничества

в «Весах», он поместил в журнале еще три самых разных по тематике материала. Так, в № 2 за 1908 г. была опубликована его обзорная статья «Взгляд на французскую литературу в 1907 г.», в которой, по его собственным словам, произнесенным через несколько месяцев по тому же поводу, он «горько жаловался на все растущее равнодушие избранной французской интеллигенции ко всему тому, что касается стремлений современной мысли и науки» (Весы. 1908. № 9. С. 78). В отличие от Гиля, постоянно настаивавшего на своей объективности и беспристрастности, Аркос указал, что «из груды книг», его окружающих, он «конечно, выбирал несколько наощупь или, вернее, повинуясь внутренней интуиции, может быть, продиктованной той партийностью, избежать которой не может никто» (1908. № 2. С. 95). Главным образом Аркоса привлекли писатели, которые не подчиняются «правилам» и происходят «из великой семьи Эдгаров По, Бодлэров, Вилье де Лиль Аданов, Маллармэ, Римбо, Лафоргов, Верлэнов, Гольбергов....» (Там же). Освещение прижизнeнных и посмертных книг М. Гольберга, рано умершего литератора из группы «Аббатство», заняло добрую половину его обзорной рецензии, вторая часть которой была отведена под беглые характеристики романов Поля Адана и Андре Жида, за которыми последовало ознакомительное описание трактата М. Метерлинка «Разум цветов» и перечень произведений других авторов. В заключение, верный своему методу, рецензент отметил сборник Александра Мерсеро «Люди из разных мест» («Les Gens de là et d'ailleurs») — «рассказы тонкого психолога, написанные стилем, в котором чувствуется влияние лучших традиций литературы» (Там же).

В № 9 за 1908 г. Аркос опубликовал «Письмо из Парижа», освещающее сразу несколько книг нескольких писателей. Прежде всего — сборники статей Поля Адана из цикла «История Идеала в веках»: «Империализм и мораль народов» («Les impérialismes et la morale des peuples», 1908), «Мораль Франции» («La morale de la France», 1908), «Мораль Парижа» («La morale de Paris», 1908). От Поля Адана рецензент перешел ко второй серии «Философских прогулок» («Promenades philosophiques», 1908) Реми де Гурмона, а затем коротко остановился на путевых очерках Октава Мирбо «Автомобиль 628-Е8» («L'Auto 628-E8», 1907). Уделив некоторое место сборнику рассказов Виктора Личфуса «Бесстыдные» («Les impudiques»), он закончил свой обзор эпистолярным романом Танкреда де Визана «Письма к избраннице» («Les lettres à l'élue», 1908).

Третья публикация Аркоса в «Весах» — обширный отчет о художниках Осеннего салона, вступительные страницы которого были посвящены проблемам развития современного искусства. Некоторые положения этой части обзора должны были понравиться Гилю: «Каково же будет искусство будущего? Каким вообще должно быть произведение живописи? Нам кажется, что художники возвращаются к *мысли*, к этой вечной основе всякого творчества, к творческому и повелительному принципу мира, по словам Анаксагора. К мысли, которая разлагает, рассматривает, снова собирает и устанавливает бесконечное число отношений между вещами. Мысль, думаем мы, должна играть бóльшую роль в искусстве будущего. Она должна будет дать определение всем ощущениям и выразить только синтез их для более непосредственного, более полного восприятия их. Она даст схемы зрения и впечатления, изгоняя всякие подробности, которые могли бы оказаться лишними и даже помешать целостности восприятия. Всякое искусство есть только страстный комментарий, и мысль снабдит этот комментарий запасами классификации, отбора, творческой фантазии — гипотезы. Но, разумеется, — *выявление* или *воссоздание* должны в живописи оставаться *живописными*» (1908. № 11. С. 82).

В Отделе рукописей московского Института мировой литературы сохранились три рукописи Аркоса: «"Жизнь Жанны д'Арк" А. Франса» (ИМЛИ, Ф. 290. Оп. 1. № 2), «Эмиль Верхарн. Человек и произведения» (№ 3) и «Осенний салон» (№ 4).

[9] См. примечание 3 к письму № 66.

[10] Гиль был невысокого мнения о книге Гюстава Кана «Символисты и декаденты» (1902), которую он назвал в одной из своих ранних русских публикаций «весьма неточной,

неполной, но болтливой [...], замалчивающей неудобные для нее имена и события» (Весы. 1904. № 6. С. 49). Через некоторое время он вновь возвращается к этой «непродуманной, партийной, бесплодной книге», автор которой «заботится лишь об одном: проходить молчанием или отрицать против очевидности все те теории, все те создания, все те имена, которые ему нежелательны» (1905. № 3. С. 50). Аналогичного мнения о мемуарах Г. Кана придерживался М. Волошин, убежденный, что «заносчивая и часто лживая книга Кана» является плохим свидетельством об истории французского символизма (ЛН 1994. С. 317).

[11] В библиографии, заключающей переиздание антологии «Французские лирики XIX века» (ПССП 1913. С. 234), Брюсов указал на наличие «ценного» в воспоминаниях Ж. Мореаса «Наброски и воспоминания» («Esquisses et Souvenirs», 1908), А. де Ренье «Портреты и воспоминания» («Portraits et Souvenirs», 1913) и Л. Тайада «Несколько призраков прошлого» («Quelques fantômes de jadis», 1913).

[12] См. также письмо № 78.

60. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 27 Janvier 1909

Bien cher Ami,

Je ne vous écris qu'un simple mot encore, laissant du travail qui me tient fort pour une semaine encore...

C'est que je suis très inquiet! Le 9 courant, je vous écrivis vous disant que le paquet des manuscrits que vous m'annonciez n'était pas arrivé encore[1].

Vers le 15, à nouveau je vous ai envoyé une *carte postale* (me trouvant dehors, sans autre papier sous la main), — pour vous avertir que rien n'était venu, — et que, perplexe, je demandais à la poste Française de faire des recherches[2].

Je n'ai pas de réponse encore. D'ailleurs, je ne pouvais affirmer que le paquet fût bien parti de Moscou. Car j'espère toujours que vous avez donné ordre d'envoyer, et que cela n'a pas été fait? — Perdu, quelle serait la malchance! car je crois que jamais une lettre entre nous n'a été égarée...

Je vous prie, avez-vous reçu mes lettres, et avez-vous fait le nécessaire pour voir si c'est parti? Et, si oui, informez la poste Russe.

En même temps, voudrez-vous (que de soins, dont je vous charge, mon cher ami!) rappeler à M. Lykiardopoulos que je n'ai pas reçu les honoraires depuis trois Nos.

Je lui ai écrit ce mois, avant que me fût venu le No. 12, lui demandant ce qui était paru. Je vous prie, faites-moi donc envoyer maintenant, *et au reçu de cette lettre*, j'en aurai grand plaisir, les honoraires des *trois Nos*, — c'est-à-dire, je crois:

No. 10	5 pages	=	50 fr
No. 11	61/2	=	65 fr
No. 12	71/2	=	75 fr
			190 fr

— Et encore, merci de tout cela! J'attends aussi un mot de vous, pour les Manuscrits. Et j'espère, malgré tout!

Je vous prie, mes hommages et les amitiés vives de Mme Ghil à Madame V. Brussov. — Bien affectueusement, vôtre

René Ghil

Vous *recevrez* mon 1er article sur les années 80, — vers le 6 ou 7 Février[3].

60. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 27 января 1909 г.

Дорогой Друг!

Пишу Вам по-прежнему очень коротко, откладывая в сторону работу, которая отнимает у меня все время и это продлится еще целую неделю...

Пишу, потому что очень обеспокоен! 9 числа этого месяца я сообщал Вам, что пакет с рукописями, об отправке которого Вы мне написали, еще не пришел[1].

Около 15 числа я снова отправил Вам *открытку* (я находился вдали от дома и у меня под рукой не оказалось бумаги), в которой предупредил, что ничего так и не пришло и что я, пребывая в недоумении, обратился к французской почте с просьбой предпринять поиски[2].

Я до сих пор не получил ответа. Кстати сказать, я не мог с точностью утверждать, что пакет ушел из Москвы. Продолжаю надеяться, что Вы дали распоряжение его отправить, но это не было сделано. Так ли это? Если он потерялся — какое несчастье! Я уверен, что все без исключения письма нашей с Вами переписки всегда достигали адресата...

Прошу Вас, ответьте: получили ли Вы мои письма и сделали ли Вы все необходимое, чтобы проверить, отправлен ли пакет? Если да, оповестите российскую почту.

В то же время, не могли бы Вы (сколько хлопотных дел я Вам перепоручаю, дорогой друг!) напомнить г-ну Ликиардопуло, что я не получил гонораров уже за три номера.

Я писал ему в этом месяце, до получения № 12, спрашивая, что́ успело появиться? Прошу Вас, *сразу же по получении этого письма* позаботьтесь об отправке мне гонораров *за три номера*. Вы окажете мне этим большую любезность. Это выглядит, кажется, так:

№ 10	5 страниц	=	50 фр.
№ 11	6	=	65 фр.
№ 12	7	=	75 фр.
			190 фр.

Еще раз благодарю Вас за всё! Жду от Вас также ответа по поводу рукописей. Несмотря ни на что, я продолжаю надеяться!

Передайте, пожалуйста, мое почтение г-же Брюсовой и ей же теплый дружеский привет от г-жи Гиль. Искренне Ваш,

Рене Гиль

К 6—7 февраля Вы *получите* мою первую статью о 80-х годах[3].

---

[1] Письмо, в котором Брюсов говорил бы об отсылке Гилю рукописей, нам неизвестно.

[2] Открытка, упоминаемая Гилем, вероятно, утрачена.

[3] Названная статья была опубликована в «Весах» только в мае 1909 г.

61. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 2 Février 1909

Cher Grand ami,

Sous ce pli vous trouverez le 1er Article sur le *Mouvement moderne*, tout à ses débuts. Je crois qu'il y aura là des choses déjà intéressantes, inconnues ou oubliées, et de plus en plus, quand nous allons avancer, voir l'agitation augmenter, chercher ses voies, etc...[1]

Ma dernière lettre, écrite quand j'étais très inquiet du sort des Manuscrits, est maintenant non avenue: car j'ai reçu ce paquet de copies, et avec une bien grande joie. Je ne saurais trop vous remercier d'avoir eu la pensée de me garder tout cela! (Je vous prie, voudrez-vous faire la même chose encore, surtout pour la suite des *Lettres sur la Poésie Française)*. Merci infiniment.... Il y a une heure, j'ai reçu aussi les honoraires des Nos 10, 11, et 12... C'est parfait, et j'en accuse ici réception, je vous prie, pour M. Lykiardopoulos.

Mais voulez-vous remercier Madame Brussov d'avoir bien voulu si aimablement être votre secrétaire pour me tirer d'inquiétude à propos des manuscrits. Et la remercier pour Mme Ghil très heureuse, très confuse aussi qu'elle ait pensé si vite à elle! Elle lui envoie toutes ses amitiés, en même temps que mes hommages. D'une durable joie pour elle est d'avoir connu Mme Brussov. Elle me disait qu'avec Maurice Denis et Mme M. Denis, vous aviez reparlé avec plaisir de Paris[2]. Nous nous disons qu'alors, vous y reviendrez encore, — avant trop longtemps!

Vous travaillez beaucoup, donnant des Conférences, par surcroît[3]. Votre activité est admirable, — mais, de vous avoir vu, je sais que vous êtes tout énergie, fortement voulue.

Je viens de donner à l'éditeur Messein mon Manuscrit corrigé, pour le dernier volume de la 1ère Partie rééditée. Pour milieu d'Avril[4].

Dans une dizaine de jours, je vous enverrai le petit volume *De la Poésie scientifique* chez l'éditeur *Gastein-Serge*[5]. Cela vient bien à l'heure qui semble bonne: car

peut-être avez-vous lu le Discours de réception de Poincaré à l'Académie française: il a parlé longuement et bellement, à propos de Sully-Prudhomme qu'il remplace de la Poésie scientifique, telle que je l'ai conçue, — et disant et faisant dire à Sully-Prudhomme même, que ce n'est point, en effet, de poétiser sur les merveilles de la Science, mais d'élever sur ses bases des concepts nouveaux du *monde, en sortant de la poésie égotiste* où resta S[ully]-Prudhomme. Ce discours a fait sensation, — et ce prouve aussi que les temps ont changé, et que la Poésie scientifique a pénétré l'ambiance, malgré toutes les luttes contre elle... Mais, rassurons-nous, les luttes ne sont pas finies, pendant des années encore! Et c'est là ce qui est heureux pour nos idées[6]...

Je vous quitte, ayant encore, pour une huitaine, du travail pressé. Quand vous serez vous-même débarrassé un peu de votre hâte, écrivez-moi, n'est-ce pas? Merci encore, et la poignée de main amie de votre fervent,

René Ghil

P. S. Vous avez dû recevoir l'article de M. John Charpentier...[7] Quand vous y songerez, faites donc, je vous prie, faire les trois lettres pour les éditeurs, qui seront utiles[8].

R. G.

61. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 2 февраля 1909 г.

Мой дорогой, мой большой Друг!

Вместе с этим письмом Вы получите первую статью о «Современном движении» от самых его истоков. Как мне кажется, в ней содержатся очень интересные сведения, малоизвестные или забытые. Таких сведений будет все больше по мере того, как мы будем продвигаться вперед: мы увидим, как растет общественное возбуждение, как начинается поиск новых путей и т. д.[1]

Мое последнее письмо, которое я писал в крайнем беспокойстве за судьбу рукописей, теперь утратило свою актуальность, поскольку я к своей огромной радости наконец получил пакет с бумагами. Не знаю, как Вас благодарить за то, что Вы не забыли о моей просьбе и сохранили эти статьи! (Прошу Вас поступать так же в будущем. Особенно это касается продолжения «Писем о французской поэзии».) Бесконечно Вам благодарен... Час тому назад я получил и гонорары за номера 10, 11 и 12. Все отлично. Передайте г-ну Ликиардопуло, что он может считать это письмо распиской в получении.

И поблагодарите, пожалуйста, г-жу Брюсову за то, что она так любезно исполнила роль Вашего секретаря, сняв с меня волнения по поводу рукописей. Поблагодарите ее также от имени г-жи Гиль, которая счастлива и смущена тем, что г-жа Брюсова сразу же подумала о ней. Моя супруга посылает г-же Брюсовой

самый дружеский привет, а я — свидетельство своего почтения. Знакомство с г-жой Брюсовой надолго стало для г-жи Гиль истинной радостью. Она рассказала мне, что Вы с удовольствием вспоминали Париж при встрече с Морисом Дени и его женой[2]. Из этого мы сделали вывод, что Вы сюда еще вернетесь — в самом ближайшем будущем!

Вы напряженно работаете и, мало этого, выступаете еще и с лекциями[3]. Ваша деятельность вызывает восхищение. Однако, увидев Вас однажды, я знаю, что Вы целиком состоите из энергии, питаемой сильной волей.

Я недавно сдал в книгоиздательство «Мессен» исправленную рукопись последнего тома переиздания первой части. Книга выйдет в середине апреля[4].

Дней через десять я передам издательству «Гастен-Серж» брошюрку «О научной поэзии»[5]. Время, похоже, благоприятствует выходу книги. Быть может, Вы читали выступление Пуанкаре на церемонии по поводу его приема во Французскую академию. Он говорил долго и красноречиво о Сюлли-Прюдоме, кресло которого занял в Академии, и в связи с этим затронул научную поэзию, придерживаясь принципов, согласно которым я эту поэзию замыслил. Он говорил от своего имени и вложил в уста Сюлли-Прюдома слова о том, что поэтическим языком не следует выражать рассуждения о чудесах Науки, а, напротив, следует возвести на научном фундаменте новую концепцию *мира, выйдя за пределы эготической поэзии,* в рамках которой остался Сюлли-Прюдом. Это выступление стало сенсацией, и это доказывает, что времена изменились, и Научная поэзия проникла в творческую среду, несмотря на всю борьбу против нее... Но не будем обольщаться, борьба еще не закончена и будет длиться многие годы! И это большое счастье для наших идей...[6]

Покидаю Вас, возвращаясь к срочной работе, которой хватит еще на неделю. Напишите мне, когда сами освободитесь от неотложных дел. Еще раз спасибо. Жму руку с уверениями пламенной дружбы,

Рене Гиль

P. S. Вы, должно быть, уже получили статью Джона Шарпантье...[7] Когда у Вас будет досуг, распорядитесь, пожалуйста, подготовить три письма для издателей. Они очень пригодятся[8].

Р. Г.

---

[1] См. примечание 3 к письму № 66.

[2] Морис Дени (1870—1945) — французский художник, близкий к символизму. Примыкал к группе «Наби». Участвовал в оформлении № 1 «Весов» за 1907 г., где ему принадлежат заставки к первым главам романа Брюсова «Огненный ангел». В качестве художественного критика сотрудничал в журнале «Золотое руно» (От Гогена и Ван-Гога к классицизму // 1909. №№ 5 и 6). В январе 1909 г. Дени со своей женой Мартой (урожд. Мёрье, 1871—1919) приехал в Россию для завершения декоративных панно, выполненных им в Париже для московского особняка И. А. Морозова. К этому времени относится и его знакомство с Брюсовым. В письме к Верхарну от 22 января / 4 февраля 1909 г. Брюсов сообщал, что встретился с художником в «одном литературно-художественном кружке

(который заимствовал у своего бельгийского собрата название "Свободной эстетики")» [«dans un cercle littéraire et artistique (qui a imprunté à son collègue belge le titre de "la Libre Esthétique"» (ЛН 1976. С. 583—584)], и имел с ним «очень интересный разговор о его путешествии, а также о русском и французском искусстве» [«j'ai même eu avec lui une très intéressante conversation sur son voyage et sur l'art français et russe» (Там же)].

[3] В том же письме к Верхарну Брюсов сообщает, что в день знакомства с Морисом Дени он прочел в «Обществе свободной эстетики» доклад о французской поэзии XIX в. и «цитировал некоторые свои переводы из французских поэтов» [«j'avais cité plusieurs de mes traductions des poètes français» (Там же)]. Об этом событии Морис Дени сделал в своем дневнике следующую запись: «Вечер в "Обществе свободной эстетики". Валерий Брюсов и его друзья. Лекция о "Ecce Homo" Ницше и чтение французских поэтов от "Юной тарантинки" до одного из молодых поэтов "Аббатства" ("Аббатство" очень известно в России)» [«Soirée à la Société de Libre Esthétique. Valère Brussoff et ses amis. Conférence sur l'*Ecce Homo* de Nietzsche et lecture de poètes français, depuis *La jeune Tarantine* jusqu'à un jeune de *l'Abbaye* (*l'Abbaye* très connue en Russie).» (*Denis Maurice.* Journal. Paris, 1957. T. 2 (1905—1920). P. 102)]. Стихотворение А. Шенье «Юная тарантинка» в переводе Брюсова («О чайки! в небеса бросайте ваши стоны...») было опубликовано в газете «Живописная неделя» (1908. № 12, январь). Перевод избранных отрывков из книги Ф. Ницше «Ecce Homo» Брюсов напечатал в «Весах» (1908. № 12 и 1909. № 2). Ему же принадлежит краткий очерк об истории написания книги.

[4] Речь идет о переиздании второй книги цикла «Сказание о лучшем» («Dire du Mieux»), озаглавленной «Орден альтруистов» («L'Ordre altruiste») и представляющей собой последнюю (четвертую) книгу первой части «Творения». Редакция «Весов» сообщила о получении книги в № 10—11 за 1909 г. (С. 182). О ее значении для французской поэзии, но уже не в «Весах», а в «Аполлоне», писал для русского читателя Джон Шарпантье. Приводим его заметку полностью:

«Это — песня, процесс жизни и эволюции человека открывается, следуя методу поэта наивозможно углублять свою тему химическими началами материи. Намечается зарождение миров, солнца и земли, а потом человека. Напр., кто в I книге Сочинений развивался во всех формах, здесь является человеком в его жизни зародыша, ребенка и взрослого. Рождается от гармоничной четы и в гармонии с вселенским ритмом для того, чтобы неся прошедшее, полный настоящим, броситься в будущее.

Философия Гиля резюмируется в двух аксиомах:

"Я знаю — следовательно, я существую" и "наибольшее значение есть наибольшее бытие". Это новое великолепное произведение Гиля, трепещущей новизны. Но нигде Гиль с таким мощным параллелизмом, как в этой книге, не развертывал свою философскую и научную мысль и не пользовался лучше многообразным орудием своего искусства. Здесь — тайна внушения самой позитивной реальности. Это магия слова, создающего феномены властью своего ритма» (Аполлон. 1910. № 5, февраль. С. 11 [вторая пагин.]).

Из отзывов о книге, помещенных во франкоязычной прессе, нам известна одна неподписанная заметка в еженедельной брюссельской газете «La fédération artistique» (1909, 24 octobre), печатавшей, как мы отмечали выше, рецензии практически на все издания и переиздания Гиля.

[5] См. примечание 7 к письму № 52.

[6] В своей торжественной речи по случаю приема во Французскую Академию, состоявшегося 28 января 1909 г., Анри Пуанкаре осветил различные аспекты поэтического наследия Армана Сюлли-Прюдома, место которого в Академии он занял. В основу своего выступления Пуанкаре положил противопоставление осмысленного, реалистического творчества Сюлли-Прюдома общепринятому образу поэта-романтика 1830-х гг., послушно следующего за прихотями фантазии.

Отмечая зависимость воззрений Пуанкаре от своих собственных и называя его по существу своим союзником (если не последователем), Гиль допускает значительное преувеличение не только в плане несопоставимости собственной фигуры с фигурой знаменитого математика, но и по существу вопроса. Дело в том, что, по мнению Пуанкаре, неприятие воображаемого мира не рождалось у его предшественника «единственно по причине своего рода научной щепетильности» [«pas seulement par une sorte de scrupule scientifique» (*Poincaré Henri.* Savants et écrivains. Paris, 1910. P. 15)], а скорее было вызвано трагическим разрывом между миром выдуманным и миром действительным. Более того, в образе Сюлли-Прюдома он видел не драму поэта или философа, а терзания личности, постоянно одержимой нравственными проблемами. Рассматривая поэтический путь Сюлли-Прюдома в свете его биографии и отнюдь не отождествляя научную поэзию с философской, Пуанкаре представил его поэтом любви и мистицизма, еще в молодости отказавшимся от занятий наукой и посвятившим себя литературе. При этом Гилю, безусловно, импонировали высказывания Пуанкаре о том, что торжествующая наука не была призвана покончить с поэзией, и что на смену наивному невежеству поэтов прошлого придет философия, открывающая перед стихотворцами светлые широкие горизонты [«La science triomphante doit-elle tuer la poésie? <...> Sully ne le pensait pas. Ce qu'il envie, ce n'est pas l'ignorance naïve des poètes d'autrefois, ce sont au contraire les vastes et lumineux horizons qui s'ouvriront devant ceux de demain» (P. 26)].

В заключительной главе своей книги «О научной поэзии» («De la poésie scientifique»), законченной в феврале 1909 г., Гиль только упоминает выступление Пункаре. В более поздней публикации он отчасти цитирует и отчасти восстанавливает по памяти следующее суждение Пуанкаре о его понимании научной поэзии (сокращения и текстуальные искажения, допущенные при цитировании, нами не исправляются): «Именно о подлинном духе Научной поэзии начал он [Пуанкаре] свою великолепную речь: "Для философа истинная реальность беспрестанно живет, беспрестанно меняется. При этом различные ее составляющие внутренне взаимосвязаны и взаимно проникают одна в другую. Для ученого реальность — всего лишь образ. Нет сомнения, что один этот образ может позволить нам познавать. Однако, окончив созерцание образа, философ требует иного. Какими средствами может он выразить то, что чувствует? — Стихами, поэтическим языком, словами, которые ассимилируются с самой музыкой, — отвечает ученый-философ, настаивающий на том, что музыкальные волны этих стихов смешиваются между собой и проникают одна в другую, подобно тому, как проникают друг в друга элементы живой реальности. Именно таким образом философская поэзия может дать нам менее схематичную картину этой реальности"» [«C'est excellemment du véritable esprit de la Poésie scientifique dont il commença à parler: "La réalité, la vraie, celle du philosophe, est constamment vivante, constamment changeante, les parties diverses en sont liées intimement et semblent se pénétrer mutuellement. Celle du savant n'en est qu'une image. Sans doute cette image peut seule nous permettre de connaître. Mais quand le philosophe l'a contemplée, il demande autre chose. Ce qu'il sent ainsi, comment pourra-t-il l'exprimer? — Par le Vers, par la langue poétique et ses mots assimilables à la musique même, répond le savant-philosophe, qui insiste que les ondes musicales de ce Vers se mêlent et se pénètrent ainsi que se pénètrent les éléments de la réalité vivante, "et c'est ainsi que la Poésie philosophique peut nous donner de cette réalité un portrait moins sommaire"» (*Ghil René.* La Tradition de poésie scientifique. Paris, 1920. P. 13)].

[7] См. примечание 5 к письму № 64.

[8] См. примечание 7 к письму № 58.

62. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 4 Mars 1909

Bien cher ami,

Je vous écris seulement un petit mot aujourd'hui, pour, d'abord, dire à Madame Brussov combien nous sommes peinés de l'accident qui lui est arrivé! Elle a dû souffrir beaucoup, et maintenant ce sont des jours d'immobilité du bras...[1] Le même accident, fracture du poignet, arriva à mon père, l'année dernière. Cela s'est parfaitement remis.

Heureusement, c'est le bras gauche, puisque Mme Brussov peut écrire, et Mme Ghil lui est infiniment reconnaissante du mot qu'elle lui envoie. Elle la prie d'agréer toutes ses amitiés, affectueux chagrins, — avec tous nos souhaits de très prompt rétablissement, et, je vous prie, nos hommages empressés.

Cher ami, sous trois ou quatre jours, je vous enverrai mon petit volume *De la Poésie scientifique*. — Arcos, demain ou après-demain, vous en enverra un compte-rendu. Je vous serais reconnaissant de le faire passer en ce No. 2, si c'est possible[2].

Et, voudrez-vous aussi recommander *que passe en ce No. 2 ma Lettre sur la Poésie*[3], afin qu'il n'y ait de retard, et que nous puissions bien enchaîner ces faits dans l'esprit du Lecteur. Je veux y compter, avec votre bonne amitié toujours si pleine de soins pour moi.

Il reste les comptes-rendus sur les livres de Fontainas[4] et de Pierre Fons (Je tiens surtout à celui sur Pierre Fons)[5]. Je vais vous en envoyer encore deux ou trois autres, en même temps qu'une Seconde *Lettre sur la Poésie*... Je vous prie, vous ferez au mieux pour faire passer cela, en donnant avantage aux Lettres, qui sont la chose principale.

Pour honoraires, il serait bon, je crois, et cela fait toujours plaisir, que M. Lykiardopoulos (à qui donnez mon bonjour), revienne à l'usage de nous envoyer à tous le prix *après chaque parution*, aussitôt le No. paru.

Et encore, voulez-vous penser aux trois versions de Lettres pour les Editeurs, qui sont utiles, surtout pour M. Charpentier, et Arcos[6].

Merci de tout cela!

J'ai rencontré chez Mme de Holstein une jeune Russe, de qui je ne sais le nom, et qui m'a conté une conférence tumultueuse où MM. Ivanov et Biely prirent la parole, pour revendiquer, si j'ai bien compris, qu'eux seuls possédaient en leur poésie le sens d'âme Russe, populaire et atavique. Il y eut, parait-il, des interruptions, des injures, etc...![7]

Elle me parla aussi de vous, en excellents termes. Cette jeune Russe doit écrire, il me semble. Elle est affligée, et se sert d'une béquille...[8]

A bientôt des bonnes nouvelles de Mme Brussov, nous souhaitons, et de vous. Votre bien fervent,

René Ghil

J'ai revu une fois Balmont qui était très content de l'article que vous avez consacré à son dernier livre[9], — et me dit qu'il se dévouait absolument à la *Balance*, pour laquelle vous aviez montré une énergie superbe.

R. G.

62. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 4 марта 1909 г.

Дорогой друг!

Пишу Вам сегодня очень коротко прежде всего, чтобы выразить г-же Брюсовой наше сострадание в связи с происшедшим с нею несчастным случаем! Она, должно быть, сильно намучилась, а теперь наступили дни, когда приходится жить с неподвижной рукой...[1] Подобная неприятность, перелом запястья, произошла в прошлом году с моим отцом. Теперь же он совершенно поправился.

К счастью, она упала на левую руку и может писать. Г-жа Гиль бесконечно благодарна ей за полученное письмо. Она просит передать г-же Брюсовой выражение дружбы и теплого сочувствия вместе с нашими пожеланиями скорейшего выздоровления. Примите также и от меня свидетельство совершенного почтения.

Дорогой друг, дня через три-четыре я пошлю Вам мою книжечку «О научной поэзии», а завтра или послезавтра Аркос отправит Вам свой отзыв о ней. Я буду Вам благодарен, если Вы поместите его по возможности в ближайший номер — № 2[2].

Не могли бы Вы также порекомендовать, *чтобы мое «Письмо о поэзии» было напечатано в № 2* во избежание задержек и для создания в восприятии читателя неразрывной цепи событий[3]. Полагаюсь в этом деле на Вас, на Вашу верную дружбу, на Вашу постоянную заботу обо мне.

Остаются отзывы о книгах Фонтена[4] и Пьера Фонса (мне особенно небезразлична книга Фонса)[5]. Потом я Вам пришлю еще два-три других материала и второе «Письмо о поэзии»... Прошу Вас, позаботьтесь о публикации всех этих статей, отдавая предпочтение «Письмам» как самому важному.

Что касается гонораров, то, мне кажется, со стороны г-на Ликиардопуло (которому я прошу Вас от меня кланяться) было бы любезно и правильно вернуться к прежнему порядку и высылать сумму целиком сразу *после выхода каждого* номера.

И, пожалуйста, изыщите возможность прислать три варианта писем к издателям. Они бы очень пригодились, особенно Шарпантье и Аркосу[6].

Спасибо за все это.

Я встретил у г-жи Гольштейн молодую русскую девушку, имени которой не знаю. Она рассказала мне о бурной лекции, где выступали Иванов и Белый, утверждавшие, если я правильно понял, что они одни способны передать в своих стихах сущность русской души, народной и атавистической. Говорят, что их речи прерывались оскорблениями и т. д.!.. [7]

Она рассказывала и о Вас — в восторженных выражениях. Эта русская девушка вроде бы пишет. Она калека и ходит с костылем...[8]

Ждем в скором времени хороших новостей от г-жи Брюсовой, которой мы желаем выздоровления, и от Вас. Пламенно Ваш,

Рене Гиль

Я виделся один раз с Бальмонтом. Он был очень доволен Вашей статьей, посвященной его последней книге[9]. Он выказал совершенную преданность «Весам», в работе над которыми Вы проявили потрясающую энергию.

Р. Г.

---

[1] В январе 1909 г. Иоанна Матвеевна Брюсова упала, катаясь на лыжах, и сломала левую руку. Это происшествие чрезвычайно затруднило работу Брюсова по подготовке рукописей.

[2] В отделе рукописей Французской Национальной библиотеки сохранилось письмо Р. Аркоса к Гилю, помеченное вторником 2 марта 1909 г.

«Дорогой друг! Получил Ваше письмо и книгу. Так и договорились: я с сегодняшнего дня приступаю к работе. Конечно, было бы хорошо, если бы Вы предупредили Брюсова, поскольку у него есть уже одна моя статья — об Анатоле Франсе. Предполагаю, что в новой статье, тема которой меня особенно интересует, я смогу писать более пространно. Хотел бы Вас поблагодарить за благожелательные отзывы, которыми Вы сопровождаете мое имя» [«Cher Grand Ami, Bien reçu lettre et livre. C'est entendu ainsi; et je vais dès aujourd'hui commencer mon travail. Vous ferez bien en effet de prévenir Brussov car il a déjà un article de moi sur Anatole France. Je suppose que je peux m'étendre un peu pour ce nouvel article qui m'intéresse particulièrement. Je veux déjà vous remercier pour les paroles aimables dont vous accompagnez mon nom»].

В конце письма Аркос сообщает Гилю о назначении А. Мерсеро секретарем литературной секции при Осеннем салоне. Рецензия Р. Аркоса на книгу Гиля «О научной поэзии» в «Весах» не публиковалась (см. примечание 7 к письму № 64).

[3] Публикация последнего «Письма о французской поэзии» затянулась в журнале более чем на год (см. об этом примечание 8 к письму № 70).

[4] В 1908 г. Андре Фонтена выпустил в издательстве «Mercure de France» том под названием «Покинутый корабль храма» («La nef désemparée»), объединивший две его предыдущие книги «Сад светлых островов» («Le jardin des îles claires», 1901) и «Дрожь островов» («Le frisson des îles», 1902). Отзывы Гиля об этих книгах в «Весах» не публиковались.

[5] В рецензии на вторую книгу Пьера Фонса «Каждодневное божество» («La Divinité quotidienne», 1909) Гиль подчеркнул, что «синтетическое» творчество ее автора «инстинктивно и сознательно [...] связано с творчеством предыдущего поколения поэтов» (Весы. 1909. № 2. С. 95), поскольку, действуя «на читателя внушением Слова, которое поэт умеет почувствовать в его фонетическом значении, П. Фонс понимает, что истинная ритмика заключается не исключительно в счете слогов, но в вибрационной силе звуков, "гармонических" сопровождений гласных» (Там же). Говоря о «Науке», рецензент подчеркнул, что последняя «не только создает в нашем сознании отношения, связывающие нас со вселенной», но и «дает нам как бы новое чувство, интуитивное стремление всего нашего существа к тому, что еще не открыто» (С. 96). Далее Гиль цитирует отрывки из поэмы Фонса «о "Знании"» и другие стихи и заключает свой отзыв следующим выводом: «Таким образом,

П. Фонс старается оправдать в своей второй книге стихов [...] слова Гегеля, которые сам приводит: "Поэзия стоит на вершине человеческой иерархии". Поэты начинают понимать эти слова, чувствуя в себе мощное веяние Знания и освещая свое творчество Сознанием, которое неотделимо от истинной Красоты» (С. 97).

[6] См. примечание 7 к письму № 58.

[7] 27 января 1909 г. Вяч. Иванов выступил в Московском Литературно-художественном кружке с рефератом «О русской идее». Ему оппонировал А Белый. В ходе обсуждения произошел скандальный инцидент: беллетрист Ф. Ф. Тищенко обвинил Белого в политической и этической беспринципности. В ответ на это Белый закричал: «Вы — подлец! Я оскорблю вас действием!» (Русское слово. 1909. № 22, 28 января). Подробнее об этом см. в кн.: *Белый А.* О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 344, 557.

[8] Личность молодой девушки, о которой упоминает Гиль, с точностью установить не удалось.

[9] Речь идет о рецензии Брюсова на новый сборник К. Бальмонта «Хоровод времен» (Русская мысль, 1909. № 4), выпущенный издательством «Скорпион» в начале 1909 г. в качестве 10-го тома его «Полного собрания стихов». Вопреки мнению Гиля, рецензия содержала немало резких критических замечаний в адрес книги. В письме к Бальмонту от 19 апреля / 2 мая Брюсов писал: «В "Русской мысли" Ты найдешь мою рецензию на "Хоровод времен". Писал я, по обыкновению, то, что думал. Если там есть упреки (и, сознаюсь, жестокие) Тебе, то есть и любовь к Тебе, в которой сознаюсь открыто и ясно, так что узнают о ней все» (ЛН 1991. С. 205).

63. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 20 Avril 1909

Bien cher ami,

J'ai été extrêmement peiné, non de votre décision, mais de l'obligation où l'on vous a mis de la prendre. Je ne saurais que l'approuver, certes. Je me suis fait traduire votre lettre à la *Balance*: elle est de votre netteté de pensée et d'acte habituelle, d'une grande dignité...[1] Vous me dites qu'il vous eût été pénible d'écrire les circonstances où vous fûtes: je devine tant de mesquineries et de sournoiseries autour de vous — qui devez en gêner beaucoup en leurs insanités, — et déjà, est-ce que je ne sais pas qu'on avait, une première fois, profité de votre absence de Moscou?... [2]

Je souhaite avec vous pour 1910 une Revue nouvelle, sous votre pensée, nécessaire à l'évolution intellectuelle, en la voie où avec force vous vous êtes imposé. Vous avez devant vous, malgré votre oeuvre déjà accomplie et votre nom fait, bien des luttes encore à soutenir: car, ce sera en Russie comme ici, l'on a peur de la *pensée*, — car lorsqu'il sera entendu, enfin, que la Poésie est l'acte suprême de penser en y rendant consciente notre sensibilité, tous les jeux poétiques deviendront à peu près caducs, — et cet homme faisant son unité, ce poète nouveau, il sera difficile de l'être!

Moi, je suis avec vous, comme vous voulez bien me faire l'amitié de le vouloir. — Je reste aussi, comme vous le souhaitez, à la *Balance*, tâchant d'y accomplir ce pourquoi vous m'avez appelé, strict en mon plan. (Je vais, tout à l'heure, vous parler de la

Balance, où l'on s'aperçoit déjà que manque votre direction. Il en fut, d'ailleurs, ainsi chaque fois que vous vous éloigniez de Moscou ou que votre travail personnel vous absorbait).

Je crois que vous devriez entrer à la *Pensée Russe*, quelles qu'en soient les tendances, puisqu'on va au-devant de vous[3]. Il est bon de montrer que les terrains de publication ne sauraient vous manquer. Quant à cette crainte, que «votre individualité se puisse perdre en cet éclectisme», — je ne le crois pas: car elle est forte, et elle s'est trop imposée pour n'être pas elle où que ce soit. C'est ma pensée entière. Ainsi, si tout en demeurant à la *Balance*, l'on me demandait d'une autre Revue de Russie 4 ou 5 articles par an, j'accepterais *maintenant*.

J'ai reçu, et je vous remercie de tout coeur de l'amitié fervente de leurs dédicaces, les volumes: d'*Hélène de Sparte* de Verhaeren, et de vos «poèmes» derniers[4]. Je vais tâcher de m'en faire traduire, pour, du moins, en goûter un peu de la pensée.

Avez-vous reçu mon volume de vulgarisation *de la Poésie scientifique* qui vous a été adressé directement par l'Editeur? Si, par hasard, il ne vous était pas parvenu, dites-le-moi d'un mot, je vous prie.

Arcos a dû vous envoyer un compte-rendu de ce livre pour la *Balance*[5]. Je ne l'ai pas lu. J'espère que ce n'est pas trop long.

Et nous voici à la question *Balance*.

Quelques jours après votre lettre, j'ai adressé deux «comptes-rendus» à M. Lykiardopoulos, — disant que j'étais un peu mécontent que ma 1ère lettre sur les Origines poétiques (1ère de la série annoncée par la *Balance*[6]) n'ait pas paru: car je l'avais envoyée dès le 3 ou 4 Janvier... Je me plaignais aussi qu'on ne m'eût pas encore envoyé les honoraires des Nos 1 et 2.

Or, dans le No. 3, vous l'avez vu, cette Etude ne parut pas. Je n'ai pas eu de réponse à ma lettre, et pas d'honoraires. J'avais écrit le 30 mars. — Or, ayant bien laissé passer le temps nécessaire, ce 16 Avril j'ai écrit à nouveau à M. Lykiardopoulos.

Je l'ai fait très sévèrement, et de manière à ce qu'il comprenne que, si je suis toujours, comme il sied, l'homme le plus courtois et le plus accommodant, il est pourtant des limites que je ne puis permettre de dépasser.

J'ai demandé, en cette lettre, l'insertion sûre au prochain No., sous peine de ridicule pour la *Balance* qui annonce ce qu'elle ne commencera donc qu'au No. 4! Une série, cependant, je crois, pleine d'intérêt et d'inédit. — J'ai demandé par retour de courrier ces honoraires des Nos 1 et 2, — et le manque de déférence est cause que j'ai enfin fait une réclamation que j'avais vraiment honte de faire, honte pour l'administration.

Je ne vous en ai pas parlé, pour cette raison. Figurez-vous que depuis dix-huit mois, peut-être deux ans, l'on s'est mis, tout d'un coup, à ne plus me payer les demi-pages! C'était ainsi un bénéfice de cent sous que faisait la *Balance*!...

Ce fut si mesquin que vraiment, non, j'aimais mieux en sourire... Je viens d'en parler, en ma dernière lettre de mon mécontentement, — afin qu'on ne me croit pas bête!...

Je suis donc très mécontent. J'espère cependant que la leçon portera: c'est la première fois que je me fâche.

Et, à ce propos, je serais très heureux de savoir si, dans la Rédaction et l'Administration (vous n'y étant plus), cela compte pour eux, que je sois ou ne sois pas content? Eclairez-moi, dites, sur ce petit point de psychologie!...

Mais, je vous prie, cela n'est plus de la Direction, et vous pouvez avoir voix sans les offusquer, quand vous irez à la *Balance*, dites donc un mot de tout cela. De l'importance qu'il y a à ce que mes *Lettres* se suivent si possible (coupées cependant par les Nos consacrés aux comptes-rendus)... Sans quoi, ce sera encore l'obstruction: car il y a un article fort bien fait de Charpentier, compte-rendu de Romans, arrivé à la *Balance* fin Janvier[7]. Il y a aussi de l'Arcos (et déjà son article sur le livre d'An[atole] France est bien vieux pour l'actualité[8]).

Comme j'ai cru devoir le rappeler à M. Lykiardopoulos, je suis à la *Balance* depuis sa fondation. J'y ai donné, avec une régularité parfaite que je tiens d'ailleurs pour un simple devoir, des choses jamais dites, et peut-être des appréciations intéressantes. Je travaille avec logique, voulant toujours mener à bien ce que j'ai entrepris. Ce serait de leur part peu de reconnaissance, et peu de connaissance de mes habitudes de travail, de ne me faire donner désormais que du décousu, — ce qui me désobligerait fort.

N'avais-je pas raison de dire tout à l'heure qu'on s'aperçoit tout de suite lorsque vous n'êtes pas là! Et c'est pourquoi j'ai rappelé aussi à M. Lykiardopoulos que si mes comptes-rendus rentrent naturellement, sous la rubrique de *Littérature Etrangère*: de par le plan primitif et ce qui fut entendu, les *Lettres* peuvent et doivent (sauf en cas de trop de matière Russe qui doit passer naturellement en première ligne) paraître en tous Nos — comme Histoire d'une Poésie littéraire qui eut son contrecoup en Russie...

Enfin, ce sont les petites misères et les petits agacements. Et vous avez dû vous-même en connaître d'autres, ces temps-ci: il est difficile d'amener de l'ordre en les esprits, — Mais que c'est donc ennuyeux d'être obligé d'exprimer du mécontentement!...

Je vous prie, voulez-vous dire à Madame Brussov que Mme Ghil a reçu sa carte si charmante, qu'elle la remercie, très touchée de sa sympathie, et qu'elle va lui écrire ces jours-ci[9]. Tout dernièrement elle songeait à elle, s'en voulait de n'avoir pas écrit — mais elle a été très prise tous ces temps, par des obligations de famille.

Nous sommes tous deux contrariés qu'elle ait pris froid, ce qui retarde la guérison parfaite de sa main[10]. Sans doute, et nous l'espérons, va-t-elle mieux déjà, et pouvons-nous, à tous deux, vous souhaiter de bonnes fêtes de Pâques. Nous le faisons de tout coeur...

Je vous prie, ne vous tourmentez pas cependant de mes petits ennuis! — Je les raconte à l'ami, c'est tout naturel, et vous devriez savoir cela[11].

Encore merci de vos deux volumes. Dites-moi si vous avez *De la Poésie scientifique*.

Mes hommages empressés à Mme Brussov!

Et le tout vôtre, cher ami,

René Ghil

63. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 20 апреля 1909 г.

Дорогой друг!

Мне причинило непомерную боль не столько Ваше решение, сколько навязанная Вам необходимость принять его. Я, разумеется, могу его только одобрить. Я попросил перевести мне на французский письмо, направленное Вами на имя «Весов»: оно свидетельствует о свойственной Вам четкости мысли и действия, о великом достоинстве...[1] Вы говорите, что Вам было бы мучительно описывать обстоятельства, в которых Вы оказались. Могу догадаться, сколько мелочных, действующих исподтишка людишек кишит вокруг Вас. Многих из них Вы, думаю, стесняете в их безумствах! И не знаю, в который уже раз они воспользовались Вашим отъездом из Москвы!.. [2]

Я вместе с Вами надеюсь на появление в 1910 году нового журнала, направляемого Вашей мыслью, журнала, необходимого для умственной эволюции, идущего по пути, проложенному Вами решительно и мощно. Несмотря на творческие достижения и устоявшееся имя, Вам предстоит еще немало сражений, ибо в России, как и во Франции, люди испытывают страх перед *мыслью,* и, когда, наконец, будет услышано, что Поэзия есть верховный акт мысли, когда наша чувствительность осознает это, все поэтические игры приостановятся от немощи. Стать таким новым поэтом-объединителем будет нелегко!

Что касается меня, то я остаюсь рядом с Вами, как того велит дружба, которой Вы меня одарили. И как Вы того пожелали, я не выхожу из «Весов» и буду стараться довершить задачу, для выполнения которой Вы меня призвали, строго придерживаясь своего плана. (Ниже я еще вернусь к «Весам», где уже ощущается отсутствие Вашего руководства. Так было каждый раз, когда Вы уезжали из Москвы или были поглощены собственной работой.)

Я думаю, что Вам надо войти в «Русскую мысль», каковы бы ни были тенденции этого органа, поскольку журнал идет Вам навстречу[3]. Полезно показать, что Вы не ощущаете недостатка в издательских возможностях. Что же касается опасений, что Ваша «индивидуальность может затеряться в этом эклектизме», то я в это не верю: Ваша индивидуальность настолько сильна, настолько прочно сумела утвердиться, что останется самой собою где бы то ни было. Я совершенно в этом убежден. Точно так же, получи я, оставаясь в «Весах», предложение от другого русского журнала поставлять ему по четыре-пять статей в год, я бы *тотчас же* согласился.

Мне доставили два Ваших тома: «Елену Спартанскую» Верхарна и последние «Стихотворения»[4]. Я от всего сердца благодарю Вас за пламенную дружбу, выраженную в посвящениях. Я попытаюсь отдать стихотворения на перевод, чтобы по крайней мере немного почувствовать вкус Вашей мысли.

Получили ли Вы популярное изложение моей теории — брошюрку «О научной поэзии», адресованную Вам непосредственно издателем? Если по какой-либо случайности она до Вас не дошла, черкните мне, пожалуйста, словцо.

Аркос должен был послать отзыв об этой книге в «Весы»[5]. Я его отзыва не читал. Надеюсь, что он получился не слишком длинным.

А теперь к вопросу о «Весах».

Через несколько дней после Вашего письма я направил две рецензии г-ну Ликиардопуло, выражая некоторое неудовольствие по поводу того, что мое письмо об истоках поэзии (первое из цикла, затеянного «Весами»[6]) не было опубликовано, хотя я его послал не позднее 3 или 4 января... Я жаловался и на то, что мне до сих пор не выслали гонораров за первый и второй номера.

В № 3, как Вы заметили, мой этюд также не появился. Ответа на свое письмо я не получил, как не получил и гонораров. Письмо мое датируется 30 марта. Подождав должное количество времени, я 16 апреля отослал повторное письмо г-ну Ликиардопуло.

Я выдержал это письмо в очень суровом тоне и в таких формулировках, чтобы он понял, что несмотря на то, что я, как полагается, человек в высшей степени вежливый и всегда иду навстречу, существуют границы, через которые я не могу позволить себе перейти.

В этом письме я потребовал непременного включения своего очерка в следующий номер, указав на нелепость положения «Весов», анонсирующих материалы, которые журнал начнет публиковать только в № 4! И это несмотря на то, что цикл представляет несомненный интерес и до сих пор не появлялся в печати. Я потребовал выслать мне тотчас же по получении письма гонорары за №№ 1 и 2. Отсутствие уважения ко мне — вот причина, по которой я в конце концов решил обратиться к ним с подобным требованием. Мне действительно за него стыдно, но этот стыд на совести администрации.

Я не разу не говорил с Вами об этом и вот почему. Представьте себе, что вот уже полтора, а то и два года тому назад они неожиданно прекратили платить мне за текст в полстраницы. «Весы» таким образом зарабатывали себе грошовый бенефис!..

Такое поведение настолько мелочно, что я предпочел отнестись к этому с улыбкой. Я выразил свое возмущение в своем последнем письме, чтобы меня не считали дураком!..

Я крайне возмущен. Тем не менее, я надеюсь, что это будет для них уроком. Я впервые так рассержен.

В этой связи я был бы рад узнать, имеет ли какое-либо значение для редакции и администрации (с тех пор, как Вы ни там, ни там больше не состоите), доволен я или нет? Проясните мне, пожалуйста, этот небольшой психологический момент!..

Однако, поскольку это не входит в компетенцию дирекции «Весов», и Вы имеете право высказывать свое мнение, не задевая их, прошу Вас, расскажите им об этой истории, когда туда пойдете. Важно, чтобы мои «Письма» по возможности следовали одно за другим (прерываясь лишь номерами, отведенными под рецензии)... Иначе не избежать столкновения материалов: с конца января в редакции лежит прекрасно написанный текст Шарпантье, представляющий собой подборку отзывов о нескольких романах[7]. Есть еще материал Аркоса (хотя его статья о книге А. Франса теперь уже старовата для раздела актуальной хроники[8]).

Я посчитал необходимым напомнить г-ну Ликиардопуло, что состою сотрудником «Весов» с самого основания журнала. Соблюдая безупречную регулярность, которую я считаю обычным долгом, я высказывал на страницах «Весов» суждения, до меня никем не высказываемые, и, быть может, давал интересные оценки. В своей работе я соблюдаю определенную логику, стараясь довести до конца начатые мною предприятия. Печатая отныне за моей подписью одни разрозненные отрывки, редакция проявляет по отношению ко мне крайнюю неблагодарность и выказывает скудные знания о том, как я привык работать. Это с ее стороны в высшей степени неучтиво.

И разве не был я прав, отметив в начале письма, что Ваше отсутствие сразу стало заметным! По этой причине я также напомнил г-ну Ликиардопуло, что если мои рецензии естественным образом, по первоначально согласованному плану, подпадают под рубрику «Иностранная литература», то «Письма» могут и должны публиковаться во всех номерах в качестве иллюстраций к истории Поэзии, получившей резонанс в России (за исключением случаев переизбытка русских материалов, которые, естественно, имеют приоритет).

Но это в конечном счете мелкие неприятности и мелкие раздражающие моменты. Вы в последнее время, вероятно, столкнулись и с другими. Нелегко внедрить порядок в умы. Что́ больше всего тяготит, так это необходимость высказывать недовольство!..

Передайте, пожалуйста, г-же Брюсовой, что г-жа Гиль получила ее очаровательную открытку и, тронутая подобным проявлением симпатии, благодарит ее за эту весточку[9]. Она на днях ей напишет. Совсем недавно она думала о г-же Брюсовой, сердясь на себя за то, что не написала ответа. Дело в том, что она в последнее время была очень загружена семейными обязанностями.

Мы оба расстроены, что г-жа Брюсова простудилась и что лечение ее руки из-за этого затянулось[10]. Мы уверены, что ей уже лучше, и сохраняем надежду на ее выздоровление. От всего сердца поздравляем Вас со светлым праздником Пасхи...

Не расстраивайтесь, пожалуйста, из-за моих мелких неприятностей! Я рассказал о них как друг другу, что вполне естественно, и Вы должны были о них знать[11].

Еще раз спасибо за две Ваши книги. Напишите, получили ли Вы брошюру «О научной поэзии»?

Мое нижайшее почтение г-же Брюсовой.

Дорогой друг, остаюсь всецело Вашим,

Рене Гиль

---

[1] Речь идет о решении Брюсова порвать с «Весами». В открытом письме Брюсова, адресованном С. Полякову, в частности, говорилось:

«Как Вам известно, в печати несколько раз появлялось утверждение, что на "Весы" должно смотреть как на "журнал Валерия Брюсова". Я, с своей стороны, также несколько раз, заявлял печатно, что такое утверждение несправедливо [...] Однако, в последней книге Д. Мережковского "В тихом омуте" я вновь читаю (стр. 101): "Весы — журнал

Брюсова", и принужден, поэтому, просить Вас напечатать на страницах "Весов" следующие строки:

Будучи в течение пяти лет одним из ближайших сотрудников "Весов", я охотно принимал участие в обсуждении некоторых редакционных вопросов, а также, по поручению редакции, вступал иногда в переписку с отдельными сотрудниками журнала. Через это мои личные взгляды могли до известной степени влиять на общий характер "Весов", но отсюда еще далеко до признания их "моим журналом". Я решительно не могу принять на себя ответственности за "Весы" в их целом, как, с другой стороны, должен отклонить от себя честь — считаться их создателем и руководителем.

С января 1909 г. обстоятельства личной моей жизни и разные предпринятые мною работы заставляют меня несколько видоизменить мои отношения к "Весам". Надеясь быть, по-прежнему, деятельным сотрудником "Весов", я, вероятно, не буду иметь возможности содействовать журналу как-либо иначе. Поэтому, с тем большей настойчивостью, я прошу гг. критиков не возлагать на меня с января 1909 г. ответственности за статьи, напечатанные в "Весах" не за моей подписью [...]» (Весы. 1909. № 2. С. 89).

[2] Первые три недели марта 1909 г. Брюсов провел в Петербурге с Н. И. Петровской. Этот его отъезд из Москвы, вероятно, и имеет в виду Гиль.

[3] В начале 1909 г. Брюсов вел переговоры с заведующим литературным отделом «Русской мысли» С. В. Лурье, поставившим своей целью поднять репутацию журнала и преобразить его в орган, объединяющий различные течения литературы с символизмом. На сближение с «Русской мыслью» Брюсова толкали стремление выйти за пределы символистского лагеря, отсутствие собственного печатного органа, личная обида. В открытке из Петербурга, датированной 7 марта 1909 г., он писал жене: «*...дело с "Русской мыслью" налаживается.* [...] Начинаю заговаривать с главными авторами. Впрочем, пока не окончательно» (ЛН 1976. С. 305).

[4] Трагедия Верхарна «Елена Спартанская» в «единственном авторизованном переводе с рукописи (в стихах) Валерия Брюсова» была сначала напечатана в «Весах» (1908. №№ 8—12), а затем вышла отдельным изданием (*Верхарн Эмиль*. Елена Спартанская. Трагедия в 4 действиях. М., «Скорпион», 1909). Второй книгой, подаренной Гилю, было, вероятно, собрание стихов Брюсова «Все напевы. 1906—1909», изданное в качестве третьего тома «Путей и перепутий». Экземпляров этих книг с авторскими дарственными надписями, вероятно, не сохранилось.

[5] См. примечание 2 к письму № 62.

[6] В приложении к № 12 «Весов» за 1908 г. была помещена программа шестого года издания журнала, в которой, в частности, содержался следующий анонс: «Ренэ Гиль. Литературные школы 80-х годов во Франции. По личным воспоминаниям» (Весы-Скорпион. Каталог № 8. С. 5). Далее объявлялось, что Р. Гиль будет освещать в журнале поэзию, Дж. Шарпантье — роман и Р. Аркос — общие вопросы (С. 7).

[7] См. примечание 5 к письму № 64.

[8] Как указывалось выше, рецензия Р. Аркоса на «Жизнь Жанны д'Арк» («La Vie de Jeanne d'Arc») Анатоля Франса была опубликована в № 6 «Весов» за 1909 г.

[9] Открытка И. М. Брюсовой, вероятно, не сохранилась.

[10] См. примечание 1 к письму № 62.

[11] Сетования Гиля на ущемление его прав не могли иметь в этот период уже никаких практических последствий, несмотря на личное вмешательство Брюсова (см. примечание 2 к письму № 64), который ко времени написания комментируемого письма окончательно самоустранился от руководства журналом.

64. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 10 Mai 1909

Bien cher ami,

Je voulais vous écrire, aussitôt reçue votre lettre du 28 Avril[1], — mais j'attendais, espérant vous dire que j'avais enfin des nouvelles directes de la *Balance*.

J'ai à vous remercier infiniment de la démarche que vous y avez faite pour moi[2], — mais combien j'ai été touché de votre amitié de vous charger désormais des traductions de mes Articles! Je suis touché, plus que je ne saurais dire, de cette peine que vous prenez au milieu de vos travaux. C'est pour moi un bonheur, car ainsi les prétextes de la *Balance* tombent, et j'y aurai ma pensée fidèlement reproduite, — ce qui n'était pas, assez souvent[3].

Je suis heureux, très heureux de votre décision de donner de vos articles à la *Pensée Russe*, — et combien c'est d'un parfait ami de penser tout de suite à y exposer mes idées à propos de *la Poésie scientifique*[4]. Je vous en suis très reconnaissant, et je suis vraiment confus de vous voir si vigilant à me causer du plaisir, à aider à mon effort.

Je suis content que la *Balance*, par vos soins, donne ce mois l'Article de M. John Charpentier qui mérite tous encouragements[5]. Il est très dévoué. Il fait ce lundi 17 une Conférence sur la Poésie scientifique à *l'Institut populaire* de la Rue du Faub[our]g St. Antoine, qui a un public habituel assez intéressant[6]. M. Arcos m'a dit, Vendredi, qu'il avait envoyé son article sur mon livre, à votre adresse, vers le 16 Avril. — Mais, comme vous allez en parler vous-même en la *Pensée Russe*, je ne vois plus nécessité qu'il en parle à la *Balance*, et je lui ai demandé de ne pas en écrire une seconde version. Cela n'a pas d'importance. Avez-vous écrit à *Arcos*? Il disait ce 7 mai n'avoir rien reçu de vous?[7] ...

Et, — à propos de la *Balance*, cela est de telle impolitesse que j'en suis désarmé! On nous avait promis au 28 Avril d'envoyer *immédiatement* ces 70 frs d'honoraires: or, à ce jour du 10 Mai, je n'ai rien reçu, ni argent, ni lettre!

A mauvaise volonté évidente et inqualifiable, je dois opposer ma volonté, — et, pardonnez-moi, je voudrais encore vous prier d'une chose, pour les mortifier: que vous alliez, dès ce mot reçu, à la *Balance*, recevoir pour moi les 70 frs, et vous me les enverriez. Je ne puis permettre que M. Lykiardopoulos se moque de moi. (Je lui ai écrit le 5 courant, réclamant une quatrième fois, et lui disant que désormais je ne veux plus avoir avec la *Balance* que des rapports commerciaux: ma copie, et les honoraires immédiatement.) — Je vais voir comment la copie va passer, car je ne puis leur donner mon nom pour quelques centaines de francs et les procédés aimables qu'ils ont envers moi. Si cela ne va pas strictement, je verrai (et je vous demanderai conseil) à m'adresser à quelque autre Revue, car je tiens à ne plus m'éloigner des lecteurs Russes, et j'espère que quelque Revue me ferait place. J'espère cependant, très sincèrement, que la *Balance* ne me forcera pas à cette extrémité qui n'irait pas sans tristesse pour moi.

Je joins ici une feuille de reçu de 70 frs que vous donneriez en échange de cette somme. Il faut qu'à l'acte d'impolitesse il y ait une sanction — et que je n'attende pas plus longtemps le bon plaisir d'un Lykiardopoulos. Allez de nouveau à M. Poljakoff, si c'est néces-

saire, et priez-le de ma part de donner des ordres pour l'avenir, puisqu'il ne dirige pas lui-même, et malheureusement laisse se perdre l'oeuvre très belle qu'il avait entreprise par cette Revue, qui maintenant décourage les bonnes et hautes volontés: la vôtre en tête.

Je suis malheureux d'avoir à vous charger d'une si mesquine chose, — et mon ressentiment contre la *Balance,* dont c'est la faute, s'en accroît!

Vers le 25, je vous enverrai mon dernier volume de la Réédition de ma première Partie — retardée, parce que j'ai donné un peu tard des vers *inédits* de ce volume à la Revue *Akadémos* pour ce No. du 15 courant, et que la Revue doit les donner avant la parution du volume[8].

Oui, j'ai bien eu la 1ère édition de votre Roman. Je vous félicite de sa réédition dès maintenant[9]. — Vous préparez, en même temps, votre volume sur les Poètes Français[10], et c'est encore, en un retour vers moi, me pénétrer de reconnaissance pour votre office à la *Balance*, de me traduire désormais. Je vous en dis, et redis mon merci.

Nous espérons que Madame Brussov est rétablie maintenant. Mme Ghil a pris froid aussi, ces jours, et c'est pourquoi, un peu fatiguée, elle n'a pas écrit à Madame Brussov! Elle le fera bientôt, et la prie de l'excuser, avec toutes ses amitiés.

Voulez-vous lui présenter tous mes hommages empressés. Nous nous réjouissons de vous revoir avant trop longtemps, peut-être cet hiver.

Nous partirons de Paris seulement fin Juin, et jusqu'au 15 Septembre pour notre bonne et calme province du Poitou — où d'ailleurs je travaillerai à mon prochain volume. Naturellement vous avez mon adresse, — et souvent de nos nouvelles. Mais, plus d'une fois encore, avant notre départ, je vous écrirai.

Merci encore, et bien vôtre, en la forte poignée de main.

René Ghil

64. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 10 мая 1909 г.

Дорогой друг!

Я хотел было написать Вам сразу же по получении Вашего письма от 28 апреля[1], но все откладывал в надежде, что смогу сообщить Вам о получении новостей непосредственно из «Весов».

Я должен выразить Вам бесконечную благодарность за поступок, который Вы совершили ради меня[2]. Более того, Вы даже не можете себе представить, как я тронут Вашим дружеским предложением взять на себя отныне перевод моих статей! Я не могу выразить словами, насколько я тронут тем, что Вы взваливаете на себя этот груз, отвлекаясь от собственных трудов. Для меня это счастье, поскольку «Весы» больше не смогут сослаться ни на какие предлоги, и моя мысль будет воспроизведена с абсолютной верностью, хотя довольно часто происходило иначе[3].

Я счастлив, чрезвычайно счастлив Вашим решением отдавать статьи в «Русскую мысль». И какое это проявление безупречной дружбы — тотчас же подумать

об изложении в этом журнале моих идей о «научной поэзии»[4]. Я Вам очень признателен и, право, смущен, что Вы так бдительно стоите на страже моих интересов, доставляя мне радость и помогая мне в моем труде.

Я удовлетворен, что «Весы» под Вашим воздействием дают в этом месяце статью Джона Шарпантье, писателя, заслуживающего всяческого поощрения[5]. Это очень преданный человек. В ближайший понедельник, 17 числа, он читает лекцию о научной поэзии в *Народном институте* Сент-Антуанского предместья, где обычно собирается весьма интересная аудитория[6]. Аркос сообщил мне в пятницу, что около 16 апреля он послал на Ваш адрес статью о моей книге. Но поскольку Вы сами напишете о ней в «Русской мысли», я больше не вижу никакой необходимости, чтобы он разбирал ее в «Весах». Я попросил его не дублировать Вашей публикации. Это не такое важное дело. Ответили ли Вы *Аркосу*? 7 мая он сказал мне, что ничего от Вас не получал...[7]

Что же касается «Весов», то их неучтивость меня просто обезоруживает. 28 апреля они пообещали Вам *немедленно* выслать мне 70 франков гонорара. До сего дня, а сегодня уже 10 мая, я ничего не получил — ни денег, ни письма!

Решительному, откровенному, неслыханному недоброжелательству я должен противопоставить собственную решимость. Простите меня, но я хотел бы попросить Вас сделать еще один шаг, дабы их уязвить: сразу по получении этого письма пойдите, пожалуйста, в «Весы», получите за меня 70 франков и пошлите их мне. Я не могу позволить себе, чтобы г-н Ликиардопуло насмехался надо мной. (Я ему написал 5 числа этого месяца, в четвертый раз требуя гонораров, и поставил его в известность, что отныне я буду поддерживать с «Весами» исключительно коммерческие отношения: рукопись против немедленной выплаты гонорара.) Я буду отслеживать прохождение рукописи в редакции, так как не могу предоставлять свое имя за несколько сот франков в обмен на такое милое обхождение. Если это не будет соблюдаться в строгости, то я подумаю (попросив у Вас совета), не обратиться ли мне в какой-нибудь другой журнал, поскольку я считаю важным не отдаляться впредь от русского читателя и надеюсь, что в другом журнале для меня найдется место. И все же, я очень искренне надеюсь, что «Весы» не заставят меня прибегнуть к подобной крайности, на которую я пошел бы не без грусти.

Прилагаю к этому письму квитанцию в получении 70 франков, которую Вы можете вручить им в обмен на эту сумму. Против подобных неучтивых демаршей необходимо применить санкции, дабы мне не пришлось в дальнейшем ждать благоволения какого-то Ликиардопуло. Если необходимо, сходите снова к г-ну Полякову и попросите его от моего имени дать распоряжение на будущее, раз уж он не руководит журналом и, к сожалению, позволяет губить прекрасное дело, им же самим затеянное, убивая энтузиазм в высоких, благородных характерах, с Вами во главе.

Я чувствую себя несчастным из-за того, что вынужден утруждать Вас такими низменными поручениями, и мое озлобление против «Весов», которые в этом повинны, растет!

К 25 числу этого месяца я пошлю Вам последний том переиздания первой части моего «Творения», выпуск которого задержался, так как я с запозданием

дал *неопубликованные* стихи из этого тома в журнал «Академос», в номер, назначенный на 15 мая. «Академос» должен напечатать их до выхода книги[8].

Я, конечно же, получил первое издание Вашего романа и сейчас поздравляю Вас с его переизданием[9]. Вы пишете, что готовите одновременно том французских поэтов[10], и, если вновь вернуться ко мне, то я не могу не сказать, какая признательность проникает меня в связи со взятым Вами обязательством переводить мои материалы для «Весов». Еще и еще раз спасибо Вам за это.

Мы надеемся, что г-жа Брюсова уже поправилась. Г-жа Гиль на днях тоже простудилась и по этой причине, чувствуя некоторую усталость, не написала г-же Брюсовой! Но она скоро напишет, а сейчас просит передать ей свои извинения вместе с выражением дружбы.

Засвидетельствуйте ей, пожалуйста, и мое совершенное почтение. Мы радуемся мысли о скорой встрече с Вами, быть может, уже будущей зимой.

Мы уедем из Парижа только в конце июня и пробудем до 15 сентября в нашей милой и тихой провинции Пуату, где, кстати сказать, я буду работать над своим следующим томом. У Вас, естественно, есть мой адрес, да и пишу я Вам часто. А до нашего отъезда напишу еще не раз.

Еще раз благодарю, крепко жму руку, искренне Ваш

Рене Гиль

---

[1] Упоминаемое письмо Брюсова, вероятно, утрачено.

[2] Какие конкретные шаги предпринял Брюсов, нам неизвестно.

[3] Эти слова Гиля вносят дополнительную ясность в запутанный вопрос об авторстве Брюсова при переводе гилевских «Писем о французской поэзии», рецензий и других «весовских» публикаций. Складывается впечатление, что после первых опытов 1904 г. Брюсов перепоручил основную часть этой работы Б. Рунт (см. примечание 3 к письму № 27) и другим сотрудникам. Нам представляется преувеличением распространенное мнение, поддержанное самим Брюсовым, о том, что ему принадлежат все переводы с французского, опубликованные в журнале. Стилистические особенности этих переводов, разночтения в транслитерации повторяющихся имен и другие детали подтверждают предположение о том, что они не могли быть выполнены одним человеком.

[4] С 1909 г. Брюсов стал регулярно печататься в «Русской мысли», в том числе в авторской рубрике «Литературная жизнь Франции». В своем письме он, судя по всему, объявил Гилю о своем намерении написать новую статью «Научная поэзия» (см. примечание 1 к письму № 67).

[5] В № 5 «Весов» за 1909 г. Джон Шарпантье опубликовал в разделе «Иностранная литература» серию библиографических заметок, в которых очень коротко остановился на сборнике рассказов Реми де Гурмона «Цвета и Старинные вещи» (Gourmont Remy de, «Couleurs suivi des Choses anciennes», 1908), на втором романе Гюстава Жоффруа «Идиллия Мари Бире» (Geoffroy Gustave, «L'Idylle de Marie Biré», 1908), на автобиографическом романе Робера Рандо «Исследователи» (Randau Robert, «Les Explorateurs», 1908), а также на дебюте молодого писателя Жака Нейраля «Куртвильское чудо» (Nayral Jacques, «Le Miracle de Courteville», 1908).

[6] Точное название лекционного зала, о котором пишет Гиль: «Народный университет Сент-Антуанского предместья» («Université populaire du faubourg Saint-Antoine»). Начиная с 1899 г. здесь читались доклады о символистской и постсимволистской поэзии, нередко

сопровождаемые декламацией стихов. По всей вероятности, Джон Шарпантье выступил здесь с сообщением, приуроченным к выходу книги Гиля «О научной поэзии» («De la poésie scientifique»). О содержании этого выступления мы можем судить по тексту, опубликованному в газете «Les Temps Nouveaux». Повторяя слова Гиля о его литературной генеалогии, Шарпантье назвал в качестве предшественников «анти-эготической» поэзии древнеиндийских философов, а также Лукреция, Данте, дю Бартаса, Шенье, Шелли и Леконта де Лиля, подчеркнув, что, несмотря на столь знаменитых предшественников, «именно Рене Гилю первому выпала честь понять и сформулировать» мысль о том, что, «отказавшись от самопроявления в своем произведении, поэт проявится в своем ритме» [«Mais — et c'est à M. René Ghil que revient l'honneur de l'avoir le premier compris et exprimé — comme le poète renoncera à se révéler dans son oeuvre il se révélera dans son rythme.» (1909. No. 2, 31 mai. P. 7)].

[7] Речь идет об отклике Аркоса на книгу Гиля «О научной поэзии», написание которого обсуждалось им с Гилем еще в марте того же года (см. примечание 2 к письму № 62). О переписке Брюсова с Аркосом по этому поводу мы также знаем только со слов Аркоса и Гиля, однако уже в письме от 16 июня Гиль отговаривает Брюсова от публикации статьи Аркоса, ссылаясь на некомпетентность ее автора (см. письмо № 66).

[8] В № 5 журнала «Академос», вышедшем 15 мая 1909 г., Гиль опубликовал обширный фрагмент «В глубине времен» («Dans le temps»), взятый из заключительного раздела подготовленного им переиздания книги «Орден альтруистов» («L'Ordre Altruiste»). О взаимоотношениях Гиля с этим журналом см. примечание 13 к письму № 67.

[9] Роман Брюсова «Огненный ангел», первое издание которого вышло в двух книгах (ч. I — в 1908 г.; ч. II — в 1909 г.), был в 1909 г. переиздан издательством «Скорпион» отдельным томом под названием: «Огненный Ангел. Повесть в XVI главах. Издание второе, исправленное и дополненное примечаниями».

[10] Речь идет об антологии «Французские лирики XIX века. Переводы в стихах и библиографические примечания Валерия Брюсова» (СПб.: Пантеон, 1909), подготовленной к печати в январе и вышедшей в свет весной того же года.

65. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

17 Mai 1909

Bien cher ami,

Le nom est: Edward Loewy. C'est d'après un dessin à la plume, qui fut fait lui-même, de manière pressée, d'après une photographie, celle qui parut au No. 2 des *Ecrits pour l'Art, en 1887*, février[1].

Je sors de chez mon éditeur, pour voir s'il avait encore le dessin original. Il n'a pu le trouver, et je le regrette bien. Car, si ce dessin ne fut pas très bon, la reproduction en *En méthode [à l'Oeuvre]* est plus défectueuse encore. Faites pour le mieux.

Comme portrait *actuel*, je vous enverrai dans deux jours *la photographie* qui a servi pour le portrait dans *De la Poésie scientifique*. Au cas où vous en auriez besoin, cette photo date d'Octobre dernier[2]. — Seulement Samedi 15, j'ai reçu *dépêche* de la *Balance* me disant qu'on expédiait honoraires! Je crois que c'est grâce à votre intervention?

Je vous écrirai quand j'aurai reçu ces honoraires, et probablement une lettre de la

Balance! Quelle négligence! Surveillez, je vous prie, la parution de l'article prochain.
Très grand merci, toujours. Vôtre,

René Ghil

65. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

17 мая 1909 г.

Дорогой друг!

Имя художника — Эдвард Лёви. Портрет выполнен пером с рисунка, который он сам, в быстрой манере, сделал с фотогравюры, напечатанной в № 2 «Экри пур л'ар» за февраль 1887 года[1].

Я только что вышел от издателя, у которого справился, не осталось ли у него оригинала. Он его не нашел, о чем я крайне сожалею. Поскольку если уже рисунок был в плохом состоянии, то репродукция, напечатанная в «По методу — к Творению», страдает еще большими дефектами. Постарайтесь выбрать наилучшее решение.

Что касается моего *нынешнего* портрета, то через пару дней я отправлю Вам *фотографию*, с которой сделан портрет, помещенный в книге «О научной поэзии». Если Вам понадобится о нем информация, то на всякий случай сообщаю, что фотография датируется октябрем прошлого года[2].

Только в субботу 15 мая я получил из «Весов» *телеграмму*, в которой сообщалось, что мне высылают гонорар! Уверен, что это благодаря Вашему вмешательству. Так?

Я Вам напишу, как только получу деньги и, возможно, письмо от «Весов»! Какая халатность! Прошу Вас, проследите за прохождением моей следующей статьи.

Как и прежде, огромное спасибо. Ваш

Рене Гиль

Оригинал на почтовой карточке.

[1] Речь идет о срочном уточнении, необходимом для публикации портрета Гиля (см. примечание 7 к письму № 11) в антологии Брюсова «Французские лирики XIX века» (см. примечание 10 к предыдущему письму № 64). Портрет был помещен в книге с надписью: «Рене Гиль. С рисунка Э. Леви» (С. 155). Письмо Брюсова, содержащее вопрос, на который отвечает Гиль, нам неизвестно. Установить с точностью личность портретиста также не представляется нам возможным. Предположительно, это был английский график Эдвард Леви Монтефиоре (Edward Levy Montefiore, 1820—1894).

[2] Выцветший от времени фотопортрет Гиля с дарственной надписью «Валерию Брюсову. От друга» [«A Valère Brussov. Son ami»], датированной маем 1909 г., хранится в Отделе рукописей РГБ (Ф. 386, карт. 82. Ед. хр. 28). В книге «О научной поэзии» портрет опубликован не был.

66. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 16 Juin 1909

Bien cher Ami,

J'ai attendu, pour vous écrire et vous envoyer mes amitiés, d'avoir terminé le second Article du *Mouvement poétique moderne*, que vous trouvez avec cette lettre. Pas à pas, vous le verrez, je suis les indices accentués de cette genèse, dates, faits, oeuvres, tous documents en mains: j'espère que la *Balance* saura apprécier ce travail jamais fait, pas ici non plus[1].

Je vous ai remercié, je vous remercie encore, d'avoir bien voulu, d'avoir proposé que votre talent, qui a mieux à faire, descende à me traduire pour la *Balance*!... Je vous serais reconnaissant de traduire cet Article, afin qu'il puisse prendre *place au No. 7.* Je vais écrire demain, sans doute, à M. Lykiardopoulos, l'avertissant que je vous ai adressé l'article directement, — et que je compte qu'il paraîtra au No. 7, sans retard possible[2].

A ce No. 5, je compte que l'Article 1er passe, car je ne crois pas qu'on ait osé ne le pas faire passer[3].

M. Lykiardopoulos a reçu en Avril *deux comptes-rendus*, intéressants: sur le livre posthume de C. Olivier de la Fayette[4], et sur des inédits du *Jocelyn* de Lamartine dont il a été beaucoup parlé[5]. Ces *deux comptes-rendus* doivent donc passer (voulez-vous me faire l'amitié de nous informer s'ils sont traduits), et passer, sans autre retard, au *No. 6*.

Car, je l'ai déjà dit à M. Lyk[iardopoulos] et le lui répéterai, les Etudes *du Mouvement moderne* doivent passer en dehors de la Rubrique de l'Etranger: et, entre deux Etudes, quand il y a matière, passent des comptes-rendus. C'est ainsi que ce fut entendu de tout temps[6]. — De plus, je compte que désormais, jusqu'à fin d'année, passera quelque chose *chaque No.*, — car je l'avais dit: je ne saurais cependant écrire à la *Balance*, lui donner mon nom et mon travail si plein de la conscience qui est toujours mieux, à moins de 7 à 800 frs par an. — Or, la *Balance* n'a de temps à perdre pour faire cette somme, puisqu'à l'heure présente, je n'ai eu encore que 70 frs d'honoraires! — Si vous les voyez, voudrez-vous encore leur rappeler cela...

Pour le No. 8, je vous enverrai de la campagne quelques comptes-rendus, — et parmi des volumes de vers, d'un volume bien intéressant de Rosny (*le Pluralisme*, chez Alcan), volume de philosophie[7]. Ceci n'entre point en la Rubrique *Littérature*, et d'ailleurs il me semble que M. Arcos n'y serait point apte...[8] Rosny m'a envoyé le volume personnellement «au métaphysicien et au philosophe», et j'aurai à en parler même au point de vue poétique[9].

Ces détails, dont je vous demande pardon, étant dits (car je n'ai plus confiance en la *Balance* pour tout cela), je vous dirai un mot — triste — sur ce qui se passe littérairement ici.

Décadence dernière... Il y avait déjà des prix de poésie, concours, avec tout le favoritisme et le sans-gêne moral possibles. On a fait mieux. A l'Odéon on a organisé un concours de poésie, soi-disant avec le public pour jury! C'est je crois, Ch. Morice, Paul Fort, Haraucourt, d'autres encore de ce genre, qui ont inventé cela. Un premier

jury de lecture fut organisé, composé de 15 à 20 membres, avec quelques noms qu'on s'étonne de trouver là: Régnier, Moréas, Verhaeren. — Le reste, prosateurs ou poètes de toutes tendances, surtout rétrogrades. Comme critiques il y avait Deschamps entre autre, — honni des Jeunes, mais honni, hélas! surtout lorsqu'il ne répond pas à leurs dédicaces de volumes.

Il y eut 2000 envois de poèmes manuscrits! Or on en retint 21. Il y eut des prix, d'argent, pour 13. Or, jamais on n'a osé donner une valeur à de si piètres poésies: choses de collégiens rimant au collège, à 17 ans! le 1er prix, une dame, chère, paraît-il, à l'un des membres du 1er jury, 2ème au secrétaire de M. Haraucourt! 3ème à *Jules Romains*, qui a le talent cependant que nous savons mais toujours le même procédé, et étroit[10]. Il eut ce prix, parce que le théâtre était bondé de Jeunes et vieux-Jeunes et qu'au lieu que chacun votât avec un seul bulletin, chacun vota pour lui *avec les 21 bulletins* qu'on avait remis à tout entrant! Le reste ne vaut pas la peine d'en parler...[11]

Les poésies étaient dites par des acteurs connus plus ou moins. Les poèmes qui devaient frapper le public ordinaire de petites-bourgeoises et bas-bleus venant à ces matinées littéraires étaient confiés à des acteurs connus, en renom, tel M. de Max... Le tour fut ainsi joué... Il y eut un détail amusant: le 5ème prix, je crois, alla à un M. Salmon, ami de Paul Fort: or, de Max, qui lisait, lut un feuillet avant l'autre... Personne ne s'en aperçut![12]

Voilà où en est la Poésie, celle qui, paraît-il, «réagit» contre nous! — J'ai eu, une fois nouvelle, à constater quel peu de foi il faut accorder, vraiment, à ceux dits de *l'Abbaye*: après avoir publié il y a 4 ans une brochure contre les prix, virulente, — après avoir, l'année dernière, imaginé, contre cette même institution des Prix, cette invention burlesque et injustifiable d'un prix qu'ils devaient donner, soi-disant d'accord avec Faguet, Rostand[13], etc... — ils avaient envoyé, tous, à ce Concours de l'Odéon, comptant sur Paul Fort pour être des heureux élus! — Ils n'ont pas même été lus! Leur mauvaise action poétique ne leur a donc rien apporté... Mais, en mon esprit, elle demeure, — et j'ai regret de ce que j'ai fait pour eux et d'avoir eu l'indulgence de prendre note qu'ils se réclamèrent, en leurs volumes, de la *Poésie scientifique*. Poètes scientifiques — non! il faut plus de caractère, de foi et de talent aussi[14].

Comme je ne m'en étonne pas, M. John Charpentier demeure toujours, loyal, à l'écart de ces arrivismes[15]. Je vous recommande aussi M. Pierre Fons, de qui j'ai parlé au No. 2 de cette année...[16]

(A propos voudrez-vous voir, si vous y pouvez, que l'Article de M. Charpentier, que la *Balance* a depuis fin Janvier, passe avec mes comptes-rendus, *au No. 6* . — A moins qu'il soit en ce No. 5[17].)

Enfin, je crois que la mentalité poétique ne peut tomber plus bas. J'espère que ceux qui sont indemnes, leur dégoût accru, en prendront une énergie enfin consciente, et, à quelques-uns balaieront cette cohue microbienne. Mais les esprits et les âmes sont bien malades ici...

Quoi de nouveau chez vous? Et à la *Balance*? Vous devez être occupé à votre volume anthologique?[18] — J'attends mon volume, aussi, retardé par des travaux urgents qu'on a dû faire à l'imprimerie. Je vous l'enverrai sous peu, je l'espère[19].

Puis, nous partirons pour la campagne, dans le Poitou, les premiers jours de Juillet, — oublier ces vilenies de fin de saison. J'y travaillerai d'ailleurs à mon prochain

vol[ume], le III de la seconde Partie, *Les Images du Monde,* c'est-à-dire la prime et amorphe connaissance des Dieux, pris depuis le Totémisme[20]. Je me réjouis d'écrire ce livre, me réjouis d'en avoir terminé avec la Réédition, — pourtant bien nécessaire et qui me met l'esprit à l'aise, décharge du poids des fautes, autant que possible!...

Cher ami, encore merci. Ecrivez-moi un de ces jours (toujours à Paris: je vous dirai quand j'arriverai à la campagne). Mme Ghil a écrit à Madame Brussov: elle la prie d'agréer ses amitiés, avec mes hommages très empressés. Bien votre ami, affectueusement.

René Ghil

66. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 19 июня 1909 г.

Дорогой друг!

Я не писал Вам и не передавал дружеского привета, пока не закончил вторую статью из цикла «Современное поэтическое движение», которую вкладываю в один конверт с этим письмом. Вы увидите, как шаг за шагом я прослеживаю все ярко выраженные признаки этого генезиса, оперируя датами, фактами, произведениями и всей документацией: надеюсь, что «Весы» будут способны оценить эту работу, за которую никто до сих пор не брался, даже во Франции[1].

Я Вас уже благодарил и еще раз благодарю за то, что Вы выразили желание, что Вы предложили переводить мои статьи для «Весов», за то, что Вы снизошли ко мне с высоты своего таланта, которому можно было бы найти лучшее применение!.. Я буду Вам признателен, если Вы переведете эту статью к сроку, чтобы поспеть поместить ее в № 7 журнала. Завтра я, конечно же, напишу г-ну Ликиардопуло, что послал статью непосредственно Вам и что надеюсь увидеть ее по возможности без задержек в № 7[2].

Я рассчитываю на то, что первая статья появится в *ближайшем номере, № 5,* так как не думаю, что они посмеют ее там не опубликовать[3].

В апреле г-н Ликиардопуло получил *две рецензии* на интересные книги — на посмертно изданный сборник Калемара де Лафайета[4] и неопубликованную поэму Ламартина «Жослен», о которой здесь много говорили[5]. Эти *две рецензии* (не могли бы Вы по-дружески сообщить мне, переведены ли они?) должны пойти без дальнейших проволочек *в № 6.*

Как я уже писал и еще раз повторю г-ну Ликиардопуло, очерки о «Современном движении» не должны публиковаться в разделе «Иностранная литература». Когда же есть предмет для разговора, то между двумя этюдами должны появляться рецензии. Так было оговорено во все времена[6]. Более того, я рассчитываю, что впредь до конца года *в каждом номере* будет опубликован мой материал, поскольку, как я говорил и раньше, я не буду писать для «Весов», предоставляя

журналу свое имя и свою добросовестную, с каждым разом улучшающуюся работу, если не буду получать за это 700—800 франков в год. У «Весов», однако, осталось не так много времени, чтобы набрать нужную сумму, поскольку на настоящий момент я получил только 70 франков гонорара! Если Вы увидите кого-нибудь из редакции, напомните им еще раз об этом...

Для № 8 я пошлю Вам из деревни несколько рецензий, среди которых, помимо отзывов о стихотворных сборниках, Вы найдете материал о крайне интересном философском произведении Рони «Плюрализм» (издательство «Алкан»)[7]. Эта книга никак не подпадает под рубрику «Литература» и, помимо прочего, мне кажется, что Аркос отнюдь не подходящая фигура...[8] Рони послал мне книгу лично с посвящением «метафизику и философу», и я собираюсь говорить о ней также с поэтической точки зрения[9].

Изложив все эти детали, за которые я прошу у Вас прощения (просто я больше не доверяю «Весам» во всех этих вопросах), я хочу поведать Вам о грустных событиях, которые происходят у нас здесь в литературном мире.

Последняя степень разложения... До сих пор существовали поэтические премии и конкурсы, отличительной чертой которых было попустительство любимчикам и неописуемая нравственная бесцеремонность. Теперь пошли еще дальше. В театре «Одеон» организовали так называемый поэтический конкурс, на котором в качестве судей выступала публика! Выдумано все это было, кажется, Шарлем Морисом, Полем Фором, Арокуром и им подобными личностями. Вначале было организовано *жюри* для первого прочтения, состоявшее из 15—20 членов, среди которых встречались имена, чье присутствие вызывало удивление: Ренье, Мореас, Верхарн. Остальные участники — прозаики и поэты всевозможных направлений, главным образом ретроградных. Из критиков был, помимо прочих, Дешан, презираемый Молодыми, но презираемый, увы, только тогда, когда он отвечает молчанием на присланные ему книги с посвящениями.

На конкурс было прислано 2000 рукописей со стихами! Из них выбрали 21. Для 13 были назначены денежные премии. Никто до сих пор не осмеливался объявлять художественной ценностью столь посредственные произведения — рифмованные вирши, какие пишут семнадцатилетние гимназисты! Первая премия была присуждена даме, очевидно, близкой сердцу одного из членов первого жюри, вторая — секретарю Арокура, третья — *Жюлю Ромену*, который, как мы знаем, обладает талантом, но работает всегда в одной и той же манере, не отличающейся широтой[10]. Он получил эту премию, так как театр был переполнен молодежью и состарившейся молодежью: несмотря на то, что на каждое место приходился один бюллетень для голосования, каждый, голосовавший за Ромена, получил на входе *по 21 бюллетеню*! Об остальном не стоит и говорить...[11]

Стихотворения декламировались со сцены более или менее известными актерами. Актерам именитым, имеющим определенное реноме, как Демакс, было доверено прочесть стихи, которым предстояло поразить воображение публики — завсегдатаев дневных спектаклей подобного рода — обычно это дамочки из мелкой буржуазии и «синие чулки»... Вот какая вышла штука... Привожу интересную подробность. Пятая премия досталась некоему Сальмону, другу Поля Фора. Демакс при чтении перепутал страницы... Никто этого не заметил![12]

Вот в каком состоянии находится Поэзия, являющая, как бы «реакцию» против нас! Я в очередной раз вынужден был констатировать, насколько мало веры поэтам из так называемого «Аббатства». Опубликовав 4 года тому назад яростную брошюру против литературных премий, восстав в прошлом году против самого института премирования, этого бурлескного, ничем не оправданного изобретения, решения которого должны согласовываться с Фаге, Ростаном[13] и пр., — после всего этого они все послали стихотворения на конкурс «Одеона», рассчитывая, что Поль Фор включит их в число счастливых избранников. Их даже не прочитали! Скверный поэтический демарш ничего им не принес... Но в моем сознании этот поступок запечатлелся, и я сожалею о сделанном для них, а также о том, что по своей благожелательности принял на веру декларации об их принадлежности к «Научной поэзии», сделанные в предисловии к их книгам. Они — научные поэты? Нет! Для этого необходима бóльшая сила характера, больше веры и, конечно же, больше таланта[14].

Поэтому меня не удивляет, что Джон Шарпантье сохраняет прежнюю преданность, сторонясь подобных проявлений карьеризма[15]. Хотел бы Вам также рекомендовать Пьера Фонса, о котором я писал в этом году во втором номере[16].

(Кстати сказать, не могли бы Вы, если это в Ваших силах, посодействовать тому, чтобы статья Шарпантье, которая лежит в «Весах» с января, пошла в № 6 вместе с моими рецензиями. Если только она не будет напечатана в ближайшем, пятом номере.)[17]

В конце концов я думаю, что поэтическому мироощущению ниже уже не упасть. Я надеюсь, что поэты, вышедшие из этого положения незапятнанными, в конце концов извлекут из собственного растущего отвращения сознательную энергию и, сплотясь в небольшую группу, выметут это скопище микробов. Хотя умы и души во Франции серьезно больны...

Что нового у Вас? Что в «Весах»? Вы, должно быть, заняты подготовкой своей антологии?[18] Я, со своей стороны, тоже жду появления своего тома, выход которого задержался из-за срочных работ в типографии. Надеюсь скоро Вам его послать[19].

Затем, в первых числах июля, мы уедем в деревню, под Пуату, чтобы позабыть там гнусности завершающегося сезона. Там я буду работать над своим следующим томом — третьим из второй части. Это будут «Образы мира», иначе говоря, первоначальное, еще аморфное познание Богов, рассматриваемое начиная с эпохи тотемизма. Я радуюсь мысли о том, что буду писать эту книгу, радуюсь, что закончил переиздания, которые были, тем не менее, основательно необходимы и придали спокойствия моему уму, освободив его, насколько это возможно, от груза ошибок!.. [20]

Дорогой друг, еще раз спасибо. Напишите мне на этих днях (по-прежнему в Париж — я дам Вам знать, когда перееду в деревню). Г-жа Гиль послала письмо г-же Брюсовой: она просит передать ей дружеский привет, а от меня — выражение наивысшего почтения. С теплыми дружескими пожеланиями,

Рене Гиль

[1] О сроках публикации и содержании названной статьи см. примечание 8 к письму № 70.

[2] Эти и другие материалы были переведены Брюсовым только в конце лета: «Дня через два вышлю Гиля», — сообщал Брюсов С. А. Полякову в письме от 15/28 августа 1909 г. (ЛН 1994. С. 124).

[3] Требование Гиля было выполнено. В первой статье цикла «Истоки новой поэзии», вышедшей с подзаголовками «Настроение умов около 1882 г.» и «Как был открыт Поль Верлэн» (Весы. 1909. № 5), Гиль обозначил время, предшествующее зарождению символизма, как «хаотическое», но «волнуемое предчувствием, что нечто новое готово родиться» (С. 94). Выразителями этого неясного движения были, по его словам, эфемерные журнальчики, такие, как, например, «Nouvelle Rive Gauche», «читателями которого почти исключительно были студенты Латинского квартала» (Там же). О том, что уже в апреле 1883 года названный журнал преобразится в знаменитый «Lutèce», французский корреспондент «Весов» сообщит читателю только в конце своей обширной статьи, а пока он как бы наудачу выбирает из многих периодических изданий именно «Nouvelle Rive Gauche» и отводит под его описание всю предназначенную для «иностранной литературы» журнальную площадь, рассчитывая, очевидно, и в будущем говорить об истории движения не торопясь, подробно, с массой малозначительных, но любопытных, по его мнению, фактов. Характеризуя «Nouvelle Rive Gauche» как журнал, порвавший с прошлым, Гиль цитирует одну из его деклараций: «У нашего издания нет традиций! Это журнал антиморальный, антипатриотический, безо всякой вышколенности, без убеждений; он смеется над многими освященными вещами, не признает других правил, кроме правил синтаксиса» (С. 95). Несмотря на столь дерзновенные заявления этот орган оказался, однако, «бедным» пророком «на девственных путях, ведущих в будущее» (С. 96), прежде всего по той причине, что оказал «враждебный прием» новаторству Верлена (С. 97), но также и потому, что гордился тем, что печатает стихи Ф. Коппе, Э. Арокура и Шарля Мориса. Последний, правда, «навсегда заслуживает нашу признательность за то, что один из первых сумел оценить Верлена, — и потом Малларме» (С. 98). Описав вкратце «бесплодное время, когда все мыслят и пишут, лишь смотря сквозь мысль и сквозь творчество прошлого» (Там же), Гиль вернулся к «историческому изложению фактов» (С. 99) и рассказал о необъяснимой трансформации, происшедшей с «La Nouvelle Rive Gauche» между декабрем 1882 и январем 1883 гг., трансформации, выразившейся в регулярных публикациях на его страницах стихотворений того же Верлена. Здесь необходимо заметить, что рассматриваемый период опасным образом приближался ко времени вступления на литературную сцену самого Гиля. Многие места на этой сцене к его приходу были уже заняты — заняты другими литераторами, личностями яркими, талантливыми, воспринимаемыми Гилем изначально в качестве соперников и противников. Отсюда — иронические, желчные нотки, все чаще окрашивающие последующие страницы обзора: «Жан Мореас! По его первым стихам еще нельзя угадать той декларации о “символизме”, которую он сделает несколько лет позже в “Figaro” 1886 г. (первая сецессия от “символизма” Малларме). Совершенно ясно, что у Мореаса нет никакого художественного направления» (С. 99). «Это — Коппэ, смешанный с Бодлэром, с примесью Верлэна времен его “Poèmes saturniens”, но как в общем это плохо!»» (С. 100). В своем повествовании Гиль не щадит никого: ни главу «зютистов» Шарля Кро, «поэта, не лишенного таланта, смесь художника, ученого и клоуна...» (С. 101), ни «гидропатов», ни прочие группировки своих ровесников. Однако, заканчивает Гиль, собрания и споры молодых поэтов «не были бесплодными, потому что таким путем был открыт Поль Верлэн. Его поэзия звала на свободу из той банальности, где все коснели, мало-помалу открывала глаза на новое и подготовляло умы к тому мощному движению, которое должно было начаться в 1885 г. [...]» (С. 101).

[4] Рецензия на публикацию трех рукописных вариантов поэмы Ламартина «Josselin» (общепринятое название — «Josselyn»), осуществленную Кристианом Марешалем, вышла

также в № 8 журнала. Примечательно, что некоторое время спустя об этой книге написал и сам Брюсов (см. примечание 2 к письму № 72).

[5] Отзыв Гиля о поэме Оливье Калемара де Лафайета «Подъем» («La Montée», 1909) вышел в № 8 «Весов», судя по всему, в переводе Брюсова. В своей прежней рецензии на первый сборник этого автора Гиль писал, что его «Мечтания дней» («Le Rêve des Jours») — это «книга поэта, который относится сознательно к искусству поэта, преданного Мысли и Ритму, поэта, в будущее которого, кажется мне, мы вправе верить» (Весы. 1904. № 10. С. 68). Вторая (посмертно изданная) книга де Лафайета, скончавшегося в 1906 г. в возрасте 26 лет, показала рецензенту, что «наши надежды вовсе не были тщетными» (С. 81), несмотря даже на тот факт, что, «подчиняясь всем традициям эготического искусства и с ранних лет воспринятым догмам католицизма, он все-таки не может или не хочет понять величия той идеи, что отдельное, преходящее "я" есть только сложный и удивительный результат всех энергий ряда предыдущих существований, и что, таким образом, вся ценность этого "я" в тех действиях, которые оно совершает и как бы проектирует в будущее. Нет. Философия де Ла-Файета, при всех его симпатиях к эволютивной теории, в конце концов сводится к догматическому пониманию мира, как творения, Создатель которого ставил Себе конечной целью — человека. Из стремления оправдать сознанием эту философию и возникает борьба в душе поэта» (С. 82—83).

[6] Первая статья цикла «Истоки новой поэзии» была, вопреки желанию Гиля, опубликована в разделе хроники «Иностранная литература» (1909. № 5. С. 94—101). В разделе «Литература» вышла только вторая статья цикла (1909. № 10—11. С. 169—176).

[7] Короткий отзыв Гиля о сочинении Жозефа Анри Рони-старшего «Плюрализм. Очерк о прерывности и гетерогенности феноменов» («Le Pluralisme. Essai sur la discontinuité et l'hétérogénéité des phénomènes», 1909) был опубликован значительно позднее и уже не в «Весах», а в «Аполлоне» (1910. № 5, февраль). Еще через год, в «Синтетических заметках о французской литературе 1910 года» (Русская мысль. 1911. № 2) Гиль вновь обратится к этой книге, главному философскому произведению Рони-старшего, «автора, с одинаковым мастерством умеющего изображать и жизнь доисторическую и водоворот современной деятельности» (С. 187). Этим «чрезвычайно интересным исследованием, посвященным плюралистической теории, противополагающей себя теориям монизма и дуализма», Рони-старший, по словам Гиля, положил начало «критике "нео-дуализма", особенно поскольку он [нео-дуализм] выразился в сочинениях известного философа Бергсона» (Там же), что имело прямое «отношение к судьбам современной литературы» (Там же).

О Рони — «научном романисте», который, по мнению Гиля, был по непонятным причинам оценен далеко не всеми, — писал в это время и Джон Шарпантье, отмечавший, что еще в 1891 г., в период сотрудничества в «Revue indépendante», Рони, как и Гиль, стоял на твердых позициях эволюционизма: «Оба, один в области поэзии, другой в области романа, защищали право художника на научное вдохновение и доказывали высокими и жизнеспособными произведениями, что не может быть разноречия между требованиями воображения и разума» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 47).

[8] См. примечание 7 к письму № 64.

[9] Об этом аспекте труда Рони-старшего непосредственно в рецензии на «Плюрализм» говорилось следующее: «В философской теории, которую мы строим на основе нашей поэзии науки, "плюрализм" становится как бы необходимым дополнением, развитием монистической концепции происхождения Мира...» (Аполлон. 1910. № 5. С. 12)

[10] О первоначальном мнении Гиля о Ж. Ромене см. примечание 6 к письму № 56.

[11] Речь идет о поэтическом конкурсе, организованном в театре «Одеон» по инициативе ведущих французских поэтов. Предлагаемые на конкурс произведения необходимо было подать не позднее 20 апреля 1909 г. Вместо подписи текст надлежало сопроводить кодовым словом — «девизом». Конкурс состоялся во вторник 2 июня. 21 стихотворение, отобран-

ное организационным комитетом, было прочитано со сцены артистами театра. Подтасовка, о которой пишет Гиль, повторяя инсинуации, промелькнувшие в газетах, представляется крайне затруднительной, поскольку каждый бюллетень для голосования, выдаваемый при входе в зрительный зал, в точности соответствовал номеру места, указанного на входном билете. Конверты с именами победителей также вскрывались на сцене, на глазах у публики.

Первая премия в размере 1000 франков, выделенная театром «Одеон», была подавляющим большинством голосов присуждена Маргерит Жийо (Marguerite Gillot) за элегию «Прошлое» («Le Passé»). М. Жийо действительно принадлежала к ближайшему окружению Поля Фора и даже стала прототипом героини его «Французских баллад», однако имя поэтессы, выступавшей анонимно, было раскрыто газетами только после того, как присужденная ей сумма была целиком передана на сооружение памятника Верлену.

Первая премия в размере 1000 франков, выделенная газетой «Matin», была присуждена Шарлю Дорнье (Charles Dornier) за стихотворение «Дерево» («L'Arbre»).

Жюль Ромен был удостоен второй премии той же газеты в размере 500 франков за стихотворение «Собравшейся здесь толпе» («A la foule qui est ici»), высоко оцененное М. Волошиным (Аполлон. 1909. № 3, декабрь. С. 11 [вторая пагин.]). Были разыграны также премия Бетховена и премии нескольких газет и журналов — «Temps», «Mercure de France», «L'Intransigeant», «Je sais tout», «Figaro». Андре Сальмон был удостоен шестого места за поэму «Цыган» («Tzigane»).

Свое мнение об организации конкурса Гиль подробно изложил в статье «Поэзия», рукопись которой сохранилась во Французской национальной библиотеке. Подробно об этой статье, опубликованной в так называемом «французском» номере журнала «Аполлон» (1910. № 6), см. письмо № 71 и дальнейшие письма. В русском переводе статья была напечатана с изъятиями. Информация о конкурсе в опубликованный текст не вошла.

[12] Факты, изложенные Гилем, подтверждаются мемуарами Анре Сальмона. Не выучив стихотворения наизусть, известный актер Эдуар Демакс перепутал листы и прочел сначала четвертую, а затем третью страницу, что действительно осталось незамеченным публикой (*Salmon André.* Souvenirs sans fin, 1955—1961. T. 2. Deuxième époque (1908—1920). 1956. P. 176).

[13] Эмиль Фаге (1847—1916) — видный французский критик, профессор Сорбонского университета, член Французской Академии (1900), автор многотомного издания по истории литературы XV—XX вв., а также ряда теоретических работ по социальным вопросам. Выступал с последовательной критикой символизма.

Эдмон Ростан (1868—1918) — поэт и драматург; прославился как автор героической комедии «Сирано де Бержерак» (1897). В своих произведениях возрождал традиции романтизма. О негативном отношении Гиля к позднейшим произведениям драматурга см. примечание 2 к письму № 81.

[14] Публикация поэтов «Аббатства», которая была бы направлена против литературных премий, насколько нам известно, во французских библиографиях не числится. Характеризуя отношение участников этого объединения к поэтическим конкурсам, Гиль в одной из своих статей приводит мнение Рене Аркоса, высказанное им в предисловии к своей второй книге «Трагедия пространств» («La Tragédie des espaces», 1906): «Наши противники знают, чего мы хотим и что мы любим. Пусть они не гневаются на нас. Мы оставляем им добрую честь. Мы оставляем им всю мифологию с неисчерпаемыми богатствами; мы оставляем им поэзию полей, лугов, овечек и четыре декорации четырех времен года; мы оставляем им: большие запасы доброго оптимизма, песни пригородов, националистическую лирику и защиту униженных; наконец, мы оставляем им — стихотворения по поводу открытий памятников, оды по заказу и все конкурсы на премию» (Весы. 1907. № 1. С. 86).

Отрицательное отношение к присуждению литературных премий высказывал и Брюсов, говоря о лагере «истинных реакционеров литературы, тех, которые присуждают друг

другу “Римские” и иные премии...» (*Брюсов В.* Жан Мореас. Некролог // Русская мысль. 1910. № 5. Отд. II. С. 205—206).

[15] В этот период Дж. Шарпантье подготовил заметку о Гиле для первого тома антологической серии «Все лиры» (Toutes les lyres, 1909), задуманной издательством «Gastein-Serge» в качестве хрестоматии, знакомящей читателя со всеми проявлениями современной поэзии, невзирая на литературное положение того или иного автора. Издание носило подзаголовок: «Антология современных поэтов. Избранные произведения новой поэзии с критическими биографиями, неопубликованными документами, портретами и оригинальным оформлением» («Anthologie des poètes contemporains. Choix d'oeuvres poétiques modernes, avec biographies critiques, documents inédits, portrait et ornements originaux»). В первый том серии вошли стихотворения 50 поэтов, наиболее известными из которых были Сен-Жорж де Буэлье, Фернан Грег и Мари Доге. Остальные имена ничего не говорили даже историкам литературы. Серия была продолжена в 1911 и 1912 гг. новыми томами, составленными Флорианом Пармантье. Наряду с произведениями десятков поэтов-любителей сюда были включены стихотворения Г. Аполлинера, М. Метерлинка, Поля Фора, Танкреда де Визана, К. Моклера и др. видных литераторов. Предисловие к изданию 1912 г. содержало несколько страниц, прославляющих Гиля и его метод.

[16] В этот период Гиль настойчиво пропагандировал в России творчество Пьера Фонса, о стихах которого он уже писал ранее в «Весах» (см. примечание 5 к письму № 62). Отзывы о романах этого малоизвестного автора он позднее публиковал в «Русской мысли», ставя его в один ряд с наиболее видными писателям (см. примечания 16 к письму № 84 и 2 к письму № 90).

[17] Заметка Дж. Шарпантье была действительно опубликована в № 5 «Весов» за 1909 г. (см. о ней примечание 5 к письму № 64).

[18] См. примечание 10 к письму № 64.

[19] См. примечание 4 к письму № 61.

[20] См. примечание 19 к письму № 49.

67. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 6 Juillet 1909

Bien cher ami,

Je suis touché, je suis fier, plus que l'exprimer, de l'Etude que vous venez de me consacrer en la *Pensée Russe*. Ces treize longues pages à propos de mon volume sont un cadeau précieux de votre pensée et de votre amitié[1]. Je n'ai pu encore me les faire traduire, mais, les regardant attentivement m'aidant des points de repères des renvois et des noms, je devine assez, cependant, votre jugement plein d'indulgence, — et vois que vous avez là, en heureuse synthèse, passé par tous les points de ma doctrine philosophique et mes théories rythmiques. Cet article demeurera parmi les choses nécessaires à m'expliquer, mérite ma gratitude de toujours. Et vous savez, cher ami, toute ma reconnaissance déjà, pour tout ce que vous avez si fidèlement fait pour moi! Je sens toute l'importance qu'aura cette Etude pour fixer en les idées de nouveaux lecteurs mon effort. Et déjà, il y a eu cet écho en un Journal que vous avez eu la bonne grâce amie de m'envoyer aussi. Je vous remercie infiniment, et de tout coeur, pénétré de reconnaissance...[2]

J'ai vu en ce même No. le compte-rendu de votre dernier livre, et, en première place, votre compte-rendu du livre de Biely[3]. En cette Revue où vous venez d'entrer nouvellement, votre nom est à sa digne place. J'en suis heureux, de toute mon amitié...

Vous me parlez d'une nouvelle Revue selon vos voeux qui se préparerait pour cet automne[4]. J'en suis enchanté, — et, puisqu'il y aura place pour l'Etranger, pour la France, — mon souhait serait d'y être à vos côtés. Je me suis habitué maintenant — et grâce à vous, je le sais, — à parler aux lecteurs Russes. Je crois avoir, avec tout mon zèle, servi des idées fécondes, et je voudrais continuer. *Je m'en remets à vous*. Car, je crois, comme vous me le dites d'ailleurs, que notre *Balance*, où nous avons donné toute notre énergie et tout notre zèle, «se meurt lentement».

— Je viens de recevoir de M. Lykiardopoulos des nouvelles qui m'ont été un chagrin. Protestant que la Revue «estime énormément ma collaboration», — il me demande de consentir à la fois à une diminution du nombre de pages de ma collaboration, et une diminution d'honoraires. Il me dit que c'est pour la Revue une question de vie!

En ces conditions, j'aurais mauvaise grâce à ne point accepter. Je vais donc répondre que je consens, — malgré le double ennui. Il me dit que M. Poljakoff demeure éditeur, mais qu'il y a désormais un Comité de 7 membres directeurs. (Il ne me dit pas les noms: j'espère que vous en êtes?[5]) Je vous demanderais donc d'user de votre autorité pour que la double réduction ne devienne pas ridicule. N'est-ce pas?

M. Lyk[iardopoulos] me dit qu'il part pour trois semaines. Je lui ne répondrai donc que vers la fin de ce mois: et je tenais, du reste, à vous prévenir auparavant.

Quant aux honoraires *du No. 5,* qui se montent à 75 frs (7 pages 1/2), car c'est encore les honoraires selon le régime d'hier, avant la demande qui m'a été faite de réduction, il me dit: que ce me sera envoyé *dans quelques jours* (Sa lettre est du 28 Juin).

(*Voulez-vous y voir encore* — je vous demande pardon de ces questions! — mais je ne veux pas recommencer les réclamations de la dernière fois qui m'énervèrent tant, et M. Poljakoff ne peut souffrir de me faire attendre cela — que, moi, je dois réclamer par principe... Voudrez-vous songer aussi à ce que est dû à M. John Charpentier. Son adresse: *John L. Charpentier, 46 rue de Moscou, Paris*)

Qu'on m'envoie à mon adresse de Paris, d'où cela me parviendra à la campagne.

Acceptant la proposition de la *Balance*, je demanderai cependant à M. Lyk[iardopoulos] de ne demeurer *dans le vague*, dont j'ai horreur: je le prierai de me dire combien de pages l'on compte me donner, et à quel prix la page, — de manière cependant que 400 frs par an me soient assurés. C'est peu, mais ainsi j'aurai satisfaction sans grever le budget de la *Balance*, je crois. Est-ce votre avis?...

Mon livre dernier de réédition, n'ayant, par faute de l'imprimeur, pu être prêt à l'heure, je ne le ferai mettre en vente qu'en Octobre, — car voici commencées les vacances[6]. J'en suis contrarié, — car, ayant eu pour le vol[ume] la *Poésie scientifique*, une presse excellente et nombreuse[7], il eût été bon de paraître sans trop d'éloignement. Enfin! Ce sera pour Octobre, et dès maintenant je vais travailler à l'inédit, aux *Images du Monde*.

Votre *Anthologie,* cependant, va paraître l'été... Je vous remercie encore — je dois vous remercier constamment mon cher ami! — de la place que vous m'y donnez, et des traductions faites[8]. — J'aurais aimé, mais le temps nous manquait, une traduction de *passages de pensées*, — mais sans doute, *exposant cette pensée*, avez-vous voulu in-

sister, d'autre part, sur la musique verbale et la rythmique? Je crois que ce fut votre idée, n'est-ce pas? et vous êtes bon juge pour faire au mieux, et le bon et excellent ami aussi... Donc, encore, tous mes remerciements!

Venant à Genève avec Madame, avons-nous l'espoir, je voudrais dire *l'assurance*, que nous vous verrons cet automne[9]. Nous aurions à causer longuement, plus longuement encore, — ne serait-ce que pour vous dire combien je suis pleinement heureux de tous les soins que, si naturellement, vous prenez de ma pensée. Vous viendrez, n'est-ce pas? Et Madame Ghil, au cours de cet été, insistera aussi, de toute sa grande sympathie, auprès de Madame Brussov... — Voulez-vous lui dire les amitiés de Mme Ghil, avec tous mes hommages.

Nous partons *après-demain* pour le Poitou, et serons de retour le *11 Septembre*. Vous pouvez donc m'écrire directement: «au "*Sublet*", *à Melle* (Deux-Sèvres), *France*».

Mais, que, de la *Balance*, pour éviter les confusions, on m'envoie honoraires et toutes lettres, à mon adresse de Paris. — Cela me suivra.

A bientôt, de vos nouvelles, n'est-ce pas? et encore — tout mon merci! Votre, affectueusement,

René Ghil

Voici les renseignements — assez négatifs, hélas! — sur les Revues dont vous me parlez:[10]

Pan — une Revue fondée à Marseille, et dont l'adresse est maintenant à Paris. *Aucune tendance*: c'est d'ailleurs la caractéristique des quelques Revues de maintenant de ne rien signifier. — Rien de sérieux. Banalités.

Pan, comme à la *N[ouve]lle Revue Française*, ce sont des groupements sans ligne de conduite, de gens, ou jeunes, ou plus âgés mais sans histoire, seulement possédés du désir de publier leurs vers, leurs proses, sans que rien puisse arrêter l'attention éprise de quelque personnalité qui se ferait jour.[11]

La *N[ouve]lle Revue Française* semble de plus de réaction encore (car ces petits messieurs se posent toujours en rénovateurs de la langue et de la tradition *abîmées* par notre génération!). Chaque fois qu'il y a Revue *Française*, cela veut dire protestation ignorante et impuissante contre nous: car, paraît-il, nous étions, nous sommes, *des étrangers*! Verhaeren, Griffin, Merrill, Kahn, moi!... [12]

Akadémos: Revue sérieuse. Mais éclectique. Malgré l'annonce de son 1er No. pour *revenir à l'art hellénique!* (la vieille niaiserie Française de toutes les époques de décadence) et aussi quelques coups de pattes anodins aux *Etrangers*, elle est sortie aussitôt de ce programme. Elle accueille assez tous les talents, et demande avec déférence la collaboration de quelques aînés: ainsi Verhaeren, moi, Moréas... J'ai donné, au No. 5, des vers, et je donnerai parfois des articles de critique.[13]

La Phalange semble devenir moins chaotique, sans pourtant avoir une ligne de direction, non plus[14]. Elle est très haïe de certaines Revues à tendances catholiques (car il y a eu une *organisation politico-catholique* très sournoise, mais très sûre, accélérant la décadence actuelle[15]). On peut donc la soutenir un peu pour cela; et *Akadémos* me semble la Revue la plus intéressante malgré son entier éclectisme, parfois faible. Vôtre, R. G.

67. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 6 июля 1909 г.

Дорогой друг!

Я тронут, я горжусь — сильнее, чем могу это выразить, — очерком, который Вы посвятили мне в «Русской мысли». Эти тринадцать крупноформатных страниц о моей книге — бесценный дар Вашей мысли и Вашей дружбы [1]. Я пока еще не успел отдать их на перевод, но, внимательно изучая их с опорой на сноски и имена, я, тем не менее, могу в достаточной степени угадать суть Ваших суждений, столь ко мне снисходительных. И я вижу, что Вы коснулись всех пунктов моей философской доктрины и моих ритмических теорий, с успехом увенчав их синтезом. Эта статья, в которой мне обязательно нужно будет разобраться, заслуживает моей вечной Вам благодарности. Но, дорогой друг, Вы уже знаете, насколько я Вам признателен за все, что Вы для меня сделали с такой преданностью! Я чувствую огромную важность этого этюда для будущего закрепления в умах новых читателей выдвигаемых мною идей. И вот уже отклик, появившийся в газете, который Вы тоже прислали мне из дружеского расположения. Бесконечно благодарю Вас от всего сердца, пронизанного признательностью...[2]

Я видел в том же номере рецензию на Вашу последнюю книгу и на первом месте Ваш отзыв о книге Белого[3]. В этом журнале, сотрудником которого Вы стали совсем недавно, Ваше имя заняло достойное место. Я счастлив этим как подлинный друг...

Вы пишете мне о новом журнале, отражающем Ваши стремления, выход которого готовится этой осенью[4]. Я в восторге от такой новости и, поскольку там найдется место для иностранной — для французской — литературы, я хотел бы участвовать в нем бок о бок с Вами. Разговор с русскими читателями стал для меня, благодаря Вам, привычным делом. До сих пор я, как мне кажется, со всем своим рвением служил плодотворным идеям и хотел бы продолжать служить им. *Полагаюсь на Вас.* Ведь Вы пишете, что наши «Весы», которым мы отдали всю нашу энергию и все наше усердие, «медленно умирают».

Я только что получил от г-на Ликиардопуло сообщение, которое ввергло меня в уныние. Утверждая, что журнал «бесконечно ценит мое сотрудничество», он в то же время требует, чтобы я согласился уменьшить число направляемых в «Весы» страниц и принял снижение гонораров. По его словам, для журнала это вопрос жизни!

При таких обстоятельствах было бы неучтиво с моей стороны не принять этих условий. Я напишу, что отвечаю согласием, несмотря на двойное огорчение. Он пишет, что г-н Поляков остается издателем, но отныне во главе журнала стоит комитет, состоящий из семи директоров. (Он не сообщает имен — надеюсь, что Ваше имя там тоже есть?[5]) Поэтому я попросил бы Вас использовать свой авторитет, чтобы это удвоенное сокращение не привело к смехотворному результату. Вы согласны?

Г-н Ликиардопуло пишет, что уезжает на три недели. Таким образом, я пошлю ему ответное письмо не раньше конца текущего месяца. Для меня было важно предупредить Вас заранее.

Что же касается гонораров за *№ 5*, то они составляют 75 франков (за 7 страниц), так как они рассчитываются по прежней схеме — до того, как редакция попросила меня о снижении. Эти деньги, пишет он, будут мне посланы *через несколько дней* (письмо датируется 28 июня).

(*Не могли бы Вы проследить за всем этим.* Приношу Вам свои извинения за такие просьбы, но я не хотел бы вновь обращаться к журналу с рекламациями, как это было в прошлый раз. Это меня так раздражает! И не может быть, чтобы г-н Поляков терпел в отношении меня подобные задержки. Я же должен требовать из принципа... Не могли бы Вы позаботиться также о гонорарах, причитающихся Джону Шарпантье. Его адрес: *Париж, ул. Моску, д. 46, Джону Шарпантье*).

А мне пусть тоже отправляют на парижский адрес, после чего перевод будет отослан мне в деревню.

Принимая предложение «Весов», я, тем не менее, попрошу г-на Ликиардопуло не держать меня *в неведении*, чего я страшусь больше всего. Я попрошу его сообщить, сколько страниц мне выделено и по какой ставке за страницу, но так, чтобы мне гарантировали выплату четырехсот франков в год. Это не много, но таким образом я получу удовлетворение, не подрывая бюджета «Весов». Придерживаетесь ли Вы того же мнения?..

По вине издателя мое последнее переиздание не вышло к сроку и поступит в продажу только в октябре, поскольку сейчас начинается период отпусков[6]. Мне это неприятно, так как пресса на брошюру «О научной поэзии» была многочисленной и восторженной[7]. И было бы лучше, если бы и вторая книга вышла сразу после первой. Но ничего не поделаешь! Книга выйдет в октябре, а пока буду работать над новыми стихами, над «Образами мира».

А вот Ваша антология выйдет летом... Еще раз благодарю Вас — я должен постоянно Вас благодарить, дорогой друг, — за место, которое Вы мне уделили в книге и за сделанные Вами переводы[8]. Жаль, что у нас не было времени обсудить *идеи,* которые мне хотелось бы видеть переданными в переводе, однако, воспроизводя эти идеи, Вы, с другой стороны, вне сомнения, делали акцент на словесную музыку и ритмику. Ведь так? Мне кажется, что Вы сторонник именно такого метода и лучше других знаете, как прийти к убедительному результату, и, помимо прочего, Вы — отличный друг... Так что примите всю мою благодарность.

Можем ли мы надеяться, я хотел сказать, получим ли мы *заверения* в том, что, когда Вы этой осенью поедете с супругой в Женеву, Вы на обратном пути заедете в Париж?[9] Мы углубились бы с Вами в долгие-долгие беседы, хотя бы ради того, чтобы я мог поведать Вам, насколько полно я ощущаю счастье от того, с какой естественностью Вы берете на себя труд по распространению моих идей. Ведь Вы приедете, правда? Г-жа Гиль в течение всех летних месяцев, выказывая величайшую симпатию, будет настаивать на том же в письмах к г-же Брюсовой. Передайте ей, пожалуйста, самые дружеские пожелания от г-жи Гиль, а также свидетельство моего почтения.

Мы уезжаем в Пуату *послезавтра* и вернемся *11 сентября.* Вы, таким образом, можете мне писать напрямую по адресу: *«Франция, Мелль (Дё-Севр), вилла "Сюбле"».*

Что же касается «Весов», то во избежание путаницы пусть они высылают гонорары и все письма на мой парижский адрес. Почта меня найдет.

Итак, жду от Вас новостей в самое ближайшее время. И еще раз огромное спасибо. С наилучшими чувствами, Ваш

Рене Гиль

Вот сведения — увы, довольно отрицательные — по поводу журналов, о которых Вы меня спрашивали[10].

«Пан» — журнал, основанный в Марселе, но существующий сейчас по парижскому адресу. *Никакой определенной тенденции.* Это, кстати сказать, характерная черта некоторых сегодняшних журналов — ничего не выражать. Ничего серьезного. Банальности.

«Пан», как и «Нувель Ревю Франсэз», объединяет вокруг себя группы литераторов без общей линии поведения. Это либо молодежь, либо люди постарше, но без прошлого, одержимые единственным стремлением напечатать свои поэтические и прозаические опусы, которые никогда не остановят на себе благосклонного внимания какой-нибудь литературной величины[11].

«Нувель Ревю Франсэз» является еще к тому же выразителем реакции (поскольку эти мелкие личности выставляют себя в качестве обновителей языка и традиций, *исковерканных* нашим поколением!). Каждый раз, когда в названии присутствует слово «французский», это означает невежественный, бессильный протест против нас: ибо похоже, что мы были и есть *иностранцы*! Верхарн, Гриффен, Мерриль, Кан и я сам...[12]

«Академос» — серьезный журнал. Но эклектичный. Вопреки заявлению, сделанному в первом номере, о том, что журнал *возвращается к искусству эллинов* (старый французский вздор любой эпохи упадка), а также вопреки беззубой критике в отношении *иностранцев*, редакция вскоре отошла от своей программы. Она тоже принимает любые таланты и почтительно приглашает сотрудничать некоторых литераторов старшего поколения — Верхарна, меня, Мореаса... Я дал в № 5 стихи и буду время от времени давать критические статьи[13].

«Фалянж», кажется, становится менее хаотичным, хотя направляющей линии у него так и не возникло[14]. Его глубоко ненавидят несколько журналов католической тенденции (ибо у нас возникла очень замкнутая, но совершенно определенная *политико-католическая организация*, ускоряющая нынешний упадок)[15]. В такой ситуации «Фалянж» можно немного поддержать; при этом «Академос» представляется мне самым интересным журналом, несмотря на его совершенный эклектизм, порой слабый. Ваш Р. Г.

---

[1] В № 6 «Русской мысли» была напечатана статья Брюсова «Научная поэзия». Статья была приурочена к выходу книги Гиля «О научной поэзии» («De la poésie scientifique», 1909) и по существу являлась рецензией на нее. О ее содержании см. предисловие к публикуемой переписке.

[2] Речь идет о небольшой заметке, напечатанной в газете «Русские ведомости» за 18 июня 1909 г. Приводим ее текст целиком: «Г. Валерий Брюсов в своих очерках о литера-

турной жизни Франции говорит о новом течении в современной французской поэзии, о так называемой "научной поэзии" (Poésie scientifique), пропагандируемой поэтом и теоретиком искусства Гилем и его приверженцами. В противоположность Сюлли Прюдому, заявлявшему, что в поэзии нет эволюции, что все научные открытия, все изменения в миросозерцании человечества не в состоянии проникнуть в сферу поэзии, что область поэзии — любовь, "научная поэзия" высказывается за тесную связь поэзии с жизнью, наукой и современностью. "Если мы будем мыслить научно, — пишет один из последователей Гиля,— это не помешает нам остро чувствовать. Не значит ли повторять всем известное, говоря, что эмоция может быть следствием раздумья". "И разве не был великим поэтом, — спрашивает другой теоретик научной поэзии, — тот, для кого мысль: быть или не быть, явилась источником мучительной и страдальческой эмоции?" В своем собственном творчестве представители новой школы стремятся руководствоваться этими девизами, ничего крупного в художественном отношении пока еще ими не создано» (Подпись: Н-ский [Николай Порфирьевич Губский]. В библиографиях Брюсова не учтено). Посылая Гилю заметку, Брюсов, видимо, сопроводил ее письмом, до нас не дошедшим.

[3] В том же номере «Русской мысли», что и статья Брюсова «Научная поэзия», была напечатана рецензия Б. А. Садовского на книгу Брюсова «Все напевы» (1909), а также рецензия самого Брюсова на сборник стихотворений Андрея Белого «Урна» (1909).

[4] Речь здесь скорее всего идет о журнале «Аполлон», решение об издании которого было принято в комментируемый период. Менее вероятно предположение о том, что Брюсов имел в виду журнал, создать который он безуспешно убеждал С. Полякова. В этом органе, — сообщает Аврил Пайман без ссылки на источник, — «наряду со статьями, посвященными гуманитарным предметам, могли бы, по рецепту Гиля, печататься и материалы по математике и физике» (*Пайман Аврил.* История русского символизма. М., 1998. С. 342. Перевод В. В. Исакович).

[5] В соответствии с принятой «конституцией» журнала (см. примечание 5 к письму № 59), во главе «Весов» был поставлен Комитет, состоявший из С. Полякова, А. Белого, Ю. Балтрушайтиса, М. Ликиардопуло, С. Соловьева, Эллиса и Брюсова. Брюсову поручалось заведование литературным отделом.

[6] См. примечание 4 к письму № 61.

[7] Брошюра Гиля «О научной поэзии» была действительно замечена периодическими изданиями ряда европейских стран, опубликовавшими весной 1909 г. многочисленные отзывы — главным образом короткие сообщения о выходе книги. Они появились, в частности, в швейцарской «Correspondance helvétique» (23 février); в итальянских «Il Marzocco (Firenze)» (2 maggio), «Rivista italiana» (5 maggio) и «Le Arte» (11 maggio); в люксембургской «L'Echo de Luxembourg»; в бельгийских «Journal de Gand» (7 avril), «La Belgique artistique et littéraire» (1 mai) и «Revue Bibliographique Belge» (mai); в берлинской «Nord und Sьd» (August); в австро-германской «Süddeutsche Monatshesse (München und Wien)» (August), а также в таких французских газетах и журналах, как «L'Hermine» (20 mai), «Le Mois littéraire et Pittoresque» (mai), «Le Penseur» (No. 4). Одно сообщение появилось в США — в апрельском номере журнала «American Register». Заметки и отзывы продолжали появляться длительное время после издания книги (ср.: «Chronique médicale», 1911, 11 janvier). Развернутые рецензии были опубликованы Анри Обером (Henri Aubert) в лозаннской «Bibliothèque Universelle» (1910, 1 avril. P. 159—163), а также упомянутым выше Дж. Шарпантье (см. примечание 6 к письму № 64).

[8] В первое издание своей антологии «Французские лирики XIX века» (1909) Брюсов включил всего два перевода Гиля — опубликованную ранее «Жалобу пастушке» и короткое стихотворение, названное по-русски «Колыбельная» (в оригинале: «Dormiras-tu, tantôt, dormiras tôt...»).

[9] Речь идет о многомесячной поездке Брюсова за границу, которая продлилась на этот раз с конца июля до конца октября 1909 г. В начале августа Брюсов с женой и сестрой находился в Берлине. Оттуда они уехали в Дрезден, затем ненадолго — в Прагу; совершили большое путешествие по Южной Германии; отдыхали в Швейцарии. Из Женевы Брюсов выехал в Париж. Подробно о последнем этапе поездки Брюсова см.: *Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983.

[10] Предполагаем, что причиной интереса Брюсова явилась неподписанная хроника «В журналах» («Revues») заключительного раздела журнала «Vers et prose» (tome XVI, décembre 1908 — janvier-février-mars 1909. P. 3. Deuxième pagination). Хроника эта не могла не привлечь его внимания в связи с тем, что в ней, среди целого ряда сообщений о содержании различных органов французской периодической печати, была помещена следующая заметка: «"Весы" — русский литературно-художественный журнал, вступающий в свой шестой год издания. Публикует ранее не опубликованные стихи, новеллы, романы и статьи по вопросам литературы, искусства и науки, а также отзывы о новых книгах, выходящих на русском и других языках. "Весы" дают аннотации всех поступающих в редакцию книг, независимо от языка, на котором они написаны. "Весы" выходят ежемесячно тетрадями большого формата с черно-белыми и цветными рисунками, выполненными русскими и иностранными художниками. Цена абонемента через Почтовый Союз — 18 франков в год. Администратор: Сергей Поляков. — Адрес: Москва, Театральная площадь, Метрополь, кв. 23» [«*La Balance (Viessy),* revue russe de littérature et d'art qui entre dans sa sixième année, publie des poèmes, nouvelles, romans, essais inédits sur la littérature, l'art et les sciences, des comptes rendus sur les livres nouveaux paraissant soit en russe, soit en toute autre langue. La Balance annote tous les livres nouveaux qui lui sont transmis en quelque langue qu'ils soient. La Balance paraît chaque mois en livraisons d'un grand format, avec dessins (noirs et en couleurs) des artistes russes et étrangers. Prix d'abonnement pour l'Union Postale — 18 francs par an. Directeur: Serge Poliakoff. — Bureaux: Moscou, Place de Théâtre, Métropole, 23»].

[11] «Pan» — журнал, основанный в 1908 г. в Монпелье (а не в Марселе, как пишет Гиль) и выходивший вначале один раз в два месяца. В 1909 г. журнал переезжает в Париж, где начинает выходить ежемесячно с подзаголовком «свободный журнал» («revue libre»). Ориентируясь на международное признание, редактор журнала Жан Клари (Jean Clary) стремился публиковать произведения авторов самого различного толка — от «нео-символистов» и поэтов «Аббатства» до Маринетти и Аполлинера. Журнал прекратил свое существование в 1913 г.

[12] «Nouvelle Revue Française» — журнал с таким названием вышел впервые 15 ноября 1908 г. В его создании приняли участие Эжен Монфор, Андре Жид, Жан Шлембержер, Жак Коппо, Анри Геон. Появление первого номера журнала вызвало раскол в редакции в связи с публикацией в нем статьи Леона Боке, в которой утверждалось поэтическое бессилие С. Малларме. Статья была напечатана без согласия редакционного комитета по инициативе Эжена Монфора, вынужденного после этого инцидента покинуть журнал. Следующий выпуск «Nouvelle revue française», на обложке которого в знак протеста вновь значился первый номер, вышел в феврале 1909 г. Журнал публиковал стихи, прозу и критические выступления наиболее видных французских и бельгийских литераторов первой половины XX в., в том числе Валери Ларбо, Андре Жида, Поля Клоделя, Э. Верхарна, Поля Валери и др.

В 1913 г. Брюсов следующим образом охарактеризовал этот орган: «*La Nouvelle Revue Française*, журнал, вступивший уже в пятый год издания. Он уделяет много внимания иностранным литературам, дает прекрасные переводы (особенно с английского) и в числе ближайших сотрудников считает таких писателей, как Андре Жид, Поль Клодель, Андре Суарес... Но и этот журнал является выразителем в сущности небольшого кружка писателей

и, кроме того, слишком резко подчеркивает свои нео-католические тенденции. Молодежь в нем выступает очень редко. Кроме того, и по размерам он невелик (10—11 листов небольшого формата в месяц)» (Русская мысль. 1913. № 7. Отд. III. С. 23. Подпись: Аврелий).

[13] Ежемесячник «Akadémos», орган «свободного искусства и критики» («Revue mensuel d'Art libre et de Critique»), просуществовал один год и выпустил 12 номеров. Как справедливо замечает Гиль, журнал не придерживался никакого определенного художественного направления, предоставляя возможность печататься самому широкому кругу писателей, причем не только французских (Л. Тайаду, Ж. Мореасу, А. Барбюсу, Ж. Пеладану, А. Франсу и т. д.), но и зарубежных (из бельгийцев, в частности, — Э. Верхарну, из англичан — А. Саймонсу, из итальянцев — Ф. Т. Маринетти, из русских — М. Горькому. Л. Толстому и Л. Андрееву). Здесь велась периодическая хроника современных литературных событий в Германии, Дании, Бельгии, Англии, Греции. Критический отдел журнала возглавлял Т. де Визан. О поэзии здесь писал В. Личфус. Часть материалов была посвящена музыке и театру. Как мы видим из комментируемого письма, а также из ряда предшествующих писем, Гиль вначале помещал свои материалы в «Академосе» (см. примечание 8 к письму № 64), однако со временем его отношения с редакцией испортились. Это произошло после того, как в № 10 от 15 октября 1909 г. Ж. Роже Шарбонель (J. Roger Charbonnel), автор постоянной рубрики «"Академос" и движение идей» (*«Akadémos* et le mouvement des idées»), ссылаясь на Жана де Гурмона, упомянул в сноске «многотрудные и темные опыты Рене Гиля» [«des essais laborieux et obscurs de René Ghil»]. Задетый за живое, Гиль послал в редакцию возмущенное письмо, по тону и содержанию напоминающее его «весовские» публикации. В ответ Шарбонель опубликовал в следующем номере журнала пространную (на 11 страницах), аргументированную статью, в которой, пункт за пунктом, дал резкую отповедь литературным притязаниям основателя «научной поэзии». Опровергая утверждение Гиля об успешной реализации его теоретических постулатов на практике, Шарбонель привел обширный фрагмент его книги «Орден альтруистов», предварив цитату такими характеристиками, как «болезненный ужас перед простотою» [«une horreur maladive de la simplicité»] и «трескотня помпезной терминологии» [«le fracas d'une terminologie pompeuse» (Akadémos. 1909, 15 novembre. No. 11. P. 745)], от которых, по его словам, даже у самого подготовленного читателя может начаться мигрень. Единственное достоинство, признаваемое Шарбонелем за Гилем, состояло наличие у него «довольно-таки широкого дыхания» [«un souffle assez large» (P. 746)]. В целом же, все творчество поэта было признано автором статьи как несостоявшееся.

[14] «Phalange» — журнал, основанный Жаном Руайером в 1906 г. после разрыва с Гилем (см. письмо № 30). Жан Руайер стоял во главе редакции до 1912 г., во многом определяя направление журнала и его теоретическую платформу, которую можно определить как «нео-маллармизм». Несмотря на некоторую цеховую ограниченность, журнал был не чужд полемичности. В марте 1908 г. «Phalange», сохранив название, слился с бельгийским символистским журналом «Antée», что усилило его литературно-критический отдел. В комментируемый период Жан Руайер заведовал в журнале отделом поэтической критики, Гийом Аполлинер редактировал прозу, Тристан Клингзор занимался искусствоведением, новинки английской литературы освещал Валери Ларбо. Здесь печатались произведения старших поэтов (Г. Кана, Т. Клингзора, Р. Де Суза, Ф. Жамма, Ф. Вьеле-Гриффена), а также книги многочисленной поэтической молодежи, в том числе Жюля Ромена и Шарля Вильдрака. Выступал на страницах журнала и Стефан Цвейг Самостоятельные очерки были посвящены Клоделю, Гюисмансу, Гофмансталю. Особый интерес «Phalange» проявлял к новым областям знания — лингвистике, сравнительной литературе.

[15] Вопрос о нападках так называемых нео-католических журналов на «Phalange» отражает скорее субъективное восприятие Гиля, чем объективную реальность. Суть проблемы

состоит в том, что редактор журнала, Жан Руайер, крайне вспыльчивый и обидчивый по натуре, зачастую в очень резкой, если не грубой форме реагировал на любое критическое замечание в адрес своего детища, что не только оставалось в частной переписке, но и выливалось на страницы прессы. О нео-католицизме см. также примечание 7 к письму № 85.

68. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Mardi [28 Septembre 1909][1]

Bien cher ami,

Nous sommes heureux infiniment de votre venue à Paris! Nous nous demandions si vous ne retourneriez de Genève à Moscou, — mais combien Mme Ghil et moi sommes peinés de savoir que Mme Brussov, elle, a dû s'en retourner, et pour une cause si triste. Nous partageons *de coeur* votre affliction[2].

Je suis venu <illisible> vous serrer la main, et, n'ayant la chance de vous trouver, je vous laisse ce mot pour vous dire mon amitié, vous souhaiter la bienvenue.

Nous sommes rentrés à Paris depuis deux jours seulement. — Cher ami, voulez-vous nous faire le grand plaisir de venir prendre une tasse de thé et causer ce Vendredi soir, à partir de 8 heures ½, car notre appartement sera alors un peu remis en état.

A vendredi, n'est-ce pas? Ce sera une si bonne soirée pour nous, vous avoir. Cher grand ami, j'ai hâte de vous remercier, et vous serre la main, affectueusement. Vôtre,

René Ghil

68. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Вторник [28 сентября 1909 г.] [1]

Дорогой друг!

Мы бесконечно рады Вашему приезду в Париж! Мы подумывали уже, не собираетесь ли Вы вернуться из Женевы в Москву. Мы с супругой очень переживали, когда узнали, что г-жа Брюсова должна была и вправду туда возвратиться по грустному поводу, *и всем сердцем* разделяем Вашу скорбь[2].

Я [нрзб.] приходил пожать Вам руку, но Вас, к сожалению, не нашел и потому оставляю эту записку с выражением дружеских чувств и чтобы сказать: «Добро пожаловать».

Мы вернулись в Париж только два дня тому назад. Дорогой друг, доставьте нам удовольствие: заходите в пятницу вечером после половины девятого — выпить чашку чаю и поболтать. К этому времени наша квартира будет уже приведена в порядок.

Итак, до пятницы? У нас дома мы проведем с Вами прекрасный вечер. Дорогой, большой друг, спешу Вас поблагодарить и с самыми теплыми чувствами жму Вашу руку. Ваш

Рене Гиль

---

[1] Записка карандашом. Датируется по содержанию.

[2] 14 сентября 1909 г. И. М. Брюсовой пришлось срочно вернуться из Женевы в Москву из-за скоропостижной смерти ее брата — П. М. Рунта. В Париж Брюсов поехал один. Пребывание его во французской столице продолжалось с 16 сентября по 23 октября. Приехав в город, он Гиля, однако, там не застал, поскольку тот вернулся из Пуату только в конце месяца. Начиная с 1 октября Брюсов неоднократно бывал на улице Лористон и принимал Гиля у себя. Об этих посещениях мы подробно узнаем из его писем к жене, часть которых известна по статье А. В. Лаврова (см. примечание 9 к письму № 67), а часть не опубликована. «Гиль был très, très, très gentil, очень мил, — сообщал Брюсов 2 октября, — много говорил, читал свои стихи, бранил всех кроме себя и сравнивал себя с Гете. На "Весы" он страшно рассержен, как и все другие [нрзб.], никто не получал гонорара, ни Аркос, ни Шарпантье, ни другие. Впрочем, нового говорилось мало и две трети разговора были повторением наших прошлогодних вечеров. Ты была права: каждый год в Париже делать нечего» (РГБ. Ф. 386, карт. 142. Ед. хр. 13). В письме от 5 октября Брюсов рассказывает следующий эпизод: «Шел я, милая девочка, к Вальдору и вдруг застал [застиг?] меня проливной дождь. Я спрятался в подворотню. Оказалось, что там же укрывается Р. Гиль, шедший к своему издателю. Мы зашли в кафэ [...] и [...] сидели часа два. В этот раз Гиль мне гораздо больше понравился, чем при первой встрече. Он был очень умен и очень хорошо говорил о судьбах поэзии. Он будет у меня в субботу» (Там же). Любопытна запись от 15 октября, сделанная по-французски: «Ce soir nous allons ensemble chez René Ghil, si Balmont sera dans un état convenable» [«Сегодня вечером мы пойдем вместе к Ренэ Гилю, если Бальмонт будет в приличном состоянии» (Там же)]. 20 октября Гиль посетил Брюсова, 22 Брюсов обедал у него дома. «Сегодня у меня прощальный обед у Гилей, — писал он утром того же дня жене. — Завтра покидаю Париж». «Вчерашний обед прошел очень пристойно, — сообщал Брюсов 23 октября. — Я говорил по-французски лучше, чем когда-либо. Гиль и Mme Гиль были милы без конца. Они все же одни из редких в Париже людей» (Там же).

69. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 11 Novembre 1909

Bien cher Ami,

J'ai été très peiné de ne vous revoir, mais nous avons été attristés surtout que ce fût un mauvais état de santé de Madame Brussov qui vous eût rappelé directement[1].

J'ai eu votre bonne lettre, de Bruxelles, me disant que vous écririez sous peu[2], — mais je viens vous prier, d'un mot, pour nous deux, de nous écrire seulement comment

va maintenant Madame. Nous voulons espérer qu'elle est tout à fait mieux, et qu'elle a subi surtout le contrecoup moral et physique du très grand et subit chagrin de la mort de son jeune frère. —

Vous devez, ces premiers temps du retour après longue absence, être très occupé, et votre travail doit vous appeler. Aussi, je vous prie, *un petit mot seulement*, avant une lettre me disant où en sont les choses littéraires, — et ce qu'il advient de *la Balance*[3]. (Seulement, à propos d'elle, voyez, quand ce vous sera possible, à faire payer notre ami Charpentier: 4 pages au No. 5. — Et moi-même, 6 pages au No. 8. — J. Charpentier a écrit à M. Lyk[iardopoulos] mais il n'a pas de réponse, je crois.[4])

— J'ai envoyé mon premier article sur le livre de Rosny[5], à *Apollon*[6]. — Je suis en train de travailler à l'Etude sur les Poètes scientifiques que vous m'avez fait l'honneur et l'amitié de me demander[7]. J'espère en faire un tout complet, avec de strictes définitions de notre pensée, — afin que cela demeure digne du volume collectif confié à vos soins. Vous aurez cela, et la soixantaine de vers, au 25 Décembre[8]. Et encore, merci!

Encore, nous espérons de bonnes nouvelles de Madame, à qui Mme Ghil envoie toutes amitiés (Madame Brussov a bien reçu sa lettre?). Voulez-vous la prier d'agréer nos hommages empressés. — Mme Ghil se rappelle à votre souvenir.

Et je vous serre, de toute affection, la main. Vôtre,

René Ghil

P. S. Indirectement, j'ai appris, voici quelques jours, que Arcos était arrivé à Constantinople, *et malade*[9]. Mais il avait pu voir M. et Mme Essaïan, ces amis à nous (Mme Essaïan est un écrivain notoire en son pays et son mari, un peintre)[10], de qui je lui avais donné l'adresse. Arcos a connu chez nous les Essaïan, quand ils furent à Paris. Je suis donc tranquillisé, car tout le possible sera fait pour lui, avec amitié. Mais quelle pauvre aventure, encore! J'ai d'ailleurs écrit à Mme Essaïan. R. G.

69. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис, 11 ноября 1909 г.

Дорогой друг!

Я был очень огорчен тем, что не смог с Вами снова встретиться, но особенно нас опечалило то, что причиной Вашего незамедлительного возвращения стало плохое состояние здоровья г-жи Брюсовой[1].

Я получил Ваше любезное письмо из Брюсселя, в котором Вы обещаете мне написать в самое ближайшее время[2]. Однако я хотел бы попросить Вас черкнуть пару слов и сообщить, как она себя сейчас чувствует. Мы надеемся, что она оправилась от морального и физического ударов, которые ей пришлось перенести после того, как на нее обрушилось это огромное, внезапное горе — смерть ее молодого брата.

Вернувшись после долгого отсутствия, Вы первое время, наверное, очень заняты, и Ваша работа предъявляет на Вас свои права. Поэтому, прошу Вас, прежде, чем Вы напишете мне подробное письмо, *расскажите вкратце* о состоянии литературных дел и о том, что происходит с «Весами»[3]. (По поводу «Весов» прошу об одном — проследить по возможности, чтобы прислали гонорар нашему другу Шарпантье: за 4 страницы в № 5. И мне самому — за 6 страниц в № 8. Дж. Шарпантье написал г-ну Ликиардопуло, но ответа, кажется, не получил[4].)

Я послал свою первую статью о книге Рони[5] в «Аполлон»[6]. В настоящее время я работаю над эссе о научных поэтах, которое Вы попросили меня написать, оказав мне честь и выказав дружеское ко мне расположение[7]. Я надеюсь придать этому эссе всеобъемлющий характер согласно строгому определению нашей идеи, сделав его достойным коллективного сборника, вверенного Вашей заботе. Я пришлю Вам текст и строк шестьдесят стихов к 25 декабря[8]. И еще раз спасибо.

Хочу повторить, что мы ждем хороших новостей от г-жи Брюсовой, которой г-жа Гиль просит передать самые дружеские пожелания (г-жа Брюсова, конечно же, получила ее письмо?). Прошу передать ей мое искреннее почтение. Г-жа Гиль просит меня напомнить Вам о ней.

С самыми дружескими чувствами жму Вашу руку. Ваш

Рене Гиль

P. S. Несколько дней назад я косвенным образом узнал, что Аркос прибыл в Константинополь и прибыл *больным*[9]. Он, тем не менее, сумел встретиться с нашими друзьями, супругами Есаян, адрес которых я ему дал (г-жа Есаян — известная у себя в стране писательница, а ее муж — художник)[10]. Аркос познакомился с четой Есаян у нас дома во время их пребывания в Париже. Я успокоился, так как все возможное будет сделано для него и сделано дружески. Однако, какое злосчастное приключение! Я, кстати сказать, написал г-же Есаян.
Р. Г.

---

[1] 23 октября 1909 г. Брюсов отбыл из Парижа в Бельгию, к Э. Верхарну, и оттуда выехал в Москву.

[2] Письмо Брюсова, отправленное Гилю из Брюсселя, нам неизвестно.

[3] В конце 1909 г. предполагалось, что «Весы» будут выходить в виде библиографических известий с литературным и художественным отделами. В № 12 было помещено извещение «От книгоиздательства “Скорпион”», подписанное С. Поляковым, в котором сообщалось, что размер журнала «будет значительно уменьшен и выход книжек (в числе от 2 до 6 в год) не будет приурочен к определенным срокам. В 1910 г. в числе книжек журнала будет дан альманах к-ва “Скорпион”, в котором примут участие обычные сотрудники издательства и приостановившегося журнала» (С. 192). Эта программа редакции осуществлена не была.

[4] Вопрос о неуплате гонораров стоял в этот период в «Весах» как никогда остро. Так, в письме от 2 октября 1909 г. М. Ф. Ликиардопуло, к которому Брюсов обратился с просьбой рассчитаться с ним по «скорпионовским» изданиям, сообщал: «Не сердитесь и Вы на меня за то, что не ответил на письма и не выслал расчета. Кассовые книги С. А. [Поляков] отвез к себе на дачу, и так[им] образом я не мог произвести точно расчета. Я ему говорил, что Вы просили произвести расчет и что Вам нужны будут деньги; т[ак] ч[то] он на этот счет

осведомлен и имеет Вас в виду. Сейчас его нет в Москве, но могу поручиться, что деньги Вы получите не позже 7-го. Если он приедет завтра, то Вы их получите и раньше. Дела наши в ужасном положении, никто не ходит, никто ничем не интересуется, никто палец о палец ударить не хочет — а мне, в конце концов, вся работа по "Весам" не по силам. №№ запаздывают потому, что никто ничего вовремя не приносит, все корректуры задерживаются, а если я начну сам корректировать и печатать — выйдет опять нарушение "конституции". Все же кругом требуют, придираются, злятся. При таком положении дел, вряд ли и я выдержу, и тоже брошу все. Я понимаю Ваше недовольство мною, но поймите, что и у меня только человеческие силы и трудно одному исполнять работу 3 или 4 людей. И поэтому не сердитесь» (ЛН 1994. С. 126n).

[5] См. примечание 7 к письму № 66.

[6] О начале сотрудничества Гиля в «Аполлоне» нам известно из письма Брюсова к жене, отправленного из Парижа 6 октября 1909 г.: «забыл написать тебе, что Рэне Гиля пригласили в "Аполлон". Он очень горд» (РГБ. Ф. 386, карт. 142. Ед. хр. 13). Нет сомнений, что инициатором этого сотрудничества выступила, как и в случае с «Весами», А. В. Гольштейн, получившая весной 1909 г. предложение М. Волошина стать постоянной сотрудницей нового журнала. В недатированном письме, написанном в начале мая 1909 г., Волошин сообщал ей, что по приезде в Россию он совершенно случайно разговорился с С. К. Маковским, «художественным критиком и устроителем блестящей картинной выставки "Салон", человеком очень культурным и честолюбивым, которому лавры Дягилева не дают спать», и «узнал, что он давно уже мечтает об основании большого литературно-художественного журнала с именем "Аполлон"» (Письма Максимилиана Волошина к А. В. Гольштейн. Публикация М. Ланда, А. Тюрина, Ж. Шерона. — Звезда, 1998. № 4. С. 160). Волошину в «Аполлоне» было поручено заведовать литературно-критическим отделом, главным образом в части, связанной с французской литературой. Наделенный правом «лично приглашать сотрудников» для отдела хроники (Там же), он рассчитывал на помощь Гольштейн прежде всего при составлении первых трех номеров журнала, ожидая от нее «материала для хроники французской художественной и идейной жизни: заметок, цитат, сведений, мыслей размером от 5 строк до страницы», а также «заметок о новых книгах, о новых статьях или событиях» (С. 163). В первые месяцы издания Волошину пришлось самостоятельно вести названные разделы, в дальнейшем эта работа была переложена на Гиля.

Ок. 14 мая 1909 г. А. В. Гольштейн писала Волошину об одном из своих планов, связанных с журналом: «Думаю, что надо было бы написать о Гиле. Если удосужусь, то сделаю это не без удовольствия» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438. Сообщено В. П. Купченко).

[7] Здесь впервые в переписке мы встречаем упоминание обширного очерка Гиля, получившего название «Предтечи научной поэзии» («Les précurseurs de la poésie scientifique»). Письмо Брюсова, в котором бы содержалась просьба о написании очерка, нам неизвестно.

[8] Насколько мы можем судить, речь здесь скорее всего идет о пятом выпуске альманаха «Северные цветы», подготовкой которого занимался в этот период Брюсов. Публикация альманаха задержалась до 1911 г.

[9] Осенью 1909 г. Р. Аркос выступил в различных городах Европы с обширным циклом лекций о французской поэзии. В его планы входило посещение Кёльна, Страсбурга, Люксембурга, Мюнхена, Вены, Будапешта, Белграда, Софии, Бухареста, Афин и, по некоторым сведениям, Варшавы, Киева, Харькова, Москвы, Курска, Ростова, Одессы, Батума (см., в частности.: Vers et prose, tome XVIII, juillet-août-septembre 1909. P. 7). В первый же день своего пребывания в Париже, 16 сентября 1909 г., Брюсов узнал об этом лекционном турне от самого Аркоса. «Бродя по улицам, повстречал Аркоса, — писал он жене. — Это изумительно, ибо он единственный человек, которого я знаю сейчас во всем Париже (ибо ни Гиля, ни Вальдора, ни других аббэистов в Париже еще нет). [...] Аркос приглашен одним антрепренером в поездку

по Европе (читать лекции) и будет в Москве (в марте)» (Цит. по: *Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 308).

Сохранилась открытка, отправленная Аркосом из «Византии» 16/28 октября 1909 г. на парижский адрес Брюсова (15, rue de la Terrasse) в надежде, что она еще застанет его там. В открытке говорилось о том, что после посещения Афин Аркос пробудет в Константинополе около 15 дней и уже начал готовиться к выступлениям (РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 86).

[10] О Забел Есаян подробно см. примечание 9 к письму № 1. Своего будущего мужа — художника Тиграна Есаяна — писательница встретила во время своего пребывания в Париже в 1895 г.

70. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 15 Décembre 1909

Bien cher Ami,

Je ne répondrai aujourd'hui qu'un petit mot — mais c'est assez pour vous redire, de tout coeur, mon amitié, mon merci, et rappeler les bonnes heures causantes que nous avons passées avec vous. — Sous ce pli, vous trouverez l'article pour l'*Almanach*, traité à fond, du mieux possible. Je crois que cela, avec la Critique explicative en tête et au long des pages, éclaircira fort les idées sur le sujet[1].

Nous sommes heureux, Mme Ghil et moi, de savoir en bonne santé, maintenant, Mme Brussov, — et vous, souffrant au retour[2]. Que de travail vous devez avoir en retard. J'ai reçu le programme de Conférences que vous allez faire concurremment avec Biely: je vous souhaite à tous deux le meilleur, et immanquable succès[3]. C'est là quelque chose de très intéressant, — et vous vous souviendrez en souriant des Conférences de «politesse» (ainsi les avez-vous justement baptisées) du *Salon d'automne*![4]

Je ne sais si le No. 2 d'*Apollon* est paru, car par suite d'erreur, je n'ai pas eu le No. 1, même[5]. J'avais envoyé sur le livre de Rosny une Etude[6], et je viens d'adresser pour le No. suivant une autre Etude générale sur *l'Exotisme dans la Littérature Française*: pour un No. d'*Apollon* consacré à l'Exotisme, m'a-t-on écrit[7].

Je vous remercie infiniment du soin que vous avez pris à nouveau, pour moi, près de Poljakoff. Vous m'avez devancé avec une grande amitié, car je lui ai écrit, justement, qu'il prenne souci de faire passer, en effet, l'article qui était demeuré en votre très bonne mémoire[8].

Quand ce sera paru[9], je vous prierai de faire encore le nécessaire pour qu'il m'arrive le total des honoraires, — sans les retours agaçants. (Il y a, à l'heure présente, 6 pages, soit 60 frs. — à quoi s'ajouteront les honoraires du nouvel article, à 10 frs la page, comme d'habitude.) Bien pardon, je vous prie, de ce détail de caisse!

Balmont est parti pour l'Egypte, — vous le savez, d'ailleurs, car Mme Balmont, elle, partait pour Moscou[10]. Balmont vint me dire au revoir, un vendredi soir. Il m'a parlé encore du plaisir qu'il avait eu à entendre vos vers de traduction de ma petite *Berceuse*, en votre belle *Anthologie*[11]. Il en était ravi, et étonné.

Je me remets maintenant à mon volume nouveau de *l'Oeuvre*. Et je vous enverrai le Fragment pour *l'Almanach* (une soixantaine de vers), pour que vous le receviez *vers le 30 de ce mois de Décembre*. Sera-ce assez tôt? Oui, je pense[12]. —

Encore, merci! Et encore, tout notre plaisir de vous avoir vu plus longuement cet automne. Je vous prie, voulez-vous dire à Madame Brussov toutes les amitiés de Mme Ghil, son merci encore de son envoi si joliment original (Mme Brussov eut bien sa lettre, n'est-ce pas?) avec mes hommages empressés et ma respectueuse sympathie[13].

Et, cher ami, à bientôt, — avec mon affectueuse poignée de main.

René Ghil

70. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 15 декабря 1909 г.

Дорогой друг!

Сегодня я отвечу Вам всего несколькими строками, но их будет достаточно, чтобы еще раз от всего сердца выразить Вам мою дружбу, мою благодарность и вспомнить наши с Вами милые беседы. Вместе с этим письмом я посылаю Вам статью для «Альманаха», проработанную во всей глубине — насколько это возможно. Уверен, что вместе с объяснительными положениями, предваряющими текст, и комментариями, сделанными по ходу повествования, мой этюд значительно прояснит данную тему[1].

Мы с г-жой Гиль счастливы слышать, что г-жа Брюсова выздоровела. А вот Вы теперь заболели[2]. Сколько же у Вас должно скопиться работы, не сданной в срок! Я получил программу лекций, которые Вы будете читать поочередно с Белым. Я желаю Вам обоим наилучшего, непременного успеха[3]. Эти лекции представляют безусловный интерес, и Вы с улыбкой вспомните лекции «вежливости» (как Вы их справедливо окрестили) в Осеннем салоне![4]

Я не знаю, вышел ли второй номер «Аполлона», поскольку по ошибке не получил даже первого номера[5]. Ранее я послал туда статью о книге Рони[6] и недавно отправил общий очерк об «Экзотизме во французской литературе» — для следующего выпуска журнала, посвященного, как мне написали, экзотизму[7].

Я бесконечно благодарю Вас за заботу, вновь проявленную Вами по отношению ко мне при разговоре с Поляковым. Выказывая великую дружбу, Вы опередили меня, поскольку я как раз написал ему о том, чтобы он позаботился о помещении в журнал статьи, оставшейся в Вашей превосходной памяти[8].

Когда она выйдет[9], я буду еще раз просить Вас принять необходимые меры, чтобы мне без раздражающих перипетий была выплачена полная сумма гонораров. (К настоящему времени мною опубликовано 6 страниц, что составляет 60 фр., к которым прибавится гонорар за новую статью, как обычно, по 10 фр. за страницу.) Пожалуйста, простите меня за эти бухгалтерские подробности!

Бальмонт уехал в Египет — Вы, конечно же, знаете об этом, так как г-жа Бальмонт вернулась в Москву[10]. Бальмонт приходил ко мне прощаться в один из

пятничных вечеров. Он еще раз рассказал мне о том удовольствии, с каким он слушал Ваш перевод моей «Колыбельной», опубликованный в Вашей прекрасной «Антологии»[11]. Он был в восхищении от этих стихов и чем-то даже удивлен.

Я теперь вновь принимаюсь за новый том «Творения». Я пошлю Вам фрагмент для альманаха (строк на шестьдесят) с тем, чтобы Вы получили его *к 30 числу декабря месяца*. Это не поздно? Думаю, нет[12].

Еще раз спасибо. И еще спасибо за удовольствие от наших продолжительных встреч этой осенью. Передайте, пожалуйста, г-же Брюсовой дружеский привет от г-жи Гиль, передайте ей благодарность за милую своей оригинальностью посылку (г-жа Брюсова получила ее письмо, не правда ли?), прибавив к ее словам искренние заверения в моем уважении и симпатии[13].

До скорого, дорогой друг. Сердечно жму Вашу руку,

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 8 к письму № 69.

[2] Эти и другие новости чета Гилей, вероятно, узнала из неизвестных нам писем И. М. Брюсовой к Алисе Гиль.

[3] Речь идет о неосуществленном проекте цикла лекций о русских поэтах, прочитать которые Брюсов и Андрей Белый предполагали в «Доме песни» осенью 1909 — весной 1910 гг.

«Дом песни» был организован в 1908 г. знаменитой камерной певицей Марией Алексеевной Олениной-д'Альгейм (1868—1970) совместно с ее мужем, французским журналистом и романистом, бароном Пьером (Петром Ивановичем) д'Альгеймом (1862—1922), с которым Гиль был, вероятно, знаком по Парижу, где тот получил известность публикацией беллетризованной биографии Франсуа Вийона («La Passion de maître François Villon», 1900). Целью создания «Дома песни» была пропаганда новых идей в музыке путем устройства концертов, лекций, конкурсов и анкет, проводимых среди слушателей. В ноябре 1908 г. Брюсов выступил здесь на одном из публичных вечеров с «беседами о символизме» (см. два его письма к Вяч. Иванову. — ЛН 1976. С. 516—518), а в начале следующего года предполагал прочесть лекции о поэтах-модернистах (см. письмо к нему Андрея Белого от 21 февраля 1909 г. — С. 418).

В связи с этим планом Брюсов 20 февраля 1909 г. встречался с д'Альгеймом (С. 417). В архиве Брюсова сохранилось 4 недатированных письма д'Альгейма, написанных на французском языке и относящихся к этому периоду. В первом из них д'Альгейм благодарит Брюсова за подаренный ему экземпляр антологии «Французские лирики XIX века» и в общих чертах намечает предстоящую программу: «Я хотел бы также увидеться с Вами, чтобы рассказать о наших планах на этот год, о нашем намерении уделить поэтическому Лиризму как можно большее место в "Доме песни". Мы будем изучать Лирических Поэтов Франции и Германии. И я хотел бы просить Вас выступить перед нами с сообщением о Лириках России. Речь идет, разумеется, не о курсе, а о периодических, по возможности еженедельных лекциях перед избранной аудиторией, способной следовать за художественной мыслью, сформулированной поэтом. Не могли бы Вы назначить мне в самое ближайшее время встречу, чтобы я мог поговорить с Вами обо всем этом?» [«Je voudrais aussi vous voir pour vous faire part de nos projets de cette année, de notre intention de faire au Lyrisme poétique la part la plus large à la "Maison du Lied". On étudiera les Lyriques d'Allemagne et de France. Et je voulais vous demander de nous parler des Lyriques de Russie. Il ne s'agit pas, bien entendu, d'un cours, mais de conférences périodiques, si possible, hebdomadaires, devant un public restreint, capable de suivre une pensée d'art formulée par un poète. Pourriez-

vous me fixer une heure assez prochaine, où je pourrais vous conter cela?» (РГБ. Ф. 386, карт. 84. Ед. хр. 32)]. В других письмах д'Альгейм уточняет даты лекций, относительно которых, вероятно, возникли разногласия. Не понравилось Брюсову и оформление программы, упоминаемой Гилем в его письме.

Из мемуаров А. Белого, охарактеризовавшего готовящееся предприятие, как «сеть курсов, с заседаниями, семинариями и т. д.» (Между двух революций. М., 1990. С. 338), явствует, что инициатором отказа от выступлений явился сам Брюсов.

[4] Ежегодная выставка, учрежденная в 1903 г. под названием Осенний салон, привлекала на свои экспозиции импрессионистов и постимпрессионистов. Начиная с 1907 г. при Осеннем салоне, наряду с экспозицией произведений изобразительного искусства, открылась литературная секция, на которой выступали известные писатели и критики. В разделе «Хроника» одного из русских журналов это событие освещалось следующим образом:

«По примеру созданного впервые в прошлом году "Салона композиторов", в Париже устраивается теперь "Салон поэтов". Для начала ему дают приют при Осеннем Салоне живописи и скульптуры.

Во главе предприятия стоит известнейший из современных французских поэтов Леон Диергс (Дьеркс. — *Р. Д.*), а при нем комитет, в составе которого находятся романист Анатоль Франс и поэты: графиня де-Ноайль, Гюстав Кан, Шарль Морис, Митуар и Филипп.

"Экспонировать" на оригинальной выставке выразили желание многие из более или менее известных современных поэтов и несколько сот начинающих виршеплетов. Выбор экспонатов зависит от комитета.

Знакомить публику с избранными произведениями комитет намерен на специальных литературных сеансах с участием первоклассных артистов. Поэт Гюстав Кан будет читать рефераты о современной поэзии и эти рефераты будут сопровождаться декламированием стихов будущих светил поэзии. Особый сеанс будет посвящен произведениям уже известных поэтов: Жана Мореаса, Метерлинка, Анри де-Ренье, Вьелэ-Гриффэна, Вергарэна (Верхарна. — *Р. Д.*), Лафорга.

Как это принято на всякой выставке, будет и ретроспективный отдел. Сеанс или два будут посвящены непосредственным предшественникам нынешних молодых поэтов: Верлэну, Малларме, Бодлэру, Банвиллю, Рэнбо» (В мире искусств. 1907. № 16. С. 21. Без подписи).

В другой неподписанной заметке «На Западе», опубликованной в «Литературно-художественной неделе», сообщалось:

«При Парижском осеннем салоне этого года будут ретроспективные выставки произведений Ван-Гога и рано умершей художницы Берты Моризо, ученицы Манэ. Кроме того, предстоящий салон будет интересен одним новым и оригинальным начинанием. Как известно, в прошлом году при Salon d'Automne была выставка музыкальных произведений. В этом году руководители салона, как бы проводя в действительность свой принцип, — "периодический синтез искусств" — решили организовать "выставку поэтов". Салон продолжится три недели и сообразно с этим будут три исполнительных собрания, на которых современные поэты и артисты прочтут произведения, характеризующие три литературных эпохи, Чтению стихотворений будет предшествовать краткое вступление. На первом собрании вступление прочтет Шарль Морис, и затем будут прочитаны стихи Бодлера, Банвиля, Леконт де Лиля, Верлена, Малларме и Рембо. На втором собрании после реферата Эдм. Пилона присутствующие познакомятся с творчеством Лафорга, Ж. Мореаса, Густав Кана, М. Метерлинка, Анри де Ренье, Вьелэ-Грифэна, Эмиль Верхарна и Шарль Мориса. И, наконец, третьему собранию, посвященному молодым поэтам современности будет предшествовать лекция Густав Кана» (1907. № 2, 24 сентября. С. 3).

Выступления поэтов состоялись согласно следующей программе: 20 октября Ж. Руайер представил публике старших символистов (С. Малларме и П. Верлена), затем группу

их последователей (П. Валери, Ш. Мориса, А. де Ренье, А. Мокеля, С. Мерриля, А. Фонтена и др.) и, наконец, молодых поэтов, многие из которых публиковались в руководимом им журнале «Phalange» (Джона Антуана Но, Аполлинера, Габриэля Мурея и др.). 27 октября Гюстав Кан прочел лекцию «Несколько новых поэтов» («Quelques Poètes nouveaux»), посвященную поэтам «Аббатства» (Ш. Вильдраку и А. Мерсеро) и поэтам, группировавшимся вокруг журнала «Bandeaux d'or» во главе с П. Кастио. Завершился цикл 3 ноября лекцией Альбера Мокеля «Народная традиция» («La Tradition populaire»), посвященной фольклору.

Во время поездки в Париж в 1908 г. Брюсов посетил два подобных выступления, названных «поэтическими концертами» («concerts de poésies»). В его «Дневниках» сохранилась следующая недатированная запись: «Осенний Салон. Conférence. Charles M[o]rice и Fr. Villon; Royère о Малларме и Верлэне, G. Kahn (Г. Кан) о молодых» (С. 140—141). В письме к Волошину от 12 октября 1908 г. он также пишет: «Во вторник мы все же решили пойти послушать Шарля Мориса в Салон» (ЛН 1994. С. 381).

В 1909 г. для проведения литературных собраний при Осеннем салоне был создан организационный комитет, в который вошли Анатоль Франс, Андре Жид, Гюстав Кан, Шарль Морис, графиня де Ноайль, Э. Верхарн и др. известные писатели. Председателем комитета был избран Леон Дьеркс, секретарем отдела поэзии — Жорж Перен, а секретарем отдела прозы — Александр Мерсеро. Чтения открылись 9 октября лекцией Шарля Мориса о творчестве Шарля Кро. 10 октября Жюль Ромен прочитал доклад о «Непосредственной поэзии» («Poésie immédiate»), на котором побывал Брюсов: «Вчерашняя лекция Ж. Ромэна, — писал он на следующий день жене, — ничем не отличалась от всех conférences, какие мы с Тобой слышали в прошлом году» (Цит. по: *Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 309). 13 октября состоялись выступления молодых поэтов, а 17 октября — прозаиков. На выступлении прозаиков вновь присутствовал Брюсов, сообщивший 18 октября жене: «Днем вчера был с m-lle Laurencin на conférence в Salon d'Automne. Было скучно» (С. 312). 20 октября Анри Геон выступил с лекцией «Движение во французской поэзии» («Le mouvement dans la poésie française»). 27 октября Робер де Суза прочел доклад «О лирической мысли» («La pensée lyrique»). Последнее заседание, состоявшееся 6 ноября, было посвящено современной немецкой поэзии. На нем декламировались произведения Ницше, Лилиенкрона, Демеля, Георге, Гофмансталя, Рильке, Ведекинда; исполнялись романсы Брамса и Штрауса на слова Лилиенкрона и Демеля.

[5] Первый номер «Аполлона» вышел в октябре 1909 г.

[6] См. примечание 7 к письму № 66.

[7] Статья Гиля под таким или аналогичным названием, насколько нам известно, по-русски не публиковалась, как не был выпущен и тематический номер журнала «Аполлон», посвященный «экзотике во французской литературе». Предполагаем, что статья Гиля на эту тему была сокращена до рецензии на роман Мариуса и Ари Леблонов «Во Франции» («En France», 1909). Креолы по происхождению, двоюродные братья Жорж Атена (1877—1955) и Эме Мерло (1880—1958), именуемые и во Франции родными «братьями», печатались под коллективным псевдонимом Мариус-Ари Леблон. Получили известность произведениями, изображавшими нравы туземцев — жителей Мадагаскара, Реюньона, Антильских островов. В своей многословной, описательной, чрезвычайно подробной рецензии на их новый роман, удостоенный Гонкуровской премии, Гиль увидел потрясение приехавшего в Париж островитянина, прошедшего «через все фазы изумления [...], его противодействий, его разочарований, утраты иллюзий — и постепенного, незаметного и бессознательного, но неизбежного и непрерывного ослабления противодействий» (Аполлон. 1910. № 4, январь. Отд. II. С. 36). О Мариусе и Ари Леблонах, принимая этот писательский «дуэт» за одного человека, Брюсов слышал за несколько лет до комментируемого письма и даже заимствовал у них свою любимую характеристику Верхарна: «Дант современного

промышленного строя» (Весы. 1904. № 3. С. 70). О поездке Леблонов в Россию см. примечание 1 к письму № 77.

[8] Судя по всему, Гиль благодарит Брюсова за известие о том, что тот добился у С. Полякова публикации в «Весах» второй части обзорной статьи «Истоки новой поэзии», отправленной в Москву еще в июне (см. письмо № 66). Эта статья завершала публикации Гиля в журнале. Развивая темы, намеченные в первой статье цикла, он продолжил здесь рассказ о новом кружке поэтов, возникшем весной 1883 года «на развалинах кружка "гидропатов"» (1909. № 10—11. С. 169). «История этого кружка, — писал Гиль, — была столь же краткой и столь же малохарактерной, как и история "гидропатов"». Имена членов кружка, воссоздающих поэзию Коппе, Банвиля и Бодлера, были бы, по его словам, «обречены большею частью на забвение (за исключением имени Жана Мореаса)», «если бы не появился внезапно среди этих подражателей, слабо повторявших чужие песни, — Морис Роллина, который согласился на собраниях кружка читать и петь свои стихотворения, собранные в июле того же года в знаменитом томике, озаглавленном "les Névroses"» (Там же). Для Гиля шумный успех Роллина, длившийся около года, был примером слишком ранней и потому недолговечной славы, поскольку поэт «познал то, что сам он слишком поспешно признал славою, и что в действительности было только минутным шумом скандала и успехом любопытства» (Там же). Рассказ о Роллина занял добрых полторы страницы, т. е. прибл. пятую часть очерка, и включал в себя сначала повествование о вечерах на Монмартре и в Латинском квартале, где Роллина «пел [...] за роялью свои стихи под музыку, сложенную им самим, поражая слушателей своим бледным трагическим лицом, на котором отражались постоянно мучившие его галлюцинации...» (С. 169—170), затем анекдот о Сарре Бернар, которая «взяла его под свое покровительство и ввела в светские салоны, где его странная маска, так же как и его "демоническая" поэзия понравилась дамам, так как они давали им новые впечатления... "новый трепет"!» (С. 170) и другие аналогичные сюжеты. Что же касается чисто литературных особенностей стихотворений поэта, оставшихся, по мнению Гиля, «незамеченными среди шумной борьбы поэтических школ, с которыми Роллина не имел никаких отношений», и особенно его главного сборника «Неврозы», то они, если верить статье, представляли собой «искажение и Бодлэра и Золя, хотя в книге все-таки чувствуется мощный поэтический темперамент, только совершенно лишенный критического чувства и художественного вкуса» (Там же. См. также примечание 5 к письму № 16).

Отметим, что мнение Брюсова об этом поэте частично совпадало с мнением Гиля. «М. Роллина, — писал он, — в лучших стихах — талантливый подражатель Бодлэра; в менее удачных (позднейших) — вялый "поэт природы". Утрируя пафос учителя, Роллина называет человеческую душу — "клоакой, которой не измерил еще ни один зонд"; внимание поэта привлекают почти исключительно преступники, развратницы, лицемеры, безобразие, богохульство, смерть. Впрочем, проклятия поэта достигают иногда подлинной силы» (ПССП 1913. С. 261).

Возвращаясь к журналу «Lutèce», Гиль, как и в первой статье цикла, ставит в заслугу этому периодическому изданию «открытие» Верлена, публикацию стихов Мореаса, Анри де Ренье и Вьеле-Гриффена и, повторяясь, чрезвычайно подробно пишет о споре Марии Крысиньской (названной на этот раз в русском переводе Кризинской) с Гюставом Каном по поводу приоритета в области создания свободного стиха. Следующий объект «Истоков новой поэзии» — один из героев книги Поля Верлена «Проклятые поэты» (1884) Тристан Корбьер или, как это чаще всего бывает у Гиля, не сам Корбьер, которого он любит «в тех его произведениях, где он поет море и людей моря» (Весы. 1909. № 10—11. С. 173), а обличитель Корбьера Жюль Лафорг. «Несомненная истина» состояла для Гиля в установлении влияния Корбьера на Лафорга, как «это ни покажется странным после враждебных, презрительных и жестоких диатриб против Корбьера, которые находим мы в томике

посмертных сочинений Лафорга» (Там же), поскольку «критика Лафорга — это естественная ненависть, возникающая из слишком абсолютного подчинения, из ощущения в самом себе — другого, слишком похожего на себя существа» (Там же). «Отсутствие поэзии, отсутствие стиха, немного литературы, ремесло без интереса к пластике, — весь интерес в хлесткости, в остроумии, в каламбуре, в романтических веригах» (С. 174) — с этим мнением Лафорга о Корбьере Гиль выражает резкое несогласие, считая, что влияние последнего на новых поэтов было «благотворно» (Там же). Покончив с конфликтом Лафорг — Корбьер, Гиль останавливается на творчестве главного своего «соперника» Артюра Рембо, «чудесного юноши, одаренного преждевременным поэтическим дарованием, которое естественно оказалось эфемерным» (Там же). Для Гиля Рембо — мало того, что подражатель Бодлера, он — автор единственного стихотворения — «Пьяный корабль», в котором «сразу выражается и вся индивидуальность Римбо, все, что есть в нем гениального. Ему было тогда двадцать лет, — замечает Гиль, — и в одном стихотворении он и выразил и исчерпал себя, подобно тому как одна молния освещает целое небо, покрытое грозовыми тучами» (Там же). И чуть ниже: «После этого стихотворения поэтическая жизнь Римбо, собственно говоря, была окончена. Сам того не сознавая, он пропел песню своей новой жизни, песню искателя приключений. Ему было больше нечего сказать» (С. 175). Но не «Пьяный корабль», в котором Верлен почувствовал «прежде всего непосредственную ритмическую силу, почерпающую свою метрику из самой энергии чувства» (С. 174), и не спасение, достигнутое «бегством от литературы» (С. 175), тревожили Гиля в образе Рембо, а первенство в изобретении пресловутой «окраски гласных». «Что это такое, — восклицает он, цитируя строку из знаменитого сонета и отрывок из «Алхимии слова», — как не предчувствие тех технических приемов, которые были позднее развиты мною под названием “словесной инструментовки”?» (Там же). «Впрочем, — заключает Гиль, — надо заметить, что ни у Корбьера, ни у Римбо нельзя было найти никаких указаний на природу ритма и никаких общих идей, которые определили бы истинное значение современного искусства» (С. 175—176).

[9] Ноябрьский номер «Весов» за 1909 год в реальности вышел лишь в декабре.

[10] Бальмонт уехал в Египет 21 ноября 1909 г. Его жена Екатерина Алексеевна вернулась с дочкой Ниной в Москву еще в середине октября.

[11] См. примечание 10 к письму № 64.

[12] См. примечание 8 к письму № 69.

[13] Какой подарок сделала И. М. Брюсова г-же Гиль, так и осталось неизвестным, несмотря на то, что Брюсов неоднократно упоминает о нем в своих письмах к жене. Так, 1 октября 1909 г. он сообщал: «Сегодня вечером иду к Ренэ Гилю — несу ему наш подарок» (РГБ. Ф. 386, карт. 142. Ед. хр. 13). И вновь в письме от 2 октября: «Гиль много спрашивал о тебе, а когда я отдал ему наш подарок, он совсем рассыпался в благодарностях, говорил, что M-me Гиль будет tout a fait charmée, émue etc., и что она “немедленно напишет тебе благодарственное письмо”» (Там же). Алиса Гиль оказалась действительно очень тронута подарком и просила Брюсова поблагодарить за него Иоанну Матвеевну вечером 16 октября, когда тот нанес визит чете Гилей вместе с Бальмонтом. «Было очень скучно, — добавляет Брюсов в том же письме, — [...] Шарпантье читал плохие стихи. [...] Да, кстати: их [Гилей] кошка, Кушинг умерла и Гиль написал Pantoun на ее смерть. После Гиля бродили с Бальмонтом до 3 час. по кафэ» (Там же). Подарок, сделанный четой Брюсовых, был, вероятно, приурочен ко дню рождения Гиля, приходившемуся на 27 сентября.

71. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 11 Fév[rier] 1910

Bien cher et Grand ami,

Or, pour laisser cela derrière nous, — voici qu'hier matin, j'ai reçu les honoraires de la *Balance*! Pourquoi hier, plutôt qu'il y a un mois, rien de logique ne le dit. (J'ai, d'ailleurs, reçu 125 fr, au lieu de 135, — toujours la petite habitude de percevoir un droit sur le Revenu, sans doute! Ce n'est qu'amusant...)

Mais je suis peiné: c'est que vous vous êtes dérangé encore pour moi (car ce dut être hier ou avant-hier que ma lettre vous arriva, vous priant du service ami de toucher pour moi![1]) Vraiment, en tout ceci, c'est un ennui pour moi, que je vous aie dérangé encore de vos travaux, et pour rien, — et pour une misérable chose d'argent, dont il m'est toujours pénible de parler. Et j'en veux à la *Balance* de m'avoir forcé à vous en entretenir si souvent!... Je vous prie, excusez-moi, de toute votre amitié.

Maintenant, de littérature nous parlerons. Je vous ai dit que M. Makovsky m'a chargé d'établir, avec la collaboration qui me paraîtrait bonne d'écrivains Français, un No. *Français* d'*Apollon*[2]. Je viens d'envoyer la dernière Etude. Voici la composition du No.: *Les tendances modernes de la Littérature, de l'Art et de la Philosophie en France.*

I. La Poésie (Les deux traditions poétiques)....		R. Ghil
II. Le Roman (synthèse)		Paul Adam
III. Deux noms	I. Elémir Bourges...	Mme de Holstein (collaboratrice d'*Apollon*)
	II. Rosny, romancier scientifique	J. L. Charpentier
IV. La Musique		Louis Laloy (collaborateur d'*Apollon*)[3]
V. La Peinture, art plastique et décoratif		Marius-Ary Leblond
VI. Le Théâtre (synthèse)		J. L. Charpentier
VII. La Philosophie		L. P. Perris

C'est un philosophe, mais aussi un Ecrivain en prose de poète d'une grande valeur nouvelle, et dont le premier livre en préparation, *Hadès*, marquera[4].

Je suis maintenant satisfait du résultat. Car, bien que les collaborateurs ne se soient consultés et, pour la plupart, ne se connaissent pas, les idées générales de chacun arrivent à des conclusions assez nettes qui sont pour nous plaire: que, malgré une décadence actuelle un peu partout, il se découvre cependant une grande, sourde, latente et isolée tendance de *Synthèse*, sur tous les arts, et qu'en la Littérature en général, c'est par les bases *scientifiques* qu'on la voit possible, et de plus en plus en formation...[5]

J'ose espérer que ce No., établi et contrôlé avec soins, intéressera le public lettré Russe. Je suis heureux de la sympathie qu'on a à *Apollon*, comme en la *Balance*, pour

les choses de l'esprit Français, et honoré du choix que l'on a fait de moi, pour préparer cette manifestation d'art[6]. — Je n'oublie pas que c'est grâce à la *Balance*, où j'ai pu parler pendant six ans, — mais grâce *à vous* qui en cette Revue m'avez rendu si aisée ma tâche et m'avez élargi la place, — et grâce à vous qui, en tant d'occasions, avez écrit sur moi avec tant d'amitié. Je vous en remercie encore, saisissant cette occasion de vous redire ma gratitude amie...

Madame Valère Brussov, écrivant à Mme Ghil, lui dit que tous deux vous irez vous fixer un temps à St. Pétersbourg, sans doute. Il ne m'étonne pas de votre désir d'être là où l'on lutte, avec votre belle, grave, mais toujours jeune énergie! Vous y seriez sans doute à la parution du No. Français? — et je vous demanderais alors de me conter l'effet qu'il fera. (Je crois qu'il paraîtra fin mars (selon date de notre calendrier)[7].

Mais, cher ami, vous devez être en grand travail, préparation d'une chose plus importante que mon petit No.: votre *Almanach*[8]. C'est curieux, le souci, la perte de temps, les démarches nécessités dès qu'on doit organiser quelque chose en collaboration, même avec toute la bonne volonté des collaborateurs: c'est pourquoi je dis que vous devez avoir grand travail, avec sans doute l'énervement de ne point travailler pour soi, à l'oeuvre aimée.

Quand vous en aurez loisir, n'est-ce pas? vous m'en parlerez, et aussi de vos travaux personnels.

Je suis de plus en plus mécontent de cette petite bande de *l'Abbaye* pour laquelle vous et moi avons eu longue indulgence, et dévouement. Ils sont d'ailleurs de plus en plus séparés. J'ai dû, en mon Etude sur la Poésie à l'*Apollon*, me départir de cette indulgence, et dire que j'espérais — ne pouvant plus me prononcer sur eux, — une fin à leurs variations et un peu de sens critique en leur esprit. J'aurais pu ajouter un peu de bonne foi. — Nous fûmes d'accord, à votre dernière venue à Paris, pour dire qu'il n'y a pas «quelqu'un parmi eux», — mais ce qui s'accuse plus encore, c'est leur caractère fuyant, leur soin de ne jamais se prononcer, afin de se concilier tout le monde, — j'entends ceux de ma génération qui accueillent la flatterie[9]. Je ne vois plus Duhamel et Vildrac, qui doivent se rendre justice. Ces deux ont publié une brochurette sur le «Vers libre» (flattant Kahn qu'ils méprisaient voici deux ou trois ans), — et qui à mon égard est d'un manque de franchise et de bonne foi vraiment remarquable: c'est tout ce qu'on a remarqué d'ailleurs, avec le néant de leur pauvre critique de collégiens et leur suffisance vraiment extraordinaire. Ces pages où ils enfoncent les portes ouvertes depuis vingt ans, passées inaperçues, ne sont point à leur honneur[10]. — Quant au livre nouveau de Duhamel, sa longue allégorie est monotone, malgré quelques beaux passages, — et ses conclusions pessimistes sont pauvres, — quant à la philosophie qui s'en dégage, c'est si vaguement exprimé qu'on ne sait: mais ce me semble spiritualiste[11]. — Arcos est mystérieux, fuyant[12]... Mercereau se dit «critique d'art» depuis qu'il organise des expositions pour la Russie. Il a renoncé à la Poésie[13].

Moi, je suis heureux surtout qu'ils aient tous renoncé à la *Poésie scientifique*, ou plutôt renoncé à dire qu'ils furent «poètes scientifiques», ce que je laissais dire, espérant de leurs premières promesses. Quant à J. Romains, professeur maintenant: comme, avec vérité, d'aucuns le rattachaient par son livre à la «poésie scientifique», — et que cela devait fort le gêner en son arrivisme universitaire et autre — il a publié, en

Vers et Prose, le début de sa Conférence, que vous avez entendue: il y dit que la «poésie scientifique» c'est la «mise en vers de manuels de baccalauréat!» Tout en protestant qu'il «ne veut pas m'attaquer»![14]

Il a raison, il ne m'attaque pas, mais, maladroit, il a dépassé le but. C'est une pauvre scie. En résumant, tous ceux-là, pas de personnalité, pas de noble ambition d'art, et pas de caractère.

Heureusement, il en est d'autres, quelques-uns, des isolés, regardant s'effriter cette fin de décadence. J'espère, du moins, que nous verrons la fin de ces arrivismes, encouragés contre les quelques Fiers de l'heure présente...

Je me suis remis maintenant à mon volume nouveau, *Les Images du Monde*, avec grande joie, et vais le mener activement...[15]

En terminant, je vous donnerai des nouvelles de quelques-uns que vous connaissez: Sadia Lévy, qui a vraiment une très noble attitude d'art, termine son livre *Kehath*, à publier en mai, je crois. Ce sera le livre d'un bel artiste du verbe et du rythme[16]. — J. Charpentier a publié quelques Etudes critiques fort remarquées (il s'impose comme Critique peu à peu), il prépare ses *Précurseurs de la Poésie scientifique*, et évolue en forme poétique, son verbe devient *plus concret*, plus mouvementé!: ce que nous désirions, vous vous souvenez...[17]

Mon cher ami, maintenant je vous quitte, heureux de ce bavardage avec vous. Ecrivez-moi un de ces jours, excusez-moi encore du dérangement que je vous ai suscité, fort indigne de vous...

Et rappelez Mme Ghil, qui se rappelle à vous, au souvenir de Mme Brussov avec mes hommages de sympathie.

Bien affectueusement votre ami,

René Ghil

71. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 11 февраля 1910 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Итак, дабы оставить всю эту историю позади, сообщаю Вам, что вчера утром я получил из «Весов» гонорар! Почему вчера, а не месяц тому назад, на этот вопрос нет логического ответа. (Я, кстати сказать, получил 125 франков вместо 135, что, вне сомнения, свидетельствует об обычае взимать налог на доход! Это может только позабавить...)

И все же я огорчен: мне снова пришлось побеспокоить Вас (Вам, должно быть, вчера или позавчера доставили мое письмо, содержащее дружескую просьбу получить за меня деньги). Честно говоря, меня гнетет, что я еще раз отвлек Вас от работы из-за такого пустяка, из-за такой ерунды, как деньги, о которых мне всегда тягостно говорить. И я зол на «Весы» за то, что они принудили меня так часто втягивать Вас в это дело!.. Прошу Вас по-дружески простить меня.

А сейчас давайте поговорим о литературе. Я уже сообщал Вам, что г-н Маковский поручил мне составить «французский» номер «Аполлона» и привлечь к сотрудничеству французских писателей по собственному усмотрению[1]. Я только что отправил в журнал последнюю статью. Вот содержание номера, озаглавленного: «Современные тенденции в литературе, искусстве и философии Франции»:

I. Поэзия (две поэтические традиции...)		Р. Гиль
II. Роман (синтез)		Поль Адан
III. Два имени	I. Элемир Бурж	Г-жа Гольштейн (сотрудница «Аполлона»)
	II. Рони, научный романист	Дж. Л. Шарпантье
IV. Музыка		Луи Лалуа (сотрудник «Аполлона»)[2]
V. Живопись, пластическое и декоративное искусство		Мариус Ари Леблон[3]
VI. Театр (синтез)		Дж. Л. Шарпантье
VII. Философия		Л. П. Перри

Это философ, а также создатель поэтической прозы, ценной своей новизной. Его первая книга «Гадес», которую он сейчас готовит к изданию, станет заметной вехой[4].

Теперь я удовлетворен результатом. Несмотря на то, что авторы не консультировались друг с другом и в большинстве своем даже незнакомы, генеральные идеи каждого приходят к достаточно четкому выводу, который придется нам по душе: вопреки упадку, царящему сегодня почти повсюду, во всех искусствах и в целом в литературе растет мощное, негромкое, скрытое, изолированное стремление к *Синтезу,* возможное только на *научном* фундаменте и формирующееся все сильнее и сильнее... [5]

Смею надеяться, что этот номер журнала, добросовестно составленный и выверенный, заинтересует образованную русскую публику. Я счастлив встретить в «Аполлоне», как прежде в «Весах», сочувствие к проявлениям французского ума и польщен павшим на меня выбором при подготовке этой экспозиции французского искусства[6]. Я не забываю, что это стало реальным благодаря «Весам», в которых я имел возможность высказываться в продолжении шести лет, высказываться благодаря *Вам*: Вы несказанно облегчили мою работу в «Весах», предоставив мне обширную журнальную площадь. Я благодарен Вам за то, что Вы столько раз и так дружески упоминали мое имя в печати. Еще раз говорю Вам за это спасибо, пользуясь случаем выразить Вам мою дружескую признательность...

В письме к г-же Гиль г-жа Брюсова сообщает, что Вы с супругой решили на некоторое время обосноваться в Санкт-Петербурге. Меня не удивляет Ваше желание быть в центре борьбы при Вашей прекрасной, суровой, вечно юной энергии! Вы, конечно же, окажетесь там при выходе французского номера? Я буду просить Вас рассказать мне, какой он произведет эффект (думаю, что он появится в конце марта — по нашему календарю)[7] .

Но, дорогой друг, Вы, наверное, заняты огромной работой — подготовкой публикации куда более важной, чем мой скромный выпуск. Я имею в виду Ваш Альманах[8]. Любопытно, сколько требуется забот, демаршей, сколько теряется времени, как только приступаешь к организации коллективного сборника, даже при энтузиазме всех его сотрудников. Потому я и говорю, что Вы, вероятно, загружены работой, что, вне сомнения, не может не вызывать раздражения из-за невозможности работать на себя — заниматься любимым делом.

Напишите мне об этом как-нибудь на досуге, а также о работе над собственными произведениями.

Я все более недоволен группкой из «Аббатства», к которой мы с Вами так долго проявляли снисходительность и лояльность. Они, кстати сказать, все более разобщены между собой. В своей аполлоновской статье о поэзии я был вынужден отстраниться от этой снисходительности и, не имея более возможности сложить о них определенное мнение, высказал надежду на то, что их зигзагам наступит конец, а в их умах возникнет чувство самокритики. Я мог бы добавить, что надеюсь и на бóльшую порядочность. Во время Вашего последнего приезда в Париж мы согласились во мнении, что «ни об одном из них нельзя сказать, что он кто-то». Но вот что еще выявилось — у них есть свойство ускользать, ни о чем не высказывать определенного суждения, стремление всех примирить. Под всеми я подразумеваю представителей моего поколения, падких на лесть[9]. Я больше не вижусь с Дюамелем и Вильдраком, которым надо бы отчитаться за свое поведение. Эти двое опубликовали брошюрку о «свободном стихе» (льстя Кану, которого они презирали два-три года тому назад). По отношению ко мне эта брошюрка поражает отсутствием прямоты и порядочности, и это, кстати сказать, все, что есть в ней примечательного по причине пустоты их жалкой критической мысли, достойной гимназистов, а также по причине их поистине из ряда вон выходящего самодовольства. Эти несколько страниц, на которых они, сами того не замечая, ломятся в двери, открытые вот уже двадцать лет, отнюдь не делают им чести[10]. Что же касается новой книги Дюамеля, то она страдает длиннотами, а лежащая в ее основе аллегория — монотонностью, несмотря на несколько красивых мест. Его пессимистические выводы жалки, а вытекающая из книги философия выражена до невозможности смутно — мне это представляется спиритуализмом[11]. Аркос — неуловим, сплошная загадка...[12] Мерсеро, с тех пор как он организует выставки для России, величает себя «художественным критиком». Он отрекся от Поэзии[13].

Я, со своей стороны, счастлив. Главным образом оттого, что все они оставили «научную поэзию» или, вернее, оставили разговоры о том, что были «научными поэтами», разговоры, которые я допускал, подпитывая свои надежды их первоначальными обещаниями. Что же до Ж. Ромена, ставшего теперь профессором, то после его книги некоторые начали причислять его к «научной поэзии», что в немалой степени сковывало его карьеристские поползновения на университетском и других поприщах. Он опубликовал в журнале «Вер э проз» вступительные страницы лекции, которую Вы слышали. В ней он заявил, что «научная поэзия» — это «переложенные стихами учебники для подготовки к экзамену на бакалавра!» При этом он оправдывается, что «не хочет нападать на меня»![14]

Он прав — он на меня не нападает. По своей неуклюжести он просто перегнул палку. Бедняга. Подводя итог, скажу, что во всей этой группе нет ни одной личности, нет благородных амбиций в искусстве, нет характеров.

К счастью, есть другие поэты, обособленно наблюдающие это разложение, достигшее своей последней стадии. Я по крайней мере надеюсь, что скоро наступит конец подобным карьеристским устремлениям, подогреваемым в противовес горстке живущих ныне Гордых личностей.

Я вновь с большой радостью взялся за работу над своим новым томом «Образы мира» и буду активно продолжать ее... [15]

И в заключение передаю Вам новости о некоторых Ваших знакомцах: Садиа Леви, которого отличает поистине благородное отношение к искусству, заканчивает свою книгу «Кехат». Думаю, что она будет опубликована в мае. Это будет книга художника, прекрасно владеющего словом и ритмом[16]. Дж. Шарпантье опубликовал несколько замечательных критических эссе (он постепенно завоевывает себе место критика). Он готовит книгу «Предтечи научной поэзии». Его стиль развивается в поэтическом смысле, приобретая качества ***большей конкретности,*** большей динамичности, о чем, как Вы помните, мы мечтали... [17]

Мой дорогой друг, сейчас я Вас покидаю, довольный нашей беседой. Напишите мне в ближайшие дни. Еще раз простите за хлопоты, столь Вас недостойные, до которых я заставил Вас снизойти...

И напомните Вашей супруге о г-же Гиль, которая вспоминает о Вас, присоединив к ее привету свидетельство моего почтения.

Сердечно преданный Вам,

Рене Гиль

---

[1] Упоминаемое письмо, вероятно, утеряно.

[2] Письмо, в котором Гиль сообщал бы Брюсову о заказе на составление «французского» номера, нам также неизвестно. «Был ли у Вас кто-нибудь от “Аполлона”? — справлялся Волошин у А. В. Гольштейн еще 2 августа 1909 г. — Сперва хотел ехать в Париж сам Сергей Маковский, и я хотел его лично рекомендовать Вам и просить у Вас для него всякого руководительства, но так как он потом не смог и возложил свои поручения на Трубникова (из “Старых годов”), которого я почти не знаю, то я воздержался рекомендовать его Вам» (Письма Максимилиана Волошина к А. В. Гольштейн / Публикация М. Ланда, А. Тюрина, Ж. Шерона // Звезда. 1998. № 4. С. 163). В 1910—1911 гг. С. Маковский совершил несколько поездок в Париж по поручению петербургской Академии художеств в связи с организацией различных выставок, в частности, выставки «Мира искусства». Свидетельств о его личных встречах с Гилем, насколько нам известно, не сохранилось.

[3] Луи Лалуа (1874—1944) — музыковед, критик, переводчик и ученый. Автор книг о Рамо, Р. Вагнере, К. Дебюсси, китайской музыке и др., а также многочисленных статей, опубликованных во французской периодике. Редактировал журнал «Mercure musical», преобразованный в 1907 г. в «Bulletin français de la Société Internationale de musique». С марта 1909 г. — редактор журнала «Les études franco-russes», на страницах которого систематически выступал с 1908 по 1911 г. Был знатоком русской музыки, русского оперно-балетного искусства, русской литературы; переводил с русского языка, которым владел в числе нескольких других. Был лично знаком с М. Волошиным, переписывался с ним. Исчерпывающие сведения об этом авторе содержатся в работе: *Заборов П. Р.* Луи Лалуа и

русская культура // Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры. Смоленск, 1992. С. 87—95.

Указание Гиля на предшествующее сотрудничество Л. Лалуа в «Аполлоне» не подтверждается фактами. Несмотря на то, что он действительно значился таковым в первые два года издания журнала, никаких материалов, кроме статьи, заказанной Гилем, он здесь не опубликовал. Свое выступление во «французском» номере Лалуа посвятил не столько современной французской музыке, как планировала редакция, сколько Клоду Дебюсси, о котором незадолго до этого выпустил монографию («C. Debussy», 1909), получившую в «Аполлоне» хвалебный отзыв (Новая книга о Дебюсси // Аполлон. 1909. № 3, декабрь. С. 35 [вторая пагин.]. *Подпись*: О. Личности автора статьи установить не удалось). О своих предпочтениях в области поэзии Лалуа написал во «французском» номере следующее: «По мнению Стефана Маллармэ, "музыка и литература — два чередующихся лика — один расширенный в сторону темного, неясного, другой, сверкающий определенностью — два лика единого явления, которое я зову Идеей". Что касается Ренэ Гиля, тот создает из слов настоящие симфонии» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 57. Перевод З. Н. Журавской, под ред. А. П. Нурока).

[4] О творчестве Луи Перри Гиль писал, что «этот прозаик — сродни лишь великим поэтам. Этот писатель-философ, нашедший свое метафизическое понимание мира у Эпикура и Лукреция, в своем первом, готовящемся к печати томе "Hadès", доказывает свою концепцию "слияния с гармонией мира" рядом изображений душевных состояний человечества и отдельных людей во все времена. Исходя из отвлечения, его умственные и чувственные представления отличаются удивительной конкретностью. Они говорят о жизни, но подавляют ее трагическим величием — как лики, указывающие на таинственную близость Фатума. Эта книга будет совершенно новым, глубоко интересным событием» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 23). Как уже говорилось, никаких биографических сведений об этом писателе или изданных им произведениях обнаружить не удалось.

[5] Подбор авторов для создания специального номера «Аполлона» оказался настолько тенденциозным, что редакции пришлось сделать следующее примечание к публикуемым материалам: «Выражая глубокую признательность Рене Гилю за выполненный им труд по собиранию и редактированию статей, вошедших в эту книжку журнала, редакция считает нужным сказать, что эти статьи, конечно, не дают полной картины всех течений современного искусства во Франции: редакция сочла бы свою цель достигнутой, если бы читатель нашел в них ясно выраженным то интересное новое направление, к которому примыкают авторы предлагаемых essais» (Аполлон. 1909. № 6, март. С. 5). Взгляды Гиля на историю литературы нашли всеобъемлющее отражение в открывающей номер обширной статье «Поэзия», снабженной знаменательным подзаголовком «Две поэтические традиции». Под двумя традициями не только французской, но и «всякой поэтической традиции человечества» (С. 6) Гиль имел в виду течение «"научное", т. е. берущее источники в науке, в знании, и "эготическое", т. е. зависящее от чувства, обыкновенно — чувства религии или любви. Этот эготизм (продолжал он) может вылиться в экзальтацию общих мест или общих идей, псевдо-идей, т. е. тех, которые вызываются "общим чувством": великолепный и неотразимый пример — Виктор Гюго...» (Там же). Проследив развитие этих двух тенденций от поэзии Плеяды (XVI в.) до последней четверти XIX в., Гиль уверенно перешел к теме собственного первенства в любой области поэзии. Из своих современников он (в который раз!) ниспроверг «свободный стих», изобретенный Гюставом Каном — «мы увидим, что отправная точка теории г. Кана лежит в теории "Словесной инструментовки", провозглашенной раньше — пишущим эти строки» (С. 12) — после чего, радуясь возможности «иметь последователя в лице великого поэта Эмиля Верхарна» (С. 13n), подробно изложил принципы своей теории и, противопоставив «научную поэзию» символизму, вступил в спор с «теорией соответствий»

Бодлера, с «поэзией намеков» Малларме и музыкальностью Верлена. При этом он признал, что последнему «принадлежит большая и совершенно непроизвольная заслуга введения в эготическую поэзию искренности чувства и восприятий» (С. 16). Символизм, по Гилю, «ничего не создал для *Идеи*», был лишен «руководящей мысли, так же, как "Плеяда"» (С. 17), и потому надлежало говорить не о символистах, а о стихотворцах, в чьем творчестве раскрывается общий смысл Жизни — о «всемирном» поэте Верхарне и, например, о Вьеле-Гриффене. Помимо этого, имело смысл осудить мистицизм и ненависть к науке Поля Клоделя и в особенности «ложную и несвоевременную тенденциозность» его книги «Поэтическое искусство» (С. 18), имело смысл объяснить русскому читателю суть предательства в отношении «научной поэзии», совершенного Жюлем Роменом, и привести подробный многостраничный список собственных последователей, которые «живут и творят с грустной меланхолией, сознавая упадок поэзии, упадок моральный и умственный» (С. 20—21). Имена этих поэтов русский читатель уже знал по гилевским отзывам в «Весах». Заключительные страницы статьи были отведены Гилем под откровенное самовосхваление, превосходящее по своей нескромности все когда-либо опубликованное им в России.

[6] Отклики о «Весах» во французской и бельгийской печати ревностно фиксировались самим журналом. Так, появление русского символистского органа было отмечено весной 1904 г. в «Mercure de France» и «Oeuvre d'art international» (№№ 3—4 и 5—6). 16 июля 1907 г. о «Весах» писала в «Mercure de France» З. Гиппиус; в № 8 за 1907 г. журнал «Revue» сочувственно отметил появление № 1 «Весов» за тот же год.

[7] Упоминаемое письмо И. М. Брюсовой нам неизвестно. Несмотря на предполагаемые приезды в Петербург по делам «Русской мысли», Брюсов в столицу в этот период не выезжал. К описываемым событиям относится дневниковая запись Е. И. Дмитриевой, рекомендованной М. Волошиным для внештатной работы в «Аполлоне»: «Рада, что не приедет Брюсов. Я теперь очень занята; Аполлон присылает мне перевод за переводом, неразборчивые и гадкие. Они меня делают тупой. Я ненавижу Paul Adam, синдикализм, René Ghil, а больше всего Chantecler» (*Черубина де Габриак*. Исповедь. СПб., 1998. С. 306. Запись за 6 февраля 1910 г.).

[8] См. примечание 8 к письму № 69.

[9] Отталкиваясь от распространенного мнения о том, что поэты «Аббатства» были поняты многими и, в частности, «Валерием Брюсовым в его антологии» как «научные поэты» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 20), Гиль в своей статье о двух традициях во французской поэзии очень резко высказался по поводу своих так называемых учеников: «Я признаю за ними эти тенденции, хотя из "научной поэзии", столь многообразной по существу и по форме, они взяли лишь незначительные элементы. Конечно, не так хотела влиять "Научная поэзия" на созидания поэтов» (Там же). И далее: «Мы еще не можем высказаться окончательно об этих поэтах, будем надеяться, что определятся их изменчивые и беспокойные желания и они начнут работать с чувством самокритики...» (Там же).

Скептическое отношение Гиля к своим бывшим подопечным передалось Брюсову во время его второй поездки в Париж осенью 1909 г. В своих письмах к жене (замечает А. Лавров) он «не упускает случая поиронизировать по поводу стремления "аббеистов" к литературной и житейской "маститости"» (*Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 309), высказывая откровенное разочарование отсутствием в их творчестве новизны, движения вперед: «Аркос и аббэисты (Ты была права), — пишет он 20 сентября, — потеряли для меня всякий интерес, да и они (Ты тоже права) мною не очень интересуются» (Там же). И вновь через 3 дня, в письме от 25 сентября: «Словно ничего не изменилось за год. Скучно. Они все "оперились", получили доступ в журналы, стали банальнее и менее интересны. Дюамель приятнее других, добрый и, кажется, глупый» (Там же).

[10] Речь идет о книге Шарля Вильдрака и Жоржа Дюамеля «Заметки о поэтической технике» («Notes sur la technique poétique», 1910). Через десять лет после издания этой книги во Франции поэт-футурист Вадим Шершеневич, близкий в свое время к Брюсову, издаст в России ее перевод, предварив текст небольшой статьей, в которой, в частности, напишет: «Вильдрак и Дюамель почти целиком примыкают к школе сциентизма, научной поэзии, руководителем которой является Рене Гиль. Некогда они, вместе с Рене Аркосом, Эс. Вальдор и др. образовали любопытную колонию *"L'Abbaye"*, где сами печатали свои книги. По теории сциентизма, поэзия есть верховный акт мысли. Отвергая поэзию субъективную, эгоистическую, запечатлевающую случайные переживания поэта, облеченную в романтику, в мир условностей, лишенную пророчества, сциентизм ищет поэзии сознательной, раскрывающей строго и научно обоснованное миросозерцания. [...] Для поэта необходимо познание и изучение точных наук; не были ли Гете, Дант и др. самыми просвещенными людьми своей эпохи? Только знающий до конца то, до чего дошла мысль, может быть современен в своем чувстве, утверждает Рене Гиль. Ныне произошла некоторая перегруппировка и *"L'Abbaye"* распалось, но остался сциентизм, остались прежние устремления. Убеждения могут измениться со временем, но, если они были убеждениями, а не позой, перемениться они не могут. Тщательная разработка вопросов формы у представителей научной поэзии наглядно доказывает, как неправы были немногочисленные ученики Рене Гиля в своем понимании сциентизма в России. Они в жертву мысли принесли форму: они, юноши двадцати лет, заполнив свои строки словами "космос", "миазмы" и научными терминами, полагали, что они постигли науку, что они знаменосцы сциентизма. На самом деле, может быть, именно они и оттолкнули поэтов в России от подлинного сциентизма. О том, как разрабатывают законы формы подлинные сциентисты, можно судить по тому, что, если книжка Вильдрака и Дюамеля только наброски, блокнотные заметки, то у Рене Гиля существует еще не переведенный на русский язык, довольно объемистый трактат о слове, ряд статей о форме. Именно под влиянием Рене Гиля и его изысканий был написан Рэнбо в свое время знаменитый сонет "Гласные"» (*Вильдрак Шарль, Дюамель Жорж.* Теория свободного стиха (Заметки о поэтической технике) / Перевод и примечания Вадима Шершеневича. М., 1920. С. 5—6).

В интересах истины следует отметить, что замечание относительно воздействия теорий Гиля на Рембо хронологически бессмысленно и никогда не выдвигалось даже самим «родоначальником научной поэзии». Примечательно также, что в начале своего творчества Ш. Вильдрак выступал ярым сторонником классического стиха и даже издал в 1902 г. брошюру под названием «Верлибризм. Критический этюд о нерегулярной поэтической форме» («Le Verlibrisme, Etude critique sur la forme poétique irrégulière»), который предварил ироническим посвящением: «Дабы позабавить г-д Гюстава Кана и Рене Гиля» («Pour amuser MM. Gustave Kahn et René Ghil»).

[11] В 1909 г. Жорж Дюамель выпустил свою вторую книгу — поэму «Человек во главе» («L'Homme en tête»), в которой, по словам Гиля, он «по-видимому сжег все, чему поклонялся, хотя его вторая книга [...] обнаруживает во многих талантливых местах, что он не особенно поклоняется тому, что сжигал, когда был "научным". Но его смутные выводы не уясняют его новых путей. Во всяком случае, окрашенные пессимизмом, эти выводы говорят о том, что никогда он не знал истинной философии, вытекающей из эволюционизма» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 20).

Предисловие, на которое ссылается Гиль, было предпослано первому сборнику Дюамеля «О легендах, о сражениях» («Des légendes, des batailles», 1907). В одной из своих «весовских» статей Гиль причислял это предисловие к разряду «ясных и смелых, как манифест, объявляющий войну». «Указав на современное падение поэзии во Франции, — утверждал он, — г. Дюамель ставит существенно вопрос: "Не может ли искусство поэзии, которое так долго было только выразителем своей эпохи, стать предвестником, стать виф-

леемской звездой, заключив в своей сверкающейся сокровищнице все темные надежды грядущего?". А чтобы выяснить, на каких основах будет утверждена новая поэзия и какова будет точка ее отправления, г. Дюамель приводит свои слова: "Сущностью поэзии должна быть страстная метафизика Человека и Вселенной в их отношениях, определенных Наукой, а поэт должен стать певцом Науки. Искусство, отныне, если оно хочет мыслить, должно принять эту концепцию за свою основу". Г. Дюамель говорит далее: "Наше искусство хочет мыслить,— и, конечно, это не будет новостью. Жизнеспособным до сих пор было и всегда будет лишь искусство, которое мыслит. Это показывает, что мы воистину то звено в развивающейся традиции, какого ждала наша эпоха"» (Весы. 1907. № 1. С. 85).

[12] Подобно Ж. Дюамелю, Рене Аркос в предисловии к своей книге «Трагедия пространств» (La Tragédie des espaces, 1906) выступил откровенным апологетом «научной поэзии». Во втором издании «Французских лириков» Брюсов приводит следующее высказывание Аркоса из его предисловия: «Наша поэзия хочет мыслить научно, — пишет Ренэ Аркос, — но это не помешает ей чувствовать остро. Не значит ли повторять общеизвестную истину, говоря, что эмоция может возникнуть из раздумья?» (ПССП 1913. С. 277). В более развернутом виде это суждение было процитировано Гилем в том же «Письме о французской поэзии», в котором он цитирует Дюамеля: «Наше искусство? Мы хотим, чтобы оно стояло в соотношении с тайной эволюцией всего... Мы хотим действовать сознательно и по воле. Мы хотим мыслящего искусства, искусства воспитанного, исполненного всем богатством знания, которое передает человек человеку, и потому имеющего свои корни в самой глубине веков... И желание научно мыслить не помешает нам остро чувствовать. Ощущение это сущность и через то даже откровение. Многие раньше нас шли по тому же пути: в Элладе — Парменид, Эмпедокл; в Риме — Лукреций, Манилий, в Средние Века — Готье де Мец; в XVI веке — Саллюстий де Барта, Агриппа д'Обиньи; позже, в Германии, — Гете, в Англии — Шелли, во Франции — Ренэ Гиль, Эмиль Верхарн» (Весы. 1907. № 1. С. 85—86).

Как явствует из комментируемого письма и последующих печатных выступлений Гиля, Аркос «отказался от своего предисловия и заразился, полный эготического пессимизма, сомнениями нео-дуалистов» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 20). В этот период Аркос и сам не замедлил подтвердить факт своего отхода от сициентизма. В апреле 1910 г., в № 2 журнала «Centaure», он заявил, что, восприимчивый к изысканиям в области живописи и музыки, он приветствует любые проявления духа и потому не считает ни себя, ни своих друзей А. Мерсеро и Ш. Вильдрака «певцами последней научной гипотезы» [«chantres de la dernière hypothèse scientifique» (Цит. по: *Décaudin Michel.* La crise des valeurs symbolistes. Vingt ans de la poésie française. 1895—1914. Paris, 1981. P. 363)].

[13] За время своего сотрудничества в «Золотом руне» А. Мерсеро опубликовал 4 статьи о живописи. Две из них — под псевдонимом Эсмер-Вальдор: «Salon d'Automne (Письмо из Парижа)» (1907. № 11—12) и «По поводу осеннего салона» (1908. № 10). Две другие были подписаны его настоящим именем: «Анри Матисс и современная живопись» (1909. № 6) и «Монтичелли» (1909. № 11—12). В журнале «Vers et Prose» он поместил, в частности, статью «Выставка современного искусства» (tome XXVII, octobre—novembre—décembre 1911). При участии А. Мерсеро весной 1908 г. была организована «Выставка картин "Салон Золотого руна"», а в 1910 и 1911 гг. — две московские выставки объединения «Бубновый валет». В 1909—1910 гг. в его доме встречались художники А. Глез, Ж. Метсенже, Ф. Леже, Ле Фоконье, картины которых он рекомендовал для выставок современной французской живописи за границей: в 1913 г. — в Одессе, Киеве и Будапеште, а в 1914 г. — в Праге.

[14] В эти годы Гиль испытывал особую неприязнь к Жюлю Ромену, считая, что молва напрасно отнесла к «научной поэзии» его книгу «La vie unanime» (Аполлон. 1910. № 6, март. С. 20). «Жюль Ромен, — писал Гиль, — в качестве университетского профессора, конечно, не захотел быть причисленным к "поэтико-научной" системе. Он протестует против поэзии, в которой видит лишь "переложение на стихи учебников бакалавра". Но "это

меня не задевает", восклицает он с вульгарностью, такой обычной в его стихах. Несмотря на все, однако, его книга вдохновлена, особенно со стороны техники, моим методом. Что касается его "всеобщности" ("unanimisme") (заимствование из "всемирного смысла", вытекающего, в моих произведениях, из гармонии между Всемирным и Человеческим), то его творчество еще очень элементарно. Он расширяет приемы изображения антропоморфическими образами, одушевляет, как коллективное сознание, и людей, и казармы, и проходящие похороны, и улицу, и кафе! Я сказал, что в его искусстве есть вульгарность, но несмотря на примитивность и бедность, многим стихам в этой книге большую цену придают — живость, движение, синтетические упрощения мысли и оборотов речи» (Там же).

Цитаты, которые приводит Гиль в письме к Брюсову и в своей программной статье, взяты им из доклада Жюля Ромена «Непосредственная поэзия» («La poésie immédiate»), прочитанного, как мы упоминали выше, в Осеннем Салоне 10 октября 1909 г. Говоря о различиях между деятелями науки и деятелями искусства, Жюль Ромен в своей речи, в частности, заметил: «Я не выступаю здесь против Рене Гиля, чьи теории не помешали ему создать прекрасные страницы, или против Рене Аркоса, мыслящего несколько иначе. Рене Аркос не считает необходимым излагать стихами учебники для подготовки к экзамену на бакалавра, он стремится воспевать новые чувства, вызываемые в нас знанием» [«Ce n'est pas là une attaque contre René Ghil, que ses théories n'ont pas empêché d'écrire d'admirables pages, ni contre René Arcos qui pense un peu autrement. Pour René Arcos il s'agit non de mettre en vers les manuels du baccalauréat, mais de chanter les émotions nouvelles que provoque en nous le savoir» (Vers et Prose. Tome XIX, octobre—novembre—décembre 1909. P. 93)].

Помимо этих нападок, Гиль имел немало поводов для недовольства лекцией Ромена, один из главных тезисов которой содержал утверждение о том, что «Поэт не должен требовать у науки ни сюжетов, ни источников возбуждения» [«Le poète ne doit demander à la science ni un sujet ni une excitation» (Там же)].

В своих воспоминаниях, изданных через несколько десятилетий после описываемых событий, Жюль Ромен рассказал о своей борьбе против «так и не стертых следов, оставленных в произведениях моих друзей несчастным Рене Гилем, в котором одна четверть гениальности сочеталась с тремя четвертями тошнотворной педантичности» [«les traces, encore visibles chez mes amis, qu'avait laissées ce pauvre René Ghil, en qui s'alliaient un quart de génie et trois quarts de niaiserie pédantesque» (*Romains Jules.* Souvenirs et confidences d'un écrivain. Paris, 1958. P. 28)].

[15] См. примечание 19 к письму № 49.

[16] Еще в четвертом «Письме о французской поэзии», рассказывая о поэтах, группировавшихся вокруг журнала «Grande France», Гиль отвел значительное место творчеству Садиа Леви, печатавшего там «выдержки из своего "Kehath", любопытного этюда, вроде поэмы в прозе, о человеке, который смотрит на всю жизнь сквозь бесконечное разнообразие редких книг из своей всеобъемлющей библиотеки» (Весы. 1904. № 11. С. 12). В этой «вещи, законченной лишь недавно» (писал он ниже), «в этом исключительном замысле, в этой странной летейской поэме (доверяясь ассоциации идей, вызываемых этой книгой, перечитанной несколько раз) на сцену выставлены самые сложные вопросы философии и самые потаенные мечты поэта. Вспышка Жизни подымается в этой поэме, своими вечно юными силами, гробовые и священные двери Библиотеки, и Кехат, выйдя из снов, бросается всеми трепетными атомами своего существа в великую стремительность человеческого бытия!..» (С. 17—18). К творчеству Садиа Леви Гиль вернулся во «французском» номере «Аполлона», представив его на этот раз «в качестве выдающегося прозаика-поэта», который «продолжает быть одержимым священной мукой слова и ритма, которая владела Флобером и Вилье де Лиль-Аданом (в "Akadyssesil"). Его фразы обладают целостной красотой поэм, его мысль умеет вибрациями звука передать всю силу Ритма» (1910. № 6, март. С. 22). «Его долго ожидаемое произведение "Kehat[h]", — уточнял Гиль в сноске, — появится в этом году» (С. 22n).

Алжирский литератор еврейского происхождения Садиа Леви (1875—1951) дебютировал в 1898 г романом «Раввин» («Le Rabbin»), написанным совместно с Робером Рандо. В 1902 г. в соавторстве с тем же писателем он выпустил книгу «Одиннадцатый день в разгаре» («XI journée en force»), предисловие к которой было написано Гилем. В центре книги — сложные взаимоотношения ее героев: некоего алжирца и еврея по имени Кехат. В 1932 г. Садиа Леви выпускает книгу сонетов, а в 1935 — книгу документальной прозы. Его стихи были изданы Жаном Руайером после смерти поэта в 1957 г. Переводил на французский язык псалмы. Среди крупных неопубликованных работ — грамматика языка иврит. Был известен в литературных кругах как прекрасный чтец своих собственных стихотворений и произведений своих друзей. После тяжелой болезни — рака гортани — опубликовал документальный роман «Ощущения человека с перерезанным горлом. Клинические заметки» («Les Sensations d'un égorgé. Notes de clinique», 1933).

[17] На Дж. Шарпантье Гиль в своей «аполлоновской» статье о поэзии просил обратить «особенное внимание». «Это молодой писатель, — писал он, — вдумчивой душой устремленный к будущему. Он — "научный" поэт-эволюционист и уже работает над заранее предопределенными произведениями, первый том которых скоро появится — "L'Ame délivré". Добавим еще, что он выдающийся критик, ясный, убедительный и трезвый» (С. 22). И ниже, в сноске: «Шарпантье издаст без сомнения в этом году очень интересную, психолого-историческую работу о "Précurseurs de la poésie scientifique"» (С. 22n).

72. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Moscou, 12 février 1910

Cher ami,

Il me faut toute votre indulgence pour me pardonner que je vous écris si rarement. Mais croyez-moi que, comme toujours, je suis avec la plus grande attention tous vos gestes littéraires, tout ce qui paraît sous votre signature. C'est pourquoi j'étais si content de revoir vos articles sur la poésie française à l'*Apollon*[1]. Quant au programme du No. consacré aux «tendances modernes de la littérature, de l'art et de la philosophie en France», je le trouve plus qu'excellent. Ce sera un No. plein d'intérêt tout à fait saisissant, un livre vibrant de l'actualité, et, j'en suis sûr, une révélation pour l'élite des lecteurs russes...

Moi, j'écris peu à l'*Apollon*, comme vous le voyez, puisque je me suis fixé à la *Pensée Russe*. J'y donne chaque mois des comptes-rendus sur les nouveaux recueils de poésies et des articles plus étendus sur la littérature française. Je vous envoie le No. [de] février où se trouve inséré mon article sur les nouveaux documents concernant l'art romantique français... Vous verrez d'après les titres des livres que j'y parle des dernières publications[2].

Il est difficile de fixer la date quand sera publié l'almanach dont nous avons parlé. On le remet toujours, parce que le dernier No. de la *Balance* est en retard. Je crains qu'on ne sera obligé de remettre l'édition vers l'automne. En ce cas, je vous ferai expédier une somme au compte de vos honoraires pour retenir à la librairie le droit de publier votre article[3].

Je vous remercie beaucoup pour tous les renseignements que vous me donnez sur ceux de l'*Abbaye*. J'ai lu les livres de Duhamel et de Vildrac, et je suis tout à fait de votre avis: ils forcent les portes ouvertes depuis 20 ans. Mercereau a publié une traduction de mon poème à *Poesia* de Marinetti. Par quelque malentendu on a imprimé à côté de la traduction de Mercereau une autre, littérale, faite chez nous pour servir de documents à Mercereau. C'est un peu fâcheux...[4]

Ces derniers jours nous [nous] étions occupés de députés français de la délégation parlementaire qui nous a visités. Comme président du *Cercle Artistique et Littéraire de Moscou*[5], je recevais les hôtes français, le dernier soir avant leur départ, dans la grande salle de notre Cercle, où nous leur avons offert un banquet. J'ai dû même prononcer un petit discours en français — une tâche assez difficile pour moi... J'ai parlé de l'influence de l'art et de la littérature de la France sur les lettres et sur l'art russes[6]. Mme Brussov a eu une tâche pas moins difficile — d'amuser le vieux sénateur Mr Léroux[7]. Néanmoins nous étions très heureux de revoir un coin de la France que tous les deux nous aimons tant...

Cette soirée nous a donné, vraiment, la nostalgie de Paris, où l'on ne reste jamais assez longtemps, et renouvelé nos espoirs de vous revoir, si même vous ne venez pas à Moscou.

Nous vous prions bien d'accepter nos hommages de sympathie et de souvenir et de les remettre à Madame Ghil.

Tout à vous

Valère Brussov

P. S. Ayant reçu votre première lettre, je suis venu à la *Balance* pour réclamer vos honoraires. On m'a répondu qu'ils sont envoyés depuis longtemps. Je ne manquerai pas de repasser à la rédaction pour expliquer le manque de 10 frs.

72. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 12/25 февраля 1910 г.

Дорогой друг,

Взываю ко всему Вашему снисхождению, дабы Вы меня простили за то, что я пишу Вам так редко. Но, верьте мне, я слежу самым внимательным образом за всеми Вашими литературными достижениями, за всем, что выходит за Вашей подписью. Вот почему я так был рад снова увидеть Ваши статьи о французской поэзии в «Аполлоне»[1]. Что касается программы номера, посвященного современным тенденциям литературы, искусства и философии Франции, то я считаю ее восхитительной. Номер этот выйдет изумительно интересным, это будет книга, дышащая современностью, то будет, я уверен, откровением для избранного русского читателя...

Я сам пишу мало в «Аполлоне», как Вы это видите, т. к. я устроился в «Русской мысли». Здесь я помещаю ежемесячно отчеты о новых сборниках стихов и более распространенные статьи о французской поэзии. Посылаю Вам февральский номер, где помещена моя статья, касающаяся новых данных о французском романтическом искусстве... Вы увидите по заглавиям книг, что я говорю о последних изданиях[2].

Очень трудно определить точно время, когда будет опубликован альманах, о котором мы говорили. Выход его все откладывается на том основании, что последний № «Весов» запаздывает. Боюсь, как бы не пришлось отложить издание до осени. В таком случае я велю переслать Вам сумму в счет гонорара, чтобы удержать за собой право перед издательством напечатать Вашу статью[3].

Благодарю Вас очень за все сведения, которые Вы мне дали относительно «всех из Аббатства». Я читал книги Дюамеля и Вильдрака и я вполне с Вами согласен: они ломятся [в двери, открытые вот уже двадцать лет]. Мерсеро опубликовал перевод моего стихотворения в «Поэзии» Маринетти. По недоразумению рядом с переводом Мерсеро напечатали другой, буквальный перевод, сделанный здесь у нас как подстрочник для Мерсеро. Довольно досадно...[4]

Последние дни мы были заняты приемом французских депутатов, парламентской депутации, посетившей нас. Я. как председатель Московского литературно-художественного кружка[5], принимал французских гостей. В последний [вечер] перед их отъездом наш кружок устроил [в большом зале Кружка] в их честь банкет. Мне пришлось даже произнести небольшую речь на французском языке — задача для меня не из легких... Я говорил о влиянии искусства и литературы Франции на русскую беллетристику и искусство[6]. На долю моей жены выпала [не] менее трудная обязанность — занимать старика-сенатора г-на Леру[7]. Тем не менее, мы были счастливы взглянуть на уголок Франции, которую мы оба так любим...

Этот вечер внушил нам действительно тоску по Парижу [пребывание в котором кажется нам всегда слишком кратким] и возобновил нашу надежду снова свидеться с Вами, если даже вы и не приедете в [Москву].

Не откажите принять от нас привет, полный сочувствия и воспоминания, и передать его также г-же Рене Гиль

Всегда Ваш

Валерий Брюсов

P. S. Получив Ваше первое письмо, я пошел в «Весы» и стал требовать Ваш гонорар. Мне ответили, что оный послан Вам давно. В ближайшем [будущем я] не премину зайти в редакцию и выясню относительно недостающих 10 франков.

---

[1] Ко времени написания брюсовского письма Гиль по существу только начал свое сотрудничество в «Аполлоне», опубликовав в № 4 журнала два коротких отзыва: о первом сборнике стихов Роже Девиня (Roger Dévigne) «Строители городов» («Les bâtisseurs de villes», 1910) и единственной книге уже немолодого автора Жоржа Фуре (Georges Fourest) «Белокурая негритянка» («La négresse blonde», 1909). Эти заметки, помещенные в рубрике

«Этюды о книгах», были напечатаны вместе с названной нами выше рецензией на роман Мариуса-Ари Леблона «Во Франции» (см. примечание 7 к письму № 70) и откликом на новый роман Анри де Ренье «Костер» («La Flambée», 1909).

[2] Имеется в виду статья Брюсова из серии «Литературная жизнь во Франции», озаглавленная «Новые материалы по истории романтизма. Шатобриан, Ламартин, "La Muse Française", Виктор Гюго, М. Деборд-Вальмор, г-жа д'Арбувиль» (Русская мысль. 1910. № 2). В своей работе Брюсов опирался на следующие книги, незадолго до этого изданные во Франции: Анатоль Лебраз «В стране изгнания Шатобриана» (Le Braz Anatole, «Au Pays d'exil de Chateaubriand», 1909); Кристиан Марешаль «"Путешествие на восток" Ламартина» (Maréchal Christian, «"Voyage en Orient" de Lamartine», 1908); его же «"Жослен". Неопубликованное произведение Ламартина» («"Josselin" inédit de Lamartine», 1909); Леон Сеше «Сенакль Французской музы» (Séché Léon, «Le Cénacle de la Muse Française»); его же «Госпожа д'Арбувиль по ее письмам к Сен-Беву» («Madame d'Arbouville, d'après ses lettres à Sainte-Beuve», 1909) ; «Переписка Виктора Гюго и Поля Мориса» («Correspondance entre Victor Hugo et Paul Maurice», 1909), а также: Жак Буланже и Ондин Вальмор «Библиофилы, одержимые фантазиями» (Boulanger Jacques, «Valmore Ondine. Les Bibliophiles fantaisistes», 1909). Согласно издательским традициям того времени, названия книг приводились в статье по-французски.

[3] Последний номер «Весов», датированный декабрем 1909 г., в реальности вышел в марте 1910 г. О статье Гиля, предполагаемой для альманаха, который редактировал Брюсов, см. примечания 7 и 8 к письму № 69.

[4] Международный журнал «Poesia» выходил в Милане с февраля 1905 г. по 1909 г. и практически с самого начала редактировался Ф. Т. Маринетти. Журнал предоставлял возможность печататься многим французским поэтам — Г. Кану, К. Моклеру, П. Фору, К. Мендесу, Ф. Вьеле-Гриффену, Сен-Жоржу де Буэлье и др. Стихотворение Брюсова «Голос города» (во французском переводе: «La voix de la ville») было опубликовано в № 7—8—9 за август—сентябрь—октябрь 1909 г. (С. 44—45). Перевод сопровождался следующим пояснением: «Буквальный перевод с русского выполнен автором. Свободный перевод — А. Мерсеро» [«Traduction textuelle du russe par l'Auteur. Traduction libre par A. Mercereau»].

[5] Московский литературно-художественный кружок существовал с 1898 г. по 1919 г. и помещался на Большой Дмитровке в доме Вострякова. Действительными членами кружка были деятели литературы и искусства. Брюсов вошел в дирекцию кружка в 1902 г., а в 1908 г. стал ее председателем. Обращаясь к обстановке, царившей в кружке, И. Эренбург писал, что здесь «Валерий Яковлевич проповедовал "научную поэзию", пока члены кружка, прекрасно обходившиеся и без науки и без поэзии, играли в винт» (*Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. В 3-х т. М., 1990. Т. 1. С. 234).

[6] Имеется в виду приезд в Россию делегации Межпарламентского союза — международной непартийной организации, возникшей в Париже в 1889 г. и объединявшей парламентские группы различных стран. Союз ставил своей целью осуществление посредничества между государствами. 5 февраля 1910 г. французские парламентарии приехали в Петербург, 6 февраля они были приняты императором Николаем II, 9 февраля прибыли в Москву. Описанное в письме Брюсова событие подробно освещалось русской прессой. «После заседания общества "Мир", — сообщала газета «Речь», — состоялся банкет в литературно-художественном кружке. Зал был переполнен представителями интеллигенции, писателями, литераторами, адвокатами и т. д. Первую приветственную речь говорит председатель кружка Брюсов, указывающий на постепенное взаимодействие между русской и французской литературой, вторую Н. Н. Баженов, указывающий, что на этом банкете французские гости могут познакомиться с общественными настроениями, которые не находили себе выражения в предшествующих московских чествованиях» (1910. № 42 (1280), 12/25 февраля. С. 3).

Газета «Утро России» сообщила о банкете следующее: «Серию тостов и речей открыл В. Я. Брюсов, отметивший влияние французской литературы и французского искусства на нашу вековую связь между ними, и в этом мотив для литературно-художественного кружка сказать: “добро пожаловать” представителям дружественной нации» (1910. № 104—71, 12/25 февраля. С. 3).

«Новое время» отметило, «что артисты и литераторы составляли меньшинство на банкете. На банкете присутствовали почти все московские кадеты, многие члены общества мира со своим председателем кн. П. Д. Долгоруковым во главе и еще больше было зубных врачей, помощников присяжных поверенных и вообще посторонних, проникших на банкет по записи действительных членов, но не имевших никакого отношения ни к литературе, ни к искусству. Среди последних групп, не имевших прямого отношения к театру и литературе, доминировали конечно Евреи. Камертон на этом банкете давали тоже не литераторы и не артисты, а главным образом кадеты. Артисты совсем не говорили, а из литераторов только поэт В. Я. Брюсов, от лица кружка приветствовавший гостей, указал на исконную связь, существующую между Францией и Россией, и на влияние французской литературы и французского искусства на наши литературу и искусство» (1910. № 12186, 13 / 26 февраля. С. 4). См. также: Русское слово. 1910. № 34, 12 / 25 февраля. С. 2—3; Голос Москвы. 1910. № 34, 12 февраля с. 3—4; Русские ведомости. 1910. № 34, 12 / 25 февраля. С. 1—3; Русские ведомости. 1910. № 35, 13 / 26 февраля. С. 2.

Об отъезде французских гостей рассказывалось следующее: «В. Я. Брюсов и Н. Н. Баженов, в качестве директоров литературно-художественного кружка, поднесли гостям подарок от литературного кружка — бронзовую группу, изображающую Л. Н. Толстого за сохой, работы бар[она] Клодта. Эта группа была только вчера подарена кружку одним из представителей французской колонии. Таких фигур отлито всего лишь четыре. Одна находится у австрийского императора, другая — у германского императора, третья — у германского посла графа Пурталеса и четвертая будет теперь находиться у поборника всеобщего мира, д’Эстурнеля де-Констана...» (Речь. 1910. № 43 (1281), 13/26 февраля. С. 3).

В библиотеке Брюсова сохранилась книга видного сенатора и дипломата, лаурета Нобелевской премии мира (1909), барона Поля д’Эстурнеля де Констана (1852—1924) «Французская парламентская группа третейского суда. Наше посещение парламента России...» (Groupe parlementaire français de l’Arbitrage. Notre visite au Parlement russe... Paris, 1910. Par D’Estournelle de Constant) с дарственной надписью автора (РГБ. Ф. 386. Книги, 1576). Литературно-художественный кружок издал речь д’Эстурнеля де Констана «Дело совести» («Le cas de conscience»), произнесенную им на банкете, и избрал его своим почетным членом.

[7] Речь идет о сенаторе Поле Леру (1850—1923).

73. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 17 Mars 1910

Bien cher Ami,

Nous avons été heureux de votre lettre, pour les nouvelles excellentes qu’elle nous donne de Madame Brussov et de vous.

Il nous a amusé de voir que tous deux avez reçu officiellement la délégation de nos Parlementaires. C’est un grand honneur pour eux d’avoir été fêtés ainsi en l’intéres-

sant milieu d'art et de lettres que vous présidez. Je suis sûr, malgré votre si belle modestie que je retrouve encore ici, que votre discours en notre langue a été élevé et substantiel. — et, je crois, avez-vous dit sur l'art et la Littérature Russe — et Française également — beaucoup de choses ignorées de nos chers Députés qui se préoccupent peu, ou pas du tout, des oeuvres intellectuelles. Ils songent surtout à leur réélection! — J'ai été heureux avant tout que ce fût vous qui, en cette occasion qui eut importance, portiez la parole au nom de l'Art Russe[1].

Je viens ce soir bavarder avec vous, — et je reviens à cette Délégation, encore, parce qu'elle vous fait dire que Madame Brussov et vous demeurez nostalgiques de Paris, et que renaissent vos espoirs de revenir bientôt. Nous voudrions que ce fût cet automne?...

Demain est le Vernissage du Salon des Indépendants, où nous irons. Je vois au journal de ce soir que les *Fauves* sont en nombre accru: ainsi nommés, vous le savez, je crois, les hurleurs de la couleur et du dessin «simplifié»! D'aucuns qui trouvent maintenant Matisse trop timide!...[2] Je ne comprends plus, depuis un temps déjà. Cette «simplification» (ils confondent, hélas! avec «synthèse») consiste à supprimer «l'anecdote»: figures à quelques traits «déformés», paysages aux arbres en masse, sans détails, géométriques, — maisons aux fenêtres supprimées ou quasi, les fenêtres sont de «l'anecdote», me disait un jeune peintre! Et l'idée préconçue et la «déformation». — Nous savions que la Nature et la Vie passant à travers le cerveau de l'Artiste et du Poète, à travers leur conscience, prennent empreinte de leur personnalité: ils sont *compris et rendus* sous tels ou tels rapports qu'a saisis le talent ou le génie... Or, il faut talent ou génie pour cette «déformation» subie par l'Univers passant par le conscient humain. Nos Jeunes, eux, «déforment» a priori et selon leur bon plaisir plus ou moins excentrique! Et je vois que leur dessein le plus visible est de se distinguer du voisin, en exagération de l'exagération de ce voisin... Et cela les dispense, hélas! d'apprendre leur métier, d'apprendre d'abord à dessiner, d'étudier les Maîtres, — et de se chercher ensuite en le reploiement intense sur soi-même...

J'irai et je retournerai les voir, car il est nécessaire d'examiner de près s'il n'est point là cependant des sincères — qui sortiront en ramassant quelque jour leur personnalité et des puissances...

Je suis content des nouvelles que j'ai *d'Apollon* à propos du No. Français, dont je vous remercie de me parler[3]. Après un retard que je ne comprenais pas trop, j'ai reçu une longue lettre de M. S. Makovsky — qui était à la campagne, où les médecins l'avaient envoyé, car, à nouveau, il était souffrant, et très faible, m'écrit-il. J'espère qu'il a pu maintenant rentrer à Pétersbourg. Il est très satisfait de la composition du No. qui se prépare. Il sera en retard, car déjà le No. de Février n'est pas paru encore, je crois[4].

Je vous remercie du No. de la *Pensée Russe*, où j'ai vu très actuellement documentée votre Etude du Romantisme. Sans doute allez-vous ensuite publier un volume sur cette période rénovatrice?[5]

J'y ai vu aussi une Etude sur vous de Mme Hipius[6]. En êtes-vous content? Je vais tâcher de me la faire analyser, — car ce me serait très précieux d'avoir des jugements amples sur l'ensemble de votre Oeuvre, — et je vois qu'on y étudie cette Oeuvre. Tout ceci, vos Etudes longues et d'amples sujets, cette Etude sur vous, — me montrent que

vous avez pris grande place à la *Pensée Russe*: j'en suis très heureux, car, vous me l'avez dit, cette Revue s'ouvre difficilement et surtout *aux idées novatrices*: c'est donc, de vous, de votre volonté sûre et patiente, une victoire, — et pour les idées nouvellement créatrices que vous représentez...

Vous me dites que, sans doute, l'Almanach devra être retardé, vers l'Automne. Maintenant vous devez être fixé à ce sujet, car voici le temps où il devait paraître.

A ce propos, vous m'offrez très amicalement de me faire payer une somme, sur l'Etude et les Vers. — J'accepte avec plaisir, et en toute sincérité. Car j'avais compté les honoraires de ce travail pour entrer en mes frais de campagne de cet été. Je viens de louer une petite maison en Seine-et-Oise, à St. Chéron, où nous avions été déjà, il y a deux ans — car ce pays nous agrée beaucoup.

Or, si vous pouviez me faire envoyer — quand ce sera décidé qu'on repousse la parution, — 200 frs, par exemple, j'en aurais plaisir, et ce trouverait son emploi en ma location.

Je travaille maintenant à mon volume de vers *Les Images du Monde*, et, — malgré qu'en ce sujet, préhistorique, il faille marcher lentement, car le fond scientifique me doit être toujours présent à l'esprit tout en laissant libre l'intuition et l'imagination, — je compte le pousser ces mois et l'été[7].

A quoi travaillez-vous, vous-même, en ce moment?

A bientôt de vos nouvelles, n'est-ce pas? Merci encore, et toujours de tout ce que d'amical contiennent toujours vos lettres.

Notre souvenir à Madame Brussov, — et dites-lui que votre lettre exprime presque votre voyage nouveau à Paris! Mme Ghil se rappelle aussi à votre souvenir, et je suis affectueusement vôtre,

René Ghil

Suivrez-vous votre dessein, dont vous me parliez, d'aller faire un tour à Pétersbourg. — Où en est le mouvement littéraire, en ce moment?

73. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 17 марта 1910 г.

Дорогой друг!

Мы были счастливы Вашему письму, счастливы прочесть в нем прекрасные новости о г-же Брюсовой и о Вас.

Нас позабавило сообщение о том, что вы вдвоем оказывали официальный прием нашим парламентариям. Это большая честь для них — принимать участие в празднике, устроенном интересным литературно-художественным объединением, которое Вы возглавляете. Вопреки проявлению Вашей милой скромности, с которой я вновь столкнулся в Вашем письме, я уверен, что Ваша речь на нашем языке была возвышенной и содержательной. И я думаю, что в разговоре о русской

литературе — да и о французской тоже — Вы сказали многое такое, что было неизвестно нашим дорогим депутатам, которых мало волнуют или вообще никак не волнуют плоды интеллекта. Они мечтают главным образом о том, чтобы их избрали на новый срок! Я был прежде всего счастлив тем, что именно Вам было поручено выступить от имени русского искусства по такому важному случаю[1].

Я хочу сегодня вечером подольше поговорить с Вами и еще раз возвращаюсь к парламентской делегации, поскольку встреча с ней навеяла Вам слова о том, что Вы с г-жой Брюсовой испытываете ностальгию по Парижу, и возродила в Вас надежды на скорый приезд сюда. Нам хотелось бы, чтобы это случилось нынешней осенью...

Завтра состоится вернисаж Салона Независимых, на который мы идем. Я прочитал в сегодняшней вечерней газете, что там прибавилось «фовистов». Вы, конечно, знаете, что так прозываются горланы кричащего цвета и «упрощенного» рисунка! Некоторые из них даже Матисса почитают теперь слишком робким!..[2] Я уже давно перестал что-либо понимать. Это «упрощение» (они, увы, путают его с «синтезом») состоит в ликвидации «сюжета»: фигуры, обозначенные несколькими «деформированными штрихами», пейзажи с массой геометрических деревьев, без деталей — дома с упраздненными или почти упраздненными окнами; «окна — тоже часть фабулы», — говорил мне молодой художник! И в основе всего — идея «деформации». Мы знали, что Природа и Жизнь, проходя через мозг Художника и Поэта, проходя через их сознание, оставляют на себе след их личности: они *поняты и переданы* под тем или иным углом, диктуемым талантом или гением... Однако талант или гений совершенно необходимы для осуществления «деформации», которой подвергается Вселенная, проходя через человеческое сознание. Наши же Молодые делают изначальную установку на «деформацию», производимую по собственному капризу, более или менее эксцентричному! Насколько же я вижу, их наиболее очевидная задача — отличаться от своего соседа, преувеличивая преувеличения названного соседа... И это избавляет их, увы, от необходимости осваивать свое ремесло, необходимости прежде всего учиться рисовать, изучать Мастеров, а уже потом искать себя, интенсивно в себя уходя...

Я пойду на эту выставку и пойду на нее еще раз, так как надо присмотреться поближе, нет ли среди них, тем не менее, искренних людей, которые однажды выйдут из этого круга, собрав воедино сильные стороны своей личности...

Я был рад услышать Ваши впечатления от французского номера «Аполлона» и благодарен Вам за то, что Вы мне об этом написали[3]. С некоторым опозданием, которому мне трудно найти объяснение, я получил длинное письмо от С. Маковского, находившегося в деревне, куда его отправили врачи, поскольку, как он пишет, он был снова болен и ослаблен. Надеюсь, что сейчас он смог уже вернуться в Петербург. Он очень удовлетворен составом подготавливаемого номера. Номер этот, думаю, запоздает, так как еще не вышел даже февральский[4].

Благодарю Вас за книжку «Русской мысли», в которой я нашел Ваш этюд о романтизме, основанный на новейших публикациях. Затем Вы, конечно же, опубликуете книгу, посвященную этому обновительному периоду. Верно?[5]

В том же номере я увидел очерк о Вас г-жи Гиппиус[6]. Вы им довольны? Я постараюсь, чтобы кто-нибудь мне его проанализировал, так как для меня было бы ценно иметь целостное суждение обо всем Вашем творчестве и, как я вижу, в

этом очерке изучается как раз Ваше творчество. Все это вместе взятое — и Ваши пространные, полнокровные статьи, и этот очерк о Вас — убеждает меня, что Вы заняли видное место в «Русской мысли», чему я очень рад, поскольку, как Вы мне говорили, этот журнал с трудом открывает двери, в особенности, для *новаторских идей:* это знаменует Вашу победу, победу Вашей уверенной в себе, терпеливой воли, а также победу по-новому созидательных идей, которые Вы представляете...

Вы пишете, что, вне всякого сомнения, Альманах будет вынужденно отложен до осени. В настоящее время Вы, по-видимому, сосредоточены на этом издании, так как оно уже давно предполагалось к выпуску.

В связи с этим Вы крайне дружески предлагаете мне получить деньги за очерк и стихи. Я с радостью и совершенно искренне принимаю это предложение, поскольку рассчитывал на гонорар за эту работу, прикидывая расходы на поездку в деревню этим летом. Я только что арендовал домик в Сен-Шероне, в департаменте Сен-э-Уаз, где мы уже проводили лето два года тому назад, поскольку эти места нам очень по душе.

Не могли бы Вы, как только будет принято решение об отсрочке издания, позаботиться об отправке мне, например, 200 франков, что было бы крайне любезно с Вашей стороны: этим деньгам нашлось бы применение при внесении арендной платы.

В настоящее время я работаю над своим поэтическим томом «Образы мира». Я знаю, что при трактовке этой доисторической темы необходимо писать медленно, чтобы постоянно сохранять в мыслях научный фон, оставляя при этом свободу за интуицией и воображением. Несмотря на это, я рассчитываю продвинуться в этой работе в течение лета[7].

А Вы над чем сейчас работаете?

Жду в скором будущем новостей от Вас. Еще раз благодарю за все дружеское, что всегда содержится в Ваших письмах.

Передайте г-же Брюсовой, что мы ее помним, и скажите, что в Вашем письме почти говорилось о Вашей новой поездке в Париж! Г-жа Гиль также не забывает Вас. Искренне Ваш

Рене Гиль

Остался ли в силе Ваш план переехать в Петербург, как Вы мне писали? В каком состоянии пребывает сейчас литературное движение?

---

[1] Существует свидетельство о том, что Брюсов остался крайне недоволен той ролью, которую ему пришлось играть в описываемых событиях, и в особенности шумихой, устроенной газетами по поводу его избрания почетным членом межпарламентской группы мира: «...избран я был в это звание не как поэт, — возражал он в письме к А. Измайлову от 31 марта 1910 г., — а как председатель московского Литературно-художественного кружка, который угощал парламентариев... Весь этот эпизод скорее комический, чем почетный для меня, и лучше об нем позабыть поскорее...» (Цит. по: *В. Я. Брюсов.* Письма к А. А. Измайлову / Публикация Э. С. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 239).

[2] Речь идет о фовизме, авангардистском течении во французской живописи. Ироническое прозвище «les fauves» («дикие звери») было дано группе живописцев, выступивших

в Осеннем салоне 1905 г. В эту группу, испытавшую влияние Ван Гога, Гогена и, особенно, Гюстава Моро, входили А. Матисс, А. Марке, Ж. Руо, М. де Вламинк, А. Дерен, Р. Дюфи, Ж. Брак, К. ван Донген и др.

За несколько месяцев до упомянутой Гилем выставки представители фовизма приняли участие в седьмой выставке Осеннего салона, описанной в русской прессе в заметке В. Моларда «Салон эклектизма» (Аполлон. 1910. № 4, январь). В ней, в частности, говорилось: «Группа “Диких” казалось бы, самая важная в Салоне, так как именно она придает ему его специфический боевой характер, являет нам зрелище полнейшей анархии. Здесь мы тщетно стали бы искать дисциплины, или взаимного восхищения: из духа соревнования, каждый как будто заботится не столько о развитии собственного творческого “я”, сколько о том, чтобы перещеголять соседа по части разных излишеств и преувеличений. Инициаторы этого движения давно уже идут в хвосте его, опереженные своими рьяными последователями “plus royalistes que le roi”, и подделывателями шутки ради, не говоря уже о том, что они совершенно тонут в наплыве иностранных подражателей, без всякого злого умысла содействующих тому, чтобы наскучить публике. А публика уже перестала и дивиться крайностям, ставшим банальными и явно доступными самым мелким дарованиям. Сам знаменитый Анри Матисс вынужден отступить перед этим нашествием неистовых подражателей, и такие “гурманы” с наслаждением смакуют нежность серых тонов в “Букете цветов”, выставленном им в этом году. В этой группе, где искренность редка, нельзя обойти молчанием ни Ван-Донжена, который, при всем его стремлении прослыть “ультра диким”, остается прелестным колористом, ни Ле Факонье, классического рисовальщика, тратящего свое искусство и талант на баловство, которое все равно недолговечно» (С. 26—27). В целом, подобно Гилю, заметка порицала произведения, выставленные в Салоне, за «картину эстетического эклектизма, проповедуемого основателями Осеннего Салона — эклектизма, поистине, сбивающего с толку посетителя» (С. 28).

[3] См. примечание 1 к письму № 72.

[4] Упоминаемое письмо редактора «Аполлона» С. К. Маковского нам неизвестно. Как указывалось выше, первый из двух специальных номеров журнала, посвященных французской литературе и искусству, вышел в марте 1910 г.

[5] См. примечание 2 к письму № 72. Отдельной книги, посвященной французскому романтизму, Брюсов не публиковал.

[6] В № 2 журнала «Русская мысль» за 1910 г. был опубликован очерк З. Гиппиус «Свой. Валерий Брюсов, человек-поэт», подписанный псевдонимом Антон Крайний.

[7] О выходе книги, как указывалось ранее, см. примечание 19 к письму № 49.

74. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 24 Mars 1910

Bien cher ami,

Vous avez dû recevoir ma dernière lettre, — et je vous écris aujourd'hui après avoir reçu la visite de MM. Marius et Ary Leblond, les deux écrivains de valeur, lauréats récents du prix Goncourt, — et à qui j'ai demandé l'Etude sur la Peinture française pour le No. Français d'*Apollon*[1].

Je leur ai promis de vous soumettre leur souhait.

Ils vont vers le 10 Avril à Cracovie et Varsovie où ils ont des relations, appelés pour quelques conférences, — qui leur sont payées par des Cercles littéraires où ils parleront.

Ils ont pensé aller aussi à Pétersbourg et Moscou, et sont venus m'en parler. —

Pour Pétersbourg, j'écris à M. Serge Makovsky[2].

Pour Moscou, naturellement, c'est à vous que je m'adresse, vous priant d'excuser la liberté que je prends...

Ils voudraient, pour couvrir leurs frais, que quelque Cercle littéraire, un ou deux, leur assurât une somme raisonnable, ainsi qu'il leur est fait à Varsovie et Cracovie.

Ou que les Cercles qui leur prêteraient leur salle, et leur patronage officiel, leur permettent d'encaisser les entrées des auditeurs à leurs conférences?

Les sujets de ces Conférences sont *La Littérature Française (surtout prose) depuis 1870* et *La Femme dans la Littérature française*, sujets fort intéressants et nouveaux, certainement.

(Je les ai mis au courant de ce que vous et moi-même, à la *Balance*, avons fait sur la Littérature française, afin qu'il y ait harmonie, et pas double emploi.)

Ils arriveraient à *Moscou vers le 1er Mai.*

J'ai pensé qu'il y aurait peut-être possibilité du dessein des Leblond à la *Libre Esthétique* dont vous êtes le président[3], et à la Maison du Lied, chez M. d'Alheim?[4] Ou ailleurs?

Vous seul pouvez en juger, et je sais que vous ferez pour le mieux, s'il y a vraiment quelque chose à faire.

Voulez-vous me faire l'amitié d'y réfléchir, de vous informer, et de me répondre d'ici *sept ou huit jours*. Car les Leblond quitteront Paris *le 10 Avril* (de notre calendrier).

Je leur ai dit qu'ils vous trouveront absolument bienveillant à leur projet, et que votre aide leur sera certainement acquise, s'il est possible.

Encore merci, mon cher ami!

J'attendrai votre réponse. Et la poignée de main affectueuse et reconnaissante de vôtre,

René Ghil

Mme Ghil remercie infiniment Madame Brussov de sa jolie carte, et des paroles plus jolies et aimables encore, qu'elle porte[5].

74. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 24 марта 1910 г.

Дорогой друг!

Вы, должно быть, уже получили мое последнее письмо. Пишу Вам сегодня сразу после визита братьев Мариуса и Ари Леблонов, замечательных писателей,

недавних лауреатов Гонкуровской премии. Это они по моей просьбе написали статью о французской живописи во французский номер «Аполлона»[1].

Я пообещал им передать Вам их пожелание.

Десятого апреля они едут в Краков и Варшаву, где у них налажены отношения и куда их приглашают для прочтения нескольких лекций. Оплата выступлений будет производиться за счет литературных кружков, в которых они выступят.

Они хотели бы поехать в Петербург и Москву и пришли ко мне об этом поговорить.

Относительно Петербурга я написал г-ну Сержу Маковскому[2].

Относительно Москвы я, естественно, обращаюсь к Вам с просьбой простить меня за эту вольность...

Для того, чтобы покрыть расходы, они хотели бы, чтобы какие-нибудь литературные кружки, один или два, обеспечили им разумную сумму гонораров, как это сделали устроители в Варшаве и Кракове.

Либо чтобы кружки предоставили им свои залы и официальное покровительство, позволив собрать плату с публики, которая придет на лекции.

Темы их выступлений следующие: «Французская литература (главным образом проза) начиная с 1870 года» и «Женщина во французской литературе». Темы чрезвычайно интересные и, безусловно, новые.

(Я ввел их в курс того, что мы с Вами сделали в «Весах» в плане освещения французской литературы, с тем, чтобы их выступления гармонировали с нашими публикациями, а не дублировали их.)

Они прибывают *в Москву к 1 мая*.

Я подумал, что замысел Леблонов можно было бы осуществить в Обществе свободной эстетики, в котором вы председательствуете[3], и в Доме песни у г-на д'Альгейма[4]. Или в каком-нибудь другом месте?

Вам одному решать, что́ лучше, и я знаю, что Вы предпримете все необходимые шаги, чтобы все вышло наиболее приемлемым образом, если действительно потребуется что-либо предпринимать.

Не могли бы Вы из дружеского отношения ко мне подумать над этим, справиться о возможностях и сообщить мне результат *дней через семь-восемь*, так как Леблоны уезжают из Парижа *10 апреля* (по нашему календарю).

Я сказал им, что они найдут у Вас безусловную поддержку своему проекту и Ваша помощь будет им, несомненно, обеспечена, если такая возможность представится.

Еще раз спасибо, дорогой друг!

Буду ждать Вашего ответа. Тепло, с благодарностью жму Вашу руку,

Рене Гиль

Г-жа Гиль бесконечно благодарит г-жу Брюсову за ее чудесную открытку и за еще более чудесные, любезные слова, написанные на ней[5].

[1] Статья Леблонов «Живопись, скульптура и декоративное искусство», напечатанная в № 7 «Аполлона» за апрель 1910 г. (перевод В. А. Чудовского), представляла собой конспективное изложение истории французской живописи от импрессионистов до живописцев начала XX века. Изобилуя именами, она представляла собой номенклатуру художников с краткими характеристиками их манеры. О братьях Леблон см. прим. 7 к письму № 70.

[2] Письмо Гиля к С. К. Маковскому, видимо, не сохранилось.

[3] См. примечание 3 к письму № 43.

[4] См. примечание 3 к письму № 70.

[5] Открытка, о которой пишет Гиль, нам неизвестна.

75. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Moscou, le 17/30 mars 1910

Bien cher ami,

En premier lieu, je vous remercie de vos deux lettres avec des nouvelles excellentes que vous me donnez sur vous et sur vos travaux. Avec le plus grand intérêt, j'attends le No. français d'*Apollon* et je suis sûr que ce sera un vrai événement dans notre littérature périodique. Je me réjouis que M. Makovsky (qui, vraiment, est malade, car hélas! — il est poitrinaire) a eu cette idée magnifique de vous confier cette oeuvre[1].

Je passe au cas Marius-Ary Leblond. La chose la moins favorable pour eux [est] qu'ils viennent à Moscou si tard. 1er Mai, c'est-à-dire le 18 avril de notre calendrier, est justement le premier jour de Pâques... Pendant la semaine, il est presque impossible d'organiser une conférence sérieuse. Encore que la plupart du «monde» habituellement s'en va pour quinze jours en Crimée (c'est l'habitude de la haute bourgeoisie de Moscou de rencontrer le printemps au bord du Pont-Euxin, où le climat n'est pas moins doux qu'à Nice). Ainsi il faudrait remettre la conférence de MM. Leblond à la semaine suivante. C'est déjà la fin de la saison, qui ne revit que dans la seconde moitié du mois de Mai (ancien style). Quand nous avons à Moscou notre *Grand Prix* — le *Derby de la Russie*[2].

D'autre part — les deux organisations dont vous me parlez — la *Libre Esthétique* et la *Maison du Lied* — sont trop pauvres pour proposer une somme considérable aux conférenciers. Il reste le *Cercle Artistique et Littéraire* de Moscou, où je suis Président. C'est une Association vraiment riche, car elle possède un capital à peu près de 300'000 frs. (c'est là que nous avons fêté vos parlementaires[3]).

Ayant reçu votre lettre, je me suis empressé de faire connaître vos propositions à la direction du Cercle, malheureusement j'ai rencontré une assez sérieuse opposition de la part de plusieurs membres de la Direction, qui me faisaient plusieurs objections...

A la fin, cependant, le Cercle propose aux conférenciers 300 frs à chacun, c'est-à-dire 600 frs pour leur conférence. C'est une somme qui suffira pour venir de Pétersbourg à Moscou, mais qui ne donnera pas la possibilité de faire le voyage de Varsovie. Voilà ce que j'ai pu obtenir.

Il m'est nécessaire d'avoir leur réponse le plus tôt possible, ainsi que le programme de leur conférence, pour pouvoir faire imprimer les annonces et les lettres circulaires pour les membres du Cercle.

C'est un peu triste que je n'aie rien pu faire de plus pour vos protégés, cher ami, mais il est partout difficile à trouver des «honoraires raisonnables»! Je dois ajouter qu'à Moscou nous avons encore une autre organisation, *l'Alliance Française,* qui fait souvent des conférences en langue française. Peut-être MM. Leblond seront invités, par cette société, [à] redire leur conférence, — mais moi, je n'ai pas de relations avec cette *Alliance*[4].

Remettez, cher Ami, mes hommages et mes compliments à Madame René Ghil et croyez-moi, comme toujours, tout à vous

Valère Brussov

75. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 17/30 марта 1910 г.

Дорогой друг!

Прежде всего благодарю Вас за два письма, в которых Вы мне сообщаете прекрасные новости о Вас и Вашей работе. Я с огромным интересом жду появления французского номера «Аполлона» и уверен, что это будет подлинное событие для нашей периодической печати. Я рад тому, что Маковскому (который действительно болен — у него, увы, хроническая пневмония) пришла в голову прекрасная мысль поручить Вам этот проект[1].

Теперь перехожу к поездке Мариуса и Ари Леблонов. Наименее благоприятной стороной этого дела является то, что они приезжают в Москву так поздно. На 1 мая, иначе говоря, на 18 апреля по нашему календарю, как раз приходится первый день Пасхи... В течение этой недели почти невозможно организовать серьезную лекцию. Бóльшая часть «публики» к тому же обычно уезжает на 15 дней в Крым (у крупной московской буржуазии существует обычай встречать весну на берегу Понта Эвксинского, где климат не менее мягкий, чем в Ницце). Выступление братьев Леблон, лучше было бы, таким образом, отложить на следующую неделю. А это уже конец сезона, возобновляющегося только во второй половине мая (по старому стилю), когда в Москве проводится наш «Большой приз» — «Российское дерби»[2].

С другой стороны, обе организации, о которых Вы пишете — «Общество Свободной эстетики» и «Дом песни», — слишком бедны, чтобы предложить выступающим значительную сумму. Остается московский «Литературно-художественный кружок», где я председательствую. Это действительно богатая ассоциация, обладающая капиталом в приблизительно 300 тысяч франков (именно там мы чествовали ваших парламентариев[3]).

По получении Вашего письма я поспешил изложить Ваши предложения на дирекции кружка. К сожалению, я встретил серьезную оппозицию со стороны нескольких членов дирекции, ответивших на мое предложение целым рядом возражений...

Тем не менее, кружок решил в конце концов предложить каждому из выступающих 300 франков, то есть 600 франков за выступление. Этой суммы хватит на дорогу из Петербурга в Москву, но не достаточно, чтобы совершить путешествие из Варшавы. Вот чего я сумел добиться.

Мне необходимо получить как можно скорее их ответ, а также программу лекции, чтобы успеть напечатать афиши и циркулярные письма членам кружка.

Дорогой друг, мне немного грустно, что я не смог ничего сделать для Ваших протеже, но найти «разумные гонорары» трудно повсюду! Должен добавить, что в Москве есть другая организация, «Французский альянс», которая часто проводит выступления на французском языке. Быть может, г-да Леблоны будут приглашены для повторной лекции этим обществом. Что же до меня, то я с «Французским альянсом» отношений не поддерживаю[4].

Передайте, дорогой друг, мое почтение и привет г-же Гиль и, как всегда, примите заверения в моей преданности, весь Ваш

Валерий Брюсов

---

[1] См. письмо № 71.

[2] Так называемый приз «всероссийского Дерби» разыгрывался в Москве ежегодно, начиная с 1886 г., в сезон летних скачек.

[3] См. примечание 6 к письму № 72.

[4] Общество «Французский альянс» («Alliance française»), организованное в 1883—1884 гг., открыло свое представительство в Москве в 1904 г. В 1906 г. его московское отделение насчитывало 528 членов, а в 1908 г. — 1200. Существовали также отделения в Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе, Вильне, Владикавказе. Общество проводило литературные вечера, лекции, праздники. В 1909 г. общество участвовало в подготовке торжеств в связи со столетием со дня рождения Н. Гоголя; в 1910 г. — организовало празднование юбилея Альфреда де Мюссе. В архиве Брюсова сохранились письма к нему членов московского отделения «Французского альянса» Фредерика Педнона (F. Pedenon) и Муго (H. Mougault). «В их письмах — запросы о переводах Бодлера, приглашение Брюсова на конференцию о творчестве Жана Ришпэна и предложения своих переводов для “Русской мысли”» (*Коншина Е. Н.* Переписка и документы В. Я. Брюсова в его архиве // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Выпуск 27. М., 1965. С. 23—24). Вопрос о контактах Брюсова с «Французским альянсом» требует специального изучения.

76. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

3 avril 1910, Moscou

Voici une petite affaire, cher ami. L'Almanach, dont nous avons parlé, est définitivement remis à l'automne[1]. Mais une nouvelle librairie de Moscou, le *Lad*, vous pro-

pose de publier votre article sur les *Précurseurs de la Poésie Scientifique* en une brochure séparée[2]. Y consentirez-vous? La librairie pourra vous donner les mêmes honoraires que vous auriez reçu de la rédaction de l'*Almanach* et vous assure que l'édition (le papier, la couverture etc.) sera digne de vous. — Le *Lad* est dirigé par quelques-uns de mes amis, qui veulent publier une série de petites brochures à prix réduit concernant l'histoire et les théories de l'art et de la littérature...

Vous avez dû recevoir le No. 3 de la *Pensée Russe*. Vous y trouverez trois poèmes et deux comptes-rendus signés par moi, ainsi qu'un grand article sur mon roman l'*Ange Igné*[3]. Vous voyez bien que j'ai toutes les raisons de rester et de traînailler dans cette revue. — La nouvelle charge de moi, jointe à cette lettre, est tirée d'une feuille satirique. On me fait — hélas! — très laid, mais on s'intéresse de moi, et c'est déjà quelque chose. Notre premier souci doit être de nous faire écouter: c'est à nos idées d'agir après![4]

Je vous prie bien de remettre mes compliments à Madame René Ghil.

Croyez-moi, comme toujours, tout à vous

Valère Brussov

76. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Москва, 3 апреля 1910 г.

Вот [письмо] относительно небольшого дела, дорогой друг. Альманах, о котором мы с Вами говорили, окончательно отложен на осень[1]. Но новое московское издательство «Лад» предлагает издать Вашу статью о «Предтечах научной поэзии» отдельной брошюрой[2]. Согласны ли Вы на это? Издательство сможет дать Вам тот же гонорар, какой Вы получили бы в редакции «Альманаха», и оно уверяет Вас, что издание (бумага, [обложка] и так дальше) будет достойно Вас.

«Лад» издается кое-кем из моих друзей, которым захотелось издать целую серию небольших брошюр, по низкой цене, касающихся [истории] и теорий в искусстве и литературе...

Вы, вероятно, получили 3-й номер «Русской мысли». Вы там найдете три стихотворения и две рецензии, подписанные мною, а также большую статью, разбирающую мой роман «Огненный ангел»[3]. Вам должно быть понятно, почему я остаюсь и работаю в этом журнале. Приложенная к этому письму новая карикатура на меня взята из сатирического листка. Меня, увы, сделали очень безобразным, но мною интересуются, а это уже кое-что. Наша первая забота — заставить себя слушать: нашим идеям предстоит действовать после![4]

Прошу передать от меня мой привет [г-же] Рене Гиль

Остаюсь, как всегда, Ваш

Валерий Брюсов

[1] См. примечание 8 к письму № 69.

[2] Никаких документальных свидетельств существования издательства под названием «Лад» нам отыскать не удалось. Учитывая тот факт, что выпуск брошюры Гиля впоследствии анонсировался исключительно в издательстве «Альциона» (см. примечание 1 к письму № 98 и примечание 2 к письму № 100), нам остается предположить, что речь идет именно об этом издательстве. «Альциона» — издательство, основанное в Москве в 1910 г. Владельцем издательства был Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942). Существовало до 1923 г. Выпускало книги с интересным художественным оформлением и в прекрасном полиграфическом исполнении.

[3] В № 3 «Русской мысли» за 1910 г. появились 4 стихотворения Брюсова: «Ночные стихи», «Сон», «Бессонница» и «Кошмар». В «Библиографическом отделе» Брюсов опубликовал рецензию на 1-й том «Собрания сочинений» (1910) Ф. Сологуба. В том же номере была напечатана рецензия Л. Гуревич «Заметки о современной литературе. Дальнозоркие», посвященная роману Брюсова «Огненный ангел» и первой книге рассказов М. Кузмина.

[4] Судя по описанию, речь здесь идет о шарже, аналогичном рисунку Андрея Белого с подписью «Телефонная идиллия великого человека» (воспроизведено в: ЛН 1991. С. 357). Отыскать опубликованный шарж подобного вида нам не удалось.

77. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 8 Avril 1910

Bien cher Ami,

Cette lettre doit être encore une suite de remerciements à votre fervente amitié! D'abord, merci de vous être si activement intéressé à la demande des Leblond. Ils vous ont répondu tout de suite par l'acceptation des offres très belles que leur fit, grâce à vous, le Cercle Littéraire dont vous êtes le président. Ils sont enchantés de votre accueil si bienveillant... Je crois qu'ils donneront une Conférence intéressante, de vue d'ensemble sur la Littérature française, avec d'ingénieux aperçus. Ils devront, je crois, parler tous deux, afin de doubler l'intérêt. Encore, merci![1]

Et, cher ami, vous songez, si amicalement, si entièrement, pour moi-même, que j'en suis confus! Certes, j'accepte avec le plus grand plaisir la proposition que vous me faites de remettre, à la Librairie *Lad*, l'Etude sur les *Précurseurs scientifiques*. Ce m'est une joie de paraître à Moscou, en votre langue, en un petit volume! Vous trouverez ici mon acceptation officielle pour la Librairie, sous forme de traité lui donnant propriété du Manuscrit, aux conditions d'honoraires dites[2].

Et, aussi, vous trouverez une page à ajouter en tête du livre. Car je vous prie de me permettre de saisir cette occasion de vous dire publiquement mon admiration et mon amitié, — en souffrant que je vous dédie ce petit ouvrage, certes indigne de vous, mais, dis-je, l'occasion se présentant ainsi, je veux la saisir. J'espère que vous me donnerez cette permission[3].

Et je veux encore demander de votre amitié, de prendre soin du petit volume, et d'agir comme pour vous-même. La traduction est de vous, n'est-ce pas? Donc, je suis

tranquille à ce propos. Je vous demanderai de corriger les épreuves vous-même, si ce n'est abuser de vous?

Je vous demande de vous charger de recevoir et m'envoyer les honoraires, que je demande à la remise du Manuscrit, — vous savez pourquoi....

Maintenant, pour l'*Almanach*, si vous me faites l'honneur de me redemander une autre Etude, je suis dès maintenant à votre disposition, — et, en ce cas, je vous serais très reconnaissant de me donner vous-même, comme vous fîtes, un sujet qui vous semblerait particulièrement intéressant à traiter pour les Lecteurs. Je m'en remets à vous, entièrement[4].

Oui, je remarquai avec joie vos poèmes en tête de la *Pensée Russe*, vos études, et l'Etude sur l'*Ange igné*, — c'est-à-dire le No. tenu littérairement par votre personne[5]. C'est là une chose très caractéristique de votre action incessante et sûre.

La caricature nous a amusés, — certes pas belle! et le mieux en elle est cependant ce vol noir de vos sourcils, réfléchi, qui est si caractéristique de votre physionomie. J'aime beaucoup, comme *Formule*, votre phrase à ce sujet: «Notre premier souci doit être de nous faire écouter: c'est à nos idées d'agir après.» — c'est là Formule parfaite de votre art et de votre attitude, elle se généralise pour nous tous: travailler pour nos idées, pour elles qui agiront, et notre «moi» effacé sous elles...

Et, encore, tous mes remerciements, bien heureux, — avec mes hommages à Madame Brussov à qui Mme Ghil envoie ses amitiés, en se rappelant à votre souvenir. Vôtre

René Ghil

77. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 8 апреля 1910 г.

Дорогой друг!

В этом письме я считаю своим долгом прибавить к прежним заверениям в признательности новую благодарность за Вашу пламенную дружбу. Во-первых, спасибо за то, что Вы столь действенно и заинтересованно ответили на просьбу Леблонов. Они тотчас же подтвердили Вам свое согласие с великолепными предложениями, которые Литературный кружок сделал им благодаря Вам, председателю кружка. Они в восторге от оказанного им радушного приема... Я уверен, что они прочтут интересную лекцию, осветив французскую литературу в ее совокупности, изобретательно и под особым углом зрения. Они будут, как мне кажется, выступать вдвоем, дабы удвоить интерес. Еще раз спасибо![1]

И, дорогой друг, Вы так по-товарищески, от всей души заботитесь обо мне, что я этим сконфужен! Я, разумеется, принимаю с огромным удовольствием сделанное Вами предложение передать этюд о «Предтечах научной поэзии» в издательство «Лад». Опубликоваться в Москве, на вашем языке, в виде маленького томика — для меня радость! В качестве приложения к моему письму Вы найдете

официальное согласие в виде контракта, предоставляющего издательству право собственности на рукопись на указанных гонорарных условиях[2].

Вы также найдете в моем письме страницу, которую надо будет добавить в качестве фронтисписа к книге, ибо я прошу у Вас разрешения воспользоваться случаем, чтобы публично высказать Вам свое восхищение и свои дружеские чувства, посвятив Вам это небольшое произведение, которое, безусловно, недостойно Вас, но раз уж представляется такая возможность, я, повторяю, не хочу ее терять. Я надеюсь, что Вы мне дадите на это свое согласие[3].

Я хочу попросить Вас еще об одной дружеской услуге — проявите, пожалуйста, заботу о моем маленьком томике, действуя так, как если бы речь шла о Вашей книге. Перевод будет принадлежать Вам, не так ли? Значит, на этот счет я могу быть спокоен. Если я не злоупотребляю Вашей добротой, я попрошу Вас лично исправить корректуру.

Я прошу Вас взять на себя получение и отправку гонораров, которые я требую после передачи рукописи, — Вы знаете, по какой причине...

Что же касается «Альманаха», то я остаюсь в Вашем распоряжении, если Вы окажете мне честь, заказав другую статью. В этом случае я был бы Вам благодарен, если бы Вы, как и раньше, назвали мне тему, рассмотрение которой представляло бы особенный интерес для читателей. Я полностью полагаюсь в этом на Вас[4].

Конечно же, я с радостью обратил внимание на Ваши стихотворения, открывающие книжку «Русской мысли», на Ваши статьи, на статью об «Огненном ангеле». Я сказал бы, что весь номер буквально держится на Вас[5]. Это очень характерная черта Вашей непрекращающейся, настойчивой деятельности.

Карикатура нас позабавила. Она некрасива, это точно! И тем не менее, лучшее в ней — это задумчивый взлет Ваших черных бровей, столь свойственный выражению Вашего лица. Мне очень понравилась формулировка мысли, высказанной Вами по этому поводу: «Наша первая забота — заставить себя слушать: нашим идеям предстоит действовать после!» Эта формулировка — безупречное определение Вашего искусства и Вашей позиции, относящейся в обобщенном виде ко всем нам: работать ради наших идей, ради идей, которые будут действовать сами, заслоняя наше «я»...

Еще раз примите мою счастливую благодарность вместе со свидетельством почтения г-же Брюсовой, которой г-жа Гиль передает дружеский привет с просьбой не забывать о ней. Ваш

Рене Гиль

---

[1] Не ограничиваясь посредничеством Гиля, братья Леблоны вступили по его рекомендации в переписку с Брюсовым, в архиве которого сохранилось несколько их писем и почтовых карточек, полученных на протяжении 1910—1911 гг. В первом (недатированном) письме, отправленном еще из Парижа, в частности, говорилось:

«Уважаемый господин и мэтр!

Наш друг г-н Рене Гиль сообщил нам содержание Вашего ответа. Прежде всего мы хотим поблагодарить Вас за интерес, проявленный к нашей поездке. Симпатия со стороны столь крупного поэта, как Вы, трогает нас бесконечно.

Мы принимаем выдвинутые Вами условия и предоставляем Вам право первоочередности, ибо парижское отделение Французского альянса обратилось к московскому отделению общества с настойчивой просьбой подготовить еще одну конференцию. Принимая во внимание сказанное Вами относительно Пасхи, мы решили приехать в Москву раньше, чем намечали. Мы поедем на скором поезде и отбудем из Петербурга 29 [апреля], а если необходимо, то и 28, чтобы приехать в Москву 30 (или 29) утром. Мы, таким образом, могли бы прочитать лекцию для вас *30 вечером (29, если Вы дорожите именно этой датой)*, хотя мы предпочли бы 30, если это не нарушает Ваших планов).

Если Вы считаете 29 слишком поздней датой — датой, слишком близкой к Пасхе, и конференцию совершенно необходимо отложить на послепасхальный период, на 7 или 8 [мая], то мы сочли бы крайней любезностью с Вашей стороны, если бы Вы написали нам об этом, и тогда мы бы договорились заново. Если же, напротив, 29 или 30 число Вас устраивают, то считайте, что мы условились, и Вы можете приступать к любым приготовлениям и давать любые объявления, какие сочтете нужными: мы Вас не подведем, поскольку всегда принимаем меры предосторожности, чтобы не нарушать своего слова»

[«Monsieur et cher maître,

Notre ami monsieur René Ghil nous communique la teneur de votre réponse. Nous vous remercions tout d'abord de l'intérêt que vous avez bien voulu prendre à notre voyage; une sympathie venant d'un grand poète comme vous nous touche infiniment.

Nous acceptons les conditions que vous avez bien voulu ménager et nous vous réservons la priorité, l'Alliance Française de Paris ayant écrit avec insistance à celle de Moscou pour préparer une autre conférence. Etant donné ce que vous écrivez pour Pâques, nous avancerons notre arrivée à Moscou. Le train étant rapide, nous quitterons Pétersbourg le 29 au soir et même plutôt <si> nécessaire le 28 <avril> à arriver à Moscou le 30 (ou 29) au matin. Nous pourrions donc faire la conférence pour vous le 30 au soir (29 si vous y tenez absolument) mais nous préférerions le 30 si cela ne vous gêne pas trop).

Si le 29 vous paraissait encore trop <prêt de Pâques> tard et il fallait absolument renvoyer <à après Pâques> au 7 ou 8 <mai> vous seriez infiniment aimable de nous récrire pour que nous nous concertions à nouveau. Si au contraire le 29 ou 30 vous convient, considérez que c'est entendu et faites toutes les préparations et annonces que vous voudriez: nous ne manquerons pas, prenant toujours les précautions pour ne pas manquer à notre parole» (РГБ. Ф. 386, карт. 91. Ед. хр. 54)].

Лекции братьев Леблон освещались русской прессой, обратившей внимание на это событие еще до их приезда. Так, газета «Утро России» от 10 апреля 1910 г. сообщала о том, что «по инициативе В. Я. Брюсова 25 апреля в литературно-художественном кружке выступят с лекцией на французском языке два писателя, братья Мариус и Ари Леблон. Лекция озаглавлена "Эволюция французской литературы с 1870 по 1910 год", и посвящена рассмотрению главнейших направлений и школ в новой французской литературе: натурализма, символизма, романа исторического, философского, иронического, школы Бурже, Барреса, бр. Рони и проч. Мариус-Ари Леблон, между прочим, являются инициаторами постановки памятника Мицкевичу в Париже, как бывшему лектору славянских литератур в Collège de France, и организаторами франко-польского литературно-артистического комитета. В настоящее время братья Мариус-Ари Леблон читают свои лекции в Варшаве, а затем выступают в Киеве» (№. 119. С. 4).

24 апреля писатели выступили в зале Исторического музея с докладом «Французская женщина в романе», а 11 мая прочли доклад о современном французском романе в Московском литературно-художественном кружке (Московский литературно-художественный кружок. Отчет 1910—1911 г. М., 1911. С. 20). Как и предсказывал Брюсов, лекция не собрала публики. Сбор за билеты составил в этот день 29 рублей против 527 рублей за вечер памяти Чехова, 468 — за вечер старинного водевиля или 431 — за вечер старинной оперы (С. 34).

В архиве Брюсова сохранилась программа лекции «Эволюция французской литературы с 1870 по 1910 год», прочитанной 26 апреля 1910 г. Текст программы представлял собой переложение отрывка из процитированного выше письма:

«1. Натурализм; определяющие его причины, его теории, его отношение к медицине (с новой точки зрения). Э. Золя, Ж.-К. Гюисманс, О. Мирбо и др. Видоизменения натурализма у современных писателей-натуралистов. Потеря пути французским натурализмом под влиянием Достоевского.

2. Отказ от натурализма в группе бр. Рони; литература, вдохновляемая истинной наукой (не столько медициной, сколько естествознанием и биологией). Чудесное на основах науки. Чувствительность на основах науки.

3. Школа П. Бурже и эволюция этого писателя. Влияние на литературу философии и психофизиологии. Реакция против натурализма и развитие спиритуализма в литературе; П. Бурже, П. Эрвье, М. Прево, Р. Базен и др. Обращение к морализму таких писателей, как М. Доннэ, Бр. Маргерит, их путь развития от психологического романа к роману социальному и национальному.

4. От Бурже до Барреса: роман патриотической морали.

5. Символическая школа. Ее исходная точка — учение о “искусстве для искусства”. Ее переход, в романах П. Адана, к национальному роману.

6. Другие школы. Исторический роман: П. Бурже, А. де-Ренье, П. Адан и др. Философский роман: А. Франс, А. Жид. Иронический роман: гр. Вилье де-Лиль Адан, Ж. Ренар, Ж. А. Но, Фр. де-Миомандр, Женио и др. Лирический роман: Ф. Жамм, гр. М. де-Ноайль и др. Экзотический роман: П. Лоти, Р. Рандо и др.

Начало чтения в 9 час. вечера» (РГБ. Ф. 386, карт. 1. Ед. хр. 13).

«Таков — скелет, сухой, костистый, педантичный, — говорилось далее в письме Леблонов. — Мы будем избегать перечислений и делать отступления, чтобы позволить публике расслабиться. Мы считаем, что публика всегда чувствительна и обращаться с ней надо, как с аудиторией парижских предместий — в высшей степени деликатно; надо стараться говорить живо, точно, с блеском, но так, чтобы этого никто не заметил. Что касается Французского альянса, то мы с удовольствием обсудим там тему “Женщина в современном французском романе”, рассматривая при этом только пять-шесть типов. В любом случае исключительно в информативных целях» [«Ceci étant le squelette, sec, osseux, pédantesque. Nous éviterons l’énumération et ferons des digressions pour détendre le public. Nous pensons que le public est toujours un peu susceptible et doit être traité en public parisien du faubourg avec la plus grande délicatesse; il faut essayer d’être vif, brillant, précis sans le faire ressentir. Pour l’Alliance Française nous traiterions volontiers *La femme dans le roman contemporain* mais alors en ne prenant que cinq ou six types. Ceci comme simple renseignement à toute occurrence» (РГБ. Ф. 386, карт. 91. Ед. хр. 54)].

После отъезда из Москвы братья Леблоны продолжали переписываться с Брюсовым, посылая ему открытки из Варшавы, Киева и Парижа. В знак благодарности за теплый прием они в дальнейшем дарили ему свои книги, приглашали посетить Париж, предлагали опубликовать переводы его стихотворений и написать о нем статью. Брюсов, в свою очередь, отвечал им в Париж и Бретань, но письма его, вероятно, утеряны.

[2] Договор, упоминаемый Гилем, нам неизвестен.

[3] Страница с посвящением Брюсову, упоминаемая в письме Гиля, вероятно, не сохранилась. Во французском издании книги Гиля «Традиция научной поэзии» (La Tradition de poésie scientifique. Paris, 1920) имя Брюсова не упомянуто.

[4] Насколько нам известно, ни одно критическое выступление Гиля в русские альманахи этого периода включено не было.

[5] См. примечание 3 к предыдущему письму (№ 76).

78. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 20 Juin 1910

Bien cher Ami,

Je suis tout confus, et en colère contre moi-même, de ne vous avoir écrit. Je vous remercie infiniment de votre lettre tout inquiète, nous en sommes très touchés[1].

J'ai remis à vous écrire presque de jour en jour depuis un mois, — et c'est en parlant de vous, Mme Ghil et moi, car vous savez combien je vous suis reconnaissant de toute votre amitié, si dévouée à me causer un plaisir nouveau. Or, voici: L'un après l'autre, mon père et ma mère ont été souffrants, des suites de cet hiver qui a été plein d'épreuves pour eux. Ils vont bien maintenant, et partiront sous peu pour la campagne. — Puis, un de nos bons amis, chargé de mission scientifique au Soudan, revenu souffrant, a dû subir une opération dans une maison de santé, et très souvent, plusieurs fois par semaine, j'allais le voir[2]. — Enfin, moi aussi, pendant une dizaine de jours j'ai été fatigué, déprimé, — ce que j'attribue au temps si mauvais, froid en même temps qu'électrique, — chose qui m'est défavorable.

Cependant, tout cela ne m'excuse pas entièrement, et je vous prie de m'accorder votre pardon...

Nous ne sommes pas encore à la campagne, mais bien près: nous partons la semaine prochaine, le 29, pour St. Chéron (Seine-et-Oise), où nous fûmes il y a deux ans. Je serai vraiment heureux de partir de Paris, — le temps se remet, le soleil paraît enfin, — et j'ai un besoin impérieux de marcher par la campagne.

D'ailleurs, je vais y travailler, — achever ou à peu près mon prochain livre de poèmes, que je veux donner au printemps prochain[3]. — J'ai encore à voir, à ce propos, mon éditeur, que j'ai négligé aussi: ce n'est qu'après ce volume de vers que je donnerai le volume de Critique dont je vous ai parlé[4]. A ce propos, avez-vous les 2 derniers Articles, que j'ai publiés à la *Balance*, — du Mouvement à partir de 82? Si oui, voudrez-vous songer à me les envoyer: ils prendront place en ce livre[5].

Ici, c'est la même médiocrité poétique syndicalisée! Aucune personnalité, aucune idée en marche: c'est ce que j'ai brièvement indiqué en mon Article *d'Apollon*[6] (encore que plusieurs pages de ma copie aient été supprimées, ce qui a causé une imprécision à un endroit, qui m'a été désagréable. Enfin, le principal a été dit[7].) — Je n'ai pas lu le volume de Zweig[8], mais on m'en a parlé, et j'en ai lu une Etude à la *Phalange*, de M. Royère, qui, malgré les contrariétés qu'il m'avait causées autrefois et dont je lui tiens rigueur, a, à ce propos, rappelé loyalement mon nom et mon *Oeuvre*. Car, à un moment, ce critique allemand, peu documenté, a l'air de dire que Verhaeren serait le créateur des tendances poétiques scientifiques qui se rencontrent en son oeuvre. Or, Royère, répondant selon la protestation générale à ce sujet, a rappelé que Verhaeren tient cela de l'ensemble de ma doctrine, créatrice de cette Poésie. C'est fort bien de sa part, et je l'en ai remercié[9].

L'opinion est généralement contre ce livre, d'une apologie outrée et non documentée, et Verhaeren lui-même en sa loyauté en est ennuyé, m'a-t-on dit, — et ennuyé aussi de ce que ce Critique veut à toute force en faire un esprit Allemand! Ce qui est

stupide. J'ai indiqué, autrefois, à la *Balance*, par quoi, son mysticisme sombre, ardent, puissant, Verhaeren est proprement doué du génie de la race Flamande[10]. — J'aurai grand plaisir à avoir votre Etude, et à m'en faire donner une idée en traduction rapide, car vous le connaissez parfaitement[11].

Je suis heureux de votre travail toujours vaillant, et du grandissement continu de votre nom et de votre influence. Votre participation à l'édition Académique nouvelle de Pouchkine en est une des preuves...[12]

Ce que vous me dites du No. Français *d'Apollon* me fait grand plaisir. J'ai pris les collaborateurs selon leur compétence et leur capacité d'embrasser l'ensemble avec un sens critique averti, — sans idée préconçue, — j'ai été heureux de voir, aux conclusions, un esprit synthétique en ressortir, avec les tendances scientifiques, qui sont, en effet, au fond de la vraie pensée moderne en tous domaines d'art, — malgré qu'on essaie de la masquer ou lui faire obstacle par une vraie entreprise de réaction et d'impuissance malfaisante.

C'est donc avec un double plaisir que je vois ce travail collectif accueilli avec bienveillance dans les hauts milieux de Lettres Russes, et par la Presse. Ici, aussi, dans les Revues, ce No. a porté — et fixé l'attention sur *Apollon*, comme elle était fixée sur la *Balance* et ses sympathies françaises[13].

A *Apollon* je ne puis, malheureusement, parler aussi longuement, et *à fond*, de la Littérature, car la place est plus mesurée. J'y donnerai cependant tout mon effort. Il m'est annoncé que M. Makovsky doit venir cet été à Paris. Comme je ne serai à la campagne qu'à 50 kilomètres de Paris seulement, j'y reviendrai une journée pour le voir, en lui donnant rendez-vous[14].

Nous retenons de votre lettre, toute si bonne, que vous pensez peut-être venir à Londres avec Madame Valère Brussov. C'est-à-dire que nous espérons que vous passerez le détroit et serez aussi à Paris. Quel plaisir ce serait pour nous[15].

De votre précédente lettre[16], merci, avec trop de confusion pour moi, de ce qu'elle dit que vous voudrez, quelque jour, attacher mon nom, en dédicace, à l'un de vos livres. Certes, vous savez que je n'en puis être qu'honoré, heureux, — mais je trouve aussi, sincèrement, que c'est trop... J'ai déjà été trop osé de mettre votre nom, avec mon amitié, sur la première page de ce tout petit livre[17], — mais, tout naturellement, j'y fus poussé par la grande reconnaissance que je vous dois, que je suis toujours empressé à vous témoigner. —

Je vous écrirai maintenant un mot dès les premiers jours de notre installation à St. Chéron, en vous donnant notre adresse, — qui sera jusque fin septembre. D'ici là, si vous aviez à m'écrire, adressez encore à Paris. —

Je vous prie, toutes amitiés à Madame Brussov, de Mme Ghil qui ne l'oubliera pas cet été, avec mes hommages empressés et ma respectueuse sympathie. Elle se rappelle bien amicalement à votre souvenir, et je vous serre la main, mon cher ami, avec toute mon affection admirative. Vôtre,

René Ghil

78. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 20 июня 1910 г.

Дорогой друг!

Я совершенно обескуражен и злюсь сам на себя за то, что не писал Вам. Я бесконечно признателен Вам за взволнованное письмо, которое нас очень тронуло[1].

В течение чуть ли не месяца я откладывал написание Вам письма, при этом постоянно говоря о Вас с г-жой Гиль, так как Вы знаете, в какой степени я благодарен Вам за Вашу дружбу, за преданность, которая вновь стала для меня источником радости. Но вот что вышло: один за другим заболели сначала мой отец, затем мать, не перенеся зиму, ставшую для них подлинным испытанием. Сейчас они выздоровели и в скором времени уедут в деревню. Затем один из наших хороших друзей вернулся больным из Судана, где он возглавлял научную экспедицию, и вынужден был лечь в больницу на операцию. Очень часто, по несколько раз в неделю, я ходил туда его навестить[2]. И, наконец, меня самого в течение дней десяти одолевали усталость, депрессия, которые я отношу на счет погоды, такой плохой, холодной и в то же время наэлектризованной, а это на меня так дурно влияет.

Тем не менее, все это не может ни в какой мере служить мне оправданием, и я прошу у Вас прощения...

Мы все еще не уехали в деревню, но почти готовы к отъезду: мы отбываем на следующей неделе, 29 числа, в Сен-Шерон (департамент Сен-э-Уаз), где мы уже провели лето два года тому назад. Я буду поистине счастлив уехать из Парижа — погода нормализуется, наконец появляется солнце, и я испытываю настоятельную потребность совершать прогулки по полям.

Помимо этого, я хочу там работать — хочу завершить или почти завершить новую книгу стихов, надеясь сдать ее будущей весной[3]. Я еще должен по этому поводу увидеться со своим издателем, которым я тоже пренебрег. Я дам сначала поэтический сборник и лишь потом томик кратких статей, о котором я Вам писал[4]. В связи с этим хотелось бы знать, не лежат ли у Вас две последние статьи, которые я опубликовал в «Весах»? Статьи, посвященные Движению начиная с 82 года? Если они у Вас, не могли бы Вы позаботиться об отправке их мне: они тоже найдут свое место в книге[5].

Здесь у нас, в поэзии, всё та же посредственность, разбитая на фракции! Ни одной личности, ни одной идущей вперед идеи — мысль об этом я кратко изложил в «аполлоновской» статье[6] (и это при том, что несколько страниц из моей рукописи было опущено, что в одном месте вызвало неприятную для меня неточность. Ну да ладно, главное было сказано[7]). Я не читал книги Цвейга[8], но мне о ней говорили, и я читал рецензию на нее Жана Руайера, опубликованную в «Фалянж». Несмотря на расхождения между нами, инициатором которых он когда-то выступил и за которые я по-прежнему на него сердит, Руайер, сохраняя лояльность, упомянул в этой связи мое имя и мое «Творение». Дело в том, что в книге немецкого критика, пользующегося недостаточными документальными источниками, есть место, где он вроде бы говорит, что Верхарн является создателем

научно-поэтических тенденций, встречающихся у него в произведениях. Руайер, выражая всеобщий протест по этому поводу, напоминает, что Верхарн выводит эти тенденции из совокупности моей доктрины, создательницы подобной поэзии. Это чрезвычайно достойно с его стороны, и я ему за это признателен[9].

В целом публика настроена против книги Цвейга, представляющей собой преувеличенно апологетический опус, не подкрепленный документальными свидетельствами, и мне говорили, что это раздражает самого Верхарна при всей его преданности автору. Он раздражен еще и тем, что критик старается всеми силами наделить его немецким духом! А это глупость! Я когда-то указывал в «Весах», что по своему темному, пламенному, мощному мистицизму Верхарн наделен гением фламандской расы[10]. Мне доставит огромное удовольствие чтение Вашей статьи, представление о которой я получу при ознакомлении с ее беглым переводом: ведь Вы великолепный знаток этого поэта[11].

Я рад Вашей работе, самоотверженной, как и прежде, рад Вашей постоянно растущей славе и влиянию. Ваше участие в новом академическом издании Пушкина — еще одно тому доказательство...[12]

Ваши слова о французском номере «Аполлона» доставили мне огромную радость. Подбирая сотрудников, я исходил из их компетентности и способности охватить целое с помощью обостренного критического чувства. Я искал сотрудников, лишенных предвзятых мнений, и был счастлив, когда из выводов каждого возник синтетический дух, сопровождаемый научными тенденциями, лежащими в конечном счете в основе подлинной современной мысли в любом роде искусств, несмотря на попытки замаскировать её или поставить на её пути препятствия в виде реакционных кампаний и зловредного бессилия.

По этой причине я с удвоенной радостью смотрю на наш коллективный труд, благосклонно принятый в высоких кругах русской литературы и прессы. Здесь, во французских журналах, этот номер также привлек пристальное внимание к «Аполлону», как в свое время — к «Весам» и их французским симпатиям[13].

В «Аполлоне» мне, к сожалению, не удается писать в полном объеме и *с должной глубиной* о литературе, так как объём более ограничен. Тем не менее, я прилагаю к своей работе наивысшее старание. Мне сообщили, что Маковский должен приехать этим летом в Париж. Поскольку я буду жить в деревне, находящейся всего за 50 километров от города, я вернусь на один день, чтобы повидаться с ним, назначив предварительно встречу[14].

Мы поняли из Вашего милого письма, что Вы с г-жой Брюсовой подумываете о возможности посетить Лондон. Иначе говоря, мы надеемся, что Вы пересечете Па-де-Кале и попадете также в Париж. Какой это было бы для нас радостью[15].

Мне, право, было неловко читать Ваше предыдущее письмо, в котором Вы пишете, что собираетесь однажды упомянуть мое имя в посвящении к одной из Ваших книг[16]. Вы, безусловно, знаете, что я не увижу в этом жесте ничего, кроме чести, кроме радости, но, если говорить откровенно, чести слишком большой... Я и так уже дерзнул зайти слишком далеко, поставив Ваше имя с самыми дружескими чувствами на первую страницу своей книжицы[17], но меня, естественно, подвигла на такой шаг огромная благодарность, которую я испытываю по отношению к Вам и которую всегда тороплюсь Вам засвидетельствовать.

Теперь я напишу Вам очень кратко в один из первых дней нашего пребывания в Сен-Шероне и дам адрес, по которому мы будем находиться до конца сентября. Если Вы решите написать мне до нашего отъезда, то пишите по-прежнему в Париж.

Передайте, пожалуйста, г-же Брюсовой иаилучшие дружеские пожелания от г-жи Гиль, которая будет вспоминать ее этим летом, присоединив к ним нижайшие свидетельства моего почтения и симпатии. Она просит меня напомнить Вам о ней, а я, дорогой мой друг, крепко жму Вашу руку с теплым, сердечным восхищением. Ваш

Рене Гиль

---

[1] Упоминаемое письмо Брюсова нам неизвестно.

[2] Этим человеком был, по всей видимости, писатель Робер Рандо (Robert Randau), который, как писал Гиль еще в 1904 г., вернулся «из своей миссии в Судане» (Весы. 1904. № 11. С. 12). Рандо, — считал Гиль, — этот «французский Киплинг», «предвидел научную эру в поэзии, в которой станет всеобщей — правдивейшая из психологий: ужас перед феноменом» (С. 16).

[3] Речь идет о книге «Образы мира» (см. примечание 19 к письму № 49).

[4] О своей книге критических статей, так в результате не состоявшейся, Гиль писал Брюсову 9 января 1909 г. (см. письмо № 59).

[5] Брюсов не выполнил просьбы Гиля. Рукописи его «весовских» статей «Lettres sur la poésie française. Le mouvement poétique moderne. I. On retrouve Paul Verlaine» и «Lettres sur la poésie française. Le mouvement poétique moderne. II. Rollinat. Les poètes maudits. Corbière. Rimbaud» остались в Москве и в настоящее время хранятся в отделе рукописей РГБ (Ф. 386, карт. 56. Ед. хр. 9). Судя по всему, Гиль уже в 1910-е гг. обдумывал книгу, получившую впоследствии название «Даты и творения» («Les Dates et les Oeuvres») и опубликованную только в 1923 г.

[6] «Мы видели [...], — писал Гиль во «французском» номере «Аполлона», — что поэты “реакции”, все эти “нео-романтики”, “нео-греки” и “нео-латиняне” сумели лишь плоско повторяться на темы Романтизма и нео-Парнаса. А “нео-символисты” отличаются от первых лишь употреблением “свободного стиха”, который часто отличается от плохой прозы только искусственным и ребяческим злоупотреблением красной строки. Мы наблюдали поэтов, которые, тоже под влиянием реакции, обратили символизм в католическую поэзию, прикрываясь спиритуализмом и неодуализмом. Эти столь различные поэты, пожелавшие единодушно “протестовать” против “Поэзии научной”, могли выразиться лишь в скучном подражании прошлому: но если у них нет самобытной личности, то они не существуют» (1910. № 6, март. С. 23).

[7] Изучение оригинала статьи Гиля «Поэзия» показывает, что сокращениям и изъятиям подверглись главным образом страницы 25—30 рукописи (Французская национальная библиотека, без нумерации), посвященные, во-первых, подробному изложению доктрины «научной поэзии», во-вторых, описанию «Творения», в-третьих, спору с символистами и представителями новых течений (например, с натюризмом), в-четвертых, выяснению отношений с Катюллем Мендесом, а также некоторым другим привычным для Гиля сюжетам, о которых русский читатель имел довольно полное представление на основании его публикаций в «Весах».

[8] Речь идет о французском переводе книги Стефана Цвейга «Эмиль Верхарн. Его жизнь и творчество» (*Zweig Stefan*. Emile Verhaeren. Sa vie et son Oeuvre. Traduction de Paul Morisse et Henri Chervet. Paris, 1910), выпущенной издательством «Mercure de France».

[9] Мысли, изложенные Гилем в письме к Брюсову, во многом повторяют положения рецензии Жана Руайера, который, восхищаясь Верхарном, но осуждая его «немецкого»

биографа, в частности, писал: «Стефан Цвейг — немец и потому уступает соблазну онемечить своего героя. Верхарн по-настоящему вызывает понимание и восхищение только у соотечественников его биографа, да еще у русских и скандинавов. Бельгийцы довольствуются тем, что видят в нем национального поэта» [«Stefan Zweig, qui est allemand, cède au plaisir de germaniser son héros. Verhaeren n'est vraiment compris et admiré que chez les compatriotes de son biographe, en Russie aussi et dans la Scandinavie. Les belges se contentent de voir en lui leur poète national» (Phalange. Novembre 1909—Avril 1910. Tome VIII. P. 592)]. И далее: «Стефан Цвейг онемечивает. Его единственная мысль состоит в том, что Верхарн — поэт жизни и современной энергии. Он делает из него создателя нового искусства — поэзии, основанной на науке. Однако он забывает упомянуть *Рене Гиля*, обладающего бóльшими правами, чем Эмиль Верхарн, носить звание научного поэта, причем, сказанное не умаляет достоинств ни того, ни другого» [«M. Stefan Zweig germanise. Sa seule pensée c'est que Verhaeren est le poète de la vie, de l'énergie moderne. Il en fait un créateur d'un art tout nouveau, d'une poésie fondée sur la science. Or il oublie de citer René Ghil, qui a pourtant plus de droit qu'Emile Verhaeren au titre de poète scientifique, soit dit sans prétendre diminuer ni l'un, ni l'autre» (P. 594)].

За несколько лет до этого «Весы» привели в русском переводе отрывок из статьи С. Цвейга о Э. Верхарне, первоначально опубликованной в № 14 журнала «Literarische Echo» за тот же год: «Он [Верхарн] слишком велик для современных французов [...]. В его могучей, неукротимой жажде жизни, в его настойчивой и мучительной борьбе за миросозерцание (чисто германское, соединяющее монистическо-пантеистическое представление [о] Боге с идеей имманентного развития), наконец, во всем складе его творчества — для них есть слишком много горького привкуса варварства, чтобы они признали его духовное господство... Его отвели в не обязывающую ни к чему рубрику "поэтов завтрашнего дня"... Как гигант стоит он среди современных французов. Как Эол, он мощный владыка ветров. Он дает приют тихим Зефирам, нежно зыблемым веяньям отдыхающих лугов, но в его руках и великие Бури, облегающие кругом земной шар, влекущие за собой страдания и стоны всего сущего; в этих бурях веет — дыхание бесконечности» (1904. № 4. С. 75).

Мнения о германско-фламандском характере творчества Верхарна придерживался и М. Волошин. В своей статье «Судьба Верхарна», впервые опубликованной в № 1 газеты «Речь» от 1 января 1917 г., он, в частности, писал:

«Но насколько глаз германца Гете был латинским, настолько же глаз фламандца Верхарна остается германским. Ему неведома латинская четкость. [...]

Но Реми де Гурмон, указывая на Германию, отмечает только один из исторических истоков духа Верхарна.

Фландрия была плавильным горном, в котором вместе с германскими рудами было расплавлено и испанское золото.

Этот исток поэтического духа Верхарна был указан братьями Мариус-Ари Леблон» (*Волошин М.* Автобиографические произведения. М., 1991. С. 176).

[10] См. примечание 3 к письму № 47.

[11] В отличие от Ж. Руайера и Гиля, Брюсов отнесся к монографии Цвейга положительно, считая этот труд наиболее обстоятельным исследованием о Верхарне. В своей рецензии, напечатанной в «Русской мысли», он подчеркнул, что книга Цвейга задумана гораздо шире, чем другие известные ему биографии, и отметил, что автор «старается охватить образ Верхарна полностью, представить его и как поэта, и как человека, выясняя в то же время связь его творчества с переживаемой нами эпохой» (1910. № 8. Отд. II. С. 15). Важным моментом Брюсов считал тот факт, что в жизненном плане биограф дает впечатления от личного знакомства с бельгийским поэтом, а в плане творческом — видит в нем прежде всего поэта современности. «Истинно современный поэт, — заключает Брюсов свою рецензию цитатой из книги Цвейга, — должен изобразить болезни и волнения нашего соци-

ального развития, длительное образование новой эстетики, соответствующей этой эволюции, мятеж, кризисы, борьбу, возбуждаемую всяким обновлением... Верхарн и попытался воссоздать всю нашу эпоху в ее физическом и духовном выражении. Его лирика — символ современной Европы... Творчество Верхарна — поэтическая энциклопедия нашего времени, в которой чувствуется духовная атмосфера современного мира на пороге XX века. Вся Европа говорит устами Верхарна, и его голос высится над нашим веком» (С. 17).

Не признав в Гиле провозвестника Верхарна, Цвейг нашел его последователя в Брюсове. В последней главе своей книги он писал: «Наибольшей, чем где-либо, популярностью автор "Городов-спрутов" пользуется в России: его лиризм ассоциируется с социальными преобразованиями, его стихи преподают в университетах, а интеллектуальные круги видят в нем морального наставника в отношении современных тенденций. Молодой, но уже признанный поэт Валерий Брюсов перевел его стихи и сделал их тем самым достоянием народа» [«Le poète des *Villes tentaculaires* est plus célèbre en Russie que partout ailleurs: son lyrisme évoque les réorganisations sociales, sa poésie est enseignée dans les universités, et les cercles intellectuels le considèrent comme le guide moral des tendances modernes. Valère Brussov, le jeune et distingué poète, l'a traduit et l'a mis ainsi à la portée du peuple» (Цит. по изданию: *Zweig Stefan*. Emile Verhaeren. Sa vie, son oeuvre. Paris, 1985. P. 210)].

[12] Речь может здесь идти о двух нереализованных проектах. В начале 1910 г. ученый секретарь Пушкинской комиссии при Академии наук И. А. Кубасов пригласил группу известных пушкиноведов, в числе которых был и Брюсов, принять участие в «малом» академическом собрании сочинений Пушкина в 8—9 томах. В том же году петербургское издательство «Деятель» (в лице Е. В. Аничкова) предложило Брюсову подготовить новое собрание сочинений Пушкина. Имея опыт работы над текстами Пушкина во время подготовки издания С. А. Венгерова для «Библиотеки великих писателей», Брюсов ответил на оба предложения согласием. С 1910 по 1913 г. он занимался биографией и текстологией Пушкина, однако ни то, ни другое издание не состоялось. Подготовленные для второго проекта материалы были использованы Брюсовым через несколько лет для издания первой части первого тома «Полного собрания сочинений» Пушкина.

[13] Очевидное преувеличение Гиля. Наши попытки обнаружить во французской прессе отзывы не только о «французском» номере «Аполлона», но и о журнале вообще остались безрезультатными. Одним из редчайших отзывов можно считать характеристику Л. Лалуа, данную им в статье «Истерия в русской литературе» («L'hystérie dans la littérature russe»), содержавшей отповедь Г. Чулкову за его «некрологическую» статью по поводу прекращения «Весов», опубликованную как раз в «Аполлоне». «Журнал "Аполлон", — писал Лалуа, — нельзя заподозрить в истерии: напротив, выступающая в нем группа писателей и художников предприняла попытку противостоять всему, что бросает вызов здравому смыслу, — злоупотреблениям чувственностью, оргиям ужаса и невротическому разгулу, которыми многие из их собратьев поражают одну из самых наивных аудиторий. Взамен эта группа предложила ей идеал непреходящей гармонии и чистой красоты» [«La revue Apollon n'est pas suspecte d'hystérie: au contraire, le groupe d'écrivains et d'artistes qui s'y manifestent ont entrepris d'opposer aux défis du sens commun, aux abus d'émotion, aux orgies d'horreur et aux débauches nerveuses dont tant de leurs confrères étonnent le plus naïf des publics, un idéal d'harmonie durable et de beauté pure» (Revue des Etudes franco-russe. 1910. No. 9. P. 350)].

[14] Как мы указывали выше, документов о встречах Гиля с С. Маковским, насколько нам известно, не сохранилось.

[15] Лето 1910 г. Брюсов провел в имении Белкино по Брянской железной дороге и за границу не выезжал.

[16] Речь здесь, очевидно, идет еще об одном письме, направленном Брюсовым Гилю и также, вероятно, утерянном.

[17] См. примечание 3 к письму № 77.

79. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Ecrire
16 bis rue Lauriston. Paris.

15 Septembre 1910

Bien cher Ami,

Je vous écris de la campagne encore, — mais bien près du retour à Paris, dans une douzaine de jours maintenant. (Nous serons sûrement rentrés pour le 1er Octobre.)

Depuis deux mois et demi nous sommes ici, à St. Chéron, en Seine-et-Oise (avez-vous eu ma carte postale, vers le milieu de Juillet?[1]), ce beau pays de grandes vallées surmontées de masses de pins et de chênes: d'ailleurs, l'ancien nom de St. Chéron était: Mont-Couronne. Beau nom, dont la magnificence est méritée...

Mais, tout d'abord, nous espérons, Mme Ghil et moi, que Madame Valère Brussov et vous vous êtes bien portés au long du beau voyage que vous nous annonciez?... Mais ne devait-il point, ce voyage, vous amener à Londres, il me semble? et je disais — à Paris?... Quelle heureuse chose ce serait, se revoir.

Et je ne sais pas du tout où vous êtes en ce moment où je vous écris, — vous écrivant à Moscou d'où ma lettre vous suivra sans doute: car je veux espérer que vous n'êtes point à Moscou, qui est trop loin de Paris!

Nous avons eu ici une vie délicieuse de calme dans une grande beauté de la nature, et simplement nous avons vécu laissant les jours nous prendre en leurs soleils et leurs nuages, comme les mille vies dans l'herbe... J'ai rêvé sur les vallées, larges et profondes, sur leurs confluents tragiques, — et j'ai travaillé aussi, avançant mon volume de Préhistoire, *les Images du Monde*, pour le donner, je pense, ce printemps, — et souvent j'ai vu mes Hommes au crâne long passer au fond de ces vallées alors vaseuses et végétantes, une horde peureuse et violente...

Je n'ai su de la Littérature que quelques livres venus, pour en parler à *Apollon*[2] (où j'ai vu de vous un Article qui m'intrigue: il me semble y voir une réponse, quelque polémique de haut? Vous m'en parlerez, n'est-ce pas?)[3]. J'ai eu aussi ici quelques visites d'amis venant de Paris (car nous n'en sommes éloignés que de 40 kilomètres environ, et l'on se croirait si loin!). Et il est infiniment bon et reposant de ne plus rien savoir, d'être tout aux attraits des choses et à son travail et à sa pensée qui prépare le travail de demain, — d'ignorer même les journaux qui, en temps ordinaire, semblent devoir accompagner le petit déjeuner du matin!

J'ai lu cependant (en ce canard soi-disant "littéraire"! le *Paris-Journal*[4]), qu'au Salon d'Automne qui nous exhibera encore des conférenciers et des diseurs de vers (vous savez ce que cela vaut!)[5], un Russe, dont le nom m'échappe maintenant /Je retrouve ce nom: c'est M. Povologsky (?)[6]/, fera une Conférence sur la Littérature Russe: et mon attention a été captée en même temps que je me promettais d'y assister, parce qu'en tête des cinq ou six noms cités figurait le vôtre, avec celui d'Ivanov et Merejkovsky... Voici qui sera peut-être intéressant, si la Conférence est d'un impartial

et documenté...[7] Mais, j'espère, nous espérons, que nous y irons ensemble, avec Mme Brussov et vous!

Je vous prie, cette lettre reçue, écrivez-moi un mot, me disant où vous êtes, et si vous êtes en route vers nous. — Mme Ghil, se rappelant à votre souvenir, envoie toutes ses amitiés à Madame Brussov, avec mes hommages de respectueuse sympathie. Elle espère la voir. — Et, mon cher ami, toujours la poignée de main affectueuse de vôtre,

René Ghil

79. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Вилла «Экрир»
Париж, ул. Лористон, д. 16 бис

15 сентября 1910 г.

Дорогой друг!

Пишу Вам по-прежнему из деревни, хотя скоро возвращаюсь в Париж, теперь уже дней через десять (к 1 октября мы наверняка вернемся).

Вот уже два с половиной месяца, как мы находимся в здесь, в Сен-Шероне, в департаменте Сен-э-Уаз (получили ли Вы мою открытку, отправленную приблизительно в середине июля?[1]), на этой прекрасной земле, где над огромными долинами высятся сосновые и дубовые рощи: древним названием Сен-Шерона было, кстати сказать, Мон-Курон (букв.: коронованная гора. — *Р. Д.*). Величавое, заслуженно присвоенное имя.

Но прежде всего мы с г-жой Гиль хотели бы выразить надежду, что Вы с супругой хорошо перенесли долгое путешествие, о котором писали... Однако, разве эта поездка не должна была привести Вас в Лондон? И, хотелось бы думать, в Париж? Какое было бы счастье снова увидеться.

Вот я пишу Вам и совсем не знаю, где Вы сейчас находитесь. Я пишу Вам в Москву, откуда мое письмо, вне сомнения, последует за Вами, поскольку я надеюсь, что Вы отнюдь не в Москве, ведь Москва слишком далека от Парижа!

Мы вели здесь милую, спокойную жизнь среди красот природы, просто жили, отдаваясь на волю дней, отдаваясь сменяющимся солнцам и облакам, подобно тысячам существ, обитающих в траве... Я предавался мечтаниям, бродя по широким, глубоким долинам, стоя на перепутьях их трагического слияния, и, помимо этого, работал, продвигаясь вперед в создании своего доисторического тома «Образы мира», думая сдать его в печать будущей весной, и мне часто являлись мои герои — люди с вытянутыми черепами: я видел, как они шли этими долинами, затянутым тиной, покрытым в ту эпоху растительностью, — пугливая, жестокая орда...

О литературе я мог судить только по книгам, присылаемым для «аполлоновских» рецензий[2] (в этом журнале я наткнулся на Вашу статью, заинтриговавшую

меня: в ней, как мне кажется, содержится ответ на какую-то высокую полемику. Вы напишете мне об этом, не так ли?[3]). Приезжали ко мне сюда и парижские друзья (мы уехали всего километров за сорок от города, а представлялось, уехали так далеко!) Как бесконечно радостно, какой это отдых больше ни о чем не знать, быть наедине с миром предметов и существ, а еще со своей работой, со своими мыслями, подготавливающими завтрашнюю работу, не читать даже утренних газет, которые в обычное время вроде бы должны сопровождать завтрак!

Тем не менее, я прочел (в претендующей на «литературность» газетенке «Пари-журналь»[4]), что в Осеннем салоне, в котором опять будут экспонироваться лекторы и чтецы (Вы знаете им цену![5]), выступит с докладом о русской литературе какой-то русский, имя которого у меня сейчас вылетело из головы /А вот нашел: его зовут Поволгский(?)/[6]. Это объявление привлекло мое внимание и я пообещал себе туда пойти, так как во главе списка из пяти-шести процитированных имен фигурировало Ваше имя — рядом с именами Иванова и Мережковского... Доклад, наверное, будет интересным, если выступающий проявит беспристрастие и будет основываться на фактах... Но я надеюсь, вернее, мы надеемся, что сходим туда вместе с Вами и г-жой Брюсовой!

Прошу Вас по получении этого письма сообщить мне в ответном письме, где Вы находитесь и не направляетесь ли Вы в данное время к нам. Г-жа Гиль просит не забывать ее и передает г-же Брюсовой самые дружеские пожелания, к которым я присоединяю свидетельство своего почтения и симпатии. Она надеется увидеться с Вашей супругой. А я, дорогой друг, как обычно, тепло жму Вашу руку

Рене Гиль

---

[1] Открытка, о которой пишет Гиль, вероятно, затерялась.

[2] В отличие от «Писем о французской поэзии», опубликованных в «Весах», участие Гиля в «Аполлоне» (помимо программной статьи «Поэзия») ограничивалось чисто служебными формами литературной критики — главным образом короткими откликами на произведения самого различного содержания.

[3] Гиль, очевидно, имеет в виду статью Брюсова «О “речи рабской”, в защиту поэзии» (Аполлон. 1910. № 9, июль-август), представляющую собой полемику с А. Блоком и Вяч. Ивановым о сущности символизма. Статья была написана в ответ на статьи названных поэтов, опубликованные в № 8 журнала. О содержании статей Гиль, вероятно, имел возможность судить по пересказам особенно близкой к нему в эти годы А. В. Гольштейн.

[4] В своей насмешке Гиль крайне несправедлив к газете «Paris-Journal», возникшей 6 октября 1908 г. после преобразования газеты «Messidor», в которой за год до этого печатался Гиль (см. примечание 4 к письму № 41). Редактором литературного отдела новой газеты стал известный поэт и критик Шарль Морис, а ответственным за освещение книжных новинок — Жорж Лекардоннель.

[5] Помимо традиционной декламации поэтических и прозаических произведений, программа литературной части Осеннего салона 1910 г. включала лекции о творчестве Жюля Ренара и Шарля Луи Филиппа.

[6] Фраза приписана на полях письма

[7] Речь идет о лекции Жака Поволоцкого, прочитанной в Осеннем салоне 6 ноября 1910 г. и опубликованной в журнале «La Revue des Etudes Franco-Russes» (*Povolozky Jacques.* Les poètes russes // 1911. № 1. P. 7—22). Фамилия этого литератора неоднократно искажа-

лась во французской прессе. Так, журнал «Mercure de France» в номере от 16 октября 1910 г. сообщал, что доклад о русской литературе в Осеннем салоне прочтет некто Полонский. В своей лекции Поволоцкий остановился на творчестве Бальмонта, Блока, Сологуба, Мережковского, Белого, Вяч. Иванова, Минского, Анненского, Гумилева, Волошина, Кузмина и, разумеется, Брюсова.

80. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 16 Oct[obre]1910

Mon cher Ami,

Je vous remercie de votre lettre, dont l'amitié m'émeut profondément[1]. J'espérais encore, ces temps-ci, vous voir arriver à Paris avec Madame Valère Brussov, — puis j'en ai désespéré.... Et vous avez été malade, — mais heureusement c'est oublié maintenant[2]. Puis, vos vacances ont été peu de choses, — attristées certainement par l'abandon de votre maison Boulevard des Fleurs[3]. Nous sentons quelle détresse en votre âme, et même physique, ce dut être, Mme Brussov et vous qui êtes si finement sensitifs, quitter cette demeure de si longtemps. Trente ans! pour vous...

Oh! tous les liens subtils qui se déchirent, à quitter les endroits où notre passé a été actif! Comme l'on est nu de tout cela, des murs mêmes, et comme, de longs jours en le nouveau milieu, étranger et hostile, on a en soi comme le vertige en un trop grand vide! — J'ai, moi, un grand chagrin, rien qu'à laisser pour aller en vacances ma rue Lauriston, et puis, comme cette année, un chagrin encore à quitter ma petite maison de campagne et les lignes de l'horizon qui m'enfermaient...

J'espère que déjà votre nouvel appartement vous devient peu à peu ami, cependant, et Mme Ghil et moi vous y souhaitons à tous deux la continuation du bonheur...

Mais je suis très heureux de votre entrée à la *Pensée Russe*, avec cette haute mission d'y diriger la partie littéraire[4]. C'est une affirmation nouvelle de votre personnalité reconnue, c'est un pas nouveau de votre si logique et puissante volonté. Et, cher ami, c'est ici que mon émotion est grande, — quand, y entrant, votre première pensée est de me donner la main pour m'y faire une place. Je suis heureux, mais confus, d'une si attentive amitié, et je ressens intimement l'honneur d'écrire à la *Pensée Russe*, et près de vous. — J'accepte avec grand plaisir, — et tout mon zèle, comme toujours. *Heureux d'écrire à nouveau à Moscou*[5].

Mais, n'est-ce pas, ce n'est point ici la grande liberté que nous eûmes en notre *Balance*, où nous livrions même un peu bataille!

Je compte donc, — c'est votre avis? — en fixant fidèlement les principaux faits littéraires, en sortant de quelques mots les principales oeuvres et en en commentant l'influence et la direction, m'élever davantage au-dessus de l'immédiate actualité, et donner des impressions de moins de passion. Quelque chose de plus serein en le jugement, de plus doux...

Vous dites: «résumer en 5—6 pages les principaux événements des 4—5 derniers mois». Si je comprends bien, la *Pensée Russe*, en cette partie littéraire que vous dirige-

rez, me donnerait donc une périodicité de 3 articles (peut-être 4, si c'était possible et me serait plus commode) par année? — *Je me conformerai absolument à votre désir*, vous priant d'ailleurs de me dire tout amicalement quand vous jugerez bon que tels ou tels points soient envisagés. C'est entendu, n'est-ce pas?[6]

Je me mets au premier Article — que *je vous expédierai ce mercredi 19 courant*. Peut-être, pris un peu à l'improviste, serai-je moins complet en le détail (je remonterai d'ailleurs dans l'année entière pour donner une vue d'ensemble de 1910)[7], vous voudrez bien m'excuser. — Je calculerai les pages, en considérant que ma copie se réduit *de moitié* en étant traduite en Russe, — mais si vous étiez gêné par quelques lignes de trop, vous couperiez vous-même, n'est-ce pas, des passages... Bien entendu.

Et maintenant, encore merci! et encore, je me dis content de revenir à Moscou qui est ma patrie poétique Russe. — Voulez-vous dire à Madame Brussov, avec mes respects et les amitiés de Mme Ghil, notre regret de ne l'avoir revue cette année,

et affectueusement vôtre,

René Ghil

P. S. Vous me parlerez des *Précurseurs scientifiques* à l'édition *Lad*. Ce seront encore du travail et des soucis que je vous donne, dont je suis, une fois de plus, confus et tout reconnaissant[8]. —

Fort heureusement, l'essai de grève générale est à peu près terminé: mouvement révolutionnaire qui ne relève que de mentalités *criminelles* de meneurs. C'est une honte très grande...[9]

Grand merci de l'envoi du No. du *Monde Moderne*: l'auteur de l'article, M. Tugendhold, m'avait été présenté autrefois par Max Volochine, — et, depuis, il était venu me voir, me demander quelques renseignements sur les Poètes et les Oeuvres à consulter en vue de cet article qu'il méditait. J'ignorais sa parution[10].

80. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 16 октября 1910 г.

Дорогой друг!

Благодарю Вас за письмо, дружеский тон которого глубоко меня тронул[1]. Я надеялся все это время, что Вы с г-жой Брюсовой приедете в Париж, а потом отчаялся ждать... А Вы были больны, но, к счастью, сейчас об этом можно забыть[2]. И отпуск Ваш не удался, и Вам грустно было покидать свой дом на Цветном бульваре[3]. Мы ощущаем печаль, рожденную в Вашей душе и даже Вашем теле от необходимости покинуть дом, который так долго был Вашим жилищем, ведь Вы с г-жой Брюсовой обладаете такой тонкой, чувствительной натурой. Тридцать лет! Сколько это для Вас...

Ах, эти хрупкие связи, разрывающиеся, когда покидаешь места, где жило действенной жизнью наше прошлое! Каким обнаженным чувствуешь себя без всего

этого, без самих стен, и потом долгие дни в новой обстановке, чуждой и враждебной, продолжаешь носить в себе прежнее жилище, словно головокружение в огромной пустоте! Я чувствую в себе великую грусть, когда покидаю улицу Лористон, уезжая всего-навсего отдохнуть, а потом, как это случилось в этом году, снова грущу, покидая свой маленький деревенский домик и окаймлявший меня горизонт...

Надеюсь, что Ваша новая квартира, тем не менее, начинает проявлять к Вам все более дружеское отношение. Мы с г-жой Гиль желаем Вам продолжения счастья...

Я очень рад, что Вы вошли в редакцию «Русской мысли», где Вы наделены высокой миссией руководства литературным отделом[4]. Это новое подтверждение признания Вашей личности и новый шаг, логически продиктованный Вашей мощной волей. И здесь, дорогой друг, я не могу сдержать чувств, поскольку сразу после того, как Вы вступили в должность, Вашим первым порывом была мысль подать мне руку помощи и предоставить мне страницы журнала. Я счастлив, но смущен этой внимательной дружбой и чувствую внутреннюю гордость от возможности писать для «Русской мысли» рядом с Вами. Я с огромным удовольствием принимаю Ваше предложение и, как всегда, обещаю отдавать работе все мое усердие. *Я счастлив вновь печататься в Москве*[5].

Но в этом журнале, как мне кажется, нет и доли той безграничной свободы, которой мы пользовались в «Весах», где мы в некоторой степени даже сражались!

Согласны ли Вы со следующим? Неукоснительно отмечая главные литературные события, высказываясь о центральных произведениях и комментируя воздействия и тенденции, я могу рассчитывать на возможность возвыситься над простой сиюминутностью и по крайней мере дать читателю неравнодушные впечатления. Нечто наиболее отчетливое в суждениях, наиболее лиричное...

Вы пишете: «резюмировать на 5-6 страницах главные события последних 4-5 месяцев». Если я Вас правильно понял, «Русская мысль», литературный отдел которой Вы возглавляете, предоставляет мне в этом отделе возможность регулярно публиковать 3 статьи в год (быть может, если это возможно, 4, что было бы для меня удобнее). *Я целиком иду навстречу Вашим пожеланиям* с единственной к Вам просьбой по-товарищески сообщать мне, когда, по Вашему мнению, будет необходимо затронуть тот или иной аспект. Итак, договорились, не правда ли?[6]

Я принимаюсь за первую статью, которую *вышлю Вам в среду, 19 числа текущего месяца*. Возможно, несколько застигнутый врасплох Вашим предложением, я не смогу обеспечить достаточную полноту и опущу некоторые детали, за что я заранее прошу у Вас прощения (я, кстати сказать, вернусь к самому началу года, чтобы охватить целиком 1910 год[7]). Я буду подсчитывать страницы, принимая во внимание, что после перевода на русский язык мой текст сократится *наполовину*, однако, если придётся опустить несколько строк, я предоставляю Вам право самому снимать лишние абзацы... Так и условимся.

А сейчас еще раз спасибо! И, повторяю, я доволен своим возвращением в Москву, на мою русскую поэтическую родину. Передайте г-же Брюсовой мое

почтение, а также дружеский привет от г-жи Гиль и наши сожаления по поводу того, что нам не удалось вновь увидеться в этом году.

Сердечно Ваш,

Рене Гиль

P. S. Напишите мне о публикации «Предтеч научной поэзии» в издательстве «Лад». Я вновь возлагаю на Вас работу и хлопоты, из-за чего я в который раз сконфужен и за что я Вам в который раз приношу благодарность[8].

К огромному счастью, попытка организовать всеобщую забастовку практически сорвана. В этом революционном движении выявляется одно: *преступное* мышление его предводителей. Ужасный позор...[9]

Огромное спасибо за присланный мне экземпляр «Современного мира». Автора статьи, г-на Тугендхольда, мне когда-то представил Макс Волошин. Потом он нанес мне визит, спрашивал у меня сведения о поэтах, интересовался, какие произведения почитать при написании этой статьи, тогда еще только замышляемой. Я не знал, что она появилась[10].

---

[1] Упомянутое письмо Брюсова нам неизвестно.

[2] «Брюсов, говорят, болел и теперь еще не совсем здоров», — писал С. Бобров Андрею Белому 14 января 1911 г. (Письма С. П. Боброва к Андрею Белому. 1909—1912 / Вступительная статья, публикация и комментарии К. Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 152).

[3] В августе 1910 г. Брюсовы переехали с Цветного бульвара на 1-ю Мещанскую в дом И. К. Баева (д. 32, кв. 2).

[4] Брюсов стал заведующим литературным разделом журнала «Русская мысль» в сентябре 1910 г.

[5] Приступая к работе в «Русской мысли», Брюсов разослал целому ряду писателей письма с предложением сотрудничать. Из иностранных авторов он, помимо Гиля, пригласил Э. Верхарна и С. Цвейга.

[6] 8 сентября 1910 г. Брюсов писал главному редактору журнала П. Б. Струве: «Не позволите ли предложить, как опыт, обзор французской литературы за последние 5-6 месяцев моему приятелю, сотруднику “Аполлона” и бывшему сотруднику “Весов”, Ренэ Гилю? Условия: 3-4 страницы, обзор стихов, романов, книг по истории литературы и научных книг, представляющих общий интерес. Гонорар — обычный, т. е. 100 р. с листа или 6 р. страница (перевод с рук[описи] я сделаю бесплатно). Что Гиль напишет дельно, я уверен, а написать *просто*, без вычур и общепонятно я его уговорю. Этот обзор я намечаю на *декабрь*. А на январь я предполагаю заказать такой же обзор итальянской литер[атуры] Дж. Папини» (Литературный архив. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 277). В отличие от «Весов», рецензии и обзоры Гиля, опубликованные в «Русской мысли», не ограничивались поэзией. С не меньшей интенсивностью и, как явствует из последующих писем, под руководством Брюсова он рецензировал здесь романы, пьесы, произведения других жанров.

[7] Первая статья Гиля для «Русской мысли» — «Синтетические заметки о французской литературе 1910 года» — была помещена в № 2 за 1911 г. в отделе «В России и за границей», введенном в журнале с ноября 1910 г. В этом отделе Брюсов организовал подотдел «Литература и искусство», где и печатались материалы Гиля. О содержании статьи см. примечание 2 к следующему письму (№ 81).

[8] См. примечание 2 к письму № 76.

[9] Речь в письме Гиля идет об усилении во Франции забастовочного движения, начавшегося в апреле и продолжавшегося до осени 1910 г., когда национальный синдикат железнодорожников объявил 11 октября всеобщую стачку. Стачка продолжалась 8 дней, но не была поддержана всеми железными дорогами. Правительство направило на обслуживание железных дорог армию и пригрозило увольнением всем, кто не вернется на работу. Стачечный комитет, заседавший в помещении газеты «Юманите», был арестован.

[10] Искусствовед и художественный критик Яков Александрович Тугендхольд (1872—1928) жил в Париже с 1905 по 1913 г. В 1910 г. он опубликовал в журнале «Современный мир» цикл исследований под общим заглавием «Город во французском искусстве XIX века». В одной из статей цикла он отвел немало места изложению теорий Гиля и даже анализу некоторых его книг. Утверждая превосходство «научной поэзии» над индивидуалистической лирикой символистов, Тугендхольд, в частности, писал: «Итак, Малларм3 не удалось написать задуманной им грандиозной музыкально-поэтической эпопеи, ибо "повернув спину к жизни" (Fenêtres), он замкнулся в круге кабинетных переживаний. Осознание этой ошибки Малларм3 стало неизбежным условием дальнейшего развития французской поэзии. Этот шаг вперед и сделан был Ренэ Гилем, известным русскому читателю по его статьям в "Весах". Ренэ Гиль, бывший сначала учеником Малларм3, но впоследствии совершенно разошедшийся с ним во взглядах, уже двадцать два года работает над воплощением неосуществленной Малларм3 поэмы. Оставаясь совершенно неизвестным и недоступным широкой публике, но уважаемый поэтами, он с изумительной энергией отстаивает свои взгляды» (№ 8. С. 154). Отдавая себе отчет в гипертрофированном самомнении Гиля, русский искусствовед, тем не менее, считал неоспоримым, что его «заслуги [...] во французской поэзии велики и должны быть оценены по достоинству» (Там же). Не все в построениях Гиля нравилось Тугендхольду: «"Научная поэзия" Ренэ Гиля ознаменовала собою огромный шаг вперед на пути сближения поэта с современностью, — признавал он. — Но явившись реакцией против индивидуалистической беспочвенности Символизма, она слишком далеко перегнула палку в противоположную сторону. Смешались грани искусства и науки, категория долженствования и категория бытия. Ибо высшее призвание искусства заключается не в сводке уже добытых наукою данных, а в пророческом угадывании, в творческом опережении жизни. Синтез Ренэ Гиля в сущности, — синтез à travers Zola, — синтез натуралистический и познавательный, чуждый эпической санкции, — синтез эпический и космический, в котором почти не оставалось места для человека. Недаром в своем "Voeu de Vivre" поэт говорит, что должно "созерцать законы народов в законах вселенной и с такой высоты, чтобы никакое волнение не примешивалось к пытливости. Ибо существует познание, которое должно двигать само по себе (il existe savoir qui doit mouvoir en soi)"» (С. 160). И еще одно сожаление: «Написанная крайне трудным, пестреющим неологизмами, отрывистым и судорожным языком, полная восклицаний и ассонансов, повторяющихся звуков и повторяющихся фраз, эта поэма о городе не столько убеждает, сколько гипнотизирует своей аморфной и многошумной музыкой города. Но именно вследствие чрезвычайной трудности этого "научного языка", могущего быть воспринятым лишь музыкальным ухом, поэзия Ренэ Гиля, явившаяся теоретическим протестом против "эгоизма" символистов, фактически оказалась замкнутой в круге еще большего эгоизма: ибо ее почти никто не понимал, за исключением нескольких поэтов. Поэт, один из первых провозгласивший необходимость возвращения поэзии в стены города, остался неизвестным городу; таково то трагическое противоречие, в тупике которого находится поэзия Ренэ Гиля...» (С. 157).

81. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 19 Oct[obre] 1910

A la hâte, — mon cher ami, je vous envoie sous ce pli le premier article pour la *Pensée Russe*[1]. Remontant un peu le cours de l'année, m'arrêtant à des oeuvres, des noms, etc., j'ai ainsi formé un tableau succinct des tendances d'idées actuelles, — et cela servira généralement pour éclairer les faits relatés en mes articles futurs, et poser mes préférences aussi[2].

J'ai pensé ainsi, est-ce votre avis? l'article va-t-il, comme ton? *Dites-le moi* bien amicalement, n'est-ce pas?[3]

Et encore, et toujours merci!...

Je viens de recevoir, aujourd'hui, votre nouveau livre. Je vois par des titres, et les illustrations qui sont de caractère très intéressant, que vous avez dû recueillir là des oeuvres de sens tragique, à grande généralisation, — et c'est ainsi que j'y ai vu votre drame intense des Derniers jours du Monde, dont je sais la donnée et divers passages, — mais que je voudrais tant connaître, lire[4]. — J'espère bien, quelque jour, voir, au moins cela d'abord, de votre Oeuvre si féconde, traduit en Français. Ah! si les temps ici n'étaient point de telle indifférence à la grandeur et à la beauté...

Je vous quitte pour la poste, — avec merci. Vôtre,

René Ghil

81. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 19 октября 1910 г.

Дорогой друг, в спешке посылаю Вам вместе с этим письмом первую статью для «Русской мысли»[1]. Вернувшись к началу года и останавливаясь на именах, произведениях и т. д., я выстроил четкую картину нынешних идейных тенденций, что послужит в целом для прояснения фактов, которые будут изложены в моих будущих статьях, а также обозначит мои собственные предпочтения[2].

Я думаю, что так правильно. Придерживаетесь ли Вы того же мнения? Подходит ли Вам статья по тону? Вы ведь *мне скажете* по-дружески, не так ли?[3]

И еще раз, как всегда, спасибо!..

Я только что получил сегодня Вашу новую книгу. Я вижу по заголовкам и очень интересным иллюстрациям, что Вы собрали в ней произведения трагические по духу, претендующие на широкое обобщение, — именно так я воспринимаю Вашу напряженную драму о последних днях человечества, из которой мне перевели несколько пассажей, знаком я и с её содержанием[4]. Но как бы я хотел знать, прочесть. Я очень надеюсь, что наступит день, когда я смогу познакомиться с образцами Вашего богатейшего творчества в переводе на французский, для на-

чала хотя бы так. Ах, если бы в нынешние времена во Франции не царило такое безразличие к величию и красоте...

Покидаю Вас — иду на почту. Благодарный Вам, Ваш

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 7 к предыдущему письму (№ 80).

[2] В своем обзоре «Синтетические заметки о французской литературе 1910 года» Гиль остановился прежде всего на драме Эдмона Ростана «Шантеклер», появившейся, по его словам, на сцене «с гребешком и со шпорами» (Русская мысль. 1911. № 2. Отд. II. С. 184). Не разбирая самой пьесы, он вскрыл причины ее восторженного восприятия со стороны так называемых «“академических” критиков», ненавидящих любые проявления «недавнего блестящего прошлого» французской поэзии (Там же). Затем от этих «чудовищных» промахов в отношении хорошего вкуса, от «литературной ловкости и некоторого, чисто внешнего умения писать стихи, иногда красочные и одушевленные» (С. 185), рецензент с легкостью перешел к Жану Мореасу, «умершему весной текущего года» (Там же), а от Мореаса — к новой книге Шарля Мориса и, наконец, к романам Рони-старшего «Алая волна» и «Трест», уже подробно рассмотренным им в «Аполлоне» (1910. № 7). Завершал обзор разбор философского произведения того же автора о «плюрализме» (см. примечание 7 к письму № 66). «Подводя итоги», Гиль отметил, что «истекший год ознаменован в литературе новым напором реакционных сил, пытающихся повернуть колесо истории. Но в то же время сказывается и присутствие здоровых элементов, способных противостать этим усилиям и вести искусство дальше по пути свободного исследования и научности» (С. 188).

[3] Вопрос об излишне резких и пристрастных суждениях, об обвинительном пафосе «весовских» и «аполлоновских» статей Гиля, вероятно, обсуждался Брюсовым с редактором «Русской мысли» П. Б. Струве. Необходимо отметить, что по мере публикации гилевских материалов в «Русской мысли» тон его рецензий становился все более спокойным — вплоть до его последнего «Письма из Парижа» (1914. № 5), при написании которого Гиль, вероятно, не счел более нужным сдерживаться.

[4] Речь идет о втором, дополненном издании книги Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены. 1901—1907» (М.: Скорпион, 1910) в обложке и с семью иллюстрациями итальянского художника Альберто Мартини (1876—1920). В письме к Брюсову от 1 ноября 1910 г. П. Е. Щеголев охарактеризовал иллюстрации к сборнику как «рисунки интересные и страшные» (ЛН 1994. С. 235). В предисловии к книге Брюсов писал: «Считаю долгом выразить свою признательность итальянскому художнику Альберто Мартини, который согласился на предложение книгоиздательства “Скорпион” — украсить эту книгу своими рисунками. Создатель замечательных иллюстраций к сочинениям Эдгара По, Альберто Мартини в своих рисунках к рассказам “Земной Оси” и к драме “Земля” (с которыми он познакомился в немецком переводе, по изданию Ганса фон-Вебера) открыл в них много такого, чего не предугадывал их автор. И я почитаю себя счастливым, что страницы моей прозы дали повод возникнуть этим семи художественным созданиям итальянского мастера» (С. VII—VIII).

82. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

20 Février 1911

Bien cher ami,

Je voulais vous écrire aussitôt la parution, par vos bon soins, de mon premier Article en la *Pensée Russe*, — et vous remercier à nouveau[1]. (Et, tout de suite, à ce propos, trouvez ici, pour l'Administration, mon reçu de mes honoraires pour cet Article).

Beaucoup de choses m'ont occupé encore, — mais, n'est-ce pas? Madame Brussov a bien reçu la lettre de Mme Ghil où nous vous exprimions, pour tous deux, nos voeux de nouvel an?[2]

J'espère, et que vous allez bien, et que vous continuez à être content du poste prépondérant que vous avez acquis en cette belle et grande Revue où j'ai l'honneur, de par votre constante et si appréciée amitié, d'écrire à vos côtés. *Apollon* a fermé ses portes aux collaborateurs de l'Etranger[3]. Figurez-vous que ce n'est que les premiers jours de Janvier qu'on m'a prévenu de cette mesure! quand, *dès Octobre*, j'avais eu soin de demander si rien n'était changé en nos conventions. L'on ne répondit pas, — d'ailleurs *Apollon* ne se distingua jamais par la politesse...

Si bien que, si évidemment j'ai quelque regret des honoraires, — je me félicite cependant de n'avoir plus à correspondre avec cette Revue. Il y a à passer encore, de moi, une dernière Etude de livres[4], puis un Article sans doute intéressant sur *l'Exotisme dans la Littérature française*[5].

Je suis donc très, très heureux de voir mon nom à la *Pensée Russe*, — et d'être de retour, à Moscou!

Ici, littérairement, rien ne se dessine vraiment en mouvement nouveau. C'est étrange, mais il y a un esprit orgueilleusement «primaire» — qui, s'il n'était superficiel il me semble, indiquerait une mentalité inquiétante. J'aurai à parler de cet esprit en mon second article, si vous le voulez bien, à propos des livres de Marguerite Audoux (*Marie-Claire*)[6] et de Louis Pergaud, lauréat du Prix Goncourt...[7] Je viens de lire quelques lignes sur le volume de ces jours de J. H. Rosny aîné, volume de la Préhistoire, *La Guerre du Feu*, un chef d'oeuvre d'intuition servie par la science. Or, le critique, tout en louant Rosny, osait rapprocher ce livre de *Marie-Claire*, et dire que le cerveau sans culture, autant que celui de Rosny, produit du génie!... C'est une mode, de réaction, de snobisme, d'impudence puérile ou d'inconscience[8].

— Les poètes de l'*Abbaye* ont tous publié un volume, ces temps. Vous avez dû les recevoir sans doute[9]. J'attendais ces volumes, pour suivre leur développement et me fixer sur la direction que les uns et les autres allaient prendre, — que je ne voyais pas. Je ne la vois davantage. J'y vois des empreintes assez désordonnées d'idées des Aînés et de lectures philosophiques: évolutionnisme, vague scientificisme, puis du Nietzsche, du Bergson, — mais une personnalité, non vraiment. Arcos a plus de sérieux cependant, — mais là surtout se décèlent des idées restant vagues, peu assimilées, d'évolutionnisme d'une part, de Bergson d'autre part dont il suivit les cours, — dangereux pour qui n'a pas de culture philosophique et scientifique. On m'a dit que Balmont avait beaucoup aimé ce dernier livre d'Arcos: je ne vois pas pourquoi, par exemple...

Tous, de *l'Abbaye*, sont maintenant très en froid, rivalités assez mesquines. Des amis de Mercereau avaient en idée de lui offrir un *dîner* amical, pour le remercier de sa bonne camaraderie, — qui est absolument réelle: c'est un excellent garçon! Or, Duhamel, J. Romains, Vildrac et Arcos qui avaient cependant éprouvé les bienfaits de cette camaraderie, protestèrent et se retirèrent. Alors, par les soins du *Salon d'Automne* et en protestation, le Dîner devint un *Banquet*! D'où jalousies accrues! Très gamin, tout cela...[10] Oh! les Banquets! cela sévit avec ridicule. Le dernier fut à Paul Fort[11], organisé par Mercereau qui est devenu secrétaire de *Vers et Prose*. J'ai carrément refusé, *par principe*, de donner mon nom parmi les membres honoraires de ce Banquet.... Vraiment la littérature ne semble plus avoir d'autres rythmes que celui des fourchettes!...[12]

— Un choix de l'Académie vient d'être heureux, — cela ne lui arrive pas souvent — Henri de Régnier, le très pur poète. Certes, il fut peu d'avant, et beaucoup de retour au Parnasse, — mais enfin, c'est un poète, de belle et discrète noblesse, d'une noblesse si perdue actuellement.

— J'ai eu, cette quinzaine, un plaisir, — une chose significative. Un professeur de Rhétorique, agrégé, me prévint qu'il prépare sa thèse de Doctorat-ès-Lettres sur la «Poésie scientifique», en recherchant ses précurseurs à partir du XVIIIème siècle. Désireux d'être le plus complet à mon sujet, il me demandait divers éclaircissements quant à ma manière de considérer ces Précurseurs, et aux idées scientifiques qui m'avaient guidé à mon début. Je lui ai un peu résumé l'Article que vous avez pour *Lad*, — ce qui, dit-il, lui a ouvert des horizons nouveaux et synthétiques, dont il s'est montré très sympathiquement heureux[13].

Je suis très satisfait de ce travail, de sa signification et des résultats futurs. Car ce professeur sera nommé professeur de faculté, et c'est pour lui, premièrement, la pensée et l'oeuvre de la «Poésie scientifique» qui prendront place dans l'enseignement supérieur, — avec une entière compétence. Ici, en France, c'est là une chose très importante...

— Je viens de voir que je dois reculer *à Novembre* mon nouveau livre, les *Images du Monde*, au lieu de le donner en Mai. Comme il faut bien compter deux mois pour l'impression, j'ai vu que j'aurais dû trop me hâter, en une matière où il faut aller avec une sage lenteur: j'ai préféré repousser, et je viens d'en avertir l'éditeur[14].

— Maintenant, cher ami, et le professeur en question m'y a fait resonger, — où en est la publication des *Précurseurs de la Poésie scientifique*?

. Je vous prie, s'il n'est pas trop tard, voudrez-vous modifier *le «renvoi»* concernant le volume en préparation sur le même sujet, *de J. L. Charpentier*.

— Et, au lieu de dire qu'il paraîtra *en 1910* (c'est passé), dire: *«qui paraîtra sans doute l'année prochaine»*(sans fixer de date)[15].

Charpentier, qui doit, pour la vie, faire des travaux littéraires à côté, traductions, etc. n'a pu poursuivre son travail, depuis un an[16]. Il est donc très en retard — et c'est un gros et minutieux travail. J'en suis désolé, car ainsi la thèse de doctorat en question paraîtra sans doute avant son volume, — il est vrai que Charpentier envisage toute l'histoire depuis Du Bartas[17], et qu'il a un plan autre et très étendu, avec, en plus, des pièces anthologiques. Mais il devra maintenant se hâter.

Je vous prie, *faites donc la correction*, — importante au point de vue bibliographique.

— Et, je vous prie, quand vous m'écrirez, parlez-moi de cela, n'est-ce pas?

— Puis, mon cher ami, je vous serais reconnaissant de me dire *à quel temps* je devrai vous adresser mon second Article pour la *Pensée Russe*?[18]

Et, s'il vous plaît, veuillez me parler de Directeur Littéraire à Collaborateur, en plus qu'à l'ami, et me faire vos observations qui me *seront très utiles* pour faire au mieux de vos Lecteurs. Dites-moi s'il est des points où je dois insister, et si vous en voyez qui seraient particulièrement intéressants pour la Revue? Je veux y compter, et vous en remercie d'avance. Donnez-moi tous conseils...

— Mais vous, cher ami, à quoi travaillez-vous en ce moment, en plus de la prenante direction de cette partie littéraire, qui, en une Revue de cette importance, doit vous occuper fort.

Et contez-moi un peu du mouvement littéraire à Moscou, voulez-vous?

J'espère, un de ces jours, avoir de vos bonnes nouvelles, — et vous priant de dire à Madame Valère Brussov les amitiés de Madame Ghil avec mes hommages de sympathie. — Mme Ghil se rappelle à votre bon souvenir aussi, —

je vous serre affectueusement la main, encore merci. Vôtre,

René Ghil

82. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

20 февраля 1911 г.

Дорогой друг!

Я хотел написать Вам сразу после того, как, благодаря Вашей заботе, в «Русской мысли» появилась моя первая статья, за которую я вновь говорю Вам спасибо[1]. (И, кстати, сразу же, в этой связи, посылаю Вам для представления в дирекцию расписку в получении гонорара за эту статью.)

У меня было еще много других дел, — но ведь г-жа Брюсова не могла не получить письма г-жи Гиль, в котором мы оба высказывали Вам пожелания в Новом году?[2]

Надеюсь, что у Вас все в порядке и что Вы по-прежнему удовлетворены ведущим положением, занимаемым Вами в таком прекрасном, крупном журнале, где, благодаря Вашей постоянной, столь ценимой мною дружбе, мне предоставлена честь печататься рядом с Вами. «Аполлон» закрыл двери для иностранных сотрудников[3]. Представьте себе, что меня уведомили об этой мере только в первых числах января, в то время, как уже *начиная с октября* я настоятельно спрашивал, нет ли изменений в наших договоренностях. Мне не отвечали. «Аполлон», кстати сказать, никогда не отличался учтивостью...

Несмотря на то, что я испытываю некоторые естественные сожаления по поводу гонораров, я поздравляю себя с тем, что не должен больше общаться с этим журналом. Из моих материалов там еще ждет публикации обзор книг[4] и затем безусловно интересная статья «Об экзотизме во французской литературе»[5].

Поэтому я очень, очень рад видеть свое имя в «Русской мысли», рад своему возвращению в Москву!

Здесь, в Париже, не происходит буквально ничего, что намечало бы новое движение. Как ни странно, у нас царит гордый дух «примитивности». Мне кажется, что не будь он поверхностным, это бы указывало на тревожную умственную атмосферу. Если Вы не возражаете, я хотел бы поговорить об этой атмосфере в своей второй статье в связи с романом Маргерит Оду «Мари-Клер»[6] и книгой лауреата Гонкуровской премии Луи Перго...[7] Я на днях прочитал несколько строк о недавно вышедшем произведении Ж.-А. Рони Старшего «Война за огонь». Эта книга, посвященная доисторическому прошлому, настоящий шедевр, подсказанный интуицией, которая, в свою очередь, продиктована наукой. Несмотря на это, критики, с похвалой отзывающиеся о романе Рони, осмелились поставить его в один ряд с «Мари-Клер», заявив, что мозг, не обладающий культурой, подобной культуре Рони, способен на создание гениальной вещи!.. Это мода — реакционная, снобистская, по-детски бесстыдная, безответственная[8].

Поэты «Аббатства» опубликовали за это время каждый по томику. Вы, несомненно, должны были их получить[9]. Я ждал этих сборников, чтобы проследить их развитие и установить, в каком направлении будет двигаться тот или иной из них, ибо я не в силах был разглядеть этого направления. И сейчас я вижу не больше прежнего. Я вижу на этих книгах довольно беспорядочный отпечаток идей, почерпнутых из книг старших поэтов, а также из философских сочинений: эволюционизм, смутный сциентизм, что-то из Бергсона, из Ницше, но личностей, по правде сказать, не вижу. У Аркоса, впрочем, больше серьезности, но возникающие у него идеи остаются смутными, мало ассимилированными, с одной стороны это эволюционизм, с другой стороны, Бергсон, курс которого он прослушал, что опасно для человека, не обладающего философской и научной культурой. Мне сказали, что Бальмонту очень понравилась последняя книга Аркоса. Я, к примеру, не могу понять, почему...

Все члены «Аббатства» очень холодны друг с другом из-за довольно мелочного соперничества. Друзьям Мерсеро пришла в голову мысль организовать в его честь дружеский *обед* в качестве благодарности за товарищескую поддержку, кстати, совершенно искреннюю — он отличный парень! Однако, Дюамель, Ж. Ромен, Вильдрак и Аркос, которые и сами пользовались плодами его товарищеского отношения, выразили протест и самоустранились. Тогда заботами Осеннего салона и в знак протеста обед превратился в *банкет*! Отсюда — растущая зависть! Все это мальчишество...[10] Ах, банкеты! Такое наказывается посмеянием. Последний был устроен в честь Поля Фора[11]. Организовал его Мерсеро, сделавшийся секретарем журнала «Вер э проз». Я прямо-таки *из принципа* отказался, чтобы мое имя было включено на этом банкете в список почетных гостей... Поистине литература, похоже, живет теперь одним ритмом — стуком вилок!..[12]

Недавний выбор Академии оказался удачным, что случается с нею не часто! Анри де Ренье — поэт беспримесного дарования. Безусловно, он мало продвинулся вперед и значительно отступил назад в сторону Парнаса, но, в конце концов, это поэт прекрасного, скромного благородства, благородства, во многом сегодня потерянного.

За эти две недели я получил приятное известие об очень значимом событии. Преподаватель риторики, диссертант, сообщил мне, что пишет диссертацию на получение степени доктора филологии по теме «Научная поэзия» начиная с ее предшественников — поэтов XVIII века. Желая получить в распоряжение наиболее полную информацию о моем творчестве, он попросил меня разъяснить, из каких принципов я исхожу при рассмотрении названных предшественников и какими научными идеями руководствовался в начале пути. Я вкратце изложил ему содержание статьи, посланной Вам для издательства «Лад». По его словам, она открыла ему новые горизонты в области синтеза, относительно чего он проявил очень милый восторг[13].

Я чрезвычайно удовлетворен этой работой, ее значением и будущим результатом. Поскольку этот преподаватель получит назначение на профессорскую должность на факультете, его первоочередная задача будет состоять в том, чтобы идеи и воплощение «Научной поэзии» заняли свое место в сфере высшего образования и преподавались при полной компетентности. Здесь, во Франции, это крайне важно...

Совсем недавно я пришел к выводу, что мне придется перенести *на ноябрь* мою новую книгу «Образы мира», выпуск которой я предполагал в мае. Посчитав, что печатание займет по меньшей мере два месяца, я понял, что придется работать в спешке над материалом, требующим мудрой медлительности. Я предпочел отложить издание, о чем только что предупредил издателя[14].

Так вот, дорогой друг, упомянутый мною ученый напомнил мне о нашем проекте: как обстоят у нас дела с публикацией «Предтеч научной поэзии»?

Если еще не поздно, измените, пожалуйста, *сноску,* в которой говорится о книге на ту же тему, подготавливаемой *Дж. Л. Шарпантье.*

Вместо слов о том, что она будет выпущена *в 1910 году* (что уже в прошлом), напишите: *«которая, вне сомнения, выйдет в следующем году»* (без уточнения даты)[15].

Вот уже год, как Шарпантье, вынужденный зарабатывать себе на жизнь различными литературными занятиями — брать на стороне переводы и т. д., не имел возможности продолжить свой труд[16]. Это сильно задержало его работу — дело большое и кропотливое. Я этим крайне огорчен, так как диссертация, о которой я Вам рассказал, безусловно, выйдет раньше его книги. Шарпантье, правда, предполагает осветить всю историю начиная с Дю Бартаса[17], у него другой, чрезвычайно обширный план, сопровождаемый к тому же отрывками из произведений. Сейчас ему, однако, придется поторопиться.

Итак, *внесите, пожалуйста, исправления.* Они важны с библиографической точки зрения.

В Вашем следующем письме Вы сообщите мне об этом, не так ли?

И вот еще, дорогой друг. Я был бы Вам благодарен, если бы Вы *назвали мне срок*, к которому я должен буду послать Вам вторую статью для «Русской мысли»[18].

И, прошу Вас, говорите со мной как заведующий литературным отделом с сотрудником, а не как товарищ с товарищем, и выскажите свои соображения. Они мне *будут очень полезны* ради блага Ваших читателей. Прошу Вас указать мне на аспекты, которые я должен выделить, аспекты, которые, по Вашему

мнению, были бы наиболее интересны для журнала. Я приму Ваши указания к сведению и заранее Вас за них благодарю. Жду от Вас любых советов...

А Вы, дорогой друг, над чем сейчас работаете, помимо руководства литературным отделом такого важного журнала, — ведь это должно отнимать много времени и Вы, должно быть, очень заняты?

И, пожалуйста, расскажите в двух словах о литературном движении в Москве.

Я надеюсь на днях получить от Вас приятные известия. Прошу вас передать г-же Брюсовой дружеский привет от г-жи Гиль, присоединив к нему заверение в моей симпатии. Г-жа Гиль тоже просит ее не забывать.

Дружески жму Вашу руку, еще раз благодарю, Ваш

Рене Гиль

---

[1] См. примечание 7 к письму № 80.

[2] Упоминаемое письмо нам неизвестно.

[3] В 1911 г. «Аполлон» был преобразован в художественный журнал. Раздел литературной хроники, в котором печатались рецензии Гиля, был упразднен.

[4] Последняя публикация Гиля в «Аполлоне» — пространная серия рецензий на произведения самого разного жанра под объединяющим названием «Этюды о французских книгах» (1911. № 2). Гиль дал в ней отзывы о следующих новинках (перевод названий — по русской публикации): Леон Пашаль «Новая эстетика, построенная по психологии гения» (Paschal Léon, «Esthétique nouvelle, fondée sur la psychologie du génie», 1910), Флориан-Пармантье «На путях человеческих» (Florian-Parmentier, «Par les routes humaines», 1910), Паскаль-Бонетти «Гордость» (Pascal-Bonetti, «Les Orgueils», 1910) и Юбер Перно «Народная антология современной Греции» (Pernot Hubert, «Anthologie populaire de la Grèce moderne», 1910).

[5] См. примечание 7 к письму № 70.

[6] Маргерит Оду (Marguerite Audoux, 1863—1937) — писательница-самоучка, получившая широкую известность во французских литературных кругах благодаря своему самобытному таланту и необычной судьбе. По одним сведениям, пастушка, по другим — служанка в провинциальном доме, она в молодости приехала в Париж, где стала белошвейкой. В 1910 г. опубликовала в издательстве «Фаскель» автобиографический роман «Мари-Клэр» с предисловием Октава Мирбо, удостоенный премии «Фемина» и распроданный в считанные недели в количестве 75 тысяч экземпляров. В течение трех месяцев роман находился в центре внимания всей французской прессы, помещавшей многочисленные интервью с писательницей и исследования о ее творчестве. Книга была переведена на несколько иностранных языков. Два других романа М. Оду «Ателье Мари-Клэр» («L'Atelier de Marie-Clair», 1920) и «Из города на мельницу» («De la ville au moulin», 1929) получили также некоторую известность, после чего имя ее было окончательно забыто. Отзыв о романе «Мари-Клэр» в «Русской мысли» не публиковался.

[7] Рецензия Гиля на сборник рассказов Луи Перго «От Лиса до Марго» («De Goupil à Margot»), удостоенный в 1910 году Гонкуровской премии, в «Русской мысли» не печаталась. Отзыв о втором сборнике писателя «Отмщение ворона» («La Revanche du corbeau») Гиль включил в обзор новых книг, опубликованный в № 9 журнала за 1911 г. (см. примечание 16 к письму № 83). В начале своего творчества Луи Перго принадлежал к группе «Beffroi», которой симпатизировал Гиль. В 1904 г. он дебютировал поэтическим сборником «Заря» («L'Aube»), отрецензированным в «Весах» Брюсовым. «Вся эта “Заря”, —

иронизировал рецензент, — еще очень ранняя зорька, еще зеленовато-белый рассвет. [...] Трудно решить, что откроется глазу, когда встанет солнце» (1904. № 7. С. 57. Подпись: Аврелий). 4 апреля 1915 г. Л. Перго пропал без вести на одном из фронтов Первой мировой войны.

[8] На романе Ж. Рони-старшего «Борьба за огонь», который успел к этому времени появиться в русском переводе (Предисловие М. Ц. Пуансо. Издание М. И. Семенова. СПб., 1911), Гиль вкратце остановился в заключительной части своей следующей статьи «Парижские театры», отметив, что простой рассказ о злоключениях первобытного племени позволил «интуитивному гению» писателя воплотить «в нервы и мускулы строгую и объективную науку — палеонтологию» (Русская мысль, 1911. № 6. Отд. III. С. 25).

[9] К 1911 г. бывшие участники объединения «Аббатства» действительно выпустили новые поэтические сборники. Жорж Дюамель — две книги: «Человек во главе» («L'Homme en tête», 1909) и «По моему закону» («Selon ma loi», 1910). Шарль Вильдрак — лучший свой сборник «Книга любви» («Livre d'amour», 1910), а Рене Аркос — сборник «Нарождающееся» («Ce qui naît», 1910). Экземпляр книги Аркоса сохранился в библиотеке Брюсова (РГБ. Ф. 386. Книги. № 1559).

[10] Банкет, устроенный в связи с назначением А. Мерсеро соредактором журнала «Vers et Prose», состоялся по традиции в кафе «Вольтер». Из литераторов старшего поколения на нем присутствовали Э. Верхарн, Анри де Ренье, Жюль Леметр, Элемир Бурж, Пьер Кийяр, Сен-Поль Ру, Андре Фонтена и многие другие. Среди приглашенных, помимо поэтов, писателей и критиков, можно было встретить известных художников и скульпторов, знакомых с Мерсеро по его работе в организационном комитете Осеннего салона; в конце вечера декламировались стихи и исполнялись музыкальные произведения.

[11] Банкет в честь Поля Фора, приуроченный к выходу его новой книги «Печаль человеческая» («Tristesse de l'Homme»), состоялся 9 февраля 1911 г. в кафе «Глоб». Зал едва вместил 400 поэтов и писателей, принадлежавших к нескольким поколениям — от символистов до литературной молодежи. Среди выступавших были Гюстав Кан, Сен-Поль Ру, Ф. Т. Маринетти и сам Поль Фор, произнесший длинную ответную речь.

[12] Отношение Гиля к банкетам отличалось очевидной избирательностью: так, осенью 1912 г. он был одним из 150 участников банкета в честь Жана Руайера и даже прочел там стихотворение «Октябрьский вечер» недавно скончавшегося Л. Дьеркса. Присутствовал он, например, и на банкете, данном португальским правительством 13 июня 1912 г. в честь открытия памятника знаменитому португальскому поэту Камоэнсу.

[13] Речь идет о докторской диссертации Казимира Александра Фюзиля «Научная поэзия с 1750 г. до наших дней, ее воплощение, ее составляющие» (Fusil Casimir Alexandre, «La Poésie scientifique de 1750 à nos jours, son élaboration, sa constitution», 1918), законченной в июле 1914 г., но изданной только после окончания Первой мировой войны. Защита диссертации состоялась 8 июня 1918 г. после возвращения автора с фронта. В своей обоснованной, документированной работе Фюзиль цитирует отрывки из неопубликованной статьи Гиля «Предтечи научной поэзии во Франции» («Les précurseurs de la poésie scientifique en France»), предоставленной ему, как следует из указания на с. 302 диссертации, в рукописи. Выводы, которые делает этот преподаватель Парижского университета относительно роли Гиля в становлении «научной поэзии», несколько расходятся с суждениями человека, претендующего на ее воплощение. Освещая в последней главе конфликт символистской школы с возникающей «школой сциентизма», Фюзиль причисляет Жюля Лафорга и Верхарна к представителям «научного лиризма» [«le lyrisme scientifique» (P. 250)], в то время, как Гиль, по его мнению, «дотоле неведомыми речениями пытается в гигантской дидактической эпопее выразить все знания своего времени» [«d'un verbe inusité jusqu'alors, essaie, dans une oeuvre immense, didactique et épique, de dire tout le savoir de son temps» (Там же)]. Автор «Трактата о Слове»

является для Фюзиля одним из многочисленных представителей реально существующей «научной поэзии», среди которых он видит совсем иные имена, чем Гиль: Себастьяна-Шарля Леконта, А. Лакюзона (!) и целый ряд совсем неизвестных поэтов. Единственное исключение из списка — Рене Аркос, «научный» сборник которого «Трагедия пространств» («La Tragédie des espaces», 1906) признается в диссертации эпигонским, причем в сноске сообщается, что книга была изъята из продажи самим поэтом. Несмотря на подчеркнуто уважительный тон и признание «революционных» достижений Гиля, Фюзиль позволил себе в его адрес мягкие критические замечания, что не помешало Гилю восторженно встретить публикацию работы. В пространной рецензии, названной «Диссертация о научной поэзии» («Une thèse sur la poésie scientifique»), Гиль в спокойном, уверенном тоне приветствовал актуальность темы, чрезвычайно важной, по его мнению, для творчества своих молодых последователей — братьев Поля и Жоржа Жамати и Шарля Кузена. Понимая отныне научную поэзию как соединение эволютивной теории с древнеиндийской философией, наподобие священных книг Востока, Гиль согласился с выводом Фюзиля о том, что он, Гиль, принадлежит к тем немногим, кто своим творчеством подготовил приход подлинного научного поэта: «И поэтому, — заканчивает он рецензию, — я взволнован только одним: тем, что дерзнул взвалить себе на плечи и нести с гордостью и смирением вековое бремя... Завтра я продолжу свой труд, а иные начнут его, но во имя французской мысли мы со всей страстностью поднимем убедительную песнь универсальной воли существа и сверх-существа посреди пугающей скорби и пустоты» [«Et c'est pourquoi je ne m'émus, que d'oser supporter, avec orgueil et humilité, le séculaire fardeau... Demain, moi qui continuerai et d'autres qui commenceront, avec passion, pour la pensée de France, nous élèverons le chant probant de l'universelle volonté d'être et de plus-être, parmi la détresse et le vide effrayants» (Les cahiers idéalistes français. 1918. № 18, juillet. P. 184)].

[14] Как мы указывали выше, первая часть книги «Образы мира» была опубликована только в 1912 г.

[15] Речь идет о следующей сноске, относящейся к заключительной части очерка: «В течение текущего 1910 года за подписью Джона Шарпантье в печати появится полная История “Предшественников научной поэзии во Франции”. Наряду с исчерпывающим, тщательно документированным исследованием издание содержит характерные фрагменты творчества каждого поэта. Завершится книга изложением нашего Метода и фрагментами нашего Творения, вышедшими к настоящему времени. Джон Шарпантье и сам является научным поэтом, пишущим в традициях эволюционизма. У него оригинальная концепция и оригинальное воплощение» [«Au cours de cette année, 1910, une Histoire complète des “Précurseurs de la Poésie scientifique en France” paraîtra sous la signature de M. John Charpentier. Le volume comprendra, en même temps qu'une étude complète et documentée de toute manière, des extraits caractéristiques de l'œuvre de chaque poète. Elle se terminera par l'étude de notre Méthode et des parties de notre œuvre actuellement parue. M. John Charpentier est lui-même un poète scientifique d'esprit évolutioniste, de conception et de mise en œuvre originales, sur qui nous n'avons de doute a la “Poésie scientifique”, une œuvre de grande valeur, surtout en les résultats d'Ethique, — synthèse de morale individuelle et sociale pénétrées impersonnellement de l'émotion universelle émanée des sources de son savoir» (Французская национальная библиотека, без нумерации)].

Книга Шарпантье так и не была написана, в связи с чем Гиль просил Брюсова в ноябре 1913 г. вообще снять сноску (см. письмо № 98).

[16] Первые книги Дж. Шарпантье, критика весьма плодовитого, действительно стали появляться только начиная с 1919 г.

[17] Гийом де Саллюст Дю Бартас (1544—1590) — французский поэт, один из наиболее ярких представителей барокко.

[18] В письме к П. Струве от 14 февраля 1911 г. Брюсов писал: «Р. Гиль спрашивает, может ли он доставить 2-ой обзор французской литературы. Кажется, первый был вполне благопристойным. Можно бы 2-ой поместить в мае (если не в апреле)» (Литературный архив. Вып. 5. М.; Л., 1960. С. 327).

83. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 21 Mai 1911

Bien cher et Grand ami,

Je vous suis très reconnaissant de votre longue, de votre affectueuse lettre, — et toujours si pleine des actes de votre grande et unique amitié[1]. Je me reprochais, moi, de ne vous avoir écrit depuis la lettre de Mme Ghil[2], — mais voici: en plus de mon travail littéraire, j'ai dû, par affection et devoirs, m'occuper des intérêts de parents, qui m'ont demandé et conseils *et démarches nombreuses*, suivies. Je n'ai point l'habitude de ces choses, — et j'y ai eu plus de mal et plus de temps, parvenant à des solutions, à force de logique, et en imposant ma loyauté. C'est terminé maintenant, tout se retrouvant mis en place à peu près: mais fatigué. Je sens cependant qu'à me remettre à mon cher travail, cette lassitude va passer, et puis il faut rattraper plus d'un mois perdu, au moins.

Je devrai travailler assidûment pendant nos vacances, pour arriver à donner à l'éditeur, en septembre, le manuscrit du 1er volume des *Images du Monde*, — car ce Livre sera en deux volumes. Je veux, en effet, attirer l'attention sur la partie qui fera l'objet principal du vol[ume] I: le principe du *Totémisme*, en quoi je veux voir la genèse des plus essentiels rites, religieux et magiques, — en même temps que d'intuition de la Science expérimentale en l'entendement *secret et déguisé* du Sorcier, etc., tout cela exprimé en drames (action) et en rythmes immédiats, en pleine sensation, profonde et diffuse à la fois, et en pensée à multiples rapports où *se suggère* tout l'avenir philosophique. Je suis relativement content jusqu'à présent, encore, hélas! que je n'atteindrai point aux hauteurs que votre amitié indulgente veut bien prévoir! Mais je crois que là se sentira, s'affirme, peut-être plus que partout ailleurs, ce mode *d'analyse dans la synthèse*, qui est la foncière caractéristique de mon oeuvre...

Cette année nos vacances se passent dans le Poitou, à Melle (Deux-Sèvres), où nous partirons les tout premiers jours de Juillet, jusqu'au 10 Septembre environ. C'est, hélas! du côté opposé à l'Italie où vous serez, mais Mme Ghil et moi voulons espérer que vous pousserez encore votre voyage jusqu'à Paris, où nous aurions tant de plaisir à revoir Madame Brussov et vous. Nous reviendrions certes exprès pour vous revoir! Que ce serait donc charmant de causer...[3]

Ce que vous me dites de votre nouvelle oeuvre en train de se penser et de se documenter m'intéresse beaucoup. Je pus suivre un peu, de divination, grâce aux sources multiples que vous m'indiquiez en renvois, le travail serré de préparation auquel vous vous êtes astreint. (Votre Etude de la *Pensée Russe*[4].) J'avais prévu que c'était là un avant-propos à une Oeuvre de votre création. Votre choix est tout heureux, et vous

écrirez une belle et synthétique épopée de cette Byzance et de Rome au IVème siècle, — de ces magnificences, de ces pourpres cruautés, et de ces arguties philosophiques et religieuses, — décadences d'étrange éclat, en même temps que genèse d'un monde nouveau...[5]

C'est un travail énorme, d'art puissant, qu'il ne m'étonne point de trouver en votre pensée qui aime embrasser l'effort et la grandeur. —

Ce que vous voulez bien me dire de mon second Article pour la *Pensée Russe* m'a fait le plus grand plaisir. Je suis heureux de vous avoir contenté, — ce qui est d'abord un désir, — et aussi vos lecteurs. Je vous prie, dites-moi toujours toute votre pensée à ce propos: ce sera pour moi beaucoup d'assurance[6].

Sans doute trouvez-vous bonne la pensée que je vous soumettais de traiter, *en chaque Etude, un aspect* de l'actualité littéraire? Et, je vous prie, voulez-vous me dire si, en le prochain (que j'écrirai à la campagne), il est mieux que je traite de la Poésie, ou du Roman? à votre avis, et pour le mieux de la Revue... Je vous serais reconnaissant de m'en aviser d'un mot, car, selon votre désir, j'emporterai avec moi un choix soit de volumes de vers, soit de romans? Merci de ce soin.

Et comment vous remercier du soin que vous avez pris du petit volume des *Précurseurs [de la poésie scientifique]*! J'en suis confus, je ne sais comment vous en exprimer ma gratitude: cela vous a demandé certainement des démarches, des ennuis, que je ne puis reconnaître! Je souffrirais de ne pouvoir vous exprimer ma reconnaissance, si je ne savais votre amitié et si vous ne saviez pas la mienne![7]

Puisqu'encore c'est vous qui reverrez le manuscrit et corrigerez les épreuves, voudrez-vous penser à enlever, comme il vous plaira, toutes les expressions *qui dataient cet écrit de l'année 1910* (par exemple, au début, disant que M. Poincaré *venait de prononcer* son discours de réception à l'Académie, etc.[8]), et lui enlever tout caractère *d'Article*, pour lui donner celui d'écrit en vue de l'édition en volume, etc... Je vous ai dit aussi *de ne point assigner de date* à la parution (annoncée en renvoi), du livre de M. J. L. Charpentier, qui travaille encore à ce livre, retardé, etc...[9]

Grand merci pour tout cela, — et, je vous prie, agissez comme pour vous-même. Ce que vous ferez et corrigerez sera selon ma pensée.

Je serai très heureux qu'ainsi, la parution de ce petit ouvrage en Russie coïncide avec celle de mon volume nouveau, ici...

Mme Ghil a déjà dit à Madame Brussov le plaisir que nous avons eu des traductions de quatre de vos poèmes, qu'elle voulut bien nous envoyer. Sa pensée a été toute bonne, et nous l'avons priée de nous continuer de ces envois.

La traduction m'en a paru excellente, — qui rend exactement la force concentrée de votre pensée et de votre verbe, en même temps que l'atmosphère suggestive *à prolongements de mystère, et d'émotion* intellectualisée[10].

Orphée et Eurydice, en même temps que d'inspiration très noblement classique, s'attendrit de l'éternelle Harmonie: quelque chose de doux, *de pressant*, de fervent vers la joie et de plaintif à la fois. J'admirai tout de suite la surprise de tant d'art des premiers vers:

«Tes pas — tes pas t'ont suivie...
J'entends l'écho derrière eux»[11]

qui situent l'action dans le dédale ténébreux et désert. Puis toute l'évocation qui se fait

suggestive, *appelante*, précipitée, de la lumière et de la vie, aux paroles d'Orphée... C'est d'une beauté très douce, très large...

Et je ne sais quels accents de mélopée populaire, simple et à retentissement profond, je retrouve en votre synthétique poème du *Maçon*. Cela est à la fois farouche et résigné comme toute la misère humaine.

(«La misère aime à s'appauvrir»),

et c'est d'un art très grand et délicat, qui *condense l'émotion*. — L'art de transposer avec mystère le concret en l'abstrait, je l'admire aussi en le poème l'*Escalier*, avec l'émotion qui en émane: de mélancolie forte, mais de tranquille volonté, supérieurement.

Et cette volonté nouvellement stoïque, là, si elle s'amollit et vibre de douceurs et de regrets, — voici, au Poème à la Beauté, qu'elle s'affirme en dévotion pure comme le gel immobile, — cependant que cette pureté est fervemment adorante, en intellect. — C'est *fixe* de beauté... [12]

Je vous remercie encore de cet envoi, de tout mon merci. Nous serions heureux, Mme Ghil et moi, d'en recevoir d'autres, — et, ainsi, ce nous serait composer une précieuse Anthologie de quelques-unes des pages nombreuses de votre Oeuvre, — où, d'ailleurs, je pourrais puiser, quelque jour, où il me sera peut-être possible (malgré, hélas! que je ne lise point le Russe), de parler de vous, de votre nom et de sa si pleine signification. J'y songe depuis longtemps...

Je vois, cher ami, que vous vous tenez au courant, toujours, de notre littérature, — et j'admire cela, que vous puissiez encore en trouver le temps, avec le travail de la Revue, et votre création continue d'oeuvre! Il y a en vous des puissances admirables.

Aussi, j'ai lu la *Sapho* de V[ielé-]Griffin, d'un art très beau. J'ai eu encore d'autres livres, ou vers ou prose, qui m'ont intéressé: d'aucuns à garder en mémoire — et dont, d'ailleurs, je parlerai en la *Pensée Russe*...[13]

Ah! les «ex-Abbayistes». J'ai eu leurs livres également, — sauf de M. Romains, également! Je ne le regrette pas, car je lus ai lus ses derniers livres, et malheureusement ce ne sont plus que les recueils de son mauvais goût et de ses si grandes ignorances qu'il nous donne.

De Duhamel, — rien, de la prétention pâteuse. — Vildrac aura à apporter grande attention à ne point perdre la sincérité de l'émotion simple et grave que nous avons aimée en ses premiers livres, — mais qu'il répète trop! — Arcos démontre le plus de travail, bien que très prétentieux aussi, oh! certes, et bien que *manquant de personnalité* absolument. Tout cela appartient, en son second livre, à Nietzsche, à Bergson, — et, au fond, à l'Evolutionnisme à travers ma pensée d'art: et tout cela se mêle, se diffuse, se perd en l'on ne sait quel idéalisme enfantin et romantique, somme toute. Et, je le dis, c'est le meilleur, cependant[14].

Moralement: oh! tous, quels charmants arrivistes! Ils arrivent surtout à se faire détester de leurs égaux et de nombre des Aînés, — et, pourtant, personne ne partit avec autant de sympathies effectives qu'eux! Mais, oui, qualité inférieure de mentalité, pas artistes, et manque du grand orgueil! J'en ai eu de la peine... [15]

Bien cher ami, je vous quitte maintenant, heureux d'avoir causé un peu avec vous, — mais, oui, espérant quand même vous revoir à Paris à la fin de l'été, avec Madame Brussov.

Ecrivez-moi, un de ces jours, — et, s'il vous plaît, pour me dire surtout si vous préférez ma 3ème Etude *sur le Roman ou la Poésie*?[16]

Je vous remercie encore de votre bonne lettre, de toute votre bonne amitié!

Mme Ghil se rappelle à vous, envoie amitiés à Madame Brussov à qui offrez mes hommages de sympathie, je vous prie.

Je vous serre affectueusement la main, avec mon admiration, tout émue à nouveau par les poèmes dont je vous ai reparlé plus haut. Vôtre,

René Ghil

83. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 21 мая 1911 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Я крайне благодарен Вам за длинное, теплое письмо, которое, как всегда, содержало многочисленные проявления Вашей огромной, редкой дружбы[1]. Я упрекал себя за то, что не писал Вам с тех пор, как Вам отправила письмо г-жа Гиль[2]. Но, видите ли, помимо литературной работы мне пришлось из чувства любви и долга заниматься делами родственников, попросивших меня о совете, а затем и *о многократных действиях*. У меня совершенно нет привычки к подобным вещам, и эти занятия не только стоили мне больших трудов, но и отняли у меня гораздо больше времени, чем у кого-либо другого, однако я добился разрешения проблем за счет логики, решительно убедив семью в моей преданности. Сейчас это позади. Все более или менее стало на свои места, но я устал. Впрочем, я чувствую, что стоит мне вернуться к моей милой работе, как утомление пройдет. И потом надо по меньшей мере наверстать потерянный месяц.

Мне придется прилежно трудиться во время отпуска, чтобы успеть в сентябре предоставить издателю рукопись первого тома «Образов мира», так как эта книга будет в двух томах. На самом деле я хочу привлечь внимание к той части, где заявлена главная тема первого тома: это принцип «тотемизма», в котором я усматриваю истоки наиболее важных ритуалов религии и магии и в то же время интуицию экспериментальной науки, заложенную *в тайной, скрытой под маской* мыслительной способности шамана, и т. п. Все это выражено в драматических сценах (в действии) и в спонтанных ритмах, при всеобъемлющем впечатлении, одновременно глубоком и разлитом повсюду, а также в мысли, характеризуемой многократными перекличками, в которых *содержится намек* на все философское будущее. Пока я относительно доволен, хотя, увы, еще очень далек от вершин, напророченных мне Вашей снисходительной дружбой! Но я верю, что в этой книге почувствуется и, быть может, более, чем в других местах, утвердится метод *анализа в синтезе*, являющийся краеугольным камнем моего творчества...

В этом году мы проводим лето в Пуату, в городке Мелль, что в департаменте Дё-Севр. Мы уедем туда в начале июля и пробудем там приблизительно до 10 сентября. К сожалению, Мелль находится на противоположной стороне Франции, если смотреть из Италии, где будете находиться Вы. И все же мы с г-жой Гиль

надеемся, что Вы продолжите Вашу поездку до Парижа, и мы оба будем рады видеть здесь Вас и Вашу жену. Мы бы, безусловно, специально вернулись в столицу, чтобы повидаться с Вами. Какая была бы прелесть снова побеседовать...[3]

То, что Вы рассказываете о своем новом произведении, которое сейчас обдумываете и для которого собираете материал, интересует меня чрезвычайно. Отчасти по догадкам, отчасти благодаря многочисленным источникам, указываемым Вами в сносках, я имел возможность судить о той строгости, какую Вы на себя налагаете при подготовительной работе (я имею в виду Ваш очерк в «Русской мысли»[4]). Я уже тогда предположил, что это вступление к создаваемому Вами произведению. Вы сделали удачный выбор. Вы напишете прекрасную синтетическую эпопею о Византии и Риме VI века, об их великолепии, о пурпурных жестокостях, о философской и религиозной казуистике, об упадке с его причудливым блеском, когда из гибнущего мира рождается новый мир[5]...

Это огромная работа, требующая мощного искусства. В том, что подобный замысел созрел именно в Вашем уме, для меня нет ничего удивительного: Ваш ум любит трудности и величие.

Сказанное Вами относительно моей второй статьи для «Русской мысли» было для меня в высшей степени лестно. Я рад, что понравился не только Вам, что являлось моей главной целью, но и Вашим читателям. Прошу Вас и впредь высказывать любые суждения по поводу моей работы: они вселяют в меня глубокую уверенность[6].

Думаю, что Вы согласитесь с высказанным мною ранее намерением затрагивать *в каждой статье* какой-нибудь аспект текущей литературы. И, пожалуйста, сообщите мне, рассматривать ли мне в будущей статье (которую я напишу в деревне) поэзию или роман? На благо читателей журнала... Я буду Вам признателен, если Вы уведомите меня об этом коротким письмом, чтобы в соответствии с Вашими пожеланиями я взял с собой либо несколько томиков стихов, либо несколько романов. Спасибо за отклик на эту просьбу

Но как же я смогу отблагодарить Вас за заботы, связанные с изданием моей брошюрки «Предтечи научной поэзии»! Мне неловко, я не знаю, как выразить Вам свою признательность: это дело, безусловно, потребовало от Вас действий и хлопот, о которых я и не догадывался! Невозможность выразить Вам благодарность была бы для меня мучительной, не знай я Вашей дружбы, не знай Вы моей![7]

Поскольку Вы сами будете вычитывать рукопись и держать корректуру, не могли бы Вы позаботиться о том, чтобы по своему усмотрению удалить из текста все фразы, *привязывающие публикацию к 1910 году* (например, в начале, о том, что Пуанкаре *недавно произнес речь* на приеме в Академию и т. д.), а также придать рукописи характер произведения, предназначенного для издания в виде книги, а не в виде статьи[8]. И, как я Вам уже писал, *не указывайте никакой даты* выхода в свет (объявленной в сноске) книги Дж. Л. Шарпантье, над которой он с запозданием работает и т. п.[9]

Огромное спасибо за все это — и, прошу Вас, действуйте так, как если бы это была Ваша книга. Все, что Вы сделаете и исправите, будет соответствовать моему замыслу.

Я буду этому очень рад, так как появление в России этой брошюрки совпадет по времени с появлением во Франции моего нового тома...[10]

Г-жа Гиль уже писала г-же Брюсовой о том, какую радость нам доставили переводы четырех Ваших стихотворений, присланных ею. Приятно, что она подумала о нас, и мы ее попросили присылать нам и впредь такие переводы.

Перевод показался мне превосходным: он в точности передает сосредоточенную силу Вашей мысли и речи и, вместе с тем, атмосферу, намекающую *на продолжение тайны и рационализированной эмоции*[11].

Стихотворение «Орфей и Эвридика», вдохновленное благородным классическим прототипом, сочетает в себе в то же время нежность вечной Гармонии: нечто ласковое, *подгоняющее*, пламенное, тянущееся одновременно к радости и жалобе. Я был сразу восхищен неожиданной искусностью первых строк:

«Слышу, слышу шаг твой нежный...
Шаг твой слышу за собой»[12].

С первых же слов ощущается, что действие происходит в мрачном, пустынном лабиринте. Затем в речениях Орфея суггестивно, *призывно*, поспешно воскрешается жизнь, воскрешается свет... Это строки очень нежной, очень щедрой красоты...

И какие-то неведомые интонации народной песни, простой и полной глубоких отзвуков, я обнаружил в Вашем синтетическом стихотворении «Каменщик». В нем одновременно присутствует и суровость, и покорность, как в любом человеческом горе.

(«Тем наша доля полна») —

это принадлежит великому, тонкому искусству, подлинной *конденсации эмоции*. Искусству, способному посредством тайны транспонировать абстрактное через конкретное, искусству, вызвавшему мое восхищение также в стихотворении «Лестница» с излучаемой им эмоцией: глубокой меланхолией, соединенной со спокойной решимостью. В высшей степени превосходно!

И вот еще пример стоицизма, по-новому волевого, смягченного и вибрирующего то нежностью, то сожалением, в стихотворении о Красоте, в котором воля утверждается преданностью, чистой, как неподвижная ледяная глыба. И, тем не менее, как восхитительна эта пламенная чистота умственного усилия. *Незыблемая* своей красотой...[13]

Еще раз от всего сердца благодарю Вас за присланные стихи. Мы с г-жой Гиль были бы счастливы, если бы Вы прислали еще: таким образом мы смогли бы составить драгоценную антологию из нескольких страниц Вашего обширного творчества. Из этой антологии я когда-нибудь смогу черпать идеи и (несмотря на то, что я, увы, ни слова не могу прочесть по-русски) сумею написать о Вас, о Вашем имени, о его полноценном значении. Я давно мечтаю об этом...

Я вижу, дорогой друг, что Вы продолжаете следить за нашей литературной жизнью. Я восхищаюсь тем, что Вы находите для этого время, служа в журнале и не прерывая творческой работы! В Вас живут восхитительные силы.

Я, как и Вы, прочитал «Сафо» Вьеле-Гриффена, этот образец прекрасного искусства. Прочитал еще и другие книги в стихах и прозе, которые меня заинтересовали. Некоторые из них стоит сохранить в памяти — о них я напишу для «Русской мысли»...[14]

Ах, эти бывшие участники «Аббатства». Я тоже получил от них книги, кроме книги Ромена, не присланной и Вам. Я не жалею об этом, так как читал его по-

следние сборники и, к сожалению, нашел, что он дает нам лишь образцы плохого вкуса и великого невежества.

У Дюамеля — ничего, кроме тяжеловесной претензии. Вильдраку придется внимательно следить за тем, чтобы не растерять искренность простого, строгого чувства, которое так нравилось нам в его первых книгах. Но сколько у него повторов! Аркос проявляет гораздо большее трудолюбие, хотя и он, безусловно, очень претенциозен, и у него *совершенно отсутствует личность*. Его вторая книга целиком зависима от Ницше, от Бергсона и, в конечном счете, от эволюционизма, воспринятого через мое понимание искусства. И все перемешано, разбавлено одно с другим и в итоге утеряно в никому неведомом идеализме, то ли детском, то ли романтическом. И это, как я сказал, тем не менее, лучший[15].

С точки зрения нравственности — все они очаровательные выскочки! Главное, чего они добились, это презрения со стороны не только сверстников, но и многих поэтов старшего поколения. И ведь никто другой не встретил в начале карьеры столько действенного сочувствия, сколько встретили они. И, как следствие, низкий духовный уровень. Это натуры, лишенные артистизма — при отсутствии высокой гордости! Читать мне их было тяжко...[16]

Дорогой друг, я должен с Вами проститься. Я счастлив, что мне удалось немного побеседовать с Вами, однако, я продолжаю надеяться, что в конце лета вновь увижу Вас в Париже вместе с г-жой Брюсовой.

Напишите мне на днях и, пожалуйста, подскажите, какой жанр предпочтительней в качестве темы для моей третьей статьи — *роман или поэзия?*[17]

Еще раз благодарю Вас за милое письмо и добрую дружбу!

Г-жа Гиль посылает Вам привет и просит передать дружеские пожелания г-же Брюсовой, которой я прошу засвидетельствовать выражение моего крайнего почтения.

Тепло, с восхищением жму Вашу руку, вновь тронутый стихами, о которых я говорил в начале письма. Ваш

Рене Гиль

---

[1] Упоминаемое письмо Брюсова нам неизвестно.

[2] Письмо Алисы Гиль, вероятно, адресованное И. М. Брюсовой, нам также неизвестно.

[3] Как указывалось выше, последняя поездка Брюсова в Париж состоялась в 1909 г.

[4] Имеется в виду очерк Брюсова «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония», опубликованный в № 3 «Русской мысли» за 1911 г., а затем вышедший отдельным оттиском.

[5] Планы Брюсова, связанные с Древним Римом, были в этот период широки и разнообразны. Так, в каталоге издательства «Скорпион», помещенном в сборнике «Земная ось», анонсировались две книги: «Пять поэтов (Пентадий, Авсоний, Порфирий, Клавдиан, Луксорий), пер. Валерия Брюсова» и «Aurea Roma — Золотой Рим: Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х.». Книги в свет не вышли. Оба замысла проанализированы в статье М. Л. Гаспарова «Неизданные работы В. Я. Брюсова по античной истории и культуре» (Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973). Из реализованных замыслов в этой области следует назвать «Алтарь Победы. Повесть IV века» (Русская мысль. 1911. №№ 9, 11, 12; 1912. №№ 1—4) — книгу, дающую широкую панораму жизни императорского Рима на переломе от язычества к христианству.

В письме к А. Измайлову от 2 мая 1911 г., Брюсов сообщал: «Сейчас я весь предался Риму, именно IV веку, с времен Константина Великого до времен Феодосия Великого. Мой "Авсоний" только одна из длинного ряда задуманных статей. Ближайшая будет называться "Рим и мир" и будет говорить о *международных* отношениях империи (с Персией, Индией, Китаем и т. д.). В то же время пишу *роман* из той же эпохи (времена императора Грациана) — "Алтарь Победы". Печататься он будет, вероятно, в "Русской Мысли" с января 1912 г. А попутно написал маленькую лирическую трагедию "Лаодамия", на сюжет, использованный многими (в новое время — Выспянским, Сологубом, Анненским)...» (цит. по: *В. Я. Брюсов.* Письма к А. А. Измайлову / Публикация Э. С. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 242).

В 1917—1918 гг., Брюсов частично реализовал свой незавершенный замысел, прочитав в Народном университете им. А. Л. Шанявского лекционный курс «Рим и мир. (Падение Римской империи)».

[6] Вторая статья Гиля «Парижские театры» вновь вышла в рубрике «В России и за границей» (Русская мысль, 1911. № 6. С. 20—25). В редакционной сноске значилось, что статья написана специально для «Русской мысли» и переведена с рукописи.

[7] Какие конкретные шаги предпринимал Брюсов в деле издания брошюры «Предтечи научной поэзии», нам неизвестно.

[8] См. примечание 6 к письму № 61.

[9] См. примечание 15 к письму № 82.

[10] И. М. Брюсова прислала Гилям подборку стихотворений ее мужа, переведенных на французский язык Жаном Шюзевилем (Jean Chuzeville, 1886 — после 1940) для его книги «Антология русской поэзии» («Anthologie des poètes russes», 1914), вышедшей в свет в декабре 1913 г. с предисловием Брюсова и составленной при его ближайшем участии (подробно см.: *Динесман Т. Г.* Предисловие к французской «Антологии русских поэтов» // ЛН 1976). Предисловие было написано в 1911 г. Приблизительно в это же время были, вероятно, выполнены и переводы (как явствует из отчета о деятельности Общества свободной эстетики, осенью 1910 г. Шюзевиль читал здесь французские переводы из новых русских поэтов). В антологию вошло 18 стихотворений Брюсова, строки из которых приводит далее Гиль.

Поэт, критик и переводчик Жан Шюзевиль много занимался русской литературой. Помимо указанной «Антологии», он выпустил на французском языке сборник русских народных сказок, а также стихотворения и повести Пушкина. Ему принадлежит перевод сборника рассказов Брюсова «Земная ось» («Axe terrestre», 1914). В 1913—1914 гг. Шюзевиль вел обзоры русской литературы в журнале «Mercure de France».

Знакомство Шюзевиля с Брюсовым состоялось, вероятно, в 1908 или 1909 г., в один из приездов Брюсова в Париж. Во всяком случае, к 1910 г. они уже были знакомы, о чем свидетельствует дарственная надпись Шюзевиля на экземпляре сборника его стихов «Пыльная дорога» («La Route poudroyée», 1910), сохранившемся в библиотеке Брюсова. Осенью 1912 г. Шюзевиль приезжал в Россию, побывал в Петербурге и Москве, встречался с Брюсовым. С тех пор между ними установилась оживленная переписка. Получив приглашение вести русский отдел в «Mercure de France», Шюзевиль незамедлительно обратился к Брюсову за помощью и более года систематически получал от него информацию о событиях русской литературной жизни, а также книги, необходимые для работы (см. письма Шюзевиля к Брюсову за 1912—1914 гг.— РГБ. Ф. 386, карт. 109. Ед. хр. 28).

Ж. Шюзевиль оставил любопытное определение деятельности Гиля в «Весах»: «Рене Гиль вел там поэтическую хронику, перемежая дух Малларме с духом научности» [«M. René Ghil y tint une chronique de poésie, tour à tour malarméenne et scientifique» (*Chuzeville Jean.* La poésie de 1890 à nos jours // Mercure de France. 1925, 15 septembre. P. 591)]. Не менее

примечательна характеристика, данная Шюзевилем Брюсову: «Рядом с сентиментальным лириком Бальмонтом В. Брюсов решил стать поэтом мысли» [«V. Brussov, à côté de Balmont sentimental et lyrique, voulut être le poète de l'idée». P. 593)].

[11] Гиль цитирует первоначальный (правильный) перевод Шюзевиля. В опубликованном французском варианте стихотворение начинается иначе: «Mes pas, mes pas t'ont suivie» (Anthologie des poètes russes. Paris, 1914. P. 95), что противоречит первым строкам оригинала.

[12] Имеется в виду стихотворение «Как царство белого снега...» (по-французски: «Un blanc royaume de givre»), заканчивающееся следующей строфой: «А я всегда, неизменно, / Молюсь неземной красоте; / Я чужд тревогам вселенной, / Отдавшись холодной мечте. / Отдавшись мечте — неизменно / Я молюсь неземной красоте» (в переводе Шюзевиля: «Je me voue à l'adorable, / Inaccessible beauté. / Pour l'univers misérable / Mon coeur n'a point palpité: / J'aime un rêve, l'adorable, / Inaccessible Beauté» (P. 81).

[13] Рецензия Гиля на книгу Ф. Вьеле-Гриффена «Сафо» («Sapho», 1911) в «Русской мысли» не публиковалась.

[14] В своих критических замечаниях о произведениях Р. Аркоса Гиль допускает фактическую неточность, имея в виду, вероятно, не его вторую книгу «Трагедия пространств» («La Tragédie des espaces», 1906), а третий сборник «Нарождающееся» («Ce qui naît», 1910).

[15] Убежденность Гиля в карьеризме, якобы присущем поэтам «Аббатства», передалась Брюсову. «Все в общем бедствуют, — сообщал он жене из Парижа от 29 сентября 1909 г. — [...] Бедствует и Вальдор, но il sait s'accommoder... («но он умеет устраиваться». — *Р. Д.*) Был еще тут же Ромэн. Мы в прошлом году его замечали меньше всех, а он процвел всех больше. Не только получил премию на конкурсе поэтов в Одеоне, но теперь получил доступ во все журналы. Все критики, даже газетные, его хвалят. "Il arrivera" («он преуспеет». — *Р. Д.*) [...] Стихи его действительно хороши» (цит. по: *Лавров А. В.* Брюсов в Париже (осень 1909 года) // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 309). И в письме от 11 октября: «После лекции сидели всем "аббатством" в кафе, и было очень скучно. Все же Гиль головой умнее всей этой зеленой молодежи, среди которой все — les arrivistes («карьеристы». — *Р. Д.*)» (Там же).

[16] Третья публикация Гиля из цикла «Заметки о текущей литературе» (Русская мысль. 1911. № 9) вышла с подзаголовком «Новые романы» и была посвящена посмертному изданию книги О. де Бальзака «Любовь под маской» («L'Amour masqué», 1911), а также новым произведениям (перевод названий — по русской публикации): Ш. М. Савари «Уединенные» (Savarit Ch. M., «Les Solitaires», 1911), Жана Д'Эстре «Ти-Сен» (d'Estray Jean, «Thi-Sen», 1911), Луи Перго «Отмщение ворона» (Pergaud Louis, «La revanche du Corbeau», 1911), Мариуса-Ари Леблона «Сады Парижа» (Leblond Marius-Ary, «Les Jardins de Paris», 1911). О творчестве Ш. М. Савари Гиль писал ранее в «Весах» (1908. № 10. С. 111—112).

84. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 28 Oct[obre] 1911

Cher Grand ami,

Nous voici réinstallés dans la vie Parisienne, les habitudes reprises, — et je me réjouis de vous écrire ce soir. J'espère votre santé bonne, et de Madame... Nous allons

bien, après un été excessivement chaud, des vacances torrides passées en notre Poitou, — qui fut vraiment accablé de soleil: Mme Ghil le supporte assez peu à ce degré, et, avec mes parents qui étaient avec nous, elle vécut en pénombre continûment, — tandis que j'aimais ce grand irradiement, et que je travaillais à terminer mon livre...[1]

Et voyez mon ennui, — m'étant résigné cependant, — en arrivant ici: je devais livrer mon manuscrit le 1er Sept[embre] pour paraître fin novembre, — et voici qu'à cette date mon Editeur qui n'avait osé me l'écrire, me dit qu'il publiera selon notre convention si je le veux, — mais qu'il me demande, qu'il me prie d'attendre à paraître *en Avril seulement*!... Car son année a été mauvaise, et il désire ne la charger encore devant les préoccupations générales Françaises et Etrangères suscitées par la politique et la diplomatie. Oh! ces deux choses barbares et incohérentes...[2]

Et, que faire? sinon accepter, — et certes faut-il lui donner raison: car la crise de Librairie s'accentue en raison du vivre difficile de ce temps, et certes — cet hiver ne se haussera point d'intellectualité. C'est d'ailleurs en toute maison d'Edition que la même attente est imposée. Et s'impose-t-elle surtout pour les oeuvres de haute Littérature!

Je me suis, dis-je, résigné. Le livre est écrit. Je vais prochainement me mettre au travail pour la suite...

Oh! cela ne va pas ici: un malaise général, — et, en art, un flottement de velléités qui n'arrivent point à se créer volonté: un manque de tempérament et de personnalité qui devient inquiétant, que d'aucuns essaient de masquer d'orgueil enfantin, à affubler de pièces et morceaux des pensées d'autrui, en vêtement disparate, sinon de folie...

Bientôt va se fermer le *Salon d'Automne*, — que ce fut pauvre! n'était la Salle réservée à Henry de Groux[3], revenu de Bruxelles avec des toiles et des sculptures d'une force et d'un mystère admirables. Cela réconforte... Il est de lui un *Tolstoï* en marche, grandeur nature, qui m'a été une émotion profonde. C'est le Tolstoï, aux derniers jours de sa vie, quittant sa demeure, s'en allant, le bâton à la main: et c'est très beau, d'une ambiance de vie et d'occulte poignante, — vraiment s'en va-t-il vers la résultante absolue de son humanité et de son Oeuvre![4]

Ce de Groux, que vous connaissez[5], qui fit sa volonté à travers que de misère et de négation et de silence hostile, est une très belle figure — et un exemple que cette génération, hélas! devrait méditer, si elle est capable encore de méditation et de foi en son art...

En ce même Salon, nous avons eu les «Cubistes»: ils sont navrants, — car il en est de sincères, j'en connais un au moins, — Vous en avez vu peut-être des photos, ces constructions polyédriques décolorées, de lourdeur de rochers, que ce soit roc, terre, arbre, chair: inscriptions de volumes géométriques... Quand on apprend aux enfants à dessiner objets ou animaux, on leur fait voir, d'abord, qu'on en peut un prisme charpenté en carrés, triangles, losanges, etc.. Or, les «Cubistes» proposent simplement cela comme fin de leur art... Je n'ai pu comprendre leur théorie, leur principe, — et d'ailleurs ne peuvent-ils les expliquer: seulement disent-ils hautement qu'ils se passent de la Nature, «heureusement» ajoutent-ils![6]

Et dire qu'il y a eu des critiques (oh! des critiques!) pour, à l'occasion des «Cubistes», oser attaquer Puvis de Chavannes, le grand et pur Chavannes dont l'oeuvre a en elle-même quelque chose d'éternel, et dire qu'il est responsable de ces choses! Je crois décidément qu'il y a ici beaucoup de cerveaux qui tombent en bouillie...[7]

Il y aura en Nov[embre] une Exposition de l'Art Chrétien: ce sera peut-être intéressant, — et évidemment intéressant et beau si, comme je le pense, cette Exposition est rétrospective[8]. —

Aujourd'hui, j'étais avec Volochine, qui, sachant que j'allais vous écrire, me charge pour vous de ses amitiés, et ses hommages à Madame Brussov. — Je l'ai mené chez le peintre Marcel Lenoir qu'il désirait connaître et dont le grand effort l'intéressait. Marcel Lenoir, en effet, est un bel artiste passionné, d'une conscience admirable, et le créateur d'une oeuvre toujours se surpassant qui arrive déjà à elle-même par endroits et arrivera, je crois, à la grandeur complexe qu'il rêve avec tant d'ardeur et de travail soulevé de rêve. — Il va ces jours-ci entreprendre mon portrait, peinture, après avoir, il y a deux ans, fait de ma tête un fusain d'un art très noble. Je serai vraiment heureux d'avoir cela de lui[9]. —

Volochine me dit le grand labeur qui est vôtre, le travail de la Revue s'ajoutant à votre création incessante[10], — mais aussi votre influence très large et très méritée en les Lettres Russes. J'en suis très heureux, et rien ne m'est plus cher qu'entendre ainsi louer votre profonde volonté et son accomplissement. — A ce propos, Madame Brussov nous avait fait le grand plaisir de nous envoyer quelques traductions de Poèmes de vous: quand vous en aurez d'autres, pouvons-nous lui demander à nouveau un envoi?[11]

Fin Novembre, je vous enverrai un fragment tiré de mon volume à paraître, — que j'ai donné à une petite Revue de Jeunes qui, plusieurs fois, m'avaient demandé quelque chose. J'en donnerai peut-être d'autres ailleurs pour faire patienter mes amis[12]. —

Je vais, maintenant, écrire un nouvel Article pour la *Pensée Russe*, que je vous enverrai sous peu: pour que vous l'ayez sous la main pour le No. qui vous sera bon, — et ayant ainsi du temps pour la traduction.

Il sera sur la Poésie, résumant l'année 1911, — non qu'il se puisse établir de courants d'idée ou de sensibilité générale, mais je noterai, à l'aide de quelques volumes de talent, des psychologies particulières intéressantes et valables[13]. Il est remarquable que ce que j'avais dit déjà à la *Balance*, (et ce que Jean de Gourmont[14] disait naguère en ces *Muses d'Aujourd'hui*), est toujours vrai: que c'est en les Poétesses que se trouvent le plus d'intensité lyrique, de sensibilité du Verbe, et aussi de pensée élevée au sens universel: elles sont les plus compréhensives de l'art des Poètes aînés, certainement[15].

Je prendrai quelques lignes pour deux Romans qui viennent de paraître: de Paul Adam, *La Ville Inconnue*, d'un sens d'épopée très beau, d'une intuition et d'une invention, d'une suggestion des vieilles Civilisations, très remarquables, — et de M. Pierre Fons, l'*Offrande au Mystère*, d'un thème très original, d'un verbe noble et plein, — et, lui écrivais-je, livre qu'eût aimé notre Villiers de l'Isle-Adam[16].

Je vous enverrai cela *sous dix ou quinze jours*. Toujours vous remerciant.

Qu'advient-il des *Précurseurs de la Poésie scientifique*... Je vous demande pardon de vous en tourmenter, puisque, cher Ami, c'est là encore un surcroît de travail pour vous! Mais, s'il paraît cet hiver, j'en serai heureux, — et j'en serai ravi, parce que d'abord c'est de ma pensée en votre langue, et qu'ainsi cela me fera attendre la parution de mon livre ici!

Voudrez-vous, l'un de ces jours, me donner de vos nouvelles. Non une longue lettre, de vos nouvelles seulement, car si pris est votre temps.

Je vous prie, dites à Madame Brussov les amitiés de Mme Ghil qui a toujours présente la si grande amabilité de Madame Brussov, et offrez-lui mes hommages empressés.

Mme Ghil vous envoie son bon souvenir, et je vous serre la main, tout affectueusement vôtre,

René Ghil

P. S. J'ai bien reçu les honoraires de mon dernier article, et tous les Nos de la *Pensée Russe*. Merci.

84. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 28 октября 1911 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Вот мы опять возвратились к парижской жизни, к старым привычкам, и я рад тому, что сегодня вечером могу написать Вам. Надеюсь, что и Вы, и г-жа Брюсова находитесь в добром здравии... Мы чувствуем себя хорошо после слишком жаркого лета, после знойного отдыха в нашем Пуату, поистине выжженном солнцем. В таких дозах г-жа Гиль довольно плохо переносит жару. Вместе с моими родителями, которые отдыхали там же, она постоянно пребывала в полумраке, а мне нравилось это великое излучение и я работал, чтобы закончить свою книгу...[1]

И, представьте себе, какая незадача (хотя я с ней уже смирился): по возвращении в город я должен был сдать рукопись 1 сентября с тем, чтобы книга появилась в конце ноября, и вот именно в этот день мой издатель, который не осмелился написать мне об этом, сообщает, что если я буду настаивать, то он напечатает ее согласно нашей договоренности, но просит меня отложить публикацию *до апреля...* Оказывается, у него плохо сложился год и он не хочет еще отягчать свои дела в преддверии общих осложнений во Франции и за границей, вызванных политикой и дипломатией. Ах, эти два варварских явления, лишенных внутренней логики...[2]

Что остается делать, как не смириться?! И, безусловно, нельзя не признать его правоты, так как кризис издательского дела обостряется из-за того, что жить в наше время трудно, и, безусловно, нынешней зимой уровень интеллектуальной атмосферы не повысится. Все издательства, кстати сказать, вынужденно переживают подобный период ожидания. В особенности это ожидание навязывается произведениям высокой литературы!

Я, как уже сказал, смирился. Книга написана. В скором времени я примусь за работу над ее продолжением.

Ах, какой здесь разброд в искусстве, общая немочь, а в искусстве беспомощные колебания, не способные вылиться в решительные действия: отсутствие

темпераментов, личностей, отсутствие, которое становится тревожным. Иные пытаются замаскировать его ребячьей гордостью, склеить свои произведения из кусков и деталей чужих мыслей, облачить их в пестрые одежды, если не сказать, в безумство...

Скоро закончится Осенний салон — каким он был бы нищим, если бы не зал, отведенный под произведения Анри де Гру[3], вернувшегося из Брюсселя с полотнами и скульптурами восхитительной силы и таинственности! Это утешает... Этому скульптору принадлежит «Толстой» — шагающий, в натуральную величину, вызвавший во мне глубокие чувства. Толстой в последние дни своей жизни, уходящий из дома, удаляющийся с посохом в руке. Прекрасная скульптура, дышащая жизнью, отдающая чем-то остро потусторонним: писатель действительно уходит к абсолютному итогу своего гуманизма, своего Творчества![4]

Этот де Гру, которого Вы знаете[5], пробил себе дорогу через несчастье, неприятие и враждебное молчание. Великолепная фигура, пример, над которым, увы, надлежит задуматься нынешнему поколению, если оно еще способно задуматься, способно на веру в своем искусстве...

В том же Салоне представлены «кубисты»: они обескураживают, поскольку среди них есть искренние приверженцы: я по крайней мере знаю одного. Вы, наверное, видели на репродукциях эти бесцветные многоугольные конструкции, тяжелые, как камни, что бы они ни изображали — скалы, землю, дерево, плоть: начертания геометрических масс... Когда детей учат рисовать предметы или животных, им показывают, что любую конструкцию можно представить первоначально в виде квадратов, треугольников, ромбов и т. д. И вот «кубисты» предлагают попросту принять этот метод в качестве конечной цели своего искусства... Я не сумел понять их теории, их принципа, да они вообще-то и не умеют объяснить: просто высокомерно говорят, что могут обойтись без природы и добавляют: «к счастью!»[6].

Надо сказать, что в связи с выставкой кубистов были критические выступления (ах, эти критические выступления!), авторы которых осмелились напасть на Пюви де Шаванна, на великого, чистого Пюви де Шаванна, чье творчество само по себе содержит нечто вечное. Они осмелились сказать, что он несет ответственность за все это! Я решительно считаю, что здесь есть немало умов, на которые нашло затмение...[7]

В ноябре состоится выставка христианского искусства. Она, по-видимому, будет интересной, да, безусловно интересной и красивой, поскольку, как мне кажется, выставка ретроспективная[8].

Сегодня я встречался с Волошиным, который, узнав, что я буду Вам писать, поручил мне передать Вам дружеский привет и слова почтения г-же Брюсовой. Я отвел его к художнику Марселю Ленуару, с которым он хотел познакомиться, заинтересовавшись его творческими свершениями. Марсель Ленуар — действительно прекрасный, страстный художник, восхитительного сознания, создатель произведений, каждое из которых — новый шаг к совершенству. Я уверен, что в своем творчестве, вырастающем местами до поставленных им самим задач, он достигнет великой сложности, о которой мечтает с такой пламенностью и которой добивается с таким трудом, вдохновляемым мечтой. Он на днях снова возьмется

за мой портрет. Два года тому назад он уже рисовал меня сангиной в очень благородной манере, а сейчас будет писать маслом. Я буду поистине счастлив иметь портрет его работы[9].

Волошин рассказал мне, как напряженно Вы работаете: и в журнале, и продолжая неустанно трудиться над собственными произведениями[10]. А еще он рассказал о Вашем широком, заслуженном влиянии на русскую литературу. Я очень этому рад. Для меня нет ничего дороже, чем слышать похвалы Вашей глубокой решимости и ее свершениям. Кстати, г-жа Брюсова имела любезность послать нам несколько переводов Ваших стихотворений. Когда у Вас появятся новые, не могли бы Вы попросить ее прислать их нам?[11]

В конце ноября я вышлю Вам фрагмент моей книги, готовящейся к печати. Я дал его в журнал молодых поэтов, которые неоднократно просили меня напечатать у них что-нибудь. Я, возможно, дам туда еще стихи, так что друзьям моим придется немного потерпеть[12].

Сейчас я примусь за написание новой статьи для «Русской мысли», которую вскоре пошлю Вам, чтобы она была у Вас под рукой и Вы поместили ее в удобный для Вас номер, — таким образом у Вас будет достаточно времени на перевод.

Статья будет посвящена поэзии и подведет итог 1911 году. Нельзя сказать, чтобы в ней я определял направление идей или общего чувствования. Я скорее отмечу на основании нескольких талантливых сборников отдельные психологические моменты, представляющие интерес и ценность[13]. Любопытно, что по-прежнему справедливо одно суждение, которое я приводил в «Весах» (Жан де Гурмон[14] высказал его когда-то в своих «Сегодняшних музах»), суждение о том, что наивысшее напряжение лирики, чувствительность к Слову, а также возвышенность мысли, достигающей вселенского масштаба, мы находим у поэтесс, которые, безусловно, наиболее восприимчивы к искусству старших поэтов[15].

Я напишу несколько строк о двух только что появившихся романах: о «Незнакомом городе» Поля Адана, выдержанном в духе прекрасной эпопеи и основанном на интуиции, романе изобретательном, воскрешающем древние цивилизации. Замечательная книга. Второй роман — «Жертвоприношение тайне» Пьера Фонса, написанный благородным полнозвучным языком на оригинальную тему. Как я писал автору, эта книга понравилась бы нашему Вилье де Лиль-Адану[16].

Я пошлю Вам эти *рецензии дней через десять-пятнадцать*. Как всегда, с благодарностью.

Как обстоят дела с «Предтечами научной поэзии»?.. Дорогой друг, я прошу у Вас прощения за то, что докучаю Вам с этой книгой, только добавляющей Вам работы! Но я был бы счастлив, если бы она вышла этой зимой, я был бы вне себя от радости, так как, во-первых, она выражает мои мысли на вашем языке и, во-вторых, я смогу не торопиться с изданием своей книги во Франции!

Напишите мне, пожалуйста, в ближайшие дни о том, какие у Вас новости. Не надо длинного письма, только новости вкратце, ведь Вы так заняты.

Прошу Вас, передайте г-же Брюсовой дружеский привет от г-жи Гиль, которая сохраняет воспоминания о величайшей любезности г-жи Брюсовой. Передайте ей свидетельство и моего величайшего почтения.

Г-жа Брюсова передает Вам теплый привет, а я жму Вашу руку, искренне Ваш

Рене Гиль

P. S. Я получил гонорар за свою последнюю статью и все номера «Русской мысли». Спасибо.

---

[1] Речь идет о книге «Образы мира».

[2] 1911 г. ознаменовался для Франции конфликтом с Германией, обостренным возобновлением попыток Парижа по овладению Марокко. В ходе вспыхнувшего к весне восстания против султана Мулай-Гафида восставшие племена осадили Фес. В конце апреля Франция послала в осажденный город военную экспедицию для спасения своих подданных. В конце мая французские войска достигли места назначения. Пользуясь молчанием германской дипломатии, немецкие газеты требовали либо прямого раздела страны, либо компенсации за счет других колоний Франции. В июне французские дипломаты начали тайные переговоры с Германией о предоставлении ей французского Конго. 2 июля, ко всеобщей неожиданности, германское правительство объявило о том, что посылает в Агадир (закрытую гавань на Атлантическом побережье) канонерскую лодку «Пантера», которая останется там до восстановления порядка во владениях марокканского султана. Обострившийся кризис потребовал вмешательства Англии и едва не поставил Францию и Англию на грань войны с Германией. Переговоры между Францией и Германией возобновились в сентябре. В октябре соглашение о Марокко было парафировано, а 4 ноября в Берлине был подписан договор. 28 ноября крейсер «Берлин», сменивший «Пантеру», получил приказ вернуться в Германию.

Политические события осени 1911 г. подробно освещал в русской прессе М. Волошин, приехавший в Париж в сентябре в качестве корреспондента «Московской газеты». В эти месяцы, отмеченные его тесным общением с Гилем, были написаны его «Письма из Парижа»: «Войны мы не хотим» (№ 109, 17 сентября), «Liberté» (№ 5, 19 сентября), «Взрыв французского броненосца “Liberté”. Бунт машин» (№ 11, 20 сентября), «Катастрофы во французском флоте. Девятая тризна» (№ 114, 23 сентября), «Обед в 280 миллионов» (№ 117, 27 сентября), «Междоусобица в Удже. Французские власти в Алжире» (№ 132, 5 октября), «Катехизис международной морали» (№ 134, 16 октября) и др.

[3] Анри де Гру (1867—1930) — живописец, скульптор, мастер литографии. С самого начала своего творчества вызывал, с одной стороны, горячий восторг приверженцев и, с другой стороны, резкие нападки противников.

[4] Наряду с информацией о текущих политических событиях М. Волошин публиковал в «Московской газете» сообщения о художественных выставках. Осеннему салону и Анри де Гру он посвятил одну из своих корреспонденций, в которой выразил свое отношение к художнику и, в частности, упомянул статую Льва Толстого, о которой пишет Гиль. Приводим статью Волошина целиком:

«Осенний Салон каждый год дает несколько ретроспективных выставок, посвященных мастерам умершим, а иногда и живым. В этом году почетная зала посвящена произведениям бельгийского живописца Анри де-Гру (Henri de Groux).

Анри де-Гру умер двадцать лет назад. Тогда, в девяностых годах, в период первых походов за символизм и идеалистическое искусство, в период первой выставки Rose-Croix, устроенной Пеладаном, который тогда был еще “Саром”, а не “Жозефеном”, де-Гру имел свой час триумфа. Его картина “Поругание Христа” имела шумный успех. Его имя было написано на одной из хоругвей символического искусства. Ему был посвящен почетный

номер "La Plume". Затем он умер... не умер, потому что он сам присутствовал на открытии своей выставки, но исчез, исчез настолько, что в течение двадцати лет даже самые близкие друзья его в Париже были уверены в его смерти. В каталогах салонов его имя упоминалось, как имя умершего. Его похоронили, его забыли. И вот теперь возвращается, как из другого мира. "Живой труп" — "Le mort vivant" — называют его теперь в Париже. Эти двадцать лет он прожил в глубоком уединении бельгийской деревушки. Но его искусство странно застыло на той точке сознания, на которой оно стояло двадцать лет назад. Ничто, что совершилось в живописи за эти два десятилетия, не коснулось его. Он, действительно, — живой труп в искусстве, и от его живописи веет холодной сыростью забытой гробницы.

Это галлюцинат, безумец, провидец. Он видит только героическое и мировое. Его трагический пафос переходит в декламацию и судорожный надрыв чувства. В нем нет таланта: он стоит на границе между гениальностью и бездарностью. Перед его картинами останавливаешься в недоумении, не зная, что это — шарлатанство или действительно великое искусство. Но в нем нет ни того, ни другого. Это просто беспокойный, ищущий дух, который хочет пластически передавать литературно-символические идеи, не владея теми формами, которые ему необходимы. Его живопись — шерстяная, рыжая, тусклая и напряженная — неприятна. Но в рисунке и в композиции он достигает иногда экспрессии. Достаточно перечислить названия его картин, чтобы понять их стиль. Это — "Наполеоновская эпопея", "Божественная комедия", "История Зигфрида"... Это символические портреты Вагнера, Бетховена, Бодлэра, Толстого, портреты в красках и в глине, потому что он стал скульптором за эти годы. Рядом с гигантским бронзовым Львом Толстым, идущим в последний путь, — Цезарь во главе призрачных легионов, отступление Наполеона из России, Нерон в цирке, Саванаролла на костре, — одним словом, все классические "несчастные случаи истории".

Вчера на собрании поэтов журнала "Vers et Prose" в Closerie des Lilas чествовали Анри де-Гру.

Я его видел вблизи. Это небольшого роста человек с круглой головой, с глубоко выеденными чертами лица, с уходящим назад подбородком. Вокруг лысины висят пряди редких, точно потных волос. Такие лица можно найти на старинных гравюрах, изображающих сумасшедший дом.

Его рука влажная и холодная, как жаба, вся трепещущая, как желе. Но и двадцать лет назад он был точно такой же и производил впечатление старика» (Московская газета, 1911. №123, 4 октября. С. 1).

[5] Имеет ли Гиль в виду личное знакомство Брюсова с художником или знакомство с его произведениями, нам неизвестно.

[6] В другом «Письме из Парижа», озаглавленном «Кубисты», М. Волошин так описывает эту экспозицию (приводим его заметку также полностью):

«Гвоздем осеннего салона является зал "кубистов": о нем больше всего говорят, им возмущаются, над кубистами смеются, перед ними недоумевают, спорят... В этом зале незнакомые друг с другом люди начинают разговаривать, объединенные чувством взаимного негодования.

Газеты острят:

"Спросите у кубиста — какой формы луна? — И он вам ответит: — Так ведь это куб!.. Встретивши на улице красивую девицу, кубист восклицает: "Какой хорошенький параллелепипед!"

К великой радости Монпарнаса и Монмартра, "Салон современного искусства", долженствующий открыться в Канне этой зимой, оповещая живописцев о том, что он, "представляя им редкий случай выставить свои произведения на оценку богатых клиентов, зимующих на лазурном побережье", предупреждает, что на выставку будут приниматься лишь произведения серьезные, ничего общего не имеющие ни с кубизмом, ни с пуантилизмом, в виду исключительности той публики, которая будет оценивать и приобретать выставленные произведения".

Критики, принципиально расположенные к новым исканиям, хотят видеть в живописи кубистов, кристаллическое строение вещества, молекулярное виденье вселенной...

На самом же деле кубисты составляют просто одну из тех временных "политических" групп в искусстве, когда группа более или менее талантливой молодежи объединяется под одним условным флагом, принимая вид школы для того, чтобы легче войти в искусство: толпою растворить пред собою двери салонов и выставок.

Рисовать прямыми линиями и углами, это — прием, знакомый каждому живописцу. С этого начинают обычно учиться рисовать с натуры, стараясь прежде всего понять и выразить основные сочетания углов и перекрещивающихся линий. Это — необходимая школа для художника. В том, что кубисты хотят построить законченные композиции на этом принципе, в этом нет ничего ни нового, ни достойного возмущения.

Врубель делал то же самое, играя притом на контрастах кристаллического строения мертвого вещества и мягкой округлости живого тела. Кристалличность складок тканей, крыльев, гор он подчеркивал еще характером акварельного мазка.

Некоторые из лучших образцов кубизма потому и подходят отчасти к Врубелю, конечно оставаясь несравненно более грубыми и односторонними. Мятежничество кубистов сказывается почти исключительно в их рисунке. В красках они скромны, сдержанны, и в их серо-зеленой и серо-желтой местами гамме много вкуса, особенно у Ле-Фоконье и Лота.

Сегонсак достигает очень большой силы в передаче движения. Глез серьезно работает, пользуясь кубизмом, как учебным методом. Но Френей уже бессмысленно и напоказ громоздит и сыплет одна на другую целые кучи геометрических фигур: главным образом, усеченных конусов и цилиндров. Он, по крайней мере, еще делает их красочно-красивыми — хрустально-зелеными, тогда как Леже строит своих женщин из явно деревянных, учебных геометрических фигур, грубо покрашенных пожухшей масляной краской и стесанных кое-где топором» (Московская газета. 1911. № 119, 29 сентября. С. 1).

[7] Какие конкретно нападки на Пюви де Шаванна имел в виду Гиль, установить не удалось. Речь идет, вероятно, о модных в этот период указаниях на сходство его работ с полотнами авангардистов, чему немало способствовали признания самих художников. С новаторскими произведениями манеру Пюви де Шаванна сближала упрощенная композиция, пренебрежение цветовыми решениями, доведенная до крайности стилизация фигур, отсутствие глубины изображения и т. п. Свою зависимость от покойного мастера признавали Сера, Синьяк, Пикассо, Матисс, Морис Дени, Эдвард Мунк и др. Из недавних работ на эту тему см. статьи разных авторов, включенные в каталог выставки «От Пюви де Шаванна до Матисса и Пикассо. На пути к современному искусству» («De Puvis de Chavannes à Matisse et Picasso. Vers l'art moderne»), организованной в Венеции в феврале-июне 2002 г. Сержем Лемуаном (Serge Lemoine).

[8] Речь идет о «Международной выставке современного христианского искусства» («Exposition Internationale de l'Art chrétien moderne»), проходившей в Павильоне Марсан с 15 ноября по 31 декабря 1911 г. Экспозиция включала произведения архитектуры, живописи, скульптуры и декоративного искусства. По замыслу устроителей, в выставке должны были принять участие представители всех стран и конфессий, однако слухи о надвигающейся войне помешали прибытию коллекции из Германии. Из зарубежных живописцев здесь были представлены художники из Бельгии, Швейцарии и Богемии. Наибольшую ценность среди выставленных работ представляли собой «Сострадание» П. Пюви де Шаванна и живописные панно Мориса Дени.

[9] В этот период Волошин, как мы упомянули выше, вновь сближается с четой Гилей, посещает их на улице Лористон и принимает у себя. О посещении Марселя Ленуара он рассказывает в своем очередном «Письме из Парижа». Приводим полностью:

«— Хотите пойти со мной в мастерскую Марселя Ленуара, — того самого, чьи большие панно понравились вам в "Осеннем салоне"? Это настоящий художник. У него голова Христа и крестьянина.

Это говорит мне поэт Рене Гиль.

В назначенный день мы едем к Орлеанской заставе; в тупике над краем зеленой траншеи Окружной ж. д. — застекленная дверь: это здесь.

Да, у него голова Христа, но только того Христа, которого нарисовал Стейнлен на полях исступленной поэмы Жана Риктюса "Le Revenant", где Христос бродит бездомным бродягой по неприютным улицам зимнего Парижа. Худое лицо с лихорадочными глазами обросло патлами скомканной бороды. На нем грязная рабочая блуза и шляпа с опущенными краями, которую он не снимает в мастерской. На полу пыль и куски шлака из брюхатой печи. По стенам до самого очень высокого потолка лоскуты черной паутины. Ни мебели, ни попытки на украшение. Это логово человека, который весь отдан работе и не видит ничего вокруг.

Вот эскизы. Уголь дает суровую мощь композициям. Снятие со креста на фоне сумеречного пейзажа, задуманное в звуках.

Другой эскиз: небо. Оно изображено как внутренность громадного собора под куполом, где клубятся облака, лучи солнца падают сквозь окна.

Эскизы задуманы строго, сильно и монументально.

Он вытаскивает папки с сотнями рисунков, картонов и этюдов.

Пока мы склоняемся над этими листами, он отодвигает от стены новый громадный холст.

Равнина, освещенная лучами, идущими от лика Христова. Ангелы с длинными трубами трубят, так откинувшись назад, что ясно, что они держатся на краю облака лишь силой, исходящей от Лика. Среди групп людей на равнине сразу можно заметить фигуру одного и того же человека, повторенную несколько раз. В одной группе он играет на скрипке, в другой — проповедует, в третьей — молится...

— Так я представляю себе начало безумия, — говорит художник, — это умножение личности.

Мы выходим из мастерской.

— Я думаю, что вы были правы, — говорит Рене Гиль, — указав на противоречие композиции и цвета. Он это сам уже чувствует. Но он преодолеет это. Вы ведь знаете, — он был золотых дел мастер, как и его отец. Уже взрослым он приехал в Париж и, увидав Лувр, решил стать живописцем. Какой благородный и мощный порыв воли к большому искусству» (Московская газета. 1911. № 138, 21 октября. С. 2).

Ленуар написал два портрета Гиля, которые до кончины Алисы Гиль хранились в ее собрании. О рецензии на книгу Гиля «Марсель Ленуар» («Marcel Lenoir», 1906) см. примечание 4 к письму № 34.

[10] Краткое изложение творческих планов Брюсова этого времени содержится в его письме к А. Измайлову от 29 декабря 1911 г.: «...для Вас лично я охотно перечислю все важнейшее, чем я сейчас занят». Далее следует перечень: «1) Алтарь Победы, 2) Зеркало теней, 3) Энеида, 4) Амфитрион, 5) Статья об А. де Мюссе, 6) Статья о Блоке, 7) Баллада Редингской тюрьмы, 8) Изд[ание] Пушкина для "Деятеля"» (Цит. по: *В. Я. Брюсов*. Письма к А. А. Измайлову / Публикация Э. С. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 237—238).

[11] Забывчивость Гиля. См. об этом примечание 10 к его предыдущему письму (№ 83).

[12] Стихотворение «Первая легенда о яйце» («La première légende de l'œuf»), представляющее собой фрагмент первого тома книги Гиля «Образы мира» («Les Images du Monde»), было опубликовано в журнале «Revue de France et des Pays Français» (1912, No. 6, juillet. P. 297—301). Главным редактором журнала был Оливье Уркад, соредактором — Карлос Ларронд.

[13] В № 1 «Русской мысли» за 1912 г. Гиль опубликовал «Письмо о французской поэзии», в начале которого указал, что «в письме, посвященном современным поэтам, хочется на первом месте говорить не о новых стихах, а о книге гг. Ф. А. Казальса и Г. Ле-Ружа, озаглавленной "Последние дни Поля Верлэна"» (С. 41). После чего он дал подробный

разбор названной книги (о ее содержании см. примечание 3 к письму № 85) и лишь затем перешел к стихотворным сборникам, вышедшим в предыдущем году, — книге Абеля Пеллетье «Страстные эпизоды» (Pelletier Abel, «Episodes passionnés», 1911) и книге Эдмона Роше «Божественные грани» (Rocher Edmond, «Les Aspects divins», 1911). Заключали отчет отзывы о сборниках нескольких французских поэтесс: Сесиль Перен «Вариации задумчивого сердца» (Périn Cécile, «Variations du coeur pensif», 1911), Маргерит Анри Розье «Проходящая мимо» (Henri Rosier Marguerite, «Celle qui passe», 1911), Жанны Педриель-Вессиер «И был свет» (Pedriel-Vaissière Jeanne, «Et la lumière fut», 1911) и Мари Доге «Победный взлет» (Dauget Marie, «L'Essor victorieux», 1911). Публикация вышла в журнале в переводе Брюсова, выполненном с рукописи.

[14] Писатель и критик Жан де Гурмон (1877—1928) в свое время печатался в «Весах», где опубликовал статьи «Французский роман и романисты» (1905. № 8; 1906. № 10; 1908. № 7) и «Около премий Гонкуров. Смерть Гюисманса» (1907. № 6). Здесь же анонсировался его очерк «Жан Мореас» (1905), изданный у Э. Сансо-Орлана (1905: № 5. С. 77; № 6. С. 88, раздел «Перечень новых книг»). Инициатива привлечения Жана де Гурмона к участию в журнале исходила от его брата, Реми де Гурмона, дипломатично уклонившегося от сотрудничества в «Весах» (см. об этом письмо Волошина к Брюсову от 30 июня / 13 июля 1905 г. — ЛН 1994. С. 356). Дальнейшие взаимоотношения Брюсова с Жаном де Гурмоном диктовались, по-видимому, чисто практическими соображениями — его близостью к журналу «Mercure de France», в котором он выступал как литературный критик. В письме от 7 апреля 1906 г., написанном на бланке «Mercure de France» и адресованном С. Полякову, Жан де Гурмон благодарит «Весы» за предложение регулярно освещать на своих страницах содержание своего журнала и, откликаясь на просьбу предоставить статью о текущих литературных событиях, спрашивает, какого рода книги больше всего интересуют редакцию — романы или «новая поэзия»? (ИМЛИ. Ф. 76. Оп. 3. Ед. хр. 64) Брюсов был не слишком высокого мнения о литературных заслугах этого автора: «Даже в области чисто редакционной, — жаловался он Бальмонту в письме от 19 апреля / 2 мая 1909 г., — я никогда не имел возможности делать вполне то, что хотел, [...] я должен был печатать Жана де Гурмона [...] » (ЛН 1991. С. 204).

[15] В начале своего беглого обзора «женской» литературы Гиль высказал следующее суждение: «По мере того, как разрастается, во французской литературе, число женщин-писательниц, должно увеличиваться, — увы! — пожелание, так часто высказываемое, видеть их не предающимися попыткам выразить мужественный элемент, в искусстве, попыткам, антифизиологическими итогами которых являются бессильные подражания или трудолюбивые чудачества, но старающимися со всею их искренностью возвратить нам глубокое движение их женственности, таинственной и плодовитой: их женский гений...» (Весы. 1905. № 8. С. 57). Эти мысли Гиля перекликались с положениями «критического исследования» Жана де Гурмона «Современные музы. Очерк поэтической физиологии» (Gourmont Jean de, «Muses d'aujourd'hui. Essai de physiologie poétique»), опубликованного в 1909 г. в журнале «Mercure de France», а затем в качестве предисловия к одноименной антологии (1910). Антология эта была известна Брюсову и сохранилась в его библиотеке (РГБ. Ф. 386. Книги № 1681). Отзыв об этой книге Гиль опубликовал в журнале «Аполлон», выразив в нем готовность согласиться с мыслью автора о том, что «всякая истинная поэзия носит характер чувственный и даже половой» (1910. № 10. С. 7), но предпочел, в отличие от Жана де Гурмона, ограничить этот постулат исключительно применением к французским поэтессам.

Были у Гиля и другие расхождения с автором предисловия к антологии «Современные музы», некоторые положения которого он трактовал слишком вольно. Дело в том, что сторонник «физиологического» метода Жан де Гурмон (который, по его собственным

словам, прочитал все без исключения сборники женщин-поэтов) считал «женские» произведения отражением свойственной этому полу непосредственной, гипертрофированной чувственности, а отнюдь не мысли, как настаивал Гиль. Для Жана де Гурмона женщины — идеальные проводницы высочайшей поэзии, но не за счет собственного вдохновения, а за счет имитации. Именно такого рода восприимчивость превратила поэтесс в лучших продолжательниц поэтической традиции: «Некоторые из них настолько безупречно впитали поэзию того или иного мастера, что инстинктивно создали стихотворения, почти неотличимые от их стихов» [«Quelques-unes se sont même si parfaitement assimilé la poésie de certains maîtres qu'elles ont, instinctivement, produit des poèmes presque identiques aux leurs» (Mercure de France. 1909, 1 juillet. P. 197)].

Позднее, уже на страницах «Русской мысли», Гиль отмечал: «Замечательно, что в эти годы наибольшую восприимчивость проявили женщины-поэты и что именно они были ближе всех к тому великому поэтическому поколению, которое придало стихотворному творчеству чисто симфоническое расположение и, через теорию "научной поэзии", всеобщее значение. Жан де Гурмон, печатая свою антологию "Современных Муз" ("les Muses d'aujourd'hui"), вполне ясно отметил исключительное место женской поэзии этого времени. Такие поэты, как Мари Доге, Делярю-Мардрюс, Жанна Педриэль Вессиер, засветили, к нашей чести, о наши пылающие факелы вдохновения своих страстных душ» (1914. № 5. С. 38—39).

[16] Рецензия на роман Пьера Фонса «Приношение тайне» («L'Offrande au Mystère», 1912) была помещена в «Русской мысли» в № 6 за 1912. Роман Поля Адана «Неизвестный город» («La Ville Inconnue», 1911) Гилем не рассматривался.

85. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 17 Nov[embre] 1911

Bien cher Ami,

Vous avez dû recevoir ma lettre, qui se croisa avec la vôtre où vous vouliez bien me rappeler l'Article pour Janvier[1].

Vous le trouverez sous ce pli. J'ai réduit le plus possible, — tout en tâchant de donner au mieux la *sensation* de quelques volumes de Poésie de caractéristique très intéressante: quatre venant de Poétesses de beaucoup de talent, deux tout à fait de grande valeur, — puis deux, de Poètes[2], — et j'y ai joint, en dehors des livres de vers, le volume de souvenirs sur Verlaine, *Les derniers jours de Verlaine*, que j'ai cru devoir signaler tout de suite pour son importance de Document complémentaire. Qu'il est navrant, ce livre de souvenirs — rien que pour ses détails, car l'écriture en est mauvaise, — et ainsi la misère morale de ces dernières années de Verlaine au Quartier Latin apparaît-elle en plus directe émotion...[3]

J'ai dû remettre les comptes-rendus des Romans de Paul Adam et Pierre Fons[4], — car la place était bien strictement mesurée pour dire quelque chose qui rende attentif sur les volumes de vers, — car, vous le savez, je hais la nomenclature, et veux toujours dégager, au moins synthétiquement, la valeur psychique des ouvrages. — Je vous prie, tâchez de faire *passer le tout*, où j'ai travaillé avec soin, et merci! Si vous deviez faire quelques coupures, faites plutôt, je vous prie, dans *le livre sur Verlaine*.

La Collection dont vous me parlez, des *Maîtres du Livre*, est de réédition: éditions de luxe, de bibliophiles, à 7 fr 50 — d'un goût vraiment très sûr. Mais *réédition*, dont, je crois, nous n'avons à parler. — mais, en mon prochain Article, en effet, sera-t-il bon d'en dire un mot, pour signaler? Vous me le direz[5].

J'avais lu le livre de de Visan. C'est là une habile compilation d'idées puisées un peu chez tout le monde (c'est le procédé de ce critique sans valeur et sans autorité — et de plus en plus mal estimé personnellement), avec des morceaux critiques faits tout exprès, et *sans conviction*, pour flatter tel ou tel pour en profiter[6]. Ce M. de Visan, qui vint de Lyon, appartient à cette occulte organisation nationaliste-catholique dont j'ai signalé les manoeuvres, et contre lesquelles je me suis élevé, seul, ici[7]. Non plus seul maintenant, car j'ai vu, au dernier livre de M. Van Gennep, que ce critique scientifique déclare que la même entreprise de piller et *dénaturer* existe dans le domaine des Sciences, par le même parti![8] La mission de M. de Visan semble de se faufiler dans les milieux littéraires et les Revues — d'où il arrive qu'on le chasse![9]

Je n'oublierai, d'ailleurs, de lire et de parler de livres de critique de valeur générale sur la Littérature, quand il en sera publié. Nous n'en avons pas eu ces temps. —

Voudrez-vous me dire sur quoi vous aimeriez et trouveriez intéressant, pour la Revue, que portât mon prochain Article? — Roman? — Théâtre? (il y aura quelques pièces intéressantes à l'Odéon: en premier lieu, de Verhaeren, *Hélène de Sparte,* par vous traduite[10]; une *Esther* de Sébastien Charles Leconte: je crains la comparaison avec Racine, cependant!)[11]

Je vous prie, voyez si un sujet autre serait utile, *et me le direz, n'est-ce pas*?

Ecrivez-moi de vos nouvelles, un de ces jours d'un peu de loisir. Notre souvenir et mes respects à Madame Brussov.

Merci, et le bien vôtre,

René Ghil

85. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 17 ноября 1911 г.

Дорогой друг!

Вы, должно быть, уже получили мое письмо. Оно пересеклось с Вашим, в котором Вы напомнили мне о статье в январский номер[1].

Посылаю её Вам в одном конверте с этим письмом. Я сократил текст, насколько это было возможно, постаравшись при этом сохранить *ощущение* от нескольких поэтических сборников, отмеченных интересными качествами. Четыре из них принадлежат поэтессам, наделенным крупным талантом, причем два из них обладают подлинной ценностью, а два других принадлежат поэтам-мужчинам[2]. Помимо поэтических произведений я присоединил к этому списку книгу воспоминаний о Верлене «Последние дни Верлена», на которую, по моему мнению, необходимо незамедлительно указать в связи с важными документальными свидетельствами, приводимыми в ней. Какая душераздирающая грусть охватывает при чтении этой

книги воспоминаний, грусть от одних изложенных в ней подробностей, изложенных, кстати сказать, неумело, а еще грусть от нравственного убожества последних лет жизни Верлена в Латинском квартале, убожества в самом прямом смысле...[3]

Мне пришлось отложить рецензии на романы Поля Адана и Пьера Фонса[4], поскольку место было строго ограничено и отводилось под интересные моменты, способные привлечь к поэтическим сборникам. Как Вы знаете, я не люблю номенклатуры и всегда стремлюсь, по меньшей мере синтетически, выделить психологическую ценность произведений. Попробуйте, пожалуйста, *поместить весь материал* в один номер — я работал над ним тщательно. Заранее Вас за это благодарю! Если же Вам придется сокращать, то сделать это лучше всего в рецензии *на книгу о Верлене*.

Библиотека «Мастера книги», о которой Вы мне пишете, представляет собой серию повторных публикаций. Это шикарное издание, предназначаемое для библиофилов, по цене 7 франков 50 сантимов за экземпляр, выполненное с отменным вкусом. Тем не менее, речь идет о *переизданиях,* и нам о них, по-моему, говорить не следует. Или же в следующей статье мне стоит на них ненадолго остановиться? Сообщите Ваше мнение[5].

Книгу де Визана я прочел. Она представляет собой умелую компиляцию идей, почерпнутых понемногу у всех на свете (такова манера этого критика, лишенного значимости и авторитета и оцениваемого все ниже и ниже в личном плане). Идеи эти сопровождаются литературоведческими пассажами, написанными *без убеждения* специально для того, чтобы польстить тому-то и тому-то и извлечь из этой лести выгоду[6]. Этот господин де Визан родом из Лиона и принадлежит к тайной националистической католической организации, маневры которой я вскрыл и против которой я выступил во Франции в одиночку[7]. Нет, как я теперь вижу, не в одиночку: в своей последней книге Ван Геннеп, этот подлинно научный критик, повествует о том, что практика красть идеи и *извращать* их существует и в научной области. Причем, осуществляется она деятелями того же толка![8] Похоже, что миссия де Визана состоит в проникновении в литературные круги и журналы, и как только он там появляется, его оттуда изгоняют![9]

Я, кстати сказать, начну читать критические книги общелитературной направленности и не премину написать о них по мере их выхода в свет. Последнее время таковых не появлялось.

Не сообщите ли Вы, какой теме посвятить мне свою будущую статью, а также о чем, по Вашему мнению, было бы интересно прочесть читателям журнала? О романах? О театре? (в «Одеоне» пройдет несколько интересных пьес, в первую очередь, переведенная Вами «Елена Спартанская» Верхарна[10], «Есфирь» Себастьяна Шарля Леконта, хотя в случае со второй я опасаюсь сопоставления с Расином!)[11].

Подумайте, пожалуйста, не интересна ли Вам какая-нибудь другая тема. *Вы ведь мне об этом напишете, не правда ли?*

В ближайшие дни, когда у Вас будет досуг, сообщите мне новости о себе. Передайте от нас привет и знаки почтения г-же Брюсовой.

Спасибо, искренне Ваш

Рене Гиль

[1] Письмо Брюсова, упоминаемое Гилем, нам неизвестно.

[2] См. примечание 13 к предыдущему письму (№ 84).

[3] В отзыве о книге «Последние дни Поля Верлена», написанной ближайшими друзьями поэта Ф. А. Казальсом и Г. Леружем, Гиль отмечал, что эта работа «является новым и важным вкладом в богатую уже литературу о поэте, мучительная поэзия которого, может быть, всего лучше вскрывает перед нами психологические тайны непосредственного и наивного творчества художника» (Русская мысль. 1912. № 1. Отд. III. С. 41). При этом рецензент указывал, что авторы книги о «бедном Лилиане» («преимущественно товарищи его попоек») заполнили свои воспоминания о конце его жизни постыдными сценами и потому, несмотря на их искреннее и всеобъемлющее поклонение, книга «исполнена благоговейной жестокости. Она жестока теми мелочными подробностями, какие сообщают ее авторы о долгой, мучительной нищете поэта, нищете *духовной*, о его жизни и его проповедях среди тех, которых он сам именовал "сбродом", среди тех псевдо-литераторов и псевдо-декадентов, чьи счета в кафе приходилось в конце концов оплачивать бедняку Верлэну» (С. 42).

[4] См. примечание 16 к предыдущему письму (№ 84).

[5] Публикация серии «Maîtres du Livre» («Мастера книги») осуществлялась издательством «Crès» под руководством Адольфа Ван Бевера с 1911 по 1924 г. Всего было выпущено 125 наиболее известных произведений (117 наименований вышли с пронумерованными экземплярами), принадлежащих главным образом французским писателям и поэтам — Вольтеру, Бодлеру, Верлену, Готье, Гюисмансу и др. Из книг иностранных авторов вышли сборники рассказов Эдгара По и Киплинга, «Фауст» Гете, «Крейцерова соната» Л. Толстого. Открывал серию сборник пародий «Упадочничество, декадентские стихотворения Адоре Флупета» («Les Déliquescences, poèmes décadents d'Adoré Floupette», 1885) — книга Габриэля Викера (Gabriel Vicaire) и Анри Боклера (Henri Beauclaire), печатавшихся под совместным псевдонимом Адоре Флупет. Упоминаний серии «Мастера книги» в статьях Гиля, помещенных в «Русской мысли», нет.

[6] Речь идет о сборнике критических статей Т. де Визана «С позиций современного лиризма» («L'Attitude du lyrisme contemporain», 1911), сыгравшем важную роль в защите ценностей символизма в разгар кампании, направленной на его дискредитацию. Бóльшая часть сборника была посвящена ключевым фигурам течения наиболее ярко выражающим его идеалы. Как и предыдущие произведения этого автора, новая книга характеризовала символизм не в качестве школы, а в качестве литературной позиции, отвечающей задачам современности.

[7] Очевидное преувеличение Гиля. Никаких его печатных выступлений, направленных против сторонников католического возрождения, нам обнаружить не удалось. В русской прессе он высказывал по этому поводу следующие суждения: «Воинствующая "католическая" партия ставит себе целью — привлечь во что бы то ни стало к своим неопределенно идеалистическим воззрениям все молодое поколение современной Франции. Надо отдать справедливость, в настоящее время, благодаря усилиям ревностных проповедников, создалось уже особое направление умов, еще не вполне определившееся, но сущность которого состоит во влечении к темному мистицизму и во враждебности к духу научности как в самой науке, так и в искусстве. В литературе "католическая" партия имеет целый ряд представителей, в том числе с довольно известными именами, и если искать группировку, где их всего более, придется назвать школу "нео-символистов"» (Русская мысль. 1910. № 12. Отд. II. С. 187). В качестве «духовного вождя этой школы» Гиль выставлял «Поля Клоделя, автора нескольких изысканных драм, написанных выработанным, метафорическим языком (сборник "L'Abre"), и своеобразной, очень интересной книги о Дальнем Востоке ("La Connaissance de l'Est"), но в своих философских трактатах ("L'Art Poétique"), к сожалению, стремящегося быть более оригинальным, чем он может быть, и смело доводя-

щего свои рассуждения до логического абсурда» (С. 187—188). Несколько позднее, в той же «Русской мысли» Гиль уточнял, что речь идет о «современной политической партии, члены которой именуют себя "националистами" и претендуют на то, что лишь им одним принадлежит истинно ценная любовь к родине, причем они не могут пройти без ненависти мимо всего иностранного. Эта националистическая и католическая партия организовала в литературе нечто вроде "треста" пропаганды своих идей; результаты моральной и интеллектуальной посредственности этой деятельности можно оценить уже в настоящее время» (1912. № 9. Отд. III. С. 19).

Что же касается Т. де Визана, то он действительно на протяжении всей свой жизни придерживался прокатолической ориентации, которой не скрывал в своих публикациях. «Можно быть католиком и поэтом, — писал он, к примеру, в 1910 г. — Религия не препятствует таланту и не способствует ему» [«On peut être catholique et poète. La religion n'a jamais ni empêché ni amélioré le talent» (Vers et Prose. 1910. Tome XX, janvier-février-mars. P. 10 (Notes)].

[8] Арнольд Ван Геннеп (1873—1957) — известный этнограф, фольклорист, автор фундаментальных трудов по истории первобытных религий. Вел постоянную рубрику в журнале «Mercure de France», публикуя отзывы об этнографических новинках, отчеты о раскопках, путешествиях, музеях, выставках и т. п. Журнальные выступления Ван Геннепа нередко отличались полемичностью. В 1911 г. издал книгу с характерным названием «Ученые-недоучки» («Les semi-savants»), которую и имеет в виду Гиль.

[9] Ни на чем не основанное утверждение Гиля: и в эти, и в последующие годы Танкред де Визан печатался в таких известных периодических органах, как «Revue bleue», «Revue hebdomadaire», «Correspondant», «Mercure de France», «Entretiens idéalistes», «Occident», «Chronique des livres», «Revue du Temps présent», «Revue générale», «Vers et Prose» и многих др.

[10] Комментарий Гиля по поводу этой постановки см. в примечании 1 к письму № 89.

[11] Речь идет о пьесе в 4-х действиях «Есфирь, царевна Израильская» («Esther, princesse d'Israël», 1912), написанной Себастьяном-Шарлем Леконтом совместно с Андре Дюма. Рецензия на пьесу в «Русской мысли» опубликована не была.

86. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 14 Janvier 1912

Bien cher Ami,

Je prie Madame Brussov et vous-même d'agréer mes voeux les meilleurs pour la nouvelle année, — et à nous-mêmes nous souhaitons vous revoir ici, à Paris.

J'espère que vous êtes, et Madame, en bonne santé, et sans cesse travaillant. J'espère aussi recevoir avant longtemps de vos nouvelles, en un instant de loisir: instants rares, certes, avec toute l'oeuvre que vous menez en même temps!

Je vois avec plaisir venir le moment de donner enfin à l'Editeur mon volume, pour Avril. Je vous en adresse ici un *Fragment*, d'une petite Revue qui me demanda quelque chose[1]. Je souhaiterais qu'il vous plût. — Ici, littérairement, nous sommes encore en morte-eau: malaise général, ralentissement de tout, pour causes politiques, diplomatiques, stupidités écoeurantes, — et, pour mon volume, le retard vient, hélas! beaucoup de cela...

Souhaitons meilleure année, et le réveil, enfin!
Encore tous nos voeux, mon merci aussi, de votre admiratif et affectueux

René Ghil

86. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, 14 января 1912 г.

Дорогой друг!

Прошу г-жу Брюсову и Вас лично принять от меня наилучшие пожелания в Новом году. А самим себе мы желаем вновь встретиться с Вами в Париже.

Надеюсь, что и Вы, и Ваша супруга находитесь в добром здравии и неустанно трудитесь. Надеюсь также в недалеком будущем получить от Вас известия, как только у Вас найдется для этого свободная минута, что, безусловно, случается редко при всех Ваших проектах, осуществляемых одновременно!

Я с радостью вижу, что наступил момент, когда я могу наконец предоставить свою книгу издателю для публикации в апреле. Посылаю Вам «Фрагмент» из нее, появившийся в журнальчике, который попросил меня дать им что-нибудь из моих стихов[1]. Надеюсь, что стихи Вам понравятся. Здесь у нас по-прежнему буквально мертвая зыбь: общая немочь, замедление всех процессов по политическим и дипломатическим причинам, по отвратительной глупости. Отсрочка с публикацией моей книги во многом, увы, объясняется тем же...

Пожелаем же себе лучшего года и, наконец, пробуждения!

Еще раз наши самые теплые пожелания, а также благодарность от почитателя и друга

Рене Гиля

[1] О публикации данного фрагмента см. примечание 12 к письму № 84.

87. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 15 Février 1912

Bien cher ami,

Un petit mot à la hâte, pour ceci: La Revue *La Vie*, hebdomadaire, des Leblond (J. L. Charpentier, secrétaire), paraît ce 24[1].

En même temps qu'un article rapide sur Mallarmé (l'Homme)[2], ils m'ont demandé, aussi pour *l'un des prochains Nos,* un article *résumé de l'Oeuvre et l'Homme*, sur

Valère Brussov, — ce que j'avais demandé ces derniers temps. Les Leblond et Charpentier en furent heureux.

Donc, cher ami, voulez-vous, presque *par retour de courrier*, m'adresser des notes documentaires, le plus nombreusement possible, sur vous, votre oeuvre, vos étapes et votre évolution (marquées par telles et telles oeuvres), vos desseins futurs. — Votre place dans la Poésie, son influence présente, etc... Date de naissance, détails de jeunesse, etc...

Et, je vous prie, *pas de modestie*, il s'agit de dire *pleinement* votre personnalité et sa forte influence. D'ailleurs, si ce n'est abuser, je voudrais prier Madame Brussov de rédiger aussi des notes sur vous, — et de parler avec son admiration.

Des notes, nombreuses, rapides. Ne vous donnez pas la peine de rédiger. Et aussi des traductions, des fragments, etc...

Je suis très, très heureux de cela. Pouvoir, enfin, en cette Revue qui semble devoir attirer fortement l'attention, et qui part bien, dire mon admiration de votre oeuvre, de votre pensée, de votre caractère[3].

Merci, Bien votre ami,

René Ghil

87. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 15 февраля 1912 г.

Дорогой друг!

Совсем короткое, спешное письмо, дабы сообщить следующее: 24 числа текущего месяца выходит первый номер еженедельного журнала «Ви» под редакцией Леблонов (секретарь редакции — Дж. Л. Шарпантье)[1].

Вместе с краткой статьей о Малларме (как о человеке)[2] они попросили меня дать им *для одного из ближайших номеров* статью, *резюмирующую жизнь и творчество Валерия Брюсова*, о чем я их просил в последнее время. И Леблоны, и Шарпантье были счастливы, услышав такое предложение.

Итак, дорогой друг, пришлите мне *сразу же с обратной почтой* как можно более подробное и полное изложение фактов — о себе, о своих произведениях, об этапах творческой эволюции (отмеченной такими-то и такими-то произведениями), о планах на будущее. О Вашем месте в поэзии, о влиянии на современников и т. п. Дату рождения, события юности и т. п.

Прошу Вас оставить *скромность*. Необходимо охарактеризовать *с должной полнотой* Вашу личность и ее мощное влияние. Кстати, если я не переступаю границ приличия, я хотел бы попросить г-жу Брюсову также написать заметки о Вас и выразить свое восхищение.

Заметки развернутые, написанные наскоро. Не трудитесь редактировать. А также переводы, фрагменты и т. п.

Я очень рад всему этому. Рад возможности написать о Вас в журнале, который, по-видимому, мощно привлечет к себе внимание и уже знаменуется хорошим

началом. Рад возможности рассказать о своем восхищении Вашим творчеством, Вашей мыслью, Вашим характером[3] .

Спасибо, дружески Ваш

Рене Гиль

---

[1] Речь идет о еженедельнике «Vie», первый номер которого вышел 24 февраля 1912 г. Журнал издавался по субботам и просуществовал в первоначальном виде до начала Первой мировой войны; затем выходил один раз в две недели вплоть до 1953 г. Основатели и идейные руководители журнала — Мариус и Ари Леблоны. Журнал не ограничивался литературой и затрагивал самые разнообразные темы: политические, экономические, юридические, военные, а также знакомил подписчиков с новыми песнями сезона, изобретениями, перипетиями феминистского движения, светской жизнью и спортивными достижениями. Свои задачи на переводческом поприще еженедельник определял следующим образом: «"Ви" будет публиковать характерные новеллы и стихи иностранных поэтов» [«*La Vie* publiera des Nouvelles caractéristiques et des Poèmes d'écrivains étrangers» (1912. № 1)]. В журнале сотрудничали Гюстав Кан, Себастьян Шарль Леконт, Танкред де Визан, Шарль Женио (о последнем см. примечание 1 к письму № 92). Склонный к преувеличениям Флориан-Пармантье приписывает заслугу объединения литераторов столь различных направлений организаторскому таланту А. Мерсеро: «Все его слушают, словно наперекор самим себе, и нет сомнения, что на счет этой оккультной силы следует отнести легкость, с какой Александр Мерсеро, такой молодой, сумел сгруппировать сотрудников журнала "Ви", стать в России со-редактором журнала "Золотое руно", организовать выставки французского искусства в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе...» [«Tous l'écoutent, comme malgré eux, et c'est sans doute à cette force occulte qu'il faut attribuer la facilité avec laquelle Alexandre Mercereau a pu, si jeune grouper les collaborateurs de *La Vie,* co-diriger en Russie la revue *La Toison d'Or*, organiser des expositions d'art français à Moscou, Saint-Pétersbourg, Kiew, Odessa...» (*Florian-Parmentier.* Histoire contemporaine des lettres françaises de 1885 à 1914. Paris, 1914. P. 406)]. Из русских авторов в журнале печатались Марк Семенов и А. В. Гольштейн.

[2] Очерк Гиля о Малларме вышел 8 июня 1912 г. и был приурочен к установлению мемориальной доски на парижском доме поэта. Очерк носил мемуарный характер и представлял собой отрывок из статьи «Стефан Малларме как человек», написанной когда-то для «Весов» (1908. № 4; в оригинале впервые — *Doubrovkine Roman.* «Stéphane Mallarmé. Aspects de l'homme». Un article inédit de René Ghil // Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire. Lausanne, 1995). Публикацию в журнале Гиль предварил следующим вступлением: «Вызвать к жизни улыбку славы на устах Стефана Малларме, осененную мечтательной, меланхолической грустью, рожденной чрезмерным стремлением к абсолютному! воскресить в памяти его движения, привычные, но точно носящие на себе отпечаток ритуального внушения, — что может быть благоговейней и непринужденней для того, кому знакомо очарование этого человека, неотделимое от его творения, исполненного редкостного и такого далекого великолепия...» [«Evoquer de Stéphane Mallarmé le sourire de gloire que mélancolise une détresse songeuse, pour avoir voulu trop d'absolu! se remémorer ses gestes habituels, portant comme empreints d'un prestige rituel: rien n'est plus pieusement aisé, à qui connut son charme qui ne se sépare point de son oeuvre de rare et lointaine magnificence...» (Vie. 1912, juin. No. 16. P. 484)]. Заканчивался очерк менее вычурно, но не менее сентиментально: «Мне кажется, это было вчера и это было в Вальвене, в том месте, к которому отныне привязано пронзительное чувство, поскольку именно там умер Малларме, унесенный с жуткой внезапностью» [«C'était hier, il me semble: et

c'était à Valvins, là où s'attache désormais une émotion poignante, — car c'est là qu'est mort Mallarmé, emporté avec terrible soudaineté» (P. 486)].

[3] О содержании очерка см. примечание 1 к следующему письму (№ 88).

88. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 27 Mars 1912

Ce soir, bien cher Ami, je pense à venir causer un peu avec vous, — venant d'ailleurs, ces jours, de beaucoup penser à vous: car j'ai écrit l'Article-portrait qui m'était demandé de vous, par la Revue *la Vie*. J'aurais aimé avoir plus de temps pour me documenter, — mais, d'ailleurs, la place réservée pour cette série de «Portraits» est restreinte, et encore avec désinvolture ai-je élargi les limites imposées, et le sujet. J'ai pu tracer ainsi votre portrait et physique et intellectuel, mais aussi faire pressentir un peu l'importance de votre Oeuvre, et montrer le rôle prépondérant qui est vôtre, dans la Littérature moderne Russe, et votre suprématie poétique[1].

Cela va passer sous peu, avec deux ou trois poèmes à la suite: le *Dernier Jour*, et l'*Escalier* et le *Maçon* (que j'ai retraduits *en prose*: ce qui nous va mieux ici)[2].

La Vie avait demandé à Mme de Holstein un article sur Balmont qui doit paraître d'abord, — car *la Vie* suit de près l'actualité: Balmont était devenu *actuel*, par un Jubilé de ses 25 ans de Littérature[3]. Et, d'autre part, vous, êtes-vous d'actualité par votre prépondérance d'influence générale sur la Poésie Russe: ce que les bien informés, ici, savent. L'on sait aussi l'amitié grande que je vous porte, et que vous voulez bien me rendre: c'est pourquoi *la Vie* s'adressa à moi.

Vous avez dû savoir qu'il y eut ici, à Paris, un banquet à Balmont qui était sur le point de s'embarquer pour l'Océanie[4]. Il y eut une partie Française, Russe, et Polonaise. Ce fut très cordial. La présidente du Banquet fut Mme de Holstein, — et en raison de ma collaboration — que je vous dois, mon cher ami, — aux Revues Russes, l'on me demanda de parler, le premier, et de présenter à Balmont un Salut au nom de la Poésie Française. Gustave Kahn parla également[5].

Depuis, nous avons été avisés d'une Réunion de littérateurs pour fêter le 24 Mars, à Pétersbourg, Balmont. Les Poètes de notre génération, principaux, ont envoyé une Adresse pour renouveler leur sympathie à cette occasion, et chargèrent de ce soin Mme de Holstein, présidente du Banquet de Paris. J'ai appris que des Revues, *Vers et Prose*, *le Mercure [de France]*, etc... avaient aussi envoyé des adresses...[6]

Je vois tout cela comme excellent à relier davantage nos deux Littératures, — car la France devait grande reconnaissance aux Poètes Russes de votre génération. Et, dans mon Article sur vous, je n'ai manqué d'exprimer cette reconnaissance, en montrant que vous, *le premier*, par vos traductions et vos commentaires, aviez marqué votre prédilection pour notre Pensée, et moderne, et traditionnelle, et que vous devait aller notre gratitude.

Et, cher ami, je vous serais maintenant infiniment reconnaissant de penser à faire des traductions (vous-même) de poèmes de vous, *très caractéristiques de votre pen-*

sée, afin que je les aie pour les donner quand en viendra l'occasion: occasion que je ferai naître, d'ailleurs, soit à *Vers et Prose*, soit au *Mercure [de France].*

Je vous dis, traduit par vous-même, *en prose, très près* de votre texte Russe: je les reverrai ensuite. Entendu, n'est-ce pas?[7]

Mon livre va paraître fin Avril. J'ai quitté l'éditeur Messein, qui vraiment montrait trop peu d'activité: cela m'a peiné, mais, enfin, j'étais trop peu satisfait[8].

J'ai alors traité avec l'éditeur Figuière qui éditera tout ce qui reste à paraître de *l'Oeuvre* et ce que je pourrais écrire à côté. Je suis très content de son empressement et de sa compréhension. J'augure bien de ma décision, certainement heureuse, en même temps que je constate avec joie une montée de plus en plus confiante des poètes d'hier et d'aujourd'hui, vers moi et mon effort loyal: l'on commence à comprendre ce qu'il renferme, signifie, et promet encore.

Maintenant, bien cher Ami, je vais, ces jours-ci, vous envoyer mon nouvel Article pour la *Pensée Russe*, remettant à votre amitié si bonne. Je le consacrerai à des volumes de «Littérature générale»: c'est-à-dire oeuvres qui n'entrent pas dans les cadres *poésie* ou *roman*, et volumes de Critique. Je pense vous adresser, là, un aperçu intéressant[9].

J'ai eu de vos nouvelles, ces jours, par Mercereau, qui avait reçu lettre de vous[10]. Je crois que vous lui feriez un grand plaisir en donnant à la *Pensée Russe* la traduction d'un de ses Contes: soit des *Contes des Ténèbres*, soit ce poème en prose qui parut à *Vers et Prose*: *Paroles devant la femme enceinte* (extrait d'un vol[ume] en préparation, *Paroles devant la Vie*), que je trouve fort beau, et qui marque une évolution très intéressante en sa pensée et son art[11].

Je me réjouis d'avoir à vous offrir sous peu mon nouveau livre, nouveau gage de mon amitié fervente et reconnaissante.

Je vous prie de présenter à Madame Brussov les amitiés de Mme Ghil, avec mon souvenir et mes hommages.

Et la main, bien cher ami, de tout vôtre,

René Ghil

88. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 27 марта 1912 г.

Сегодня вечером, дорогой Друг, мне подумалось, что хорошо бы поговорить с Вами после того, как все эти дни я долго думал о Вас при работе над посвященным Вам этюдом-портретом, заказанным мне журналом «Ви». Я предпочел бы уделить гораздо больше времени сбору документальных свидетельств для этого материала, однако место, отведенное под серию «Портретов», лимитировано, а я и без того своевольно превзошел предписанный объем и расширил тему. Я не только сумел очертить Ваш физический и умственный портрет, но и некоторым образом продемонстрировал значение Вашего творчества, указав на Вашу ведущую роль в современной русской литературе и Ваше поэтическое превосходство[1].

Статья выйдет в самое ближайшее время. В конце ее будут даны два-три Ваших стихотворения: «Последний день», «Лестница» и «Каменщик» (которые я заново переложил *прозой*, лучше воспринимающейся по-французски)[2].

Журнал «Ви» заказал г-же Гольштейн статью о Бальмонте, предполагаемой к публикации до появления статьи о Вас, поскольку журнал очень дорожит актуальностью: Бальмонт сейчас *актуален* в связи с 25-летней годовщиной своей литературной деятельности[3]. С другой стороны, Вы актуальны в связи со значительностью Вашего общего влияния на русскую литературу: в Париже осведомленным людям об этом известно. Известно им и о тех дружеских чувствах, которые я питаю к Вам и на которые Вы отвечаете взаимностью. По этой причине «Ви» и обратился ко мне.

Вы, должно быть, слышали, что здесь, в Париже, состоялся банкет в честь Бальмонта, устроенный перед самым его отплытием в Океанию[4]. На нем присутствовали представители Франции, России и Польши. Вечер вышел очень сердечный. Председательствовала на банкете г-жа Гольштейн. По причине моего сотрудничества в русских журналах, которым я обязан Вам, дорогой друг, меня попросили выступить первым и прочесть приветствие Бальмонту от имени французской поэзии. Еще на вечере выступал Гюстав Кан[5].

Позднее нас уведомили о том, что 24 марта в Петербурге для чествования Бальмонта будет устроено собрание литераторов. Ведущие поэты нашего поколения послали адрес, дабы еще раз, пользуясь случаем, подтвердить свои симпатии. Отправка адреса была возложена на г-жу Гольштейн, председательствовавшую на парижском банкете. Я узнал, что журналы «Вер э проз», «Меркюр де Франс» и др. также послали адреса...[6]

Я рассматриваю эти события как прекрасное средство еще теснее связать обе наши литературы, поскольку Франция в большом долгу перед русскими поэтами Вашего поколения. И в моей статье о Вас я не преминул упомянуть об этом долге, показав, что Вы *первый* своими переводами и комментариями обнаружили пристрастие к нашей мысли, как современной, так и традиционной, и что Вы заслужили нашу благодарность.

Дорогой друг, я был бы Вам бесконечно признателен, если бы Вы сами подумали о переводе своих стихов, тех, что *крайне характерны для Вашей мысли*. Переводы эти будут лежать у меня наготове, и я, как только представится возможность, предложу их куда-нибудь, а такая возможность непременно представится либо в «Вер э проз», либо в «Меркюр де Франс».

Говорю Вам: пришлите их в собственном переводе, *прозой, очень близко* к русскому тексту, а я их потом отредактирую. Договорились?[7]

Моя книга выйдет в конце апреля. Я ушел из издательства «Мессен», в котором на самом деле мало что происходило. Это меня огорчило, но, честно говоря, я чувствовал себя крайне неудовлетворенным[8].

Тогда я вступил в отношения с издательством «Фигьер», которое издаст оставшиеся части «Творения» и все, что я напишу помимо этого. Я очень доволен их готовностью работать и пониманием. Я предвкушаю радость от этого безусловно правильного решения и вместе с тем счастлив отметить нарастающий подъем доверия ко мне, к моей настойчивости и преданности делу со стороны

вчерашних и сегодняшних поэтов, которые начинают понимать, что́ заключено в моем труде, что́ он означает, что́ обещает в будущем.

В ближайшие дни, дорогой друг, я вышлю Вам новую статью для «Русской мысли», вверяя ее Вашей верной дружбе. Я посвящу ее двум томам, относящимся к «Общей литературе», иначе говоря, к произведениям, не вмещающимся в рамки таких определений, как *«поэзия», «роман»* или «критика». Мне кажется, что в этой статье я рассмотрю проблему под интересным углом зрения[9].

Я на днях узнал о том, как Вы живете, от Мерсеро, получившего от Вас письмо[10]. Мне кажется, Вы доставили бы ему огромное удовольствие, если бы поместили в «Русской мысли» перевод одного из его рассказов: либо из сборника «Сумеречные рассказы», либо какое-нибудь стихотворение в прозе из опубликованных в «Вер э проз»: «Речь перед беременной женщиной» (отрывок из сборника «Речь перед жизнью», готовящегося к печати). Я нахожу это стихотворение превосходным, знаменательным для крайне интересной эволюции его мысли и искусства[11].

Я радуюсь тому, что скоро смогу подарить Вам мою новую книгу, новый залог моей пламенной, благодарной дружбы.

Прошу Вас передать г-же Брюсовой дружеские пожелания от г-жи Гиль, а также мои теплые воспоминания и мое почтение.

Жму Вашу руку, дорогой друг, весь Ваш

Рене Гиль

---

[1] Материал Гиля, напечатанный в номере за 4 мая 1912 г., представлял собой пространную и достаточно подробную статью, затрагивающую все аспекты брюсовской деятельности — литературной, журналистской, лекционной и общественной. Особенное внимание Гиль уделил описанию внешности Брюсова, рассказав, что впервые увидел русского поэта у себя в кабинете за пять лет до написания статьи, а прежде был знаком с ним по знаменитому портрету Врубеля, воспроизведенному в журнале «Золотое руно». Основная мысль статьи, основанной, как явствует из писем, на выкладках, предоставленных самим ее героем, состояла в общепризнанной главенствующей роли Брюсова в современной русской поэзии, роли поэтического «диктатора», соперничать с которым мог разве что К. Бальмонт. «Как живет Брюсов?», — спрашивал Гиль у М. Волошина за год до написания статьи. «Брюсов? — переспрашивает тот, — Брюсов установил в Москве поэтическую тиранию» [«Brussov? me dit-il, il exerce la tyrannie poétique à Moscou!» (Vie. 1912. No. 11, 4 mai. P. 341)].

[2] Перелагая произведения русских поэтов, Жан Шюзевиль (см. примечание 10 к письму № 83), сохранял, насколько это возможно, их строфику, размер и рифмовку. Гиль, как явствует из письма, был сторонником традиционного перевода иностранной поэзии на французский язык — прозой. Переводы стихотворений Брюсова в «Vie» опубликованы не были, за исключением одной строки из стихотворения «Последний день».

[3] Намерение А. В. Гольштейн написать статью о Бальмонте восходит по меньшей мере к началу 1908 г. Так, в письме к Волошину от 24 января она пишет: «Задумала много и, прежде всего, в сотрудничестве с Гилем, статью о Бальмонте для какой-нибудь большой Revue (или des Deux Mondes, или de Paris). В сотрудничестве с Гилем — для скорости работы, чтобы французский язык не держал за хвост. Это конечно между нами» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 438. Сообщено В. П. Купченко).

Материалов о Бальмонте, которые можно было бы рассматривать в качестве статьи, в журнале «Vie» не появлялось. В короткой заметке, посвященной его чествованию,

А. В. Гольштейн сообщала: «Россия справляет юбилей (25-ю годовщину литературной деятельности) своего великого поэта, политического изгнанника. На днях Неофилологическое общество при Петербургском университете чествовало писателя на торжественном заседании, на котором брали слово литераторы и преподаватели и зачитывались многочисленные телеграммы из Франции, Англии, Германии, Норвегии» [«La Russie fête le jubilé de son grand poète Balmont (25 années d'activité littéraire), exilé politique. Ces jours derniers, la Société Néo-philologique de l'Université de Pétersbourg célébra l'écrivain en une séance solennelle. Hommes de lettres et professeurs prirent la parole et maints télégrammes furent adressés de France, d'Angleterre, d'Allemagne, de Norvège» (Vie. 1912. № 8, 13 avril. P. 241)].

В конце 1912 г. в «Vie» были опубликованы стихи Бальмонта в переводе Ж. Шюзевиля (1912. No. 43, 14 décembre).

[4] Бальмонт выехал из Парижа 1 февраля 1912 г. и вернулся во Францию только через 11 месяцев, побывав в Южной Африке, Австралии, Новой Зеландии, Полинезии, Индии, на Цейлоне и во многих других странах.

[5] Парижский банкет в честь литературного юбилея Бальмонта состоялся 24 января 1912 г. в ресторане на бульваре Сен-Дени. В архиве Гиля сохранился экземпляр рукописи под заглавием «Приветствие Константину Бальмонту, произнесенное на банкете в честь его юбилея, данном в Париже 24 января 1912 года, с нижайшей просьбой к председателю банкета г-же Гольштейн принять эту речь» [«Salut à Constantin Balmont, prononcé au Banquet de son Jubilé poétique, à Paris, le 24 janvier 1912, — et en priant Madame de Holstein, présidente de ce Banquet, d'agréer l'hommage de cette copie» (Французская национальная библиотека, без нумерации)]. Второй список речи, произнесенной на банкете, Гиль подарил М. Волошину со следующей дарственной надписью: «С восхищением перед поэтом глубокой души и глубокого искусства, моему другу Максу Волошину» [«Pour le poète à l'âme et l'art profonds, admiré, à mon ami Max Volochine» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1395)].

[6] Чествование Бальмонта под председательством проф. Ф. А. Брауна, состоявшееся, как писали газеты, «при огромном стечении публики, было подлинным праздником молодой русской поэзии» (Речь. 1912. № 70, 12 марта). С докладом «Лиризм Бальмонта» выступил Вяч. Иванов. В программе юбилейного собрания значилась также и речь Брюсова «Творчество Бальмонта», которую автор не имел возможности прочесть по причине занятости. В письме к С. К. Маковскому от 25 февраля 1912 г. Брюсов писал: «Мне бы очень хотелось приехать на "праздник Бальмонта", но я поистине не принадлежу себе [...]. Во всяком случае, обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы освободиться к указанному вами дню и приехать в Петербург» (ЛН 1976. С. 536n).

В «Протоколе 170-го (208-го) Заседания Общего Собрания Неофилологического общества по случаю исполнившегося двадцатипятилетия литературной деятельности К. Д. Бальмонта 11 Марта 1912 года в 2 ч. дня» в длинном списке прочитанных телеграмм, под № 43, значилось коллективное поздравление группы французских и бельгийских литераторов (воспроизводим по публикации): «René Ghil. Gustave Kahn, Henri de Régnier, Francis Vielé-Griffin. Emile Verhaeren, Stuart Merrille, Saint-Paul Roux, Ferdinand Hérold, André Fontainas, Paul Fort, Paul Boyer (Directeur de l'Ecole de Langues orientales), Lot (Professeur a la Sorbonne), Alexandra de Holstein» (Записки Неофилологического общества. Выпуск VII. СПб., 1914. С. 59). Отдельные телеграммы прислали Александр Мерсеро и редакции ряда парижских журналов.

Некоторые подробности организации петербургского банкета известны из письма М. Волошина к А. В. Гольштейн от 22 февраля 1912 г.: «11 марта (ст. ст.) Неофилологическое Общество в Петербурге будет чествовать Бальмонта. Они надеются привлечь к этому торжеству Академию и Великого Князя Константина Константиновича: все это с целью составить прецедент, который бы смог облегчить Бальмонту возврат в Россию. Было бы очень важно, чтобы было получено несколько телеграмм из-за границы от разных лиц и редакций. Не можете

ли Вы помочь в этом? [...] В Москве его собирается чествовать Общество Любителей Российской Словесности. Это все мы нашим банкетом наделали. Но теперь необходимо это поддержать, чтобы в Петербурге было получено по крайней мере несколько приветствий, хотя бы от тех из поэтов, которые его приветствовали» (Письма Максимилиана Волошина к А. В. Гольштейн / Публикация М. Ланда, А. Тюрина, Ж. Шерона // Звезда. 1998. № 4. С. 166).

[7] Этот замысел не был реализован.

[8] Как мы неоднократно указывали ранее, речь идет о книге «Образы мира», издание которой постоянно откладывалось.

[9] См. примечание 2 к письму № 90.

[10] Письмо Мерсеро, упоминаемое Гилем, нам неизвестно.

[11] Переводы рассказов А. Мерсеро в «Русской мысли» не публиковались.

89. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

28 Mai 1912

A la hâte, bien cher ami, voici le petit commentaire sur la représentation d'*Hélène de Sparte*. Succès de snobisme, public trop ignorant, succès que les amis de Verhaeren regrettent: ce n'était pas là sa place en somme. Enfin...[1]

Je vais vous faire envoyer les Nos de la *Vie*, ces gens-là sont chiens extraordinairement. — Oui, vos notes portaient 1871, comme date de naissance! Vous êtes, d'être et de talent, de taille à supporter ce vieillissement, vous de si jeune et forte énergie[2]. A propos de ces pages, — si, sur *Hélène[de Sparte]*, j'ai écrit amplement, vous couperez *si nécessaire*, vous-même, et arrangerez. — Merci, pour parution de mon autre article au No. prochain. — Vous me tiendrez au courant de votre voyage, que nous espérons bien se terminant par Paris! Nous irons à la campagne fin Juin, pour 3 mois, mais *près de Paris*.

A bientôt. Votre RG

89. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

28 мая 1912 г.

Дорогой друг, в спешке посылаю Вам что-то вроде комментария к постановке «Елены Спартанской». Успех снобизма, невежественная публика, успех, о котором сожалеют друзья Верхарна: не там ему в конечном счете было место. Бог знает что...[1]

Я позабочусь об отправке Вам номеров журнала «Ви» — эти люди в высшей степени *пакостны*. Уверяю, что в Ваших записях годом Вашего рождения значился 1871! По своей натуре, по своему таланту Вы выше таких описок и стерпите то, что Вас несколько состарили. Тем более, что Вы так молоды и полны энергии[2]. В отношении посылаемых Вам страниц я предоставляю Вам право *по необходимости* делать сокращения и связки по собственному усмотрению, если я излишне пространно написал о «Елене Спартанской». Благодарю за публикацию моей статьи в следую-

щем номере. Напишите мне о своем путешествии, которое, мы надеемся, завершится в Париже! В конце июня мы уезжаем на 3 месяца в деревню, но недалеко от Парижа.

До скорого, Ваш Р. Г.

---

[1] Пьеса Э. Верхарна «Елена Спартанская» была поставлена в апреле 1912 г. в театре Шатле. Постановка была осуществлена антрепренером Г. Астрюком, организовавшим ряд спектаклей в европейских столицах с участием лучших артистических сил, главным образом русских. «Елена Спартанская» шла в постановке А. А. Санина и с декорациями Л. С. Бакста, роль Елены исполняла Ида Рубинштейн. Музыка к спектаклю была написана французским композитором Д. Севераком. В письме к Верхарну от 19 мая 1912 г. Брюсов писал: «Очень рад сообщить вам, что отзвуки шумного успеха первого представления вашей “Елены Спартанской” достигли даже русских газет. Последнее время вся ежедневная печать посвящает большие статьи этому событию. К сожалению, мне сразу не пришло в голову сберечь все эти статьи, которые теперь мне уже не вернуть. Все же кое-что я отложил и вам посылаю. Есть среди них весьма хвалебные, но есть также и неодобрительные, тем не менее и те и другие сходятся в одном: ваша драма, равно как и ее постановка, являются большим событием литературной и артистической жизни всей Европы» [«Il me fait beaucoup de joie de vous annoncer que les échos du bruit de la première représentation de votre “Hélène de Sparte” sont parvenus même aux journaux russes. Ce dernier temps tous les quotidiens consacrent de grands articles à cet événement. Malheureusement, je ne <me> suis pas tout d’abord avisé de recueillir tous ces articles qu’il m’est impossible de ravoir à présent. Pourtant je vous en envoie quelques-uns que j’avais mis de côté. Il y en a de très élogieux, mais aussi de blâmants, néanmoins les uns comme les autres s’accordent en ceci: votre drame ainsi que la mise-en-scène de la pièce forment un grand événement dans la vie littéraire et artistique de l’Europe entière» (ЛН 1976. С. 613)].

О парижской постановке «Елены Спартанской» Гиль рассказал в «Русской мысли» в своем очередном «Письме из Парижа». В начале отзыва он остановился на новых возможностях, открывшихся перед театром в связи с успехом «русских» сезонов, отметив их влияние на общество, на моды и т. п. Определив русское искусство как «роскошное и варварское», Гиль затем углубился в рассуждения о его «крайней утонченности», которая (по причине его же «широкой пышности») «всего лучше связывается с искусством эпох примитивных, еще почти бессознательным, бурно порывистым, инстинктивным, и с искусством эпох упадка, раннего декаданса, исполненного энергии в разрушении всего прошлого и в то же время глубокой тоски и безнадежности» (1912. № 7. Отд. III. С. 28). Эти и подобные рассуждения, занявшие пять журнальных колонок, показались руководству «Русской мысли» настолько поверхностными, узкими, грешащими таким непониманием сути вопроса, что оно сочло нужным обособиться от них в редакционной сноске: «Не разделяя, разумеется, суждений автора о “русском искусстве”, которое к тому же не выражается все в дягилевских парижских постановках, редакция дает, однако, место этой статье своего постоянного сотрудника, как любопытному взгляду западноевропейского зрителя на некоторые проявления новейших веяний в русском театре» (С. 28n).

Постановку «Елены Спартанской» в духе «чисто феерического зрелища» (С. 29) Гиль счел тягостной ошибкой, «аттракционом», настолько далеким от подлинника, что «для того, чтобы судить о создании Верхарна, надо было, выйдя из театра, взять в руку книгу и прочесть драму» (Там же). И «слишком надуманные декорации и костюмы» Льва Бакста, и «исхищренные жесты и пластические позы» Иды Рубинштейн только усилили, по мнению Гиля, «два решительно враждебных друг другу начала», какими были «азиатская пыш-

ность русского балета и строгая классическая ясность, достигнутая бельгийским поэтом» (С. 30). Заканчивалась рецензия одним из излюбленных мотивов рецензента: постановка признавалась «делом не лишним и не бесполезным», если она сумела «послужить к тому, чтобы заставить имя Верхарна проникнуть в широкие круги публики» и «обратить внимание читателей на его поэзию, более известную за границей, нежели во Франции» (Там же).

[2] Речь идет об ошибке в годе рождения Брюсова, допущенной при публикации статьи Гиля в журнале «Vie» (см. примечание 1 к письму № 88). В тексте статьи значилось: 1 декабря 1871 г. (подлинная дата — 1873 г.).

90. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

3 Juillet 1912

Adresse jusqu'au 30 Septembre à Saint-Chéron (Seine-et-Oise), France.

Bien cher Ami,

Ce mot pour vous dire mes amitiés, le souvenir de Mme Ghil, — et à Madame Brussov, les amitiés de Mme Ghil avec mes hommages empressés, — au moment où nous arrivons à la campagne, ici, dans ce Saint-Chéron que nous aimons toujours, si calme avec ses grandes lignes harmonieuses et boisées.

J'ai reçu le No. de la *Pensée Russe* où ma Chronique. Je vous en remercie[1].

Je vais vous envoyer, sous 5 ou 6 jours, ma prochaine, qui sera sur les quelques *Romans* qui ont compté ces temps[2], — et un livre de Paul Fort[3], — parce que d'actualité: Paul Fort étant Prince des Poètes!... C'est un peu ridicule, et ridicules les intrigues (comparable à celles, vulgaires, d'élections de députés ou même de conseillers municipaux!), qui amènent cette élection, — en dehors de la tradition de prendre toujours un Aîné: mais la *politique* même s'y mêla — c'est une élection «nationaliste», un peu «catholique» aussi, et même beaucoup! — Au fond, comme il ne restait que Jean Richepin de l'autre génération, et qu'on ne voulait, d'autre part, aucun des 4 ou 5 aînés directs, Verhaeren, Régnier, Griffin, moi, on a préparé une élection sans signification littéraire, mais, dis-je, qui va mieux à l'esprit «naturaliste, bien Français», qui sévit actuellement. C'est assez amusant...[4]

Etes-vous encore à Moscou? ou avez-vous déjà commencé le voyage qui, nous l'espérons bien et de tout coeur réjoui d'avance, vous ramènera vers Paris?

Je vais vous envoyer mon article à Moscou. Je vous serais infiniment reconnaissant, cher ami, *de faire passer cela au No. d'Août,* si possible[5], — cela m'arrangerait pour ma campagne, toujours surcroît un peu onéreux! Grand merci!

Vous allez recevoir, dans la semaine prochaine, mon livre, qui s'est trouvé un peu en retard[6].

A bientôt de vos nouvelles, n'est-ce pas? De toute amitié, de tout merci. Vôtre

René Ghil

90. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

3 июля 1912 г.

Адрес до 30 сентября — Франция, Сен-Шерон (департ. Сен-э-Уаз)

Дорогой друг!

Пишу это письмо, чтобы передать Вам дружеский привет от себя лично и от г-жи Гиль, а г-же Брюсовой — дружеский привет от г-жи Гиль и мое нижайшее почтение. Пишу сразу же по приезде в местечко Сен-Шерон, которое привлекает нас по-прежнему своим покоем, гармоничными очертаниями и просторными лесами.

Я получил номер «Русской мысли», в котором помещена моя хроника. Спасибо Вам за это[1].

Дней через 5-6 я пошлю Вам следующую хронику, посвященную нескольким *романам*, высоко котирующимся в последнее время[2], а также рецензию на книгу Поля Фора[3], актуальную сегодня, поскольку Поль Фор избран Принцем поэтов!.. Это немного смешно, как смешны приведшие к этому избранию интриги (сравнимые с вульгарными интригами при избрании депутатов или даже членов муниципального совета!), не говоря уже о том, что это место по традиции должен был занять кто-нибудь из старших поэтов, однако, *политика* примешалась и к этому событию: выборы носили «националистический», а отчасти даже во многом «католический» характер! В принципе, поскольку из другого поколения не осталось никого, кроме Жана Ришпена, и поскольку, с другой стороны, не был выдвинут никто из прямых предшественников — ни Верхарн, ни Ренье, ни Гриффен, ни я, — организованные выборы не имели никакого значения для литературы, но, подчеркиваю, отвечали при этом свирепствующему сейчас «натуралистическому, подлинно французскому» духу. Это весьма забавно...[4]

Находитесь ли Вы по-прежнему в Москве или уже выехали в путешествие, которое приведет Вас в Париж, на что мы надеемся и чему были бы рады от всего сердца?

Я пошлю Вам свою статью в Москву. Я был бы Вам бесконечно благодарен, дорогой друг, *если бы Вы по возможности поставили ее в августовский номер*[5]. Это бы меня очень устроило в связи с пребыванием в деревне, что, как всегда, сопряжено с дополнительными расходами. Большое Вам за это спасибо.

В течение следующей недели Вы получите мою книгу, вышедшую с некоторым опозданием[6].

Жду от Вас в ближайшее время известий. С дружескими пожеланиями и благодарностью, Ваш

Рене Гиль

[1] Судя по датам, Гиль подразумевал под «хроникой» статью о постановке «Елены Спартанской» (см. примечание 1 к письму № 89), перевод которой был опубликован без указания переводчика.

[2] Для следующего номера «Русской мысли» Гиль подготовил несколько рецензий под объединяющим заглавием «"Умственные" книги». Приступая к обзору, он выразил желание «поговорить о нескольких новых книгах, которые можно было бы назвать "умственными" книгами; в них искусство слова достигает своего высшего выражения, приближаясь к искусству стиха, но в то же время их сюжет сохраняет всю свободу развития действия в романах, стремясь, однако, возвыситься до того, чтобы стать символом общечеловеческой, мировой драмы...» (1912. № 6, С. 25). Статья охватывала романы Пьера Фонса «Приношение тайне» (Fons Pierre, «L'Offrande au Mystère», 1912) и Себастьяна Вуароля «Предсказания и талисманы» (Voirol Sébastien, «Augurales et Talismans», 1912), сборник Александра Мерсеро «Сумеречные рассказы» (Mercereau Alexandre, «Contes des Ténèbres», 1911), его же книгу критических очерков «Литература и новые идеи» («La littérature et les idées nouvelles», 1912), сборник стихов Поля Фора «Вечное приключение» (Fort Paul, «L'Aventure éternelle», 1912) и роман Рони-старшего «Любовь к земле» (Rosny aîné, «L'Amour de la Terre», 1912). На русский язык статья была переведена с рукописи Н. Львовой.

[3] В своей восторженной заметке о новом (лучшем, по его мнению) сборнике Поля Фора «Вечное приключение» Гиль отметил успех его многотомной серии «Французские баллады» (20 книг с 1897 по 1908 г.) и, сравнив автора с Вийоном, подчеркнул, что во Франции нет, «может быть, человека более простого и обаятельного, нет поэта, более утонченного, более "французского", чем этот "трувер" XX века, стихи которого, грациозные, меланхолические, исполненные обаянием весны, не будут забыты никогда» (С. 27).

Брюсов был хорошо знаком со стихами Поля Фора. «Читал Paul Fort, — сообщал он И. Коневскому еще в октябре 1899 г., — это полупроза, полустихи, полухорошо, полудурно и все же скучно» (ЛН 1991. С. 472). Через 15 лет, в переиздании своей антологии «Французские лирики XIX века», он отметит, что баллады Поля Фора «по красоте языка, по смелости фантазии, принадлежат к числу превосходных созданий французской поэзии» (ПССП 1913. С. 277).

[4] Рассуждения Гиля об избрании нового «короля поэтов» выдают его двойственное отношение к П. Фору, принадлежащему к группе «младших» символистов, приверженных идеалам С. Малларме. Выборы, проведенные в июне 1912 г., явились шумным событием, вызвавшим значительное число публикаций как в периодической печати, так и в виде отдельных листовок, бюллетеней для голосования, циркулярных писем и т. п. Нельзя отрицать, что поспешность, с которой были организованы выборы, не лучшим образом повлияла на репутацию четвертого «короля поэтов». Его предшественник, Леон Дьеркс, скончался 11 июня. Уже 13 июня, по инициативе журнала «Phalange» и четырех литературно-художественных газет, был проведен своеобразный референдум, вызвавший протест и насмешки со стороны части прессы. Голосование состоялось 1 июля в помещении газеты «Gil Blas». Кандидатуру Поля Фора поддержало подавляющее большинство писателей (338 голосов). Под интригами, возникшими вокруг выборов, Гиль подразумевал прежде всего неудавшуюся попытку выдвинуть кандидатуру некоего Рауля Поншона (95 голосов), опередившего, тем не менее, таких знаменитых поэтов, как А. де Ренье, Ж. Ришпен, Э. Верхарн, Ф. Жамм и многих других. Банкет по случаю избрания нового «короля поэтов» состоялся сначала в кафе «Глоб», а затем 12 июля, под председательством Жана Ришпена, в «Луна-парке». Поэты и писатели, не имевшие возможности присутствовать на банкете прислали теплые, восторженные поздравления. Гиль, насколько нам известно, на приглашение не отозвался.

Скептическое отношение к избранию Поля Фора «королем поэтов» выказал и Брюсов. «Не соблазнят же Вас лавры какого-нибудь prince des poètes вроде Поля Фора», — заметил он в письме к И. Эренбургу 5/8 июля 1916 г. (ЛН 1994. С. 531). Сам Эренбург, живший

перед войной в Париже, так запомнил события этих лет: «По вторникам в “Клозери де лиля” приходили французские писатели, главным образом поэты; спорили о пользе или вреде “научной поэзии”, изобретенной Рене Гилем, восхищались фантазией Сен-Поль Ру, ругали издателя “Меркюр де Франс”. Однажды были устроены выборы: на трон “принца поэзии” посадили Поля Фора, красивого, черного как смоль автора многих тысяч баллад, полувеселых, полугрустных» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. В 3-х т. М., 1990. Т. 1. С. 120).

[5] Следующее «Письмо из Парижа», озаглавленное «Несколько новых романов», было опубликовано в сентябрьской книге журнала также в переводе Н. Львовой. В нем анализировался новый роман Анатоля Франса «Боги жаждут» («Les Dieux ont soif», 1912), а также следующие новинки года (названия — по русской публикации): Леон Доде «Те, которые восходят» (Daudet Léon. «Ceux qui montent», 1912), Шарль Женио «Столкновение рас» (Géniaux Charles, «Le choc des races», 1912), Пьер Милль «Луиза и Барнаво» (Mille Pierre, «Louise et Barnàvaux», 1912), Габриель Клузе «Жанна Моро» (Clouzet Gabriel, «Jeanne Moreau», 1911) и Рашильд «Ее весна» (Rachilde, «Son printemps», 1912).

[6] См. примечание 8 к письму № 88.

91. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

St. Chéron (Seine-et-Oise), 21 Sept[embre] 1912

Bien cher Ami,

Je réponds immédiatement à votre lettre seconde, — et j'allais répondre à votre première[1] qui m'a tant touché, qui m'a rendu heureux, et orgueilleux — des paroles que vous avez trouvées à la lecture de mon dernier livre. Je vous en remercie, avec une joie unique, — et merci de ce qu'encore vous voulez en dire publiquement: ce sera un grand honneur pour moi que la présentation *par vous* de ce livre aux lecteurs Russes, soutenue par des traductions, où vous traduisez, mais interprétez toute l'âme enclose et latente au Verbe du poète[2]. Merci, et merci!

J'ignore encore, ici (où je suis jusqu'au 30 de ce mois), beaucoup de ce qui a été écrit à ce jour sur ce livre — car j'ai cessé ces temps mon abonnement à *l'Argus de la Presse*[3], qui, comme toutes ces Agences, envoie un tas de coupures insignifiantes et n'a pas connaissance des Revues, surtout de l'Etranger. — Je ne connais donc point l'Article au *Mercure [de France]* de M. Duhamel à qui, d'ailleurs, le volume n'a pas été envoyé par moi: je n'ai pas attendu ce cas particulier pour m'étonner du choix du *Mercure [de France]*, — l'étroit Duhamel n'étant certes point indiqué pour la critique, — où il faut du talent, de la noblesse et du savoir. Je lirai cela à Paris... De la manière dont vous jugez cela, je vois qu'il n'a point travaillé à son honneur[4]. —

Maintenant, votre seconde lettre. Certes, vous le savez, je suis tout dévoué à la *Pensée Russe* où ce m'est honneur d'écrire, et à vous, vous le savez aussi. Tout ce que vous pouvez me demander, je suis et je serai heureux de m'y donner[5].

Vous me parlez d'un Roman de Randau, tout en me disant d'agir vite. Or, Randau est en Afrique, à Dakar ou peut-être en mission. Je n'ai pas de ses nouvelles. Je crois

que nous n'aboutirons que difficilement[6]. Je crois donc qu'il faille voir ailleurs. Mais *dites-moi par retour de courrier* si vous tenez à un roman *exotique*? Ou si tout genre vous agréerait? Dites-moi *vos préférences*, ce qui m'aidera à orienter mes demandes.

Dès que j'aurai ce supplément d'information qui m'est un peu utile, je ferai le nécessaire, et certes j'aboutirai. Et je ferai les démarches directement, car, dis-je, le 1er Octobre je serai rentré à Paris.

Autant que possible, — et, même, je crois cela nécessaire, il faudrait un nom *jeune*, mais cependant connu déjà: par exemple, un lauréat du prix Goncourt? *Que vous en semble*? Je pourrais voir du côté de Châteaubriant[7], Frapié[8], etc... selon, dis-je, le genre qui vous paraît préférable pour la Revue.

J'attends donc, je vous prie, un mot adressé à Paris, répondant à ces interrogations, — et aussitôt je suis tout à vous, avec succès certainement.

Notre souvenir et mes hommages à Madame Brussov, je vous prie — et combien regrettons-nous ne vous voir cet automne, comme nous l'avions espéré, — et bien merci, de tout coeur vôtre,

René Ghil

— Merci pour la parution de mon Article au No. de ce Septembre[9]. Je vous prie, vous me ferez envoyer *à Paris* les honoraires de cet article, avec ceux du petit article sur Verhaeren[10], ensemble.

91. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Сен-Шерон (департ. Сен-э-Уаз), 21 сентября 1912 г.

Дорогой друг!

Незамедлительно отвечаю на Ваше второе письмо, хотя уже собирался ответить на первое[1], глубоко тронувшее меня, сделавшее меня счастливым и прибавившее мне гордости от слов, найденных Вами для меня при чтении моей последней книги. С неповторимой радостью благодарю Вас за них. И спасибо за то, что Вы решили сказать о этом публично: для меня будет большой честью, если *именно Вы* представите эту книгу русским читателям и подкрепите свое выступление собственными переводами, в которых Вы передадите всю заключенную в Глаголе, всю скрытую в нем душу поэта[2]. Еще и еще раз спасибо!

Находясь в деревне (где мы пробудем до 30 числа этого месяца), я еще не знаю многого из того, что было написано к сегодняшнему дню об этой книге, так как я в свое время аннулировал подписку на «Справочник по текущей прессе»[3], который, как всякое предприятие подобного рода, посылает груду ничего не значащих вырезок и не имеет представления о журналах, особенно заграничных. Поэтому я совершенно не знаком с напечатанной в «Меркюр де Франс» статьей Дюамеля, которому я, кстати, не посылал сборника. И без этого, не дожидаясь конкретного повода, я был с самого начала удивлён выбором, сделанным

журналом: недалекому, ограниченному Дюамелю, безусловно, противопоказаны занятия критикой. Для этого необходим талант, необходимо благородство, необходимы знания. Я прочту его статью по возвращении в Париж... Читая Ваши суждения о его статье, я прихожу к выводу, что эта работа не делает ему чести[4].

Теперь о Вашем втором письме. Как Вам известно, я, разумеется, целиком предан «Русской мысли», сотрудничать в которой для меня честь, предан Вам, о чем Вы тоже знаете. Я буду счастлив исполнить любую Вашу просьбу[5].

Вы пишете мне о романе Рандо, призывая меня действовать незамедлительно. Однако Рандо сейчас в Африке, в Дакаре, или, быть может, в экспедиции. Я давно не получал от него известий. Я думаю, что здесь нам будет трудно добиться чего-либо[6]. Полагаю, что надо искать в другом месте. Но, прошу Вас, *ответьте с обратной почтой*, насколько для Вас важен именно *экзотический* роман? Или Вам подошел бы роман любой специфики? Напишите мне о *Ваших предпочтениях* — это поможет мне направить поиски в нужное русло.

Как только я буду располагать дополнительной информацией, без которой я чувствую себя в некотором затруднении, я сделаю все необходимое и уверен, что отыщу нужную книгу. Я буду заниматься этим сам, напрямую, поскольку, как я написал, 1 октября уже вернусь в Париж.

По мере возможности, нет, я даже считаю, что просто необходимо отыскать *молодого,* но уже зарекомендовавшего себя писателя, например, лауреата Гонкуровской премии. *Что Вы об этом думаете?* Я мог бы поговорить с Шатобрианом[7], Фрапье[8] и другими — в зависимости, как я уже сказал, от профиля, наиболее предпочтительного для журнала.

Итак, жду Вашего письма с ответами на эти вопросы. Отправляйте его на мой парижский адрес. Сразу по его получении я буду весь в Вашем распоряжении, и успех нам обеспечен.

Передайте, пожалуйста, свидетельство нашего почтения г-же Брюсовой. Но как мы сожалеем о том, что, вопреки нашим надеждам, не увидим Вас этой осенью. И еще раз от всего сердца спасибо. Ваш

Рене Гиль

Благодарю Вас за появление моей статьи в сентябрьском номере[9]. Прошу Вас, пошлите гонорар за эту статью *в Париж*, присоединив к нему гонорар за заметку о Верхарне[10].

---

[1] Ни первое, ни второе письмо Брюсова, упоминаемые Гилем, нам неизвестны.

[2] Речь идет, вероятно, о неосуществленном плане Брюсова отметить в русской печати новую часть «Творения» — «Образы мира».

[3] Имеется в виду Бюро газетных вырезок, основанное в 1879 г. виконтом Франсуа Огюстом де Шамбюром. Агентство предоставляет своим подписчикам информацию о любом упоминании их имени во французской и международной прессе.

[4] Жорж Дюамель сменил на посту критика отдела поэзии «Mercure de France» Пьера Кийяра, умершего в 1912 г. В период с июля 1912 по август 1914 г. он дважды в месяц помещал здесь рецензии на новые сборники стихов (всего более 50 публикаций). Оценки

Дюамеля нередко носили резкий, враждебный характер. В недошедшем до нас письме Брюсов, вне сомнения, интересуется мнением своего корреспондента относительно статьи Дюамеля, опубликованной в номере за 1 сентября 1912 г. Формальным поводом для написания статьи явилось появление книги «Образы мира». В действительности же статья представляла собой анализ истоков и принципов творчества Гиля в целом, творчества, зашедшего, по мнению рецензента, в тупик. При этом причину неудачи Дюамель видел не в отсутствии у Гиля дарования, а в искусственности и бесплодности его жизненного замысла, превратившего талантливого стихотворца в «жертву» и «узника» собственных ошибочных теорий. Ни одно слово в статье не могло понравиться корреспонденту Брюсова и, видимо, самому Брюсову, поскольку изложенные в ней веские обвинения подрывали фундамент самого существования «научной поэзии» в том виде, в каком ее понимали и французский родоначальник, и его русский преемник. Помимо обычных рассуждений о несовместимости эмпирического познания, практикуемого экспериментальной наукой, и интуитивного познания, свойственного поэзии, Дюамель поставил под сомнение способность Гиля, не получившего никакого систематического образования, *вообще* высказываться по поводу достижений современной науки, указав, что основа его философии — теория эволюционизма — отнюдь не является последним словом науки и давно входит в школьную программу. Второе неустранимое противоречие в творчестве Гиля рецензент усмотрел в том, что теорию эволюционизма, к тому же понимаемую крайне упрощенно, поэт излагает нарочито усложненным, запутанным, невнятным языком, не имеющим ничего общего с «темнотой» Рембо, Малларме или Клоделя, которые, по замечанию Дюамеля, «в своих самых отвлеченных произведениях пытались с помощью языка осветить вспышками молний области бездны, лежащие во мраке лишь потому, что их до сих пор никто не исследовал» [«dans leurs oeuvres les plus lointaines, se sont efforcés de jeter, à l'aide du langage, des éclairs lumineux dans une région de l'abîme, ténébreuse, parce qu'inexplorée jusqu'alors» (Mercure de France. 1912, 1 septembre. P. 120)]. Темнота для Гиля — самоцель, делает вывод Дюамель, и его достижения, если таковые имеются, лежат исключительно в технической области. Заключая статью, новый заведующий отделом поэтической критики «Mercure de France» еще раз подчеркнул искренность своей попытки убедить старшего товарища в ошибочности его догматических опытов, не имеющих, по мнению рецензента, ни настоящего, ни будущего. Рецензия Дюамеля стала поводом к окончательному разрыву между двумя писателями. В своих позднейших воспоминаниях Дюамель следующим образом раскрыл суть отношений между поэтам «Аббатства» и Гилем:

«Я уже не помню, кто из нас начал первым посещать Рене Гиля и привел к нему всех остальных. Анри Мондор (в своей монографии «Жизнь Малларме» (1941). — *Р. Д.*) рассказал о том, как Рене Гиль неожиданно разошелся с Малларме из-за щекотливого вопроса о том, можно ли “обойтись без рая”... Мы в то время не знали обстоятельств этой размолвки: Рене Гиль был в наших глазах апостолом Малларме, апостолом, живущим среди язычников. Этого было достаточно, чтобы определить объект нашего поклонения. Мы инстинктивно стремились ко всему, что казалось нам революционным в поэтическом искусстве. Бурная эпоха символистов, наследников эпохи романтизма, похоже, оправдывала наши предпочтения. Рене Гиль когда-то сочинял музыкальные, окрыленные, не лишенные выспренности стихи в беспримесном вкусе 1885 года, которыми он, разумеется, больше не гордился, считая их недостаточно затемненными. [...] К 1905 году Рене Гиль был чрезвычайно далек от этих позвякивающих бубенчиками и в конечном итоге наивных мелодий. Он открыл и проповедовал словесную инструментовку! Он был единственным представителем и пророком научной поэзии! Он не обладал монополией на невнятицу, но гордо нес титул рекордсмена по этой части. При всеобщем безразличии он ожесточенно возводил здание гигантского творения, первые восемь томов которого уже увидели свет. Чтобы завоевать наши симпатии, хватило бы и меньшего. Наше предрасположение не

было слепым. Иногда Аркос открывал один из томов “Сказания о лучшем” или “Сказания о крови” и предпринимал искреннюю попытку почитать [...] Аркос был хорошим чтецом и делал еще одно усилие, затем начинал спотыкаться и замолкал. Это не имело значения. Гиль являл нам пример мужества и бескорыстия и мы не собирались от него отрекаться, несмотря на беспокоящие нас заблуждения. Этот человек внушал уважение честным достоинством своей карьеры. Он жил на улице Лористон, в кругу близких ему людей, в очень скромной квартире, наполненной благоуханием сигаретного дыма. Он принимал нас в узком рабочем кабинете. На госпожу Гиль было приятно смотреть. Поэт стоял перед камином, как когда-то Стефан (Малларме. — *Р. Д.*). Он произносил сдержанные речи. В голосе его было пламя, но не было горечи. Казалось, у него не было никаких сомнений в собственном будущем, в справедливости, в посмертной судьбе, подобной судьбе, скажем, Мориса Сева, поскольку именно в то время слава лионского поэта начала после четырех столетий вновь сверкать искрами» [«Je ne sais plus lequel de nous commença de fréquenter chez René Ghil et nous y entraîna. Henri Mondor a raconté comment René Ghil s’était soudainement séparé de Mallarmé sur la délicate question de savoir si’ l’on pouvait ou non “se passer d’Eden”... Nous ignorions alors les circonstances de cette rupture: René Ghil était à nos yeux un apôtre de Mallarmé, un apôtre demeuré parmi les Gentils. Il n’en fallait pas davantage pour orienter notre dilection. Nous allions d’instinct vers tout ce qui, dans l’art de poésie, nous paraissait révolutionnaire. L’aventure des Symbolistes, après celle des Romantiques, semblait nous donner raison. René Ghil avait composé des poèmes musicaux, ailés, non dépourvus de clinquant, dans le plus pur goût 1885, et dont il ne se vantait pas, sans doute parce qu’il ne les jugeait plus assez ténébreux. <...> Mais, vers 1905, René Ghil était bien loin de ces musiques tintinnabulantes et somme toute naïves. Il avait découvert et prêché l’instrumentation verbale! Il était le seul et prophétique représentant de la poésie scientifique! II n’avait pas le monopole de l’obscurité mais il en détenait orgueilleusement le record. Il échafaudait avec acharnement, dans l’indifférence générale, une oeuvre de proportions gigantesques dont les huit premiers volumes avaient déjà vu le jour. Il en eût fallu beaucoup moins pour déterminer notre sympathie. Elle n’était pas aveugle. Parfois, Arcos ouvrait l’un des volumes de *Dire de Mieux*, ou de *Dire des Sangs* et il faisait un sincère effort de lecture <...> Arcos, bon lecteur, s’évertuait encore un petit moment, puis trébuchait, puis s’arrêtait. N’importe! Ghil nous était un exemple de courage et de désintéressement et nous n’entendions pas le désavouer, même quand ses erreurs nous inquiétaient. L’homme inspirait le respect par la dignité, par la probité de sa carrière. Il habitait, rue Lauriston, un appartement très modeste, intime, embaumé par la fumée des cigarettes. II nous recevait là, dans son étroit cabinet de travail. Madame Ghil était agréable à regarder. Le poète se tenait debout devant la cheminée, comme autrefois Stéphane. Il pérorait avec discrétion. Il avait de la flamme et nulle amertume. Il ne semblait pas douter de l’avenir, de la justice, d’une destinée posthume qui serait peut-être celle d’un Maurice Scève. Car, justement, la gloire du Lyonnais recommençait, après quatre siècles, de lancer des étincelles» (*Duhamel Georges*. Biographie de mes fantômes. 1901—1906. Paris, 1944. P. 168—171)].

[5] Судя по дальнейшему содержанию этого письма, а также последующих писем, Брюсов обратился к Гилю с просьбой отыскать новый французский роман для публикации в «Русской мысли».

[6] О Робере Рандо см. примечание 2 к письму № 78.

[7] Имя Альфонса де Шатобриана (1877—1951), автора романа «Господин де Лурдин», удостоенного в 1911 г. Гонкуровской премии, было к тому времени уже известно Брюсову из не дошедшего до нас письма Гиля. 12 декабря 1911 г. Гиль сообщал Волошину: «Я написал Брюсову, дабы изложить ему вашу просьбу относительно книги Шатобриана и известить его, что я был бы очень рад, если бы вы написали о ней в феврале, ибо моя статья идет в январе, а ко времени второй моей статьи 1912 г., в которой я только и смогу о ней написать, будет слишком поздно. Я посоветовал ему договориться с вами *непосредственно*, указав, какой объем должна иметь ваша статья» [«J’ai écrit à Brussov, pour lui présenter

votre demande touchant le livre de Châteaubriant, et lui dire que je serais très heureux que vous en parliez en février, puisque, mon article passant en janvier, il serait bien tard quand viendra mon second de 1912 — là seulement où je pourrais en parler moi-même. Je lui dis de vous avertir *directement*, en vous disant quelle étendue doit avoir votre article» (Цит. по: Французские писатели — корреспонденты М. А. Волошина / Публикация П. Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 244—245)]. Волошин был лично знаком с автором «Господина де Лурдина» и переписывался с ним. Однако, ни его рецензия на роман, ни перевод романа в «Русской мысли» опубликованы не были.

[8] О присуждении Леону Фрапье Гонкуровской премии за его роман «Начальная школа» (Frapié Léon. «La maternelle», 1904) «Весы» сообщали в № 2 за 1905 г. В том же году роман получил резко отрицательную оценку рецензента «Весов» С. Рафаловича (1905. № 5. С. 47). В тексте второй публикации была допущена опечатка, исказившая имя автора: Trappié. Леон Фрапье был лично знаком с Гилем и в 1904 г. посещал его «пятницы».

[9] См. примечание 5 к письму № 90.

[10] См. примечание 1 к письму № 89.

92. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 16 Oct[obre] 1912

Bien cher et Grand ami,

Je crois pouvoir vous donner une bonne nouvelle, à propos du Roman pour la *Pensée Russe*. J'ai la presque assurance d'une acceptation qui me plairait, et plairait, je pense, à vous et vos lecteurs. Il s'agit de *M. Charles Géniaux*, qui a eu, il y a quatre ou cinq ans, le prix National pour le Roman, — roman de talent, — qui en a publié trois depuis, à la *Revue Hebdomadaire*, à la *Grande Revue, à la Vie*, etc., et en librairie[1].

Son dernier paru en librairie (dont justement je parlais au No. de Sept[embre] de la *Pensée Russe*), très remarquable, a suscité un très grand intérêt, par les problèmes humains qu'il pose et sa vigueur d'étude[2].

D'ailleurs, ses études et articles à droite et à gauche, depuis quatre ans, l'ont mis très en vue... C'est donc *un nom*, que j'espère apporter à la *Pensée Russe*, avec une oeuvre de talent.

M. Ch. Géniaux, absent de Paris, rentre ce lundi. Il viendra me voir *mardi soir 22*. Mais, de sa première lettre, je le vois consentant, *me paraît-il*, — heureux d'ailleurs de paraître à la *Pensée Russe*, dont je lui ai dit l'importance.

Je viens de lui faire connaître les conditions pécuniaires et autres, — le priant de me répondre immédiatement. Je crois qu'il acceptera le tout.

Il me dit, en effet, qu'il va donner son manuscrit à recopier à la machine (et ceci, il me l'écrivait avant même de connaître au juste le montant des honoraires), car l'honneur de paraître chez vous primera tout, il me semble, pour lui.

— Dès que j'aurai sa réponse, je vous la ferai connaître.

— Le Roman est intéressant, certainement, — par le milieu, et l'étude de moeurs et de psychologie. Il me dit: «Son titre est: *Une jeune fille passionnée*. Je crois cet ouvrage susceptible d'intéresser le lecteur Russe parce qu'il lui peindra un type de

jeune Française d'élite de nos provinces, dans un cadre très caractérisé de la vieille France: le Rouergue». C'est la province ancienne et si curieuse qui a formé parties de la Gascogne et de l'Auvergne, l'ancien pays des Rutènes: le décor et les moeurs sont donc très caractérisés, en effet, — et ce milieu, comme cette étude, est nouveau.

Si c'est oui, comme je le crois, vous pourriez donc recevoir le Manuscrit vers le 1er ou 2 novembre. Je lui ai dit que c'est de vous et de votre comité de Direction *que doit venir l'acceptation, naturellement.* Il vous enverra, à vous, ce Manuscrit.

— J'avais songé, en même temps, à divers noms de même valeur, par exemple: Jérôme et Jean Tharaud, qui eurent le prix Goncourt[3], mais ils sont absents de Paris, et je n'eus pas de réponse nette. Je crois qu'ils n'avaient pas de roman *terminé.* Egalement Jacques Nayral, plus jeune, original talent aussi: mais pas de roman terminé, etc...[4]

Mais je puis vous recommander en toute assurance M. Charles Géniaux.

Donc, *aussitôt venue sa réponse définitive, je vous l'envoie.* Et après notre entrevue du 22 courant, je vous dirai au juste quel jour vous pourriez recevoir le manuscrit. J'espère que ce sera chose faite[5].

Bien vôtre, René Ghil

— J'ai reçu le No. de Septembre de la *Pensée Russe.*

— Je vous prie, voulez-vous me faire envoyer les tirés *à part,* très commodes, *et les honoraires, et de ce No. de Septembre, et de celui de Juillet* (sur le drame de Verhaeren). Merci.

P. S. 17 Oct[obre].

Je viens à l'instant de recevoir *la réponse de* M. Charles Géniaux. *Il accepte,* — «quoique, dit-il, les conditions soient un peu modestes», mais il considère qu'il y a traduction.

Cependant il demande que, même si les 250 pages de la Revue n'étaient point atteintes, il lui soit payé tout de même 375 frs, — que, donc, *ces 375 frs lui soient assurés*[6]. Cela me semble convenable.

Il me dit que le 25 ou 26 Octobre, le Manuscrit vous sera adressé, espérant qu'il vous agréera.

Envoyez-moi un mot, n'est-ce pas? me disant que vous avez cette lettre, et si M. Charles Géniaux vous va?

Vôtre, René Ghil

92. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис. 16 октября 1912 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Думаю, что у меня есть для Вас хорошая новость по поводу романа для «Русской мысли». Я почти получил согласие на предоставление рукописи, которая

нравится мне и которая, я уверен, понравится Вам и Вашим читателям. Речь идет о *Шарле Женио*. Года четыре-пять тому назад он был удостоен Национальной премии за свой талантливый роман и с тех пор опубликовал три романа в журналах — в «Ревю эбдомадер», «Гранд ревю», «Ви» и т. п., а также в книжном виде в различных издательствах[1].

Его последний роман, опубликованный отдельным изданием (книга замечательная — я писал о ней в сентябрьском номере «Русской мысли»), вызвал широкий интерес у публики поставленными в нем гуманитарными проблемами и познавательной энергией[2].

Помимо прочего, он в течение последних четырех лет публикует то здесь, то там исследования и статьи, приносящие ему популярность... Я, таким образом, надеюсь представить «Русской мысли» *имя* и талантливое произведение.

Шарля Женио нет сейчас в Париже — он возвращается в понедельник. Он придет повидаться со мной *во вторник, двадцать второго*. Однако по его первому письму я уже почувствовал, что он, *насколько я могу судить*, склонен согласиться и будет счастлив напечататься в «Русской мысли», о значимости которой я ему рассказал.

Я сообщил ему о денежных и прочих условиях с просьбой дать ответ немедленно. Думаю, что он все их примет.

Он написал мне, что отдаст рукопись перепечатать на машинке (об этом он написал мне, еще не зная точной суммы гонорара), поскольку, как мне кажется, честь быть опубликованным в России перевешивает для него все остальное.

Как только я получу от него ответ, я сообщу его Вам.

Роман, безусловно, интересный — с точки зрения описания среды, изучения нравов и психологии. Вот что он мне пишет: «Название романа — “Страстная девушка”. Думаю, что это произведение способно заинтересовать русского читателя, поскольку в нем выведен *тип молодой провинциальной аристократки,* живущей в окружении, свойственном старой Франции, — в Руэрге». Это старинная, крайне любопытная провинция, вошедшая впоследствии частью в Гасконь, частью — в Овернь. Это древняя родина рютенов. И обстановка, и нравы, как видите, очень характерные. Обращение к этой среде и тема исследования — вещи совершенно новые.

В случае положительного ответа (в котором я уверен) Вы могли бы получить рукопись числа первого-второго ноября. Я объяснил писателю, что подтверждение факта приема рукописи *должно исходить, естественно,* от Вас, а также от редакционной коллегии журнала. Рукопись он пошлет на Ваше имя.

Одновременно с этим я подумал о нескольких именах той же значимости — например, о лауреатах Гонкуровской премии Жероме и Жане Таро[3]. Их, однако, нет в Париже, и я не получил от них определенного ответа. Думаю, что у них нет *оконченного* романа. Равным образом есть более молодой автор Жак Нейраль, оригинальный талант, но оконченного романа нет, и т. д.[4]

Тем не менее, я могу со всей уверенностью рекомендовать Вам Шарля Женио.

Итак, я пошлю Вам *окончательный ответ, как только его получу*. И после нашей с ним встречи 22 числа я сообщу Вам точно, когда Вы сможете получить рукопись. Надеюсь, тем самым дело будет улажено[5].

Искренне Ваш, Рене Гиль

Я получил сентябрьский номер «Русской мысли».

Распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне прислали отдельные оттиски (это так удобно!) *и гонорары за сентябрьский номер, а также за июльский* (заметка о драме Верхарна). Спасибо.

P. S. 17 октября

Я буквально минуту назад получил *ответ* Женио. *Он согласен на предложенные условия*, «хотя, — как он пишет, — они несколько скромные», но принимает во внимание, что предстоят дополнительные расходы по переводу.

Однако, даже если объем произведения не достигнет 250 журнальных страниц, он требует, чтобы его гонорар составил 375 франков, то есть, чтобы *375 франков были ему гарантированы*[6]. Это кажется мне приемлемым.

Он пишет, что рукопись будет Вам отправлена 25—26 октября, и надеется, что Вас это устроит.

Подтвердите мне, пожалуйста, получение этого письма, а также тот факт, что Шарль Женио Вам подходит. Хорошо?

Ваш Рене Гиль

---

[1] Шарль Женио (1873—1931) — представитель нового натурализма, автор более 40 романов и десятков статей публицистического и этнографического характера. Лауреат национальной премии в области литературы (1905).

[2] Речь идет о романе Ш. Женио «Столкновение рас», «идея которого, — как писал Гиль, — невозможность сочетать любовь, сознание и чувство двух существ разных рас, араба и француженки» (Русская мысль, 1912. № 9. Отд. III. С. 19). Определив талант автора как «выдающийся», рецензент указал, что, помимо острого сюжета и завлекательности, у книги есть еще одна особенность: это — «проницательный, живой, разносторонний и крайне интересный этюд о той смешанной и колоритной среде, какую представляет современный Тунис» (Там же).

[3] О присуждении Гонкуровской премии братьям Жерому и Жану Таро за их биографический роман «Знаменитый писатель Дингли» (Tharaud Jérome et Jean, «Dingley, illustre écrivain», 1907) писал в «Весах» Жан де Гурмон (1907. № 6). В 1908 г. роман вышел по-русски под заглавием «Слава Дингли» в переводе Ал. Н. Чеботаревской (переиздан в 1911 г.).

[4] Жак Нейраль (1876—1914) — поэт, автор трех поэтических сборников. Погиб на фронте в Первую мировую войну. Об одном из его романов писал в «Весах» Дж. Шарпантье (см. примечание 5 к письму № 64).

[5] В архиве Брюсова (РГБ. Ф. 386, карт. 85. Ед. хр. 55) сохранилось 2 письма Ш. Женио, связанных с попытками опубликовать в России его роман «Страстная девушка» («Une jeune fille passionnée»). Первое письмо, датированное 25 октября 1912 г., прилагалось к рукописи книги. В нем писатель сетовал по поводу незначительного гонорара, но принимал условия «Русской мысли», считая для себя почетным издаться в стране Толстого, Тургенева, Гоголя, Горького и Достоевского, которым, по его словам, был многим обязан. Высоко отзываясь о рассказе Брюсова «В подземной тюрьме», который он прочитал накануне в переводе (в «Paris-Journal», перевод Ж. Шюзевиля. — *Р. Д.*), писатель выразил желание познакомиться когда-нибудь со стихами русского поэта по-французски. Публикация романа «Страстная девушка», намеченная на январь 1913 г., в то время устраивала автора, однако уже 16 ноября, отвечая на не дошедшее до нас письмо Брюсова, Женио требует от редакции немедленного подтверждения того, что рукопись принята, ссылаясь

на предложение, сделанное ему «одним парижским журналом». Жалобы на отсутствие ответа со стороны Брюсова и ссылки на намерение опубликовать роман во французской периодике содержатся и в письме Женио к Гилю от 26 ноября 1912 г. (Французская Национальная библиотека, без нумерации). В письме от 9 января 1913 г. писатель сообщает Гилю о том, что рукопись романа была возвращена ему редакцией «Русской мысли» (не Брюсовым) по почте без каких-либо объяснений. Примечательно, что, рекомендуя Брюсову книгу Женио, Гиль не знал ее автора лично. После этого инцидента литераторы познакомились и продолжали некоторое время переписываться.

В «Русской мысли» роман «Страстная девушка» не публиковался. Во Франции он был издан через 17 лет после смерти писателя, в 1948 г., стараниями его вдовы, печатавшей не вышедшие рукописи своего покойного мужа под двумя именами — Клэр и Шарль Женио.

Новый роман Женио «Океан» («L'Océan»), породивший во французской прессе обвинения в плагиате, получил, напротив, восторженную оценку Гиля (Русская мысль. 1914. № 5).

[6] В письме к Брюсову от 25 октября 1912 г. Шарль Женио просил выслать ему 375 франков немедленно после того, как рукопись будет принята редакцией «Русской мысли» (РГБ. Ф. 386, карт. 85. Ед. хр. 55).

93. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 4 Novembre 1912

Bien cher ami,

Vous avez dû recevoir maintenant le Roman de M. Charles Géniaux, et j'espère qu'en effet il vous agréera: car je suis vraiment heureux d'avoir pu avoir pour la *Pensée Russe* ce nom très en vue, et ce véritable talent.

— J'ai reçu les tirés à part. Mais *je n'ai pas encore reçu les honoraires.*

Je vous prie, *dès cette lettre* en vos mains, voulez-vous écrire à nouveau à Pétersbourg[1], — leur disant que ce n'est pas gentil, et qu'ils veuillent bien *m'envoyer immédiatement* ces honoraires No. mois *de Juillet (article sur Verhaeren)* et No. mois *de Septembre*[2].

Je compte sur cela, vous remerciant infiniment, avec toute mon amitié.

Vôtre, René Ghil

93. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис. 4 ноября 1912 г.

Дорогой друг!

Вы уже, наверное, получили роман Шарля Женио, и я надеюсь, что он Вам действительно подходит, поскольку я поистине счастлив, что смог заполучить для «Русской мысли» такое видное имя, этот подлинный талант.

Я получил оттиски. Но *до сих пор не получил гонораров.*

Прошу Вас, *сразу после того, как у Вас в руках окажется это письмо*, снова написать в Петербург[1], объяснив им, что это скверно с их стороны, и потребовать, чтобы они *немедленно выслали* мне гонорары: за *июльский* номер *(статья о Верхарне)* и за *сентябрьский*[2].

Я рассчитываю на эти деньги и бесконечно, с самыми дружескими чувствами, благодарю Вас.

Ваш Рене Гиль

---

[1] В августе 1912 г. редакция «Русской мысли» была переведена в Петербург. Брюсов остался в Москве и покинул свой пост вследствие разногласий с редактором П. Б. Струве. Решение о его выходе из состава редакции было принято в ноябре 1912 г. При этом он остался ближайшим сотрудником журнала.

[2] 28 октября И. М. Брюсова сообщала мужу о еще одном, неизвестном нам письме Гиля Брюсову: «Получено письмо [...] от Гиля: уведомляет, что гонорар 90 frs получил, но ему забыли заплатить за июльскую статью (2) о "Елене Спартанской" Верхарена 37 frs. 50» (Ф. 386, карт. 145. Ед. хр. 24. Л. 1 об. Сообщено Н. А. Богомоловым).

94. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. 29 Novembre 1912

Bien cher et Grand ami,

J'espère bonne votre santé, et de Madame Brussov, n'est-ce pas?

Je vous écris un mot, seulement, encore assez occupé, et c'est aussi, demain, le Banquet-Soirée Franco-Allemand, dont je vous parlais[1].

Je viens de recevoir [une] lettre de M. Charles Géniaux, qui me demande de vous écrire. Il me dit qu'il croit bien maintenant que la *Pensée Russe* prend son Roman, car il a dû être lu, depuis fin octobre, — et je le pense aussi, — mais il voudrait être fixé cependant, par un mot.

M. Géniaux, sous peu de temps, devra partir pour le Midi, sa femme étant encore souffrante, et, avant de quitter Paris, je crois qu'il souhaiterait terminée cette affaire. Vous savez que nos usages, ici, sont que le prix du Manuscrit soit versé avant la parution, lors de l'acceptation du Roman. Voudrez-vous faire le nécessaire auprès de M. Strouve. — Vous savez les conditions: M. Géniaux demandera, comme je vous l'écrivis, que le prix *minimum* fût de 375 fr (même si le nombre de lettres n'arrivait point tout à fait à ce chiffre). Je crois d'ailleurs que cette somme est atteinte. — L'on pourra toujours lui envoyer cela, et, si le chiffre était supérieur, une fois la traduction faite entièrement, on lui compléterait la somme. Je crois que c'est là le mieux, n'est-ce pas.

Comme je vous l'ai dit, M. Charles Géniaux est très en vue, un des Romanciers les plus originaux, très demandé maintenant (il a encore, en ce moment, un Roman en cours de publication aux *Annales [politiques et littéraires]*[2]) — et son prix pour ce Manuscrit est très intéressant pour vous, peu élevé relativement, — car il fut très flatté d'écrire pour la *Pensée Russe*, dont on lui avait parlé.

Je vous prie, voyez à cela, dès ma lettre reçue, et répondez-lui, ou me répondez, pour la réponse qu'il espère prompte, — et favorable, n'est-ce pas?

Je vais, sous quelques jours, écrire mon Article nouveau pour la *Pensée Russe*, — sur les *Romans* nouvellement parus: il en est d'intéressants[3].

Affectueusement, votre ami,

René Ghil

J'ai reçu hier les honoraires en retard (de Juillet), de M. Strouve. Grand merci.

94. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис. 29 ноября 1912 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и г-жа Брюсова тоже.

Пишу Вам по-прежнему коротко, поскольку очень занят, а завтра вечером к тому же состоится французско-немецкий банкет, о котором я Вам писал[1].

Я только что получил письмо от Шарля Женио, в котором он просит меня написать Вам. Он пишет, что у него теперь создается впечатление, что «Русская мысль» берет его роман, так как к концу октября его должны были уже прочитать (я тоже так думаю). Однако он хотел бы получить определенный ответ — письменно.

Женио вскоре уезжает на юг Франции с женой, которой по-прежнему нездоровится, и до отъезда из Парижа хотел бы, как мне кажется, покончить с этим делом. Как Вы знаете, у нас здесь заведено, что гонорар за рукопись выплачивается до ее появления в печати — по принятии романа. Не могли бы Вы поговорить с г-ном Струве, чтобы он принял необходимые меры. Вы знаете условия: Женио просит, как я Вам писал, чтобы его гонорар составил *не менее* 375 франков (даже в том случае, если по числу букв он отнюдь не достигнет этой цифры). Мне, кстати, кажется, что эта сумма достигнута. Деньги ему можно послать в любом случае, и если после полного перевода текста сумма окажется выше, можно дослать недостающий гонорар. Ведь это самый лучший способ, не правда ли?

Как я Вам писал, Шарль Женио — писатель сегодня очень видный, один из самых оригинальных романистов, пользующийся большим спросом (в настоящее время у него в «Анналь политик э литтерэр» печатается еще один роман[2]). Цена, которую он требует за публикацию рукописи, очень выгодна для Вас и относи-

тельно не высока, поскольку он очень польщен предложением напечататься в «Русской мысли», о которой слышал.

Разберитесь, пожалуйста, с этим, как только получите мое письмо, и ответьте ему или мне. Он надеется получить ответ в самом скором времени. Ответ будет благоприятным, не правда ли?

Я в течение нескольких дней напишу новую статью для «Русской мысли» — о недавно появившихся романах, среди которых есть интересные[3].

С самыми теплыми чувствами, Ваш друг

Рене Гиль

Я получил вчера от г-на Струве с запозданием гонорар (за июль). Огромное спасибо.

---

[1] Письмо, в котором Гиль рассказывал бы Брюсову об этом событии, нам неизвестно. Речь идет о вечере «Общества интеллектуального сближения между Германией и Францией». Общество было создано под девизом: «Чтобы лучше узнать друг друга» («Pour mieux se connaître. Oeuvre de Rapprochement intellectuel franco-allemand»), насчитывало более пятисот членов и имело постоянное представительство в Париже. Секретарем французской секции был А. Мерсеро; от Бельгии в руководство входили Э. Верхарн и М. Метерлинк. Первый съезд общества проходил с 23 по 26 сентября 1913 г. в Генте. Вечер, о котором пишет Гиль, состоялся 30 ноября 1912 г. в парижском отеле «Лютеция». Гиль читал на нем свое стихотворение «Во славу Гете» («Hommage à Goethe»).

[2] Речь идет о романе «Наш крошка Гурби» («Notre petit Gourbi»), напечатанном в нескольких номерах популярного литературно-политического еженедельника «Annales politiques et littéraires», выходившего под разными вариантами названия с 1883 по 1939 г. В 1912 г. в этом роскошно иллюстрированном издании печатались крупнейшие писатели Франции — Жюль Кларети, Марсель Прево, Поль Адан и др. Публикация романа Женио была начата в номере от 17 ноября 1912 г. и закончена в 1913 г.

[3] В своем новом «Письме из Парижа» (Русская мысль. 1913. № 2) Гиль остановился на нескольких романах, изучающих «детскую душу»: на книгах Альфреда Машара «Сто малышей» (Machard Alfred, «Les cent gosses», 1912), Луи Перго «Война пуговиц» (Pergaud Louis, «La guerre des boutons», 1912), Анни де Пен «Это были две девочки» (Pène Annie de, «C'était deux petites filles», 1912), Андре Савиньона «Дочери дождя» (Savignon André, «Filles de la pluie», 1912) и Жюльена Бенда «Посвящение в сан» (Benda Julien, «L'Ordination», 1911—1912). Вторую половину обзора рецензент посвятил книге Александра Мерсеро «Слова перед Жизнью» («Paroles devant la Vie», 1913), представляющей собой, по его мнению, «ряд философских набросков или, скорее, размышлений, которые, отправляясь от области научного познания, развиваются эмоционально, чтобы преклонить голову человека перед великими синтетическими явлениями жизни» (С. 23). Затем рецензент рассмотрел два других произведения, остановивших его внимание: романы Шарля Режисмансе «Благодетель города» (Régismanset Charles, «Le bienfaiteur de la ville», 1912) и Марселя Батилья «Свобода» (Batilliat Marcel, «Liberté», 1912). В публикации указывалось, что эту статью перевела с рукописи Н. Львова. О романе М. Батилья «Радость» («La Joie», 1905) Гиль писал ранее — в журнале «Ecrits pour l'art» (1905, novembre. No. 9).

95. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 28 Déc[embre] 1912

Bien cher et Grand ami,

Voici l'article, étude des Romans nouveaux qui valent, pour la *Pensée Russe*. Je vous prie, voulez-vous faire tout votre possible pour le donner au *No. de Février*[1].

J'ai été retardé par la maladie de mon père, assez gravement atteint de bronchite, — mais qui va maintenant tout à fait mieux.

— Sans doute, vous avez répondu à M. Charles Géniaux? Je ne l'ai pas revu ces temps-ci, où je sais que la santé de sa femme lui donnait à nouveau des inquiétudes.

— J'espère bonne votre santé et de Madame, n'est-ce pas?

Je ne vous écrit qu'un mot aujourd'hui, car je suis très en retard de travail, et posant, par surcroît, pour mon buste, pour un sculpteur Russe![2] Je vous dis: à bientôt. Vôtre, affectueusement, et merci.

René Ghil

Je viens de recevoir (même direction que la *Pensée Russe*) un journal, 1er No., *Russka Molva*. Qu'est ce journal? Pourrais-je y écrire quelque chose? Cela me plairait: correspondances, articles, nouvelles, etc...[3]

95. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис. 28 декабря 1912 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Посылаю Вам для «Русской мысли» статью о новых романах, достойных отзыва. Сделайте, пожалуйста, все возможное, чтобы она вышла в *февральском* номере[1].

Я несколько задержался с ее написанием из-за болезни отца, перенесшего тяжелый бронхит. Сейчас он чувствует себя гораздо лучше.

Вы, вне сомнения, ответили Шарлю Женио? Я не видел его в последнее время, но знаю, что здоровье его жены снова доставляет ему значительное беспокойство.

Я надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и г-жа Брюсова тоже.

Пишу Вам сегодня очень коротко, поскольку сильно запаздываю с работой и, помимо прочего, позирую русскому скульптору, который лепит мой бюст![2] Итак, до скорого! С самыми теплыми чувствами, спасибо, Ваш

Рене Гиль

Я недавно получил первый номер газеты «Русская молва» (той же тенденции, что и «Русская мысль»). Что это за газета? Не могу ли я в ней что-нибудь

напечатать? Я бы сделал это не без удовольствия: корреспонденции, статьи, хроники и т. п...[3]

---

[1] Брюсов выполнил эту просьбу Гиля (см. примечание 3 к письму № 94).

[2] Бюст Гиля, выполненный русским скульптором Жаком (Яковом) Лучанским (1876—1978), был выставлен в 1914 г. в Салоне «Независимых», в котором скульптор участвовал ежегодно с 1907 г. Бюст принадлежал Гилю и после его смерти был передан его вдовой, Алисой Гиль, Полю Жамати в знак благодарности за деятельное участие в изучении архива писателя. До 1998 г. бюст хранился в частном собрании Лиз Жамати в Пикардии, а затем был передан в дар муниципальной библиотеке г. Мелль.

[3] «Русская молва», выходившая ежедневно с 9 декабря 1912 г. и закрывшаяся в 1913 г., была газетой Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (1869—1962). Во время своей парижской эмиграции (1904—1905 гг.) А. Вильямс была дружна с А. В. Гольштейн, которая, вероятно, и передала Гилю первый номер газеты.

96. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

21 avril 1913

Cher ami et cher Maître,

Voilà une année qui a été une des plus difficiles pour moi. Comme vous savez déjà tout l'automne j'ai dû faire de constants voyages à Pétersbourg où s'était installé[e] la rédaction de la *Pensée Russe*. Après mon refus de garder l'emploi de rédaction de cette revue, j'ai dû entreprendre plusieurs nouveaux ouvrages qui ont complètement absorbé mon temps. Ainsi j'ai beaucoup travaillé et je travaille à présent à une nouvelle grande édition de notre Pouchkine, — ce qui m'oblige de passer beaucoup de temps dans les Musées à comparer les manuscrits du poète, etc.[1] Ce sont là des raisons auxquelles j'ai recours pour obtenir votre indulgence à propos le grand intervalle entre mes lettres à vous.

Je vous suis très reconnaissant de ne pas me laisser sans les nouvelles de vous. Croyez-moi que mon admiration envers vous et votre oeuvre reste le même et que souvent je reprends vos livres, surtout vos admirables *Images du Monde*, que j'étudie assidûment, sans oublier mon intention de faire l'analyse de ce poème pour la revue[2]. Je tâche toujours de suivre le cours de la littérature française, parcourant les nouvelles revues et les dernières publications. Dernièrement j'ai eu un grand plaisir de relire les poèmes immortels de Mallarmé et de Rimbaud dans les nouvelles éditions de la *N[ouvelle] Revue Française* et du *Mercure [de France]*[3].

Revenant aux «affaires», je [me] hâte de vous dire que la *Pensée Russe* espère de recevoir toujours vos articles sur la littérature actuelle. Quoiqu'à présent je ne pourrai plus vous garantir leurs parutions, vu que je ne prends aucune part dans la rédaction de la revue, je suis sûr, néanmoins, que toutes vos copies seront acceptées avec remerciement et qu'on ne les ferait pas attendre. Vous les pouvez adresser comme auparavant à moi, puisque j'ai gardé des relations avec la *Pensée Russe*, y restant comme collaborateur permanent.

Dans quelques jours, j'aurai le plaisir de vous adresser le I tome de mon *Oeuvre Complète* qui commence à paraître dans une nouvelle maison d'édition: *Sirine*[4]. Quoiqu'avec un vrai regret, j'ai dû quitter le *Scorpion*, qui n'avait pu m'offrir les conditions aussi favorables que le *Sirine*[5]. L'édition est calculé[e] pour 25 volumes, et pour vous prouver que réellement je puis compléter les 25 volumes, je vous envoie une petite brochure: ma Bibliographie (nouvellement éditée par le *Scorpion*). Elle contient la liste de tout ce que j'ai écrit dans les revues, de tout ce que j'ai publié dans les livres, de traductions de mon oeuvre (allemandes, françaises, italiennes, tchèques, lettes, suédoises, etc. etc.)[6]. Vous comprendrez facilement que la réédition de tout ce que j'avais écrit pendant 25 années demande du travail qui prend aussi beaucoup de temps, de sorte que je ne puis même rêver à entreprendre quelque nouvel ouvrage.

Que pensez-vous, cher Maître, des «futuristes»? Ce dernier temps, on ne parle chez nous que de «futurisme» et des «futuristes». Nous avons (tout comme en Italie) des conférences tumultueuses, où l'on finit par des batailles entre les conférenciers et le public irrité. Les brochures des futuristes inondent notre littérature. Des petites «écoles» poétiques paraissent presque chaque jour. La critique ne fait que crier alarme. Tout cela ressemble beaucoup aux «premières armes» du symbolisme. Quant à moi, je trouve du vrai dans ce mouvement, en y voyant sans doute beaucoup de puéril et de ridicule. Dans ce sens, j'ai déjà fait un article sur le «futurisme» (l'article va paraître dans le No. d'avril de la *P*[*ensée*] *R*[*usse*][7]).

Je n'ai pas de nouvelles ni de Mercereau ni d'Arcos ni d'autres de ce groupe défunt. Mais je reçois leurs livres et je vois qu'ils travaillent[8]. C'est le principal.

Encore une fois, cher Maître, excusez mon long silence et permettez-moi de me compter toujours parmi vos amis. Moi et Mme V. Brussov vous prions bien de remettre nos compliments à Madame René Ghil.

Tout à vous

Valère Brussov

96. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

21 апреля 1913 г.

Дорогой друг и дорогой учитель!

[Прошедший год был для меня одним из самых тяжелых в моей жизни.] Как Вам известно уже, всю осень мне пришлось провести в бесконечных поездках в Петербург, куда переехала редакция «Русской мысли». После моего отказа сохранить за собой должность редактора этого журнала, мне пришлось приняться за ряд новых работ, которые всецело поглотили мое время. Так, я много работал и продолжаю работать и сейчас над новым [обширным] изданием нашего Пушкина, эта работа вынуждает меня проводить много времени в музеях, где мне приходится сличать рукописи поэта и т. д.[1] Ко всем этим объяснениям я прибегаю как к средству, чтобы добиться Вашего снисхождения по поводу слишком больших промежутков между моими письмами к Вам.

Я очень Вам признателен, что Вы не оставляете меня без вестей о себе. Верьте мне, что мое восхищение Вами и Вашим трудом остается неизменно прежним, что я [часто] берусь за Ваши книги, особенно за восхитительные «Образы мира», которые тщательно изучаю, не забывая при этом намерение дать разбор этой поэмы в журнале[2]. Я стараюсь все время следить за течением французской литературы, просматриваю новые журналы, последние выпуски книг. Недавно мне доставило [огромное] удовольствие перечесть в новых изданиях «Нувель Ревю Франсэз» и «Меркюр де Франс» бессмертные стихи Малларме и Рембо[3].

Возвращаясь к делам, спешу Вам сообщить, что «Русская мысль» продолжает надеяться на то, что получит Ваши статьи о современной литературе, хотя в настоящее время я не могу дать Вам гарантию в том, что они непременно появятся, в виду того, что я не принимаю никакого участия в редакции. Тем не менее, я уверен, что все Ваши рукописи будут приняты с благодарностью, и что их не задержат печатанием. Вы их можете адресовать, как прежде, мне, [поскольку] я сохранил отношения с «Русской мыслью», оставаясь ее постоянным сотрудником.

Через несколько дней к великому моему удовольствию я доставлю Вам первый том моего «Полного собрания сочинений», которое выходит в новом издательстве «Сирин»[4]. Хотя и с величайшим сожалением, но мне пришлось расстаться со «Скорпионом», [не сумевшим предложить мне такие же благоприятные условия, как в «Сирине»[5]. Предполагается, что издание составит 25 томов, и, дабы доказать, что написанного мною действительно хватит на 25 томов, посылаю Вам небольшую брошюрку своей библиографии (недавно изданной «Скорпионом»). Она содержит перечень всего опубликованного мною в журналах и книгах, а также переводы моих произведений (на немецкий, французский, итальянский, чешский, латышский, шведский и проч., и проч.)[6]. Вы без труда поймете, что переиздание всего написанного мною за 25 лет требует работы, отнимающей много времени, до такой степени, что я не могу и мечтать о том, чтобы приступить к новому произведению.]

Что думаете Вы, дорогой Учитель, о «футуристах»? У нас последнее время только и разговору что о «футуризме» и «футуристах». У нас бывают (точно так же, как в Италии) шумные лекции, которые кончаются битвой между докладчиком и возмущенной публикой. Книжонки футуристов [наводняют] нашу литературу. Почти каждый день появляются маленькие «школы» поэзии. Критика бьет тревогу. Все это напоминает в большой мере «первые бои» символистов. Что касается меня, то я нахожу много верного в этом движении, но, без сомнения, вижу в нем много детского и смешного. В этом духе я уже написал статью о «футуризме» (она вскоре появится в [апрельском номере] «Русской мысли»)[7].

У меня нет вестей ни о Мерсеро, ни о Аркосе, ни о ком из ныне покойной группы. Но я получаю от них книги и я вижу, что они работают, это главное[8].

Еще раз, дорогой Учитель, простите мне мое долгое молчание и позвольте попрежнему считать себя среди Ваших друзей. Я вместе с женой, мы оба просим передать привет г-же Рене Гиль

Всегда Ваш,

Валерий Брюсов

[1] См. примечание 12 к письму № 78.

[2] Этот замысел Брюсова осуществлен не был.

[3] Указания на поэтические собрания основоположников французского символизма содержатся в биобиблиографических справках во втором издании антологии Брюсова «Французские лирики XIX века». О первой книге сказано: «Лучшее изд[ание] стихов Малларме "Poésie complète" éd. de la "Nouvelle Revue Française". P., 1913» (ПССП 1913. С. 258). О сборнике А. Рембо говорилось: «В настоящее время лучшее изд[анное] соч[инение] Рэмбо: "Oeuvres" annotés p[ar] P. Berrichon, "Mercure de France". P., 1913» (С. 263).

[4] В первый том «Полного собрания сочинений и переводов» (СПб., «Сирин», 1913) вошли стихотворения Брюсова 1892—1899 гг.

[5] Вопрос о гонорарах за издание «Полного собрания сочинений и переводов» самым подробным образом обсуждался Брюсовым в его письме к С. А. Полякову от 25 октября 1912 г. Ссылаясь на предложение, сделанное ему «одним возникающим в Петербурге издательством ("Сирин")» (ЛН 1994. С. 131), Брюсов подчеркивал, что на переговоры о финансовой стороне дела его толкают исключительно материальные трудности (долги, отсутствие нелитературных доходов и т. п.). Издательство «Сирин» было организовано в Петербурге осенью 1912 г. на деньги М. И. Терещенко и двух его сестер, Пелагеи и Елизаветы. Просуществовало до января 1915 г. Ближайшее участие в делах издательства принимали А. М. Ремизов, А. А. Блок и Р. В. Иванов-Разумник. Последний стал фактическим руководителем издательства и вел переговоры с Брюсовым об издании от 25 до 30 томов его сочинений. С началом Первой мировой войны работа издательства стала невозможной. Денежные средства, предназначавшиеся для его деятельности, были полностью переданы в помощь фронту. Ни одно из намеченных собраний сочинений русских писателей не было доведено до конца. Из «Полного собрания сочинений» Брюсова вышли в свет лишь тома 1—4, 12, 13, 15 и 21. Брюсов отнесся к этому как к «катастрофе». Особенно раздражало его то, что предпринимать новое собрание сочинений в другом издательстве после выхода отдельных, разрозненных томов в «Сирине» было трудно. 30 января 1915 г. он писал П. И. Терещенко: «Как ни затруднительно для меня то положение, в которое я поставлен решением "Сирина" — прервать издание моих соч[инений] после 8 томов, я, может быть, не стал бы утруждать Вас подробным выяснением его, если бы я не был одним только представителем целой группы. Конечно, мои сотоварищи по Вашему издательству, Ф. Сологуб, А. Ремизов, А. Блок и др., оказалась в положении лучшем, нежели я, потому что собрания соч[инений] Сологуба и Ремизова почти что закончены, А. Блока не начато вовсе, а другие сотрудники "Сирина" А. Белый, Вяч. Иванов и остальные участвовали пока только в альманахах. Но я думаю, что выскажу их общее мнение (хотя пока имел возможность снестись с одним Вяч. И. Ивановым), сказав, что мы, вступая в "Сирин", ожидали иного отношения к нам и к делу» (Литературное наследство. М., 1937. Т. 27—28. С. 500).

После заключения договора с «Сирином» Брюсов получал от него ежемесячно по 300 рублей.

[6] «Библиография Валерия Брюсова» (М., 1912) была выпущена издательством «Скорпион» в 1913 г.

[7] Речь идет о статье Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Футуристы», в которой он, в частности, утверждал: «наш футуризм, являющийся отражением футуризма западного, проявлял пока свою оригинальность почти исключительно в области словесного изложения. Впрочем, такой вывод ни в коем случае не есть "смертный приговор" новой школе. Напротив, мы потому и посвятили футуристам так много внимания, что все же, несмотря на все явные недостатки их теорий и их поэзии, какая-то "правда", какие-то возможности развития в их попытках чувствуются» (Русская мысль. 1913. № 3. Отд. III. С. 132).

Новому литературному течению посвящена также статья Брюсова «Здравого смысла тартарары. Диалог о футуризме» (Русская мысль. 1914. № 3).

[8] А. Мерсеро подарил Брюсову сборник своих критических статей «Литература и новые

идеи» («La littérature et les idées nouvelles», 1912) со следующей дарственной надписью: «Госпоже Брюсовой, Валерию Брюсову на память от друга Александра Мерсеро, улица Пор Руайяль, д. 88, Париж» [«A Madame, à Valère Brussov / hommage d'ami / Alexandre Mercereau, 88 rue de Port Royal / Paris» (РГБ. Ф. 386. Книги. № 1626)]. Аналогичного содержания надпись Мерсеро сделал и на книге «Слова перед Жизнью» («Paroles devant la Vie», 1913), также сохранившейся в библиотеке Брюсова (№ 1627).

97. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 19 Mai 1913

Cher Grand ami,

Je ne vous écrirai qu'un mot aujourd'hui, — vous adressant sous ce pli mon nouvel Article pour la *Pensée Russe* (voudrez-vous écrire, en l'envoyant, que je demande sa parution *au No. de Juillet*, — car c'est trop tard pour Juin, n'est-ce pas?)[1].

Et je me réjouis de la parution de votre Edition complète: première Synthèse de votre grande et logique réalisation, — pour continuer demain à capter plus encore, plus vastement et profond encore... J'attendrai le 1er volume, vous remerciant déjà[2].

(Je n'ai pas reçu la petite brochure que vous m'annoncez, — de votre Bibliographie[3].)

Je vous prie, excusez-moi aujourd'hui, — et, bientôt, je vous écrirai longuement, et répondant à votre lettre si bienvenue. Voulez-vous offrir à Madame Brussov les amitiés de Mme Ghil, avec nos souvenirs respectueux.

Votre admiratif et ami,

René Ghil

97. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис. 19 мая 1913 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Пишу Вам сегодня пока очень кратко, прилагая к письму новую статью для «Русской мысли» (когда Вы будете пересылать ее, напишите, пожалуйста, о том, что я прошу поставить ее *в июльский номер* — ведь к июньскому номеру я уже опоздал?)[1].

Я рад изданию Полного собрания Ваших сочинений: первого синтетического воплощения Вашего великого, логичного творчества, которому суждено завтра стать еще более всеобъемлющим, проникающим еще глубже, захватывающим еще шире... Буду ждать первого тома и заранее Вас за него благодарю[2].

(Я еще не получил брошюрки, о которой Вы меня уведомляете, я имею в виду Вашу библиографию[3].)

Прошу Вас извинить меня сегодня. В скором времени я напишу Вам длинное письмо в ответ на Ваше, столь желанное. Передайте, пожалуйста, г-же Брюсовой дружеский привет от г-жи Гиль, прибавив к нему почтительный привет от нас обоих.

С восхищением, дружески

Рене Гиль

---

[1] Очередное «Письмо из Парижа» под заголовком «Новые искания научной поэзии» появилось в «Русской мысли» только в сентябре 1913 г. В своем обзоре Гиль остановился на совершенно различных книгах, причислив к прокламируемому им течению прежде всего Мориса Метерлинка, который в своей новой книге «Смерть» («La Mort», 1912) «с широтой истинной "научной поэзии" рассматривает догмат духовного переживания после смерти» (Русская мысль. 1913. № 9. С. 32). Далее рецензент подробно остановился на сборнике стихов Анри Мюшара «Цветы на Древе Науки» (Muchart Henri, «Les fleurs de L'Arbre de Science», 1913), отнесясь к нему «с совершенно особенным вниманием и с тем уважением, на которое имеют право все, осмеливающиеся в наши дни идти по священной дороге, открываемой наукой для умов, понимающих красоту» (С. 33). Не обошел он вниманием и книгу Эдмона Роше «Жестокая идиллия» (Rocher Edmond, «L'Idylle farouche», 1913), несмотря на то, что значительная ее часть была «заполнена "простыми" описаниями природы и вдохновениями чисто "эготическими"» (С. 34). Заканчивался обзор анализом критической работы «Эра драмы» («L'Ere du drame», 1913), принадлежащей перу Анри Мартена-Барзена (Henri Martin-Barzun), поэта, примыкавшего к группе «Аббатство» (факт, не упомянутый Гилем). Заключая обзор, рецензент выражал надежду на то, что «эта книга окажет свое благотворное влияние на новое поколение поэтов» и что «это поколение [...] сумеет сосредоточить свои силы и по пути гармонического сочетания науки и искусства, знаний и красоты, пойти дальше, чем шли их предшественники» (С. 37).

[2] См. примечание 4 к предыдущему письму (№ 96).

[3] См. примечание 6 к письму № 96.

98. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 29 Nov[embre] 1913

Bien cher et Grand ami,

Ce petit mot, seulement pour ceci: un jeune écrivain Russe, que l'on me présentait ces jours, m'assurait que le petit livre *Les Précurseurs de la Poésie scientifique en France*, traduit par vos soins, allait paraître très prochainement?[1]

Si cela est vrai, voulez-vous, je vous prie, pour ne rien dire de hasardeux, — *supprimer le renvoi* qui a trait au livre que devait préparer M. John Charpentier. Depuis, il n'y a plus travaillé, et je ne sais s'il le fera paraître. En tout cas, ce ne serait que dans longtemps, sans doute, à une époque indéterminée.

Donc, *supprimez* simplement *ce renvoi*, n'est-ce pas?[2]

Je viens de voir Verhaeren qui part, après-demain, je crois, pour la Russie[3]. Mme Ghil et moi l'avons chargé de toutes nos amitiés pour Madame Brussov et vous, — en attendant d'aller vous voir, nous aussi! Vous verrez que cela arrivera...

A la hâte, l'affectueuse poignée de main de votre fidèle,

René Ghil

Ecrivez-moi un mot, si, vraiment, la parution a lieu?

98. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д.16 бис. 29 ноября 1913 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Пишу Вам очень кратко — только для того, чтобы сказать следующее: представленный мне на днях молодой русский писатель уверял меня, что моя книжечка «Предтечи научной поэзии во Франции», переведенная Вами, должна выйти в свет в ближайшее время[1].

Если это правда, прошу Вас *вымарать из нее всякое упоминание* о книге, подготавливаемой Джоном Шарпантье, дабы не утверждать ничего на свой страх и риск. Он с тех пор не работал, и я не знаю, будет ли она вообще опубликована. В любом случае это, несомненно, может случиться только в очень далеком, неопределенном будущем.

Итак, просто *снимите эту отсылку*, хорошо?[2]

Я только что видел Верхарна, который уезжает, кажется, послезавтра в Россию[3]. Мы с супругой передали ему в качестве напутствия самые дружеские пожелания для Вас и для г-жи Брюсовой — в ожидании нашей собственной поездки к Вам! Вы увидите, такой день настанет...

Спешу тепло пожать Вашу преданную руку,

Рене Гиль

Напишите мне коротко, действительно ли публикация имела место?

---

[1] Анонс о предстоящем выпуске брошюры Гиля содержался в нескольких публикациях того времени. Так, в списке новых книг, завершающем сборник Брюсова «Ночи и дни. Вторая книга рассказов и драматических сцен. 1908—1912» (М.: Скорпион, 1913), значилось: «Книгоиздательство “Альциона”. Ренэ Гиль. Научная поэзия. О целях и задачах искусства. Перевод Н. Львовой, под ред. и с предисловием Валерия Брюсова (печатается)». См. также примечание 2 к письму № 100. Установить с точностью личность молодого русского литератора, принесшего Гилю эту новость, не представляется нам возможным.

[2] См. примечание 15 к письму № 82.

[3] Об этой встрече Гиля мы читаем в недатированном письме А. Мерсеро к Верхарну: «Дорогой друг и учитель! Я узнал от Гиля, а затем от Гильбо, что Вы уезжаете в понедель-

ник (1 декабря. — *Р. Д.*). Я попросил Тастевена организовать Вам выступление в Петербурге. Как жаль, что я не знал о том, что Вы уже читаете там лекцию! Я буду Вам признателен, если Вы назначите в Москве встречу с Генрихом Тастевеном, бывшим главным редактором журнала "Золотое руно", а теперь профессором Школы восточных языков. Он, главным образом, философ, но чрезвычайно сведущий в литературе, а в области поэтической для него и вовсе нет тайн» [«Mon cher Maître ami, J'apprends par Ghil, puis Guilbeaux que vous partez Lundi. J'avais demandé à Tastevin de v[ou]s organiser une conférence à Pétersbourg. Quel dommage que je n'ai pas su que vous en faisiez là déjà une! Je vous serais reconnaissant de donner à Moscou, rendez-vous à Henri Tastevin, ancien rédacteur en chef de *La Toison d'Or*, et actuellement professeur à l'Ecole des Langues orientales. C'est surtout un philosophe, mais il est extrêmement lettré et le domaine poétique n'a pas de secret pour lui» (Бельгийская королевская библиотека, Брюссель. FS XVI 148/799. Предоставлено Фабрисом Ван де Керхове)].

Пребывание Верхарна в России подробно освещалось в русской печати. 23 ноября (ст. ст.) бельгийский поэт прибыл в Петербург, 24 — посетил Эрмитаж, 25 — был в Царском Селе и 26 выехал в Москву. 28 ноября, 3 и 7 декабря выступал с лекциями в Москве — в Литературно-художественном кружке, в Обществе свободной эстетики и в «Alliance française». 12 декабря выехал в Варшаву.

99. VALÈRE BRUSSOV À RENÉ GHIL

Pétersbourg, librairie le *Sirine*, rue de Pouchkine, 10.

7 décembre, 1913

Cher Maître et très cher Ami,

Plusieurs mois sont passés sans que je vous écrive un seul mot... J'ai déjà peur que malgré toute votre indulgence amicale vous verrez dans ce silence un parti pris et je me vois forcé de vous dire que ce sont des événements très sérieux (très sérieux — pour moi, personnellement) qui m'ont obligé de négliger des relations avec vous, qui me sont tellement ch[è]r[e]s et dont je suis hautement fier. Je ne pourrai vous exprimer *tout* dans une lettre, mais je vous dirai tout sincèrement que des choses très graves ont passé dans [ma] vie et l'ont tout à fait dérouté[e] — pour quelques temps, je veux l'espérer...[1]

Pour le moment je suis tout seul à Pétersbourg et je ne sais quand aurai-je le courage pour revenir à Moscou[2]. J'ai vu ici M. Verhaeren et nous avons encore une fois causé de vous, — mais peut-être que ses conférences à Moscou, pour l'organisation desquelles j'avais tant labouré, passeront sans moi. J'ai [horreur] de voir le monde et je me sens tout à fait incapable d'assister à une séance ou de présider une assemblée...[3]

Je comprends bien que toutes ces confidences intimes ne peuvent vous intéresser; je les fais pour un seul but: pour vous donner l'explication (je n'ose m'excuser) de mon silence prolongé et de peur que vous ne l'expliquiez autrement. Si la bonne chance de revenir à ma vie ordinaire et à mes travaux commencés depuis longtemps — m[a] premi[ère]

besogne sera de rétablir mes rapports avec vous, cher Maître et Ami. Je serai heureux de vous écrire de nouveau, si vous le permettez, des longues lettres, et de reprendre nos entretiens sur la poésie et sur la science, — les entretiens, où j'ai pu puiser tant d'idées larges et nouvelles. Et, pour le moment, ne refusez pas l'expression, la plus cordiale, de m[a] constante admiration pour votre oeuvre grandiose et de mon obligation profonde pour les témoignages d'amitié que vous m'avez, si aimablement, maintes fois exprimée.

Je vous prie de remettre tous mes compliments à Madame René Ghil.

Tout à vous

Valère Brussov.

P. S. Je dois vous avertir d'une nouvelle malchance avec votre livre des *Précurseurs [de la poésie scientifique]*. La jeune demoiselle qui l'a traduit vient de [se] *suicider*... Malheureusement cela va de nouveau ajourner la parution de ce livre[4].

Dans deux ou trois semaines paraîtra la seconde édition de mon livre sur le[s] *Poètes français du XIX siècle*. Vous y trouverez encore quelques fragments de votre Oeuvre traduits par moi[5]. Si je [ne] me trompe, j'ai déjà écrit à vous que l[e] choix de ces fragments n'est pas trop heureu[x][6]. Mais 1) il me semblait nécessaire de donner plus d'exemples de votre oeuvre; 2) je ne perds pas l'espoir de présenter au public russe tout un volume des fragments de l'Oeuvre, choisis cette fois sous votre direction[7].

Les *Songes de l'Humanité*, le premier volume d'une longue série des mes poèmes, qui doivent représenter tous les chants lyriques qui ont existé sur notre Terre depuis les peuples de l'Atlantique mythique jusqu'aux à jours, — est sous presse et paraîtra vers le mois de mars. Peut-être, vous n'avez pas oublié que vous m'aviez donné la permission (que j'apprécie hautement) de vous dédier cette oeuvre, qui sera, si je la termine, mon oeuvre magistrale[8].

Je tâche, comme vous le voyez, de travailler pourtant...

V. B.

Je dois prier d'excuser la langue de cette lettre. Je suis privé ici des dictionnaires et Madame Brussov n'est pas avec moi pour me corriger les fautes, hélas, même l'orthographe.

99. ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — РЕНЕ ГИЛЮ

Петербург. Издательство «Сирин». Пушкинская ул., д. 10.

7 декабря 1913 г.

Дорогой Учитель и весьма дорогой друг!

Несколько месяцев прошло, а я не написал Вам ни одного слова... Я уже боюсь, что, несмотря на все Ваше дружеское снисхождение, Вы увидите в этом молчании

какую-нибудь преднамеренность, а я вынужден Вам сказать, что дело касается очень серьезных событий (очень серьезных для меня лично), вынудивших меня пренебречь нашими отношениями, столь для меня дорогими, которыми я [в высшей степени] горжусь. Я не смогу *всего* Вам объяснить в письме, но скажу Вам вполне откровенно, что в моей жизни произошло нечто очень серьезное, выбившее меня совсем из колеи, — на некоторое время, надеюсь...[1]

В данное время я один в Петербурге и не знаю, хватит ли у меня храбрости вернуться в Москву[2]. Я виделся здесь с Верхарном и мы еще раз говорили с ним о Вас, но может статься, что его [московские] лекции, об устройстве которых я так хлопотал, пройдут без меня. Я испытываю ужас видеть людей и не чувствую себя способным присутствовать [на] заседании или председательствовать на собрании...[3]

Я вполне понимаю, что все эти личные признания не могут Вас интересовать, все они делаются с одной целью — дать свое объяснение (я уже не смею просить извинения за мое долгое молчание), чтобы Вы не объяснили его по-иному. Если мне удастся вернуться к обычной жизни, к моим давно начатым работам — моим первым делом, [дорогой друг и Учитель,] будет восстановить отношения с Вами. Я буду счастлив, если Вы позволите, писать Вам снова длинные письма, чтобы возобновить наши беседы [о поэзии и науке], из которых я могу черпать все новые глубокие мысли. А пока позвольте выразить Вам самое сердечное чувство моего постоянного восторга перед Вашим великим трудом, также как и мою глубокую признательность за проявления дружбы, какую Вы мне неоднократно с такой любезностью выражали.

Прошу Вас передать всевозможные приветы г-же Рене Гиль

[Весь] Ваш,

Валерий Брюсов

P. S. Я должен предупредить Вас о незадаче, постигшей Вашу книгу «Предтечи научной поэзии». Девушка, переводившая эту книгу, *только что покончила жизнь самоубийством*. К несчастию, из-за этого обстоятельства появление книги опять откладывается[4].

Через две или три недели выйдет второе издание моей книги «Французские [лирики] XIX века». Вы здесь найдете некоторые отрывки из [Вашего «Творения»] в моем переводе[5]. Если я не ошибаюсь, я уже Вам писал, что выбор отрывков не из удачных[6]. Но, во-первых, я счел необходимым дать по возможности больше образцов Ваших стихотворений; во-вторых, я не теряю надежды, что представлю русской публике отдельный том [отрывков из Вашего «Творения»], которые в данном случае будут выбраны под Вашим руководством[7].

«Сны человечества» — первый том длинной серии моих стихотворений, которые должны будут отобразить лирические песни, какие только существовали на земле со времен мифических народов Атлантиды до наших дней. [Сборник] находится в печати и должен выйти приблизительно в марте. Быть может, Вы не забыли, что Вы дали мне разрешение (высоко мною чтимое) посвятить Вам этот труд, который будет моим главным трудом, если мне его удастся закончить[8].

Я пытаюсь, как видите, все же работать...

В. Б.

Я считаю необходимым просить у Вас извинения за язык письма. Я здесь лишен словарей, и со мной нет г-жи Брюсовой, чтобы исправить, увы, даже мои орфографические ошибки.

---

[1] 24 ноября / 7 декабря 1913 г. в состоянии глубокой депрессии покончила с собой поэтесса Надежда Григорьевна Львова (р. 1891), дебютировавшая в 1911 г., в № 11 журнала «Русская мысль». В 1913 г. издательство «Альциона» выпустило единственный сборник ее стихов «Старая сказка. Стихи 1911—1912 гг.». Предисловие к книге написал Брюсов. Он же посвятил Львовой свою книгу-мистификацию «Стихи Нелли» (1913). О подробностях самоубийства Н. Львовой и характере ее взаимоотношений с Брюсовым см.: *Лавров А. В.* Вокруг гибели Надежды Львовой. Неизданные материалы // De Visu. 1993. № 2. С. 5—11.

[2] Потрясенный гибелью Львовой, виновником которой он себя считал, Брюсов в ночь после ее самоубийства уехал из Москвы в Петербург. «Вы знаете, что я убежал, — писал он на следующий день А. А. Шестеркиной. — Быть *там*, видеть, это слишком страшно. Быть дома, видеть тех, кто со мной,— это еще страшнее. [...] Мне надо быть одному, мне надо одному пережить свое отчаянье. Ибо это — отчаянье. В ней для меня было *все* (теперь можно сознаться). Без нее нет ничего. Поступать иначе, чем я поступал в жизни, я не мог: это был мой долг (говорю это и теперь). Но теперь тоже мой долг поступить так, как я поступлю. Еще я убежал, чтобы это вполне понять. Понял, что больше жить нельзя и не надо. Валерия Брюсова больше *нет*. Это решено совсем. Его нет. Знайте. [...] Ах, Анечка! Я ее очень любил. И теперь незачем жить, незачем» (Цит. по: *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1985 г. М., 1987. С. 92).

[3] Вначале Брюсов не чувствовал себя в силах встретиться с Верхарном, однако на следующий день после своего приезда в Петербург он все-таки решился на посещение. В воскресенье, 1 декабря, Брюсов возвратился в Москву. 2 декабря он принимал Верхарна у себя, а 3 декабря присутствовал на его лекции в Литературно-художественном кружке. 5 декабря на многолюдном заседании Общества свободной эстетики Верхарн прочел отрывки из своей книги «Многоцветное сияние» («La Multiple splendeur») и прокомментировал их. Брюсов сопровождал Верхарна также во время его посещения Музея изящных искусств и в других его поездках по Москве.

[4] Не называя в начале письма истинной причины своего угнетенного состояния, Брюсов сообщает здесь косвенным образом о смерти Львовой. Как мы отмечали выше, в течение 1912—1913 гг. он перепоручал Львовой переводы рецензий Гиля для «Русской мысли». Ее имя, значащееся под статьями, не могло, таким образом, остаться незамеченным Гилем. При этом мы не обладаем никакими сведениями о том, знал ли Гиль, кто будет переводчиком его брошюры. Неопубликованная в России, она вышла, как мы указывали выше, через несколько лет во Франции под заглавием «Традиция научной поэзии» (La tradition de poésie scientifique. Paris: Société littéraire de France, 1920).

[5] Во второе, переработанное издание антологии «Французские лирики XIX века» (ПССП 1913) Брюсов включил, помимо «Жалобы пастушке» и «Колыбельной», фрагмент под названием «За петлей петелька...» и отрывок из «Пантума пантумов».

[6] Письмо, в котором Брюсов выражал бы это мнение, нам неизвестно.

[7] Этот замысел Брюсова реализован не был.

[8] Замысел большой книги стихов, получившей название «Сны человечества», возник у Брюсова в 1909 г. и окончательно оформился к 1913 г.. Предполагалось, что книга

будет состоять из четырех томов и представит «лирические отражения жизни всех народов и всех времен» (*Брюсов В.* Автобиография // Русская литература XX века / Под редакцией С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 118). Причем, речь шла не о переводах, а о воспроизведении многообразных стихотворных форм — от песен первобытных племен до самой современной поэзии. Этому грандиозному замыслу (ок. 3000 стихотворений) не суждено было осуществиться. Из подготовленных к изданию произведений при жизни Брюсова было напечатано только 25 стихотворений, объединенных заглавием «Сны человечества» (второй альманах «Сирина», декабрь 1913 г.). Незадолго до появления этой публикации, 14 ноября того же года, Брюсов выступил на закрытом заседании Общества свободной эстетики, где в присутствии 96 человек «прочел цикл своих новых стихотворений из книги "Сны человечества — лирические отражения жизни всех народов и всех времен"» («Отчет о деятельности общества в 1913—1914 году»).

В архиве Брюсова сохранился рукописный титул: «Сны человечества (Страницы неоконченной книги). Стихи 1911—1914 гг. Ренэ Гилю, поэту, учителю» (*Брюсов В.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 459. Здесь же, на с. 459—467, А. А. Козловским опубликовано подробное описание издания, приведены планы книги и наброски предисловия). В 1917 г., подготавливая книгу с тем же названием, Брюсов вновь посвятил ее Гилю: «Сны человечества. Лирические отражения всех стран и всех времен. 1911—1917. Посвящено, в знак дружбы и уважения, поэту и мыслителю Ренэ Гилю. Издание первое» (С. 316).

В некрологе, опубликованном в журнале «Rythme et Synthèse», Гиль процитировал отрывок из комментируемого письма, посвященный «Снам человечества», внеся в него некоторые стилистические улучшения (1925. № 52. P. 50).

100. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 23 Déc[embre] 1913

Bien cher et Grand ami,

J'ai remis de quelques jours, — cependant possédé des tristesses de votre lettre, — à vous répondre, pour le pouvoir faire plus longuement.

Comment pouvez-vous dire que ces confidences ne pourront m'intéresser. Vous savez, n'est-ce pas, mon affection, — non banale, mais où le coeur et la même gravité de pensée créent la forte union qui traverse la vie. Je suis très peiné, je pense à vous, car pour la première fois je sens une douleur en votre force égale, — et presque une plainte qui n'a pu se faire entièrement et qui m'émeut infiniment. Je ne sais la consoler qu'en vous assurant de mon amitié grave, et douce aussi, et de ma confiance en la Vie qui finit toujours par accorder, avec son harmonieuse et occulte volonté, les volontés fortes d'hommes tels que vous. J'ai confiance que, quelle que soit votre épreuve, l'année nouvelle fera à nouveau l'équilibre où votre vie et votre talent puissant et nombreux se plaisent ardemment. Je serai heureux de le savoir, d'avoir de vos nouvelles bientôt, et souvent. —

— Oui, je vis Verhaeren quelques jours avant son départ vers vous. Il me quittait, vous portant mon salut, et en me disant qu'avec vous il allait parler de moi. Comme il est triste que vous ne puissiez le suivre à Moscou (mais si, peut-être!), parmi la bienvenue glorieuse que méritent son talent et son oeuvre magnifique, mais que vous, de

tout votre coeur depuis longtemps, lui avez superbement préparée[1]. A mon tour, lorsqu'il va revenir, je parlerai de vous avec lui.

— Et merci des nouvelles que vous pensez à me donner, malgré votre chagrin et votre exil. Je suis heureux que vous ayez ajouté quelques poèmes en seconde Edition de vos *Poètes [français]du XIXème*. Votre choix, si, m'agrée: ce que vous jugez bon est bien.

Mais, non, vous ne m'aviez parlé de cette conception si large et profonde des *Songes de l'Humanité*. Ce sera là une oeuvre, au sommet de votre présente pensée, d'une beauté sacrée du temple des temples. Et j'apprends ainsi, maintenant, que vous attachez mon nom à la grande pierre de fondation de cette grande chose! J'en suis très ému, j'en demeure trop honoré — en toute ma sincérité, — un peu *effrayé*: car je sens ce que vous ferez en cette totale inspiration, et je le vois trop énorme et subtil et complexe sur moi... Or, merci donc, simplement, avec toute ma reconnaissance de tel témoignage de votre amitié.

— Je suis très peiné de ce que vous me dites, à propos des *Précurseurs scientifiques*: le suicide de la traductrice de mon petit livre[2]. Devant la pensée de cette jeune vie qui voulut finir, le retard à la parution me semble peu, certes. Je vous en remets encore le soin, quand le temps en viendra. Et encore, merci.

— Ici, comme je vous le disais, nous avons toute une série de Matinées poétiques (commencées par les trois Matinées au *Th[éâtre] Antoine*[3], des soins d'Edouard Dujardin), — au même *Th[éâtre] Antoine*, *Salon d'automne*, *Th[éâtre] Idéaliste*, *Th[éâtre] du Vieux-Colombier*[4], etc... Il y a comme un réveil d'amour de la Poésie, et, — ce qui est intéressant, et charmant, — avec la mise en tête de toute Récitation, pour les Jeunes, de leurs Aînés[5]. Pour la première fois, l'on a dit publiquement de mes poèmes: ce que j'avais interdit jusqu'ici, — car la manière de dire les vers de tous les artistes, acteurs et actrices, ici, me répugnait absolument. Et seulement maintenant, à cette jeune Diseuse de Poèmes Javanaise de qui je vous ai parlé en septembre, j'ai donné cette autorisation, pour la beauté de sa compréhension, de son art, et de son âme. J'ai donc été très sollicité, et ma vaillante petite interprète, tous ces temps, a fait passer — avec grande ferveur auprès des auditeurs, — mon verbe et mon rythme par sa voix émouvante et son geste hiératique[6]. — Qui sait si, quelque jour, Mme Ghil et moi n'irons pas en Russie, en emmenant avec nous cette petite artiste qui déjà se fait son nom très noble et très pur: ses Récitations illustrant des Conférences que je ferai?

— Mais ceci est encore un rêve, — et un secret, cher ami.

— Je travaille au vol[ume] II des *Images du Monde*, — mais n'arriverai à le donner à l'éditeur en Février, comme c'était entendu. Ce ne sera, alors, que pour l'automne prochain. Peut-être donnerai-je, à la place, un petit volume critique. Je vais voir à cela[7]. —

— Et, à bientôt, n'est-ce pas? écrivez-moi. Ne me laissez pas sans nouvelles de vous, d'un mot seulement. J'espère qu'avant peu vous m'écrirez consolé, heureux à nouveau. — Mme Ghil vous envoie son bon souvenir.

Je vous serre la main bien fortement, de mon amitié, de mon admiration, avec ma peine, avec mon merci.

Vôtre,

René Ghil

100. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 23 декабря 1913 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Несмотря на печаль, охватившую меня после чтения Вашего письма, я несколько дней медлил с ответом, намереваясь написать Вам более обстоятельно.

Как можете Вы говорить, что Ваши откровенные признания могут быть мне безразличны! Вы ведь знаете мое к Вам теплое отношение, не в общепринятом понимании, а отношение, при котором сердце и схожая серьезность мысли создают прочный союз, проходящий через всю жизнь. Я очень огорчался, думая о Вас, потому что впервые чувствую боль в Вашей ровной силе и почти жалобу, не до конца воплотившуюся и бесконечно для меня мучительную. Единственное, чем я могу Вас утешить, это подтверждением моей серьёзной и вместе с тем нежной дружбы, а также уверенностью в Жизни, которая своей гармоничной, сокровенной волей в конце концов примиряет с самими собой сильные, волевые характеры, подобные Вашему. Я уверен, что какое бы испытание Вы ни перенесли, новый год восстановит равновесие, и Ваша жизнь, Ваш мощный, плодотворный талант вновь соединятся в пламенном единстве. Я буду счастлив узнать об этом, буду счастлив получить от Вас благоприятные известия и затем получать их часто.

Да, я видел Верхарна за несколько дней до его отъезда к Вам. Расставаясь со мной, он увозил мой привет и уверения в том, что будет с Вами говорить обо мне. Как грустно, что Вы не последовали за ним в Москву (но, может быть, все-таки последовали) и не участвовали в его чествовании, достойном его таланта и славного творчества, чествовании, великолепно, со всей сердечностью подготовленном Вами задолго до этой встречи[1]. Я, в свою очередь, буду говорить с ним о Вас после его возвращения.

Спасибо за новости, сообщенные Вами в письме, несмотря на Ваше горе и изгнание. Я рад, что Вы добавили несколько стихотворений во второе издание «Французских лириков XIX века». Ваш выбор мне по душе: хорошо все, что Вы считаете подходящим.

Ах, нет же, Вы не писали мне о замысле, озаглавленном «Сны человечества», грандиозном по охвату и глубине. Это будет подлинное творение на вершине Вашей сегодняшней мысли, обладающее священной красотой храма всех храмов. И Вы мне сообщаете, что мое имя будет начертано на гигантской глыбе, положенной в основу этого величественного сооружения! Я очень тронут. Это для меня большая честь, хотя, если быть до конца откровенным, я несколько *напуган*, так как предчувствую грядущее создание Вашего всеобъемлющего вдохновения и уже вижу его слишком огромным, слишком тонким, слишком сложным для меня... И все же, скажу просто: спасибо и прибавлю всю свою благодарность за подобное проявление дружбы.

Я очень огорчен Вашим сообщением о «Предтечах научной поэзии», сообщением о самоубийстве переводчицы моей книжицы[2]. Рядом с мыслью об этой юной жизни, решившей, что ей пора оборваться, задержка с публикацией кажется,

разумеется, пустяком. Вверяю ее вновь Вашим заботам, когда подойдет должный срок. И еще раз спасибо.

Здесь, как я Вам писал, у нас проходит цикл дневных поэтических выступлений (начатых спектаклями в театре Антуана[3] под руководством Эдуарда Дюжардена) в том же театре Антуана, в Осеннем салоне, в «Идеалистическом театре», в театре «Старой голубятни»[4] и т. д... Наблюдается нечто вроде пробуждения любви к Поэзии, и что интересно и мило, перед любой декламацией стихотворений, принадлежащих молодым, декламируются произведения их старших товарищей[5]. Впервые были прочитаны публично мои стихи. До сих пор я запрещал это делать, настолько меня отталкивала манера чтения всех артистов, актеров и актрис. И только сейчас я предоставил такое право молодой яванской сказительнице стихов, о которой я Вам писал в сентябре, предоставил его за красоту ее проникновения, за красоту ее искусства и ее души. Все это время я выдерживал натиск настойчивых просьб, и моя доблестная юная исполнительница оживляла перед пылкой публикой мой глагол и ритм своим волнующим голосом и иератическими жестами[6]. Кто знает, может быть, мы с г-жой Гиль когда-нибудь поедем в Россию и привезем к вам эту юную артистку, уже прославившую свое чистое, благородное имя, дабы она своими декламациями иллюстрировала лекции, которые я буду читать.

Но пока это только мечта, мой друг, и тайна.

Я работаю над вторым томом «Образов мира», но смогу сдать его издателю только в феврале, как это было оговорено. Книга, таким образом, выйдет только будущей осенью. Возможно, взамен я дам книгу критических статей. Надо будет об этом подумать[7].

Итак, до скорого, не так ли? Пишите мне. Не оставляйте меня без новостей о себе — буквально два слова. Надеюсь, что когда Вы мне скоро напишете, Вы будете утешены и вновь счастливы. Г-жа Гиль просит Вас ее не забывать.

Крепко жму Вашу руку с выражением дружбы, восхищения, страдания и благодарности.

Ваш

Рене Гиль

Оригинал: РГБ. Ф. 386, карт. 82. Ед. хр. 28.

[1] О подготовке Брюсовым поездки Верхарна в Россию свидетельствуют его письма к бельгийскому поэту за октябрь 1913 г. (ЛН 1976. С. 614—617).

[2] Несмотря на это трагическое событие, Брюсов не оставил мысли об издании книги Гиля. 22 марта 1914 г. в разделе «Литературная хроника» газеты «Голос Москвы» был помещен следующий анонс: «К[нигоиздательст]во "Альциона" печатает две интересные книги: Ренэ Гиль: "Научная поэзия" со вступительной статьей В. Брюсова, а также "Сезон в Аду" Артюра Римбо, единственный сборник стихотворений в прозе, изданный при жизни поэта. Поэзия Римбо крайне своеобразна, как была своеобразна и жизнь поэта, бродяги по призванию» (№ 68. С. 6). В книге первой альманаха «Альциона» (М., 1914), в списке книг, подготовленных к изданию, также значилось: «Ренэ Гиль. Научная поэзия. Вступительная статья Валерия Брюсова, перевод Н. Львовой. (Печатается)». См. также статью Брюсова, написанную им для Нового энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона:

«“Альциона” (М.) выпускает по-русски книгу Г[иля] о “Предтечах научной поэзии”» (Т. 13. С. 494). В архиве Брюсова сохранились следующие материалы, связанные с этим изданием: автограф Гиля, начало книги в переводе Брюсова и гранки перевода без окончания (РГБ. Ф. 386, карт. 56. Ед. хр. 13).

[3] Авангардный театр, созданный в 1897 г. режиссером, актером и теоретиком театрального искусства Андре Антуаном (1858—1943), который также организовал «Свободный театр» (1887—1894), а с 1906 по 1914 г. руководил театром «Одеон».

[4] «Театр Старой Голубятни» был основан в 1913 г. критиком, актером и режиссером Жаком Копо (Jacques Copeau, 1879—1949), прославившимся как новатор в области театрального стиля и сценографии. В репертуаре театра, просуществовавшего до 1924 г., были пьесы Шекспира, Мольера, А. Бека, П. Клоделя, Р. Мартена дю Гара.

[5] Речь идет о трех поэтических собраниях, посвященных Стефану Малларме и проводившихся в Театре Антуана по четвергам 11, 18 и 25 сентября 1913 г. Вступительное слово к первому и третьему собранию прочел Эдуард Дюжарден, ко второму — Поль Фор. Декламация стихов сопровождалась музыкой и балетной постановкой. В Осеннем салоне было организовано шесть еженедельных выступлений, состоявшихся с 20 ноября по 18 декабря и посвященных Полю Клоделю, Шарлю Пеги, а также современным тенденциям французской и немецкой поэзии.

Об «утренниках» (в действительности — дневных спектаклях, начинавшихся в 16 часов) писал 11 сентября 1913 г. в статье «В честь Стефана Малларме» парижский корреспондент газеты «День» А. В. Луначарский, не только приоткрывший предысторию спектаклей, но и описавший обстановку, в которой они проходили: «Дюжарден постарался далее, беря наиболее темные стихотворения Малларме, истолковывать их публике, делая настоящий перевод их на прозаический язык. Само собою разумеется, очаровательные строфы теряли при этом жизнь и превращались в анатомически отпрепарированные трупы. И тем не менее комментарий этот был полезен, ибо он воочию доказывал, что действительно ни одно слово не ставилось учителем зря, что он не думал скрыть за мерцающими декорациями пустоту, а подлинно “намекал” на значительную и красивую жизнь своего духа» (цит. по: *Луначарский А. В.* Собрание сочинений. М., 1965. Т. 5. С. 312).

Теме поэтических «утренников» Гиль посвятил бо́льшую часть своего последнего «Письма из Парижа», озаглавленного «Литературная зима» (Русская мысль. 1914. № 5). «Новый литературный сезон в Париже ознаменовался каким-то беспокойным и воодушевленным порывом к поэзии, — начинал он очерк, во многом повторяя свое письмо к Брюсову. — Словно невидимая волна энергии, со всей силой, вдруг коснулась приподнятого чела нового поколения, и оно вдруг поняло и с радостью признало, как необходима была творческая деятельность поэтов старшего поколения» (С. 38). Далее, после беглого обзора последнего десятилетия французской поэзии, переживающей, по его мнению, безусловный упадок, парижский корреспондент журнала усмотрел «признак» неожиданного «возвращения к Поэзии», причем не только к символистской, но и к «научной», «прежде всего в организации ряда поэтических утр, эклектически объединивших этой зимой значительное число поэтов и сумевших заинтересовать и привлечь широкие круги публики. Раньше у нас бывали “поэтические утра”, устраивавшиеся Осенним Салоном, — продолжал Гиль. — Но самая идея таких утр получила новое развитие после опыта театра Антуана, организовавшего в честь Малларма торжественное чтение стихов тех, ныне всеми признанных и знаменитых поэтов, которые когда-то были близки к безупречному учителю. Три таких утра было устроено в сентябре этого сезона поэтом Эдуардом Дюжардэном; они удались прекрасно и память о них сохранится долго. В том же театре Антуана вслед затем был устроен целый ряд поэтических собраний, на которых была представлена вся история поэзии за двадцать лет. А новый художественный театр “théâtre du Vieux Colom-

bier", во главе которого стоит Жак Копо, театр синтетических исканий в области разумного упрощения декораций, театр, где работают интеллигентные артисты, дал нам ряд представлений высшего литературного значения. Здесь по субботам, кроме обычных спектаклей, читались стихи поэтов, новых и прежних. Но еще раньше того, с прошлого года, уже существовал "Théâtre Idéaliste", директором которого состоит молодой поэт Карлос Ларронд. Спектакли этого театра и периодические чтения стихов в нем создали здесь редкую и полную вкуса атмосферу» (С. 39).

[6] Сентябрьское письмо, в котором Гиль рассказывал бы Брюсову о публичной декламации его стихов, нам неизвестно. В комментируемом письме он описывает поэтическое собрание, состоявшееся в четверг, 18 сентября 1913 г., на котором его неопубликованное стихотворение «Песня в Пространстве» («Chant dans l'Espace») было прочитано актрисой-любительницей Вильмой Кнап (иначе — Кнаап), которую Гиль в одной из своих статей называет Си Сарин Тен. По нашему предположению Вильма Кнап была дочерью его друга, географа Отто Кнапа, опубликовавшего в 1903 г. книгу «Путеводитель по Индонезии» (на голландском языке).

Отто Кнап (настоящее имя — Састро Правиро [Sastro Prawiro]) был автором исследования о восточной струе в творчестве Гиля, опубликованного под названием «Яванский поэт» («Un Poète javanais») в яванской газете «Journal de Subabaya» (1909, juillet). Принадлежа к почитателям Гиля, Кнап состоял в знакомстве с его русским окружением, о чем свидетельствует, в частности, фраза из письма Е. А. Бальмонт к М. Волошину от 5 февраля 1912 г.: «Хочу Вас попросить поехать со мной к Кнапу и Гилю, когда Вы можете» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 229. Сообщено В. П. Купченко).

Сообщая Брюсову о том, что стихи его декламировались с эстрады впервые, Гиль допускает неточность, которую сам же опровергает в своей статье, опубликованной в «Русской мысли»: «...я хочу назвать одно имя (вместо того, чтобы о нем поговорить подробнее, как оно того заслуживает), хочу отметить неожиданный, удивительный и полный энтузиазма прием, какой оказали одной очень молоденькой девушке — чтице стихов — писатели, литераторы и вся публика, где бы эта девушка ни выступала этой зимой. Зовут ее Вильма Кнап (Knaap), принадлежит она к яванскому племени, и родом она из Батавии.

Figaro (июнь, 1912 г.), на своей первой странице, приветствовал дебют этой семнадцатилетней артистки, прочитавшей, при открытии памятника, стихотворение, заказанное мне в честь национального португальского поэта Камоэнса. После того m-lle Кнап редко выходила на эстраду, но в нынешнем году стала появляться перед избранной публикой, неустанно выступая как чтица-художница на поэтических утрах. Поочередно она становилась толкователем души и ритма поэтов старого и нового поколения, и ей удавалось передать и целомудренную страсть Деборд Вальмор и иератические, чисто мыслительные эмоции Стефана Малларме.

Искусство Вильмы Кнап не походит на искусство других, — оно просто и мудро, но проникнуто тайной, захватывавшей мысль и сердце... Девушка эта произносит стихи (не читает, как все другие), принимая при этом как бы священную позу и укрываясь своим особенным жестом, выражающим то передаваемый ею образ, то самый ритм стихов. Жест этот заимствован ею и перенесен к нам из ритуальных жестов яванского танца. "Поэты и обычная публика поэтических утренников называют Вильму Кнап Сказительницей Стихов (Diseuse de Poème), — писал Gil Blas (декабрь, 1912 г.), — и ей поэты должны поручать защиту своего дела". Поль Фор, известный король поэтов, прослушав m-lle Вильму Кнап на одном из утренников в театре Антуана, говорил, что только она или только поэты могут так чувствовать и передавать Поэзию» (Русская мысль. 1914. № 6. Отд. III. С. 40).

В другой статье, опубликованной в журнале «Заветы», Гиль писал по этому поводу следующее: «"Идеалистический Театр" устроил не одно утро, где произведения мастеров

чередовались с произведениями теперешних поэтов. Среди артистов, читавших различные поэмы, мы упомянем только де Макса и Вильму Кнаап, которую поэты и писатели, публика и даже пресса назвал[и] "Сказительницей Песен" par excellence. Уроженка о. Явы, всего девятнадцати лет от роду, маленькая, красивая, с золотистым лицом, Вильма Кнаап появилась год тому назад и обнаружила несравненное искусство дикции. Она не читает поэм, она их произносит, в то время, как вокруг иератически выпрямленного тела ее движения образуют как бы медленную священную пляску ее рук, согласно с ритмом произведения. Чувство, которое она вызывает своим чтением, называют "религиозным". В своем, полном наития и знания, искусстве эта единственная "Сказительница Песен" является не только изумительной истолковательницей их, но, читая поэму, она воссоздает само волнение, сложное состояние экстатической и в то же время страдающей души, в котором находился поэт, слагая данное произведение! А ведь творческое мгновение поэта есть "религиозное" состояние души, — религиозное от сопричастия духа и сердца человека сложному и все раскрывающемуся бытию вселенной... Мы еще вернемся к этой совершенно молодой девушке, которая, сторонясь театрального искусства, неспособного вместить ее, гордо и исключительно посвящает себя толкованию лирической поэзии, — и которая является чистым, глубоким и многосложным трепетом великой лиры...» (Заветы. 1914. № 5. Отд. III. С. 10).

Характеризуя декламаторские способности парижских актеров, Гиль высказывал на страницах русской печати следующее мнение: «Скажу, однако, что, к сожалению, чуткая и восприимчивая душа поэтов почти не находила отклика в душе чтецов или чтиц, даже когда в их роли выступали прославленные и по справедливости оцененные артисты Comédie Française, Одеона и др. наших театров. Мы могли убедиться еще раз в том, что уже давно знали: артисты наших театров, по большей части, не умеют читать стихов, и тем более стихов современных, построенных на музыкальности слова и на глубокой интенсивности чувств, облекающих мысль, которая вибрирует в гармонии с универсальным ритмом. Артисты слишком часто понимают стихотворения лишь приблизительно, ощущают их слишком искусственно и к тому же в противоречии со смыслом; а что до интуиции и ритмических познаний артистов, то — как они ими бедны!» (Русская мысль. 1914. № 6. Отд. III. С. 39—40).

[7] Ср. письмо Гиля к Садиа Леви от 2 августа 1913 г.: «Я начал также работать над двумя частями тома "Образы мира", закончив работу над стихотворением, не входящим в общий план. Оно будет прочитано на одном из дневных поэтических выступлений, намечающихся к проведению в сентябре в театре Антуана: будут прочитаны произведения поэтов — посетителей "вторников" Малларме, мысль благоговейная и прекрасная. Декламация будет осуществляться актерами театра Антуана, что же касается меня, то мое стихотворение прочтет мадемуазель Вильма, которая потом снова выступит с ним в Осеннем салоне... Идея провести такие чтения, возвращающие нас к пламенной эпохе, принадлежит Эдуарду Дюжардену, который и занят их подготовкой... » [«J'ai commencé, aussi, à travailler aux deux des *Images du Monde*, après un poème à part qui sera dit à l'une des Matinées poétiques qui s'organisent pour septembre, au Théâtre Antoine: récitations d'oeuvres des Poètes qui furent des "mardis" de Mallarmé: la pensée est pieuse et belle. Ces récitations seront faites par les artistes du Théâtre Antoine, mais, pour moi, ce sera dit par Mlle Wilma, qui redira ce même poème au "Salon d'Automne"... C'est Edouard Dujardin qui a eu l'idée de cette manifestation de retour à des temps fervents, et qui la prépare» (Quelques lettres de René Ghil. Paris, 1935. P. 25—26)].

101. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 4 Avril 1914

Bien cher et Grand ami,

Je vous envoie ce mot, ayant reçu votre carte postale dernière[1], et heureux de penser que vous voici revenu à vos beaux et grands travaux. J'en éprouve une joie recueillie.

Quand vous aurez le temps, écrivez-moi un peu de vos nouvelles, n'est-ce pas?

Et je vous écrirai ensuite. Comme nouvelle de Russie me concernant, je crois que je vais donner quelques Articles généraux, questions de littérature, à la Revue *Zaviet[y]*, avec qui j'ai été en pourparlers. Quelques articles pour l'année[2].

Mais, je vous prie, je serais très heureux que parût *le plus vite possible* mon article à la *Pensée Russe*. Je suis en retard de parution avec elle, et je serais désireux de la publication de cet Article, afin d'envoyer, avant longtemps, le prochain.

Je m'en remets à vous, vous remerciant toujours. Faites votre possible *pour hâter...*

Nous avons eu des nouvelles de Madame Brussov qui a répondu à Mme Ghil, avec toute sa bonne grâce, en une longue lettre[3]. Voudrez-vous l'en remercier et dire notre souvenir, les amitiés de Mme Ghil, avec mes hommages.

A bientôt, de votre ami admirativement fervent.

René Ghil

101. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 4 апреля 1914 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Отвечаю Вам коротко после получения Вашей последней почтовой карточки[1], радуюсь мысли о том, что Вы вернулись к Вашим прекрасным, величественным трудам. Это вселяет в меня радость сопричастности.

Надеюсь, что Вы выберете время, чтобы написать мне о себе, не так ли?

А я Вам потом отвечу. Что касается России, то у меня есть новость, меня затрагивающая. Думаю, что я напишу несколько статей общего литературного содержания для журнала «Заветы», с которым вел переговоры. Несколько статей в год[2].

Но сделайте одолжение: я буду счастлив, если *как можно скорее* будет напечатана моя статья в «Русской мысли». Публикация ее задержалась, а мне бы хотелось, чтобы она уже вышла, чтобы, не теряя времени, послать Вам следующую.

Полагаюсь в этом на Вас и, как всегда, благодарю Вас. Сделайте все возможное, *чтобы ускорить публикацию...*

Мы получили ответ г-жи Брюсовой на письмо г-жи Гиль, ответ изысканный, обстоятельный[3]. Поблагодарите ее, пожалуйста, и передайте от нас привет и дружеские пожелания от г-жи Гиль, присоединив к ним заверения в моем почтении.

До скорого, Ваш пламенный друг и почитатель

Рене Гиль

---

[1] Открытка Брюсова нам неизвестна.

[2] В недатированном письме к А. Гольштейн приблизительного того же времени Гиль писал: «Спасибо за адрес журнала "Завет[ы]", который, как я вижу, по-прежнему издается в Петербурге. В один из ближайших вечеров я напишу и отошлю им первую статью» [«Merci pour l'adresse de la revue "Zaviet<y>", qui, je voie, continue à être à Pétersbourg. Ces soirs-ci, j'écrirai le premier article à lui envoyer» (*Adamantova Vera.* Les lettres inédites de René Ghil à Mme Alexandra de Holstein // Revue des études slaves. 1991. № 4. P. 819)].

Литературно-политический ежемесячный журнал «Заветы» (эсеровской ориентации) выходил в Петербурге с апреля 1912 по июль 1914 гг. при ближайшем участии В. М. Чернова, Р. В. Иванова-Разумника, А. И. Иванчина-Писарева. Здесь печатались М. М. Пришвин, С. Н. Сергеев-Ценский, Б. К. Зайцев, А. Н. Толстой. Журнал был закрыт правительственным распоряжением в связи с началом Первой мировой войны.

Как явствует из публикуемого ниже письма Гиля к И. М. Брюсовой от 29 апреля 1915 г. (№ 103), инициатива в деле привлечения Гиля к сотрудничеству в журнале исходила от Ю. К. Балтрушайтиса, который активно работал в «Заветах» с лета 1912 г. — занимался переводной беллетристикой, рекомендовал произведения для перевода, переводил сам.

[3] Это письмо И. М. Брюсовой, вероятно, утрачено.

102. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. 5 Mai 1914

Bien cher et Grand ami,

Ce mot, aujourd'hui, pour vous remercier d'abord de l'envoi de votre superbe volume *Les Poètes français du XIXème*[1] — où vous avez bien amicalement augmenté ma part[2]. Je me ferai lire ces traductions nouvelles pour en goûter rythme et musique. *Grand merci.*

Et, je vous prie, voulez-vous à nouveau — dès cette lettre reçue, — écrire à M. Strouve pour lui demander de faire passer absolument mon article au *No. prochain.* Je comptais bien le voir au No. que je viens de recevoir hier. — Car, déjà, j'étais en retard, et j'en avais averti éditeur et auteurs, leur promettant parution rapide. Cela me gêne vis-à-vis d'eux, vous le sentez, — et, *pour moi*, je comptais aussi sur cette parution. — Alors, n'est-ce pas, insistez, pour toutes ces raisons, afin que, *sans faute*, le No. prochain le publie. J'apporte tous mes soins à ces articles, où la difficulté est de choisir de l'essentiel, vu le peu de pages et la périodicité peu rapprochée. Il importe donc qu'ils ne perdent point leur actualité[3].

Ici, rien de nouveau. Les *Matinées poétiques* continuent, avec intérêt: ce fut le fait principal de cette Saison — ainsi que je le résumais précisément en mon Article dernier.

— Un beau livre de Rosny Aîné vient de paraître: *La Force mystérieuse*, d'une donnée attachante, pleine d'invention qui, certes, vous plaira. —

Je vous prie, présentez à Madame Brussov mes hommages empressés avec les amitiés de Mme Ghil, qui se rappelle à votre bon souvenir.

Affectueusement vôtre, et merci,

René Ghil

102. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 5 мая 1914 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Пишу Вам сегодня, чтобы прежде всего поблагодарить за великолепный том «Французские лирики XIX века»[1], в котором Вы по-дружески расширили мою подборку[2]. Я попрошу почитать мне эти новые переводы, чтобы ощутить вкус ритма и музыки. *Огромное спасибо.*

Очень прошу Вас тотчас по получении этого письма еще раз написать г-ну Струве и передать мою просьбу непременно поместить мою статью *в следующий номер.* Я рассчитывал увидеть ее в номере, полученном мною вчера. И до этого публикация запаздывала, хотя я ранее уведомил о ней издателя и авторов, обещая скорый выход статьи. Это, как Вы чувствуете, ставит меня перед ними в неловкое положение, да *и сам я* рассчитывал на ее появление. Итак, учитывая все эти причины, проявите, пожалуйста, настойчивость, чтобы она *обязательно* была опубликована в следующем номере. Я прилагаю к своим статьям все старание, из чего вытекают трудности с выбором самого существенного, учитывая к тому же незначительное число страниц и значительный разрыв между номерами. Очень важно, чтобы они не утрачивали актуальности[3].

В Париже ничего нового. «Поэтические выступления» продолжаются и интерес к ним прежний. Это главное событие нынешнего сезона, как я с точностью резюмировал в последней статье.

Только что появилась прекрасная книга Рони-старшего «Таинственная сила», написанная с привлечением захватывающих сведений, крайне изобретательная, что Вам, несомненно, понравится.

Передайте, пожалуйста, свидетельство моего нижайшего почтения г-же Брюсовой, присоединив к нему дружеский привет г-жи Гиль, которая тепло просит Вас ее не забывать.

Сердечно Ваш, с благодарностью,

Рене Гиль

[1] В разделе «Хроника» журнала «Vie», под заголовком «Россия и Франция» («Russie et France»), была опубликована следующая заметка: «Знаменитый русский поэт В. Брюсов посвящает двадцать первый том своих "Сочинений", только что вышедший в Санкт-Петербурге (в издательстве "Сирин"), французской лирике XIX века. Этим собранием вдумчиво подобранных произведений, представленных великолепными стихотворными переводами, он знакомит своих соотечественников с наиболее значительными страницами поэтического гения Франции прошлого века. Книга начинается с Андре Шенье и Альфреда де Виньи и заканчивается Франсисом Жаммом, Полем Фором и Рене Гилем. Предисловие, посвященное влиянию французской поэзии на русскую, библиографический указатель и репродукции прекрасных портретов придают дополнительный интерес объективной антологии г-на Брюсова» [«L'éminent poète russe, M. W. Broussoff, consacre le vingt-et-unième volume de ses Oeuvres — qui vient de paraître à Saint-Pétersbourg (chez Sirin) — à la poésie lyrique française du XIXe siècle. Par un choix très judicieux de belles traductions en vers, il fait connaître à ses compatriotes les pages les plus significatives du génie poétique de la France au courant du dernier siècle: il commence par André Chénier et Alfred de Vigny et finit par Francis Jammes, Paul Fort et René Ghil. Une préface consacre aux influences de la poésie française sur la poésie russe, des notices bibliographiques, des reproductions de beaux portraits, font un livre de M. Broussoff une anthologie très judicieuse et très intéressante» (специальный номер «La Poésie contemporaine», 1914, 22 juillet. P. 687)].

[2] См. примечание 5 к письму № 99.

[3] Как указывалось выше, последняя статья Гиля в «Русской мысли» вышла только осенью 1914 г. (см. примечание 3 к письму № 100).

103. RENÉ GHIL À VALÈRE BRUSSOV

Paris, 16 bis rue Lauriston. 28 Janvier 1915

Bien cher et Grand ami,

Comme c'est longtemps, et comme il semble que ce soit hier, que nous avons échangé nos lettres dernières, — avant cette affreuse et énorme tourmente de sang![1] Comment allez-vous, et comment va Madame Brussov, et tous les vôtres?

Que de fois j'ai pensé à vous, — et, pourtant, je n'écrivais pas, découragé à l'idée des hasards auxquels j'aurais remis ma lettre. Maintenant, est-il annoncé, un service par l'Angleterre et les pays Scandinaves a commencé, qui va à Petrograd en 5 ou 6 jours. Je vous écris donc aussitôt. J'ai été sans nouvelles de Russie, — sauf un No. de la *Pensée Russe* en octobre, et un ces jours-ci, qui mirent quel temps en route!

Enfin, j'espère que notre correspondance va pouvoir se renouer.

Ici, c'est le calme grand, une confiance entière, une patience magnifique — qui ne pense qu'à nos soldats, les nôtres et les vôtres! Comme ils sont grands, quelle âme en eux! — Lente, mais la victoire.

Nous étions, Mme Ghil et moi, à St Chéron, quand fut déclarée la guerre. Nous demeurâmes encore un mois, parmi le spectacle poignant de la mobilisation, et l'anxiété des premiers combats. Quand nous vîmes que l'Ennemi marchait sur Paris (il en

vint à 14 kilomètres!) et que les avions le survolaient, nous rentrâmes dans notre Paris. Je voulais être là — où n'étaient guère plus de représentants de la Pensée (ou partis à l'armée avec une vaillance à la fois raisonnée et comme lyrique, les Jeunes, — les autres partis loin de trop d'émotions, sans doute!). Je voulais être là, pour, si modeste que soit ma part, que mon front fût devant l'atroce Barbarie. Nous avons comme des jours d'angoisse, une atmosphère de fièvre, — calme, raréfiée, blanche de foudre latente...

Enfin, tout cela passé. Mais l'on ne peut penser qu'à cela, à la guerre toujours, — et à ceux qui se battent, nos parents (j'ai un cousin prisonnier en Allemagne, deux balles dans la poitrine, guéri heureusement), et tous nos amis, nos frères les poètes, les écrivains.

Déjà, il en est de tombés[2]: vous en connaissiez: Charles Péguy des *Cahiers de la quinzaine*[3], Olivier Hourcade[4], Jacques Nayral la semaine dernière[5], — et d'autres, des Jeunes: quarante dans la Littérature, compte-t-on.

Ces jours, j'ai reçu lettre nouvelle d'Alexandre Mercereau, qui est sous Verdun. Il me redemande de vos nouvelles. Mercereau, âme très belle. Ne voulant pas tuer, il obtint d'être brancardier, — mais, voulant aussi montrer qu'il ne craignait la mort, il va non seulement chercher les blessés sous les balles, mais il les soigne sur le champ de bataille, très simplement. Ce n'est naturellement pas de lui que je tiens cela. Il m'a écrit des lettres très belles, très pures[6].

— Littérature, ici, rien du tout, donc... Le *Mercure [de France]* ne paraît pas, ni les autres Revues valables. Je vous disais que je ne puis songer qu'à la guerre, qu'à Eux, qui se battent, et à répondre à leurs lettres — tellement nobles, et en même temps si affectueuses, si tendres. Je ne puis donc travailler, — mais cependant, à des heures, j'ai écrit, pour que cependant s'exprimât un peu de tout ce qui m'étouffe parfois. Ce sont des articles, sortes de Poèmes, que j'appelle *Ecrits de Guerre*, — et je vous en envoie trois, que vous trouverez ici.

Cher ami, puisque la *Pensée Russe* continue sa publication, — et comme je ne puis [?] de lettres sur la Littérature et l'art, suspendus, je vous demande de présenter ces trois choses à la *Pensée Russe*, pour remplacer mes Etudes habituelles. Je vous demande de vouloir *bien les traduire, et donner à leur parution vos soins amis*, comme toujours. *Vous proposerez à la Pensée [Russe] la suite*. Je serais très heureux de lui en réserver la primeur, — car je ne publierai cela ici qu'après la Guerre. Si, pour quelque cause, cela ne pouvait aller à la *P[ensée] Russe*, vous placeriez ailleurs si possible, à votre gré. Mais elle les prendra, je pense. Mêmes honoraires sans doute, — qui, certes, me feront plaisir!...[7]

Je vous prie, écrivez-moi *dès cette* lettre reçue, et contentez vite mon désir d'avoir de vos nouvelles, n'est-ce pas? Nous les attendons avec grande impatience, maintenant, vous disais-je, que nous avons l'espoir de pouvoir correspondre avec certitude.

Parlez-moi de votre vie là-bas, n'est-ce pas? Bientôt donc, votre bonne lettre.

De Mme Ghil le souvenir ami à Madame Brussov (à qui mes hommages et amitiés aussi), et à vous.

Je vous serre bien fort, de toute mon affection et mon admiration, la main, avec tout mon merci, toujours. Vôtre,

René Ghil

103. РЕНЕ ГИЛЬ — ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 28 января 1915 г.

Мой дорогой, мой большой друг!

Сколько времени прошло с тех пор, как мы обменялись последними письмами до этого жуткого, гигантского кровавого шквала, а кажется, это было вчера[1]. Как Вы живете, как дела у г-жи Брюсовой, у всех Ваших?

Сколько раз я думал о Вас, но не писал, угнетенный мыслью о случайностях, на волю которых отдал бы свое письмо. Сейчас объявили, что почтовое сообщение с Петроградом налажено через Англию и Скандинавские страны и письма доходят за 5-6 дней. И я сразу же решил написать Вам. У меня не было никаких известий из России, кроме октябрьского номера «Русской мысли» и ещё одного, полученного на этих днях, — столько времени провели они в пути!

Теперь я надеюсь, что наша переписка наконец снова возобновится.

Здесь у нас царит великое спокойствие, обстановка полного доверия, замечательное терпение: люди думают только о солдатах, о наших и ваших солдатах! Какое в них величие, какая у них душа! Победа приходит медленно, но приходит.

Когда объявили войну, мы с г-жой Гиль были в Сен-Шероне. Мы пробыли там еще месяц, окруженные жгучей драмой мобилизации и тревогой первых боев. Когда мы увидели, что враг приближается к Парижу (а он был в 14 километрах!), и над городом кружат аэропланы, мы вернулись в наш Париж. Я хотел быть там, где больше не осталось представителей Мысли (откуда с осмысленной и в то же время почти лирической бравадой ушли в армию молодые — ушли и другие, несомненно, переполненные чувствами). Я хотел быть там, дабы стоять на собственной передовой перед диким Варварством, сколь бы скромным ни было мое участие. Мы пережили тревожные дни в лихорадочной атмосфере — спокойной, разряженной, белеющей затаенными молниями.

Наконец все миновало. Но невозможно думать ни о чем другом, кроме войны, невозможно думать ни о ком, кроме тех, кто сражается, о наших близких (мой кузен находится в плену в Германии — он был ранен двумя пулями в грудь, но, к счастью, оправился), обо всех наших друзьях, поэтах, писателях.

Среди них есть павшие:[2] Вы знали некоторых из них — Шарля Пеги из «Двухнедельных тетрадей»[3], Оливье Уркада[4], Жака Нейраля, погибшего на прошлой неделе[5]. И другие, совсем юные — литература потеряла до сорока человек.

На этих днях я получил новое письмо от Александра Мерсеро: он сейчас под Верденом. Он спрашивает, нет ли вестей от Вас. Прекрасная душа, Мерсеро. Отказываясь убивать, он добился права стать санитаром, но желая при этом показать, что не боится смерти, он не только спешит к раненым под пулями, но и просто-напросто оказывает им помощь на поле боя. И я, естественно, узнал об этом не от него. Он мне пишет письма, прекрасные, чистые[6].

Никакой литературы совсем не осталось... Ни «Меркюр де Франс», ни другие солидные журналы не выходят. Я сказал, что думаю только о войне, о Тех, кто сражается. Единственное, на что я способен, это отвечать на их письма, такие

благородные и вместе с тем такие теплые, нежные. Работать я не мог, но случались часы, когда я писал, дабы отчасти высказать то, что меня порою душит. Это статьи, в некотором роде поэмы, которые я назвал «Военные заметки». Посылаю Вам три из них вместе с этим письмом.

Дорогой друг, поскольку «Русская мысль» продолжает выходить, и поскольку я не пишу больше для нее писем о литературе и искусстве, так как этот цикл приостановлен, предложите, пожалуйста, эти три материала в журнал, заменив ими мои обычные статьи. Я прошу Вас *перевести их и, как всегда, вверяю их публикацию Вашей дружеской заботе. Предложите их «Русской мысли» в качестве цикла.* Я буду счастлив предоставить журналу право первой публикации, так как здесь я смогу напечатать эти вещи только после войны. Если по каким-либо причинам они не могут пойти в «Русскую мысль», поместите их в любое другое место по Вашему выбору. Но я думаю, «Русская мысль» их возьмет. За тот же гонорар, разумеется, получить который будет приятно!.. [7]

Напишите мне, пожалуйста, сразу *по получении этого* письма. Удовлетворите скорее мое желание получить от Вас известия. Как я Вам писал, мы ждем их теперь с величайшим нетерпением, надеясь отныне обмениваться письмами без опасений.

Напишите мне о Вашей жизни в России. Итак, до скорого, жду Вашего письма.

Г-жа Гиль передает дружеский привет г-же Брюсовой (к которому я присоединяю заверения в уважении и дружбе) и Вам лично.

Сердечно, со всем своим восхищением и благодарностью, крепко жму Вашу руку. Ваш

Рене Гиль

Оригинал — РГБ. Ф. 386, карт. 82. Ед. хр. 28.

[1] Письма Брюсова или Гиля за летние месяцы 1914 г. нам неизвестны.

[2] О поэтах, павших на фронтах Первой мировой войны, писал Волошин в очерке «Париж и война. Жертвы» (Биржевые ведомости. 1915, 26 июня (утренний выпуск)).

[3] Шарль Пеги (р. 1873 г.) погиб 5 сентября 1914 г.

[4] Поэт Оливье-Уркад (наст. имя — Огюст Виктор Мари Уркад, р. 1892) погиб 21 сентября 1914 г.

[5] Жак Нейраль погиб 20 декабря 1914 г., заколотый штыком.

[6] Есть сведения о том, что А. Мерсеро был ранен на фронте и многие годы спустя так и не смог до конца оправиться от ранения (*Fry Edward.* Le Cubisme. Cologne, 1966. P. 134).

[7] О получении данного письма И. М. Брюсова писала мужу на фронт в субботу 14 февраля: «Вчера я получила от Р. Гиля письмо, т. е. ты получил, я распечатала. Письмо, как всегда, нежное к тебе. Про войну много [...]. Шлет Гиль "Ecrits de Guerre" вместо обычных литературн[ых] статей в Русск[ую] Мысль. Что мне делать с этими экри? Шлю их Струве и пишу, что если он хочет, могу их перевести, так как мне уже случалось переводить Гиля» (Ф. 386, карт. 69. Ед. хр. 13. Л. 10. Сообщено Н. А. Богомоловым).

В архиве Гиля во Французской национальной библиотеке сохранились рукописи трех произведений, объединенных в цикл «Военные заметки» («Ecrits de guerre») с заголовками: «Везде и нигде» («Partout et Nulle part»), «На хрупкой земле» («Sur la terre fragile») и «Научная война» («Guerre scientifique»). Первое стихотворение датировано 21 декабря 1914 г., два других — 21 января 1915 г. На рукописи стоит пометка: «Отправлено в Россию

29 января» («Envoyé en Russie 29 janvier»). Перечисленные стихотворения в «Русской мысли» не публиковались. По-французски одно из них, «На хрупкой земле», было издано посмертно с небольшими модификациями и датировкой 28 января 1915 г. Публикация сопровождалась отрывком из комментируемого письма и следующей сноской: «Тесно связанный с Валерием Брюсовым, с которым он вел интенсивную переписку, Рене Гиль в отрывке из приводимого ниже письма объясняет причины, побудившие его к написанию своих "Военных заметок", до сего дня остававшихся неизданными. С разрешения г-жи Гиль наш журнал публикует здесь первое стихотворение цикла» [«Très lié avec Valère Brussov avec qui il a échangé une importante correspondance, René Ghil, dans le fragment de lettre ci-dessous, évoque les raisons qui l'ont conduit à composer ces *Ecrits de Guerre*, restés jusqu'à maintenant inédits, et dont la *Revue Européenne* publie, avec l'autorisation de Mme René Ghil, le premier» (Revue Européenne. 1931. №. 1, janvier. P. 21)].

104. RENÉ GHIL À MME BRUSSOV

16 bis rue Lauriston. Paris, 29 Avril 1915

Chère Madame,

Tout d'abord, merci de votre si intéressante lettre[1], — à laquelle Mme Ghil veut répondre elle-même. Elle l'eût déjà fait (bien qu'il n'y ait pas longtemps encore que nous ayons votre lettre, — que le voyage est long!), mais, depuis presque un mois, elle est au lit, et pour quelques jours encore, pour faire reposer un genou qui la gênait fort. Elle y avait pris froid, et l'avait trop négligé. Enfin, cela va être fini, — elle ne souffre pas, d'ailleurs, mais quel ennui! Et elle n'était pas à son aise pour écrire, lisant seulement.

Donc, bientôt elle vous écrira. Mais je voudrais vous dire notre contentement d'avoir de vos nouvelles, et de mon cher et grand ami Brussov, qui, de ses missions sur le front, rapportera de si grandes et poignantes visions, de larges méditations, pour demain[2].

Je le remercie, je vous remercie, chère Madame, de tout le soin que tous deux avez pris pour les trois *Ecrits de Guerre*, que je vous adressais. Puisque ce ne peut convenir à la *Pensée Russe*, où que les donne Brussov, ce sera parfait, naturellement. Je m'en remets à lui, comme toujours.

Et, voici que j'ai songé à une chose qui, à Moscou, est demeurée en souffrance, du fait de la guerre survenue alors.

Je fus en rapport avec le poète *Baltrouchaïtis*, que vous connaissez, certes, pour l'envoi d'Articles sur la Littérature générale, pour la Revue *Zaviet*[y][3].

Etant, même, en retard pour le premier envoi d'Article, en avril, je crois, je reçus la demande de cet article par télégramme. Je l'adressai alors, et M. Baltrouchaïtis, au nom de la Revue, m'écrivit pour me dire la satisfaction de la Rédaction, heureuse des idées que j'y exprimais. Et il me demandait un second article pour Août, ou plus tôt même.

La guerre m'empêcha d'adresser ce second article.

Mais le premier a dû nécessairement paraître, — ou du moins il est accepté, du fait du remerciement de la Rédaction, par M. Baltrouchaïtis.

Or, chère Madame, je voudrais vous faire une prière, m'en excusant, et vous remerciant déjà.

Entre vos multiples occupations, un jour ne pourriez-vous voir M. Baltrouchaïtis, qui, je crois, est à Moscou, — et, en lui portant mon souvenir et mes meilleurs compliments, voudriez-vous lui rappeler cet article, et le prier de ceci: puisque les relations postales existent sûrement, maintenant, entre la Russie et Paris, — qu'il veuille bien se charger de me faire envoyer, ou m'envoyer lui-même de la part de la Rédaction du *Zaviet[y]*, les honoraires de cet article. J'en aurais grand plaisir, dites-le lui.

Vous lui redonneriez mon adresse, n'est-ce pas?

Je vous remercie infiniment, et encore je m'excuse d'abuser ainsi de toute votre complaisance amicale[4].

— Dites à Brussov mon amitié, n'est-ce pas? combien j'ai été heureux de ses nouvelles, car j'ai si souvent pensé à lui depuis le commencement de cette guerre épouvantablement grande et nécessaire!

Bientôt, nous l'espérons, de vos nouvelles à tous deux. Et excusez Mme Ghil qui, ces jours prochains, enfin, va vous répondre. Elle vous envoie toutes ses amitiés et sa joie de votre lettre.

Je vous prie, chère Madame, avec merci, d'agréer mes hommages empressés et amis.

René Ghil

L'adresse de M. Baltrouchaïtis était: Pokrowsky Boulevard, 4. Moscou

104. РЕНЕ ГИЛЬ — И. М. БРЮСОВОЙ

Париж, ул. Лористон, д. 16 бис, 15 апреля 1915 г.

Уважаемая госпожа!

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Вас за крайне интересное письмо[1], на которое г-жа Гиль хочет ответить Вам сама. Она бы уже ответила (хотя Ваше письмо мы получили совсем недавно — как долго оно было в пути!), но с тех пор вот уже почти месяц она не встает с постели и должна придерживаться такого режима еще несколько дней, чтобы дать покой колену, доставившему ей немало неприятностей. Она его застудила, а потом не обращала на него внимания. Но скоро это закончится. Колено, кстати, уже не болит, но как это раздражает! У нее не было настроения писать и она только читала.

Итак, скоро она Вам напишет. Я же хочу передать Вам нашу радость от получения новостей о Вас и о моем огромном друге Брюсове, который из своих фронтовых командировок привезет острые, широкие картины, масштабные размышления — для завтрашнего дня[2].

Я благодарю его, благодарю Вас, уважаемая г-жа Брюсова, за всю ту заботу, которую Вы возложили на себя ради трех «Военных заметок», присланных Вам мною. Поскольку они не подходят для «Русской мысли», любое место, куда бы их ни отдал Брюсов, естественно, меня устроит. Я в этом, как всегда, полагаюсь на него.

И вот я подумал еще об одной вещи, не удавшейся в Москве из-за начавшейся войны.

Я договорился с поэтом Балтрушайтисом, которого Вы, конечно же, знаете, о посылке ему статей по общим вопросам литературы для журнала «Заветы»[3].

Запаздывая, кажется, в апреле, уже с первой статьей, я получил телеграмму с требованием выслать ее. Я тогда же ее отправил, и Балтрушайтис от имени редакции написал мне письмо, в котором выражал удовлетворение статьей, указывая, что редакция осталась довольна высказанными в ней мыслями. Он также просил у меня вторую статью для августовского или более раннего номера.

Война помешала мне выслать вторую статью.

Но первая должна была наверняка появиться или по крайней мере была принята, исходя из благодарности редакции, переданной через Балтрушайтиса[4].

В связи с этим, уважаемая г-жа Брюсова, я хотел бы обратиться к Вам с просьбой, заранее прося за нее прощения и заранее Вас за нее благодаря.

Среди Ваших многочисленных дел не могли бы Вы однажды выбрать время и повидаться с Балтрушайтисом, который, кажется, сейчас находится в Москве. Передайте ему, пожалуйста, от меня привет и наилучшие пожелания и, напомнив об этой статье, попросите о нижеследующем: поскольку почтовая связь между Россией и Парижем сейчас налажена и надежна, пусть он позаботится о том, чтобы мне выслали гонорар за эту статью или пусть он вышлет его сам от лица редакции журнала «Заветы». Передайте ему, что этим он окажет мне большую любезность.

Вы дадите ему снова мой адрес, не правда ли?

Я бесконечно благодарю Вас и вновь приношу извинения за то, что злоупотребляю Вашим дружеским снисхождением.

Передайте Брюсову мои дружеские пожелания. Как я был рад получить о нем известия! Я часто думал о нем с начала этой чудовищно гигантской, но необходимой войны!

Надеемся получить в скором времени вести от Вас обоих. И простите г-жу Гиль, которая в самые ближайшие дни Вам все же ответит. Она передает Вам самый теплый привет и говорит, что Ваше письмо доставило ей радость.

Прошу Вас, уважаемая г-жа Брюсова, принять вместе с моей благодарностью мое нижайшее, дружеское почтение.

Рене Гиль

Адрес Балтрушайтиса был: Москва, Покровский бульвар, дом. 4

Оригинал РГБ. Ф. 386, карт. 147, ед. хр. 69.

[1] Письмо И. М. Брюсовой к Алисе Гиль, вероятно, утрачено.

[2] С самого начала Первой мировой войны Брюсов — собственный корреспондент московской газеты «Русские ведомости» в Варшаве. Его корреспонденции, публицисти-

ческие статьи и очерки публиковались в газете, начиная с 8 августа 1914 г. В дальнейшем он планировал опубликовать их отдельной книгой.

[3] См. примечание 2 к письму № 101.

[4] Статья Гиля «Парижские письма. I. Два художественных театра» была опубликована в журнале «Заветы» (1914. № 6) в переводе Ю. Балтрушайтиса. Темой этой многословной статьи, отчасти повторявшей его последнюю публикацию в «Русской мысли», Гиль избрал описанные нами выше поэтические собрания в Театре Антуана, проведение которых, как он писал, «совпало с основанием двух художественных театров: "Идеалистического Театра" под руководством нового и очень талантливого поэта Карлоса Ларронда, и "Театра Старой Голубятни" (названного так по улице du Vieux Colombier, где он находится), судьба которого вверена очень значительному писателю — художнику, в одно и то же время артисту и директору своей труппы и исключительному администратору, Жаку Копо» (С. 8). Закончив подробное описание материальной и организационной стороны деятельности «Идеалистического театра» Гиль коротко перечислил его репертуар: «Мистерия Рыцаря, отдавшего свою Жену дьяволу» (XV век), «Св. Маргарита Кортонская» Вьеле-Гриффена, драма-балет П. Верлена «Изысканные празднества», «Мигуэль Манара» В. Милоша и «два изумительных театральных произведения С.-Поля Ру "Лики Личности" и "Черная Душа белого Приора"» (С. 10). Особое место в статье заняло описание выступления Вильмы Кнап, (см. примечание 6 к письму № 100), от которого Гиль перешел к рассказу о «Театре Старой Голубятни» во главе с Жаком Копо.

4 мая И. М. Брюсова писала мужу: «Получила от Гиля письмо, просит, чтобы Юргис уплатил ему гонорар за статью из "Заветов", кажется. Юргис с Марией Ив[ановной] уехали в Крым отдыхать» (Ф. 386, карт. 69. Ед. хр. 13. Л. 53 об. Сообщено Н. А. Богомоловым).

ПРИЛОЖЕНИЕ

105. MME GHIL À MME BRUSSOV

Paris, 12 décembre 1908

Chère Madame,

J'ai été bien heureuse de recevoir de vos nouvelles. Je pensais souvent à vous, et j'attendais une lettre avec impatience.

Vous voilà, maintenant, tout à fait réinstallée dans votre appartement, et je suis certaine que vous êtes bien contente de vous retrouver chez vous, après un aussi long voyage, mais qui aura été, pour vous, bien intéressant et plein de beaux souvenirs.

Je crois que nous serons longtemps avant de nous décider à aller en Russie! Nous serions bien heureux d'avoir des guides aussi aimables que vous deux, mais si nous entreprenions un grand voyage, je crois que nous nous en irions plutôt vers les pays de nos rêves, pays de soleil et de lumière...!

Nous en avions la nostalgie, la semaine dernière, où nous avons vécu dans du brouillard, si épais un soir que, pour traverser la place de l'Etoile, il fallait l'aide de sergents... munis de torches flambantes! Dans la journée, on ne pouvait rien faire dans les appartements sans avoir de lumière. Cela devenait affolant, cette nuit sans fin.

Cependant dimanche le brouillard s'est dissipé. Et nous avons revu le jour. Mais, depuis, il fait un temps de bourrasques et de pluie, bien désagréable.

Nous avons repris nos réceptions du vendredi, très animées de discussions et de causeries amicales, où il est bien souvent question de la Poésie Russe en la personne de M. Brussov qui laisse à tous ceux qui l'ont approché ici un si grand souvenir. Nous parlons souvent aussi de vous deux, mon mari et moi, et ne cessons de dire combien nous sommes charmés d'avoir fait votre connaissance, et de pouvoir désormais nous voir à travers nos lettres. Car j'espère, chère Madame, que vous m'écrirez parfois, me donnerez de vos bonnes nouvelles, et je serai heureuse aussi de venir, de temps à autre, causer avec vous...

Je vous prie de me rappeler à M. Brussov, et avec mes sentiments de durable sympathie, je vous apporte les hommages respectueux de M. Ghil, et toute son amitié à M. Brussov.

Je suis bien vôtre,

Alice-René Ghil

P. S. M. Ghil me charge aussi de vous remercier de lui avoir transmis de la part de votre mari ce qui concerne *la Balance*. Il va lui écrire ces jours très prochains.

105. АЛИСА ГИЛЬ — И. М. БРЮСОВОЙ

Париж, 12 декабря 1908 г.

Уважаемая госпожа,

Я была чрезвычайно рада получить от Вас весточку. Я часто думала о Вас и с нетерпением ждала Вашего письма.

Вы теперь, должно быть, совершенно устроились в Вашей квартире, и я уверена, что Вы очень рады вновь оказаться у себя дома после длительного путешествия, несмотря на то, что оно было для Вас интересным и оставило после себя прекрасные воспоминания.

Я думаю, что мы еще долго не решимся отправиться в путешествие в Россию! Мы были бы очень счастливы иметь в Вашем лице и в лице Вашего мужа столь любезных проводников, но если мы предпримем большое путешествие, я думаю, мы скорее поедем в страны, о которых мечтаем, страны солнца и света!..

Нам так их не хватало на прошлой неделе, прожитой нами в тумане, столь густом под вечер, что для того чтобы перейти через площадь Этуаль, требовалась помощь сержантов... с факелами в руках! Днем в квартире невозможно было чем-либо заниматься, не зажигая света. Эта бесконечная ночь начинала сводить с ума.

Однако в воскресенье туман рассеялся. И мы вновь увидели дневной свет. Но с тех пор стоит очень неприятная дождливая и ветреная погода.

Мы снова стали устраивать приемы по пятницам, чрезвычайно оживленные дискуссиями и дружескими беседами, в которых часто упоминается русская поэзия в лице г-на Брюсова, воспоминание о котором неизгладимо для всех тех, кто приблизился к нему здесь. Мы с мужем тоже часто говорим о Вас обоих и не перестаем повторять, как мы были рады нашему знакомству с Вами, а также представившейся отныне возможности продолжать общение благодаря нашим письмам. Я надеюсь, уважаемая госпожа, что Вы иногда будете мне писать, сообщать мне о Ваших новостях, и я, в свою очередь, буду счастлива иногда давать знать о себе и беседовать с Вами...

Прошу Вас передать мои наилучшие пожелания г-ну Брюсову, и, выражая мою неугасимую симпатию, прошу принять уверения в глубоком к Вам почтении со стороны г-на Гиля, а также передать его дружеские приветствия г-ну Брюсову.

Искренне Ваша,

Алис-Рене Гиль

P . S. Г-н Гиль также просит меня поблагодарить Вас за экземпляр «Весов», который Вы прислали нам по просьбе Вашего мужа. Он напишет ему в ближайшие дни.

106. MME BRUSSOV À MME GHIL

Moscou, le 31 août 1931

Chère Madame Ghil,

il y a longtemps que je devais répondre à votre aimable lettre et devais vous remercier pour *l'Hommage à René Ghil* que Mme Armène Ohaniane[1] m'avait remis il y a de cela deux années, je crois. Mais la vie de nos jours est trop compliquée, une personne âgée comme moi souvent ne peut tout comprendre, souvent on [n'ose [pas] écrire aux amis lointains.

Et cependant le souvenir du cher poète, de l'inoubliable René Ghil ne me quitte jamais, ayant constamment affaire aux manuscrits de mon feu poète, où le nom de René Ghil est si souvent mentionné. Ce nom n'est pas oublié non plus par quelques-uns des jeunes poètes et hommes de lettres que je rencontre aujourd'hui. Je dirais qu'il y a même une tendance de le ressusciter de l'oubli, dans lequel il s'était trouvé les toutes dernières années.

On est en train de faire récemment une traduction des poèmes de René Ghil, on vient d'annoncer plusieurs articles sur son oeuvre. Il y a surtout un jeune poète, qui avec fierté se classe parmi les poètes «scientifiques», un disciple fidèle de René Ghil, qui spécialement est occupé de l'étude de son oeuvre, il s'appelle Igor Postoupalsky[2], c'est lui qui me presse de vous écrire et de vous redemander les lettres de René Ghil à V. Brussov, celles que Mme Armène Ohaniane a d[û] vous remettre de ma part.

Je n'ai pas eu de nouvelles de Mme Armène O[haniane] depuis son départ de Moscou, au fond je ne la connais pas du tout, je ne l'ai vu[e] qu'une seule fois dans ma vie, mais elle a si bien parlé de Vous et de René Ghil que je lui ai confié les lettres qui me sont si chères... enfin j'espère qu'elles vous sont parvenues.

Mr. Postoupalsky prépare une bibliographie des plus minutieuse[s] sur René Ghil pour compléter son ouvrage il veut étudier ses lettres qui lui aideront à éclairer les étapes du poète. Ce jeune homme me demande aussi de vous prier de lui envoyer tout ce que vous pouvez des oeuvres de René Ghil, ce qu'il cherche surtout c'est le *Choix de poèmes*, Paris 1928. Nous sommes privés de possibilité d'acheter des nouveautés étrangères à cause du changement général dans l'univers entier. Cet absence des livres complique beaucoup notre travail et nous oblige de nous adresser aux amis de nous les envoyer par amabilité.

Pour ne pas vous causer trop d'embarras avec l'envoi des lettres et des livres, Mr. Postoupalsky a prié sa soeur Mme Bouchec, qui en ce moment se trouve à Paris, de passer chez Vous et de Vous présenter une lettre de ma part que je lui envoie dans une lettre de son frère.

Il faut vous prévenir que Mme Bouchec n'est pas du tout au courant de la littérature, je crois que les noms de René Ghil et de Valère Brussov ne lui sont pas connus, elle passera chez Vous pour rendre un service à son frère.

J'espère avoir une réponse à ma lettre, on peut dire une lettre d'affaire, mais comme il est difficile de dire des choses intimes et de trouver des paroles ferventes aux amis avec lesquels on est séparés pour des années et même peut-être pour toujours. On

a si peu d'espoir de se revoir. Quand même j'attends de vos nouvelles pour savoir comment vivez-vous maintenant, quand notre cher maître n'est plus avec Vous?

Quant à moi, je ne vis pas dans la solitude, je suis entourée de neveux et nièce[s] qui font leurs études, il y en a quatre avec moi. Je suis tellement occupée que je n'ai pas le temps de travailler comme je l'aurais voulu sur les oeuvres de Brussov, dont le nom, comme celui de son maître n'est pas en grande faveur en ces jours de grandes constructions. Mais espérons que d'autres jours viendront pour nos poètes.

Mon adresse est toujours la même: U. S. S. R. Moscou. Москва «10» 1ая Мещанская, 32, кв. 2. И. М. Брюсовой. Agréez, chère Madame, mon meilleur respect, mon salut profond du pays lointain, du pays grandement renouvelé par un coup heureux d'histoire.

Tout à vous Jeanne Brussov

106. И. М. БРЮСОВА — АЛИСЕ ГИЛЬ

Москва, 31 августа 1931 г.

Дорогая г-жа Гиль!

Я давно должна была ответить на Ваше любезное письмо и поблагодарить Вас за книгу «В честь Рене Гиля», которую г-жа Армен Оганян[1] передала мне, кажется, уже два года тому назад. Но жизнь в наши дни слишком сложна, и, поскольку пожилой человек вроде меня часто не может во всем разобраться, зачастую бывает трудно решиться написать далеким друзьям.

И тем не менее, воспоминание о дорогом поэте, о незабвенном Рене Гиле никогда не покидает меня, поскольку я постоянно работаю с рукописями моего покойного поэта, в которых имя Рене Гиля упоминается столь часто. Это имя также не забыто несколькими молодыми поэтами и филологами, с которыми я сейчас общаюсь. Я сказала бы, что существует даже тенденция воскресить его из забвения, в котором оно пребывает на протяжении всех этих последних лет.

В настоящее время делается перевод стихотворений Рене Гиля, недавно было объявлено о выходе нескольких статей о его творчестве. Изучением творчества Рене Гиля в особенности занят один молодой поэт по имени Игорь Поступальский[2], который с гордостью относит себя к «научным» поэтам и считает себя его верным учеником. Он торопит меня написать Вам и попросить вернуть письма Рене Гиля, обращенные к В. Брюсову, те, которые г-жа Оганян должна была передать Вам от меня.

Я не имела сведений от г-жи Армен Оганян со времени ее отъезда из Москвы, в действительности я ее совсем не знаю, я видела ее лишь раз в жизни, но она так тепло отзывалась о Вас и о Рене Гиле, что я доверила ей письма, которые мне столь дороги... я все же надеюсь, что они дошли до Вас.

Поступальский готовит подробнейшую библиографию произведений Рене Гиля и работ о нём и, чтобы дополнить свою работу, хочет изучить его письма,

которые помогут ему осветить этапы жизни и творчества поэта. Этот молодой человек также просит меня обратиться к Вам с просьбой прислать ему все, что возможно из произведений Рене Гиля. Он, в частности, разыскивает его «Избранные стихотворения» (Париж, 1928)[4]. В связи с общими изменениями в мире у нас нет возможности покупать иностранные новинки. Отсутствие книг очень усложняет нашу работу и вынуждает нас обращаться к друзьям с просьбой любезно прислать их нам.

Чтобы излишне не утруждать Вас отсылкой писем и книг, г-н Поступальский попросил свою сестру, г-жу Бушек, которая в настоящий момент находится в Париже, зайти к Вам и передать Вам от меня письмо, которое я вложу в письмо от ее брата.

Считаю нужным предупредить Вас, что г-жа Бушек не имеет ни малейшего представления о литературе. Думаю, что имена Рене Гиля и Валерия Брюсова ей неизвестны, она зайдет к Вам, чтобы оказать услугу своему брату.

Я надеюсь получить от Вас ответ на это письмо, которое можно назвать деловым, но так трудно выразить личные чувства и найти теплые слова для друзей, с которыми разлучаешься на годы, а, возможно, и навсегда. У нас так мало надежды увидеться вновь. Я все-таки буду ждать от Вас вестей, чтобы узнать, как Вы живете теперь, с тех пор, как наш дорогой Учитель больше не с Вами.

Что касается меня, то я не одинока, я окружена племянниками и племянницами, они учатся, четверо из них живут со мной. Я настолько занята, что у меня нет времени работать с той тщательностью, с какой бы я хотела, над произведениями Брюсова, имя которого, как и имя его учителя, не очень популярно в наши дни великих строек. Но будем надеяться, что придет время и для наших поэтов.

Мой адрес все тот же : СССР, Москва «10», 1-ая Мещанская, д. 32, кв. 2, И. М. Брюсовой.

Примите, дорогая госпожа, уверения в моем глубоком уважении к Вам и мои приветствия из далекой страны, грандиозно обновленной благодаря счастливому повороту истории.

Ваша Иоанна Брюсова

На бланке «Кружок памяти Валерия Брюсова. Москва, 1ая Мещанская, 32. Тел. 1-87-90».

[1] Настоящее имя — София Пирбудагян (1887—1976). Родилась в г. Шемаха на границе Дагестана и Азербайджана. С 1908 г. работала в Тифлисском оперном театре. С 1910 по 1950 г. жила в Константинополе. Неоднократно приезжала в Париж. В 1950 г. эмигрировала в Мексику. Писала на французском языке. Автор книг «Танцовщица из Шемахи» («La Danseuse de Shamakha», с предисловием А. Франса, 1918), «В когтях цивилизации» («Dans les Griffes de la Civilisation», 1921), «Солист ее величества» («Le soliste de sa Majesté», 1929), «Смех заклинательницы змей» («Les Rires d'une Charmeuse de Serpents», 1931) и др. В 1920-е гг. была тесно связана с кругом Гиля, переписывалась с ним, писала критические работы под его руководством. Побывала в этот период в России. По возвращении опубликовала очерк «Поэты в российском вихре» (Les Poètes dans la Tourmente Russe // Revue de l'Epoque. 1922, mai). Русскую литературу знала понаслышке, основываясь скорее на ощущениях и воспоминаниях, чем на прочитанном и изученном. В своих путевых заметках «На шестой части суши. (Путешествие в Россию)» («Dans la sixième partie du monde (Voyage

en Russie)»), выдержавших к 1928 г. 11 изданий, приписала стихотворение «О, закрой свои бледные ноги» Бальмонту, а Блока зачислила в самоубийцы.

[2] Поступальский Игорь Стефанович (1907—1990) — литературный критик, переводчик, поэт. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. рецензент поэтических новинок в журнале «Новый мир». Писал о В. Хлебникове и футуризме. Переводил стихи украинских поэтов. В 1936 г. был обвинен в организации литературной группы, независимой от Союза писателей, и репрессирован. В дальнейшем занимался французской и итальянской поэзией, переводил, подготовил ряд изданий серии «Литературные памятники» (А. Рембо, Ш. Бодлер). В 1934 г. опубликовал перевод отрывка из книги Гиля «Орден альтруистов», названный им «К оружью! Граждане Европы...», предварив публикацию следующим предисловием (приводим с небольшим пропуском):

«Ренэ Гиль (René Ghil) родился в 1862 г., в Туркуане, на севере Франции, в мелкобуржуазной семье. В 1870 г. родители привезли Гиля в Париж, где он был свидетелем осады и Коммуны. Учился Гиль в лицее Кондорсэ. Первую книгу стихов выпустил в 1885 г., первую работу по теории научной поэзии — в 1886. Умер Гиль в 1925 г.

Основное в творческом наследии Гиля, это — "Творение", монументальный эпос (над которым поэт работал всю жизнь) и два трактата о научной поэзии. Когда Гиль самоопределился в качестве научного поэта, Верхарн писал: "Верных лет двадцать придется ему подвергаться свисткам". По существу же, Гиль слышал эти "свистки" до последнего дня, Но еще примечательнее, что во Франции Гиля плохо поняли даже его ученики. В буржуазном обществе Гиль оказался по плечу только умнейшим своим современникам (например, во Франции его идеи понял и со всей мощью реализовал в своем творчестве Верхарн; например, в дореволюционной России Гиля пропагандировал Брюсов, — кстати сказать, по-новому подходивший к задачам научной поэзии в последние годы своей жизни). Являясь поэтом-идеологом передовой части научно-технической интеллигенции, Гиль отчасти преодолел ограниченность буржуазного миропонимания. Он вырос, как поэт и теоретик, на отрицании идеалистической философии и с полным правом может быть назван "стихийным материалистом". Типу поэта, сочиняющего стихи по любому поводу, Гиль противопоставил свой идеал поэта-мыслителя, осуществляющего поэтическое дело планомерно и стоящего на высоте научных знаний. "Творение" Гиля охватывает вселенную во всех проявлениях ее бытия, от космических процессов до ученых лабораторных изысканий, от первых шагов человека на земле до эпохи разрушения классовых обществ. Гиль дал образчики замечательного научно-поэтического постижения природы, исходя из эволюционной теории Дарвина. Раньше Верхарна Гиль создавал поэзию индустриального города, фабрик, железных дорог и т. д. Внимание его часто устремлялось к социальным вопросам, причем симпатии Гиля принадлежали трудящимся классам, рабочим и крестьянам. Интересны сатиры Гиля на буржуазию, разоблачающие ее эксплуататорскую деятельность и ханжество. Поэтому не случайна та фальшивая версия, которая создана буржуазным литературоведением по поводу Гиля, поэтому не случайно, что Гиля всячески "забывают" в современной Франции.

К сожалению, должного понимания Гиля нет и у нас. Этому способствует, с одной стороны, отсутствие соответствующей литературы о поэте (после дореволюционных статей Брюсова, теперь во многом устаревших и к тому же до сих пор погребенных в журналах, на русском языке появилась только безграмотная заметка некоего С. Р. в "Лит. энциклопедии"), с другой стороны, очень небольшое количество переводов (Гиля переводили только Брюсов, И. Тхоржевский и М. Кузмин, причем переводили вещи не слишком характерные). Между тем, Гиль, бесспорно, является нашим культурным наследием, которое необходимо критически освоить. Поэт, [...] теоретик, идеи которого всячески лжеистолковывались или попросту не принимались буржуазией, — Гиль, конечно, достоин внимания и изучения — тем более, что вопрос о научной поэзии у нас по-новому ставит сама действительность» (Знамя. 1934. № 7. С. 163—164).

107. MME BRUSSOV À MME GHIL

[Octobre-novembre 1931]

Bien chère Madame Ghil,

Permettez-moi de Vous présenter Mme Anastasie Bouchec, la dame qui Vous remettra cette lettre.

C'est la soeur du jeune poète russe, dont je Vous ai parlé dans ma dernière lettre, celui qui s'intéresse si vivement à la poésie de René Ghil, qui est son traducteur.

Il faut que je commence ma lettre par des excuses, c'est vraiment impardonnable de ma part d'avoir mis tant de temps à envoyer cette lettre à Mme Bouchec. Mais plus la vie est pressée, moins on a de temps à sa disposition. Donc il y a deux mois que je me suis adressée à Vous avec des demandes suivantes:

la première — prière de remettre à Mme A. Bouchec toutes les lettres de René Ghil adressées à V. Brussov, celles que je vous ai envoyées par Mme Armène Ohanian[e]. (C'était en 1929 Mme A. Ohanian[e] habitait alors Paris, 5. Passage Doisy, Etoile). J'espère que les lettres sont chez Vous;

ma seconde prière ou plutôt celle de mon jeune ami, M. Postoupalsky, c'est d'avoir la bonté de nous envoyer aussi par Mme Bouchec, tout ce que Vous pourrez en fait des livres de René Ghil, ils sont si rares chez nous et on en a tant besoin.

Enfin je Vous adresse ma toute dernière prière c'est de ne pas m'oublier, de me donner de Vos nouvelles et de me tenir au courant de nouvelles éditions de notre Maître qui n'est plus parmi nous...

Je vous remercie d'avance pour tout ce que Vous allez faire pour moi. Pardonnez-moi que je Vous cause tant de troubles.

Agréez, chère Madame, toute ma sympathie et mon plus profond salut.

Jeanne Brussov

P. S. Mon adresse est toujours la même: U. S. S. R. Moscou, 1 ère Miestchanskaïa, 32,2.

С.С.С.Р. Москва «10» 1ая Мещанская, 32, 2
И. М. Брюсовой.

107. И. М. БРЮСОВА — АЛИСЕ ГИЛЬ

[октябрь-ноябрь 1931 г.]

Дорогая госпожа Гиль!

Позвольте мне представить Вам г-жу Анастасию Бушек, даму, которая передаст Вам это письмо.

Это сестра молодого русского поэта, о котором я Вам рассказывала в моем последнем письме, это он живо интересуется поэзией Рене Гиля и является его переводчиком.

Письмо мое следует начать с извинений: с моей стороны было непростительно потратить столько времени на отправку этого письма г-же Бушек. Но чем быстрее идет жизнь, тем меньше времени оказывается в нашем распоряжении. Стало быть, два месяца тому назад я обратилась к Вам со следующими просьбами:

Первая просьба — передать г-же А. Бушек все письма Рене Гиля, адресованные В. Брюсову, те, которые я Вам послала через г-жу Армен Оганян. (Это было в 1929 г., г-жа Оганян жила в то время в Париже, Пассаж Дуази, д. 5, Этуаль). Я надеюсь, что эти письма у Вас;

моя вторая просьба, вернее, просьба моего молодого друга, г-на Поступальского, — состояла в том, чтобы любезно передать нам, также через г-жу Бушек, все, какие только возможно, книги Рене Гиля, они так редки у нас, а мы так в них нуждаемся.

Наконец, я обращаюсь к Вам с самой последней просьбой: не забывать меня, сообщать мне новости о себе и держать меня в курсе новых изданий нашего Учителя, которого больше нет с нами.

Благодарю Вас заранее за все, что Вы сделаете для меня. Простите меня за то, что я доставляю Вам столько беспокойства.

Примите, дорогая госпожа, уверения в моей симпатии к Вам и мои искренние приветствия.

Иоанна Брюсова

P. S. Мой адрес все тот же : СССР, Москва «10», 1-ая Мещанская, д. 32, кв. 2, И. М. Брюсовой.

На бланке «Кружок памяти Валерия Брюсова. Москва, 1ая Мещанская, 32. Тел. 1-87-90». Датируется по содержанию.

108. S. MAKACHINE À MME GHIL

Moscou, le 18 mai, 1933

Madame,

La Rédaction de la Revue *HERITAGE LITTERAIRE*[1] se permet de Vous adresser la demande suivante:

Nous avons entrepris l'édition d'un numéro spécial de notre revue au sujet des rapports littéraires franco-russes. Conformément au caractère de notre revue, les essentielles publications de ce numéro représenteront [divers] documents manuscrits — lettres inédites, manuscrits etc.

Parmi les matériaux destinés à l'édition une place importante sera assignée aux archives du poète Valère Brussov, — à sa correspondance avec un groupe d'illustres poètes, écrivains et hommes d'art de France. Ces archives ont été aimablement mises à notre disposition par madame la veuve Valère Brussov.

A notre grand regret, nous ne trouvons pas parmi les documents de V. Brussov les lettres qui lui ont été adressées par feu votre mari, le poète René Ghil. Selon l'indication de Mme Valère Brussov ces lettres vous avaient été remises l'année 1929 et se trouvent en ce moment en votre possession. Le manque des lettres de René Ghil à V. Brussov rendra notre publication incomplète et formera une lacune sensible dans l'unité de notre collection.

En but d'approfondir notre sujet nous voudrions insérer en même temps les lettres de Brussov à René Ghil et de sorte publier toute la correspondance entre les deux poètes. Ainsi le Comité de notre rédaction Vous serait extrêmement reconnaissant si Vous pouviez lui procurer aussi les copies de ces lettres.

C'est encore avec une dernière prière que nous nous adressons à Vous. Il se peut que Vous gardez dans les archives de René Ghil la correspondance d'autres poètes ou d'hommes de lettres russes avec lesquels le Maître avait pu être en relations littéraires du temps des symbolistes et poètes scientifiques. Vous nous obligeriez beaucoup, Madame, en nous envoyant aussi les copies des lettres de ce genre.

Nous nous hâtons de vous prévenir que, quoique disposant de la valeur étrangère en somme bien restreinte, nous rembourserons, bien entendu, toutes les dépenses concernant cette affaire comme copies, photographies des documents etc. etc.

Nous nous permettons de Vous remercier d'avance pour tous les troubles causés par notre demande. Dans l'espoir d'avoir Votre réponse, nous Vous prions, Madame, d'agréer l'assurance de notre considération.

S. Makachine
Rédacteur de la Revue *Héritage Littéraire*.

Москва, 6
С.С.С.Р.
Литературное Наследство
Редакция
Страстной бульвар 11
Moscou
U. R. S. S.

108. С. А. МАКАШИН — АЛИСЕ ГИЛЬ

Москва, 18 мая 1933 г.

Уважаемая госпожа!

Редакция серии «Литературное Наследство»[1] позволяет себе обратиться к Вам со следующей просьбой:

Мы приступили к изданию специального тома нашей серии, посвященного французско-русским литературным связям. Согласно характеру нашей серии, основные публикации этого тома будут представлять собой различные рукописные документы — неизданные письма, рукописи и т. д.

Среди материалов, предназначенных к публикации, важное место будет уделено архивам поэта Валерия Брюсова, его переписке с группой знаменитых поэтов, писателей и деятелей искусства Франции. Эти архивы были любезно предоставлены в наше распоряжение вдовой Валерия Брюсова.

К нашему великому сожалению, мы не нашли среди документов В. Брюсова писем, которые были адресованы ему Вашим покойным мужем, поэтом Рене Гилем. Согласно указанию г-жи Брюсовой, эти письма были переданы Вам в 1929 г. и находятся в настоящее время у Вас. Отсутствие писем Рене Гиля, адресованных В. Брюсову, сделает наше издание неполным и создаст чувствительный пробел в целостности нашей коллекции.

В целях придания большей глубины нашей теме мы хотели бы одновременно поместить письма Брюсова к Рене Гилю и, таким образом, опубликовать переписку двух поэтов. В этой связи редакционная коллегия была бы чрезвычайно признательна Вам, если бы Вы могли также предоставить ей копии и этих писем.

Мы, наконец, обращаемся к Вам с последней просьбой. Возможно, Вы храните в архиве Рене Гиля его переписку с другими русскими поэтами или деятелями искусства, с которыми уважаемый Мастер поддерживал литературные связи в эпоху символизма или научной поэзии. Уважаемая госпожа, Вы оказали бы нам большую услугу, если бы смогли прислать нам копии подобных писем.

Спешим сообщить Вам, что, несмотря на то, что мы располагаем очень ограниченным количеством иностранной валюты, мы, безусловно, возместим Вам все расходы касательно этого дела, такие, как копирование, фотографирование документов и прочее.

Позволяем себе заранее выразить Вам свою благодарность и просим прощения за беспокойство, связанное с нашей просьбой. В надежде получить от Вас ответ мы просим, уважаемая госпожа, принять уверения в нашем почтении.

С. Макашин
Редактор серии «Литературное Наследство»

СССР
г. Москва, 6
Страстной бульвар, д. 11
«Литературное Наследство»
Редакция

Машинопись на бланке редакции «Литературного наследства».

[1] «Литературное наследство» — серия Академии Наук СССР, основанная в 1931 г. В сборниках серии, выходящих без соблюдения периодичности, осуществляется публикация неизданных документальных материалов по истории русской литературы и общественной мысли (писем, дневников, неопубликованных произведений, документов о жизни

писателей, портретов). К настоящему времени вышло ок. 100 томов тематического характера.

109. I. SILBERSTEIN À MME GHIL

A Madame René Ghil

16-bis, Rue Lauriston,
PARIS (XVI-ème)

Moscou, le 8 avril 1935.

Madame,

Il y a près d'un an, nous vous avions informé[e] de notre intention de publier un recueil spécial de notre Revue consacré aux rapports culturels et littéraires franco-russes. Des causes de différente nature nous ont fait ajourner la publication de ce recueil, et sa parution n'aura lieu que dans le courant de cette année. C'est seulement à l'heure actuelle que nous entreprenons un travail pratique pour réaliser notre projet. Nous nous permettons, en conséquence, de vous réitérer notre prière de vouloir bien nous faire tenir les copies des lettres de feu M. Votre époux à V. Brussoff qui vous avaient été restituées par la veuve du poète russe. Ainsi que nous vous en avions informé[e], A. M. Brussova, veuve de Valère Brussoff, a eu l'obligeance de mettre à notre disposition les lettres de son mari à M. René Ghil pour notre publication projetée. Mais en tant que notre recueil a pour objet d'éclairer toutes les questions qui ont trait aux relations réciproques des auteurs français et russes, il nous serait naturellement bien intéressant de publier en regard les lettres des deux correspondants.

En dehors de cela, le poète M. Taloff[1], dont vous vous rappelez probablement, nous a communiqué quelques autographes de M. René Ghil pour être insérés dans notre recueil, entre autres, les autographes de deux pièces de vers destinées pour les recueils: *L'Ordre altruiste* et *Le Voeu de vivre*, tome II, livre III de *Dire du mieux* (I-ère partie de [l']*Oeuvre*). Le premier fragment est intitulé: *Les mois lourds*; il commence par le vers:

«Mais sois de sang turgide à d'épaisse atmosphère...» et se termine par le vers: «L'humidité vivante en quête de lumière multiple».

Le second «fragment» est intitulé: «Multitude auponant [?] du soleil»; il commence ainsi:

«Oui. Et l'automouvante énergie transporte...» et se termine par le vers: «De métal, ta Main se démesure et s'irrite».

D'après les renseignements de M. Taloff, ces vers n'auraient pas été publiés; toutefois, n'étant plus au courant comme autrefois de la vie littéraire de la France, il ne

peut garantir l'exactitude de ce renseignement. Nous ne sommes pas en mesure de le vérifier de notre part, n'ayant pas à notre disposition les dernières publications de poètes français. Nous prenons donc la liberté de vous prier de nous informer, si ces vers ont été publiés ou non, et dans le dernier cas de nous autoriser à les publier.

Voici enfin une dernière prière. Notre Revue reproduit ordinairement sur ses pages des illustrations. Nous vous serions bien reconnaissants de nous faire savoir, si dans les papiers de M. René Ghil ne se seraient pas conservés des portraits d'écrivains russes avec leurs autographes, des livres de ceux-ci avec dédicaces, en particulier des livres de V. Brussoff. Tout ceci présenterait pour nous un grand intérêt.

Comme la préparation de notre Numéro franco-russe se poursuit à un rythme accéléré, nous vous prions de vouloir bien nous faire parvenir votre réponse à ce qui précède dans le plus bref délai. Quant aux frais que pourrait comporter la copie des lettres, etc... la rédaction de la Revue se chargera naturellement de cette dépense.

En définitive nous croyons devoir vous informer que notre recueil franco-russe sera publié en deux langues, en russe et en français, ce qui le fera accessible au public français.

Dans l'attente d'une réponse favorable et prompte de votre part, nous vous prions, Madame, d'agréer l'assurance de nos sentiments très distingués.

Directeur de la Revue *Littératournoie Nasledstvo*
I. Silberstein
U. R. S. S. Moscou, 6
11, Strastnoi Boulevard,
«Littératournoie Nasledstvo»

109. И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН — АЛИСЕ ГИЛЬ

Госпоже Рене Гиль
Париж (16-й округ)
Ул. Лористон, д. 16 бис

Москва, 8 апреля 1935 г.

Уважаемая госпожа!

Около года тому назад мы сообщили Вам о нашем намерении опубликовать специальный том нашей серии, посвященный французско-русским культурным и литературным связям. Причины разного рода вынудили нас отложить публикацию этого сборника, который появится только в течение текущего года. Лишь в настоящее время мы приступаем к практической работе по осуществлению нашего проекта. В связи с этим мы позволяем себе вновь обратиться к Вам с просьбой любезно предоставить нам копии писем Вашего покойного супруга, адресованные В. Брюсову, писем, которые были возвращены Вам вдовой русского поэта. Как мы уже Вам сообщали, вдова Валерия Брюсова, И. М. Брюсова,

любезно предоставила в наше распоряжение письма своего мужа, направленные г-ну Рене Гилю, для нашей запланированной публикации. Однако, поскольку наш сборник имеет целью осветить все вопросы, касающиеся взаимоотношений русских и французских авторов, нам, безусловно, было бы чрезвычайно интересно опубликовать параллельно письма обоих корреспондентов.

Помимо этого, поэт М. Талов[1], которого Вы, возможно, помните, передал нам для публикации в нашем сборнике несколько рукописей г-на Рене Гиля, в том числе, рукописи двух стихотворных отрывков, предназначенных для сборников: «Орден альтруистов» и «Обет жить», том II, книга III, «Сказание о лучшем» (1-ая часть «Творения»). Первый отрывок называется : «Les mots lourds»; он начинается строками:

«Mais sois de sang turgide à d'épaisse atmosphère...» и заканчивается «L'humidité vivante en quête de lumière multiple».

Другой «отрывок» называется: «Multitude auponant [?] du soleil»; он начинается так: «Oui. Et l'auto-mouvante énergie transporte...», а заканчивается строкой «De métal, ta Main se démesure et s`irrite».

По сведениям г-на Талова, эти стихи не были опубликованы, однако, не будучи, как прежде, в курсе литературной жизни Франции, он не может гарантировать достоверность этих сведений. Мы, со своей стороны, не имеем возможности проверить эту информацию, не имея в распоряжении публикаций французских поэтов. Мы, таким образом, берем на себя смелость обратиться к Вам с просьбой сообщить нам, были ли опубликованы эти стихи или нет, и, во втором случае, разрешить нам их публикацию.

И, наконец, последняя просьба. Наша серия обычно публикует на своих страницах иллюстрации. Мы были бы чрезвычайно Вам благодарны, если бы Вы сообщили нам, не сохранилось ли в бумагах г-на Рене Гиля портретов русских писателей с их автографами, их книг с посвящениями, в частности, книг В. Брюсова. Все это представляет для нас большой интерес.

Поскольку подготовка нашего французско-русского тома происходит в ускоренном темпе, мы просим Вас дать нам ответ по вышеуказанным пунктам в кратчайшие сроки. Что касается расходов, связанных с копированием писем и т. д., редакция серии, естественно, возьмет их на себя.

В заключение, мы считаем нужным известить Вас, что наш французско-русский сборник будет опубликован на двух языках, французском и русском, что сделает его доступным для французской публики.

В ожидании благосклонного и скорого ответа с Вашей стороны мы просим Вас, уважаемая госпожа, принять уверения в нашем глубочайшем почтении.

Руководитель серии «Литературное Наследство»
И. Зильберштейн

СССР. Москва, 6
Страстной бульвар, д. 11
«Литературное Наследство»

Машинопись на бланке редакции «Литературного наследства».

[1] Марк Владимирович (Марк-Мария-Людовик) Талов (1892—1969) — поэт, переводчик. В 1913 г., проходя срочную службу в армии, покинул часть и нелегально перешёл границу. Поселился в Париже. Печатался в периодической печати. В 1923 г. вернулся через Берлин в Россию. Жил в Москве. Работал в редакции газеты «Гудок» и др. В 1927—1934 гг. член Всероссийского союза поэтов. Свою первую книгу стихов «Чаша вечерняя» выпустил Одессе в 1912 г. В Париже издал два новых сборника — «Любовь и голод» (1921) и «Двойное бытие» (1922). Там же познакомился с Гилем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Составил М. Д. Эльзон. Курсивом выделены страницы вступительной статьи. Письма отражены под их *номерами,* через косую черту приведены номера *примечаний* к соответствующему письму.

СОДЕРЖАНИЕ

Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904—1915 / Составление, подг. текста, вступ. статья, примеч. Р. Дубровкина; перевод с французского Р. Дубровкина, И. Григорьевой, Е. Смагиной-Варон; подг. французского текста П.-И. Мюллер — СПб.: Академический проект, 2004 — 512 с.

Для истории русского символизма неоценимое значение имеет предпринимаемая Р. Дубровкиным публикация переписки Брюсова с Гилем, приоткрывающая многие скрытые детали и обстоятельства в истории русско-французских литературных связей, показывающая истоки и корни поисков самого Брюсова в «постсимволистский» период его творчества. Публикация такого обширного (более ста писем) и содержательного массива документов — событие неординарное даже для нашего времени.

Подробный комментарий, обстоятельная вступительная статья раскрывают перед нами живую жизнь культуры с неудовлетворенными амбициями, намеренными искажениями перспективы, самомоделированием и переверстыванием традиции. Эта публикация важна не только для адекватного и всестороннего понимания происходивших в начале века в России культурных процессов, но и для соотнесения их с процессами, имевшими место в Европе, прежде всего во Франции.

ISBN 5-7331-0300-0

Переплет *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *А. Т. Драгомощенко*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 11.10.2004. Формат 60Ч90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 32. Уч. изд. п. л. 38.
Тираж 3000 экз. Первый завод 700 экз. Заказ № 43.

Гуманитарное агентство “Академический проект”
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии “Град Петров” ООО ИД “Петрополис”
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, пом. 12
www.petropolis-ph.spb.ru